This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 944 301

Digitized by Google

P Slav 507.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

XV. 1906.

Образованіе.

ЖУРНАЛЪ

Литературный

и

общественно-политическій.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-лит. Б. М. Вольфа, Невскій, 126.
1906.

4921
1—16

Digitized by Google

Δ
PSlav 507.5 (1906/11)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
19 APR 1966

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

1. Больные. Разсказъ **О. Миртова** . . . . . 1—24
2. Движеніе среди служащихъ и рабочихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1905 году **В. Романова** . . . . . 25—64
3. Современная община и аграрный вопросъ **А. Шлихтера** (продолженіе) . . . . . 65—84
4. Подлое состояніе. Разсказъ **А. Гольдебаева** (окончаніе) . . . . . 85—107
5. Вѣтеръ. Стихотвореніе **Е. Тарасова** 108
6. Очеркъ развитія профессіональнаго движенія въ г. С.-Петербургѣ. **В. Гриневича** (окончаніе) 109—128
7. Очерки русско-нѣмецкой дружбы **А. Коврова** (окончаніе) . . . . . 129—158
8. Осенніе цвѣты. Стихотвореніе **О. Боголюбовой**. . 154
9. Къ исторіи русской журналистики и общественности **А. Ершова** (продолженіе) . . . . . 155—198
10. Въ борьбѣ съ жизнью. Романъ **Т. Швабе**, перев. съ нѣмецк. *В. Исполатовой* (продолженіе) . . 199—223
11. * * * Стихотвореніе **Г. Галиной** 224
12. Тайная проституція **д-ра Б. Бентовина** . . . . 225—245
13. Изъ Поля Верлена. Стихотвореніе **Зин. Ц.** . . . 246
14. Рабочій классъ и парламентаризмъ **П. Берлина** (окончаніе) . . . . . 247—265
15. За идеаломъ. Романъ **Г. Френзена**, перев. съ нѣмец. (продолженіе) . . . . . 266—282

ОТДѢЛЪ II.

16. Мелкобуржуазная утопія **П. Орловскаго** . . . . 1—18
17. Замѣтки философа. О настоящихъ анархистахъ **А. Луначарскаго** . . . . . 19—39
18. *ПИСЬМО ИЗЪ ПРОВИНЦІИ* (Изъ Вятки). Наши правители **Г. К.** . . . . . 40—45

Digitized by Google

СТРАН

19. *КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.* 1. Д. Ратгаузъ. Полное собраніе стихотвореній. **Л. Вас—аго.** 2. З. Красинскій. Небожественная комедія. **А. Налимова.** 3. Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. **А. Налимова.** 4. М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ. **М. Ольминскаго.** 5. М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ. **Его же.** 6. П. И. Пестель. Русская Правда. **Его же.** 7. Декабристы. **М. О.** 8. П. Эльцбахеръ. Анархизмъ. **Б. Вологдина.** 9. Гуго и Штегманъ. Справочная книга соціалиста. **Б. В—на.** 10. И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. **Д. Зайцева.** 11. А. Веснинъ. Сѣверо-Американскіе тресты. **Д. М. З.** 12 К. Каутскій. Аграрный вопросъ. **С. А.** 13. Вл. Громанъ. Земельный вопросъ и земельные проекты. **Б. Веселовскаго.** 14. Матеріалы къ крестьянскому вопросу. **Его же.** 15. Обзоръ иностран. законодательствъ по урегулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. **Д. Никольскаго.** 16. С. Я. Цейтлинъ. Учредительныя и законодательныя собранія въ конституціонныхъ государствахъ. **П. Берлина.** 17. Новыя книги поступившія въ редакцію . . . . . 58—91

20. *ХРОНИКА РУССКОЙ ЖИЗНИ.* I. Кучка заговорщиковъ или Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ? II. За мѣсяцъ **Л. Клейнборта** 110—129

21. Объявленія.

Digitized by Google

Больные.

Разсказъ **О. Миртова**.

Метель обжигаетъ лицо. Въ какомъ-то жадномъ, нелѣпомъ весельи снѣжный вихрь бросается подъ ноги... Лошади тащатся съ закрытыми глазами, люди бѣгутъ, втянувъ голову въ плечи. Метель хочетъ ворваться на лѣстницу, но швейцаръ, съ дряблымъ бритымъ лицомъ, похожъ на резонера съ императорской сцены, и въ яркомъ электричествѣ, обливающемъ сверху искусственныя пальмы, есть что-то спокойно-непреклонное и торжествующе-властное...

Фролъ Власьичъ сразу узнаетъ, *кто* отворяетъ дверь. Онъ не выноситъ робкихъ рукъ. Одни отворяютъ внимательно-бережно, другіе распахиваютъ... На первыхъ достаточно бросить бѣглый взглядъ. По вторникамъ и четвергамъ такихъ у профессора много—*эти* раздѣваются тамъ наверху. И только для „настоящихъ" Фролъ Власьичъ сгибаетъ длинную спину—не кругло и вогнуто, какъ нищіе и акробаты, а сладываетъ ее подъ прямымъ угломъ, не спѣшно. Торопливость—одна изъ демократическихъ чертъ. Онъ не выноситъ торопливости. Онъ священнодѣйствуетъ, этотъ огромный, важный швейцаръ. Когда распахиваютъ дверь, онъ встаетъ. Откладываетъ въ сторону „Русскій листокъ", поднимаетъ очки на лобъ, дѣлаетъ для виду шагъ впередъ, медленно, съ достоинствомъ измѣняетъ положеніе тѣла, медленно, аккуратно ставитъ рядомъ снятыя калоши; и, выпрямившись во весь ростъ, произноситъ округло:

— Изволите здѣсь раздѣваться?

Тогда-то сразу вдругъ замѣчается вся атмосфера—ковры, широкія ступени, пальмы, пылающій каминъ и тишина, величавая тишина на всемъ протяженіи лѣстницы, которая соединяетъ какія-то жизни, тихія, гремящія или влачащіяся жизни, спрятанныя за плотными дверьми. На каждой площадкѣ крѣпко закрытыя двери. Онѣ на тяжелыхъ, толстыхъ цѣпяхъ. Если перевѣситься въ широкіе пролеты,—слышно,

Digitized by Google

какъ тишина поднимается, какъ мягкій, умѣренный воздухъ, подогрѣтый на высотѣ пяти этажей, кричитъ о власти...

Ледяной, обжигающій вихрь бьетъ въ стекляныя двери и летитъ вдоль тротуаровъ.

Притупленное презрѣніе къ пролетаріямъ—есть сущность Фрола. Правда, въ дни, когда судьба колебалась, когда шла рѣзня, и пролетаріи какъ будто побѣждали, онъ относился къ нимъ иначе. Случилось, напримѣръ, что онъ забылъ надѣть ливрею, или не забылъ, но только нѣсколько часовъ жилъ безъ ливреи и, несмотря на грузное тѣло свое, ежеминутно куда-то исчезалъ... Конечно, непріятно, когда мимо свистятъ пули Но это была не трусость... Надменное лицо съ глубокими, рыхлыми складками отъ носа къ губамъ выражало сомнѣніе,—да, это великое творческое состояніе души, такъ несвойственное резонерамъ и такъ напряженно, всего на нѣсколько часовъ за всѣ пятьдесятъ лѣтъ, ворвавшееся внутрь человѣка въ ливреѣ...

Ну, конечно, все скоро вошло въ норму—Фролъ Власьичъ вернулся въ свою оболочку . . . . . .

. . . . . .

Ледяная струя врывается за вошедшимъ Колючія иглы мгновенно теряютъ твердость въ ласковой атмосферѣ пальмъ, и каждый паціентъ, прошедшій мимо важнаго швейцара, вноситъ въ переднюю профессора только воспоминаніе о метели, только нѣсколько растаявшихъ снѣжинокъ на робкомъ, высматривающемъ лицѣ.

Въ пріемной полушопотъ. Смягченный абажурами свѣтъ, ковры, тихіе пейзажи въ матовыхъ рамахъ, глубокія объятія креселъ, полусвѣтъ...

Шопотомъ, который свободно проходитъ во всѣ углы, дамы сообщаютъ другъ другу о своихъ болѣзняхъ. Больныя, захлестанныя души умѣютъ говорить только о себѣ. Шепчутъ быстро, съ небольшими внезапными интервалами. Кое-гдѣ, изъ полутемныхъ угловъ, смотрятъ тупые, скорбные глаза—эти давно пережили потребность кричать въ первыя встрѣчныя уши.

До начала пріема еще полчаса.

Андрей мысленно подсчитываетъ гривенники. Отъ дамы съ мальчикомъ нечего ждать больше. У дамъ, даже самыхъ шикарныхъ, онъ замѣтилъ, въ карманѣ всегда гривенники. Въ общей сложности наберется около трехъ рублей. Его безпокоитъ неожиданное распоряженіе профессора. Андрей считаетъ распоряженіе нелѣпымъ.

Въ концѣ концовъ—не сошелъ ли профессоръ съ ума?

...Слава Богу, не былъ еще никто изъ военныхъ... Офицеры хорошо даютъ .. или ничего не даютъ... и развѣ они разбираютъ? Шарахнетъ шашкой... И то сказать—чего ужъ тамъ? Правда, настало время всѣмъ опредѣлиться, а все-таки на одну доску съ соціалистами и демократами профессору какъ будто не пристало...

Digitized by Google

Андрею всего легче размышлять, стоя на вытяжку. Такъ онъ похожъ на какую-то особенную мебель. Взглядъ скользитъ отъ вѣшалки по стѣнамъ, но плотное тѣло въ сюртукѣ, бородка à la Беранже и симметрично раздвинутые усы и весь онъ, сытый, хорошо скроенный, совсѣмъ какъ будто деревянный.

Онъ слышитъ звонокъ, но не двигается.

Это—Машѣ. Первый—ей... Слѣдовало бы начинать пораньше пріемъ... Сидитъ вѣдь и читаетъ, да палочку вертитъ въ рукѣ...

Профессоръ никогда не начинаетъ пріема раньше назначеннаго часа, и Андрей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ размышляетъ по этому поводу.

У столика съ высокой лампой разговариваютъ три дамы. Длинный рыбій ротъ быстро выбрасываетъ слово за словомъ:

—... Я, можно сказать, объѣздила всѣ города... и нигдѣ не нашла усовершенствованной машины... Въ Харьковѣ, напримѣръ, сажусь въ кресло, онъ пускаетъ самый сильный токъ... Вѣдь это же надо постепенно! Я ему говорю: мнѣ надо постепенно... И какъ вамъ понравится? Я, говоритъ, вовсе ничего не дѣлалъ! а?... Вамъ, говоритъ, вовсе не нужно электричество. Вѣдь я же чувствую—такъ вотъ и пошло по всему тѣлу. Не надо электричествомъ! Когда самъ Гиршманъ сказалъ, что нѣтъ никакого органическаго поврежденія.

Круглые, плоскіе глаза перебѣгаютъ отъ лица къ лицу.

— Шарлатаны...

— Самый сильный токъ...—сочувственно шепчетъ другая съ прической à la Cavalieri и крошечнымъ, краснымъ носомъ.—Но вѣдь это...

— Вы, можетъ быть, думаете, что я лгу! У меня каждый разъ обморокъ, какъ только сяду въ кресло... Нигдѣ нѣтъ усовершенствованной машины. Въ Петербургѣ еще не была...

Барышня вздыхаетъ.

— Вы плохо видите?

— Знаете—по нервному! Вотъ и васъ—совершенно ясно... и цвѣтъ кожи, даже нельзя подумать, что у меня глаза... А вотъ читать—ужъ кончено!

Она беретъ со стола книжку, приближаетъ къ ней лицо, покрытое коричневой, старой кожей, и, ударивъ по книжкѣ внѣшней стороной руки, быстро моргаетъ.

Третья дама давно хочетъ вступить въ разговоръ. Наконецъ, она восклицаетъ:

— Ахъ! Я больше всего на свѣтѣ боюсь ослѣпнуть!

Глаза ея совершенно здоровы, но она вообще боится всего—мышей, пауковъ, зеркала и тишины... и нѣтъ, кажется, ни одного абстрактнаго и почти ни одного конкретнаго явленія, которое не внушало бы ей страха.

— Это ужасно!

Она дѣлаетъ ненужныя движенія и нервно смѣется на каждомъ словѣ. Изъ-подъ узенькаго воротничка вытягивается

Digitized by Google

длинная, худая шея, глаза уходятъ подъ тяжелыя вѣки, разинутый ротъ теряетъ губы, и видны кривые клыки. Профессору она скажетъ о сердцебіеніи и будетъ аккуратно принимать бромъ, а такъ какъ бромъ имѣетъ свойство притуплять умственныя способности, то страхъ къ жизни возрастетъ, пожалуй...

Дамы вздыхаютъ.

Барышня съ прической à la Cavalieri скашиваетъ глаза къ своему носу, какъ бы провѣряя. Красный носъ огорчаетъ ее. Стоитъ ей вспомнить о немъ, какъ лицо съ прической à la Cavalieri становится унылымъ, обиженнымъ и какъ бы лишнимъ среди прочихъ лицъ.

Поодаль отъ круглаго столика сидитъ лысый господинъ. Ему противны разговаривающія дамы Ему противно и электричество, и ковры, и самъ профессоръ, котораго онъ никогда не видѣлъ и которому заранѣе не вѣритъ, и этотъ молодой человѣкъ съ плоской, срѣзанной головой, мелькающій передъ глазами. Особенно этотъ молодой человѣкъ! Съ какимъ наслажденіемъ онъ расхаживаетъ по мягкому, пушистому ковру!

Лысый господинъ провожаетъ его взглядомъ ненависти и брезгливо морщится.

Лысый господинъ подсчитываетъ свою очередь.

Прежде всѣхъ пойдетъ сумасшедшая дама, ищущая по всему свѣту усовершенствованной машины, потомъ этотъ идіотъ съ плоскимъ затылкомъ, потомъ эта въ красномъ, эта въ бѣломъ, эта съ бантомъ .. Всѣ они, конечно будутъ сидѣть у профессора по два часа .. Онъ грызетъ ногти. Взглядъ его голубоватыхъ глазъ становится сосредоточенно-острымъ, какъ будто онъ испытываетъ какое-то особенное извращенное физіологическое наслажденіе, отъ котораго не оторвется, хотя бы вокругъ него собралась цѣлая толпа.

Кажется, дамы говорятъ о кефирѣ.

Онъ задумчиво вытираетъ палецъ о пиджакъ и осматриваетъ обгрызанный ноготь. Безцеремонно подвигается ближе и слушаетъ.

Кефиръ ему необходимъ—онъ знаетъ это и безъ врачей, но, конечно, лучше покупать то, что можетъ быть еще полезнѣй. Отъ безсонницы всего лучше холодныя обливанья, и если профессоръ этого не посовѣтуетъ, онъ пойдетъ къ другому профессору и до тѣхъ поръ будетъ перемѣнять докторовъ, пока не получитъ леченія водой.

Онъ не спитъ по ночамъ, потому что подозрѣваетъ жену свою — толстую акушерку — въ примѣненіи преступныхъ средствъ противъ беременности, и еще потому, что недавно казаки убили его брата.

Дѣтей, впрочемъ, онъ не особенно хочетъ, но онъ подозрѣваетъ, что и жена не особенно хочетъ, а это ужъ не спроста. Почему бы женщинѣ не желать дѣтей?

Особеннаго горя по поводу смерти брата онъ тоже не чувствуетъ — вольно же ему было пристать къ бунтовщи-

Digitized by Google

камъ!—но фамилія, родство можетъ привлечь вниманіе жандармовъ. Вечеромъ онъ самъ запираетъ двери и все-таки провѣряетъ и нѣсколько разъ обходитъ квартиру, прислушиваясь къ темнымъ угламъ, допуская возможность внезапной глухоты.

Объ этомъ своемъ недовѣріи къ тишинѣ и къ собственному слуху онъ не сообщитъ профессору, такъ какъ и самъ ихъ не отличаетъ. О страхѣ полиціи не сообщитъ тѣмъ болѣе, дабы не заронить подозрѣнія: почему бы невиновному человѣку бояться полиціи? Профессоръ можетъ подумать, что страхъ не спроста! Онъ просто пожалуется на безсонницу и спроситъ о Кнейпѣ. Вопросы же о семейномъ положеніи и обо всемъ прочемъ, о чемъ такъ любятъ спрашивать доктора, деликатно отклонитъ.

— Это было на нашихъ глазахъ,—шепчетъ дама съ мальчикомъ справа.

Господинъ, грызущій ногти, прислушивается.

— ...баррикады передъ нашимъ домомъ выросли въ одинъ моментъ...

Лысый господинъ поднимаетъ газету въ уровень съ лицомъ. Слова долетаютъ не всѣ. Уголкомъ глаза онъ видитъ трагическое недоумѣніе на лицѣ дамы — мальчикъ стоитъ, прислонившись къ ея колѣнамъ, и смотритъ ей въ ротъ.

— Убійцы... убійцы, — повторяетъ она и тутъ же, обернувшись къ восьмилѣтнему Колѣ, вставляетъ злобнымъ, отчаяннымъ шопотомъ: „Не верти головой! Не можетъ смирно побыть ни минуты! Ну, зачѣмъ ты опять поднялъ ногу?..“

У Коли злое лицо. Если заплачетъ, чего добраго, начнетъ кричать и толкаться локтями, какъ дома; она торопливо указываетъ на электрическіе рожки: „Посмотри, какіе красивые... розовые... голубые. Не мотай головой“.

Онъ смотритъ исподлобья и продолжаетъ мотать головой, потому что у него Виттова пляска. Онъ заболѣлъ ею внезапно, въ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ моментовъ, о которыхъ разсказываетъ его мать.

Мать не знаетъ еще о Виттовой пляскѣ и, прочитавъ въ свое время Спенсера о воспитаніи и о вырожденіи—у Нордау, усмотрѣла въ разросшемся упрямствѣ еле живого Коли ибсеновскіе „Призраки“ и съ готовой предпосылкой о наслѣдственности пришла къ врачу.

...„Убиваютъ безоружныхъ...“

Лысый господинъ дѣлаетъ строгое лицо, котораго никто не видитъ, потомъ забываетъ о газетѣ и грызетъ ногти. Острое, бѣлое лицо принимаетъ сосредоточенное плотоядное выраженіе и вдругъ покрывается тѣнью промелькнувшей мысли. Онъ прислушивается къ этой мысли.

„При данномъ положеніи вещей хорошо бы на время поступить въ полицію...“

Господинъ съ плоскимъ затылкомъ мелькаетъ передъ глазами. Онъ ходитъ у самаго края ковра, покрывающаго

Digitized by Google

всю середину пола, и съ такою осторожностью, словно боится ступить въ воду. Дойдя до угла, онъ рѣзко поворачиваетъ и каждый разъ чуть-чуть задѣваетъ кресло, на которомъ сидитъ старая дама, очень намазанная и съ голубымъ бантомъ у лѣваго уха. Дама каждый разъ поворачиваетъ голову и смотритъ снизу вверхъ на его прозрачную бородку, кустиками обсыпавшую острый подбородокъ. Въ подрагивающихъ, жиденькихъ рѣсницахъ дамы мелькаетъ неопредѣленное выраженіе—не то злости, не то похотливаго ожиданія. Углы пунцоваго рта приподнимаются. Ей кажется, что молодой человѣкъ умышленно ее толкаетъ. Почему бы ему такъ странно улыбаться?

Онъ ходитъ съ опущенной головой и вдругъ даритъ этой своей ласковой улыбкой всѣхъ присутствующихъ, точно больныхъ дѣтей, или точно не видя никого передъ собой.

Временами на лицѣ намазанной дамы раздраженіе преобладаетъ. Но...

Просто невѣжа! Не сказать ли ему дерзость?.. Поджавъ губы, она съ ненавистью смотритъ на узкія плечи, на всю его нескладную фигуру, у которой какъ будто нѣтъ живота и ноги начинаются прямо отъ впалой груди. Онъ напоминаетъ ей насѣкомое съ плоскимъ тѣломъ. У него слишкомъ короткія брюки, позволяющія видѣть почти на половину резинки штиблетъ... Но она никакъ не можетъ рѣшить, заигрываетъ онъ съ ней или толкаетъ нечаянно, и раздраженіе ея смѣняется ожиданіемъ.

А онъ, дѣйствительно, толкаетъ нечаянно.

Это начинающій поэтъ новаго типа. Онъ написалъ странную поэму, которую не напечатала ни одна редакція. Это ничуть его тогда не огорчило, такъ какъ въ „непониманіи“ онъ усматривалъ доказательство своего таланта. Послѣднее время онъ ничего не пишетъ: писать стихи на злобу дня онъ считаетъ ниже Великаго искусства. Если не звучитъ лира въ отвѣтъ на преходящіе крики, тѣмъ тоньше, значитъ, ея струны. „Надо всасывать жизнь для будущихъ произведеній пассивно, какъ новорожденный, день за днемъ...“ Онъ счастливъ.

Въ дѣйствительности же онъ не пишетъ стиховъ потому—что потерялъ риѳму.

Когда случилась такая потеря, онъ не знаетъ. Онъ просто не можетъ написать ни одного стиха, но замѣчаетъ это лишь временами, можно сказать, мгновенными просвѣтами и тогда вдругъ и тоже на мгновеніе становится торопливъ.

Послѣднее стихотвореніе было написано наканунѣ того дня, и только этотъ день онъ помнитъ отчетливо и ярко, словно только одинъ день и былъ въ его жизни,—но опять-таки просвѣтами, обрывками—клочокъ голубого неба, струю талаго воздуха и мертвое лицо на истоптанномъ, подтаявшемъ снѣгу.

Онъ помнитъ ясно... Но связать свое несчастье со всѣми

Digitized by Google

этими обрывками не можетъ и никогда не сможетъ, если даже уйдетъ отсюда съ узенькимъ листкомъ бумаги, на которой профессоръ напишетъ острымъ почеркомъ нѣсколько латинскихъ фразъ. Онъ почти не спитъ — вотъ почему онъ пришелъ къ профессору. О потерѣ риѳмы онъ даже и не можетъ ничего сказать. Собственно говоря, и минуты торопливости теперь совсѣмъ рѣдки; онъ даже и не чувствуетъ больше потребности вспомнить тѣ яркія, звучныя слова, которыя тогда, въ послѣдній разъ, блеснули въ мозгу...

Онъ былъ въ числѣ дружинниковъ. Они обратили въ бѣгство небольшой отрядъ казаковъ. Убили кого-то. Но за высшимъ подъемомъ жизни, когда утрачивается граница страданья и счастья, когда нѣтъ добра и зла, а есть только цѣль, онъ не видѣлъ убитыхъ. Они бѣжали съ построенной баррикады не изъ страха, а потому, что этого требовала цѣль. Онъ бѣжалъ, какъ всѣ, съ торжествующимъ звѣрскимъ лицомъ. И вдругъ въ мозгу поэта промелькнула звучная риѳма, красивый образъ. Онъ остановился, забывъ о ближайшей цѣли, забывъ о пуляхъ... и стоялъ съ лицомъ лунатика, озареннымъ блаженной улыбкой, и поднялъ вверхъ глаза. Это было мгновеніе творчества, когда сознаніе великаго пронзаетъ все существо; это было самое лучшее изъ всего, что онъ до сихъ поръ пережилъ...

Стрѣляли... кто-то упалъ и бился лицомъ о мостовую... Были распластаны руки .. изъ-подъ пальто вырывалась чья-то маленькая нога, совсѣмъ дѣтская...

...Инстинктивно скользнулъ подъ обломки извозчичьихъ саней, пролѣзъ на животѣ подъ снѣговую глыбу, подъ какія-то доски...

Солдаты не замѣтили. Имъ некогда было разбирать баррикады... Стрѣляли изъ оконъ.

Офицеръ, молодой и тонкій, поворачивался на каблукахъ съ быстротой и деревянностью маріонетки.

Одновременно съ тѣмъ, какъ офицеръ поворачиваетъ лицо и поднимаетъ вверхъ острую, подстриженную бородку, въ головѣ лежащаго подъ обломками больно отдается сухой трескъ, и звуки словно ударяются другъ о друга въ глубинѣ мозга. Ружья звякали о камни... онъ слышалъ запахъ кожи, потому что солдатскія ноги пятились къ его лицу.

...Изъ воротъ выбѣжалъ человѣкъ съ черными усами. Человѣкъ высоко держалъ руки надъ головой и кричалъ пронзительнымъ, свистящимъ крикомъ безъ словъ, и этотъ крикъ оглушилъ лежащаго подъ обломками.

Подойдя къ офицеру, онъ пріостановился, какъ бы рѣшаясь, потомъ крикнулъ въ злобной истерикѣ: „Я безоружный... я врачъ!“

И пошелъ быстрой, шаткой походкой, передъ штыками, къ тому, кто бился лицомъ о мостовую.

Офицеръ обернулся къ солдатамъ.

Онъ видѣлъ это подобіе улыбки, эту жалкую, зловѣщую

Digitized by Google

тѣнь на лицѣ убійцы, который и самъ тотчасъ умретъ, не узнавъ о своемъ преступленіи.

Офицеръ не произнесъ ни слова команды, онъ не произнесъ, — но въ то мгновеніе, какъ изъ оконъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ, раздался залпъ...

Вдругъ сразу все отодвинулось, попятились ноги солдатъ и быстро отступили. Назвавшій себя врачомъ свалился безформенной массой на чье-то тѣло, изъ подъ котораго все еще вырывалась нога, маленькая, почти дѣтская.

А ближе, совсѣмъ близко, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ молодой офицеръ съ искаженнымъ лицомъ, лежалъ этотъ самый офицеръ—молодой и стройный, и руки его спокойно простерлись по снѣгу, а русая борода торчала вверхъ, скрывая лицо. И было какъ-то спокойно отъ того, что онъ лежитъ и больше не поворачивается съ деревянностью маріонетки, не улыбается жалкимъ подобіемъ улыбки.

Солдаты бѣжали по улицѣ точно подъ дождемъ.

Стрѣляли изъ оконъ, но все рѣже и рѣже, и только отъ этихъ выстрѣловъ было еще немного непріятно. А потомъ и это прошло, потому что сразу стало тихо. И странно все переплелось въ мозгу оставшагося подъ обломками...

Тупо смотрѣлъ на торчащую бороду и такъ, не спѣша, потихоньку, съ какой-то даже легкостью внутри, хотѣлъ вспомнить что-то. Онъ не зналъ, о чемъ именно хотѣлось вспомнить, но чувствовалъ, что *это* было прекрасное и даже самое лучшее изъ всей его жизни; что это вдругъ потеряно, ушло, заслонено, но вернется, непремѣнно вернется, стоитъ лишь сдѣлать усиліе, потому что оно тутъ, близко, въ груди, и всегда съ нимъ...

И онъ не торопился вспоминать... Но не спѣшилъ вылѣзать изъ-подъ обломковъ, хотя уже ничего не боялся, а просто только смотрѣлъ на вверхъ торчащую бороду. Не было больше навязчивыхъ словъ въ его длинной головѣ, точно въ ней образовалась пустота, какъ будто за этимъ срѣзаннымъ, плоскимъ затылкомъ развалились тягостныя перегородки, и отъ мозга къ сердцу легко, безъ зацѣпки, шла вереница представленій, не задерживаясь и не приводя въ движеніе чувствительныхъ колесъ. Словно человѣкъ, вернувшись къ первобытной формѣ червя, состоялъ изъ полой трубки — легкой и свободной.

Было тихо... Не оглядываясь на мертвую, нестрашную для него улицу, онъ подошелъ къ убитому офицеру и остановился надъ нимъ съ видомъ простого любопытства.

Носкомъ сапога онъ подвинулъ ближе къ тѣлу отброшенную шашку, но такъ какъ ноги его дрожали, незамѣтно для себя онъ присѣлъ на корточки и уже въ этомъ удобномъ положеніи, подперевъ голову рукой, долго смотрѣлъ на убитаго.

И, глядя въ мертвую маску, онъ вдругъ вспомнилъ такое точно лицо въ окнѣ парикмахерской, и это внезапное

Digitized by Google

воспоминаніе, это удачное сравненіе доставило ему тихую радость, такъ какъ ему показалось, что именно объ этомъ и нужно было вспомнить. И предчувствіе прекраснаго, что жило еще на днѣ души, потонуло въ нелѣпой радости... И оба лица стали одинаково спокойно-кротки... потому что, если холодѣющій мозгъ офицера продолжалъ еще таинственную работу вокругъ никому невѣдомыхъ идей, то разорванная мысль бѣднаго поэта расплывалась въ поискахъ мгновенія—утерянной риѳмы, и эти послѣднія усилія такъ же мало отразились на живомъ лицѣ, какъ и на лицѣ умершаго...

Онъ медленно ходитъ, огибая кресло, чуть-чуть толкая намазанную даму, стараясь ставить ногу на коверъ, и дѣлаетъ это съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, будто въ этомъ цѣль его жизни.

Онъ ничуть не подвинулся въ своихъ воспоминаніяхъ. Все содержимое этой оболочки—молодого человѣка съ плоскимъ затылкомъ—погружено въ блаженную смертную заводь. И только изрѣдка, неясныя, какія-то щемящія представленія колеблютъ блаженство.

Онъ видитъ у ногъ своихъ рисунокъ — матово-черный съ красными разводами, и сочетаніе красокъ тихо волнуетъ его. Поэтъ поднимаетъ лицо и даритъ улыбкой всѣхъ присутствующихъ, точно больныхъ дѣтей... или точно никого передъ собой не видя.

Профессору онъ скажетъ о безсонницѣ и попроситъ капель для аппетита. Онъ не потерялъ названій вещей и знаетъ, что безсонница гибельна для здоровья.

. . . . . .

Много больныхъ. Нѣтъ ни одного свободнаго мѣста. Дамы сонно молчатъ. Каждый сталъ другому еще болѣе чужимъ, нежели до откровенныхъ сообщеній. Скука легла на всѣ лица и сдѣлала ихъ одинаковыми, неумными и некрасивыми—кажется, будто голубой свѣтъ надавливаетъ ихъ. Кто-то высказалъ предположеніе, что профессоръ уѣхалъ. Брошенное слово облетаетъ комнату. Кто-то вынулъ часы и сказалъ: „Еще пять минутъ“. Успокоились... Тихо. Всѣ будто застыли въ неловкихъ позахъ — чужіе, почти враждебные другъ другу. Поэтъ усталъ, но ему уже нѣтъ мѣста, если бы даже онъ и захотѣлъ сѣсть Между скучными книгами, набросанными на столѣ, Коля нашелъ чеховскую „Каштанку“ и пересталъ мотать головой.

Профессоръ только-что вызывалъ Андрея и повторилъ приказаніе. Андрей неподвиженъ, какъ всегда, но вѣки часто мигаютъ. Онъ ждетъ. Непремѣнно сегодня будетъ непріятность.

На лѣстницѣ тихо, совершенно тихо. Плотно запертыя двери отдѣляютъ одну человѣческую жизнь отъ другой.

Фролъ Власьичъ дремлетъ на стулѣ у зеркала. Подбородокъ грузно лежитъ на груди. Отставленная впередъ нога и оттопыренныя губы говорятъ о превосходствѣ даже во снѣ.

Digitized by Google

Спокойный, умѣренный воздухъ на высотѣ всѣхъ пяти этажей. Свѣтло. Снѣжный вихрь несется мимо стеклянныхъ дверей . . . . . .

. . . . . .

Метель обжигаетъ лицо. Лошади тащатся съ закрытыми глазами.

Онъ сидитъ въ саняхъ, глубоко согнувшись, какъ не подобаетъ сидѣть офицеру.

— Ты почему-то хочешь сдѣлать меня сумасшедшимъ,— говоритъ онъ плачущимъ голосомъ.

Но вѣтеръ относитъ слова, и она догадывается о смыслѣ ихъ только по интонаціи.

— Миша, голубчикъ... У насъ вѣдь уже рѣшено...

Дальше онъ слышитъ „врачъ", „разбитые нервы". Онъ поворачивается всѣмъ корпусомъ.

— Что? Я ничего не слышу! Къ чему было напяливать эту дрянь! Не въ Манджуріи вѣдь...

Онъ готовъ сорвать башлыкъ и бросить его въ снѣгъ, но она уговариваетъ съ той поверхностной ласковостью въ тонѣ, какимъ говоритъ съ ребенкомъ измученный взрослый.

— Ну, будетъ тебѣ... Смотри, какой холодъ...

Впрочемъ, онъ уже покорно молчитъ, глубоко согнувшись, и лишь толстыя складки пальто и женская рука, охватившая плечи, поддерживаютъ это развинченное тѣло.

Безъ военнаго пальто и сюртука, когда въ одномъ бѣльѣ онъ ежится на своей огромной, двуспальной кровати, это совсѣмъ мальчикъ—безусый, тоненькій, коротко остриженный. Усы ничуть не больше бровей, едва золотятся надъ блѣднымъ и сухимъ ртомъ.

Еще недавно онъ былъ ласковый, веселый и радостный даже тогда, въ послѣднюю ночь, несмотря на горе разлуки. Мысль его спокойно и просто сплеталась... Теперь, фиксированная и ослѣпленная, она рвется, вспыхивая и погасая. Вялая, скользящая, она вдругъ срывается съ нагроможденныхъ образовъ, отскакивая къ новымъ представленіямъ, которыя, увы, и прежде не были связаны нитью, претворяющей сѣрое вещество черепной коробки въ очагъ идей. Еще недавно это былъ только глупый кадетъ.

Эполеты, мундиръ мелькали гдѣ-то въ мечтѣ. Цѣлый годъ—цѣлая вѣчность! И вдругъ, благодаря японской войнѣ, въ одинъ прекрасный, сіяющій день кадетъ проснулся офицеромъ.

Но... значитъ, надо разстаться съ Сонечкой, маленькой Сонечкой, которой онъ на-дняхъ объяснился въ любви? И только это—ножка, обутая въ туфельку, осенніе листья и облетѣвшія вѣтки, и прохладное свѣтлое солнце, и прохладное влажное личико—только это чуть-чуть затуманило радость... Если бы можно было все это взять съ собой на войну!

Ихъ повѣнчали передъ разлукой. И ночи пролетѣли въ

Digitized by Google

сіяніи лампадки, въ трепетѣ нѣжнаго, слабенькаго тѣла... Когда стыдливо-ласковая Сонечка вспоминала о войнѣ, еще пріятнѣе было цѣловать соленоватыя мокрыя щечки.

Душистую нѣгу двое дѣтей назвали любовью. Жизнь предстала имъ въ ореолѣ. Она сразу выбросила всѣ свои блестки. Офицеръ, эполеты, мечты... Разлука раскрасилась ласками.

Утомленные сладострастіемъ, лежа подъ тепловатымъ одѣяломъ близко другъ къ другу, они читали вслухъ „Войну и миръ". Лампа стояла на маленькомъ столикѣ. Свѣтъ струился по волосамъ Сонечки на его волосы. Обвивъ тоненькой ручкой шею героя, она слѣдила за каждымъ изгибомъ веселыхъ, красныхъ губъ, наслаждаясь звукомъ голоса, золотистыми усами и своимъ невыплаканнымъ, красивымъ, предстоящимъ горемъ... „Уѣдетъ... но онъ вернется!"

Оба еще только впитывали ласку жизни. Никто не отваживался думать. И вмѣсто Николая Ростова бросался въ бой Миша... И это Миша—раненый, съ лицомъ Андрея Болконскаго, лежалъ подъ синимъ небомъ—храбрый и благородный, свершая то великое дѣло, которое приказалъ человѣчеству Богъ и русскій царь И всѣ храбрые, чудесные герои чудеснаго романа слились въ одно лицо, и въ этомъ лицѣ Сонечка узнавала Мишу, а Миша—самого себя. Чтеніе прерывалось потоками поцѣлуевъ, и восхищенный Миша прижималъ къ себѣ Сонечку и что-то шепталъ въ опьянѣніи.

Онъ вернулся черезъ годъ.

Цѣлый годъ беременная Сонечка читала телеграммы съ войны, ища его имя въ спискѣ убитыхъ.

Всѣ другіе убитые были для Сонечки только именами, и послѣ каждаго новаго списка она, рыдая, благодарила Бога.

Ночью ее будилъ крикъ, дикій чужой крикъ, вылетавшій изъ ея горла.

Потому что блестящіе офицеры — Андрей Болконскій и Николай Ростовъ—давно были стерты дѣйствительностью жизни, а Миша, одинъ ея Миша, лежалъ среди труповъ подъ низкимъ небомъ, и свѣтлое проникновеніе героевъ—кошмаръ всей земли—сдавилъ мозгъ Миши.

Онъ убивалъ. Сколькихъ? Онъ не помнитъ. Онъ не можетъ этого помнить.

Подхваченный лавиной смерти, краснаго разорваннаго человѣческаго мяса, онъ убивалъ машинально. Кровь лилась... и всегда и сейчасъ онъ видитъ ее...

Онъ смотритъ въ спину извозчика, и мысль его мечется отъ извозчичьей спины въ толстомъ армякѣ къ *тѣмъ*, сваленнымъ въ общую яму. Подъ армякомъ сочится кровь, которую видитъ только онъ, убійца Миша, кадетъ, произведенный въ офицеры...

Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ саняхъ? Онъ и эта женщина

Digitized by Google

рядомъ? И мертвые, и эта „жизнь“... и докторъ, къ которому везутъ его?... Зачѣмъ?

Онъ не можетъ ѣсть мяса. Красная говядина приводитъ его въ странное волненіе, граничащее съ безуміемъ. Простой кусокъ сырого мяса, отрѣзанный на котлеты, гораздо больше его волновалъ, нежели сообщеніе жены о сброшенномъ мертвомъ ребенкѣ.

Мертвый! Это легко проходитъ въ сознаніе. Онъ не зналъ мечты о живомъ, маленькомъ, тепломъ ребенкѣ, когда спасался отъ убійцы и когда убивалъ самъ... Тамъ не было дано ни одной минуты раздумью. *Человѣка* не было. Руки, только руки, какъ живыя машины, убивали автоматично... Милліоны рукъ въ стихійномъ потокѣ скрестились въ крови. Онъ не могъ отдѣлить свои руки отъ чужихъ и не зналъ, сколькихъ онъ убилъ. Онъ убилъ *всѣхъ, кто остался тамъ.*

На обратномъ пути, по южному морю, мысли его вдругъ затолпились. Стали набѣгать другъ на друга, какъ безпокойныя, мелкія волны.

Молчаливый, юный офицеръ по цѣлымъ часамъ глядѣлъ съ борта парохода.

Море и солнце могли бы вновь сплести человѣка, и, кажется, новое зданіе, новое, шаткое еще, таинственное зданіе стало воздвигаться въ разорванной душѣ. Но... пока это былъ только скачущій, безформенный вопросъ: „Зачѣмъ?“

„Зачѣмъ эти убитые... и жизнь?..“

Пароходъ дѣлалъ опредѣленное количество узловъ, море напѣвало. Дельфины купались вдали, ихъ черныя спинки мелькали на серебряной глади. А память нагромождала страшныя картины... Море не въ силахъ было сорвать дымку безумія съ этихъ картинъ.

„Зачѣмъ?“

Тоска вползала глубоко... И только изрѣдка на мутной глади всплывало что-то... знакомое и чужое. Ихъ спальня... счастливое лицо... въ слезахъ... и ласки... и свѣтъ кровавился, сплетая дикіе изгибы, и вся жизнь кричала...

Издали было видно, какъ маленькій офицеръ, возвращавшійся съ войны, точно убаюканный моремъ, упавъ грудью на бортъ парохода, смотритъ въ темную воду... Его силуэтъ, расплывшійся и неясный, казался случайнымъ пятномъ на фонѣ океана.

Первые крики на родинѣ были тоже криками ужаса. И здѣсь убивали...

— Это жидовъ,—объяснили ему тѣ, которые всегда, и прежде и теперь, съ дѣтства, учили его убивать.

— Жидовъ необходимо истреблять...

Но онъ видѣлъ кровь на человѣческомъ лицѣ и просилъ:

Digitized by Google

— Довольно! Довольно...

— Бей жидовъ!—гоготали они, и онъ смотрѣлъ въ ихъ круглые глаза, обезцвѣченные злобой, и просилъ, какъ больной, потерявшій послѣднія силы, которому еще и еще для чего-то дѣлаютъ больно:

— Но довольно... довольно уже...

Онъ провалялся на какой-то маленькой станціи въ грязной больницѣ, пугая доктора непонятными приступами слезъ. Тогда у него открылась рана.

Онъ не посылалъ телеграммы и ѣхалъ въ свою квартиру, не стремясь, но точно притянутый внѣшне-неизбѣжнымъ, какъ непреодолимо тянетъ человѣка послѣдняя черта.. И, когда Сонечка бросилась къ нему на грудь, онъ не испытывалъ ни радости, ни даже волненія.

Ее поразило его лицо. Словно легли на немъ слѣды тайнаго, слѣды невидимыхъ ударовъ, отъ которыхъ вспыхивали по временамъ худыя щеки, а глаза оставались неподвижны. На слабо сжатыхъ губахъ лежали скорбныя тѣни. Онъ произносилъ обыкновенныя слова, но звукъ этихъ словъ былъ непріятно безжизненный, и было легче, когда онъ молчалъ.

Когда Сонечка стала разсказывать о баррикадахъ, о неслыханной храбрости мятежниковъ, онъ странно поддакивалъ, какъ будто новыя представленія и новыя слова никакъ не хотѣли протолкнуться въ его мозгъ.

— А теперь все успокоилось?—и, не дожидаясь отвѣта, спросилъ съ любопытствомъ, какъ о чемъ-то животрепещущемъ, но простомъ и обыкновенномъ, не требующемъ предисловій:—Когда ты впервый разъ встрѣчаешь человѣка, можешь ты угадать—убійца *онъ* или *его* убьютъ?

Ночью, тотчасъ за первымъ взрывомъ страсти, онъ плакалъ, и было что-то отвратительно-жалкое, старчески-отжившее въ этомъ худомъ бьющемся тѣлѣ, въ этихъ слезахъ, текущихъ по безволосымъ щекамъ. Что-то недоразвитое...

Мутныя, узенькія щелки, изъ которыхъ льются слезы, эта полудѣтская узкая грудь, женщина проклинавшая войну, предпочла бы въ такую минуту видѣть на груди своей офицера.

Удерживаясь отъ желанія оттолкнуть его скользкую руку, Сонечка повторяла обрывками словъ:

— Надо рѣшить... Я ждала... Это противно..

— Что рѣшить? Чторѣшить!..—вскрикивалъ Миша, и слезы обливали ему ротъ.

— Надо оставить службу...—твердила маленькая женщина, не понимая, что и для принциповъ необходимо сначала расчистить дорогу, загроможденную обломками.

Тогда онъ нагромождалъ слова, въ которыхъ никто изъ нихъ не могъ разобраться:

Digitized by Google

— О чемъ ты?!. Они убиты уже. Я здѣсь опять на этой постели... и все это... Я не понимаю—зачѣмъ? зачѣмъ убивалъ я... И ты... чужая... и страсть моя... Нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, къ которому я хочу пойти...

Она натягивала на голыя плечи одѣяло, сидя съ ногами на постели, и съ ужасомъ вглядывалась въ тупое лицо того самаго Миши, который когда-то ее цѣловалъ веселыми влажными губами.

И мысль двухъ несчастныхъ людей была безсильна прорваться сквозь что-то, и безсильно было ихъ чувство, потому что это былъ уже не Миша—жизнерадостный кадетъ, произведенный въ офицеры, не герой и страстный любовникъ, а дрожащая оболочка изъ костей и кожи, въ которой гасла жизнь . . . . . .

Извозчикъ заснулъ или замерзъ? Лошадь тащится, сгибая спину въ круглую, покорную дугу.

Въ закутанной фигурѣ, засыпанной снѣгомъ, едва можно различить офицера, котораго поддерживаетъ женская рука.

Онъ говоритъ что-то. Вѣтеръ относитъ слова, и она догадывается о смыслѣ ихъ только по интонаціи.

— Ну, Миша, голубчикъ, ну, будетъ тебѣ. . . . . .

. . . . . .

Дорогой, комфортабельный кабинетъ, массивные шкафы съ книгами, медицинскія принадлежности, необходимыя для детальнаго разсмотрѣнія человѣка внутри и снаружи; электрическая машина, внушающая робость и трепетъ смиренія; вѣсы, взвѣшивающіе человѣка съ точностью золотника; диванъ, закрытый простыней, на которомъ разсматривается голый человѣкъ съ тѣмъ безстрастнымъ вниманіемъ, съ какимъ въ обыденной жизни смотрятъ только на неодушевленные предметы; глубокія кожаныя кресла, удобныя, спокойныя; бюсты Толстого и Спинозы ослѣпительной бѣлизны; маленькая фигурка Мефистофеля въ симметріи съ тѣломъ Венеры Милосской—весь кабинетъ, каждая вещь обдумана, выбрана и куплена самимъ Семеномъ Семеновичемъ. Это его тайная гордость. Все здѣсь умно, красиво и прочно и служитъ прекрасной рамой для портрета самого профессора, который сидитъ сейчасъ за письменнымъ столомъ и дочитываетъ послѣднюю страницу новаго медицинскаго журнала. Съ высокаго потолка на чуть-чуть склоненную голову падаетъ яркій электрическій свѣтъ, равный не ста свѣчамъ, а ста солнцамъ,—до того яркій, что какъ бы даже увеличивающій силу зрѣнія.

Совершенно ясно можно отличить каждый отдѣльный пушистый волосокъ на темени профессора. Во время задаванія

Digitized by Google

профессоромъ его опредѣленныхъ вопросовъ, больные, которымъ онъ не позволяетъ распространяться, разсматриваютъ пушинки, и въ теченіе десяти лѣтъ каждый новый больной, въ самую, можно сказать, важную минуту своей жизни, рѣшаетъ, что у профессора уже растутъ волосы. Но въ теченіе десяти лѣтъ пушокъ не подросъ ни на іоту, какъ ни на іоту не уклонился и самъ Семенъ Семеновичъ отъ разъ заведеннаго режима.

Аккуратность—это ритмъ жизни. Достаточно одинъ разъ внести диссонансъ, чтобы уже никогда послѣ не уничтожить гибельныхъ его слѣдовъ. Въ этомъ Семенъ Семеновичъ убѣжденъ, это можно было бы даже назвать его единственной фиксирующей идеей, если бы допустить пунктъ помѣшательства и у того, кто лечитъ...

Вся жизнь его есть не что иное, какъ усовершенствованная машина, прекрасная усовершенствованная машина, заведенная твердой рукой Семена Семеновича. Рука у него дѣйствительно твердая, тонкая, съ длинными, крѣпкими пальцами, немного слишкомъ бѣлая и слишкомъ медленная, но хорошо развитая въ кисти, такъ что, когда онъ вертитъ, какъ сейчасъ, напримѣръ, палочку между пальцевъ, рука его кажется очень дѣятельнымъ и самостоятельнымъ существомъ или, вѣрнѣй, тоже прекрасной усовершенствованной машинкой, которая не дрогнетъ, если надо будетъ надавить или даже раздавить...

Большіе стѣнные и стильные часы показываютъ безъ десяти восемь. Движенія маятника мягки и увѣренно спокойны, какъ все въ этой комнатѣ. Длинные, тонкіе пальцы равномѣрно, ритмично и мягко, какъ бы въ тактъ маятнику, поворачиваютъ отъ одного конца къ другому небольшую палочку, величиной въ карандашъ. Однимъ концомъ онъ упираетъ палочку въ столъ, затѣмъ, скользнувъ, упираетъ ее противоположнымъ концомъ, производя такимъ образомъ ритмическое движеніе безъ участія мысли.

Въ этомъ машинальномъ движеніи психіатръ-психологъ усматриваетъ какъ бы закрѣпленіе той потенціальной энергіи чувствъ, которая, не будучи вылита въ ритмъ, способствовала бы нарушенію планомѣрности мысли. Въ дѣтствѣ у него была эта манера—вертѣть что-либо въ рукахъ, затѣмъ образовалась привычка, для которой впослѣдствіи профессоръ подыскалъ право существованія и, проведя черезъ мозговой фильтръ, установилъ, какъ одну изъ принадлежностей своей обстановки.

Двѣ недѣли тому назадъ для этой цѣли онъ имѣлъ простой карандашъ, и спеціальный заказъ полированной

Digitized by Google

палочки былъ новостью, даже неожиданностью для самого Семена Семеновича, если бы, впрочемъ, онъ обратилъ на то вниманіе.

Случилось это, дѣйствительно, незамѣтно.

Однажды, когда вотъ такъ, какъ сейчасъ, его ждали больные, граненый карандашъ показался ему вдругъ непріятнымъ на ощупь.

Не поднимая глазъ отъ книги, Семенъ Семеновичъ поискалъ другой и, не найдя, сдвинулъ брови какъ бы отъ мимолетнаго раздраженія. Съ этой минуты карандашъ раздражалъ все больше и, наконецъ, раздраженіе это профессоръ установилъ совершенно ясно.

Андрей очень хорошо помнитъ свое изумленіе, услышавъ тогда незаконный звонокъ! Когда Андрей вошелъ, Семенъ Семеновичъ произнесъ, отчеканивая каждое слово—форма приказаній, которой онъ всегда строго придерживался:

— Сейчасъ принесите мнѣ гладкій, круглый, полированный карандашъ.

Андрей выдержалъ должную паузу и пошелъ исполнять приказаніе.

Въ домѣ требуемаго карандаша не оказалось, а лавки были заперты. Произошелъ цѣлый переполохъ, незамѣтный, впрочемъ, для Семена Семеновича. Въ теченіе получаса Андрея не было въ передней, Маша бѣгала по сосѣдству, и нѣсколько паціентовъ собралось на лѣстницѣ въ ожиданіи, когда имъ отворятъ.

Когда на вторичный звонокъ Андрей, наконецъ, появился, въ голосѣ Семена Семеновича чувствовалось раздраженіе.

— Я жду карандаша...

Все время онъ не могъ читать и долженъ былъ, подобно Андрею въ передней, ползти взглядомъ по стѣнамъ своего кабинета.

— Завтра позаботьтесь,—сказалъ онъ, опуская глаза въ книгу и отчеканивая слова,—гладкій, полированный и круглый.

Карандашъ, который принесъ на слѣдующій день Андрей, оказался недостаточно полированнымъ, но, принципіально будучи противъ излишней требовательности и особенно противъ повторяемости приказаній, Семенъ Семеновичъ рѣшилъ самъ поѣхать въ магазинъ.

Когда на другой день онъ сидѣлъ въ своихъ саняхъ за спиной огромнаго кучера, его худое, маленькое лицо съ маленькой острой бородкой и большими темными глазами грустно смотрѣло изъ-подъ пышной мѣховой шапки, и

Digitized by Google

было въ этомъ лицѣ что-то тревожное и покорное, какъ было что-то тревожное въ неожиданно наступившей оттепели и сѣрыхъ тучахъ, ползущихъ надъ Москвой.

Магазины оказались закрытыми, такъ какъ началась забастовка. И только дома, когда у него явилась идея заказать токарю палочки, онъ успокоился. Но опять случилась задержка. Во время забастовки трудно было достать токаря, и лишь спустя два дня на столѣ Семена Семеновича появились точеныя палочки, полированныя, точно вымѣренныя въ длину и ширину, какъ разъ такія, какія нужны были для сохраненія мозговой энергіи. Это событіе совпало съ другими, не менѣе важными . . . . . .

Во вторникъ не было на пріемѣ ни одного больного, и къ вечеру на улицахъ стрѣляли.

Несмотря на новый прибавленный винтикъ, машина пріостановилась, и Семенъ Семеновичъ почувствовалъ себя не то чтобы плохо, а какъ бы въ воздухѣ.

Не было даже газеты, этого утренняго яда, исподволь отравляющаго организмъ и вводящаго то особое вещество, которое называется общественнымъ убѣжденіемъ.

Впрочемъ, организмъ Семена Семеновича не поддавался введенію новыхъ веществъ, и къ газетѣ онъ просто привыкъ. Разъ навсегда, напримѣръ, онъ былъ противъ террора, отрицая его, какъ высшую степень насилія и какъ самое противоестественное средство, не оправдываемое никакими цѣлями. Онъ считалъ, что знамя врача невидимо долженъ нести каждый человѣкъ, а убійство не вяжется съ идеей врачеванья.

Да, наконецъ, онъ предоставляетъ спеціалистамъ вырабатывать тактическіе пріемы! Онъ не считаетъ нужнымъ отклоняться въ сторону.

Издали, одинъ часъ утромъ—отъ 10 до 11—за чтеніемъ газеты, можно, конечно, позволить себѣ легкую критику... Правительство, напримѣръ, онъ находитъ жестокимъ, революціонеровъ—безтактными. Принимая соціализмъ, какъ нѣчто упорядоченное и планомѣрное, онъ чувствуетъ отвращеніе ко всякимъ безпорядкамъ, въ чемъ бы они ни выражались...

Вдругъ вспыхнувшее вооруженное возстаніе онъ назвалъ сразу же исторической ошибкой.

Это нарушило ритмъ его жизни. Фролъ Власьичъ исчезалъ. Маша и Андрей перепутали счетъ звонковъ и даже совсѣмъ не являлись; кухарка, кажется, навсегда застряла гдѣ-то съ дворниками. Въ концѣ концовъ вѣдь это былъ цѣлый штатъ, который вдругъ распался!

Digitized by Google

Семенъ Семеновичъ ходилъ одинъ по параднымъ комнатамъ, не будучи въ силахъ ни читать достаточно внимательно, ни выѣхать изъ дому.

На третій день утромъ онъ лежалъ еще въ постели.

Гдѣ-то стрѣляли, но такъ далеко, что профессоръ даже не былъ увѣренъ, выстрѣлы это, или, можетъ быть, дворники выбиваютъ ковры, и все опять въ порядкѣ. Убѣдившись, наконецъ, онъ началъ считать выстрѣлы, и отъ этого занятія внутри его расползалось какое-то чувство, какимъ-то лишнимъ онъ вдругъ увидѣлъ себя на этомъ своемъ пружинномъ матрацѣ подъ синимъ атласнымъ одѣяломъ.

Онъ слушалъ, приподнявшись на локтѣ, и въ движеніи бѣлой руки, поглаживающей одѣяло, въ позѣ и въ выраженіи склоненнаго лица не было ни особеннаго напряженія, ни страха.

Въ окна не стрѣляли.

Ему просто было не по себѣ, какъ бываетъ, когда человѣкъ подходитъ къ рубежу чего-то...

Пуля можетъ попасть въ мраморный умывальникъ или въ зеркальную дверцу шкапа...

Онъ повернулъ голову къ окну и пожалѣлъ объ отсутствіи желѣзныхъ ставень...

Но въ окна не станутъ стрѣлять. Вообще стрѣляютъ больше холостыми зарядами, и въ концѣ концовъ все это—не что иное, какъ проявленіе людской безпорядочности. Развѣ у нихъ есть почва подъ ногами?

А чувство проползало глубже... глубже... Нѣчто новое, неощутимое, какъ мелькающая мысль, отбрасывало человѣка—маленькаго Семена Семеновича, лежащаго подъ атласнымъ одѣяломъ, далеко отъ людей, которые сейчасъ вотъ тамъ устраиваютъ безпорядки, убиваютъ другъ друга... живутъ...

Когда на двойной звонокъ Андрей не появился, Семенъ Семеновичъ звонилъ еще и еще, звонилъ непрерывно, даже не прислушиваясь, идетъ кто-нибудь или нѣтъ. Наконецъ, онъ безсильно уронилъ руку и вдругъ вскочилъ и спустилъ босыя ноги на полъ, и вытянулъ шею, будто застигнутый врасплохъ...

Но лицо его, блѣдное, съ большими темными глазами, было только грустное и растерянное и далеко не отражало всей остроты волненія. Это было одиночество—мучительное одиночество, которое вдругъ обрушиваетъ подъ ногами почву...

Совсѣмъ близко, у самаго дома, раздался залпъ.

Тамъ уже строили баррикады.

Digitized by Google

Семенъ Семеновичъ топтался на мѣстѣ въ одномъ бѣльѣ, босой.

Гдѣ же они всѣ?...

Андрей!.. Маша! Онъ крикнулъ.

Хотѣлъ надѣвать платье и бросилъ.

Захватилъ одѣяло, толстое атласное одѣяло, заворачиваясь въ него спѣшными слабыми руками, такъ выбѣжалъ въ пріемную, съ грустнымъ, растеряннымъ лицомъ.

Изъ широкихъ, свѣтлыхъ оконъ подъ тюлевыми занавѣсками открылась сразу вся ширина улицы, заваленной обломками саней, досокъ, глыбами снѣга.

Чьи-то спины, согнутыя, какъ подъ проливнымъ дождемъ... Блѣдныя, злобныя лица. Стрѣляютъ...

Взглядъ упалъ на человѣка, который вдругъ остановился на мгновеніе, поднявъ глаза. Что-то поразило Семена Семеновича, стоящаго за занавѣской, какъ поражаетъ слухъ внезапный, дикій крикъ. Блаженная улыбка человѣка на баррикадахъ вошла въ мозгъ острымъ угломъ...

Онъ упалъ на животъ на мостовую, подъ обломки. Убили его?..

Другое тѣло билось въ конвульсіяхъ.

Изъ воротъ противоположнаго дома выбѣжалъ человѣкъ съ высоко-поднятыми бѣлыми голыми руками. И новымъ острымъ угломъ врѣзалось въ мозгъ—эти бѣлыя безпомощныя руки, открытый ротъ и черные усики—молодое, знакомое лицо...

Не смѣютъ убивать врача!!.

Онъ шелъ прямо къ офицеру съ высоко-поднятыми, безоружными руками.

Кричитъ—это видно...

Офицеръ повернулся къ солдатамъ... молодой, стройный офицеръ. Откинулъ голову... Вверхъ торчитъ борода. Все слилось... Такъ стучитъ сердце... Звуки больно ударились въ мозгу—въ самой глубинѣ... Отъ мягкаго сухого треска сдвинулось все, сдвинулось, запрыгало, будто сразу дернули подъ ними землю. Офицеръ закачался изъ стороны въ сторону. Врачъ упалъ на тѣло, которое билось.

Пуля пробила стекло подъ занавѣсками, свиснувъ мимо виска.

Онъ отодвинулся.

Онъ видѣлъ убитаго врача...

Крикъ явственно раздался... Можетъ быть, кричалъ онъ самъ? Мысль безсильно цѣплялась и срывалась. Сдавило горло.

...Globus isteria—онъ лечитъ ее у своихъ больныхъ...

Digitized by Google

Надо дисциплинировать свой мозгъ... Надо заставить работать свой мозгъ... Убили врача? Да... убили... и того, съ блаженной улыбкой... съ вдохновеннымъ лицомъ. Убитый врачъ лежитъ на умирающемъ... Ну, что же!.. это—революція... это—возстаніе... Надо успокоиться... надо схватить мысль... Ну да... вотъ—художникъ воспользовался бы контрастомъ снѣга и крови... Выпустилъ бы кровь тоненькой струйкой изъ шеи врача... Но крови нѣтъ... Два тѣла на грязной мостовой... одно на другомъ... Убили врача...

Онъ отползъ отъ окна, инстинктивно пригибаясь. Напрягая всѣ силы, онъ старался куда-нибудь втиснуть свою мысль. Какую-нибудь форму! За что-нибудь зацѣпиться!

....Жизнь проще и сѣрѣй, нежели фантазія... и только въ полномъ своемъ комплектѣ, собранная художникомъ-импрессіонистомъ, она ярче самой яркой фантазіи...

Это успокаивало. Да, это успокаивало. Словно вопросъ, къ какой категоріи явленій отнести импрессіонистовъ, давно и мучительно интересовалъ его.

...Надо умѣть дисциплинировать свой мозгъ...

А рядомъ, помимо воли, росло и ширилось нѣчто другое огромное, еще безсознательное, но властное и неотложное.

...Да... да... да...

Это была странная торопливость, не свойственная ему, опрокидывающая все на пути.

Мысль перескакивала, и обрывалось что-то.

Залѣзъ въ постель съ головой въ одѣяло.

...Убили врача... убили... ну что же... они убиваютъ другъ друга... живутъ... тотъ, убитый, съ блаженной улыбкой, ближе къ нимъ.... ближе...

Онъ прислушивается къ безмолвному крику въ себѣ.

...Да... да... да... Во что бы то ни стало—ближе!...

И вдругъ оно освѣтилось, это рѣшеніе, непреклонное, голое, выступило впередъ и сразу повернуло колесо. Машина пошла.

Дрожь утихаетъ. Онъ весь утихаетъ, свернувшись въ клубочекъ... Выглядываетъ изъ-подъ одѣяла и осматриваетъ комнату. Выстрѣлы стихли. Совершенно тихо. Все цѣло... и окна—широкія, свѣтлыя стекла, и начинаетъ проглядывать солнце.

...Во что бы то ни стало ближе...

Новое рѣшеніе помогло согрѣться. Оно сыграло ту же роль по отношенію къ хаоснымъ чувствамъ, какъ и точеная палочка, которою Семенъ Семеновичъ завершаетъ ритмъ жизни . . . . . .

Digitized by Google

За окнами вьюга. Какъ будто тысячи тонкихъ пальцевъ вдругъ заскребутъ по стеклу. Ихъ не видно за тяжелыми драпри. Пальцы Семена Семеновича вертятъ палочку въ тактъ маятнику. Его лицо въ тѣни. Въ сравненіи съ узенькой бородкой, мягкое темя кажется каррикатурно широкимъ отъ яркой плоскости свѣта.

Безъ пяти восемь. Входитъ Маша. Безъ пяти восемь она входитъ всегда, не постучавшись. Нужно унести пустой стаканъ и напомнить профессору, что осталось 5 минутъ до пріема.

Она шуршитъ крахмальными полосками своего передника. Глаза опущены. Овальное лицо, съ бѣлой пѣнкой крахмальнаго батиста надъ прической.

— Тридцать душъ.

Профессоръ дѣлаетъ чуть замѣтный наклонъ головы, какъ всегда въ отвѣтъ на машино заявленіе, но тутъ же, противъ обыкновенія, поднимаетъ брови, какъ бы желая сказать: столько нервно-разстроенныхъ!

„Придутъ еще... Это была крупная историческая ошибка"...

И въ ту минуту, когда Маша беретъ стаканъ, профессоръ громко и рѣзко восклицаетъ:

— Военныхъ нѣтъ?

Маша успѣла уже за нѣсколько дней стать на прежніе рельсы режима. Она вздрагиваетъ, и чайная ложечка звонко ударяется о столъ.

— Пожалуйста!—взвизгиваетъ профессоръ. На губахъ его страдальческая гримаса.

Онъ смотритъ на крѣпкія, упругія плечи у своихъ ногъ и доканчиваетъ, отчеканивая каждое слово:

— Двигайтесь медленнѣе, я прошу васъ.

Когда смущенная Маша закрываетъ за собой дверь, онъ звонитъ Андрея.

— Приходилъ кто-нибудь?

— Были... одинъ офицеръ...

— Вы ему сказали?

Андрей молчитъ.

—Вы ему сказали...?—Профессоръ медленно раскладываетъ вещи по мѣстамъ—книгу, палочку, сдвинутый нечаянно бюваръ.

Андрей молчитъ. Семенъ Семеновичъ поворачиваетъ къ нему лицо.

— Сказалъ... профессоръ боленъ... не принимаютъ...

Нѣсколько мгновеній онъ смотритъ на Андрея.

— Я... я н..н..е б... б... о... ленъ...—произноситъ онъ,

Digitized by Google

заикаясь, и это заиканіе напоминаетъ ему о власти надъ собой.

— Если вы почему-либо не желаете исполнять точно моихъ приказаній...

— Я боялся скандала...

— Ищи... те с..с... себѣ другое мѣсто.

Онъ заикается и, сдѣлавъ длинную паузу, произноситъ, отчеканивая слова:

— Я начинаю пріемъ.

Андрей вышелъ. Тихо. Семенъ Семеновичъ встаетъ и отстегиваетъ манжеты. Онъ маленькаго роста, худощавъ, и голова его, широкая на верху, напоминаетъ внизъ опущенный конусъ. Снявъ одинъ манжетъ, онъ забываетъ о другомъ, задумывается, дѣлаетъ нѣсколько ненужныхъ шаговъ и машинально начинаетъ ходить изъ угла въ уголъ.

Это не внесено въ режимъ. Уже пять минутъ девятаго. Онъ ходитъ съ опущенной головой, невольно выбирая ту часть пола, которая покрыта ковромъ. Когда случайно нога становится на открытый паркетъ, профессоръ морщится, точно этотъ незначительный шумъ бьетъ по его нервамъ.

. . . . . .

Въ пріемной нѣтъ ни одного свободнаго мѣста.

Томительно. Всѣ лица похожи одно на другое.

Дама, которая переѣзжаетъ изъ города въ городъ въ поискахъ усовершенствованной машины, стоитъ у дверей кабинета съ надменнымъ и рѣшительнымъ видомъ. Всегда приходитъ первая и терпѣливо ждетъ часа полтора до начала пріема, но ждать сверхъ того вовсе не намѣрена.

Поэтъ ходитъ. У дверей профессора онъ каждый разъ пріостанавливается на секунду, какъ будто немного волнуясь. Поднявъ лицо, онъ улыбается усталой, блаженной улыбкой...

Коля увлекся чтеніемъ „Каштанки". Сейчасъ ихъ только трое—Коля, Чеховъ и Каштанка. Серьезное, почти вдохновенное, дѣтское лицо является контрастомъ всѣмъ прочимъ лицамъ...

Дама съ голубымъ бантомъ рѣшила, что молодой человѣкъ со срѣзаннымъ затылкомъ толкаетъ ее умышленно, и на губахъ ея блуждаетъ желаніе.

Лысый господинъ грызетъ ногти...

Тамъ, за окномъ, вьюга. Въ жадномъ, нелѣпомъ весельи метель кружится и лижетъ камни, закаляя ихъ... Люди бѣгутъ, втянувъ голову въ плечи...

У подъѣзда остановился извозчикъ. Дама поддерживаетъ подъ руку офицера...

Профессоръ ходитъ изъ угла въ уголъ, забывъ о толпѣ,

Digitized by Google

ожидающей исцѣленія, отдѣленной отъ него только дверью. Онъ дисциплинируетъ свой мозгъ—это самое необходимое, чѣмъ долженъ заниматься человѣкъ.

Онъ шевелитъ губами.

„Если убійца, вылеченный мною, убьетъ десятерыхъ, я способствую каждому убіенію... Надо помочь живительному потоку, а не заражать его... Одни жестоки, другіе безтактны. Они тоже будутъ жестоки... Страхъ на лицѣ Андрея можно объяснить чисто-лакейской психологіей. Лакей всегда броситъ камень въ ту сторону, куда легче попасть“...

Правая рука профессора взмахиваетъ въ воздухѣ. Ему кажется, что онъ дѣлаетъ рѣшительный и твердый жестъ.

„Здѣсь не можетъ быть сомнѣній! Въ концѣ концовъ никакая болѣзнь не сравнится съ одиночествомъ“.

На губахъ скользитъ улыбка, до странности похожая на улыбку поэта, потерявшаго риѳму, который въ это самое мгновеніе стоитъ по ту сторону двери.

Профессоръ вздрагиваетъ отъ какого-то шума.

...Больные...

Оглянувшись въ недоумѣніи, быстро открываетъ дверь въ пріемную. Открываетъ обычнымъ увѣреннымъ жестомъ, останавливается на порогѣ.

— Прошу!

Привычный взглядъ охватываетъ лица больныхъ и замираетъ на лицѣ человѣка... что-то входитъ въ сознаніе острымъ угломъ, что-то поражаетъ, какъ внезапный дикій и невнятный крикъ...

Въ передней какой-то шумъ.

...грозная дама робкими шажками проскальзываетъ въ кабинетъ.

...поэтъ улыбается широкой, мерцающей, безтрепетной улыбкой, и взглядъ профессора вбираетъ въ себя эту улыбку...

...дамы замѣтили одинъ манжетъ...

...Андрей говоритъ въ щель наружной двери, накинувъ на нее цѣпь...

...Слова падаютъ въ пролеты, въ тишину—холодныя, странно прыгающія, какъ лязгъ цѣпи...

Фролъ Власьичъ стоитъ съ вытянутой шеей, съ газетой въ рукахъ.

Только-что къ профессору прошелъ офицеръ, засыпанный снѣгомъ... Фролъ Власьичъ прислушивается, смотря поверхъ очковъ, выражая всей своей огромной фигурой классическое недоумѣніе.

...„приказано не принимать“... слышитъ Фролъ Власьичъ.

Digitized by Google

— ..!?...

...„офицеровъ“...—летитъ въ пролеты.

...„не могу знать“!..

Лязгъ цѣпи.

Лязгъ цѣпи слышатъ больные, онъ прокатывается сверху до низу и проникаетъ во всѣ уши. Но больные заняты профессоромъ, у котораго большіе, грустные и растерянные глаза.

Они стоятъ близко другъ къ другу... Поэтъ усталъ и ласково, тихо улыбается.

Слова Андрея, дрожащія и холодныя, прорываютъ чье-то рыданіе...

— Ваше благородіе!.. ваше благородіе...

Словно кто-то хочетъ ворваться...

Рыданіе слышитъ только Фролъ Власьичъ.

— Миша, голубчикъ, родной... ну... будетъ тебѣ!..

Фролъ поднимаетъ очки на лобъ и выпрямляетъ спину. Невозможно разобрать... Похоже на визгъ щенка. Или онъ не замѣтилъ, какъ провели на верхъ больного ребенка?

Хлопаетъ внизу наружная дверь. Метель врывается. Плачетъ кто-то. Какъ будто зажали кому-то ротъ...

Профессоръ дѣлаетъ усиліе, словно хочетъ глубже вздохнуть.

— ...Галлюцинація?...—шевелитъ онъ губами. Слишкомъ часто вспоминается это лицо... Тотъ самый... упалъ подъ обломками...

Не отрываясь отъ блаженной улыбки, слишкомъ тяжелой рукой профессоръ закрываетъ дверь. . . . . .

. . . . . .

Паціенты подсчитываютъ очередь.

Андрей стоитъ на своемъ мѣстѣ. Вѣки его мигаютъ.

Пріемъ начался.

Digitized by Google

Движеніе среди служащихъ и рабочихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1905 году *).

Очеркъ первый.

Періодъ массовыхъ профессіональныхъ выступленій (февраль—мартъ 1905 года).

I.

Въ началѣ 1906 года ни у кого, сколько-нибудь знающаго среду желѣзнодорожной службы, не являлось, вѣроятно, и тѣни не только надежды, но даже и предположенія, чтобы ту разрозненную, забитую и безразличную массу, которую представляли тогда желѣзнодорожники, можно было вызвать къ политической жизни, какъ нѣчто цѣльное; чтобы эта масса могла сплоченной арміей выступить въ авангардѣ того широкаго революціоннаго движенія россійскаго пролетаріата, которое достигло такого грандіознаго размаха въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ минувшаго года.

Дѣйствительно, трудно найти какую-либо другую область труда, гдѣ въ такой степени сказывалось бы деморализирующее вліяніе нашего стараго режима, какъ въ желѣзнодорожной профессіи. Въ виду „общественно-государственнаго значенія желѣзныхъ дорогъ“ для нихъ создана необычайно сложная администра-

*) Авторъ предполагаетъ приблизительно въ трехъ очеркахъ прослѣдить послѣдовательный ходъ событій желѣзнодорожной жизни въ 1905 г. События эти такъ тѣсно переплетались съ общимъ ходомъ русской революціи, что невозможно сколько-нибудь объективно говорить о наиболѣе крупныхъ моментахъ минувшаго года—политическихъ забастовкахъ октябрьско-декабрьскаго періода—безъ близкаго знакомства съ процессомъ движенія среди желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Посильное освѣщеніе этого движенія и ставитъ своей задачей авторъ, предваряя, что очерки его не претендуютъ сколько-нибудь полно исчерпать вопросъ, (а скорѣй намѣтить основные моменты) и во многомъ носятъ характеръ личныхъ воспоминаній, пріуроченныхъ къ Москвѣ, гдѣ автору пришлось работать во всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ.

Digitized by Google

тивная машина, длиннѣйшая іерархическая лѣстница служебныхъ градацій, состоящая изъ безчисленныхъ развѣтвленій всевозможныхъ начальствъ, большихъ и малыхъ. Для регулированія этой машины установленъ пресловутый принципъ дисциплины и соткана паутина всевозможныхъ циркуляровъ, инструкцій, правилъ, и проч., имѣющихъ назначеніе регламентировать каждый шагъ, каждое движеніе желѣзнодорожника. Вся эта система, преломляясь въ призмѣ общаго гражданскаго безправія, обратилась въ концѣ концовъ въ орудіе для всевозможнаго карьеризма, фаворитизма, взяточничества и прочихъ перловъ россійской дѣйствительности и выработала сходныя съ рабовладѣльческими взаимоотношенія между низшими и высшими, между рядовымъ желѣзнодорожнымъ работникомъ и его начальствомъ.

Желѣзнодорожныя хищенія и злоупотребленія вошли въ пословицу. Должность самаго незначительнаго „начальства"—хотя бы даже старшого въ артели путевыхъ рабочихъ или канцелярскихъ сторожей—даетъ широкое поле для всевозможнаго хищенія и взяточничества. Не „хапаетъ" лишь тотъ, кто не хочетъ. Очевидно, что это „хапанье" производится въ конечномъ итогѣ за счетъ интересовъ „подчиненныхъ", со стороны которыхъ въ концѣ концовъ можетъ явиться противодѣйствіе. Естественно, что возможность такого противодѣйствія надо устранить, „подчиненнаго" надо обезвредить. Для этой цѣли тотъ административный механизмъ, о которомъ я сказалъ, является незамѣнимымъ. Всѣ его пружины и рычаги получаютъ своеобразное примѣненіе: служатъ способомъ порабощенія „подчиненнаго". Подробное описаніе такого примѣненія этихъ пружинъ и рычаговъ заняло бы цѣлые томы.

Возьмемъ для иллюстраціи любой попавшійся подъ руку примѣръ. Сцѣпка товарныхъ вагоновъ должна производиться съ осторожностью; инструкціи требуютъ, чтобы эта сцѣпка ни въ коемъ случаѣ не производилась съ разгона, толчками, чтобы сцѣпщикъ ни въ коемъ случаѣ не завинчивалъ стяжки на ходу вагона, а лишь тогда, когда вагонъ окончательно остановится. Но въ дѣйствительности такое правило не соблюдается: машинистъ бросаетъ вагоны со всего разгона, сцѣпщикъ подлазитъ подъ вагонъ на ходу его, набѣгу свинчиваетъ стяжки, выскакиваетъ изъ-подъ вагона и бѣжитъ къ другимъ. Такимъ образомъ, и машинистъ, и сцѣпщикъ явнымъ образомъ нарушаютъ правила, совершаютъ, такъ сказать, противозаконный поступокъ (не говоря уже объ опасности вольтижированія сцѣпщика подъ вагонами, особенно ночью и въ гололедицу). Но поступать иначе ни машинистъ, ни сцѣпщикъ не могутъ. Если бы они вздумали работать по правиламъ, то работа ихъ была бы слишкомъ медленна, громоздка; они попали бы въ разрядъ нерадивыхъ и неумѣлыхъ. И вотъ создается такое положеніе: чтобы удержи-

Digitized by Google

ваться на службѣ, они вынуждены работать, нарушая всякія правила, такъ сказать, путемъ беззаконія. А это послѣднее, въ свою очередь, ставитъ ихъ въ безусловную, безъ преувеличенія,—въ рабскую зависимость отъ начальства. Малѣйшее противорѣчіе—и выплываетъ „беззаконность", являются штрафы и прочія взысканія, вплоть до увольненія со службы.

Въ этомъ кроется и причина того, что при разслѣдованіяхъ различныхъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ возможно всегда на йти виновнаго въ лицѣ пресловутаго стрѣлочника, такъ какъ систематическое нарушеніе всякихъ „правилъ" является почти обязательнымъ условіемъ для рядового работника во всѣхъ отрасляхъ желѣзнодорожнаго труда. Безъ такого нарушенія, а, слѣдовательно, и закабаленія себя въ рукахъ ближайшаго начальства, ему невозможно сколько-нибудь продуктивно работать и удерживаться на службѣ. Разумѣется, такой порядокъ (своего рода обычное желѣзнодорожное право) установился на почвѣ попустительства со стороны начальства, первоначально, можетъ быть, и ненамѣреннаго, но съ теченіемъ времени обратившагося въ систему. Слишкомъ ужъ сильное орудіе закабаленія служащихъ давало въ руки начальству такое попустительство. На всемъ этомъ лежитъ гнетъ пресловутой дисциплины, который окончательно связываетъ желѣзнодорожника по рукамъ и ногамъ и парализуетъ всякую его попытку выбиться изъ тисковъ закабаленности. Обратить вниманіе высшаго начальства на свое положеніе, вчинить какое-либо ходатайство лойяльнымъ путемъ—вещь безнадежная. Всякая просьба плыветъ по безконечной лѣстницѣ постепенно повышающихся администраторовъ съ „отзывомъ" каждаго изъ нихъ, и въ лучшемъ случаѣ остается безъ всякихъ результатовъ, а обычно навлекаетъ немилость ближайшаго начальства [1]). Тѣмъ меньшій успѣхъ ожидаетъ жалобу на слишкомъ безцеремонную эксплоатацію. Это навѣрняка, значитъ, заранѣе вычеркнуть себя изъ состава служащихъ: такъ или иначе—выживутъ.

Не трудно видѣть, какая деморализирующая атмосфера создается всей этой системой. Каждый служащій находится въ полной экономической зависимости отъ своего ближайшаго начальства и познаетъ скоро, что исключительно отъ милости послѣдняго зависитъ все его благополучіе. Привыкнувъ „къ недобросовѣстному исполненію обязанностей" сначала подъ давленіемъ обстоятельствъ, онъ переходитъ постепенно къ „злостнымъ" злоупотребленіямъ, частью чтобы выслужиться передъ начальствомъ помощью ему въ его темныхъ дѣлишкахъ, частью чтобы и для

---

[1]) Еще хуже обстоитъ дѣло съ коллективными просьбами, которыя, если и не разсматриваются, какъ „бунтъ", то во всякомъ случаѣ классифицируются, какъ дѣяніе предосудительное, налагающее особенное пятно на участниковъ.

Digitized by Google

себя извлечь выгоду. Этимъ онъ окончательно себя закабаляетъ и обращается въ специфическаго желѣзнодорожнаго волка, всѣ интересы котораго сосредоточиваются на томъ, чтобы половчѣй обдѣлывать свои дѣла да по возможности добраться до теплаго мѣстечка.

Но теплое мѣстечко доступно лишь первоначальной части служакъ; начальства сидятъ крѣпко и допускаютъ къ пирогу лишь избранныхъ, профильтрованныхъ черезъ сито протекціи или испытанной ловкости; громадной же массѣ желѣзнодорожниковъ, тѣмъ рядовикамъ, руками которыхъ дѣлается вся непосредственная работа по выполненію сложнаго и отвѣтственнаго дѣла желѣзнодорожнаго передвиженія, суждено биться въ тискахъ служебнаго произвола, безправія и попиранія всякаго человѣческаго достоинства [1]).

Итакъ, деморализація верховъ, деморализація низовъ—вотъ та гнетущая и заразная атмосфера, которая создалась въ желѣзнодорожномъ мірѣ и въ которой, очевидно, трудно было ожидать развитія въ средѣ желѣзнодорожниковъ какой-либо общественности. Но глухое недовольство, безотчетная ненависть къ давящему режиму въ теченіе долгихъ лѣтъ накоплялись въ этой средѣ. Нельзя забывать о специфическихъ особенностяхъ желѣзнодорожнаго труда, въ которомъ каждый служащій, по выраженію виднаго германскаго желѣзнодорожнаго дѣятеля Макса фонъ-Веберъ, „одной ногой стоитъ въ гробу, а другой въ судѣ". Эти особенности еще болѣе угубляли недовольство и безотчетную ненависть къ режиму, ограничивающіеся, правда, предѣлами небольшого мірка, не идущіе дальше ближайшаго или надближайшаго начальства. Получалось какъ бы накачиваніе духа протеста въ цѣлый рядъ изолированныхъ другъ отъ друга, обособленныхъ мірковъ.

Наверху парила высшая желѣзнодорожная бюрократія, увѣренная въ своей незыблемости и въ томъ, что все идетъ хорошо въ семъ лучшемъ изъ міровъ. Вѣроятно, сердца правителей радовались, сидя на поверхности, что въ желѣзнодорожныхъ „малыхъ сихъ" они имѣютъ безсловесное, покорное стадо. Но радость стала затуманиваться. Желѣзнодорожное хозяйство явнымъ образомъ стало приходить въ упадокъ. Казенныя дороги, отъ перехода которыхъ въ казну ожидались великія и богатыя милости, стали давать систематическій дефицитъ (въ 1903 году—свыше 100 милліоновъ). Скорость грузооборота дошла до анекдотичности (меньше скорости гужевой перевозки) и стала серьезно угрожать интересамъ промышленности. Безсиліе желѣзныхъ дорогъ

---

[1]) А попирается человѣческое достоинство самымъ безпощаднымъ образомъ, и притомъ съ соблюденіемъ достодолжной іерархичности, отъ подаванія галошъ меньшимъ начальствомъ большему до обращенія мелкой служащей сошки въ прислугу въ буквальномъ смыслѣ слова.

Digitized by Google

справляться съ ежегодными хлѣбными залежами стало принимать угрожающій для хозяйства всей страны характеръ. Хаотичность желѣзнодорожныхъ порядковъ стала притчей во языцѣхъ. Статистика несчастныхъ случаевъ, калѣчимыхъ и убиваемыхъ людей, какъ изъ среды пассажировъ, такъ и изъ среды желѣзнодорожныхъ служащихъ, стала принимать внушительные размѣры.

Это давала о себѣ знать сплошная деморализація и верховъ, и низовъ, порождаемая всей системой желѣзнодорожнаго администрированія, системой, въ самой себѣ таящей элементы своего собственнаго разложенія. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте учесть хотя бы тотъ ущербъ, который наносится хозяйству дороги въ приведенномъ выше примѣрѣ со сцѣпкой вагоновъ. Посчитайте, сколько битыхъ вагоновъ приходится исправлять по милости „неправильной" сцѣпки ихъ съ разгона; посчитайте, во что обходится одно только это „неисполненіе" инструкцій; примите во вниманіе, что это—ничтожная доля всѣхъ антихозяйственныхъ проявленій желѣзнодорожнаго режима; прибавьте къ этому всѣ тѣ суммы, которыя уплываютъ въ сторону путемъ прямого хищенія; учтите тотъ хаосъ, который неминуемъ въ области административныхъ распоряженій при сплошномъ выѣзжаніи на игнорированіи всякихъ желѣзнодорожныхъ регламентовъ—и вы поймете, какіе должны были получаться результаты.

Результаты желѣзнодорожная бюрократія видѣла; видѣла, что пора приниматься за реформы, но реформы проводить не могла иначе, какъ по-своему. Началась пѣнкоснимательная система экономничанья, усиленное нагроможденіе дополнительныхъ инструкцій и циркуляровъ. Послѣдніе, кромѣ запутыванья дѣла и лишней возможности закабаленія служащихъ въ рукахъ начальства, ничего, разумѣется, не давали, а экономничанье повело къ тому, что на служащихъ обрушились всевозможныя урѣзыванія, стѣсненія и непосильная подчасъ эксплоатація. И безъ того неприглядная обстановка труда стала ухудшаться еще болѣе; количество работы стало непомѣрно возрастать.

Подъ вліяніемъ этого и подъ вліяніемъ отзвуковъ растущаго и ширящагося въ Россіи рабочаго движенія среди желѣзнодорожниковъ сталъ выходить наружу ропотъ, который, къ ужасу начальства, сталъ проявляться даже въ протестахъ,—правда, робкихъ и разрозненныхъ,—но все же протестахъ. Желѣзнодорожная бюрократія быстро почуяла въ этомъ признаки грядущей крамолы и стала передъ необходимостью заняться прегражденіемъ въ среду своихъ подданныхъ внѣшнихъ вліяній. Когда созидался сложный административный желѣзнодорожный механизмъ, то сознательныя охранительныя тенденціи въ него, вѣроятно, не вкладывались. Взяты были попросту, произвольно надерганные иноземные образцы, посажены на россійскую почву и затѣмъ предоставлены дѣйствію всевозможныхъ вліяній нашей дѣйстви-

Digitized by Google

тельности. А теперь, оказывается, изъ полученнаго такимъ путемъ своеобразнаго желѣзнодорожнаго букета можно было дѣлать богатѣйшее охранительное примѣненіе.

Изобрѣтательности по примѣненію различныхъ сторонъ внутренняго желѣзнодорожнаго распорядка съ охранительными цѣлями проявлено было много, даже слишкомъ много. Бюрократія переборщила и въ своемъ усердіи пробуждала понемногу въ забитомъ и задавленномъ рядовомъ желѣзнодорожникѣ интересъ къ тому, что до него до тѣхъ подчасъ совсѣмъ не доходило [1]).

Съ наступленіемъ японской войны тяжесть желѣзнодорожнаго труда достигла особой напряженности; усилилось и начальственное попечительство въ обереганіи отъ крамолы. Это попечительство становилось все болѣзненнѣе по мѣрѣ роста общаго политическаго броженія въ странѣ и выражалось подчасъ въ самыхъ агитаторскихъ формахъ [2]).

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, пикантная бумажка, иллюстрирующая охранительное усердіе желѣзнодорожныхъ администраторовъ, которую привожу полностью: „Министерство путей сообщенія. Казенныя желѣзныя дороги. Линія Сызрано-Вяземская. Служба пути и зданій. Начальникъ службы. Іюля 24 дня, 1902 года. № 8108. Городъ Калуга.

„Гг. начальникамъ участковъ. Вслѣдствіе предложенія г. Начальника дороги, отъ 16 іюля с. г. за № 44974, при семъ препровождаю Вамъ 6 экземпляровъ брошюръ „Русскимъ рабочимъ душевное слово", изданной бывшимъ старостою Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, Генералъ-Лейтенантомъ Богдановичемъ, и *предлагаю вмѣнить въ обязанность* (курсивъ мой) дорожнымъ мастерамъ прочитать брошюру ремонтнымъ рабочимъ и сторожамъ, а по исполненіи сего передать брошюру для той же цѣли дорожнымъ мастерамъ тѣхъ околотковъ, на которые таковая не была выслана по недостаточности числа экземпляровъ. За начальника службы пути инженеръ (подпись). Секретарь службы пути (подпись)".

[2]) Напримѣръ, въ Тифлисѣ былъ уволенъ безъ всякихъ околичностей правитель дѣлъ Закавказскихъ дорогъ Даниловичъ (должность правителя дѣлъ на казенныхъ дорогахъ весьма внушительная) при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ декабря 1904 года былъ банкетъ обычнаго для того періода характера и съ обычной обще-политической резолюціей. Даниловичъ предложилъ помощнику начальника матеріальной части Грабовскому подписать резолюцію. Начальникъ дороги Ивановскій, узнавъ объ этомъ, немедленно уволилъ со службы Даниловича за попытку, какъ потомъ онъ объяснилъ, „взять подпись о введеніи конституціи". Надо имѣть въ виду, что Даниловичъ, по установленному министерствомъ путей сообщенія еще въ 1897 году порядку, могъ быть уволенъ лишь по разслѣдованіи особой комиссіей, и что онъ въ теченіе болѣе, чѣмъ десятилѣтней, службы сдѣлалъ очень много для Закавказскихъ дорогъ въ качествѣ редактора „Вѣстника Закавказскихъ дорогъ" своими экономическими трудами.

Грабовскій, изъ-за совращенія котораго къ подписи загорѣлся сыръ-боръ, умеръ въ скоромъ времени, не перенеся обвиненія со стороны общества въ доносѣ, послѣ упорнаго нежеланія начальника дороги подтвердить оффиціально, что онъ, начальникъ дороги, узналъ о предложеніи Даниловича подписать резолюцію не отъ самого Грабовскаго, а изъ постороннихъ источниковъ.

Digitized by Google

Совокупность всѣхъ очерченныхъ выше условій приблизила къ предѣлу переполненія чаши терпѣнія желѣзнодорожныхъ массъ, и къ началу 1905 года эти массы представляли какъ бы насыщенный растворъ, въ который достаточно опустить одинъ кристаллъ, чтобы возвать кристаллизацію во всемъ растворѣ. Роль такого кристалла выпала на долю саратовской стачки служащихъ рязано-уральской желѣзной дороги въ серединѣ января.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію того дѣйствія, которое оказала саратовская январская стачка, долженъ оговориться, что, очерчивая выше атмосферу желѣзнодорожной службы, я имѣлъ въ виду среднія условія такъ называемой линіи, т. е. среды станціонныхъ служащихъ различныхъ категорій труда. Условія службы въ управленіяхъ и работы въ мастерскихъ отличаются отъ линейныхъ въ ту выгодную сторону, что массуютъ и держатъ въ постоянномъ взаимномъ соприкосновеніи угнетаемые элементы въ то время, какъ на линіи эти угнетаемые элементы разбиты и разъединены до крайнихъ предѣловъ. То обстоятельство, что масса линейныхъ служащихъ растянута въ нитку большого протяженія по станціямъ, полустанкамъ, путевымъ рабочимъ казармамъ и сторожевымъ будкамъ, образуетъ на линіи длиннѣйшій рядъ замкнутыхъ обособленныхъ другъ отъ друга группъ, въ громадномъ большинствѣ крайне малочисленныхъ (иногда лишь нѣсколько человѣкъ) и, вдобавокъ, затерянныхъ въ глуши, далекихъ отъ общенія съ городскими центрами и культурнымъ міромъ. На большихъ станціяхъ, гдѣ численность этихъ группъ достигаетъ тысячъ и даже десятковъ тысячъ человѣкъ, на подмогу разъединенію выступаетъ знаменитое административное дѣленіе на службы (движенія, тяги, пути и т. д.). Это дѣленіе, по мысли созидателей желѣзнодорожнаго административнаго механизма, должно вести къ предупрежденію служебныхъ злоупотребленій и увеличенію распорядительности мѣстныхъ администраторовъ, находящихся какъ бы подъ взаимоконтролемъ. Разумѣется, въ атмосферѣ нашей желѣзнодорожной дѣйствительности эта система ведетъ къ великолѣпному взаимопокрывательству администраторовъ и улучшенія въ желѣзнодорожное хозяйство не вноситъ; но зато среди рядовыхъ работниковъ разныхъ службъ порождаетъ необычайный антагонизмъ. По мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени желѣзнодорожная администрація стала все болѣе и болѣе страдать крамолобоязнью, система дѣленія на службы стала обращаться въ рукахъ ея въ орудіе намѣреннаго разъединенія служащихъ путемъ искусственнаго раздуванія антагонизма между службами и, наконецъ, обратилась въ системати-

Digitized by Google

ческое насажденіе взаимо-шпіонства, взятое подъ высокую руку желѣзнодорожной жандармеріи [1]).

Въ результатѣ—линія образовала какъ бы аггрегатъ небольшихъ, изолированныхъ отдѣльныхъ капель, сліяніе которыхъ даже подъ тяжелымъ давленіемъ всего гнета желѣзнодорожныхъ распорядковъ не могло бы произойти безъ подогрѣванія въ революціонной температурѣ 1905 года.

Этимъ объясняется почти полное отсутствіе въ прежніе годы какихъ бы то ни было коллективныхъ протестовъ и безплодность усилій вызвать къ жизни въ линейной средѣ хотя бы скромныя профессіональныя организаціи для защиты своихъ интересовъ [2]).

Что касается управленій дорогъ, то здѣсь не могло быть мѣста (въ полной степени) той политикѣ разъединенія, которая примѣнялась на линіи, и управленія, по массовому скопленію большого числа (иногда нѣсколько тысячъ) работниковъ одинаковаго труда, казалось бы, обладали всѣми преимуществами готовыхъ очаговъ „крамольныхъ идей и преступныхъ организацій"; но, съ другой стороны, самый характеръ канцелярскаго труда создавалъ изъ управленцевъ самый безнадежный элементъ въ смыслѣ какихъ бы то ни было активныхъ массовыхъ выступленій, еще болѣе безнадежный, чѣмъ линейные служащіе. Послѣдніе, какъ люди преимущественно физическаго труда, теряя работу на желѣзной дорогѣ, имѣютъ шансы найти иныя средства къ существованію, тогда какъ управленцы обречены подчасъ почти что на голодную смерть въ случаѣ потери мѣста [3]). Этимъ опредѣляется то, что управленцы, по сравненію съ линіей, являются, такъ сказать, небоеспособнымъ элементомъ.

---

[1]) На дорогахъ важнаго стратегическаго значенія (какъ внѣшняго, такъ и въ особой степени „внутренняго") система разъединенія (она же система дѣленія на службы) углубляется до особаго совершенства спеціальными средствами. Такъ, на с.-петербурго-варшавской дорогѣ личный составъ различныхъ участковъ линіи подбирается такимъ образомъ, чтобы не допускать между двумя смежными участками соприкосновенія одной и той же національности; на одномъ участкѣ насаждается русскій элементъ, на сосѣднемъ—польскій, на слѣдующемъ—финскій и т. д.

[2]) Правда, на желѣзныхъ дорогахъ давно сталъ образовываться рядъ потребительскихъ и т. под. обществъ, обществъ взаимопомощи и т. д., нѣкоторыя изъ которыхъ имѣютъ почтенную давность; но все это въ лучшемъ случаѣ—не болѣе, какъ проявленіе филантропическаго зуда какого-либо добродѣтельнаго начальства или подначальства, чувствующаго приливъ отеческой нѣжности къ опекаемымъ подданнымъ, обычно же эти учрежденія попадаютъ въ черту такихъ мѣръ, какъ душеспасительныя чтенія и т. под., и служатъ частью для отвлеченія отъ возможности пойти по гибельному пути крамольныхъ вѣяній, частью—лишнимъ средствомъ для начальства или его присныхъ овладѣть наблюдательной позиціей по отношенію къ подчиненнымъ.

[3]) Особенно въ виду своеобразной спеціализаціи работы желѣзнодорожныхъ канцелярій, благодаря которой опытъ, пріобрѣтенный въ этихъ канцеляріяхъ, нести рѣшительно некуда.

Digitized by Google

Наиболѣе опаснымъ пунктомъ въ смыслѣ податливости внѣшнимъ вліяніямъ являлись всегда мастерскія, по составу своему и по постановкѣ дѣла очень близкія къ обычному типу завода. И на мастерскія, именно, направлялись всегда усилія партійныхъ работниковъ вызвать къ жизни организаціи, не для защиты только, но и для борьбы за свои профессіональные интересы, организаціи боевыя, политически-сознательныя. Но какъ бы ни были подчасъ успѣшны результаты партійной работы въ мастерскихъ, они не вызывали движенія въ остальномъ желѣзнодорожномъ болотѣ. Не говоря о томъ, что желѣзнодорожная бюрократія, понимая, какую ахиллесову пяту представляютъ мастерскія, постаралась о полномъ административномъ изолированіи ихъ отъ остальныхъ линейныхъ элементовъ и „особливую" заботливость проявила въ дѣлѣ углубленія антагонизма между мастерскими и остальными линейными служащими,—самый характеръ желѣзнодорожной техники таковъ, что мастерскія являются какъ бы привходящимъ элементомъ желѣзнодорожнаго хозяйства, имѣющимъ цѣлью удешевлять и ускорять ремонтъ, а частью и изготовленіе движимаго инвентаря; и потому перерывъ дѣятельности мастерскихъ можетъ вліять на функціонированіе самой дороги лишь въ особенно исключительныхъ случаяхъ. И, дѣйствительно, мы видимъ, что стачечное движеніе, эпизодически возникавшее въ разное время въ мастерскихъ различныхъ дорогъ, не отзывалось на работѣ самыхъ дорогъ. Иной разъ желѣзнодорожныя мастерскія становились во главѣ мѣстнаго рабочаго движенія, вели за собой мѣстный пролетаріатъ въ его боевыхъ выступленіяхъ; но все это проходило мимо омертвѣлой въ своей неподвижности линіи. Даже волна массовыхъ забастовокъ на югѣ Россіи лѣтомъ 1903 года лишь вызвала мѣстами короткую заминку желѣзнодорожнаго движенія тамъ, гдѣ революціонный подъемъ пролетарскихъ массъ достигалъ большой напряженности и вызывалъ насильственную задержку поѣздовъ.

Массовое стачечное движеніе, охватившее Россію послѣ петербургскихъ убійствъ 9-го января, захватило и большинство желѣзныхъ дорогъ; но захватило однобоко: реагировали почти исключительно мастерскія, зато реагированіе это приняло широкіе размѣры: лишь на немногихъ дорогахъ мастерскія не отозвались на январскія событія либо забастовкой, либо, по меньшей мѣрѣ, массовками и митингами. Въ крупныхъ центрахъ и на окраинахъ движеніе принимало ярко-политическую окраску; въ болѣе заброшенныхъ углахъ политическая окраска стушевывалась, иногда и совершенно исчезала, и забастовка происходила во имя экономическихъ требованій.

Рядъ почти одновременныхъ забастовокъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ вызвалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарушеніе правильности обращенія поѣздовъ; мѣстами движеніе поѣздовъ, глав-

Digitized by Google

нымъ образомъ товарныхъ, совсѣмъ прекращалось. Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ петербургское 9-ое января совпало съ подготовленіемъ мѣстнаго массоваго политическаго протеста въ день казни пролетаріатцевъ (29-ое января нов. стиля, 16-ое—по старому) и гдѣ поэтому январское движеніе достигло особой интенсивности, функціонированіе желѣзныхъ дорогъ совсѣмъ прекратилось на нѣсколько дней, поддерживаясь лишь эпизодически отправляемыми, съ помощью желѣзнодорожнаго батальона, поѣздами.

Но всѣ эти сотрясенія непосредственно не затронули, въ сущности, равновѣсія широкихъ желѣзнодорожныхъ слоевъ. Среда линейныхъ служащихъ, составляющихъ главный нервъ желѣзнодорожной жизни, осталась безучастной. Тамъ, гдѣ движеніе поѣздовъ останавливалось, среда эта пассивно покорялась откуда-то извнѣ пришедшей необходимости; но дальше этого не шла, не проявляя признаковъ активнаго реагированія на происходящія событія. Можно сказать, что январская повсемѣстная стачка непосредственно осталась бы безрезультатной для судебъ движенія среди желѣзнодорожниковъ, если бы размахъ ея не зацѣпилъ одного, на первый взглядъ, незначительнаго рычага, передвиженіе котораго и повело къ нарушенію равновѣсія въ инертной массѣ линейныхъ и управленскихъ служащихъ. Это произошло, какъ я уже выше сказалъ, въ Саратовѣ, гдѣ общая городская стачка политическаго протеста противъ петербургскихъ звѣрствъ 9-го января достигла, какъ извѣстно, большой напряженности.

Начавшіе 12-го января стачку (вмѣстѣ съ заводомъ Беринга) рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ явились въ конторы управленія рязано-уральской и строющейся астраханской дорогъ и сняли управленцевъ. Присоединеніе послѣднихъ къ стачкѣ шло не совсѣмъ гладко и грозило сорваться. Помогло усердіе начальства. Одна изъ службъ отнеслась къ идеѣ забастовки равнодушно и даже враждебно и оставалась на своихъ мѣстахъ. Отношеніе это не было, разумѣется, равномѣрнымъ, и нѣкоторыя отдѣльныя лица готовы были примкнуть къ стачкѣ; но изъ предѣловъ готовности еще не успѣли выйти. Тѣмъ не менѣе начальство рѣшило примѣнить къ нимъ мѣры репрессіи. Начальственная рѣшимость немедленно стала извѣстной всей службѣ, вызвала взрывъ негодованія, и участь управленской забастовки была рѣшена—управленіе забастовало полностью. Его примѣръ повелъ къ частичной линейной забастовкѣ, охватившей активно, правда, лишь живущіе въ самомъ Саратовѣ и вблизи его линейные слои.

Очень быстро пришлось убѣдиться въ безпочвенности и хрупкости чисто-политической забастовки среди управленскихъ и линейныхъ служащихъ. Въ то время, такъ въ городѣ революціонная атмосфера все болѣе и болѣе повышалась, на сходкахъ желѣзнодорожниковъ тотчасъ же послѣ начала забастовки стала замѣчаться растерянность и тугое восприниманіе лозунга чистаго

Digitized by Google

политическаго протеста. Такъ какъ желѣзнодорожники въ Саратовѣ являлись важнымъ забастовочнымъ факторомъ и отступленіе ихъ прежде времени прорвало бы общій подъемъ въ городѣ, то для удержанія ихъ былъ выдвинутъ вопросъ о предъявленіи экономическихъ требованій. Это быстро устранило шатанія и придало большую интенсивность дѣйствіямъ забастовщиковъ-неофитовъ. Администрація дороги, воспитанная на охраненіи политической невинности своихъ чадъ, напуганная такимъ неожиданнымъ массовымъ проявленіемъ крамолы, узрѣла въ экономическихъ требованіяхъ якорь спасенія, и, немного поторговавшись, поспѣшила сдѣлать рядъ уступокъ [1]). 19-го января саратовскіе желѣзнодорожники стали на работу, одержавъ сравнительно крупную экономическую побѣду.

Эта экономическая побѣда произвела цѣлый переворотъ среди желѣзнодорожниковъ другихъ дорогъ. Дѣло въ томъ, что газеты (въ ту эпоху цензурнаго бѣснованія) стыдливо умалчивали о политическомъ происхожденіи саратовской забастовки, и широкимъ массамъ желѣзнодорожниковъ было извѣстно лишь одно: саратовскіе управленцы и линейцы бастовали вмѣстѣ съ мастерскими и добились такихъ пріятныхъ вещей, какъ повышенія окладовъ, учрежденія бюро выборныхъ отъ служащихъ и пр., и пр. Извѣстіе это вызвало повсемѣстное броженіе, ту кристаллизацію насыщеннаго раствора, о которой я говорилъ выше. Скопившаяся годами ненависть противъ удушающаго режима желѣзнодорожнаго міра нашла, наконецъ, путь къ выходу. Забитый желѣзнодорожный рядовикъ, тщательно охраняемый отъ всевозможныхъ вліяній, съ испуганнымъ недоумѣніемъ и даже съ враждебностью созерцавшій понесшуюся мимо него струю революціи, вдругъ понялъ на саратовскомъ примѣрѣ, что его собственная неподвижность держитъ его въ тискахъ ненавистнаго гнета. Далекій еще отъ какого бы то ни было политическаго самосознанія, онъ почувствовалъ страстное желаніе и самому получить тѣ уступки и улучшенія въ своемъ профессіональномъ стаканѣ воды, которыхъ добились саратовцы и которыя такъ скрасили бы его жизнь; по-

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что „дальняя" линія, не реагировавшая на саратовскій политическій протестъ, немедленно проявила признаки броженія, когда услышала объ экономическихъ требованіяхъ. 17-го января забастовали телеграфисты ст. Козловка, 18-го—козловскія мастерскія, выставивъ требованія, аналогичныя экономической части саратовскихъ. При этомъ необыкновенно ярко проявилась крамолобоязнь желѣзнодорожной администраціи и вѣра ея въ обезвреживающія въ этомъ смыслѣ свойства громоотвода экономики. Козловская городская полиція и желѣзнодорожная жандармерія вызвали войска для „успокоенія" мастерскихъ, но желѣзнодорожная администрація наотрѣзъ отказалась отъ нихъ. На слѣдующій день, 19-го, козловская забастовка прекратилась одновременно съ Саратовымъ и по полученіи одинаковыхъ съ Саратовымъ уступокъ.

Digitized by Google

чувствовалъ готовность къ активному выступленію на отвоеваніе этихъ улучшеній подобно саратовцамъ.

Но одной готовности было мало. Требовалось еще нѣчто, что выдвинуло бы общій лозунгъ и дало бы сигналъ неорганизованнымъ и разъединеннымъ между собой группамъ желѣзнодорожниковъ. Дать такой сигналъ суждено было управленіямъ дорогъ. Это и понятно. Какъ бы ни рвалась наружу накопленная годами въ средѣ линейныхъ служащихъ энергія, для активнаго выступленія ихъ нужно было прежде всего взаимное согласованіе между отдѣльными группами. За отсутствіемъ какихъ бы то ни было своихъ внутреннихъ организацій, такое согласованіе могло произойти, такъ сказать, на естественной почвѣ, на почвѣ организаціи служебной. Но эта послѣдняя организація, изолируя другъ отъ друга скопляющіяся въ одномъ пунктѣ отдѣльныя группы, какъ бы нанизываетъ ихъ на отдѣльныя нити, протянутыя вдоль линіи независимо другъ отъ друга и сходящіяся лишь въ управленіи. А здѣсь, въ управленіи, благодаря чисто канцелярской постановкѣ дѣла, нити эти попадаютъ почти всецѣло въ руки самихъ служащихъ. Это дѣлало управленцевъ тѣмъ центральнымъ пунктомъ, который одинъ только могъ явиться застрѣльщикомъ на первыхъ шагахъ широкихъ желѣзнодорожныхъ массъ по пути организованной планомѣрной борьбы за свои интересы [1]). Не будь экономически побѣдоносной забастовка саратовскихъ управленцевъ, быть можетъ, не скоро прорвался бы заколдованный кругъ, въ которомъ линейные служащіе лишены были данныхъ вступить на путь активной профессіональной борьбы за отсутствіемъ связующаго ихъ иниціативнаго центра, а управленіе, имѣющее всѣ данныя сдѣлаться такимъ центромъ, страдало боязливостью, лишавшей его нужной для этого рѣшимости.

Саратовская забастовка вдохнула въ управленцевъ другихъ дорогъ духъ такой рѣшимости, хотя не въ одинаковой въ разныхъ мѣстахъ степени. Слыша о такомъ сногсшибательномъ завоеваніи саратовскихъ управленцевъ, какъ 5-ти-часовой рабочій день (не говоря о другихъ, хотя и менѣе импонирующихъ, но существенныхъ пріобрѣтеніяхъ), представляя себѣ такую побѣду, по частнымъ извѣстіямъ, весьма легкой и простой, управленцы разныхъ дорогъ сдвинулись съ мѣста и зашумѣли. Тутъ немедленно сказалась отмѣченная мною выше выгодная сторона условій управленской службы, которыя массуютъ и держатъ во взаимномъ соприкосновеніи служащихъ. Призывъ болѣе сознатель-

[1]) Подчеркиваю: „на первыхъ шагахъ", такъ какъ, по мѣрѣ того, какъ борьба стала принимать болѣе серьезный характеръ, руководящая роль стала перемѣщаться въ болѣе боеспособные линейные низы. Это можно было подмѣтить даже въ февралѣ, по мѣрѣ того, какъ забастовки перекидывались съ одной дороги на другую. Но роль связующаго центра осталась за управленіями и по сейчасъ.

Digitized by Google

ныхъ и активныхъ товарищей очень быстро и легко вызывалъ массовку управленцевъ; а первая же массовка моментально преображала эту равнодушную прежде и забитую массу. Управленское же броженіе тотчасъ выводило изъ равновѣсія протянутыя вдоль линіи нити и переплетало ихъ между собой. Широкіе слои желѣзнодорожниковъ проснулись.

Волна январскихъ общихъ забастовокъ политическаго протеста еще не затихла и продолжала еще тамъ и сямъ колыхать желѣзнодорожныя мастерскія, какъ уже началось активное и самостоятельное выступленіе желѣзнодорожниковъ въ широкомъ смыслѣ слова, согласованное выступленіе всего персонала цѣлыхъ дорогъ. Это уже не было стачками мастерскихъ, протекавшихъ внѣ жизни всей дороги. Это было совершенно самодовлѣющимъ, чисто профессіональнымъ движеніемъ, исходившимъ изъ среды неподвижныхъ доселѣ управленскихъ и линейныхъ слоевъ. Начались *линейныя* забастовки.

III.

Пока происходилъ описанный мною процессъ пробужденія широкихъ желѣзнодорожныхъ массъ, высшая желѣзнодорожная бюрократія, напуганная участіемъ цѣлаго ряда мастерскихъ въ политическихъ стачкахъ, забила тревогу. Мастерскія, какъ я уже говорилъ, всегда считались ею ахиллесовой пятой. Сначала желѣзнодорожная администрація, всецѣло надѣясь на чудодѣйственную силу оттяжки въ экономику, постаралась форсировать этотъ старинный (хотя и приносимый всегда много разочарованій) способъ, выступая иногда даже въ роли отцовъ-благодѣтелей и предлагая рабочимъ „изложить свои нужды“ раньше, чѣмъ среди нихъ осязательно возникало забастовочное броженіе [1]). Но видя, что теперь броженіе перешло уже на управленія и линію, не зная истинной психологической подоплеки такого явленія и думая, что это не болѣе, какъ тлетворное вліяніе мастерскихъ (какъ это было въ Саратовѣ), желѣзнодорожная администрація бросилась изобрѣтать дополнительные способы умиротворенія мастерскихъ. Въ газетахъ появилось извѣстіе, что ревизоръ при управленіи желѣзныхъ дорогъ [2]) Гриневскій командированъ на дороги „для ознакомленія съ бытомъ и положеніемъ рабочихъ на

[1]) Дѣло доходило до курьезовъ. Напримѣръ, въ рыбинскихъ мастерскихъ (московско-виндаво-рыбинской дороги) въ роли отца-благодѣтеля явился мѣстный желѣзнодорожный жандармскій офицеръ. Миссія его вышла неудачной, такъ какъ собранные имъ рабочіе въ число экономическихъ требованій включили политическія (заимствованныя, если не ошибаюсь, изъ с.-д. прокламаціи). Это вызвало ярость и угрозы жандарма и повело къ забастовкѣ.

[2]) Управленіе желѣзныхъ дорогъ—составная часть министерства путей сообщенія, соотвѣтствуетъ департаменту желѣзныхъ дорогъ.

Digitized by Google

казенныхъ дорогахъ". Самъ министръ путей сообщенія Хилковъ выѣхалъ на дороги совѣтоваться съ мѣстными начальствами.

Неизвѣстно, въ какую форму вылились бы новыя мѣры умиротворенія мастерскихъ, если бы, какъ снѣгъ на голову, не обрушилась забастовка линіи Москва—Виндава, начавшаяся 4-го февраля; за нею тотчасъ же забастовали въ Воронежѣ служащіе юго-восточныхъ дорогъ—управленіе, мастерскія, депо и станціонные агенты. Раздумывать долго надъ умиротворительными мѣрами было некогда; надо было спѣшить потушить разгорающійся пожаръ. Гасительную струю рѣшено было направить въ главный, по мнѣнію желѣзнодорожной администраціи, источникъ горючаго—въ мастерскія. Хилковъ быстро оказался въ Петербургѣ и скоро по всѣмъ дорогамъ полетѣла слѣдующая телеграмма [1]):

„Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу 7-го февраля, *временно* разрѣшается примѣненіе въ главныхъ и линейныхъ мастерскихъ, при паровозныхъ мастерскихъ и депо слѣдующихъ мѣръ, отвѣчающихъ заявленнымъ рабочими ходатайствамъ.

„Первое: сократить продолжительность рабочаго времени до *девяти часовъ* въ сутки; второе: допустить по отношенію особочтимыхъ праздниковъ *сокращеніе продолжительности работъ наканунѣ* этихъ *праздниковъ;* третье: *допустить къ работамъ желающихъ въ табельные дни,* за исключеніемъ дней тезоименитства и рожденія Государя Императора; четвертое: допустить *учрежденіе въ мастерскихъ и депо особо выбранныхъ отъ рабочихъ* для заявленія о своихъ нуждахъ и ходатайствахъ, примѣнительно къ закону 10-го іюня 1903 года; пятое: допустить *при расцѣнкѣ на сдѣльныя работы экспертовъ изъ болѣе старыхъ и опытныхъ мастеровыхъ,* частью по выбору администраціи мастерскихъ, частью по выбору мастеровыхъ, при условіи, чтобы окончательное утвержденіе расцѣнки принадлежало власти начальника дороги; шестое: *отмѣна ограниченія процентнаго заработка по задѣльнымъ работамъ;* седьмое: *привести заработную плату чернорабочихъ въ соотвѣтствіе съ данными мѣстными условіями* и цѣнами на предметы первой необходимости и, если окажется нужнымъ, то повысить плату.

„Указанныя мѣропріятія являются главнѣйшими. Объ остальныхъ мѣрахъ и *о порядкѣ осуществленія* тѣхъ и другихъ *мѣръ будетъ объявлено особымъ* моимъ *приказомъ.* Правила о выборныхъ отъ рабочихъ, мною сего числа утвержденныя, будутъ вамъ немедленно препровождены. Объявите рабочимъ о даруемой имъ Высочайшей милости и о моей полной увѣренности, что мастеровые и рабочіе пожелаютъ быть достойными оказанной имъ ми-

---

[1]) Основные пункты отмѣчены мною курсивомъ.

Digitized by Google

лости и довѣрія. Подписалъ министръ путей сообщенія князь М. Хилковъ".

Сознательные слои рабочихъ немедленно оцѣнили по достоинству всю фиктивность объявленныхъ мѣръ, въ особенности заявленіе, что мѣры вводятся временно и приписку, что „о порядкѣ осуществленія" этихъ мѣръ будетъ объявлено особо [1]). Тѣмъ не менѣе телеграмма разрядила забастовочную энергію мастерскихъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе утомленія послѣ январскаго стачечнаго подъема.

Но это не только не уменьшило броженія среди рабочихъ желѣзнодорожныхъ слоевъ, а скорѣе подлило масла въ огонь. Въ самомъ дѣлѣ, эти слои видѣли, что мастерскія, давно уже отличавшіяся строптивостью, рядомъ забастовокъ послѣдняго времени добиваются различныхъ уступокъ [2]). И потому и до, и послѣ телеграммы о 9-ти-часовомъ рабочемъ днѣ (какъ принято было называть въ желѣзнодорожномъ мірѣ приведенную телеграмму Хилкова) температура въ управленской и линейной средѣ продолжала быстро повышаться. 8-го февраля забастовала московско-брянская линія московско-кіево-воронежской дороги; 9-го — варшаво-вѣнская дорога; 11-го прекратилось движеніе на участкахъ Саратовъ—Козловъ, рязано-уральской дороги, Самара—Уфа, самаро-златоустовской, на прилегающихъ къ Ригѣ линіяхъ риго-орловской дороги, на Привислинскихъ дорогахъ и на линіи Москва—Рязань, московско-рязано-казанской дороги. Въ то же время возникла забастовка управленія юго-западныхъ дорогъ (въ Кіевѣ), грозившая перейти и на линію. Угрожающіе признаки появились и на другихъ дорогахъ. Желѣзнодорожная бюрократія растерялась. Все, принесенное въ жертву мастерскимъ, оставалось безрезультатнымъ; очевидно, не въ мастерскихъ только находился корень зла. И вотъ въ эту минуту растерянности сдѣланъ былъ важный для дальнѣйшихъ судебъ движенія среди желѣзнодорожниковъ шагъ—объявлено „Положеніе о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ военное время", которое окрещено было военнымъ

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мастерскія мирно работали и ничего не ждали, телеграмма даже вызвала броженіе. „Съ неба свалилась, значитъ, заискиваютъ въ насъ; дали временно, значитъ, отнимутъ, когда перестанутъ заискивать"—такіе разговоры пошли во многихъ мѣстахъ, переходя иногда и въ частичное выступленіе во имя признанія объявленныхъ мѣръ не временными, а постоянными и болѣе ясной ихъ формулировки, а, затѣмъ и во имя 8-ми-часового рабочаго дня, когда выяснилось, что вновь дарованный 9-ти-часовой день нисколько не мѣняетъ бывшую до того времени продолжительность работы (прежде, при 10-ти часовомъ днѣ, давалось полчаса на завтракъ, которые растягивались на часъ).

[2]) Надо имѣть въ виду, что на многихъ дорогахъ послѣ январскаго стачечнаго періода возникло въ первыхъ числахъ февраля повторное, чисто-профессіональное стачечное движеніе мастерскихъ, независимое отъ управленскаго и линейнаго броженія.

Digitized by Google

положеніемъ на желѣзныхъ дорогахъ. Верхи желѣзнодорожной бюрократіи инстинктивно, можетъ быть, не понимали рискованность такой мѣры; они знали, что въ лицѣ линейныхъ и управленскихъ служащихъ они имѣютъ дѣло со смирной паствой, при умѣломъ обращеніи съ которой не трудно было бы справиться съ начавшимся броженіемъ безъ такихъ импонирующихъ и обоюдоострыхъ мѣръ, какъ „военное положеніе"; но тутъ произошло вмѣшательство высшихъ таинственныхъ силъ изъ тѣхъ сферъ, которыя принято называть „звѣздной палатой".

Устное преданіе гласитъ о появленіи „военнаго положенія" слѣдующее. На казанской дорогѣ броженіе приняло осязательныя формы еще 1-го февраля, когда служащими были составлены и предъявлены мѣстному начальству требованія, причемъ срокомъ для отвѣта было назначено 10-ое февраля. Броженіе среди казанцевъ было въ высшей степени интенсивно, такъ какъ трудно найти другую дорогу, гдѣ эксплоатація труда и гнетъ служебнаго произвола доходили до такихъ предѣловъ, какъ на казанской [1]). Это предсказывало администраціи дороги грядущую трудность отдѣлаться легкими уступками. И вотъ правленіе казанской дороги обратилось въ министерство путей сообщенія съ просьбой о введеніи „военнаго положенія". Хилковъ тотчасъ же запросилъ телеграммой управленіе [2]), ходятъ ли почтовые и воинскіе поѣзда, и, получивъ отвѣтъ, что да, отвѣтилъ, уже въ правленіе: „Служащіе благоразумнѣе васъ". А вслѣдъ за этимъ тотъ же Хилковъ 12-го числа разослалъ по дорогамъ слѣдующую телеграмму:

„Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго 11-го сего февраля, положеніе о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ военное время должно быть примѣнено въ полномъ его объемѣ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Европейской сѣти, за исключеніемъ баскунчакской и подъѣздныхъ путей. Предлагаю начальникамъ, директорамъ и управляющимъ объявить о семъ по ввѣреннымъ имъ желѣзнымъ дорогамъ, обративъ вниманіе всѣхъ служащихъ, подлежащихъ дѣйствію упомянутаго Положенія, на возлагаемое на нихъ статьею третьею Положенія обязательство не оставлять службу на дорогахъ внѣ установленнаго для сего порядка и на отвѣтственность, согласно статьи 14-ой Положенія, за самовольное оставленіе службы на дорогахъ или

---

[1]) Система экономничанья и злоупотребленія съ прижимательными цѣлями пружинами административнаго желѣзнодорожнаго механизма вообще на частныхъ дорогахъ проявляются въ болѣе сильной степени чѣмъ на казенныхъ; на казанской же въ особенности.

[2]) На частныхъ дорогахъ *управленіе*, съ управляющимъ дорогой (а не начальникомъ дороги, какъ на казенныхъ) во главѣ, является распорядительнымъ органомъ; руководящимъ же органомъ и финансовымъ распорядителемъ является правленіе, состоящее изъ нѣсколькихъ директоровъ и предсѣдателя, выбранныхъ собраніемъ акціонеровъ.

Digitized by Google

уклоненіе отъ командировки по требованію министерства путей сообщенія. Министръ путей сообщенія Хилковъ".

Такая перемѣна фронта Хилкова объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что казанская дорога (одно изъ самыхъ доходныхъ предпріятій въ Россіи) насчитывала среди своихъ акціонеровъ многихъ сильныхъ міра сего. Предсѣдатель правленія фонъ-Меккъ пользовался большимъ вѣсомъ въ „сферахъ" и считался „своимъ" при великокняжескомъ генералъ-губернаторскомъ дворѣ въ Москвѣ. Это давало возможность казанскому правленію предпринять, въ обходъ нежеланія Хилкова, маневръ въ „сферы" и получить соотвѣтствующее давленіе оттуда.

Такъ говоритъ устное преданіе. Фактическую истину этого дѣла мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Но—si non é vero, é ben trovato: идея воспользоваться „военнымъ положеніемъ" для борьбы съ профессіональными желѣзнодорожными стачками несомнѣнно принадлежитъ казанскому правленію, которое въ этомъ вопросѣ наткнулось даже на оппозицію своихъ же управленскихъ администраторовъ.

Какъ бы то ни было, а „Положеніе о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ военное время" было введено. Подъ дѣйствіе этого Положенія подводятся прежде всего всѣ поголовно желѣзнодорожные служащіе и рабочіе, за исключеніемъ лицъ, достигшихъ 50-ти-лѣтняго возраста [1]). Всякій служащій и рабочій карается тюрьмой на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ за самовольное оставленіе службы. Тому же наказанію онъ подвергается за отказъ отправиться въ командировку на другія дороги для несенія тамъ обязанностей по приказу министерства путей сообщенія. Уйти со службы въ добровольную отставку нельзя: требуется *разрѣшеніе* начальника дороги и согласіе завѣдывающаго пере-

---

[1]) Правда, въ статьѣ 1-й говорится, что дѣйствію Положенія подчиняются лишь служащіе, „занимающіе должности, поименованныя въ особомъ спискѣ", такъ что можно было бы думать, что кромѣ приведеннаго возрастнаго ограниченія, есть и должности, которыя освобождаютъ отъ обязанности подчиняться Положенію. На самомъ дѣлѣ, списокъ составленъ такъ, что захватываетъ буквально всѣхъ служащихъ управленія и линіи и рабочихъ мастерскихъ. Напримѣръ, по управленію вы читаете перечисленіе различныхъ опредѣленныхъ должностей, а въ концѣ—особую главу, гдѣ видите: „инженеръ, техникъ *разныхъ спеціальностей и наименованій*" (курсивъ мой), „чертежникъ, рисовальщикъ"; затѣмъ разныя опредѣленныя должности по счетоводству и дѣлопроизводству; а слѣдомъ—„конторщикъ *всѣхъ наименованій*" (курсивъ мой), напр., журналистъ, регистраторъ, протоколистъ, экспедиторъ, архиваріусъ, завѣдующій паспортной частью *и друг.*" (курсивъ мой). По мастерскимъ, напримѣръ, встрѣчаете: „мастеровой всѣхъ наименованій". Эти „всѣхъ наименованій" и „и друг." устраняютъ какія бы то ни было исключенія, и если этотъ списокъ и нуженъ, то только для того, чтобы дать въ руки начальства лишнее орудіе усмотрѣнія и произвола, на этотъ разъ совсѣмъ крѣпостного характера.

Digitized by Google

движеніемъ войскъ, а въ случаѣ нахожденія въ командировкѣ на другой дорогѣ—еще и согласіе начальника этой послѣдней и мѣстнаго завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ. Желѣзнодорожной администраціи предоставляется власть налагать на своихъ подчиненныхъ за проступки взысканія въ дисциплинарномъ порядкѣ на основаніи примѣчанія къ ст. 69-ой „Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ". Принявъ еще во вниманіе, что впослѣдствіи состоялось соглашеніе министра путей сообщенія съ управляющимъ министерствомъ юстиціи о преданіи служащихъ суду для присужденія тюремнаго заключенія *безъ производства предварительнаго слѣдствія*, не трудно понять, въ какую бездну наглѣйшаго произвола ввергало желѣзнодорожниковъ Положеніе и почему оно было окрещено ими своимъ спеціальнымъ „военнымъ положеніемъ".

„Военное положеніе" оказало вліяніе лишь на тѣ дороги, которыя находились еще въ состояніи броженія, не выступая пока на путь забастовокъ; но на забастовавшія уже дороги произвело мало впечатлѣнія. Меньше всего на казанскую дорогу, гдѣ забастовка протекла необыкновенно упорно и была самой длительной изъ забастовокъ февральскаго періода. Не трудно видѣть, что угрозы тюремными карами забастовщикамъ и прочія предусмотрѣнныя Положеніемъ мѣры являлись мѣрами лишь предупредительными, но безсильны были бороться съ массовымъ выступленіемъ. Нелѣпо было нагромоздить суду одновременное разбирательство десятковъ тысячъ дѣлъ [1]); еще нелѣпѣе было лишиться такого количества рабочихъ рукъ спеціальнаго опыта, замѣнить которыя можно было бы лишь въ самой незначительной части [2]). Понятно поэтому, что „военное положеніе", оказавъ свое вліяніе на дороги, не выступавшія еще активно и не могшія, подъ его давленіемъ, это сдѣлать, какъ неофиты въ массовыхъ выступленіяхъ, не имѣющія еще никакихъ организацій,—это Положеніе не принесло пользы „дѣлу успокоенія" бастовавшихъ дорогъ, такъ какъ даже казанская дорога, такъ страстно его добивавшаяся, не смогла примѣнить его на дѣлѣ, ограничившись лишь таявшими быстро въ горячей забастовочной атмосферѣ угрозами. И казанская дорога была сильно наказана по карману упорствомъ забастовщиковъ за честь призыва „военнаго положенія"; усердіе ея въ этомъ дѣлѣ принесло плоды, но совсѣмъ не тѣ, которыхъ она добивалась.

---

[1]) Непроизводство предварительнаго слѣдствія тогда еще не было установлено.

[2]) Желѣзнодорожные батальоны не могли помочь дѣлу, такъ какъ ихъ вообще мало, а въ то время они были оттянуты на войну. Кромѣ того, ихъ назначеніе, повидимому,—портить паровозы и вносить трудно-поправимый долгое время хаосъ, какъ это показалъ опытъ примѣненія ихъ въ разное время на бастовавшихъ дорогахъ.

Digitized by Google

IV.

Прослѣдимъ теперь вкратцѣ, какъ протекали перечисленныя выше линейныя забастовки и въ какія иныя, кромѣ забастовокъ, формы выливалось желѣзнодорожное броженіе февральскаго періода. Первой дорогой, самостоятельно осуществившей линейную забастовку, была, какъ я уже сказалъ, московско-виндавская [1]). Броженіе возникло въ управленіи этой дороги (въ Москвѣ) тотчасъ по полученіи газетныхъ извѣстій объ экономической побѣдѣ саратовцевъ и скоро это броженіе вылилось въ массовку управленцевъ въ зданіи управленія (31-го января) во внѣслужебное время. На массовкѣ было принято рѣшеніе предъявить управляющему дорогой требованія, назначивъ для отвѣта срокъ 4-го февраля; вопросъ о забастовкѣ въ случаѣ неполученія или полученія неудовлетворительнаго отвѣта въ этотъ срокъ—остался висѣть въ воздухѣ. Несмотря на повышенное настроеніе, чувствовалась робость и неувѣренность. Публика какъ бы сама испугалась своей собственной рѣшимости, и даже требованія были почти буквально скопированы съ саратовскихъ (съ мелкими добавленіями, преимущественно мѣстнаго характера). Кромѣ посылки делегаціи къ управляющему дорогой, рѣшено было немедленно ознакомить линейную среду съ предъявленными требованіями. Послѣднія были частью отправлены, частью развезены по линіи. Управляющій дорогой, встрѣтивъ делегацію управленцевъ „благосклонно“ (какъ принято говорить въ этихъ случаяхъ), не далъ по существу отвѣта, ссылаясь на то, что хозяиномъ дороги является правленіе, и отправился для переговоровъ съ послѣднимъ въ Петербургъ, прося обождать его пріѣзда и не прекращать работы. Въ назначенный служащими для отвѣта день (4-го февраля) состоялось уже въ служебное время собраніе всѣхъ управленцевъ, въ которомъ приняли участіе пріѣхавшіе съ линіи—не депутаты, а, такъ сказать, ходоки. Атмосфера собранія была горяча, но тѣмъ не менѣе психика управленцевъ внушала сомнѣнія въ возможности проведенія сколько-нибудь дружной забастовки. Можно было подмѣтить, что, несмотря на массовый эффектъ, на массовую готовность, нехватало рѣшимости; чувствовалось то отсутствіе боеспособности, которое я отмѣчалъ выше.

---

[1]) Московско-виндавская дорога принадлежитъ акціонерному „Обществу московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги“, правленіе котораго находится въ Петербургѣ. Дороги этого общества дѣлятся на двѣ сѣти: 1) петербургская сѣть съ управленіемъ въ Петербургѣ; въ нее входятъ линіи: Петербургъ—Витебскъ (прежняя царскосельская), Рыбинскъ—Бологое—Псковъ и новгородская вѣтка; 2) московская сѣть съ управленіемъ въ Москвѣ и состоящая изъ линіи Москва—Виндава. Рѣчь идетъ объ этой послѣдней сѣти, сокращенно называемой обычно московско-виндавской жел. дорогой.

Digitized by Google

Отсутствіе боеспособности въ управленіи было восполнено линіей. Взбудораженная управленскими событіями, линія не стала дожидаться и выступила на подкрѣпленіе вѣскости предъявленныхъ управленцами требованій частичной забастовкой. Извѣстіе объ этомъ пришло въ разгарѣ собранія и рѣшило вопросъ. Управленіе забастовало и дало объ этомъ телеграмму по всей линіи. Частичная забастовка послѣдней обратилась въ общую—вся дорога въ тотъ же день стала. Забастовка прекратилась къ вечеру 7-го февраля. Въ этотъ день получились отвѣты правленія, которые управленское общее собраніе признало пріемлемыми, рѣшило само стать на работу и пригласило телеграммой къ прекращенію забастовки и линію [1]).

На юго-восточныхъ дорогахъ такъ же, какъ и на виндавской, броженіе началось въ управленіи (въ Воронежѣ) послѣ саратовской забастовки и въ первыхъ числахъ февраля стало выливаться въ осязательныя формы, но не переходило еще въ какія-либо активныя дѣйствія. Подъ вліяніемъ управленскаго броженія въ воронежскомъ депо и мастерскихъ, 4-го февраля состоялась массовка, перешедшая въ забастовку, къ которой тотчасъ же присоединилось управленіе. На линіи забастовка захватила лишь ограниченный районъ, примыкающій къ Воронежу. Забастовка окончилась 10-го февраля, главнымъ образомъ вслѣдствіе отпаденія (подъ вліяніемъ телеграммы „о 9-ти-часовомъ днѣ") мастерскихъ и депо.

Аналогичное, но безъ забастовки управленія, происходило и на московско-кіево-воронежской дорогѣ. Броженіе управленцевъ (въ Курскѣ) вылилось 30-го января въ собраніе уполномоченныхъ, которое выработало требованія, предъявило ихъ и назначило срокъ для отвѣта (если не ошибаюсь, 2-хъ дневный; во всякомъ случаѣ не больше 3-хъ дневнаго). Управляющій дорогой отправился съ этими требованіями въ правленіе (въ Москву), прося обождать до 8-го, когда онъ надѣется привезти отвѣтъ. Управленцы согласились. Управленскія событія разбудили и линію. 8-го февраля началась линейная забастовка, которая пошла не отъ Курска—мѣстопребыванія управленія,—а отъ Москвы (по московско-брянской вѣтви дороги). Здѣсь, кромѣ управленскаго вліянія, оказала свое дѣйствіе закончившаяся наканунѣ и производившая тогда впечатлѣніе побѣдоносной, забастовка виндавской дороги. Управленіе же не рѣшилось перейти къ забастовкѣ. Какъ только прекратилось движеніе отъ Москвы, гдѣ оставался еще управляющій дорогой,

---

[1]) Характернымъ для политическаго цѣломудрія желѣзнодорожниковъ того времени было то, что въ средѣ виндавскихъ управленцевъ, по иниціативѣ снизу, возникло предложеніе отслужить молебенъ о благополучномъ окончаніи забастовки и о дарованіи начальствомъ разныхъ милостей. Правда, предложеніе было быстро провалено большинствомъ, но нашло порядочный контингентъ сочувствующихъ.

Digitized by Google

послѣдній далъ въ Курскъ телеграмму съ рядомъ частичныхъ уступокъ правленія требованіямъ управленцевъ. Управленцы, въ общемъ собраніи 9-го февраля, хотя и не нашли эти уступки вполнѣ пріемлемыми, тѣмъ не менѣе при голосованіи, — правда, небольшимъ (26 человѣкъ),—но большинствомъ голосовъ рѣшили не прибѣгать къ забастовкѣ, настаивая все же на полномъ удовлетвореніи своихъ требованій. 12-го февраля станціонное общее собраніе въ Москвѣ нашло пріемлемыми объявленныя въ этотъ день правленіемъ уступки и прекратило забастовку.

Наиболѣе упорной изъ забастовокъ этого періода, какъ я уже отмѣчалъ выше, была забастовка казанской дороги. Управленцы выработали и предъявили требованія 1-го февраля, назначивъ срокъ для отвѣта 10-ое. За управленцами стали вырабатывать требованія различныя группы линейныхъ служащихъ. 4-го февраля, отчасти подъ вліяніемъ начавшейся на виндавской дорогѣ забастовки, прорвалась раньше времени забастовка телеграфистовъ и телеграфистокъ станціи „Москва", кончившаяся тѣмъ, что всѣ участники ея 6-го были объявлены уволенными со службы. Это сильно взвинтило настроеніе остальной публики. 10-го февраля получились отвѣты администраціи дороги, которые подверглись обсужденію на общемъ собраніи. Отвѣты были признаны непріемлемыми и началась двухнедѣльная забастовка (собственно отъ Москвы до Рязани; а дальше — островками: въ Алатырѣ, Инзѣ, Сызрани и т. д.). Казанская администрація, не въ примѣръ прочимъ, начала съ крутыхъ „собственныхъ" мѣръ. На требованіе принять обратно уволенныхъ телеграфистовъ и телеграфистокъ она отвѣтила угрозою уволить всѣхъ бастующихъ, а затѣмъ привела свою угрозу въ исполненіе. Но ни это, ни угрозы „военнымъ положеніемъ", объявленнымъ уже, не остановили забастовочнаго натиска, не разбили солидарности забастовщиковъ. Всѣ попытки администраціи вызвать штрейкбрехерство и сорвать забастовку искусственными мѣрами—пусканіемъ поѣздовъ съ помощью чужихъ машинистовъ [1]) и даже руками самихъ начальствующихъ — быстро терпѣли фіаско. Такая сила сопротивленія неорганизованной массы объяснима, кромѣ отмѣченныхъ раньше особыхъ условій казанской дороги (рѣдкая, даже въ ряду другихъ дорогъ, степень эксплоатаціи), еще и тѣмъ, что здѣсь управленіе помѣщается въ станціонныхъ зданіяхъ, тутъ же находится громадный контингентъ станціонныхъ служащихъ, обширное депо и мастерскія. Этимъ достигалось разностороннее массованіе; одновременно выплывали преимущества отдѣльныхъ группъ: управ-

[1]) Это было, кажется, единственное примѣненіе въ то время „военнаго положенія" и, вдобавокъ, совершенно излишнее, такъ какъ машинисты брались со станціи „Москва", николаевской дороги, а здѣсь составъ машинистовъ былъ и остался черносотеннымъ и не требовалъ особыхъ мѣръ для примѣненія ихъ въ качествѣ штрейкбрехеровъ.

Digitized by Google

ленскія преимущества естественнаго центра восполнялись боеспособностью линейныхъ служащихъ и рабочихъ мастерскихъ. 19-го возстановилось пассажирское движеніе, 21-го товарное и работа въ управленіи, 23-го окончательно стали на работу мастерскія. Но тотчасъ же движеніе поѣздовъ стало опять прекращаться, такъ какъ администрація дороги нарушила данное обѣщаніе не дѣлать вычетовъ за время забастовки. Полное прекращеніе забастовки относится къ 26-му февраля.

Большей, чѣмъ на другихъ дорогахъ, стройностью отличались въ февральскій періодъ забастовки дорогъ Царства Польскаго, повторныя послѣ январскихъ. Эти послѣднія, являясь сами по себѣ лишь привходящимъ событіемъ въ общей революціонной вспышкѣ Царства Польскаго, сослужили своимъ опытомъ хорошую службу и установили на линіяхъ естественные организаціонные опорные пункты. Варшаво-вѣнская дорога бастовала съ 9-го по 14-ое февраля и получила серьезныя экономическія уступки (на улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ было ассигновано, если не ошибаюсь, 650,000 рублей). На Привислинскихъ дорогахъ починъ забастовки вышелъ изъ управленія, причемъ дѣло было обставлено такъ, что прежде всего въ управленіе съѣхались делегаты со всей линіи для совмѣстной съ управленцами выработки требованій. Забастовка началась 11-го, одновременно съ открытіемъ засѣданій делегатскаго собранія, такъ что выработка требованій происходила подъ прикрытіемъ бастующей линіи. Характерно было отношеніе привислинцевъ къ угрозамъ „военнымъ положеніемъ". На третій день засѣданій делегатскаго собранія (13-го) начальникъ дороги объявилъ о „военномъ положеніи", предлагая немедленно снять забастовку. Представители низшихъ линейныхъ служащихъ (стрѣлочниковъ, смазчиковъ и т. д.) заявили, что „военнымъ положеніемъ" создается нѣчто безвыходное; они, молъ, понимаютъ, что продолженіе забастовки отзовется дурно для служащихъ, но еще хуже будетъ въ случаѣ возобновленія работъ. Линія ждетъ реформъ и, если забастовка прекратится до введенія ихъ, то нельзя поручиться, что не начнутся крушенія и разные несчастные случаи съ поѣздами на почвѣ негодованія среди линейныхъ служащихъ. На администрацію дороги эта логика подѣйствовала. Делегаты, съ своей стороны, вмѣсто предполагавшейся подробной разработки требованій, поспѣшили закончить сокращенную формулировку ихъ къ слѣдующему дню (14-го); администрація быстро стала на путь уступокъ, и забастовка 16-го прекратилась [1]).

---

[1]) Изъ другихъ дорогъ, на которыхъ въ февралѣ были линейныя забастовки, на рязано-уральской бастовала съ 11-го по 15-ое февраля только линія (участокъ Саратовъ—Козловъ) и притомъ какъ бы для восполненія январскаго пробѣла (когда активно бастовали лишь смежные съ Саратовымъ линейные элементы), чтобы побудить администрацію

Digitized by Google

Обратимся теперь къ дорогамъ, на которыхъ дѣло не доходило до линейныхъ забастовокъ. Здѣсь броженіе управленскихъ и линейныхъ слоевъ выливалось въ самыя разнообразныя формы отъ подачи начальству прошеній, составленныхъ въ приниженной формѣ, до сознательныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Въ ряду послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ забастовка управленія юго-западныхъ дорогъ, гдѣ уже 7-го февраля, по полученіи частныхъ извѣстій о желѣзнодорожныхъ забастовкахъ въ Москвѣ и Воронежѣ, образовалась изъ среды управленцевъ сплоченная группа, пришедшая къ рѣшенію о необходимости въ той или иной формѣ откликнуться на забастовки и выработавшая схему требованій. По полученіи извѣстія о начавшейся въ Москвѣ забастовкѣ московско-кіево-воронежской дороги, эта группа выпустила листокъ, начинающійся слѣдующими словами:

„Товарищи! Рвутся вѣковыя цѣпи рабства, лежащія на плечахъ русскаго народа. Рвутся подъ напоромъ передовыхъ людей, сознавшихъ всю тяжесть гнета. Широкими, могучими волнами несется потокъ недовольства, вырвавшагося изъ десятковъ тысячъ грудей рабочихъ, ученыхъ, учащейся молодежи. Откликнулись на ихъ призывъ къ борьбѣ съ царящимъ произволомъ и наши братья по положенію—желѣзнодорожные служащіе. Всѣмъ вамъ извѣстна стачка служащихъ управленія рязано-уральской дороги. Послѣдніе дни принесли намъ извѣстіе, что бросили работу служащіе управленія московско - виндаво - рыбинской, московско - воронежской, юго - восточныхъ дорогъ, и готовы бросить работу и въ другихъ управленіяхъ. Они добились и добьются удовлетворенія своихъ желаній потому, что дѣйствуютъ солидарно, какъ одинъ человѣкъ. Неужели мы, юго-западники, живемъ въ лучшихъ условіяхъ, неужели мы должны молча пройти мимо всего происходящаго? Нѣтъ и нѣтъ. Наше положеніе такое же: мы, такъ же, какъ они, живемъ въ условіяхъ произвола разныхъ начальствующихъ лицъ, въ условіяхъ непосильной, плохо оплачиваемой работы. Будемъ же солидарны, такъ какъ только въ единеніи сила, только въ немъ залогъ нашего успѣха“ [1]).

Призывъ оказался успѣшнымъ, и юго-западные управленцы (въ количествѣ около 3000 человѣкъ) бросили работу. Администрація дороги торговалась очень упорно. Первое засѣданіе

дороги къ намедленному распространенію на линію реформъ, обѣщанныхъ саратовцамъ въ январѣ.

Относительно риго-орловской дороги (бастовавшей 11-го—14-то февраля) и самаро-златоустовской (11 го—19-го февраля) подробности мнѣ неизвѣстны.

Прибавлю здѣсь, что изъ дорогъ съ линейными февральскими забастовками виндавская, юго-восточныя, московско-кіево-воронежская, казанская, варшаво-вѣнская и рязано-уральская—частныя; привислинскія, риго-орловская и самаро-златоустовская—казенныя.

[1]) Далѣе перечисляются требованія, которыя предлагается предъявить администраціи дороги.

Digitized by Google

Общаго Присутствія [1]) для разсмотрѣнія требованій состоялось 9-го—10-го февраля. Послѣ того, какъ служащіе признали отвѣты Общаго Присутствія непріемлемыми, послѣднее вновь собралось, 11-го—12-го февраля и сдѣлало дополнительныя уступки. Къ этому времени помѣщеніе управленія обратилось въ котелъ, въ которомъ кипѣлъ грандіозный митингъ, занимавшій, за неимѣніемъ подходящихъ залъ, проемъ главной лѣстницы многоэтажнаго зданія управленія. Митингъ выдѣлилъ свыше 100 выборныхъ въ делегатское собраніе („конвентъ", какъ его называли), которое формулировало проекты пунктовъ требованій и разсматривало въ первой инстанціи отвѣты администраціи, передавая тотчасъ же все, дѣлаемое имъ, для окончательной санкціи общему собранію (митингу тожъ) [2]). Для сношеній съ администраціей дороги „конвентъ" имѣлъ особыхъ уполномоченныхъ. Нѣкоторое время „митингъ" шелъ совсѣмъ безъ перерыва, изъ опасенія, что администрація воспользуется перерывомъ и закроетъ зданіе управленія. По полученіи вторичныхъ отвѣтовъ Общаго Присутствія, борьба сосредоточилась вокругъ такъ называемаго 21-го пункта требованій—вопроса о постоянномъ выборномъ бюро служащихъ. 14-го февраля въ третьемъ своемъ засѣданіи Общее Присутствіе вырѣшило и этотъ вопросъ въ благопріятномъ для служащихъ смыслѣ, послѣ чего забастовка прекратилась [3]).

---

[1]) На казенныхъ дорогахъ мѣстнымъ высшимъ распорядительнымъ органомъ является такъ называемое Общее Присутствіе — коллегія, состоящая изъ начальниковъ отдѣльныхъ службъ и особыхъ представителей министерствъ путей сообщенія и финансовъ и государственнаго контроля, подъ предсѣдательствомъ начальника дороги.

[2]) Такая постановка дѣла вела къ тому, что требованія юго-западниковъ выдѣляются среди требованій другихъ дорогъ своей полнотой.

[3]) Не могу отказать себѣ привести здѣсь ходившую по рукамъ юго-западниковъ юмористическую характеристику забастовки (популярное въ то время подражаніе дальне-восточнымъ телеграммамъ): „Телеграмма отъ 15-го февраля 1905 года изъ Кіева министру путей сообщенія. Доношу Вашему Сіятельству, что сего числа громадныя силы непріятеля, до сего времени сосредоточенныя въ службѣ сборовъ, предприняли общее наступленіе по всему фронту управленія. Подкрѣпленныя отдѣленіями службы движенія, матеріальной, коммерческой и бухгалтеріей и имѣя въ резервѣ службы пути и тяги, они неожиданно заняли лѣстницы и проходы и, расположившись по глагольцамъ, тотчасъ же начали бомбардировку Общаго Присутствія петиціями и требованіями. Осажденное Общее Присутствіе рѣшило сдѣлать вылазку, для чего были вызваны охотники, которые, подъ начальствомъ завѣдующаго службой сборовъ Спасовскаго, рѣшили одурачить служащихъ фиктивными льготами; но, въ виду громаднаго количества здраваго смысла, которымъ были снабжены непріятельскія войска, вылазка не удалась. Послѣ первыхъ двухъ штурмовъ, Общее. Присутствіе потеряло восемнадцать укрѣпленныхъ пунктовъ, но твердо держалось на 21-омъ, представлявшемъ изъ себя нѣчто вродѣ сопки съ деревомъ. Предводительствующій непріятельскими войсками Шлихтеръ обошелъ Общее Присутствіе съ праваго фланга, и потому не представлялось возможнымъ удержать и этотъ пунктъ. Потери незначи-

Digitized by Google

Управленская забастовка юго-западныхъ дорогъ передалась въ находящееся въ Кіевѣ управленіе кіево-полтавской дороги (принадлежащей обществу моск.-кіево-воронежской ж. д.), но на своей линіи не отозвалась. Буферомъ явились кіевскія мастерскія, гдѣ хилковская телеграмма о 9-ти-часовомъ днѣ произвела свое дѣйствіе.

Эта же телеграмма косвенно задержала возникновеніе линейныхъ забастовокъ и на нѣкоторыхъ другихъ дорогахъ, напримѣръ, на московско - курской и нижегородской въ Москвѣ, сызрано-вяземской въ Калугѣ, владикавказской въ Ростовѣ. Здѣсь возникли въ первыхъ числахъ февраля забастовки мастерскихъ, поведшія къ пріостановкѣ товарнаго движенія. Управленское и линейное броженіе, начавшее уже выливаться въ формы сходочнаго вырабатыванія требованій, инстинктивно нащупало въ пріостановившихъ товарное движеніе мастерскихъ базу; но не успѣло оно еще перейти въ настоящую линейную забастовку, какъ мастерскія отступили подъ вліяніемъ телеграммы о 9-ти-часовомъ днѣ, и какъ бы выдернули у управленцевъ и линейцевъ опору, внеся въ ихъ ряды замѣшательство. Правда, замѣшательство это прошло, но было уже поздно—на сцену выступили предупреждающія средства „военнаго положенія."

На прочихъ дорогахъ дѣло ограничивалось только вырабатываніемъ петицій и предъявленіемъ ихъ, причемъ въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ управленіи московско-ярославско-архангельской дороги это производилось сходочнымъ порядкомъ; въ другихъ—разбивалось по служебно-обособленнымъ группамъ и изъ послѣднихъ шло либо непосредственно начальству, либо въ собраніе уполномоченныхъ отъ этихъ группъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ начальство „съ тактомъ" успѣвало иногда вовремя захватить въ свои руки процессъ образованія такого собранія уполномоченныхъ, когда онъ только начинался въ отдѣльныхъ группахъ и не успѣвалъ еще распространиться на широкіе слои. Напримѣръ, на николаевской дорогѣ проявленіе броженія выразилось уже 1-го февраля въ сходкѣ служащихъ товарной станціи въ Петербургѣ, на которой были выработаны требованія. Эти требованія были предъявлены начальнику дороги 5-го февраля и одновременно посланы служащимъ московской товарной

тельны; выбыли изъ строя: Лесманъ (завѣд. пенсіонной кассой), Федотовъ-Чеховскій (главный врачъ) и Залѣсскій (контролеръ службы телеграфа). Тяжело ранены репутаціи: Погребинскаго (начальникъ матеріальной части), Заузе (его помощникъ), Печковскаго (помощн. нач. службы движ.), Болсуновскаго (тоже), Шаперо (завѣд. отд. сл. сборовъ), Кисселя (помощн. завѣд. отд. сл. сборовъ) и Гриневича (дѣлопроизводитель канц. сл. сборовъ). Безъ вѣсти пропалъ общій престижъ. Духъ Общаго Присутствія превосходный. Оттепель. Подписалъ начальникъ юго-зап. дорогъ Немѣшаевъ" (въ концѣ упоминаются фамиліи лицъ, на увольненіи или „сокращеніи" которыхъ настаивали служащіе).

Digitized by Google

станціи приглашенія присоединиться [1]). Тотчасъ же зашевелились и управленцы, и отдѣльныя группы ихъ стали тоже вырабатывать и предъявлять петиціи. Начальникъ дороги, видя, что началось проявленіе жизни отдѣльныхъ группъ, которое, очевидно, должно было перейти въ общеніе между группами при посредствѣ представителей каждой изъ нихъ, поспѣшилъ взять на себя иниціативу по устройству такого общенія формальнымъ путемъ, назначилъ самъ выборы представителей въ тѣхъ группахъ, которыя еще не подавали признаковъ жизни провелъ выборы подъ своимъ благосклоннымъ наблюденіемъ и составилъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ высшихъ чиновъ дороги, комиссію „для подробнаго разсмотрѣнія вопросовъ, затронутыхъ въ поданныхъ петиціяхъ". Большинство комиссіи составили безгласные ставленники начальства, и, разумѣется, комиссія обратилась въ комедію, устроенную для отвода глазъ [2]).

Примѣръ николаевской дороги характеренъ для той предупредительной галантности, которой отличалась администрація отдѣльныхъ дорогъ въ февральскій періодъ тамъ, гдѣ надо было разрѣдить забастовочную атмосферу. Не вездѣ удавалось начальству бархатными пріемами врѣзаться клиномъ въ нарождающійся процессъ взаимообщенія между служащими, какъ это было на николаевской дорогѣ, но повсюду можно было наблюдать ласковость и „гуманный либерализмъ". О былой преступности всякихъ „дѣйствій скопомъ" не было уже рѣчи. Начальство охотно разрѣшало собранія, представляло разныя удобства, отводило помѣщенія для

---

[1]) Привожу текстъ этого приглашенія въ виду его характерности для происходившаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ процесса робкаго нащупыванія пути наименьшаго сопротивленія въ первыхъ поползновеніяхъ выступить на защиту своихъ профессіональныхъ интересовъ: „М. Г. Въ виду возростающей съ каждымъ годомъ дороговизны жизни въ столицѣ и въ виду того, что постепенно и прибавляется работа, а между тѣмъ высшее желѣзнодорожное начальство заботится лишь объ удобствахъ публики, нисколько не обращая вниманія на бытъ своихъ рабовъ—агентовъ, служащіе СПБ. товарной станціи никол. дор., въ собраніи отъ 1-го февр., единогласно постановили обратиться къ начальнику дороги съ прошеніемъ объ улучшеніи ихъ быта. Желая получить поддержку со стороны служащихъ въ Москвѣ, которая можетъ сослужить хорошую услугу какъ вамъ, такъ и намъ, мы смѣемъ покорно просить Васъ, М. Г., ознакомить всѣхъ вашихъ сослуживцевъ съ прилагаемымъ при семъ прошеніемъ, каковое мы сегодня, 5-го февр., черезъ выборныхъ подаемъ начальнику дороги, и просимъ васъ точно также съ своей стороны составить прошеніе на имя начальника дороги, въ коемъ высказать всѣ ваши первѣйшія нужды. Наше прошеніе подписано всѣми служащими, за исключеніемъ начальника станціи и его помощниковъ. СПБ. 5 февр. 1905 г. Служащіе петербургской товарной станціи".

[2]) Въ концѣ концовъ (къ началу марта) часть делегатовъ вышла изъ комиссіи „за невозможностью самостоятельной и продуктивной работы", какъ они мотивировали уходъ, и дѣятельность комиссіи заглохла. Но къ тому времени громоотводная надобность въ комиссіи миновала.

Digitized by Google

делегатскихъ собраній чуть ли не въ „святая святыхъ“ желѣзнодорожныхъ канцелярій — залахъ совѣтовъ, брало подъ свою высокую руку защиту собраній служащихъ отъ покушеній общей администраціи и т. д., и т. д. При заявленіи петицій оно цѣломудренно удивлялось, откуда сіе, неизмѣнно находило, что положеніе его служащихъ лучше, чѣмъ на другихъ дорогахъ [1]), а затѣмъ добавляло, тѣмъ не менѣе, о полной своей готовности сдѣлать „все, что возможно сдѣлать“, и, передавая петиціи въ высшія инстанціи, не уставало твердить, что тамъ „всѣ пожеланія служащихъ разсматриваются въ высокой степени благожелательно.“ Въ этомъ сладкогласномъ хорѣ диссонансы звучали рѣдко, вродѣ телеграфнаго приказа по линіи начальника московско-брестской дороги, рѣшительнаго военнаго генерала, взывавшаго къ долгу „всякаго честнаго гражданина русскаго“, которымъ „требуется полное напряженіе силъ для несенія громадныхъ трудовъ и даже терпѣливаго перенесенія нѣкоторыхъ лишеній, когда наши отцы, братья и дѣти проливаютъ кровь за родину на Дальнемъ Востокѣ“; указывавшаго, что вопросы, возбужденные на другихъ дорогахъ,—такого рода, что улучшеніе, если будетъ сдѣлано министерствомъ, то для всѣхъ дорогъ одинаковое; угрожавшаго увольненіемъ забастовщиковъ и замѣной ихъ желѣзнодорожными батальонами [2]) и, наконецъ, обѣщавшаго отправить запасныхъ нижнихъ чиновъ изъ числа забастовщиковъ на Дальній Востокъ. Извинительнымъ для рѣшительности генерала являлось то обстоятельство, что по брестской дорогѣ, не въ примѣръ прочимъ, броженія въ то время почти никакого не наблюдалось,—слишкомъ забитъ и неподвиженъ былъ составъ линейныхъ и управленскихъ слу-

---

[1]) Иногда въ своемъ наивничаньѣ желѣзнодорожные отцы пересаливали и садились въ лужу. Напримѣръ, правленіе московско-виндаво-рыбинской дороги послѣ предъявленія служащими требованій, но до начала забастовки, съ цѣлью предупрежденія послѣдней, вывѣсило объявленіе, въ которомъ, въ широковѣщательной формѣ, говорило. „Въ теченіе свыше 35-тилѣтняго существованія общества моск.-винд.-рыб. жел. дор. правленіе постоянно стремилось къ возможному улучшенію быта служащихъ, которые, въ свою очередь, всегда относились съ полнымъ довѣріемъ къ благожелательному для нихъ образу дѣйствій правленія. Узнавъ, что въ средѣ служащихъ одного изъ мѣстныхъ управленій общества имѣется рядъ ходатайствъ объ улучшеніи ихъ положенія, правленіе признало своевременнымъ осуществить нынѣ же главное свое предположеніе объ открытіи при каждомъ управленіи особаго отдѣла по улучшенію быта служащихъ... и сосредоточить въ этихъ новыхъ отдѣлахъ постоянную и систематическую заботу какъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія служащихъ, такъ и объ удовлетвореніи ихъ духовныхъ и культурныхъ нуждъ“.

Выходило такъ, что 35 лѣтъ правленіе „стремилось“, но только узнавъ, что въ средѣ служащихъ имѣется рядъ ходатайствъ, рѣшило приступить къ реализаціи стремленія и осуществить главное свое предположеніе—создать новыя чиновничьи должности.

[2]) Которыхъ, къ слову сказать, взять въ то время было неоткуда.

Digitized by Google

жащихъ (петиціи на этой дорогѣ стали составляться различными группами служащихъ уже потомъ, въ концѣ февральскаго забастовочнаго періода).

Призывы къ истинно-русскому патріотизму попадались и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ приказа начальника московско - курской, нижегородской и муромской желѣзныхъ дорогъ: „Страшно даже подумать, какія послѣдствія можетъ повлечь за собой болѣе крупное замѣшательство въ движеніи поѣздовъ, въ особенности на дорогахъ, какъ наши, служащихъ однимъ изъ главныхъ путей по перевозкѣ всякихъ грузовъ для потребностей арміи. Вѣдь эта полумилліонная армія, въ которой, если не у всѣхъ, то у значительнаго большинства служащихъ находятся отцы, дѣти, братья, родственники, друзья — можетъ быть разбита и уничтожена не врагами-японцами, а благодаря недостатку снарядовъ, орудій, провіанта, одежды и обуви, т. е. по винѣ насъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ. Я вполнѣ увѣренъ, что служащіе моск. - курск., нижегородск. и муромской жж. дд. сознательно поймутъ ту страшную отвѣтственность, которую они несутъ передъ Богомъ и нашимъ героемъ-солдатомъ на Дальнемъ Востокѣ и приложатъ всѣ старанія и все свое разумѣніе къ тому, чтобы на нашей дорогѣ не только не было бы какихъ-либо замѣшательствъ въ движеніи поѣздовъ, а, напротивъ того, движеніе это производилось съ правильностью часовъ, какъ это было во время Курскихъ маневровъ (этой примѣрной войны) въ 1902 году, когда всѣ служащіе московско - курской дороги такъ блестяще и такими молодцами выполнили выпавшую на ихъ долю задачу“.

Въ pendant „молодцамъ-желѣзнодорожникамъ“ любопытна [1]) была разосланная по линіямъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ слѣдующая телеграмма Витте (прообразъ будущихъ „братцевъ-рабочихъ“): „Что у васъ дѣлается? Неужели юго-западныя дороги, пользующіяся всеобщей репутаціей желѣзнодорожной организаціи, порядка и дисциплины, измѣнятъ своимъ традиціямъ? Я хочу вѣрить, что бывшіе мои сослуживцы сумѣютъ выйти изъ соблазна. Пусть бывшіе мои старые сотоварищи пекутся о нуждахъ младшихъ, а младшіе съ довѣріемъ относятся къ старшимъ“ [2]).

Къ чести мѣстной желѣзнодорожной администраціи надо сказать, что она рѣдко прибѣгала къ подобнымъ нечистоплотнымъ прие-

---

[1]) Отзывается „молодцами-фанагорійцами“.

[2]) „Бывшіе мои сослуживцы“ напоминаютъ министра путей сообщенія князя Хилкова, который передъ собранными имъ (не помню гдѣ) рабочими желѣзнодорожныхъ мастерскихъ говорилъ: „Вотъ вы меня видите теперь въ блестящемъ придворномъ мундирѣ, а когда-то и я былъ такимъ же рабочимъ, какъ и вы“. Нужно добавить, что вылазка Витте была совершенно добровольной, такъ какъ въ то время онъ никакого формальнаго отношенія ни къ жел. дорогамъ, ни къ управленію ими не имѣлъ.

Digitized by Google

мамъ и старалась бороться главнымъ образомъ внѣшней предупредительностью. Даже на бастующихъ дорогахъ, наряду съ угрозами (увольненія и пр.), предупредительность покрывала эти угрозы. По появленіи „военнаго положенія“ бархатныя лапки „гуманнаго либерализма“ стали проявлять присутствіе когтей самаго реальнаго характера. Правда, когти далеко не выпускались и не царапали еще, но о присутствіи ихъ доводилось до всеобщаго свѣдѣнія. Наряду съ прежней предупредительностью начались болѣе или менѣе недвусмысленные намеки на скорѣйшую необходимость втиснуться въ лойяльныя рамки подъ угрозами репрессій. Дальше этого не шло, такъ какъ въ интересахъ администраціи было поддѣть своихъ подчиненныхъ на удочку ничѣмъ не обязывающей политики малыхъ уступокъ и большихъ обѣщаній и не вносить въ ихъ среду излишняго раздраженія. Слишкомъ горяча была атмосфера общаго забастовочнаго броженія. Подавлять это броженіе съ мѣста въ карьеръ администрація не рѣшилась и старалась предварительно охладить его подталкиваніемъ на „лойяльный путь мирныхъ просьбъ и ходатайствъ“.

Слѣдствіемъ такой политики желѣзнодорожной администраціи явилось то, что забастовочная волна февральскаго періода, по мѣрѣ уменьшенія своей силы, заходила въ глухіе, мирно спавшіе затоны желѣзнодорожнаго міра въ преобразованномъ видѣ, принося несбыточныя мечтанія и наивныя надежды на возможность добраться до кисельныхъ береговъ служебнаго благополучія лойяльнымъ путемъ, путемъ подачи различныхъ просьбъ и прошеній. И вотъ изо всѣхъ уголковъ поплыли цѣлыя груды петицій, цѣлый петиціонный дождь. Это зашевелились тѣ „младшіе“, которые, по виттевскому рецепту, „относились съ довѣріемъ къ старшимъ“, тѣмъ старшимъ, каковые, по предположенію того же Витте, „пекутся о нуждахъ младшихъ“. Много приходилось встрѣчать подчасъ трогательно-наивнаго. Гдѣ-нибудь на заброшенной станціи или путевой будкѣ мѣстный грамотей выводилъ неумѣлой рукой такое, напримѣръ, заявленіе: „А если родится мальчикъ, то 5 руб. пособія; а если дѣвочка, то 3 руб. А если умретъ мальчикъ, то 8 руб., а если дѣвочка, то 5 руб.“.

Тамъ, наверху, въ сферахъ высшей желѣзнодорожной бюрократіи, уже давно все измѣнилось. Политика гуманной предупредительности замѣнилась откровенной безцеремоностью; изъ-за лисьяго хвоста выглянули волчьи зубы; въ авангардныхъ желѣзнодорожныхъ низахъ началъ развиваться въ то-же время процессъ организаціи своихъ силъ; а здѣсь, въ удаленныхъ отъ жизни уголкахъ, продолжала еще колыхаться петиціонная волна и медленно, но систематически дѣлать свое дѣло—будить спящихъ еще обитателей этихъ уголковъ. Становилось иногда прямо-таки удивительно, какихъ только „забытыхъ людей“ ни вызывала она

Digitized by Google

къ жизни! Напримѣръ, въ апрѣлѣ уже въ министерство путей сообщенія поступила петиція желѣзнодорожныхъ инвалидовъ полтавскаго отдѣленія объ улучшеніи ихъ положенія, остававшагося до сихъ поръ, по ихъ словамъ, „невозможнымъ“.

Такъ доканчивался съ помощью двуличной политики обѣщаній желѣзнодорожной администраціи процессъ пробужденія широкихъ желѣзнодорожныхъ массъ [1]).

V.

Разбуженная желѣзнодорожная масса на первыхъ же шагахъ своей самодѣятельности натолкнулась на полное отсутствіе въ своей средѣ своихъ внутреннихъ организацій. Тѣ, на первый взглядъ стройныя, объединенныя выступленія, какими казались въ то время линейныя забастовки февральскаго періода, создались на почвѣ причинъ совершенно объективныхъ, были какъ бы проявленіемъ самоотрицанія всей желѣзнодорожной административной системы. Самая стройность и кажущаяся организованность забастовокъ объяснялась свойствами той же системы. Пресловутая дисциплина, такъ тщательно насаждаемая, принесла свои плоды

---

[1]) По окончаніи серіи постоянныхъ очерковъ, я предполагаю вернуться къ февральскому забастовочному періоду и разсмотрѣть выдвинутыя имъ профессіональныя требованія. Требованія эти представляютъ богатый матеріалъ для выработки подробныхъ профессіональныхъ программъ различныхъ желѣзнодорожныхъ организацій. А подробныя профессіональныя программы необходимо заготовлять заранѣе, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ, какъ это было въ октябрьско-декабрьскій періодъ свободъ, когда тотчасъ послѣ октябрьскаго политическаго выступленія изъ нѣдръ желѣзнодорожныхъ массъ поднялись крайне интенсивною волною профессіональные запросы. Работавшіе въ тотъ періодъ въ желѣзнодорожныхъ организаціяхъ хорошо знаютъ, какъ безпомощно приходилось чувствовать себя, не имѣя возможности удовлетворить этихъ вспыхнувшихъ съ такой силой профессіональныхъ запросовъ иначе, какъ общими положеніями, тогда какъ масса настойчиво и нетерпѣливо требовала совершенно опредѣленной, конкретной и детальной программы. И не по винѣ, разумѣется, самихъ работавшихъ пріобрѣтшія уже въ то время вліяніе желѣзнодорожныя организаціи рисковали сильно отстать отъ жизни, рисковали самымъ вліяніемъ, если бы не декабрьскія событія, которыя возстановили statu quo. Вотъ почему я предполагаю особо вернуться къ вопросу о профессіональныхъ требованіяхъ, чтобы оказать посильную помощь тѣмъ, у кого можетъ встрѣтиться нужда въ соотвѣтствующихъ матеріалахъ. Позволю здѣсь обратиться съ просьбой къ товарищамъ-желѣзнодорожникамъ помочь мнѣ въ составленіи возможно полной сводки матеріаловъ присылкой различныхъ петицій, программъ, трудовъ разныхъ комиссій и прочихъ данныхъ, какъ февральскаго періода, такъ и послѣдующаго времени (собранныя мною до сихъ поръ данныя, хотя и обнимаютъ значительное число—около 22-хъ дорогъ,—но касаются лишь февральскаго періода, и притомъ односторонне-скуденъ матеріалъ о линейныхъ требованіяхъ; почти нѣтъ данныхъ о требованіяхъ мастерскихъ, не хватаетъ по многимъ дорогамъ свѣдѣній, какія мѣры выполнила мѣстная администрація и какъ долго эти мѣры продержались).

Digitized by Google

и съ другого конца—выработала въ желѣзнодорожникахъ спеціальныя качества, неоцѣнимыя во время забастовочныхъ дѣйствій: умѣнье быстро оріентироваться и согласовывать свои дѣйствія съ указаніями, исходящими изъ опредѣленнаго центра. И появленіе въ ихъ средѣ новаго центра—общаго ли собранія служащихъ, делегатскаго ли собранія, или же стачечнаго комитета, зовущаго къ прекращенію работъ,—быстро воспринималось ими; они быстро приспосабливались къ распоряженіямъ такого новаго центра, дружно прекращали работу и не менѣе дружно возобновляли ее по его призыву. Удивительнѣй всего было, что широкая масса обычно не знала даже, какъ слѣдуетъ, формулировки тѣхъ требованій, во имя которыхъ новоявленный центръ звалъ ихъ на борьбу. Они знали, что предъявлены какія-то требованія, но въ какой степени эти требованія близки ихъ насущнымъ интересамъ, имъ не было извѣстно—явился новый „баринъ" въ лицѣ забастовочнаго комитета или иного подобнаго учрежденія, и—„баринъ насъ разсудитъ". Баринъ, въ свою очередь, попадалъ въ положеніе не изъ пріятныхъ. Производясь въ этотъ чинъ, самъ онъ долженъ былъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, а между тѣмъ не было подъ руками готовыхъ данныхъ о профессіональныхъ нуждахъ многочисленныхъ категорій труда желѣзнодорожниковъ. И стачечному центру приходилось, составляя программу забастовочныхъ требованій, ограничиваться надергиваніемъ ихъ, кое-какъ замахиваясь въ заключеніе общей фразой о томъ, что проведеніе въ жизнь реформъ, на которыхъ онъ настаиваетъ, должно быть произведено при участіи представителей отъ служащихъ, причемъ будутъ подробно разработаны нужды тѣхъ категорій труда, которыя въ данномъ заявленіи не затронуты или затронуты въ общей формѣ.

Первымъ слѣдствіемъ этого было немедленно начавшееся взаимообщеніе между различными группами желѣзнодорожниковъ. Желѣзнодорожная администрація, несмотря на введенное уже „военное положеніе", продолжала еще проявлять предупредительность въ своемъ усердіи вывести забастовочную энергію въ клапанъ „корректнаго", какъ она любила выражаться, выраженія своихъ нуждъ; старалась вѣру въ забастовочнаго барина перевести на себя, какъ окончательнаго рѣшителя судебъ всевозможныхъ ходатайствъ, обнадеживая широковѣщательными обѣщаніями. Правда, эти обѣщанія, по существу, сводились къ тому, что будетъ дано все, что окажется возможнымъ дать, но такой тонъ въ угарѣ общаго броженія только что проснувшихся желѣзнодорожниковъ широкими ихъ слоями не замѣчался. А такъ какъ администрація въ своей политикѣ разрѣженія забастовочной атмосферы охотно допускала болѣе или менѣе широкую постановку „выясненія нуждъ" путемъ различныхъ комиссій, делегатскихъ собраній, объѣздовъ линій и т. под., то понятно, что на этой почвѣ

Digitized by Google

немедленно началось лихорадочное взаимообщеніе служащихъ, которымъ были заложены первые зачатки своихъ внутреннихъ организацій.

Февральскія забастовки вызвали въ желѣзнодорожной массѣ сознаніе своей силы при коллективномъ выступленіи, указали значеніе сплоченности и необходимость организаціи. Воспитательное значеніе февральскаго періода въ этомъ смыслѣ было громадно. Отдѣльныя группы выдвинули болѣе энергичныхъ и пользующихся довѣріемъ людей и такимъ образомъ оказались налицо всѣ данныя къ тому, чтобы разрозненныя ранѣе отдѣльныя звенья въ атмосферѣ поощряемаго пока начальствомъ „выясненія нуждъ“ начали приходить въ соприкосновеніе и заковываться постепенно въ одну общую цѣпь. Скоро по всему фронту желѣзнодорожныхъ линій закипѣла организаціонная работа. Первые свои шаги организаціонный процессъ дѣлалъ обычно на почвѣ весьма невинной. Спѣшка и неподготовленность, при наличіи которыхъ составлялись первичныя забастовочныя требованія и петиціи, скоро сказались; публика скоро увидѣла, что сдѣланныя уже администраціей уступки касаются лишь ничтожной доли даже самыхъ элементарныхъ нуждъ, и вся тяжесть экономическаго положенія и необезпеченности осталась, въ сущности, въ силѣ. Нежеланіе ждать, пока начнутъ осуществляться со стороны начальства дальнѣйшія, обѣщанныя и обѣщаемыя ею, улучшенія быта, выливалось въ потребность организоваться самостоятельно съ цѣлью взаимопомощи въ этомъ направленіи, и такія организаціи стали мало-по-малу зарождаться. Правда, болѣе энергичные элементы дѣлали попытки создать организаціи, хотя и профессіональныя, но уже болѣе боевыя, имѣющія цѣлью активную борьбу за дальнѣйшія завоеванія въ области профессіональныхъ интересовъ, но эти попытки пока не шли глубоко въ массу.

Организаціонная работа не ограничивалась каждой дорогой въ отдѣльности, а стала переходить и въ междодорожную. Въ крупныхъ центрахъ, гдѣ сходится нѣсколько дорогъ, выдѣлившіеся на каждой изъ нихъ организаціонные пункты стали искать сближенія другъ съ другомъ. Зарождающіяся такимъ путемъ въ крупныхъ центрахъ междорожныя организаціи стали затѣмъ искать общенія другъ съ другомъ; возникала мысль объ объединеніи дорогъ извѣстнаго района; такой процессъ междорожнаго и порайоннаго сближенія съ большей или меньшей интенсивностью, съ тѣми или иными индивидуальными особенностями, развивался въ разныхъ мѣстахъ. Попытаюсь дать нѣкоторыя подробности о развитіи этого процесса въ Москвѣ.

Въ разгаръ февральскихъ забастовокъ музей содѣйствія труду (особый отдѣлъ при московскомъ отдѣленіи императорскаго русскаго техническаго общества), имѣющій цѣлью изученіе различ-

Digitized by Google

ныхъ областей труда и оказаніе организаціонной помощи различнымъ профессіональнымъ группамъ, обратился къ бастующимъ желѣзнодорожникамъ съ приглашеніемъ воспользоваться музеемъ для взаимныхъ сообщеній о ходѣ забастовокъ и о выясняющейся постепенно картинѣ главнѣйшихъ профессіональныхъ нуждъ. Сначала такія собранія происходили подорожно, а затѣмъ на нихъ стали стекаться служащіе разныхъ дорогъ, примыкающихъ къ Москвѣ. Численность этихъ собраній достигала обычно 300—400 человѣкъ. По мѣрѣ того, какъ забастовки прекращались, сталъ выясняться забастовочный балансъ, и скоро публика увидѣла, что непосредственные результаты, если не считать обѣщаннаго, крайне мизерны, и призывъ объединиться съ цѣлью добиваться улучшенія своей участи самодѣятельнымъ путемъ, помимо того, что можно будетъ еще вырвать у желѣзнодорожной администраціи, палъ на благодарную почву. Было встрѣчено сочувственно предложеніе приступить къ основанію московскаго междорожнаго общества взаимопомощи и рѣшено было изъ среды собранія избрать комиссію для редактированія устава такого общества, причемъ, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, было рѣшено воспользоваться „Примѣрнымъ уставомъ обществъ взаимной помощи", утвержденнымъ въ октябрѣ 1904 года министромъ внутреннихъ дѣлъ Святополкъ-Мирскимъ. Уставъ этотъ представлялъ то преимущество, что предусматривалъ всю внутреннюю организацію исключительно выборную и зависимую лишь отъ общихъ собраній членовъ общества, а самое важное—избавлялъ отъ волокиты по инстанціямъ, такъ какъ разрѣшеніе общества по этому уставу зависѣло отъ мѣстнаго губернатора (или градоначальника). Въ комиссію по редактированію устава были избраны служащіе разныхъ дорогъ, сходящихся въ Москвѣ, и такимъ образомъ было положено начало организованнаго междорожнаго общенія въ московскомъ узлѣ.

Надъ уставомъ комиссіи пришлось сидѣть не долго, такъ какъ работа ея сводилась къ заполненію пробѣловъ и къ фиксированію размѣровъ взносовъ и т. под. Для проведенія устава въ жизнь, была выдѣлена небольшая подкомиссія, которой было поручено выполнить всѣ нужныя формальности по утвержденію устава и основанію общества [1]), а комиссія тѣмъ временемъ заня-

---

[1]) Прошеніе московскому градоначальнику о разрѣшеніи „Московскаго общества взаимопомощи желѣзнодорожныхъ служащихъ", какъ рѣшено было его назвать, было подано 4-го марта, причемъ прошеніе это было подписано не членами комиссіи, а другими желѣзнодорожными служащими, приглашенными быть учредителями. Изъ этой затѣи ничего не вышло, такъ какъ никакого отвѣта отъ московскаго градоначальника не получилось, да въ немъ и надобность миновала, такъ какъ событія скоро пошли по новому пути (хотя ходили слухи, что чуть ли не наканунѣ октябрьской забастовки московское градоначальство продолжало еще на-

Digitized by Google

лась другимъ вопросомъ. На ярославской дорогѣ, гдѣ разрѣдительная предупредительность администраціи была необычайно велика и гдѣ предупрежденіе забастовки было достигнуто за счетъ предоставленія служащимъ солидной постановки выборнаго начала [1]), на этой дорогѣ стоялъ на очереди вопросъ о выработкѣ инструкціи для бюро выборныхъ отъ служащихъ.

Вопросъ о созданіи такихъ бюро на дорогахъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ требованій февральскаго періода, причемъ задачи бюро въ различныхъ мѣстахъ понимались отъ скромнаго права доводить до свѣдѣнія начальства черезъ выборныхъ о своихъ нуждахъ до болѣе серьезной постановки дѣла систематическаго регулированія всей служебной жизни желѣзнодорожниковъ. Роль такихъ бюро, за рѣдкими исключеніями, предусматривалась служащими чисто совѣщательная; предполагалось создать ими, съ одной стороны, моральную силу, которая путемъ вмѣшательства въ область административныхъ разслѣдованій и дисциплинарныхъ взысканій должна, если не вполнѣ, то отчасти сдерживать принципъ дисциплины-произвола, пропитавшей всю желѣзнодорожную жизнь; съ другой стороны, имѣлось въ виду право вчиненія всевозможныхъ вопросовъ, касающихся условій труда и быта желѣзнодорожниковъ и остающихся въ полномъ небреженіи со стороны желѣзнодорожной администраціи, которая до февральскаго періода не выказывала никакой иниціативы въ этомъ дѣлѣ и, въ лучшемъ случаѣ, ограничивалась пережевываніемъ рутинныхъ затѣй, возникшихъ еще при царѣ Горохѣ. Администрація отдѣльныхъ дорогъ, послѣ болѣе или менѣе упорнаго отнѣкиванія, въ концѣ концовъ обычно соглашалась на ту или иную форму выборной организаціи, при условіи, что создавшіяся уже въ средѣ служащихъ такія организаціи должны разсматриваться въ качествѣ временныхъ, дѣйствующихъ впредь до утвержденія начальствомъ инструкцій постоянныхъ выборныхъ бюро.

Выработка такой инструкціи для постояннаго выборнаго учрежденія на ярославской дорогѣ возложена была на функціонировавшую уже въ качествѣ временнаго бюро комиссію изъ представителей служащихъ. Нѣкоторые изъ членовъ этого временнаго бюро ярославской дороги входили въ составъ междорожной ко-

---

водить справки о лицахъ, подписавшихъ уставъ, очевидно, „на предметъ разрѣшенія общества“).

[1]) Профессіональные вопросы разсматривались въ правильно организованныхъ общихъ собраніяхъ; исполнительнымъ органомъ этихъ собраній являлась комиссія изъ выборныхъ представителей служащихъ, которая входила съ начальствомъ въ переговоры и оффиціальную переписку, организовывала правильныя анкеты и т. д., причемъ пользовалась особымъ помѣщеніемъ въ зданіи управленія дороги, предоставленнымъ ей администраціей.

Digitized by Google

миссіи при музеѣ содѣйствія труду и внесли въ послѣднюю предложеніе заняться вопросомъ о раціональной организаціи постоянныхъ выборныхъ бюро на желѣзныхъ дорогахъ, съ цѣлью помочь ярославцамъ поставить этотъ вопросъ у себя возможно широко. Въ видахъ болѣе всесторонняго обсужденія, немногочисленная вначалѣ комиссія была пополнена новыми членами съ разныхъ дорогъ, уже приглашенными и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы были представлены, по возможности, всѣ категоріи желѣзнодорожнаго труда. Въ такомъ пополненномъ составѣ [1]) комиссія и занялась вопросомъ о выборныхъ бюро.

На каждой изъ дорогъ, представители которыхъ входили въ комиссію, имѣлись уже свои проекты бюро. Изъ сопоставленія этихъ проектовъ прежде всего выяснилось различіе исходныхъ точекъ зрѣнія на самую сущность выборнаго начала на желѣзныхъ дорогахъ Очевидно, крайними точками зрѣнія представляются два принципа: либо служащіе получаютъ право добровольно группироваться на выборномъ началѣ, и бюро является органомъ такихъ, добровольно составившихся группъ, либо весь поголовно составъ служащихъ объявляется обязательной корпораціей, каждый отдѣльный служащій считается обязательнымъ членомъ такой корпораціи и послѣдней присваиваются права самоуправляться въ извѣстныхъ предѣлахъ, причемъ бюро является органомъ такого самоуправленія. Въ первомъ случаѣ обязательность рѣшеній бюро служащихъ можетъ распространяться лишь на лицъ, вошедшихъ въ добровольную группировку, выборнымъ органомъ которой является бюро; по отношенію же служащихъ, не вошедшихъ въ эту добровольную группировку, и по отношенію къ желѣзнодорожной администраціи такое бюро можетъ имѣть лишь моральное значеніе. По отношенію къ администраціи такое бюро можетъ играть роль лишь ходатая, уполномоченнаго извѣстными группами служащихъ, и къ его голосу администрація станетъ прислушиваться лишь постольку, поскольку сама найдетъ нужнымъ и будетъ вынуждена къ тому той или другой степенью боевой настроенности входящихъ въ добровольную группировку служащихъ и силы ихъ организаціи. Очевидно, въ вопросахъ чисто-служебныхъ (разслѣдованіе служебныхъ проступковъ, наложеніе различныхъ взысканій, регулировка назначеній на освобождавшіяся вакансіи и т. п.) бюро такого типа, независимо отъ степени податливости администраціи, само не можетъ выходить за предѣлы совѣщательнаго голоса, такъ какъ, по существу, оно является представительствомъ лишь лицъ, добровольно пожелавшихъ воспользоваться правами выборнаго начала. Для того, чтобы бюро имѣло право претендовать на обязатель-

[1]) Численность комиссіи въ пополненномъ составѣ достигла 60-ти человѣкъ.

Digitized by Google

ность своихъ рѣшеній въ вопросахъ такого рода, необходимо, чтобы всякій служащій. находящійся въ средѣ дѣйствія бюро, независимо отъ желанія или нежеланія пользоваться выборнымъ правомъ, разсматривался членомъ обязательной корпораціи. Сфера самоуправленія такой корпораціи, ея права и область регулированія ею чисто-служебныхъ вопросовъ должны быть установлены юридически обоснованнымъ актомъ, законодательнымъ путемъ[1]).

Ни на одной дорогѣ составители проектовъ бюро не примыкали ни къ тому, ни къ другому принципу въ чистомъ видѣ. Наиболѣе радикальнымъ рѣшеніемъ былъ проектъ рязано-уральской дороги, гдѣ бюро опредѣлялось, какъ „органъ служащихъ дороги", и предусматривалось широкое поле дѣйствія его, включительно до регулированія всѣхъ сферъ служебныхъ отношеній. Но изъ этого проекта совершенно нельзя уловить, понималась ли здѣсь добровольная группировка или признаніе всѣхъ служащихъ обязательной корпораціей. Съ одной стороны, не устраняется возможн ость существованія среди служащихъ „свобододѣйствующихъ" а съ другой—по многимъ чисто-служебнымъ вопросамъ рѣшенія бюро должны быть обязательными.

Болѣе опредѣленнымъ былъ проектъ ярославской дороги. Здѣсь устанавливалось три типа выборныхъ организацій:

1) Бюро по улучшенію быта служащихъ, съ функціями иниціативными по возбужденію различныхъ вопросовъ въ области труда и быта служащихъ и совѣщательными при администраціи дороги. Такое бюро должно было явиться какъ бы представительствомъ тѣхъ служащихъ, которые пожелали бы воспользоваться правомъ имѣть свой выборный органъ; но регулированіе чисто служебныхъ отношеній оставалось внѣ сферы его дѣятельности [2]) и, такимъ образомъ, получалась какъ бы самостоятельная добровольная организація служащихъ, разрѣшаемая къ существованію не общей гражданской администраціей, а желѣзнодорожной и пользующаяся со стороны послѣдней извѣстными льготами, какъ право пользоваться помѣщеніями дороги, право

---

[1]) Наше законодательство, въ сущности, и сейчасъ разсматриваетъ желѣзнодорожниковъ въ „общемъ положеніи о служащихъ желѣзныхъ дорогъ" своего рода обязательной корпораціей, но только въ отношеніи обязанностей и такихъ своеобразныхъ правъ, какъ право пользоваться казенной квартирой въ тюрьмѣ по „Положенію о желѣзнодорожныхъ служащихъ въ военное время", право на долголѣтнее пребываніе въ крѣпости по закону 2-го декабря 1905 года о забастовкахъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ „общественное или государственное значеніе", а по пространному толкованію того же закона Дубасовыми и Рениенкампфами— и право быть разстрѣлянным или повѣшеннымъ по одному лишь корпоративному признаку принадлежности къ желѣзнодорожной средѣ.

[2]) Этому бюро предполагалось предоставить лишь право возбуждать вопросы (по своей иниціативѣ или по заявленію служащихъ) о необходимости произвести разсмотрѣніе чисто-служебныхъ дѣлъ безъ участія въ самомъ разсмотрѣніи.

Digitized by Google

систематическаго внесенія начальству различныхъ заявленій, и т. п. [1]).

2) Товарищескій судъ чести, избираемый для разрѣшенія взаимныхъ недоразумѣній между служащими въ конкретныхъ случаяхъ и предполагающій согласіе тяжущихся подчиниться его рѣшенію.

3) Дисциплинарный совѣтъ для разсмотрѣнія въ предѣлахъ опредѣленныхъ полномочій всякихъ недоразумѣній, возникающихъ на чисто-служебной почвѣ (жалобы на неправильное наложеніе взысканій и т. п.). Организацію этого совѣта предполагалось вводить постепенно, распространяя кругами на опредѣленныя категоріи служащихъ, которые въ предѣлахъ задачъ совѣта долженствовали разсматриваться обязательной корпораціей.

Наиболѣе опредѣленнымъ оказался взглядъ не служащихъ уже, а администраціи казанской дороги. Здѣсь служащіе выдвинули проектъ, основанный на смѣшанномъ принципѣ (аналогичный проекту рязано-уральской дороги, но съ менѣе широкими полномочіями выборнаго органа); администрація же дороги отвѣтила: „Учрежденіе бюро, къ правамъ котораго будетъ относиться забота объ улучшеніи жизненныхъ условій служащихъ, можетъ послѣдовать лишь съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, и потому управленіе не можетъ ни разрѣшить, ни запретить таковое. Что же касается права служащихъ имѣть своихъ выборныхъ для выясненія недоразумѣній по службѣ и участія въ разслѣдованіяхъ дисциплинарнаго характера, въ случаяхъ заявленія о томъ обиженныхъ, то таковое право за служащими признается“. А затѣмъ былъ изданъ циркуляръ, которымъ это послѣднее право было оформлено слѣдующимъ образомъ: „Правомъ участія въ избраніи выборныхъ отъ служащихъ пользуется *по желанію* (курсивъ циркуляра) каждый служащій“; и далѣе: „Служащіе дороги, *не желающіе быть избранными въ выборные* (курсивъ циркуляра), обязаны теперь же, въ теченіе 2-хъ недѣль,... заявить о своемъ нежеланіи... соотвѣтственному начальнику“. Такимъ образомъ, администрація казанской дороги опредѣленно стала на точку зрѣнія предпринимателя, которому нѣтъ никакого дѣла до „улучшенія жизненныхъ условій служащихъ, а въ области регулировки чисто-служебныхъ вопросовъ рѣзко подчеркнутый принципъ добровольнаго пользованія правомъ выборнаго начала лишалъ учрежденіе „выборныхъ отъ служащихъ“ всякаго значенія, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ желѣзнодорожнаго начальства имѣется неистощимый арсеналъ средствъ, чтобы отбивать охоту „желать“ участвовать въ избраніи выборныхъ, а тѣмъ болѣе „желать“ быть избраннымъ въ выборные.

Послѣ долгихъ попытокъ распутаться въ лабиринтѣ всевоз-

---

[1]) Этотъ именно типъ бюро и предусматривался огромнымъ большинствомъ забастовочныхъ требованій и петицій февральскаго періода.

Digitized by Google

можныхъ варіацій на тему о созданіи цѣлесообразной организаціи „бюро служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ“, комиссія при музеѣ содѣйствія труду не установила въ концѣ концовъ какого либо опредѣленнаго принципа. Подъ вліяніемъ начавшаго проявляться измѣненія курса желѣзнодорожной бюрократіи (о чемъ рѣчь будетъ ниже) члены комиссіи стали приходить къ убѣжденію, что на каждой дорогѣ слѣдуетъ спѣшить пользоваться идеей о выборномъ бюро въ той формѣ, въ какой она уже вылилась въ мѣстныхъ условіяхъ, и стремиться немедленно провести ее въ жизнь, хотя бы въ окорнанномъ видѣ, въ видахъ скорѣйшаго углубленія въ широкія массы служащихъ начавшагося процесса организаціи, съ тѣмъ, что, когда организація окрѣпнетъ и будетъ въ силахъ выступить на путь уже организованной профессіональной борьбы, предъявить требованіе о введеніи на дорогахъ болѣе солидныхъ формъ выборныхъ учрежденій, дѣйствительно обезпечивающихъ служащихъ отъ произвола и упрочивающихъ какъ возможность серьезныхъ улучшеній въ области труда и быта, такъ и право систематической защиты своихъ служебныхъ интересовъ. Для выработки типа такихъ представительныхъ учрежденій, на введеніи которыхъ надлежало бы настаивать, была выдѣлена новая подкомиссія [1]), которой было поручено разработать „Нормальный уставъ выборнаго представительства служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ“. Предполагалось такой уставъ, по выработкѣ въ подкомиссіи, разсмотрѣть сначала въ комиссіи, затѣмъ—въ общемъ собраніи служащихъ московскаго узла, а послѣ этого войти въ сношенія со служащими другихъ, внѣмосковскихъ дорогъ, въ видахъ болѣе полнаго обсужденія устава и возможности сдѣлать его хотя бы въ основной части программнымъ требованіемъ на всѣхъ дорогахъ. Предположеніямъ этимъ не суждено было осуществиться. Ниже мы увидимъ, какъ это произошло, а теперь я позволю сдѣлать небольшое отступленіе pro domo suo.

Проектъ нормальнаго устава выборнаго представительства служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ былъ составленъ въ подкомиссіи подъ названіемъ: „Проектъ корпоративныхъ организацій служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ“ [2]), но не разсматривался детально даже въ подкомиссіи, оставшись лежать подъ спудомъ. Впослѣдствіи я его доложилъ, вмѣстѣ съ уставомъ „Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза“, пенсіонному съѣзду, бывшему въ Петербургѣ въ сентябрѣ-октябрѣ прошлаго года [3]), въ про-

---

[1]) Особая отъ подкомиссіи, которой поручено было провести въ жизнь уставъ „Московскаго общества взаимопомощи желѣзнодорожныхъ служащихъ“.

[2]) Не ручаюсь, что воспроизвожу названіе совершенно точно.

[3]) Онъ называется „Первымъ съѣздомъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ“ и преобразовался въ автономный съѣздъ изъ созваннаго министерствомъ путей сообщенія особаго совѣщанія для пере-

Digitized by Google

токолахъ котораго этотъ „Проектъ корпоративныхъ организацій“ и помѣщенъ. И за это мнѣ пришлось выслушивать упреки нѣкоторыхъ товарищей, усматривавшихъ вредъ отъ распубликованія проекта корпоративныхъ организацій рядомъ съ уставомъ союза въ моментъ широкаго политическаго оживленія среди желѣзнодорожниковъ. Такое помѣщеніе рядомъ двухъ уставовъ предоставляетъ, по ихъ мнѣнію, на выборъ организовываться по тому или иному типу и грозитъ увлеченіемъ узкимъ профессіонализмомъ при принятіи типа корпоративныхъ организацій.

Страхи эти совершенно напрасны: проектъ корпоративныхъ организацій предусматриваетъ прежде всего признаніе служащихъ данной дороги членами обязательной корпораціи, самоуправляющейся въ сферѣ взаимныхъ отношеній и управляющей отчасти и дѣлами дороги въ извѣстныхъ предѣлахъ. Для того, чтобы добиться признанія такой обязательной корпораціи, нужно пройти длинные этапы борьбы, ломая по пути, въ первую очередь, всѣ барьеры стараго политическаго режима. Мнѣ указывали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ публика ухватилась за „корпоративную организацію“, какъ чуждую „политики“ (въ противоположность всероссійскому желѣзнодорожному союзу), и стала насаждать такія организаціи явочнымъ порядкомъ, не вникая совершенно въ вопросъ о признаніи сверху служащихъ обязательной корпораціей. Тотъ, кто пускался въ такое фантастическое плаваніе, дѣлалъ это по недомыслію, не понимая, что явочный порядокъ всѣ рѣшительно задачи, предусматриваемыя „проектомъ корпоративныхъ организацій“, обращаетъ въ мыльный пузырь, изчезающій при первомъ соприкосновеніи съ текущей дѣйствительностью, и это неизбѣжнымъ образомъ должно толкать „явочныхъ корпорантовъ“ на одинъ путь со всероссійскимъ желѣзнодорожнымъ союзомъ и другими завоевательно-боевыми организаціями.

Докладомъ съѣзду „проекта корпоративныхъ организацій“ я имѣлъ въ виду вызвать обмѣнъ мнѣній по вопросу о выработкѣ въ конкретной формѣ одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ той профессіональной программы, на которой могли бы въ будущемъ сойтись для совмѣстныхъ дѣйствій всѣ желѣзнодорожныя организаціи, какъ узко-профессіональныя, такъ и организаціи съ болѣе широкими задачами. Такимъ пунктомъ будетъ, очевидно, вопросъ о законодательномъ регламентированіи служебно-правового положенія желѣзнодорожниковъ, вопросъ о томъ законодательномъ актѣ, который долженъ замѣнить собою нынѣшнее „общее положеніе о служащихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ“. Несомнѣн-

---

смотра уставовъ пенсіонныхъ кассъ. Я называю его пенсіоннымъ для сокращенія и въ отличіе отъ перваго (апрѣльскаго) съѣзда всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, который часто тоже называютъ „первымъ съѣздомъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ“.

Digitized by Google

но, что возможно широкое проведеніе въ этомъ законодательномъ актѣ выборнаго принципа составитъ центральную позицію будущей профессіональной борьбы желѣзнодорожниковъ. „Проектъ корпоративныхъ организацій“ представляетъ собой, хотя и элементарную, но все-таки попытку выразить въ конкретной формѣ часть будущаго программнаго законопроекта, который будетъ выдвинутъ желѣзнодорожниками для замѣны нынѣшняго „общаго положенія“; именно ту часть, которая будетъ устанавливать принципы выборнаго начала [1]). И если нашлись люди, не понявшіе такого программнаго значенія напечатаннаго въ протоколахъ пенсіоннаго съѣзда „проекта корпоративныхъ организацій“ и ухватились за него только для того, чтобы дать выходъ своему сугубому профессіонализму, то тѣмъ лучше—профессіоналы такъ и остались бы профессіоналами и ужъ во всякомъ случаѣ не пошли бы въ завоевательно-боевыя организаціи, изобрѣтя для себя что-нибудь свое. А при попыткахъ насажденія „явочной корпораціи“ жизнь дала имъ уже очень хорошіе уроки, лучшіе, чѣмъ всякія теоретическія разъясненіи. Организаціонная же часть работы, выполненная ими при такихъ попыткахъ, сама по себѣ не могла остаться безплодной.

В. Романовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Къ этому вопросу я еще вернусь въ концѣ настоящихъ очерковъ.

Digitized by Google

Современная община и аграрный вопросъ.

(Продолженіе [1]*).*

IV.

Продовольственное потребленіе крестьянскихъ хозяйствъ.

Къ области продовольственнаго потребленія хозяйства относятся прежде всего траты его на питаніе членовъ семьи. Намѣреваясь учесть размѣръ этихъ тратъ въ цѣляхъ провѣрки народническаго представленія о продовольственныхъ нуждахъ крестьянскаго хозяйства, какъ руководящихъ, преобладающихъ мотивахъ его производственной земледѣльческой дѣятельности, слѣдовало бы при этомъ учетѣ принять въ разсчетъ именно только членовъ *семьи*, а не всего состава *наличнаго населенія* хозяйства, т. е. не включать въ число непосредственныхъ потребителей наемныхъ рабочихъ, такъ какъ расходъ продуктовъ на потребленіе послѣднихъ представляетъ не продовольственныя, а производственныя траты хозяйства.

Къ сожалѣнію, наши данныя, являющіяся результатомъ изслѣдованія, предназначавшагося для спеціальныхъ цѣлей опредѣлить количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, остающихся въ хозяйствѣ и не попадающихъ въ транспортъ по гужевымъ дорогамъ данной мѣстности,—не предусматриваютъ такого расчлененія продовольственныхъ тратъ хозяйства на потребленіе членовъ семьи и наемныхъ рабочихъ отдѣльно. Въ нашемъ распоряженіи имѣются лишь общія, суммарныя величины хлѣбно-пищевого довольствія, фактически имѣющаго мѣсто въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Однако, обстоятельство это не служитъ препятствіемъ къ теоретически позволительному использованію этихъ данныхъ для опредѣленія *общаго характера* производственныхъ цѣлей крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. Выдѣленіе и учетъ тратъ на продовольствіе наемныхъ рабочихъ обязательны для рѣшенія вопроса о составѣ капитала, имѣющагося въ распоряженіи современнаго крестьянства. Въ своемъ мѣстѣ, касаясь

[1]) См. № 8-й „Образованія".

Digitized by Google

этого вопроса, мы будемъ имѣть возможность косвеннымъ путемъ сдѣлать надлежащее расчлененіе продовольственныхъ расходовъ и опредѣлить пропорцію общихъ производственныхъ затратъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ разныхъ экономическихъ группъ.

Итакъ, посмотримъ, каковы въ крестьянскомъ хозяйствѣ траты на продовольствіе, въ непосредственномъ смыслѣ этого слова и въ какомъ отношеніи находится площадь фактическаго землепользованія крестьянъ къ той площади, которая была бы нужна для производства всего запаса потребляемыхъ въ хозяйствѣ хлѣбовъ.

Свѣдѣнія о расходахъ на хлѣбно-пищевое довольствіе въ современной деревнѣ даетъ намъ слѣдующая таблица:

Таблица 28-я.

Потребленіе людей въ теченіе года во всѣхъ хозяйствахъ въ пудахъ.

№№ группъ.	Пшеница.	Рожь.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II	6796,23;	6091,95;	2834,06;	478,34;	42,50;	1412,50;	17655,58
III	11641,70;	12149,05;	5613,90;	858,47;	70,87;	2839,50;	33173,49
IV	5147,23;	3471,03;	1752,54;	105,60;	58,00;	1171,00;	11705,40
V	2149,20;	2092,00;	631,10;	24,54;	59,00;	550,00;	5505,84
Всего	25734,36;	23804,03;	10831,60;	1466,95;	230,37;	5973,00;	68040,31

Ниже мы еще воротимся къ только что приведеннымъ цифрамъ, когда въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ займемся ознакомленіемъ съ тратами на хлѣбно-пищевое довольствіе, какъ источникомъ воспроизведенія рабочей силы крестьянскихъ семей въ хозяйствахъ разныхъ экономическихъ группъ. А пока, останавливаясь лишь на вопросѣ о размѣрахъ землепользованія, необходимаго для удовлетворенія продовольственно-потребительскихъ интересовъ хозяйства, приведемъ въ дополненіе къ указаннымъ выше тратамъ на продовольствіе людей еще нѣкоторыя изъ тѣхъ тратъ *производственнаго* потребленія, безъ которыхъ веденіе земледѣльческаго производства, даже хотя бы оно и на самомъ дѣлѣ оказалось по существу своему продовольственнымъ,—было бы не мыслимо. Къ такимъ тратамъ хлѣбныхъ продуктовъ въ натурѣ относится расходъ зерна на пищевое содержаніе скота въ видѣ такъ называемаго „подкорма“ его наряду съ сѣномъ въ рабочую пору и на обсѣмененіе полей.

Траты на подкормъ скота опредѣляются слѣдующими величинами (пудовъ):

Digitized by Google

Таблица 29-я.

№№ группъ.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Всего.
II	538,71	840,50	203.77	1582,98
III	1997,67	3692,55	1031,17	6721,39
IV	1383,40	2303,00	430,50	4116,90
V	218,54	830,00	428,00	1476,54
Всего	4138,32	7666,05	2093,44	13897,81

Далѣе, обсѣмененіе полей потребовало зерна пудовъ:

Таблица 30-я.

№№ группъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II	2252,79;	347,93;	193,58;	83,21;	120,59;	0,29;	73,71;	3072,10
III	3186,49;	1240,94;	1296,49;	276,69;	512,29;	33,61;	244,53;	6791,04
IV	4347,59;	612,95;	816,10;	112,44;	180,69;	44,77;	41,43;	6155,97
V	2792,16;	491,10;	501,45;	74,65;	117,49;	23,17;	20,19;	4020,21
Всего	12579,03;	2692,92;	2807,62;	546,99;	931,06;	101,84;	379,86;	20039,32

Суммируя данныя трехъ послѣднихъ таблицъ, мы получимъ предѣльныя величины тѣхъ затратъ современнаго крестьянскаго хозяйства, безъ которыхъ оно обойтись не можетъ, какими бы основными цѣлями ни вызывалась его производственная дѣятельность—цѣлями ли производства на рынокъ, или для собственнаго потребленія. Вотъ эти величины:

Таблица 31-я.

№№ группъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II	9049,02;	6978,59;	1034,08;	2917,27;	802,70;	42,79;	1486,21;	22310,66
III	14828,19;	15387,66;	4989,04;	5890,59;	2401,93;	104,48;	3084,03;	46685,92
IV	9494,82;	5467,38;	3119,10;	1864,98;	716,79;	102,77;	1212,43;	21978,27
V	4941,36;	2801,64;	1331,45;	705,75;	570,03;	82,17;	570,19;	11002,59
Всего	38313,39;	30635,27;	10473,67;	11378,59;	4491,45;	332,21;	6352,86;	101977,44

Какая же площадь землепользованія нужна была бы нашимъ хозяйствамъ для культивированія хлѣбныхъ продуктовъ въ исчисленномъ нами вѣсѣ? Площадь эту мы получимъ, подѣливъ величины послѣдней таблицы по каждому хлѣбному продукту на

Digitized by Google

среднюю урожайность этихъ хлѣбовъ на крестьянскихъ поляхъ. Для данной цѣли мы воспользуемся свѣдѣніями о средней урожайности, выведенной за рядъ лѣтъ для всѣхъ вообще крестьянскихъ земель Николаевскаго уѣзда, безотносительно къ экономической мощности изслѣдованныхъ хозяйствъ:

Таблица 32-я.

Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.
32,23	31,26	34,30	32,50	32,52	40,32	387,00.

Такимъ образомъ, произведя съ данными двухъ послѣднихъ таблицъ указанную выше манипуляцію, мы увидимъ, что интересующая насъ продовольственная, такъ сказать, площадь крестьянскаго землепользованія заняла бы въ хозяйствахъ разныхъ экономическихъ группъ слѣдующее количество десятинъ (казенной мѣры).

Таблица 33-я.

№№ группъ.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II . .	280,76;	223,24;	30,15;	89,76;	24,68;	1,06;	3,84;	653,49
III . .	460,07;	492,25;	145,45;	181,25;	73,86;	2,59;	7,97;	1363,44
IV . .	294,60;	174,91;	90,94;	57,38;	22,04;	2,55;	3,13;	645,55
V . .	153,32;	89,62;	38,81;	21,72;	17,53;	2,04;	1,47;	324,51
Всего .	1188,75;	980,02;	305,35;	350,11;	138,11;	8,24;	16,41;	2986,99

Ракьше [1]), пользуясь сопоставленіемъ *отношеній* между величинами группового роста численнаго состава крестьянскихъ семей и посѣвной площади на надѣльныхъ земляхъ, мы задавались предположеніемъ, не достаточно ли было бы для крестьянскихъ хозяйствъ одного *наличнаго* фонда надѣльныхъ земель, если бы основными задачами производственной дѣятельности этихъ хозяйствъ являлось удовлетвореніе семейно-продовольственныхъ потребностей ихъ населенія. Теперь же, для выясненія этого же вопроса, мы располагаемъ возможностью перейти отъ предположенія къ прямому и точному отвѣту.

Вотъ какіе результаты въ этомъ отношеніи вскрываетъ сопоставленіе размѣровъ всей надѣльной запашки съ посѣвными площадями, предусматриваемыми въ таблицѣ 33-й:

[1]) См. № 8, стр. 206.

Digitized by Google

Таблица 34-я.

№№ группъ.		Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II.	Надѣльная площадь	387,83	81,07	34,43	63,14	22,25	0.12	1,27	590,11
	Продовольственная „	280,76	223,24	30,15	89,76	24,68	1,06	3,84	653,49
	Первая больше (+) или меньше (—) второй на:	*+107,07*	*—142,17*	*+4,28*	*—26,62*	*—2,43*	*—0,94*	*—2,57*	*—63,38*
III.	Надѣльная площадь	952,43	252,89	209,41	201,71	90,01	6,16	3,42	1716,03
	Продовольственная „	460,07	492,25	145,45	181,25	73,86	2,59	7,97	1363,44
	Первая больше (+) или меньше (—) второй на:	*+492,36*	*—239,36*	*+63,96*	*+20,46*	*+16.15*	*+3,57*	—4,55	*+352,59*
IV.	Надѣльная площадь	384,98	128,06	116,27	63,53	30,79	6,15	0,23	730,01
	Продовольственная „	294,60	174,91	90,94	57,38	22,04	2,55	3,13	645,55
	Первая больше (+) или меньше (—) второй на:	*+90,38*	*—46,85*	*+25,33*	*+6,15*	*+8,75*	*+3.60*	—2,90	*+84,46*
V.	Надѣльная площадь	197,67	57.17	67,66	39,34	13,67	3,93	0,17	379,61
	Продовольственная „	153,32	89,62	38,81	21,72	17,53	2,04	1,47	324 51
	Первая больше (+) или меньше (—) второй на:	*+44,35*	*—32,45*	*+28,85*	*+17,62*	*—3,86*	*+1,89*	—1,30	*+55,10*
Всего.	Надѣльная площадь	1922,91	519,19	427,77	367,72	156.72	16,36	5,09	3415,76
	Продовольственная „	1188,75	980,02	305.35	350,11	138,11	8,24	16,41	2989,99
	Первая больше (+) или меньше (—) второй на:	*+734,16*	*—460,83*	*+122,42*	*+17,61*	*+18,61*	*+8,12*	—11,32	*+428,77*

Digitized by Google

Послѣдняя таблица раскрываетъ предъ нами картину, полную весьма серьезнаго содержанія. Оказывается, что въ хозяйствахъ II-й экономической группы [1]) существующіе размѣры надѣльной запашки каждаго средняго двора меньше почти на $^1/_2$ десятины (0,37) той площади, которая могла бы обезпечивать даже хотя бы только хлѣбное питаніе семьи, между тѣмъ какъ у хозяйствъ остальныхъ группъ имѣются сверхъ погашенія расходовъ на питаніе еще посѣвные излишки, составляющіе въ среднемъ на 1 дворъ: 1,70 дес. (III группа [2]), 1,80 дес. (IV гр.) и 3,67 дес. (V гр.)

Такимъ образомъ задачи анализа состава посѣвной площади въ крестьянскихъ хозяйствахъ, направленныя къ открытію причинной связи между арендным землепользованіемъ и продовольственными нуждами хозяйства, какъ интересами, характеризирующими его сущность, приводятъ насъ *пока* къ признанію только слѣдующаго съ наглядной очевидностью выступающаго факта: естественное, казалось бы, для крестьянина-*земледѣльца* стремленіе пополнить нехватки задѣльной запашки путемъ аренды въ размѣрахъ, обезпечивающихъ хотя бы одно только питаніе его семьи, встрѣчаетъ на пути къ своему осуществленію какое-то *пока* неизвѣстное намъ еще препятствіе. Препятствіе это обладаетъ свойствомъ какого-то страннаго, заботливаго пристрастія къ однимъ хозяйствамъ и полнаго невниманія къ другимъ. Такъ оно является обычнымъ гостемъ въ хижинахъ крестьянъ какъ разъ наиболѣе слабыхъ въ экономическомъ отношеніи. Цѣпкія руки этого гостя, повидимому, настолько сильны, что, какъ мы видѣли выше, только 22-мъ хозяйствамъ этой категоріи (изъ 174) удается вырваться изъ нихъ и приложить свои рабочія силы къ арендным посѣвамъ; остальные же, спасаясь отъ перспективы неизбѣжнаго въ рамкахъ ихъ крестьянской „хозяйственной самостоятельности" физическаго голоданія, обходятъ просторъ готовыхъ къ услугамъ всякаго арендатора чужихъ полей и прибѣгаютъ къ другимъ источникамъ подспорья въ борьбѣ съ нуждой,—источникамъ, о сущности которыхъ и относительномъ значеніи ихъ въ бюджетѣ крестьянскаго хозяйства мы будемъ говорить ниже.

Наоборотъ, въ хозяйствахъ другихъ, высшихъ экономическихъ группъ это препятствіе, повидимому, или совсѣмъ отсутствуетъ, или, если и существуетъ, то сила его задерживающаго вліянія на аппетиты крестьянъ къ арендным посѣвамъ оказывается тѣмъ слабѣе, чѣмъ выше экономическая мощность хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже наблюдали по приведеннымъ выше даннымъ, что ростъ средняго надѣльнаго посѣва въ повышающихся параллельно съ этимъ ростомъ экономическихъ группахъ относи-

---

[1]) Изъ всѣхъ 174 хозяйствъ II-й группы здѣсь имѣются въ виду 170, такъ какъ остальныя 4 сѣютъ только на арендованной землѣ.

[2]) Вся группа за исключеніемъ 2-хъ хозяйствъ, сѣющихъ только на арендованной землѣ.

Digitized by Google

тельно опережаетъ ростъ средней семьи входящихъ въ эти группы хозяйствъ, и что, за полнымъ погашеніемъ фактически существующихъ въ настоящее время тратъ на продовольствіе людей и скота и на обсѣмененіе полей, включая сюда даже и арендныя поля, у такихъ хозяйствъ остаются еще излишки отъ сбора хлѣбовъ съ одной только *надѣльной* запашки. И, не взирая на это, у этихъ же хозяйствъ наблюдаются, какъ мы также уже знаемъ, *арендные* посѣвы и въ тѣмъ бо́льшихъ относительно размѣрахъ, чѣмъ больше ихъ запашка на надѣльныхъ земляхъ.

Однако, изъ приведенныхъ до сихъ поръ данныхъ не вытекаетъ еще категорическаго вывода о томъ, что и у *такихъ* хозяйствъ (т. е. арендующихъ) причинной связи между арендой и нуждами продовольствія не существуетъ. Возникаетъ вопросъ, достаточны ли излишки, остающіеся у арендующихъ хозяйствъ отъ сбора на надѣльныхъ земляхъ за вычетомъ тратъ на питаніе—для удовлетворенія другихъ потребностей физическаго существованія крестьянской семьи (одежды, обуви, отопленія, освѣщенія и т. п.) и для уплаты разныхъ повинностей, лежащихъ на крестьянинѣ? При наличныхъ условіяхъ его современной производственной дѣятельности всѣ эти траты являются неизбѣжными для него, какъ человѣка вообще и какъ для крестьянина и земледѣльца—въ частности. И если мы до сихъ поръ изъ всего ряда такихъ потребностей, по существу своему продовольственнаго характера, выдѣляли въ бюджетѣ крестьянскаго хозяйства лишь траты его на питаніе, то дѣлали это для того, чтобы вопросъ о связи аренды съ продовольствіемъ можно было провѣрить въ его наиболѣе крайней, оголенной, такъ сказать, до наглядной очевидности, постановкѣ. Оголенная постановка вопроса показала намъ съ такой же наглядной очевидностью наличность весьма поучительнаго факта: отсутствіе аренды какъ разъ у такихъ хозяйствъ, стремленіе которыхъ къ подобнаго рода продовольственному подспорью казалось бы сравнительно съ другими хозяйствами наиболѣе естественнымъ... Но, разумѣется, для исчерпывающаго освѣщенія интересующаго насъ вопроса подобная постановка его совершенно недостаточна; для этого требуется дальнѣйшій анализъ продовольственныхъ потребностей крестьянскаго хозяйства въ томъ ихъ объемѣ, какой фактически наблюдается въ дѣйствительной жизни. Къ этому анализу мы и перейдемъ.

До сихъ поръ въ анализѣ бюджетныхъ данныхъ мы касаемся *хлѣбныхъ* тратъ на питаніе, и потому ограничивались натуральнымъ учетомъ зерновыхъ продуктовъ, расходуемыхъ на потребленіе, безъ перевода ихъ на деньги. Теперь, переходя къ учету другихъ потребностей продовольственнаго характера, осуществленіе которыхъ возможно лишь на рынкѣ и требуетъ, слѣдовательно, предварительной реализаціи продуктовъ земледѣлія, намъ придется прежде всего опредѣлить рыночную стоимость того коли-

Digitized by Google

Таблица 35-я.

№№ группъ.		Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II.	Оставалось отъ потребленія	3450,8661	—	146,8040	—	—	—	—	3597.6701
	Не хватало на потребленіе	—	4444,2342	—	865,1500	79,0236	37,9008	994,5900	6420,8986
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе. . . .								*—2823,2285*
III.	Оставалось отъ потребленія	15868,7628	—	2193,8280	664,9500	525,1980	143,9424	—	19396,6812
	Не хватало на потребленіе	—	7482,3936	—	—	—	—	1760,8500	9243,2436
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе. . . .								*+10153,4376*
IV.	Оставалось отъ потребленія	2912,9474	—	868,8190	199,8750	284.5500	145,1520	—	4411,3434
	Не хватало на потребленіе	—	1464,5310	—	—	—	—	1122,3000	2586,8310
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе. . . .								*+1824,5124*
V.	Оставалось отъ потребленія	1429,4005	—	989,5550	572,6500	—	76,2048	—	3067,8103
	Не хватало на потребленіе	—	1014,3870	—	—	125,5272	—	503,1000	1643,0142
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе. . . .								*+1424,7961*
Всего.	Оставалось отъ потребленія	23661,9768	—	4199,0060	572,3250	605,1972	327,3984	—	29365,9034
	Не хватало на потребленіе	—	14405,5458	—	—	—	—	4380,8400	18786,3858
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе. . . .								*+10579,5176*

Digitized by Google

чества разныхъ хлѣбовъ, собираемыхъ съ надѣльныхъ полей, съ какимъ крестьянинъ выступаетъ на рынкѣ въ качествѣ продавца.

Съ этой цѣлью мы опредѣлимъ сначала вѣсъ разныхъ хлѣбовъ, собираемыхъ съ тѣхъ частей надѣльныхъ посѣвныхъ площадей, которыя являются излишками отъ потребленія, или которыхъ не хватаетъ до нормы потребленія (см. табл. 34-ую).

Вѣсъ этотъ, принимая во вниманіе среднюю урожайность крестьянскихъ земель, согласно таблицѣ 32-й, выразится слѣдующими величинами (въ пудахъ. См. табл. 35-ую на 72-й стр.).

Теперь переведемъ пуды на рубли путемъ перемноженія вѣса хлѣбовъ, *остающагося* отъ потребленія, на продажныя цѣны, а вѣса, *не хватающаго* для потребленія,—на покупныя цѣны, принимая во вниманіе высоту тѣхъ и другихъ такой, какой она фактически являлась для описанныхъ хозяйствъ въ случаяхъ продажи и покупки ими хлѣбовъ въ годъ описанія бюджетовъ.

Вотъ эти цѣны, выраженныя въ рубляхъ:

Таблица 36-я [1]).

Хлѣба.	Продажныя цѣны за 1 пудъ. II группа.	III группа.	IV группа.	V группа.	Хлѣба.	Продажныя цѣны за 1 пудъ. II группа.	III группа.	IV группа.	V группа.
Пшеница .	0,87	0,92	0,94	0,97	Пшеница .	0,90	0,91	0,86	0,70
Рожь. . .	0,51	0,50	0,60	0,50	Рожь . .	0,55	0,54	0,52	0,65
Овесъ . .	0,44	0,44	0,41	0,44	Овесъ . .	0,48	0,50	0,42	*0,42*
Просо . .	0,85	*0,85*	0,70	*0,70*	Просо . .	1.00	1,00	0,70	*0,70*
Ячмень .	0,40	0,43	0,45	*0,45*	Ячмень .	0,40	0,45	0,36	*0,36*
Горохъ .	*0,76*	*0,89*	*1,00*	*1,00*	Горохъ. .	0,76	0,89	1,00	1,00
Картофель.	*0,26*	*0,40*	0,40	*0,21*	Картофель	0,26	0,24	0,26	0,21

Такимъ образомъ, если бы бюджетъ крестьянскихъ хозяйствъ ограничивался рессурсами надѣльнаго посѣва, то денежный балансъ ихъ излишковъ и нехватокъ по отношенію къ расходамъ на питаніе опредѣлился бы въ слѣдующихъ величинахъ (въ рубляхъ):

---

[1]) Цѣны, набранныя курсивомъ, за неимѣніемъ свѣдѣній о нихъ въ данныхъ изслѣдованія, взяты изъ сосѣднихъ группъ, а по отношенію къ гороху и картофелю продажныя цѣны взяты тѣ же, что и покупныя.

Digitized by Google

Таблица 37-я.

№№ группъ.		Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Просо.	Ячмень.	Горохъ.	Картофель.	Всего.
II.	Оставалось отъ потребленія	3002,25	—	64.59	—	—	—	—	3066,84
	Не хватало на потребленіе	—	2444.33	—	865,15	31,61	28,80	258,59	3628,48
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе . .								*—561,64*
III.	Оставалось отъ потребленія	14599,26	—	965,28	565,21	225,84	128,11	—	16483,70
	Не хватало на потребленіе	—	4040,49	—	—	—	—	422,60	4463,09
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе . .								+ *12020,61*
IV.	Оставалось отъ потребленія	2738,17	—	356,22	139,87	129,40	129,19	—	3492,85
	Не хватало на потребленіе	—	761,56	—	—	—	—	291,80	1053,36
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе . .								+ *2439,49*
V.	Оставалось отъ потребленія	1386,52	—	435,40	400,86	—	76,20	—	2298,98
	Не хватало на потребленіе	—	659,35	—	—	45,19	—	105,65	810,19
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе . .								+ *1488,79*
Всего.	Оставалось отъ потребленія	21726,20	—	1821,49	240,79	278,44	304,70	—	24371,62
	Не хватало на потребленіе	—	7905,73	—	—	—	—	1078,64	8984,37
	Итого оставалось (+) или не хватало (—) на потребленіе . .								+ *15387,25*

Digitized by Google

Таковы общія суммы денежныхъ балансовъ во всѣхъ хозяйствахъ, сѣющихъ на надѣльной землѣ. Суммы эти въ среднемъ на одинъ изъ сѣющихъ дворовъ даютъ слѣдующія величины:

Таблица 38-я.

	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Всего.
Оставалось отъ траты на потребленіе	—	58,07 р.	51,90 р.	99,25 р.	35,05 р.
Не хватало на потребленіе	3,30 р.	—	—	—	—

Итакъ, на очереди у насъ стоитъ вопросъ объ учетѣ всѣхъ вообще потребностей продовольственнаго характера въ крестьянскомъ хозяйствѣ за исключеніемъ хлѣбныхъ тратъ на потребленіе, уже опредѣленныхъ нами выше. Здѣсь намъ придется на время отвлечься отъ данныхъ, положенныхъ въ основу настоящей работы. Бюджетныя данныя, которыми мы до сихъ поръ пользовались, являются результатомъ изслѣдованія, построеннаго на принципѣ учета приходо-расхода *непосредственныхъ* результатовъ земледѣльческаго производства, и притомъ учета не всѣхъ вообще продуктовъ сельскаго хозяйства, а лишь хлѣбной культуры. Поэтому въ отношеніи расхода въ этихъ бюджетахъ имѣется детальный учетъ *хлѣбныхъ* тратъ хозяйства на потребленіе и совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о характерѣ и объемѣ расходовъ его на другія обычныя нужды продовольственнаго свойства. За свѣдѣніями объ этихъ послѣднихъ мы обратимся къ изученію данныхъ изслѣдованія не натуральныхъ, а денежныхъ бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ. Для этой цѣли мы воспользуемся сплошнымъ бюджетнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ д. Садовкѣ, той же Самарской губерніи и Николаевскаго же уѣзда, произведеннымъ лишь за годъ до описанія нашихъ натуральныхъ бюджетовъ и, слѣдовательно, столь же современнымъ, какъ и послѣднее [1]). Хозяйства дер. Садовки, зарегистрированныя экспедиціоннымъ земско-статистическимъ отрядомъ, распредѣлены также по экономическимъ группамъ, по тому же признаку экономической мощности хозяйства, а именно, по посѣву, и съ тѣми же предѣлами посѣвныхъ площадей, принятыхъ для группировки. Слѣдовательно, распространеніе данныхъ о хозяйствахъ, описанныхъ въ отношеніи денежныхъ бюджетовъ, на хозяйства, описанныя въ отношеніи натуральныхъ бюджетовъ, но совершенно однородныя съ первыми по своему соціально-экономическому строенію, можетъ считаться съ точки зрѣнія статистической методологіи допустимымъ и правильнымъ.

Итакъ, мы приводимъ перечень интересующаго насъ продовольственнаго потребленія крестьянскихъ хозяйствъ:

---

[1]) Въ нашемъ распоряженіи имѣется рукопись цифровой сводки этого изслѣдованія.

Digitized by Google

Таблица 39-я.

Израсходовано рублей на:

№№ группъ.	Топливо.	Мясо, сало, рыбу и пр.	Одежду и обувь.	Освѣщеніе.	Вино, пиво и проч.	Табакъ и трубки.	Чай, сахаръ, чайная посуда и пр.	Предметы: Домашняго хозяйства.	Предметы: Удовольствія.	Книги и канцелярскія принадл.	Мебель.	Церковь.	Причтъ.	Свадьбы.	Похороны.	Крестины.	Леченіе.	Поѣздки.	Оконныя стекла.	Милостыню.	Уплату: Податей.	Уплату: Штрафовъ.	Всего.	Число хозяйствъ.	Въ среднемъ израсходовано на 1 дворъ.
II.	54,80	292,83	699,65	49,83	61,70	266,40	12,10	70,95	30,85	4,16	—	26,11	18,45	81,00	31,79	—	9,50	0,30	1,00	10,00	141,73	—	1863,15	26	*71,65*
III.	8.00	112,40	322,70	30,77	48,00	153,56	1,50	69,03	6,20	2,42	—	4,10	6,70	193,25	—	—	2,70	—	—	—	55,71	1,00	1018,04	6	*169,51*
IV.	10,00	207,56	623,55	39,80	88,15	328,28	—	155,82	29,50	7,30	3,00	20,80	12,80	—	10,00	0,40	3.40	—	—	—	113,46	—	1653,76	7	*236,25*
V.	. .	. .	. . .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	. .	.	. .	. .	. .	. .	.	. .	.	.	. .	. .	.	. . . .	.	*328,39* [1]
Всего.	72,80	612,73	1645,90	120,40	197,85	748,24	13,60	295,80	66,55	13,88	3,00	51,01	37,95	274,25	41,79	0,40	15,60	0,30	1,00	10,00	310.90	1,00	4534,95	39	*201,45* [2]

[1]) Хозяйствъ V-й группы въ д. Садовкѣ нѣтъ, такъ какъ высшій размѣръ посѣвной площади не превышаетъ тамъ 30 дес. Поэтому среднюю величину денежныхъ тратъ, нужную для приложенія къ нашимъ бюджетамъ крестьянскихъ хозяйствъ въ прочихъ селахъ, мы взяли производную, получивъ ее путемъ увеличенія расхода IV-й группы: 236,25 р. въ 1,39 раза,—послѣднее представляетъ геометрическое отношеніе между величинами расходовъ IV и III группъ.

[2]) Это среднее получено отъ суммы среднихъ (4-хъ группъ), подѣленной на 4 (число слагаемыхъ среднихъ).

Сопоставленіе среднихъ выводовъ только-что приведенной таблицы съ данными таблицы 38-й рисуетъ предъ нами слѣдующую картину бюджетнаго взаимоотношенія между доходомъ крестьянскаго хозяйства съ надѣльной запашки и расходами продовольственнаго характера:

Таблица 40-я.

	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Всего.
Оставалось излишковъ отъ потребленія (рублей)	—	58,07	51,90	99,25	35,05
Не хватало на потребленіе	3,30	—	—	—	—
Израсходовано на нужды продовольств. характера .	71,65	169,51	236,25	328,39	201,45
Итого изъ дохода съ надѣльной запашки оставалось (+) или не хватало (—)	*—74,95*;	*—111,44*;	*—184,35*;	*—229,14*;	*—166,40*

О чемъ говорятъ эти цифры? Сомнѣній нѣтъ: земельный фондъ надѣльной собственности крестьянскихъ хозяйствъ, явившійся результатомъ „освободительныхъ“ реформъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, не достаточенъ для удовлетворенія даже однѣхъ только продовольственныхъ потребностей крестьянской семьи.

Такъ сухимъ и безстрастнымъ языкомъ нѣмыхъ числовыхъ величинъ отвѣчаетъ проснувшаяся деревня тѣмъ, кто борется съ ея пробужденіемъ карательными отрядами и стремится смертоноснымъ трескомъ пулеметовъ заглушить ея крикъ: „земли!..“ Сомнѣній нѣтъ: освободительная армія россійской революціи можетъ съ увѣренностью разсчитывать на неизбѣжную солидарность съ ней со стороны представителей сермяжной Руси, ибо пониманіе одного изъ лозунговъ ея: „земли для крестьянъ!“ должно быть доступно уму крестьянина, очевидно, въ такой же мѣрѣ, въ какой свойственно его желудку требованіе пищи.

Даетъ ли, однако, фактъ нехватки надѣльной запашки для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ крестьянскаго хозяйства всѣхъ экономическихъ группъ основаніе думать, что *все* крестьянство въ силу объективнаго положенія вещей, одинаковаго, судя по первому взгляду на минусы таблицы 40-й, во всѣхъ экономическихъ группахъ деревни,—въ одинаковой же мѣрѣ воспріимчиво къ *революціонному* методу разрѣшенія земельнаго вопроса? Даютъ ли намъ эти минусы основаніе полагать, что затѣя министерства „военнаго обновленія“ Россіи г. Столыпина и К-о внести расколъ во взбудораженную революціей деревню путемъ продажи казенныхъ, удѣльныхъ и, какъ объ этомъ ходятъ упорные слухи, кабинетскихъ земель,—заранѣе осуждена на безрезультатность по той причинѣ, что затѣя эта должна вызвать *во всѣхъ* соціальныхъ слояхъ современной деревни лишь безусловно отрицательное отношеніе?

Digitized by Google

На эти вопросы можно было бы дать тотъ или иной опредѣленный отвѣтъ лишь послѣ того, какъ мы будемъ располагать данными для заключенія о *цѣляхъ* арендпаго землепользованія. Если аренда является для средняго крестьянскаго хозяйства любой экономической группы *только* однимъ изъ источниковъ для устраненія хроническаго дефицита въ его бюджетѣ, то правы тѣ, которые въ своихъ аграрныхъ планахъ строятъ разсчеты на революціонности *всего* крестьянства, которые видятъ въ крестьянствѣ единую компактную соціальную массу „трудового народа" и обѣщаютъ послѣднему чуть ли не наступленіе земного рая, если каждый крестьянинъ будетъ располагать *юридическимъ* правомъ пользованія землей въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ обработать ее трудами рукъ своихъ и своей семьи. Если аренда служитъ для крестьянства *только* однимъ изъ подспорьевъ въ борьбѣ съ неизбѣжной внѣ аренды голодовкой семьи, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что затѣя г. Столыпина вызоветъ въ деревнѣ дѣйствительно лишь одну насмѣшку, ибо на какія средства смогло бы покупать услужливо предлагаемую землю то крестьянство, которому не изъ чего было накопить денежные запасы за прежнее время своей производственной дѣятельности?

Но если это не такъ, если фактическая роль арендпаго землепользованія въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ выходитъ за предѣлы продовольственныхъ потребностей семьи земледѣльца, то окажется, что предугаданіе тѣхъ позицій, какія въ *дѣйствительности* займутъ разныя соціальныя группы современной деревни при практическомъ разрѣшеніи аграрнаго вопроса, представляется дѣломъ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ въ этомъ стараются увѣрить представители интересовъ „трудового крестьянства."

Не можетъ ли при такомъ условіи оказаться, что замыслу министерства военно-полевой „конституціи"—разъединить ряды протестующаго крестьянства—нельзя отказать въ нѣкоторомъ пониманіи сущности соціально-экономической структуры современной деревни, и что если этому замыслу, подобно всѣмъ другимъ контръ-революціоннымъ ухищреніямъ, суждено потерпѣть неизбѣжный крахъ, то не потому, чтобы планъ „спасенія Россіи" былъ до наивности химериченъ, а потому, что онъ построенъ на неправильномъ представленіи о фактическомъ соотношеніи силъ освободительной арміи, борющейся за раскрѣпощеніе Россіи отъ узъ самодержавія?

Оріентироваться въ этомъ вопросѣ и посильно опредѣлить его дѣйствительную сущность, знаніе которой столь необходимо для критической оцѣнки разныхъ аграрныхъ программъ, является конечной задачей настоящей работы. Подготовляя для этой конечной цѣли объективный матеріалъ, обратимся снова къ нашимъ даннымъ бюджетнаго изслѣдованія и ознакомимся съ величиной

Digitized by Google

Таблица 41-я.

	Число хозяйствъ.	Число десятинъ посѣва.	Всего собрано пудовъ.	Въ переводѣ на деньги въ рубляхъ. Всего.	На одно хозяйство.
			II группа.		
Пшеница	18	39,47	1272,1181	1106,74	*61,49*
Рожь	1	0,83	25,9458	13,23	*13,33*
Овесъ	1	0,42	14,4060	6,34	*6,34*
Просо	7	5,92	192,4000	163,54	*23,36*
Ячмень	—	—	—	—	—
Горохъ	—	—	—	—	—
Картофель	—	—	—	—	—
Всего	22	48,39	1504,8699	1289,85	*58,63*
			III группа.		
Пшеница	84	340,80	10983,9840	10105,27	*120,30*
Рожь	16	29,04	907,7904	453,90	*28,37*
Овесъ	27	35,49	1217,3070	535,62	*19,84*
Просо	21	27,99	909,6750	773,22	*36,82*
Ячмень	16	10,31	335,2812	144,17	*9,01*
Горохъ	10	3,38	156,4416	139,23	*13,92*
Картофель	2	0,14	54,18	21,67	*10,84*
Всего	104	486,38	14564,6592	12173,08	*11,70*
			IV группа.		
Пшеница	38	410,55	13232,0265	12438,14	*303,37*
Рожь	3	4,84	151,2984	90,78	*30,26*
Овесъ	14	42,94	1472,8420	603,87	*43,13*
Просо	15	29,86	970,4500	679,32	*45,29*
Ячмень	6	9,35	304,0620	136,83	*22,81*
Горохъ	7	4,24	170,9568	152,15	*21,74*
Картофель	1	0,12	46,4400	18,58	*18,58*
Всего	41	549,29	16348,0757	14119,67	*344,38*
			V группа.		
Пшеница	14	374,00	12054,0200	11692,40	*835,17*
Рожь	6	36,33	1135,6758	567,84	*94,64*
Овесъ	6	31,32	1074,2760	472,68	*78,78*
Просо	7	25,83	839,4750	587,63	*83,95*
Ячмень	4	11,33	368,4516	165,80	*41,45*
Горохъ	3	3,55	143,1360	143,14	*47,71*
Картофель	—	—	—	—	—
Всего	14	501,76	15615,0344	13829,49	*973,54*
			ВСЕГО.		
Пшеница	154	1164,82	37542,1486	35342,55	*229,50*
Рожь	26	71,04	2220,7104	1125,75	*43,30*
Овесъ	48	110,17	3778,8310	1618,51	*33,72*
Просо	50	89,60	2912,0000	2203,71	*44,07*
Ячмень	26	30,99	1007,7948	446,80	*17,18*
Горохъ	20	11,67	470,5344	434,52	*21,73*
Картофель	3	0,26	100,6200	40.25	*13,42*
Всего	181	1585,82	48032,6392	41212,09	*227,69*

Digitized by Google

валового дохода, получаемаго крестьянскимъ хозяйствомъ съ арендныхъ земель.

Вотъ данныя объ этомъ доходѣ, распредѣленномъ по тѣмъ же хлѣбнымъ культурамъ, какія мы имѣли въ виду при учетѣ дохода съ надѣльныхъ полей (см. табл. 41-ую на стр. 79-ой).

Обозрѣвая числовой перечень хозяйствъ, участвующихъ въ посѣвѣ того или иного хлѣба, мы замѣчаемъ, что ариѳметическая сумма этихъ хозяйствъ во всѣхъ группахъ больше общаго числа ихъ въ дѣйствительности. Это говоритъ о томъ, что въ числѣ хозяйствъ, сѣющихъ наиболѣе дорогой хлѣбъ—пшеницу, есть часть такихъ, которыя засѣваютъ, кромѣ того, и другіе—второстепенные хлѣба. При такихъ условіяхъ учетъ средней валовой доходности арендующихъ хозяйствъ путемъ распредѣленія общей суммы выручки на всѣ хозяйства въ группѣ давалъ бы фиктивную величину, такъ какъ при этомъ доходъ хозяйствъ, сѣющихъ два или три хлѣба, расчислялся бы и на хозяйства, засѣвающія одинъ хлѣбъ. Поэтому для учета доходности хозяйствъ мы примемъ для нихъ слѣдующую группировку:

Таблица 42-я.

Число арендныхъ хозяйствъ, сѣющихъ [1]):

№№ группъ.	Только пшеницу.	Пшеницу и одинъ второстепенный хлѣбъ.	Пшеницу и два второстепенныхъ хлѣба.	Только какой-либо второстепенный хлѣбъ.
II	13	5	—	4
III	12	72	—	20
IV	—	33	5	3
V	—	2	12	—
Всего . . .	25	112	17	27

[1]) За неимѣніемъ въ нашемъ распоряженіи соотвѣтствующихъ данныхъ первичнаго матеріала, мы пользуемся при составленіи настоящей таблицы слѣдующими соображеніями: ариѳметическая сумма сѣющихъ хозяйствъ по таблицѣ 41-й превышаетъ общее число ихъ въ дѣйствительности на: II гр.—5 хоз. (27—22); III гр.—72 хоз. (176—104); IV гр.—43 (84—41) и V гр.—26 хоз. (40—14). Очевидно, во II гр. имѣется между хозяйствами, сѣющими пшеницу, 5 хоз. такихъ, которыя сѣютъ, кромѣ того, еще одинъ второстепенный хлѣбъ; слѣдовательно, хозяйствъ, сѣющихъ одну только пшеницу, имѣется 13 (18—5); а такъ какъ общее число хозяйствъ, сѣющихъ второстепенные хлѣба, равняется 9, то число хозяйствъ съ посѣвомъ только второстепеннаго хлѣба составляетъ 4 (9—5). Въ IV группѣ ариѳметическая сумма хозяйствъ больше дѣйствительнаго числа ихъ на 43. Если бы всѣ хозяйства съ пшеницей высѣвали, кромѣ того, еще *одинъ* только второстепенный хлѣбъ, то эта разница была бы не 43, а 38; очевидно, имѣется 5 хозяйствъ (43—38), высѣваю-

Digitized by Google

Далѣе опредѣлимъ среднюю доходность отъ выручки съ посѣва второстепенныхъ хлѣбовъ:

Таблица 43-я.

№№ группъ.	Общее число случаевъ высѣва второстепенныхъ хлѣбовъ.	Всего выручено рублей.	Въ среднемъ на 1 случай приходится выручки рублей.
II	9	183,11	20,35
III	92	2067,81	22,48
IV	46	1681,53	36,56
V	26	1937,09	74,50
Всего . .	173	5869,54	33,93

Сложивъ среднія выручки отъ реализаціи пшеницы и второстепенныхъ хлѣбовъ, мы получимъ слѣдующія величины средняго валового дохода въ рубляхъ, получаемаго арендующими хозяйствами съ арендныхъ посѣвовъ:

Таблица 44-я.

Арендныя хозяйства, сѣющія:

№№ группъ.	Только пшеницу.	Пшеницу и одинъ второстепенный хлѣбъ.	Пшеницу и два второстепенныхъ хлѣба.	Только какой-либо второстепенный хлѣбъ.
II	*61,49*	61,49+20,35= *81,84*	—	*20,35*
III	*120,30*	120,30+22,48=*142,78*	—	*22,48*
IV	—	303,37+36,56=*339,93*	303,37+(36,56×2)=*376,49*	*36,56*
V	—	835,17+74,50=*909,67*	855,17+(74,50×2)=*984,17*	—
Всего	*90,89*	229,50+33,93=*263,43*	569,27+(50,26×2)=*673,79*	*26,75*

Пополнивъ выручкой съ аренды бюджетные недочеты отъ посѣва на надѣльныхъ земляхъ [1]), мы увидимъ, что въ результатѣ, за вычетомъ всѣхъ перечисленныхъ выше расходовъ, у арендующихъ хозяйствъ остается (+) или не хватаетъ (—) рублей въ среднемъ:

щихъ, кромѣ пшеницы, еще не одинъ, а два второстепенныхъ хлѣба; на группу же хозяйствъ съ посѣвомъ одной только пшеницы остается 33 (38—5) и, наконецъ, хозяйствъ съ посѣвомъ только второстепеннаго хлѣба оказывается 3 (41—38). Разсчетъ въ III гр. тождественъ съ разсчетомъ во II группѣ, а въ V-й—съ разсчетомъ въ IV гр.

[1]) См. таблицу 40-ю.

Digitized by Google

Табл

Арендныя хоз

№№ группъ.	Только пшеницу.	Пшеницу и одинъ вн ростепенный хлѣбъ
II . . .	— 74,95+ 61,49=—*13,46*	— 74,95+ 81,84=+ *6,*
III . . .	—111,44+120,30=+ *8,86*	—111,44+142,72=+ *31,*
IV . . .	—	—184,35+349,93=+*155,*
V . . .	—	—229,14+909,67=+*680*
Всего . .	— 93,20+ 90,89=— *2,31*	—166,40+263,43=+ *97,*

Т а б л

Группы.	Хозяйства, сѣющія только на надѣльной землѣ. Число хозяйствъ. абсол.	въ %% ко всѣмъ въ группѣ.	Результатъ земледѣльческаго производства въ рубляхъ + или —	Хозяйства, ведущія запал Только пшеницу. Ч. хозяйствъ абсол.	въ %% ко всѣмъ въ груп.	Результатъ земледѣльческаго производства въ рубляхъ + или —	Пшеницу сте Ч. хозяйст абсол.	въ %%
II	152	87,4	— *74,95*	13	7,5	— 13,46 ар. — 7,12 Итого — *20,58*	5	[2
III	105	50,2	— *111,44*	12	5,7	+ 8,86 ар. — 10,81 Итого — *1,95*	72	3
IV	6	12,8	— *184,35*	—	—	—	33	7
V	1	6,7	— *229,14*	—	—	—	2	1
Всего	264	59,3	— *166,41*	25	5,6	— 2,31 ар. — 8,97 Итого — *11,28*	112	2

Digitized by Google

а 45-я.

ва, сѣющія:

Пшеницу и два второстепенныхъ хлѣба.	Только какой-либо второстепенный хлѣбъ.
—	— 74,95+20,35=— *54,60*
—	—111,44+22,48=— *88,96*
—184,35+376,49=+*192,14*	—184,35+36,56=—*147,79*
—229,14+984,17=+*755,03*	—
—206,75+673,79=+*467,04*	—123,58+26,75=— *96,83*

46-я.

дѣльной и иной землѣ, причемъ на послѣдней засѣваютъ:

ь второ-хлѣбъ.	Пшеницу и два второстепенныхъ хлѣба.			Только какой-либо второстепенный хлѣбъ.		
	Ч. хозяйствъ		Результатъ земледѣльческаго производства въ рубляхъ + или —	Ч. хозяйствъ		Результатъ земледѣльческаго производства въ рубляхъ + или —
льтатъ земльческаго изводства рубляхъ или —	абсол.	въ % % ко всѣмъ въ груп.		абсол.	въ % % ко всѣмъ въ груп.	
+ 6.89 р. — 7,12						— 54,60 ар.. — 7,12
— *0,23*	—	—	—	4	2,3	Итого — *61,72*
+ 31,34 . — 10,81						— 88,96 ар. — 10,81
+ *20,53*	—	—	—	20	9,6	Итого — *99,77*
+155,58 . — 85,29			+192,14 ар. — 85,29			—147,79 ар. — 82,29
+ *70,29*	5	10,6	Итого + *106,85*	3	6,4	Итого — *233,08*
+680,53 —227,80			+755,03 ар. —227,80			
+ *452,73*	12	80,0	Итого + *527,23*	—	—	—
+ 97,03 — 82,76			+467,04 ар. —156,55			— 96,83 ар. — 34,41
+ *14.27*	17	3,8	Итого + *310,49*	27	6,1	Итого — *131,24*

Digitized by Google

Если мы, наконецъ, внесемъ въ послѣднюю таблицу поправки, касающіяся расходовъ на арендную плату[1]) за снимаемыя земли, то у насъ получится въ наиболѣе существенныхъ чертахъ почти законченная картина земледѣльческаго хозяйства, въ которомъ мы до сихъ поръ искали главнымъ образомъ указаній на его преимущественно продовольственный, по мнѣнію нѣкоторыхъ, характеръ.

Итакъ, во II группѣ не имѣется *ни одного* хозяйства (средняго), которому его крестьянская „самостоятельность", какъ земледѣльца, обезпечивала бы удовлетвореніе потребностей существованія семьи. Въ III-й группѣ подобныхъ хозяйствъ находится *34,5%*, а въ IV и V уже почти всѣ хозяйства (*80,8%* и *93,3%*) располагаютъ бюджетными излишками довольно значительныхъ размѣровъ. Спрашивается, откуда хозяйства во II-й гр. черпаютъ источникъ существованія своихъ семействъ, и куда помѣщаютъ свои остатки хозяйства остальныхъ группъ?

А. Шлихтеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Арендныя цѣны взяты по даннымъ д. Садовки: въ II гр. 3,25 р., въ III гр. 2,31 р. и въ IV гр. 6,37 р. за 1 дес. каз. мѣры, считая аренду земель въ своемъ обществѣ, въ чужихъ обществахъ и у частныхъ владѣльцевъ вмѣстѣ. Арендная цѣна для V гр. взята такая же, какъ въ IV гр.

Digitized by Google

Подлое состояніе.

Разсказъ **А. Гольдебаева.**

(Окончаніе).

— Вотъ, послушайте, что я скажу,—начала Петрищева какимъ-то особеннымъ, нервно вибрирующимъ голосомъ, переливы котораго чаровали, какъ пѣніе.—Вы... ваши товарищи... люди борьбы... ну, не можете, не имѣете времени вдуматься въ то, что происходитъ вокругъ!.. Событіе какое-нибудь взятіе Бастиліи, скажемъ,—грандіозное историческое событіе. Но могли ли граждане-побѣдители—самые наблюдательные даже—могли ли они, когда шли на приступъ этой твердыни абсолютизма, оцѣнивать свое великое дѣло такъ полно, какъ это сдѣлали въ свое время Карлейли, Мишлэ, Бляны?! Не только они,—ихъ современники—поэты, мыслители не могли этого сдѣлать... Когда гремитъ оружіе, музы умолкаютъ,—такъ, кажется, говоритъ изреченіе. Вы, бойцы, можетъ статься, изумитесь величію вашего дѣла, но послѣ, когда будете читать о немъ въ книгахъ. Пока же вы менѣе, чѣмъ кто-либо, въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ величіи совершающагося, если ужъ и музы молчатъ...

— И хорошо дѣлаютъ!—усмѣхнулся Гавріилъ, чувствуя, что этотъ пѣвучій голосъ его околдовываетъ.—Я, признаться, не особенно горячій поклонникъ музъ.

— Очень естественно! Вѣдь вамъ, человѣку дѣла, бойцу, некогда услаждаться словесностью... Но что же! Но настанетъ же время, увѣрена я, когда и вы, скинувши доспѣхи, вкусите отъ плодовъ поэзіи...

— Гм!.. Какъ вы это высокопарно, право!.. Совсѣмъ, какъ Тредьяковскій!—старался насмѣшничать Гавріилъ, борясь съ очарованіемъ.—Видимо, вы вкушаете отъ плодовъ поэзіи!.. И какъ вы удосуживаетесь, не понимаю! Служба, практика, серьезное чтеніе, слѣды котораго такъ ярки,

Digitized by Google

начитываніе товарищей юныхъ и зрѣлыхъ и, сверхъ всего этого, еще поэзія!

— Вы меня сбиваете, не даете высказать то, что я думала.. Ну Богъ съ вами, отвѣчу о поэзіи, если хотите. Да, я люблю поэзію. Особенно люблю нашу родную русскую поэзію. Не всякую, конечно, а лишь ту, въ которой особенно задушевно сказалось,—прямо или образно, въ стихахъ или въ прозѣ,—все равно, сказалось наше родное чувство, чувство великаго, свободолюбиваго и наиболѣе угнетеннаго народа, тоска по свѣтлому дню свободы. Многострадальная, но пророческая это поэзія... „Не падай душой! Вѣрь, настанетъ пора!..“—эта мысль о свѣтломъ днѣ живитъ, грѣетъ сердца и лучшихъ русскихъ писателей, и самоотверженныхъ русскихъ людей .. Вотъ теперь, когда „сердечный“ отвѣчаетъ на вопросъ: „Ты проснешься ль, исполненный силъ“—могучимъ, единодушнымъ „да!“, теперь встаетъ, кажется, передо мной родная жизнь, родная поэзія во всемъ своемъ безпримѣрномъ величіи... Есть ли и былъ ли на свѣтѣ другой народъ, жизнь котораго была бы столь же мрачна, мучительна?! Укажутъ ли мнѣ и другую поэзію съ такой же пророческой тоской по идеалу?!

— Говорите, говорите!--прошепталъ Гавріилъ, боясь, что этотъ чарующій голосъ готовъ умолкнуть.

— Да!—сказала Петрищева, выходя изъ задумчивости.— Неисчерпаемый запасъ вѣры въ человѣка и въ наступленіе свѣтлаго дня надо было имѣть нашимъ поэтамъ, нашимъ борцамъ, чтобы не пасть духомъ среди безпросвѣтнаго мрака издѣвательствъ, униженій, насилій, гоненій, ссылокъ, казней и пытокъ, калѣчившихъ тѣла и души русскихъ, отъ декабриста до современнаго намъ „политическаго“, отъ писателя Радищева до Чехова!.. Вы помните тургеневское „У порога?..“ Оно посвящено Перовской.

— Нѣтъ... Я такъ мало знакомъ съ беллетристикой...

— Если хотите, я прочту его на память.

— О, непремѣнно, непремѣнно!.. Я очень хочу!

Лизавета Михайловна опустила голову, помолчала и начала тихимъ, слегка трепетавшимъ голосомъ:

„Передо мной огромное зданіе... Узкая дверь открыта настежь... За нею одинъ мракъ, мракъ, полный ужаса... У порога стоитъ дѣвушка... Молодая русская дѣвушка... Мрачна, холодна эта непроницаемая тьма... Изъ глубины выходитъ леденящее дыханіе... И слышится голосъ медленный, замогильный: „Ты, желающая переступить этотъ порогъ,—хорошо ли ты знаешь, что ждетъ тебя?..“ „—Да, я это знаю!“—говоритъ дѣвушка.—„Знаешь ли ты, что ждетъ тебя холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, поруганіе, презрѣніе, неволя,

Digitized by Google

болѣзнь и дажа самая смерть?" —„Я знаю!" —„Одиночество, заброшенность?" —„И это знаю!.. Я готова!.. Всѣ несчастья, всѣ удары судьбы — я все перенесу!.." — „Вѣдь не только удары отъ враговъ, но и отъ твоихъ родныхъ и друзей!.. —„Да, я перенесу и эти удары!.." —„Ну, хорошо. Значитъ, ты готова на жертву?" — „Да" —„На жертву, никому неизвѣстную... Ты погибнешь, и никто... никто не почтитъ твоей памяти!.." —„Я не прошу ни благодарности, ни сожалѣнія!— говоритъ дѣвушка.—Не нужно мнѣ имени въ исторіи!.."

Она смолкла, вздохнула и спросила еще тише, съ усиліемъ:

—„И ты была бы готова... на преступленіе, если бы оно понадобилось?" —Дѣвушка опустила голову.—„Также и на преступленіе..." —Нѣсколько минутъ молчанія, и голосъ снова вопрошаетъ:—„Думала ли ты, что настанетъ, быть можетъ, день, когда ты не будешь больше вѣрить въ то, во что вѣришь сегодня, и что ты скажешь когда-нибудь себѣ, что ошиблась и напрасно пожертвовала своей молодой жизнью?" —„Да, я думала даже и объ этомъ!—отвѣчала дѣвушка.— И все же я хочу войти." —„Такъ входи же!.." Она переступила порогъ..."

— Все?—спросилъ Гавріилъ, не дождавшись продолженія.

— Все... Но развѣ этого вамъ мало?

— Вы... замѣчательно хорошо передаете!

— Да?.. Спасибо. Но, прошу васъ, вдумайтесь въ это: „Ты погибнешь, и никто... никто не почтитъ твоей памяти!.." И отвѣтъ русской дѣвушки: „Я не прошу ни благодарности, ни сожалѣнія! Мнѣ не нужно имени въ исторіи!" Какъ много въ этомъ отвѣтѣ самоотверженнаго русскаго страдальца за народъ вѣры, любви, духовной энергіи!.. На цѣлый міръ достанетъ... Можетъ ли „сгинуть безслѣдно" для человѣчества такая упорная и любвеобильная энергія духа нашихъ „съ честію павшихъ во имя идей"?.. Наши „сподвижники", чьи „юныя очи можетъ ли видъ эшафота пугать",—всѣ они таковы! „Я готова! Всѣ несчастья, всѣ удары—я все перенесу"!.. Вдумайтесь, я особенно васъ прошу, какъ человѣка изъ того же великаго легіона героевъ, которымъ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія, вдумайтесь въ нашу русскую жизнь-поэзію безъ марксистскаго пуританства и скажите, да развѣ этотъ небесный огонь нашихъ безвѣстныхъ героевъ—не ручательство за то, что русскій народъ—величайшій изъ народовъ?!. Развѣ этотъ священный огонь не послужитъ путеводнымъ свѣточемъ для всего міра по пути ко всеобщему счастью?!.

Digitized by Google

Онъ молчалъ, стараясь побороть чары ея голоса и не имѣя силъ поднять головы, чтобы освободиться отъ сладкаго опьянѣнія.

— Все это прекрасно,—сказалъ онъ, наконецъ,—все это такъ прекрасно, что я... точно въ какомъ-то волшебномъ снѣ слушаю васъ!.. Но,—онъ крѣпко надавилъ рукой на лобъ, потирая его,—надо же быть трезвымъ... Вѣдь все это, знаете, мессіанизмъ. Отъ подобныхъ импровизацій о величіи русскаго народа рукой подать, простите, до шовинистской, богочеловѣчной руссолатріи Достоевскаго... И мнѣ, признаюсь, странно слышать въ устахъ соціалъ-демократа декларацію правъ одного какого-либо народа на исключительное величіе.

— Соціалъ-демократа?—спросила она, наклоняясь къ нему.—Вы думаете, что я соціалъ-демократъ?

— Конечно! А вы развѣ не думаете этого о себѣ?

— Видите ли,—начала она медленно,—я не говорила ни вамъ, ни кому-либо другому ни разу въ теченіе всей моей сознательной жизни, что считаю себя... ну, достойной, что ли, великаго имени соціалъ-демократъ. Когда вы меня почтили, часа два-три тому назадъ, словомъ товарищъ, я почувствовала, какъ у меня вся кровь отлила отъ сердца: я услышала слово товарищъ отъ одного изъ выдающихся представителей партіи... Но... не считайте за восторженность пансіонерки мои признанія,—я ихъ глубоко продумала... Но, признаюсь, я не смѣю присваивать великаго имени соціалъ-демократъ...

— У васъ, ей-Богу, удивительные взгляды!

— Быть можетъ, но они—мои взгляды. Ихъ я никому не навязываю, а сообщаю ихъ только вамъ, какъ одному изъ идейныхъ руководителей. Въ моемъ представленіи имена, какъ соціалъ-демократъ, соціалистъ-революціонеръ, вообще соціалистъ являются синонимами понятій: страдалецъ, подвижникъ, святой. Помните, что говоритъ Малонъ о соціалистѣ: „Это человѣкъ, всегда носящій въ сердцѣ открытую рану міровой скорби“.

— Малонъ плохой марксистъ.

— Не спорю. Хотя вся его бѣда въ томъ, что онъ, будучи марксистомъ, не старается подчинять разсудку чувство... И его сердечность мнѣ симпатична.

— Виноватъ. Если вы кидаете безъ разбора въ одну кучу такія несоизмѣримыя понятія, какъ соціалистъ-революціонеръ и соціалъ-демократъ, то не говорите, пожалуйста, о соціалистахъ, говорите лучше „политическій преступникъ“.

— Вотъ вы опять сердитесь!.. Но я не могу разсуждать абстрактно, живя всегда среди соціалъ-демократовъ, зная

Digitized by Google

ихъ, любя ихъ, уважая, наконецъ, принадлежа ихъ ученію, ихъ программѣ вполнѣ сознательно,—всѣ мои разсужденія сведутся въ концѣ концовъ на конкретные образы моихъ друзей и знакомыхъ...

— Такъ! И все-таки вы отрицаете, что вы соціалъ-демократъ?—усмѣхнулся Гавріилъ.

— Да. Мнѣ не подъ силу быть мученикомъ. Я чрезвычайно высокаго мнѣнія о... ну,—пусть будетъ такъ, чтобы вы не имѣли повода сердиться,—о соціалъ-демократѣ. Какъ бы ни презиралъ онъ идею самопожертвованія, ему при существующихъ порядкахъ приходится жертвовать собой, и потому онъ—святой, онъ—мученикъ. И чѣмъ менѣе тотъ или этотъ изъ святыхъ мучениковъ за свободу родины и человѣчества думаетъ о томъ, что онъ святъ, чѣмъ болѣе онъ въ повседневной жизни естественъ и простъ, тѣмъ для меня онъ изумительнѣе по своей самоотверженности. Быть, ну, соціалъ-демократомъ, если хотите, это значитъ, какъ я понимаю, быть не человѣкомъ и только, а дважды, трижды человѣкомъ.

— Охъ, какія строгости!.. Съ вашими взглядами пришлось бы распустить партію. Развѣ вы не знаете, сколько среди товарищества такихъ фруктовъ, что... ну,—докончилъ онъ глухо,—вы сами понимаете!

— „Теперь-то она и перейдетъ на „конкретный образъ",—подумалъ Гавріилъ.—Какъ, однако, она дипломатничаетъ... Скорѣе бы!.. Не томила бы!"..

Но Лизавета Михайловна поняла намекъ по-своему, и продолжала тѣмъ же яснымъ, оживленнымъ тономъ, безъ малѣйшей задней мысли.

— Да, есть, къ сожалѣнію, не мало соціалъ-демократовъ, которые профанируютъ это великое званіе. Мысль уподобиться имъ казалось бы мнѣ оскорбительной при моихъ взглядахъ. Но, съ другой стороны, какое множество изъ нихъ людей простодушныхъ, милыхъ, скромныхъ, такихъ, которые каждой минутой своей самоотверженной жизни доказываютъ мнѣ, что я не имѣю права называть себя соціалъ-демократомъ. Слѣдовать ихъ великому примѣру у меня недостаетъ силы воли... Я думаю, что я сказала бы: „Да, я соціалъ-демократъ", если бы мнѣ за исповѣданіе убѣжденія накинули бы тотчасъ же петлю...

— Поздравляю!.. Значитъ, вы совсѣмъ ужъ не такъ трусоваты, какъ сама себя рекомендуете?

— Умереть разомъ,—отчего же, если условія прекрасны! Но давить себя въ добровольныхъ петляхъ каждую минуту дня и ночи всю жизнь, будучи исповѣдникомъ гонимой вѣры,—на это нужна сила, каковой у меня нѣтъ.

Digitized by Google

— Бѣда поправимая! Стоитъ лишь захотѣть—и сила явится, выработается упражненіемъ, станетъ привычкой.

— Да. Но въ какомъ размѣрѣ?.. Я лучше всего приведу вамъ конкретный примѣръ. Здѣсь, въ организаціи, есть одна молодая барышня, которую товарищи зовутъ Контессой...

— А, Контесса! Я видѣлъ ее. Красивая, молоденькая брюнетка, куда чернѣе васъ. Странное прозвище ей дали товарищи!

— Брюнетка!—усмѣхнулась Петрищева.—Вы-то можете знать о ней всю правду, вплоть до того обстоятельства, что она совершенная блондинка. Но она страшно провалилась въ Воронежѣ, и теперь красится, сюрьмитъ брови, подводитъ рѣсницы. Ея жизнь—сплошная тревога, а она, однако,—лучшій помощникъ товарища Артиллериста въ его опасномъ дѣлѣ. И это, имѣйте въ виду, барышня изъ аристократическаго богатаго дома, красавочка, въ которую былъ безумно влюбленъ какой-то итальянскій графъ, предлагавшій ей руку, титулъ, богатство, виллы на Ривьерѣ... Она же, она пошла въ ряды „передовыхъ представителей пролетаріата", будучи сознательной соціалъ-демократкой, и унесла изъ своего beau-mond'a одно лишь ироническое право прозываться Контессой. Живетъ въ сыромъ подвалѣ, удобномъ для строго конспиративнаго предпріятія, но не для добраго здоровья; слыветъ по паспорту женой труборѣза; ходитъ въ кацавейкѣ; спитъ на кошмѣ; питается на тѣ двадцать пять рублей, что выдаетъ имъ съ якобы мужемъ комитетъ... Все это,—подвалъ, кошма, соленые огурцы, вѣчно настороженное вниманіе,—условія, весьма выгодныя, повторяю, для работы, но совсѣмъ не подходящія для молодой аристократки, взлелѣянной нянями и боннами. Вотъ эта скромная, милая, дѣвушка, Контесса,—соціалъ-демократъ!.. Но такимъ страстотерпцемъ быть я не въ состояніи. А такъ, по имени только, не считаю для себя подходящимъ.

— Такихъ примѣровъ, какъ ваша Контесса, можно насчитать у насъ десятки. Но что изъ этого? И звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ. Всякъ трудится по мѣрѣ силъ. А извиняться безсиліемъ—признакъ лѣности... Я не о васъ говорю, а такъ, вообще...

— Да все равно, хоть и обо мнѣ! И сама-то я не считаю себя особенно ретивой. Дѣлаю, что могу, а имени, на которое права не имѣю, присваивать себѣ не хочу... Однако, дождь пересталъ, разсвѣтило... Пора шагать.

— Дѣло не въ имени, въ концѣ концовъ,—быстро заговорилъ онъ, желая удержать собесѣдницу, уже поднявшуюся было.—Ваши рѣдкія способности къ популяризаціи,

Digitized by Google

языкъ великолѣпный, выработанный, образный и точный, самый вашъ голосъ при такой... гм, ну, счастливой, что ли, внѣшности—все это обязывало бы васъ не ограничиваться однимъ секретарствомъ при случаѣ, да начитываніемъ, а работать въ качествѣ отвѣтственнаго пропагандиста, увлекательнаго агитатора.

— Я бы всей душой, ей-Богу!.. Но, понимаете, у меня нѣтъ увѣренности въ себя,—я теряюсь, когда приходится выступать даже передъ маленькой кучкой незнакомыхъ. Это вотъ съ вами я не въ мѣру разлепеталась, а вы ужъ и комплименты!.. Не судите о моихъ ораторскихъ способностяхъ по сегодняшней „вступительной" лекціи—она удалась отчасти потому, что я была необыкновенно... просто была такъ настроена, взвинчена нѣсколько... Конечно, тѣмъ, что говорилось тамъ, за чаемъ. Отчасти же помогло и то, что Бумагины—старые знакомые... Ну, и то, что я... что меня значительно...

Она не докончила, оборвала спутанную фразу, и быстро, почти нетерпѣливо отрѣзала:

— Однимъ словомъ, я не могу выступать.

Потомъ, послѣ небольшой паузы, добавила мягко, съ извиняющейся улыбкой:

— Да теперь, когда стало свободнѣе, объявится, вѣроятно, столько ретивыхъ работниковъ, хоть отбавляй!.. Вся та либеральная и марксистообразная молодежь, что скрывала свое тяготѣніе къ „эс-дэ" изъ осторожности, теперь, пожалуй, открыто примется агитировать и пропагандировать соціалъ-демократію. Такъ что, думаю, намъ, старымъ воробьямъ, даже не ловко, пожалуй, выползать изъ норъ, пользуясь свободой...

— Я могъ бы безъ труда, вы понимаете, оспорить логичность такого разсужденія. Наиболѣе полезные работники всегда наиболѣе полезны, независимо отъ условій... А что касается свободы, то, могу порадовать вашъ ригоризмъ, еще вернутся дни, и очень скоро, будемъ надѣяться, когда насъ съ вами снова станутъ кромсать нагайками, бросать въ одиночки, разстрѣливать скопомъ и, въ лучшемъ случаѣ, бить прикладами.

— Ахъ, развѣ?—размѣялась она, вставая.—Благодарю за утѣшеніе. Оно ободряетъ меня подумать объ активной работѣ въ широкихъ массахъ. Но пока—надо двигаться ко дворамъ. Моя дочка будетъ помнить эту ночь, когда ей, бѣдной, пришлось ждать маму до свѣту.

Она встала передъ Гавріиломъ съ милой улыбкой на очаровательномъ лицѣ, съ тихимъ, чарующимъ свѣтомъ въ темныхъ глазахъ и медленно подняла руку.

Digitized by Google

— Вы не трудитесь, я одна. Вѣдь до больницы далеко, версты три, а вы, конечно, утомлены. Да и дорогу, пожалуй, не найдете обратно.

— Вы хотите, чтобы я ушелъ? — прошепталъ онъ, не имѣя силъ оторвать взгляда отъ ея глазъ.

— Да нисколько!--весело захохотала она, запрокидывая голову.—Что вы!.. Мнѣ, напротивъ, было бы очень пріятно поболтать съ вами лишніе четверть часа, если вы не валитесь съ ногъ отъ усталости.

— Я совсѣмъ не думаю о... объ усталости!—сказалъ онъ какъ-то разбито, вставая и надѣвая шляпу.—Дорогу я найду, городъ мнѣ вѣдь знакомъ.

— Но онъ такъ выросъ... измѣнился,—бросила она вскользь, уже на ходу.

Она спѣшила, шла впереди, но сдерживала торопливость, чтобы спутнику не остаться далеко сзади. Широкіе ручьи удлиняли дорогу и мѣшали ихъ „болтовнѣ“: приходилось искать глазами выступающихъ камней на мостовой и балансировать по нимъ среди журчащихъ струй. Гавріилъ, какъ ни былъ онъ вновь подавленъ, находилъ, что его позиція очень выгодна въ эстетическомъ смыслѣ: онъ видѣлъ, идя сзади, какъ красиво изгибается стройный станъ красивой женщины, такъ мало походившей на тоненькую кухарочку Лизу.

„Поболтать съ вами“—припоминалъ онъ ея небрежное выраженіе и небрежно-пріятельскій тонъ этого выраженія. „Только поболтать!“—думалъ онъ не безъ горечи.—Неужели же ей эта наша встрѣча кажется не выходящей изъ ряда вонъ?! „Поболтать“—сказала... А сама, если я не ошибаюсь, настроена нервно и съ удивительнымъ самообладаніемъ скрываетъ свою нервозность. Не могу я повѣрить, что она, забывши о „томъ“, смотритъ на насъ обоихъ, на себя и на меня, какъ на двухъ интеллигентныхъ полузнакомцевъ, которымъ пріятенъ обмѣнъ мнѣніями! Гдѣ же прошлое съ его щекотливо-интимной человѣчностью отношенія, столько же скандальнаго, сколько и сближающаго!.. Она съ какимъ то умысломъ накидала мнѣ вороха мыслей, подчеркивая мое мѣсто въ партіи; хотѣла ли она этимъ подсказать темы публицисту, дать критическія нота-бене одному изъ руководителей, или же роняла свои отрывочныя, но дѣловыя замѣчанія о поэзіи, о предвзятой черствости и о подвижничествѣ лишь для того, чтобы не происходило паузъ, способныхъ вызвать извѣстное настроеніе. Но всѣ ея монологи и наши діалоги—типичный коллоквіумъ двухъ вакантныхъ академиковъ, хоторые встрѣтились за чашкой чаю, нашли другъ друга неглупыми и до того прониклись

Digitized by Google

уваженіемъ другъ къ другу, что пошли и гулять вмѣстѣ, продолжая мудрую бесѣду. Гдѣ же тутъ человѣкъ? Гдѣ же его согрѣвающая животность, счастливящее смущеніе женщины въ присутствіи самца-интеллигента, который принудилъ ее когда-то отдать ему тѣло?—гдѣ же, наконецъ, женщина?! Было бы, конечно, вполнѣ естественно слышать отъ сотенъ товарищей все то, что она высказывала, и даже именно такъ, какъ она высказывала,—то-есть умно, блестяще, поэтично, очаровательно; но слышать отъ нея все это, и только это, слышать въ округленныхъ, полныхъ самообладанія фразахъ, хотя бы и самыхъ красивыхъ, самыхъ музыкальныхъ,—да это просто невѣроятно!..“

Онъ глядѣлъ на ея торсъ и гибкія движенія, досадуя, что слишкомъ много удѣляетъ мѣста „эстетикѣ“, и думалъ:

—„Вѣдь это же—Лиза!.. Лиза, та самая, та, лишь пересознавшая себя со сказочнымъ неправдоподобіемъ!.. Вѣдь это именно надъ ней совершилъ насиліе человѣкъ, идущій теперь едва не плечо къ плечу съ нею!.. Но... кто же она, наконецъ? Чудовище самообладанія?.. Ангелъ милосердія, отпускающій своему поругателю вину цѣной презрѣнія къ его нравственной личности?.. Однако... Не показала ли она, не старалась ли показать, или, вѣрнѣе, старалась ли хоть сколько-нибудь скрыть, что она не презираетъ, далеко не презираетъ, а, напротивъ, уважаетъ, какъ выдающагося работника партіи, дорогой ей?.. Ея чувство, чувство откровеннаго уваженія, искренно, какъ искренна и сама она: совмѣстимо ли психологически искреннее уваженіе съ чувствомъ презрѣнія, хотя бы и обезсиленнаго доводами отъ разума?.. Развѣ оно не проскользнуло бы, если бы имѣлось у ней,—въ интонаціи, въ настроеніи, въ натянутости, въ желаніи поскорѣе отвязаться отъ стѣснительнаго сосѣдства?.. А вѣдь она, если и спѣшитъ, то потому только, что о ребенкѣ безпокоится, и... и—легко можетъ статься отъ нея—простретъ свое непостижимое равнодушіе къ прошлому до того, что пригласитъ зайти, поболтать у ней еще одну лишнюю четверть часа... „У нихъ хорошо,—припомнился ему отзывъ доктора о семейкѣ Петрищевыхъ —Мирно таково, уютно!.. Любовь чувствуется!..“

Широкіе потоки миновали; вышли на длинную дамбу, ведшую до самой больницы. Лизавета Михайловна умѣрила торопливость, пошла рядомъ. Влажный бутъ изъ крупнаго песка и галекъ поскрипывалъ подъ ея ногами какъ-то свѣжо, юношески-задорно. Такъ же свѣжъ былъ ея смѣхъ надъ ними обоими, порядочно измокшими отъ ливня. Новенькая щеголеватая парочка Гавріила выглядѣла неважно. Набухъ

Digitized by Google

отъ дождя и ея зонтикъ, а сарпинковая кофта прилипала къ тѣлу...

И косясь на эту кофту, облѣпившую плечи, спину, руки красиво сложенной, умѣренно-полной женщины, упругій бюстъ которой не нуждался, какъ это обнаруживала тонкая и намокшая ткань, въ услугахъ корсета, Гавріилъ рѣшился было найти толкованіе своей трудной задачи-пытки въ *безпредразсудочности*.

— „Мнѣ тяжело допустить,—думалъ онъ о Лизаветѣ Михайловнѣ,—что Лиза неразборчива, какъ нѣкоторыя женщины, равныя ей по степени развитія, но на нея непохожія; неразборчива въ извѣстномъ отношеніи... Доводилось иногда встрѣчать умныхъ, широко развитыхъ женщинъ, которыя вполнѣ реалистически взирали на такъ называемую любовь и не находили сколько-нибудь важнымъ помнить, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и съ кѣмъ отправляли онѣ естественныя функціи, какъ не стали бы запоминать случайнаго сотрапезника и меню того ресторана, гдѣ пришлось имъ когда-то пообѣдать. Но... она не такова, подобная мысль о ней нелѣпа. Мнѣ тяжело, мучительно допустить такую гнусную мысль о ней!.. Такая свѣжая, чисто-плотная, вся ясная, какъ росинка, такая, наконецъ, строгая, какъ строга въ своей чувствительности мимоза!..“

Онъ подавилъ глубокій вздохъ, причины котораго не доискивался, и закончилъ свои безполезныя думы выводомъ, для его міросозерцанія удручительно-новымъ.

— „Какъ легко имѣть дѣло съ категоріями, съ обобщеніями, съ большими числами!—подумалъ онъ.—Но какъ становится трудно, когда встаешь лицомъ къ лицу съ живой человѣческой личностью!“

А она, точно подслушавши его послѣднюю мысль, полушутя-полусерьезно говорила о томъ, что онъ, если откроетъ у Бумагиныхъ, паче ея чаянія, курсъ соціализма, долженъ заняться въ одной изъ послѣднихъ лекцій не только матеріальными благами будущаго, коллективистскаго рая на землѣ, но и вопросомъ о полнотѣ духовной свободы каждаго „человѣка-муравья“ въ этомъ раю. Эта лекція должна быть чрезвычайно интересной.

— „Можетъ быть, можетъ быть!“—думалъ онъ, тревожась больше всего соображеніями, что больница уже близка, а „коллоквіумъ“ все еще длится и уступить мѣсто какому-либо намеку не хочетъ.—Но она, можетъ быть, спроситъ: а помните ли вы?“—у самыхъ воротъ размышлялъ онъ.

— Опасеній моихъ,—говорила она спокойнымъ, веселымъ тономъ,— я не высказываю зеленымъ юнцамъ, да они и чрезвычайно преждевременны, эти опасенія, и еретичны, такъ

Digitized by Google

какъ писано бо есть, что „конструированіе будущаго и конечные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ—не наше дѣло.“ Но съ однимъ изъ наиболѣе маститыхъ истолкователей почему бы и не подѣлиться, не правда ли, тѣми сомнѣніями отъ лукаваго, которыя вызываютъ опасенія? А меня, признаюсь, часто томитъ вопросъ, осуществима ли духовная свобода для каждаго человѣка въ будущемъ свободномъ обществѣ? Если объявятся въ немъ несогласномыслящіе, которымъ захочется возстановить, скажемъ, царскую власть, построятъ для нихъ Шлиссельбургъ?

— Можетъ быть, можетъ быть!—отвѣчалъ онъ, смѣясь противъ желанія. Ворота уже были въ десяткѣ шаговъ.— „Если я скажу ей, что мнѣ было бы крайне интересно поговорить съ ней не шутя о всѣхъ ея ересяхъ, не приметъ ли она мои слова за попытку добраться въ концѣ всѣхъ дискуссій и до вопроса, неужели она забыла?..“—такъ думалъ онъ, томясь въ свою очередь опасеніями, что Лиза уйдетъ отъ него, не высказавшись.

Десятокъ шаговъ они сдѣдали молча. Лизавета Михайловна позвонила. Пока сторожъ лязгалъ засовомъ и бряцалъ ключами, она говорила:

— Ну, до свиданья, *товарищъ*! Еще увидимся, вѣроятно?

Онъ тупо смотрѣлъ на ея смѣющееся лицо, нѣсколько поблѣднѣвшее отъ безсонной ночи, но тѣмъ болѣе привлекательное своей мягкой матовостью, на тепломъ фонѣ которой такъ были красивы черныя брови, такъ художественно выдѣлялись бѣлки темныхъ глазъ съ ихъ черными пушистыми рѣсницами... Онъ торопливо пожалъ ея теплую руку и отвѣтилъ, не успѣвши сообразить, что его неожиданный отвѣтъ подсказанъ безсознательнымъ разсчетомъ вызвать ее на откровенность тотчасъ же.

— Нѣтъ... Я уѣду сегодня... Я долженъ уѣхать!

— Жаль, право!—покачала она головой.—Еще бы поболтали вечерокъ... Ну... желаю всего хорошаго, когда такъ. Если понадобятся мои услуги въ чемъ-нибудь, располагайте мной, пишите, поручайте, шлите распоряженія. Имѣйте меня въ резервѣ на случай провала товарищей комитетскихъ...

Она перешагнула доску калитки. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она удалялась, обходя лужи, а онъ ждалъ, что она вдругъ оглянется, увидитъ его, вернется, скажетъ... Но ее озабочивала широкая полоса воды, черезъ которую приходилось идти на цыпочкахъ, и ей не было времени подумать о томъ, что въ отворенную калитку смотритъ онъ, тоскующій и удрученный.

Digitized by Google

VI.

Пробило уже часъ пополудни, когда Гавріилъ, окончательно добитый безсонницей и тяжелымъ сномъ, одеревенившимъ все тѣло, явился въ столовую. Ольга Григорьевна поджидала гостя съ завтракомъ, сидя у серебрянаго кофейника въ тихой задумчивости. Она улыбнулась ему мягко и почти меланхолично. Въ ея лицѣ, слегка припудренномъ, не было тѣхъ боевыхъ конвульскій-стрѣлъ, которыми она встрѣчала эти два дня Гавріила,—гладкое и незыблемое, ея лицо, казавшееся нынѣ весьма симпатичнымъ, выражало какую-то покорную грусть... Даже одѣта была она не такъ, какъ эти дни, не въ брони туго стянутаго корсажа и дорогого костюма, а въ свободныя складки широкаго домашняго платья изъ чесучи.

— Здравствуйте,—привѣтствовала она гостя, подавая ему руку съ меланхоличной улыбкой, но, взглянувъ съ испугомъ въ его измученное, блѣдное лицо, спросила:—Что съ вами? Вы больны?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, опускаясь на стулъ, какъ немощный.

Его голосъ былъ глухъ, безжизненъ, слова выходили какими-то штампованными, механическими.

Онъ началъ глотать кофе, казавшійся ему микстурой, рѣшился даже съѣсть кусочекъ хлѣба съ масломъ, чтобы выглядѣть не совсѣмъ безнадежнымъ.

Ольга Григорьевна мягко и меланхолично говорила о впечатлѣніи, которое вынесла она изъ вчерашней лекціи Елизаветы Михайловны, о замѣчательномъ умѣ этой скромной и очаровательной въ своей скромности женщины, о роковой необходимости того процесса, который нарисовала милая лектрисса... Конечно, вопросъ о томъ, обходимъ или нѣтъ этотъ якобы роковой процессъ, подлежитъ большому сомнѣнію, но мысль о немъ послѣ такой увлекательной лекціи глубоко внѣдряется въ душу и производитъ въ ней тревогу.

Гавріилу было тяжело слушать поминутныя упоминанія о Елизаветѣ Михайловнѣ, комплименты ея образованности и начитанности, внушенные чувствомъ неподдѣльнаго уваженія, почти восторга, нескрываемаго этой искренней bourgeoise; даже мягкое „туше“, которое сообщалъ французскій языкъ характеристикѣ Лизы, вызывало у ея стараго знакомаго тяжелыя и отчасти ревнивыя сожалѣнія, что онъ, слушая эти похвалы, не имѣетъ права сказать: „И моего тутъ капля меду есть“... Ограничивая свои реплики одними междометіями, онъ грустно раздумывалъ о прошломъ, о

Digitized by Google

томъ, между прочимъ, какъ онъ малодушно бѣжалъ, скрылся отъ Лизы, отъ друзей, исчезъ для нихъ и потомъ старался забыть „тотъ случай“,отдаваясь усиленнымъ занятіямъ. Случай былъ прочно забытъ, онъ канулъ на самое дно глубокаго моря впечатлѣній боевой жизни; но ничто, никакія силы переиспытанныхъ событій не помѣшали его живучести, и стоило вмѣшаться еще одному случаю,—превращенію кухарочки въ интеллигентную женщину,—какъ точасъ же эта глубоко забытая ошибка молодости преодолѣла море и выплыла на поверхность, потопила, подавила все былое, залила всю совѣсть тяжелымъ слоемъ безсильной скорби, запоздалаго стыда... Съ терзающей ясностью, точностью возродились въ памяти мельчайшія подробности послѣднихъ минутъ передъ бѣгствомъ, тотъ смутный, почти враждебный трепетъ, съ которымъ онъ крался на дворъ въ „тотъ“ день, боясь встрѣтиться съ Лизой; та лихорадочная, задыхающаяся торопливость, съ которой онъ комкалъ въ чемоданъ учебники и платье; та, наконецъ, безумная ухмылка не то ненависти, не то отчаянія, съ которой онъ, комкая вещи, думалъ объ измученномъ лицѣ, о страдальческомъ упрекѣ въ большихъ темныхъ глазахъ молоденькой дѣвушки, почти-что дѣвочки, склонившейся къ стѣнѣ головкой... Это выраженіе безнадежно-скорбнаго упрека мучительно вспомнилось, когда онъ, плетясь въ какомъ-то отупѣніи, возвращался нога за ногу отъ больницы: внезапно охваченный тоской о томъ, что Лиза ушла такъ спокойно, такъ равнодушно, онъ почувствовалъ слабость, покачнулся и долженъ былъ прислониться головой къ фундаменту какого-то зданія. Но тотчасъ же онъ и отпрянулъ—ему припомнилась поза его жертвы въ тотъ ранній вечеръ, когда онъ видѣлъ въ послѣдній разъ Лизу-дѣвочку.

Онъ не договорилъ, пораженный внезапной мыслью, былъ ли бы онъ разстроенъ сколько-нибудь встрѣчей съ Лизой, если бы она осталась полуграмотной женщиной, служанкой? Уже не впервые за истекшія сутки угнетало его это интеллигентское противорѣчіе при оцѣнкѣ собственныхъ отношеній къ человѣку въ лицѣ Лизаветы Михайловны; но теперь къ досаднымъ соображеніямъ о противорѣчіи прибавилось, думалъ онъ, еще что-то досаднѣйшее, смутное... Ему захотѣлось разобраться въ собственныхъ думахъ, откровенно поговорить; его потянуло къ товарищу юности, къ доброму Сашѣ Бумагину.

Онъ съ трудомъ поднялся, благодаря хозяйку поклономъ; поднялась и она, не спуская съ него уже встревоженнаго взгляда.

— Надѣюсь, не случилось ничего, что могло бы угро-

Digitized by Google

жать вашей свободѣ и безопасности?—спросила она въ полголоса.

— А?.. Да... Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ разсѣянно.—Нѣтъ, ничего, благодарю васъ, не случилось, но... я долженъ, къ сожалѣнію, уѣхать. До свиданья, Ольга Григорьевна. Очень благодаренъ, что вы...

Онъ опять не договорилъ и, подумавъ съ минуту, вышелъ.

Вернулся онъ гораздо позже, чѣмъ ждала Ольга Григорьевна, искренно обезпокоенная его состояніемъ, уже въ сумерки. Были у него и дѣловыя свиданія съ товарищами, которыя заняли не болѣе часа; остальное же время провелъ онъ въ мучительныхъ колебаніяхъ, причинявшихъ ему стыдъ и досаду. Два раза онъ доходилъ до больницы, движимый желаніемъ видѣть Лизавету Михайловну, переговорить съ ней... Но рѣшимость покидала его въ послѣдній моментъ, и онъ возвращался, едва не скрежеща зубами на себя и проклиная непостижимую трусость. Переговорить, узнать о себѣ мнѣніе этой женщины было необходимо,—безъ этого онъ не могъ бы продолжать съ полнымъ правомъ и душевнымъ равновѣсіемъ работу. Онъ долженъ узнать, услышать отъ нея, что она о немъ думаетъ!.. Однако, какъ это сдѣлать? Не забыла же она на самомъ дѣлѣ!.. И не ясно ли будетъ ей съ перваго взгляда на него, зачѣмъ собственно онъ пришелъ къ ней?! А если такъ, то не онъ ли обязанъ будетъ начать разговоръ?.. Съ чего же начать?.. Десятки вступительныхъ фразъ складывались въ умѣ, но ни одна изъ нихъ не казалась настолько приличной, чтобы не пылали уши при одномъ представленіи, что онъ говоритъ, а она слушаетъ и смотритъ на него бархатистымъ взглядомъ темныхъ глазъ, спокойныхъ, веселыхъ, равнодушныхъ!..

Пробродивши долгіе часы ни вѣсть гдѣ, безъ соображеній о какихъ-либо предосторожностяхъ, Гавріилъ приплелся къ дому Бумагиныхъ весь разбитый и тѣлесно, и духовно. Въ домѣ было уже темно, но въ кабинетѣ доктора онъ видѣлъ свѣтъ, и направился туда. Ученый уже работалъ, стоя около ширмъ съ пробиркой въ рукѣ. Въ стекляной трубочкѣ пріятно синѣлась свѣтло-лиловая жидкость, которую докторъ разсматривалъ на огонь, изучая что-то бѣлое, студенистое, кругловатое сверху, членистое снизу, что-то мучительное, какъ вытянутый нервъ, что-то жуткое для глазъ изнервничавшагося Гавріила.

— Я не помѣшаю, Саша?—спросилъ Гавріилъ, опускаясь въ кресло и опуская голову на руки.

— Ничего,—сквозь зубы отвѣтилъ Бумагинъ.

— Ты уже работаешь?

Digitized by Google

Докторъ тихо разсмѣялся, не покидая наблюденій.

— А ты думалъ, что я и на самомъ дѣлѣ брошу мою дерматологію для твоего соціализма?—воскликнулъ онъ.— Поздно, другъ Гаврюха! Въ сорокъ лѣтъ не такъ-то легко перемѣнить любимое дѣло на что-нибудь другое, хотя бы и самое великое...

— Хотѣлось бы мнѣ поговорить съ тобой, Саша,—сказалъ Гавріилъ утомленно, почти уныло.

— Жарь, говори!

И не слыша ни звука отъ пріятеля, точно заснувшаго въ своей позѣ съ головой въ рукахъ, докторъ прибавилъ:

— Какъ тебѣ Петрищева понравилась? Правду ли я говорилъ, когда называлъ ее оригинальнымъ, выдающимся человѣкомъ?.. Да, братъ! Это вотъ такъ женщина!.. Восторгъ... Ну, и накалякались же вы, я чай, пока гуляли прошедшей ночью!.. А?

Онъ говорилъ, спрашивалъ, хохоталъ, не сводя пристальнаго взгляда съ пробирки и не оборачиваясь; говорилъ съ небрежной шумливостью занятого человѣка, которому некогда обдумывать словъ и выбирать выраженій.

— О ней-то я и хотѣлъ поговорить съ тобой,—сказалъ глухо, черезъ силу Гавріилъ.

— Идетъ!.. Однако, что это ты, другъ, такимъ продавленнымъ тономъ? А?.. Ужъ ты, чего добраго, не втюрился ли, ха-ха-ха!.. Что же? Валяй!.. Она, Гаврюша, заслуживаетъ... Умна, добра, честна, развита,—какого еще дьявола надо?.. Ну и наружностью... восторгъ!.. Античная фигура!.. Замѣчательно моложава для своихъ тридцати пяти-шести лѣтъ!.. Кто повѣритъ, что ей уже подъ сорокъ! Двадцать пять, не больше—это всякій скажетъ... А-а, каналья!— прервалъ онъ себя восклицаніемъ по адресу препарата, прильнувши къ трубкѣ открытымъ глазомъ.—А-а!.. Такъ, такъ!—бормоталъ онъ одобрительно.

— „Ей *тогда* едва ли исполнилось шестнадцать,—думалъ Гавріилъ.—Прошло съ того времени лѣтъ восемнадцать; да, она лѣтъ тридцати двухъ-трехъ... Да она замѣчательно свѣжа, красива... но вѣдь дѣло не въ этомъ!“

— Дѣло не въ этомъ, Саша,—продолжалъ онъ вслухъ,— не въ вопросѣ о сожительствѣ, о бракѣ... Дѣло, если хочешь, обстоитъ куда сложнѣе, чѣмъ пошловатый вопросъ о пригодности данной женщины для даннаго употребленія... Гнусный это вопросъ!

Онъ поднялъ голову и продолжалъ, нѣсколько оживившись, съ глухими нотками раздраженія.

— Отвратительный это вопросъ! Отъ него отдаетъ конозаводствомъ, скотопромышленностью. Никогда еще не

Digitized by Google

возбуждалъ онъ во мнѣ столько негодованія, какъ теперь, когда дѣло идетъ о... И, мнѣ думается, что именно это самая, вѣками воспитанная привычка смотрѣть на женщину съ точки зрѣнія самца или, по крайней мѣрѣ, скотовода, эта оскорбительная для человѣка животность въ отношеніяхъ пола къ полу,—она-то именно, кажется мнѣ, и явилась причиной того, что я... что вотъ я испытываю уже вторыя сутки состояніе...

Замѣтивши, что докторъ всецѣло отдался трубочкѣ, Гавріилъ вдругъ осѣкся, точно устыдился своего внезапнаго оживленія, уронилъ снова голову въ руки, умолкъ.

— Ну?—не то спросилъ, не то воскликнулъ по своему дѣлу докторъ.—Какое состояніе?

— Подлое состояніе!—процѣдилъ сквозь пальцы Гавріилъ.

Докторъ повернулся на каблукахъ въ его сторону, приникъ изумленными глазами къ этой низко опущенной вихрастой головѣ и тихо, участливо спросилъ:

— Что съ тобой сдѣлалось, Гаврикъ? Ты сегодня, слышу я, самъ на себя не похожъ. Утромъ ты показался Ольгѣ Григорьевнѣ такимъ смятеннымъ, что бѣдная барынька серьезно обезпокоилась, навоображала всякихъ бѣдствій для тебя, до висѣлицы включительно...

— Да, я замѣтилъ, что она... Она добрая, сердечная женщина!—глухо сказалъ Гавріилъ, не поднимая головы.

— Дѣла обстоятъ благополучно, не правда ли?—спросилъ докторъ, подходя ближе.

— Благополучно... Да и не важно, если съ этой стороны явится неблагополучіе! Мое внутреннее положеніе хуже тюрьмы и ссылки...

— Но что же случилось? И почему у тебя, даже у тебя, Гавріилъ, оказалось вдругъ подлое состояніе? Вѣдь не далѣе, какъ дня два назадъ, ты говорилъ, что...

— А, что тамъ говорилъ!—прервалъ его нетерпѣливо пріятель.—Мало ли что говорится... Два дня назадъ я былъ на нѣсколько тысячъ мучительныхъ секундъ моложе и... глупѣе. Теперь же... Скажи ты мнѣ, Саша, приходила ли тебѣ въ голову мысль, что состояніе женщины въ нашемъ подломъ мірѣ является подлѣйшимъ изъ подлыхъ?.. Какъ ты смотришь на женщину? Провѣрялъ ли ты когда-нибудь свое миросозерцаніе съ этой стороны?

— Гм?.. Откровенно сказать, какъ-то не удосужился, признаться... Но, голубчикъ, что же тутъ!.. Женщина—какъ женщина. Это вопросъ такой, что его не вычерпаешь и рѣшетомъ... Анатомически и физіологически женщина мнѣ извѣстна, какъ „Отче нашъ“, что же касается того, какое фило-

Digitized by Google

софическое умозаключеніе вывести изъ всего этого,—ну, не сумѣю тебѣ сказать.

— Такъ я скажу! Женщина—существо низшаго порядка, осужденное самой природой на второстепенную роль до послѣдняго дня жизни человѣчества,—вотъ то подлое состояніе, которое узаконили даже лучшіе изъ прогрессивнѣйшихъ мужчинъ въ своемъ воззрѣніи на женщину. Что это такъ, а не иначе,—голову готовъ прозакладывать!.. И пусть мнѣ не возражаютъ, что взгляды подобнаго рода—удѣлъ обскурантовъ! Я попрошу развитѣйшаго изъ насъ вдуматься, положа руку на сердце, въ самую глубину собственныхъ его мнѣній о женщинѣ и сказать откровенно, желалъ ли бы онъ волшебства, которое превратило бы его въ женщину?..

— Ну, вонъ какія претензіи!—захохоталъ докторъ.—Не должно намъ, мужчинамъ, быть столь завидущими!..

— Вотъ тебѣ примѣръ,—продолжалъ Гавріилъ, не обративъ вниманія на шутку доктора.—Былъ у меня другъ-товарищъ, котораго я уважалъ высоко, который былъ необыкновенно уменъ, развитъ, сердеченъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ работали, вмѣстѣ томились въ Олекминскѣ. Деликатенъ онъ былъ, какъ испанскій грандъ, чутокъ, честенъ... Его повѣсили въ Кіевѣ. Такъ вотъ даже такой-то исключительныхъ достоинствъ мужчина сказалъ мнѣ,—только одному мнѣ, да и то на ушко,—сказалъ однажды: „Женщина до тѣхъ лишь поръ мало-мальски идейна, пока не нашла для себя“...

Упомянувъ непечатное слово въ родительномъ падежѣ, Гавріилъ закончилъ:

— „... а, разъ нашла,—прости всѣ идеалы, кромѣ галочьихъ!..“ Ну, какъ тебѣ нравится подобное мнѣніе? А оно было высказано образцовѣйшимъ изъ мужчинъ, идеальнѣйшимъ изъ людей, которыхъ мнѣ приходилось знать. И говорилось оно не въ шутку, а съ продуманной горечью идейнаго работника, вытекало, какъ „слѣдъ ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“. Какое же состояніе можетъ быть подлѣе того, что установлено для женщины коллективнымъ мнѣніемъ *всѣхъ* мужчинъ и даже огромнаго большинства самихъ женщинъ?! И это страшно угнетаетъ *человѣка*, глубоко оскорбляетъ его достоинство!.. Но... понимаешь ли ты меня?

— Гм!.. Пока, не столько понимаю, сколько сочувствую. Однако, ты хотѣлъ поговорить о Лизаветѣ Михайловнѣ, а ведешь рѣчь объ абстракціяхъ. Мнѣ казалось бы,—докторъ скрутилъ голову на бокъ и раскинулъ пальцами,—гм... ее-то собственно не должно было бы касаться ни суровое мнѣніе твоего покойнаго товарища, ни заключеніе за общую

Digitized by Google

скобу подлаго состоянія. Она, насколько я удосужился изучить ее,—человѣкъ внѣ ряда...

— Э!—перебилъ его Гавріилъ,—не въ ея личныхъ качествахъ дѣло. Гдѣ тѣ общественно-правовыя условія, которыя санкціонировали бы ея положеніе внѣ ряда? Чѣмъ *она* защищена отъ нравственныхъ плевковъ того воззрѣнія на женщину, которое унижаетъ весь человѣческій родъ?.. Вѣдь, право, только проклятый, безтолковый недосугъ нашего безтолковаго уклада мѣшаетъ лучшимъ изъ насъ придти въ ужасъ, вдумавшись въ нашу общечеловѣческую думу о женщинѣ, сообразивши весь обскурантизмъ этой думы и поставивши себѣ вопросъ, далеко ли мы ушли отъ людоѣдовъ въ нашемъ воззрѣніи на женщину, мы, прогрессисты par excellence, озабоченные планами будущаго строя!..

— Но, позволь, дай мнѣ кончить,—остановилъ его докторъ.—Вернемся къ Петрищевой. Ее, какъ женщину внѣ ряда другихъ, нельзя мѣрить общей мѣркой и... я, знаешь, даже такъ... Я склоненъ, пожалуй, допустить ту догадку, что у подобныхъ ей женщинъ въ самомъ ихъ анатомическомъ строеніи намѣчаются какія-нибудь особенности и что эти уклоненія отъ типа приближаютъ ихъ къ организмамъ высшаго порядка...

— Ну, вотъ!—махнулъ рукой Гавріилъ.—Только этого и недоставало!.. Не толкуй мнѣ, пожалуйста, объ уклоненіяхъ!.. Это вы, вы, ученые стервятники, анатомы и физіологи, вы главнымъ образомъ и постарались надъ тѣмъ, чтобы оплевать человѣчество, унизивъ женщину!..

— Погоди!—уже кричалъ докторъ, размахивая трубкой.—Дай же кончить! Я хочу сказать, что Лизаветѣ Михайловнѣ—иной судъ, иная оцѣнка; что такія женщины, какъ она, должны быть разсматриваемы не съ точки зрѣнія современныхъ условій, а какъ первыя ласточки вашего будущаго общества. Что же касается остальныхъ, такъ сказать, теперешнихъ женщинъ, то, хочу я сказать, сами онѣ виноваты, если о нихъ плохо понимаютъ. И ты былъ вполнѣ правъ, когда упомянулъ объ огромномъ большинствѣ самихъ женщинъ; развѣ не онѣ сами въ огромномъ большинствѣ, отъ салонной львицы до базарной торговки, поднимаютъ первыя шумъ, верезгъ, крикъ, визгъ, когда имъ толкуютъ о томъ, что женщина имѣла бы право и въ ночныхъ караульщикахъ служить, и президентствовать въ Вашингтонѣ?!

— Нѣтъ, я вижу, что ты не хочешь понять меня!—пожалъ плечами Гавріилъ.

Digitized by Google

— Говоря о женщинѣ, я не о ней собственно говорю, а о той нашей готтентотовщинѣ, съ которой мы на нее взираемъ. Угнетаетъ меня то обстоятельство, что вотъ я, до новой встрѣчи съ Лиз...заветой Михайловной, ни разу не далъ себѣ трудъ серьезно подумать о томъ, каковы мои собственные взгляды на женщину. Да и тутъ-то надо было сплестись условіямъ въ самый необычайный узелъ, сложиться прошлому и настоящему въ какую-то арабскую сказку, чтобы ошеломить меня предварительно, а потомъ уже заставить и задуматься надъ собственной моралью, философіей, психологіей. Подла эта наша психологія, Александръ! Чревата она большими осложненіями для будущаго съ его идеалами совершенныхъ равенствъ, и пора намъ, соціологамъ, психо-физіологамъ, анатомамъ, заняться кореннымъ пересмотромъ нашихъ духовныхъ нѣдръ, чтобы очистить ихъ отъ вѣковѣчной плѣсени предразсудковъ. А какой еще другой изъ предразсудковъ вонючѣе, гнилѣе того подлаго мнѣнія, что женщина хотя бы на единый волосокъ меньше человѣкъ, чѣмъ мужчина? Вѣдь крѣпостнику лишь, рабовладѣльцу свойственно мириться съ подобнымъ мнѣніемъ!.. Мнѣ же, какъ пролетарію-идеологу, до того тошнотворна мысль сходиться въ чемъ-нибудь съ рабовладѣльцемъ, что я просто теряю бодрость, необходимую для работы.

Они долго разговаривали на эту тему. Бесѣда, какъ-никакъ, а развлекла Гавріила. Часу въ десятомъ онъ вспомнилъ, что грозился Лизѣ уѣхать и призадумался—такъ хотѣлось остаться, въ надеждѣ, что случай сведетъ его гдѣ-нибудь на улицѣ съ нею, что она, быть можетъ, вспомнитъ что-нибудь недосказанное и придетъ къ Бумагинымъ, разсчитывая еще застать его... Но... что отвѣтитъ онъ ей, если она спроситъ, между прочимъ, мимоходомъ: „Почему вы остались, не уѣхали, сказавши мнѣ, что должны уѣхать?“

Неужели онъ позволитъ себѣ лгать ей, сославшись на дѣла?! И если онъ впадетъ въ эту унизительную слабость, совретъ ей, то какъ онъ почувствуетъ себя, когда ея глаза тихо взмахнутъ и опустятся въ его глаза, точно двѣ темныя, пушистыя бабочки?!

— Я долженъ сегодня уѣхать, Саша, — быстро и глухо проборматалъ онъ, вдругъ прервавши слова доктора.

— Полно, полно!.. Что ты!—замахалъ на него тотъ руками.

— Нѣтъ, я долженъ уѣхать! —повторилъ гость, мрачно насупясь.

— Глупости, Гаврюха!.. Поживи день-другой, ей-Богу!

Digitized by Google

Вѣдь уѣдешь—и въ воду канешь опять. А я, право, не успѣлъ еще и налюбоваться тобой путемъ...

— Нѣтъ, Саша, надо уѣхать!.. Сегодня же..

— Фу, ты, чортъ!.. Да что же случилось, наконецъ?.. Вѣдь говоришь, что ничего нѣтъ опаснаго!

— Дѣло не въ томъ, а... ну, однимъ словомъ, я не могу... Не имѣю права остаться.

Жирный великанъ всмотрѣлся въ лицо Гавріила, мрачно щипавшаго щетину на подбородкѣ, и подмѣтивши, какъ тревожно подергивается это худощавое, суровое лицо, глубоко вздохнулъ.

— Ну, что дѣлать!.. Жаль!.. Ты не повѣришь, Гавріилъ, какъ жаль, что мнѣ такъ мало пришлось видѣться съ тобой!..

Онъ задумался, откинувшись къ спинкѣ кресла.

— Можно видѣть Ольгу Григорьевну? — тихо спросилъ Гавріилъ, нарушивъ долгое молчаніе.

— А?.. Ольгу?.. Да, конечно. Она сегодня, противъ обыкновенія, дома. Пойдемъ. Закуси хоть на дорогу, недобрый ты человѣкъ!

Гавріилъ криво усмѣхнулся, поднимаясь вслѣдъ за хозяиномъ. Этотъ великолѣпный толстякъ готовъ вѣрить во всевозможные ужасы конспираціи!.. Что сказалъ бы онъ, если бы зналъ истинную причину настойчивости своего гостя?!

Ольгу Григорьевну они нашли въ гостиной. Она сидѣла у рояля, но не касалась клавишей и о чемъ-то думала.

— Уѣзжаетъ! — показалъ ей на гостя мужъ, пожимая плечами.

Она встала, впилась въ загадочнаго человѣка широко раскрытыми, испуганными глазами и сочувственно пожала ему руку, блѣднѣя при мысли о его судьбѣ.

— Ты насъ покормишь, Оля?—спросилъ докторъ.

— О, да! конечно! — прошептала Ольга Григорьевна, торопясь позвонить.

Прошли въ столовую. Вчера тутъ было такъ хорошо, звучалъ смѣхъ, переливалось музыкальное контральто смуглорозовой, чернобровой лектриссы...

Пароходъ, судя по расписанію, отходилъ на разсвѣтѣ, но настроеніе трапезовавшихъ было такъ подавлено, рѣчи велись такъ робко, паузы были такъ длинны и жутки, что Гавріилъ почелъ за лучшее откланяться задолго до отвала парохода, переждать остатокъ ночи на пристани, а не у этихъ добрыхъ Бумагиныхъ, почти готовыхъ всплакнуть отъ безпокойства за участь таинственнаго крамольника. Онъ

Digitized by Google

всталъ, крѣпко облобызался съ добрымъ Сашей, который и трепеталъ довольно замѣтно, и едва удерживался отъ печальныхъ вздоховъ.

— У меня къ вамъ большая просьба, Ольга Григорьевна,— сказалъ Гавріилъ, направляясь къ хозяйкѣ, поднявшейся ему навстрѣчу съ тѣмъ же широкимъ взглядомъ.—Ты разрѣшишь, Саша, поговорить наединѣ? — обернулся гость съ нервной усмѣшкой къ доктору.

— Да! Да!—прошепталъ тотъ. Выйдя на цыцочкахъ изъ столовой, онъ крѣпко притворилъ за собой дверь. Ольга Григорьевна была блѣдна и не спускала глазъ съ человѣка, выбравшаго ее въ повѣренные своихъ адскихъ замысловъ.

— Ольга Григорьевна! — началъ онъ вздрогнувшимъ голосомъ, отъ котораго бѣдная женщина помертвѣла, стиснула рукой грудь, всколыхнувшуюся отъ испуга. Но не въ лучшемъ положеніи былъ и самъ крамольникъ—онъ кусалъ блѣдныя губы, потупивъ глаза, и не находилъ свои горловыя связки достаточно подвижными, чтобы потрясти воздухъ звуками, достойными столь торжественнаго приступа. Никогда еще въ своей жизни не думалъ онъ, что способенъ поставить себя въ столь досадное положеніе.

— Видите ли, Ольга Григорьевна, — забормоталъ онъ, глядя въ полъ. — Мнѣ нужно... гм-гм... Я, видите ли... я, однимъ словомъ... Не можете ли вы соо... дать мнѣ адресъ госпожи Петрищевой?.. Я случайно забылъ спросить ее, а мнѣ придется писать...

— Адресъ Петрищевой?—прошептали оледенѣлыя губы.— Да, я дамъ вамъ... Я знаю ея адресъ... Боже мой!..

Стерши губы платкомъ, который дрожалъ въ ея рукѣ, она прошептала:

— Земская больница, фельдшерицѣ Гурари...

— Гурари?—спросилъ изумленно Гавріилъ.—А не Петрищевой?

— Это фамилія ея покойнаго мужа, но они не были повѣнчаны. Лизавета Михайловна не желала креститься... Но всѣ привыкли звать ее Петрищевой.

— Гм... Благодарю васъ!

Положеніе, однако, не улучшилось и послѣ того, какъ онъ узналъ адресъ. Ольга Григорьевна съ трепетнымъ вниманіемъ глядѣла на ужаснаго человѣка. И она уже была готова шепнуть: „О, Гавріилъ, говорите все!.. Какъ мнѣ ни страшно, но я все выслушаю и охотно помогу вамъ, хотя мы и враги!..“

— Вотъ что, Ольга Григорьевна,—рѣшился, наконецъ, онъ.—Вы не изумляйтесь моей просьбѣ и не настаивайте, чтобы

Digitized by Google

я далъ объясненіе, мотивировку моимъ словамъ... Я прошу васъ спросить у Лизаветы Михайловны... забыла она, или нѣтъ?

— Забыла она...—шепнули блѣдныя губы, едва шевелясь.

— Да!—подтвердилъ онъ съ облегченнымъ вздохомъ.— „Разъ ужъ вышло, что глупость совершена, нечего больше и терзать самолюбіе уколами!“ — думалъ онъ, находя, что глупость облегчила его.—Да, спросите, забыла ли, и... вотъ мой адресъ,—склонился онъ надъ записной книжкой, чтобы набросать на оторванномъ листочкѣ пару строкъ.—Не откажите, будьте добры, черкнуть мнѣ открытку съ единственнымъ словомъ „да“, если она не забыла, или же „нѣтъ...“

—„Но чего же собственно достигну я этимъ?“—соображалъ онъ, ошеломленный собственной своей политикой.

— И... больше ничего? — спросила Ольга Григорьевна, нѣсколько разочарованная.

— Больше ничего!—подтвердилъ онъ, чувствуя, что готовъ вспыхнуть.

Крѣпко сжавши руку изумленной женщины, онъ поспѣшилъ уйти, взять свой узелокъ, уѣхать на берегъ. Лошадь уже ждала его у подъѣзда.

— „Чего же я хотѣлъ достичь этимъ?“—недоумѣвалъ онъ на пристани, въ каютѣ парохода, въ Саратовѣ, наконецъ, гдѣ этотъ тираническій вопросъ являлся видной помѣхой въ работѣ.

Но дня черезъ два по пріѣздѣ въ Саратовъ, онъ получилъ возможность отвѣтить на свой неотвязчивый вопросъ: пришло письмо, гдѣ было писано твердымъ, размашистымъ, четкимъ почеркомъ, безъ единаго лишняго штриха, безъ единой описки, ошибки или помарки:

„Меня чрезвычайно изумило, что вы обратились къ г-жѣ Б. съ вашимъ вопросомъ, тогда какъ могли сдѣлать это проще, естественнѣе, спросивши меня. Что вамъ мѣшало— не понимаю! И не только не понимаю, но и не узнаю, простите, въ этомъ „дипломатическомъ шагѣ“ человѣка, практическую и публицистическую дѣятельность котораго привыкла уважать. Лично вамъ я отвѣтила бы: „Нѣтъ, я ничего не забыла.“ Но на томъ и покончился бы разговоръ, если бы мы не нашли иныхъ, лучшихъ темъ въ слѣдующій моментъ.

Примите товарищеское пожеланіе успѣха въ общемъ дѣлѣ и не забывайте просьбы располагать моими услугами.

Лія Г.“

Гавріилъ разъ десять кряду перечиталъ это письмо, не выпуская его изъ руки, которая дрожала все тише и тише,

Digitized by Google

пока не стала твердой, какъ всегда. Потомъ онъ, по установившейся изстари привычкѣ, поднялъ было листокъ къ огню, но не сжегъ письма—не рѣшился. Медленно и задумчиво сложилъ его въ узенькую полоску, затѣмъ снялъ жилетъ, нашелъ, не безъ усилій, въ рубцѣ лацкана крошечную прорѣшку и осторожно вставилъ туда письмо, еще первое письмо, которое онъ желалъ сохранить.

„Она права! — прошепталъ онъ, подавляя вздохъ. — Надо работать!“

Digitized by Google

Вѣтеръ.

Надо мной въ вышинѣ безпокойными струями
Предполуденный вѣтеръ шумитъ и шуршитъ
И листву, пробѣгая, даритъ поцѣлуями,
И листва передъ нимъ утомленно дрожитъ.

Что онъ видѣлъ, блуждая земными дорогами,
Что узналъ, пролетая воздушной волной,
И какими страстями, какими тревогами
Подѣлиться захочетъ онъ, вольный, со мной?

И зачѣмъ онъ—то манитъ нежданными ласками,
То съ проселка швырнетъ ядовитую пыль?
Зачаруетъ ли онъ тиховѣйными сказками,
Или глухо разскажетъ кровавую быль?

Онъ ни слова не скажетъ мнѣ. Въ сторону бросится,
Недовѣрчиво свистнетъ, пригнется къ землѣ.
Вотъ—опять безконечной дорогой проносится,
Исчезая въ волнистой полуденной мглѣ.

Увлечется на мигъ, заиграется съ ворохомъ
Пожелтѣвшей, слетѣвшей съ деревьевъ, листвы
И опять неувѣреннымъ, ласковымъ шорохомъ
Пробѣжитъ межъ стеблей задремавшей травы.

Евг. Тарасовъ.

Digitized by Google

Очеркъ развитія профессіональнаго движенія въ С.-Петербургѣ.

(Окончаніе.)

IX.

Декабрьское запрещеніе собраній, такъ сильно затормазившее массовую агитацію профессіональнаго движенія, было отмѣнено петербургскимъ градоначальникомъ 23-го января. Однако, эта отмѣна была только формальная. За немногими исключеніями полиція не допускала подъ различными предлогами общихъ собраній профессіональныхъ союзовъ. Можно было только удивляться, съ какимъ изощреніемъ полиція выдумывала предлоги для запрещенія собраній: то въ заявленіи не указано „отчества" отвѣтственнаго распорядителя, то входные билеты напечатаны не по формѣ, то въ собраніи оказались „постороннія" лица, то собраніе слишкомъ многолюдное, то предметъ занятій собранія „неясенъ" и т. д., и т. д. Когда же собранія *уже* разрѣшались, то многія изъ нихъ не доканчивали своихъ занятій и по произволу того или иного полицейскаго „чина" распускались.

Между прочимъ, отмѣтимъ здѣсь любопытную тенденцію полицейскихъ запрещеній: разрѣшенія на собранія профессіональныхъ союзовъ давались тѣмъ охотнѣе, чѣмъ ниже стояли рабочіе данной профессіи по своему культурному уровню и политическому сознанію. Рабочіе по металлу, которые всегда въ Петербургѣ стояли во главѣ политическаго движенія рабочихъ, могли добиться разрѣшенія на собраніе только 30-го апрѣля. За все же время съ 23-го января и до 9-ое іюля имъ было разрѣшено не болѣе 6—8 собраній.

Другимъ крупнымъ препятствіемъ для массовой агитаціи было отсутствіе помѣщеній для собраній. Петербургъ вообще страдаетъ отсутствіемъ такихъ помѣщеній, а весной—при выборной агитаціи—въ распоряженіи союзовъ оставались фактически два-три помѣщенія (домъ Нобеля, домъ гр. Паниной и Вольно-

Digitized by Google

Эконом. О-во [1]). Часто союзамъ приходилось конкурировать другъ съ другомъ и подавать одновременно заявленія на собраніе въ однихъ и тѣхъ же помѣщеніяхъ. Полиція тогда *выбирала* по вышеуказанному принципу. Союзами былъ поэтому выдвинутъ вопросъ объ устройствѣ спеціальной комиссіи при Центр. Бюро, которая регулировала бы распредѣленіе между союзами имѣющихся помѣщеній и занялась бы пріисканіемъ новыхъ помѣщеній для собраній. Этой комиссіи не пришлось бы приступить къ своимъ работамъ, потому что „весна" очень скоро кончилась и съ конца мая опять уже никакія собранія не разрѣшались.

Петербургскіе профессіональные союзы не замедлили, однако, использовать, хотя и кратковременную и сомнительнаго свойства, „свободу". Уже 29-го января происходятъ собранія союза корректоровъ, союза часовщиковъ, 2-го февраля собраніе рабочихъ волокнистыхъ веществъ, 5-го февраля союза тружениковъ трактирнаго промысла, союза техниковъ и мастеровъ, 15-го февраля союза фармацевтовъ, 18-го февраля союза модельщиковъ, 19-го февраля союза лѣпщиковъ, союза приказчиковъ, союза тружениковъ тракт. промысла, союза булочниковъ и кондитеровъ и т. д.

Наиболѣе оживленными мѣсяцами въ смыслѣ агитаціи были апрѣль и май, въ маѣ мѣсяцѣ по приблизительному подсчету состоялось 15 общихъ собраній профессіональныхъ союзовъ, и, почти столько же, 13 собраній, не были разрѣшены полиціей

Агитація въ этотъ періодъ отличается въ сравненіи съ агитаціей октябрьско — ноябрьскаго періода *дѣловымъ характеромъ*. Обычными темами собраній этого періода служатъ выясненіе задачъ профессіональныхъ союзовъ, обсужденіе закона 4-го марта и въ связи съ нимъ разсмотрѣніе и утвержденіе новыхъ уставовъ, о которыхъ я уже писалъ выше. Правленія отдаютъ на общихъ собраніяхъ отчеты за время существованія союзовъ. Обсуждается цѣлый рядъ организаціонныхъ и другихъ текущихъ вопросовъ: союзы портныхъ и булочниковъ обсуждаютъ вопросы о выдачѣ помощи безработнымъ, союзъ булочниковъ объ устройствѣ общежитія, союзъ архитектурно - строительныхъ рабочихъ о взаимоотношеніи различныхъ секцій союза между собою, союзъ рабочихъ золото-серебрянаго производства рѣшаетъ вопросъ о сліяніи съ союзомъ рабочихъ-бронзовщиковъ, союзъ рабочихъ печатнаго дѣла вырабатываетъ подробную инструкцію правленію и рѣшаетъ приступить практически къ выработкѣ тарифа.

Въ это же время возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ союзовъ: союзъ наемныхъ работниковъ книжнаго дѣла, союзъ рабочихъ кожевенаго производства, союзъ писчебумажниковъ, союзъ каретниковъ, союзъ вязальщиковъ и т. д. Союзъ лѣпщиковъ при-

---

[1]) Соляной Городокъ давалъ помѣщеніе очень неохотно и бралъ очень дорогую плату.

Digitized by Google

соединяетъ къ себѣ рабочихъ другихъ отраслей строительнаго дѣла и превращается въ довольно крупный союзъ архитектурно-строительныхъ рабочихъ.

Наконецъ, возникаетъ и укрѣпляется *союзъ рабочихъ по металлу*, быстро перегнавшій по количеству членовъ всѣ петербургскіе союзы и ставшій среди нихъ на первое мѣсто. Мысль объ организаціи союза рабочихъ по металлу возникла, какъ я писалъ выше, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Были сдѣланы уже кое-какіе шаги въ этомъ направленіи, но наступившіе затѣмъ октябрьскіе и ноябрьскіе дни, въ которыхъ рабочимъ по металлу пришлось играть такую выдающуюся роль, задержали, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, дальнѣйшее развитіе союза. Декабрь, январь и февраль были мѣсяцами невыносимыхъ репрессій, обрушившихся своею главною тяжестью на рабочихъ по металлу. Помышлять въ это время объ организаціи союза не было возможности. Только съ появленіемъ закона 4-го марта, который, являясь насмѣшкою надъ свободою союзовъ, давалъ все-таки зацѣпку для открытаго существованія, появилась возможность продолжать подготовительныя работы по организаціи союза рабочихъ по металлу [1]).

Въ серединѣ марта происходитъ цѣлый рядъ собраній передовыхъ и сознательныхъ рабочихъ по отдѣльнымъ районамъ, на которыхъ обсуждаются нѣкоторые предварительные вопросы: организовать ли одинъ союзъ для всего Петербурга, или союзы по районамъ, долженъ ли союзъ обнимать рабочихъ всего металлическаго производства или только спеціальныхъ цеховъ, устанавливать ли опредѣленные взносы или процентные съ заработка и т. п. Въ нѣкоторыхъ районахъ удалось эти вопросы обсуждать на болѣе широкихъ заводскихъ собраніяхъ. Въ концѣ марта было собрано делегатское собраніе изъ представителей отъ всѣхъ районовъ, на немъ были подведены итоги, вырѣшены окончательно спорные вопросы, обсужденъ и принятъ уставъ. 8-го апрѣля было созвано первое учредительное собраніе союза, на которомъ было выбрано правленіе. Союзъ рабочихъ по металлу началъ функціонировать.

До сихъ поръ петербургское профессіональное движеніе шло по одному руслу; всѣ возникающіе союзы стояли на безусловно классовой пролетарской точкѣ зрѣнія, группировались около Центральнаго Бюро, и по своему типу приближались къ централизованнымъ свободнымъ профессіональнымъ союзамъ Германіи (freie Gewerkschaften). При созданіи союза рабочихъ по металлу организаторамъ его пришлось натолкнуться на профессіональный союзъ совершенно иного типа. „С.-Петербургскій рабочій союзъ"—извѣстный въ Петербургѣ подъ названіемъ Смѣсовскаго союза по

---

[1]) См. *Рабочій по металлу* (пробн. номеръ). *Н. Рязановъ*. „Почему такъ поздно организовался въ Петербургѣ союзъ рабочихъ по металлу"?

Digitized by Google

имени его иниціатора, т. Смѣсова—уже по способу своего возникновенія сильно отличался отъ другихъ петербургскихъ пролетарскихъ профессіональныхъ союзовъ. Въ то время, какъ послѣдніе рѣшились „легализироваться“ только послѣ изданія закона 4-го марта съ его знаменитой ст. 124-ой, угрожающей заключеніемъ въ крѣпость на одинъ годъ за всякое формальное нарушеніе его, „Петербургскій рабочій союзъ“ забѣжалъ впередъ и, какъ говорится, „полѣзъ волку въ пасть“. Онъ обращается въ министерство внутреннихъ дѣлъ за *утвержденіемъ* своего устава и *4-го февраля* получаетъ отъ г. Дурново утвержденіе. Но это одна изъ менѣе отрицательныхъ сторонъ въ организаціи новаго союза,—гораздо болѣе вредными являлись принципы, положенные въ основу его дѣятельности. „Петербургскій рабочій союзъ“, ставя себѣ цѣлью руководство профессіональной борьбой рабочихъ, долженъ былъ вмѣщать въ себѣ рабочихъ *всѣхъ профессій*. Не разбираясь совершенно въ различныхъ формахъ рабочихъ организацій, спутывая въ одну кучу тѣ отправные пункты, изъ которыхъ исходитъ борьба экономическая и борьба политическая рабочихъ, руководители этого союза, съ одной стороны, проповѣдывали *ультра-централизмъ* (соединеніе всѣхъ рабочихъ въ *одинъ* профессіональный союзъ), съ другой стороны, когда шла рѣчь объ объединеніи дѣятельности отдѣльныхъ союзовъ въ Центральномъ Бюро или объ организаціи *одного* для Петербурга союза *рабочихъ по металлу*, проводили тактику крайней *децентрализаціи*.

Такъ какъ „С.-Петербургскій рабочій союзъ“ пользовался извѣстнымъ вліяніемъ среди рабочихъ на Васильевскомъ Островѣ, то тамъ было устроено нѣсколько рабочихъ собраній, на которыхъ выяснялся вредъ или, въ лучшемъ случаѣ, безполезность организацій, построенныхъ по типу „С.-Петербургскаго рабочаго союза“. Въ концѣ концовъ съ этимъ принуждены были согласиться и руководители этого союза, и члены его вошли въ общегородской союзъ рабочихъ по металлу, а бывшіе въ союзѣ рабочіе по обработкѣ дерева—въ общегородской союзъ рабочихъ по обработкѣ дерева. Въ помѣщеніи „С.-Пет. раб. союза“ было открыто В. Остр. отдѣленіе союза раб. по металлу [1]).

Кромѣ упомянутаго „смѣсовскаго“ союза въ самое послѣднее время на Петербургской сторонѣ возникъ новый „гапоновскій“ союзъ подъ именемъ „Профессіональное общество рабочихъ металлическаго производства“. О его дѣятельности ничего еще нельзя сказать, кромѣ того, что во главѣ его стоятъ нѣкоторые видные „гапоновцы“, и, насколько можно судить по частнымъ

---

[1]) Послѣ 28-го іюля, когда дѣятельность с. р. по металлу была пріостановлена на основаніи чрезвычайной охраны, смѣсовскій союзъ пытается снова возродиться въ старой формѣ, но наталкивается на сопротивленіе рабочихъ.

Digitized by Google

отзывамъ, придаютъ своему союзу характеръ общества взаимопомощи.

Выше я указалъ, что „свобода“ собраній послѣ отмѣны декабрьскаго „указа“ градоначальника, была слишкомъ кратковременной, и притомъ очень сомнительнаго свойства. Потребность профессіональныхъ союзовъ въ массовой агитаціи не могла удовлетвориться двумя-тремя общими собраніями, которыя удавалось созывать отдѣльнымъ союзамъ съ различными ограниченіями и преодолѣвъ цѣлый рядъ препятствій. Поэтому петербургскіе союзы съ весны обращаютъ свое вниманіе на *агитацію письменную*. Листки и воззванія, которые выпускали до того отдѣльные союзы, общаго ли характера (о значеніи профессіональнаго движенія и т. п.), или спеціально по вопросу о какомъ-нибудь экономическомъ конфликтѣ съ хозяевами, не могли больше удовлетворять повышеннымъ запросамъ членовъ союза.

Одинъ за другимъ петербургскіе профессіональные союзы начинаютъ издавать свои печатные органы, смотря по силамъ и средствамъ, неперіодическіе, двухнедѣльные и еженедѣльные. За короткое время создается богатая профессіональная рабочая пресса. Застрѣльщикомъ и здѣсь былъ союзъ рабочихъ печатнаго дѣла. Съ весны прошлаго года группа рабочихъ-печатниковъ начала издавать на свои средства еженедѣльную газету „Печатный Вѣстникъ“; газета была очень скромная, какъ по недостатку средствъ, такъ и вслѣдствіе неослабнаго надзора цензуры [1]). Собственники газеты были вмѣстѣ съ тѣмъ руководителями союза и потому газета обслуживала, главнымъ образомъ, запросы союза. Въ декабрѣ мѣсяцѣ „Печатный Вѣстникъ“ перешелъ въ собственность союза и сталъ его оффиціальнымъ органомъ, но на 5-мъ номерѣ былъ пріостановленъ главн. упр. по дѣламъ печати [2]). Послѣ этого союзъ р. п. д. заключилъ договоръ съ другимъ издателемъ и съ 21-го апрѣля началъ выходить новый органъ „*Вѣстникъ Печатниковъ*“ (вышло 13 номеровъ), а съ августа „*Голосъ Печатника*“ (вышло 6 номеровъ). Въ декабрѣ мѣсяцѣ выпускаетъ пробный номеръ союзъ портныхъ, портнихъ и скорняковъ, а съ 28-го января начинаетъ издавать регулярно свой органъ „Листокъ для рабочихъ портныхъ, портнихъ и скорняковъ“ (вышло 15 номеровъ) [3]). Въ январѣ же возникаетъ органъ „*Конторщикъ*“, издаваемый частнымъ лицомъ, но

---

[1]) Небольшая и скромная замѣтка автора этихъ строкъ о „четырехъ свободахъ“ въ прошломъ августѣ была съ ожесточеніемъ перечеркнута по всѣмъ направленіямъ краснымъ карандашомъ цензора. Оставлено было названіе и иниціалы подписи.

[2]) Постановленіемъ суд. палаты, состоявшемся въ августѣ, это запрещеніе снято и редакторъ т. П. Орловъ оправданъ.

[3]) Послѣ состоявшейся на-дняхъ конференціи портновскихъ союзовъ онъ превратился во всероссійскій органъ для рабочихъ портныхъ, портнихъ и скорняковъ.

Digitized by Google

обслуживающій нужды союза конторщиковъ; онъ теперь прекратилъ свое существованіе; всего вышло 8 номеровъ. Въ февралѣ начинаетъ издаваться *„Голосъ Извозчика“* послѣдній № 5—6, пробный номеръ вышелъ въ видѣ приложенія къ „Проф. Союзу“, и *„Голосъ Фармацевта“*, закрытый на второмъ номерѣ. Его замѣнилъ, теперь также прекратившійся, журналъ *„Отклики Фармацевта“* (вышло 5 номеровъ). Въ мартѣ появляется пробный номеръ *„Садовника“*, и начинаетъ выходить *„Приказчикъ“*, но на второмъ номерѣ пріостанавливается, и мѣсто его замѣщаетъ *„Голосъ Приказчика“* (вышло 13 номеровъ). 28-го марта появляется первый номеръ *„С.-Петербургскаго Сапожника“* (вышло 3 номера). Съ апрѣля прибавляются *„Листокъ булочниковъ и кондитеровъ“* (вышло 7 номеровъ), *„Ткачъ“* (вышло 7 номеровъ и пробный), *„Строительный рабочій“* (пр. номеръ), въ іюлѣ появляется пробный номеръ журнала *„Рабочій по металлу“*, который начинаетъ выходить регулярно съ 21-го августа. Въ августѣ же появляется новый органъ *„Чертежное Дѣло“* союза чертежниковъ.

Помимо профессіональныхъ органовъ, посвященныхъ спеціально защитѣ интересовъ рабочихъ той или иной отрасли труда, въ Петербургѣ издавался, какъ мы уже выше указывали, органъ Центральнаго Бюро: „Профессіональный Союзъ“. Первый номеръ вышелъ 27-го ноября, всего же вышло 21 номеръ (изъ нихъ пять двойныхъ) Въ началѣ программа органа была очень узкая: согласно рѣшенію Центральнаго Бюро, „Проф. Союзъ“ долженъ былъ быть справочнымъ органомъ, теоретическія же (руководящія) статьи могли помѣщаться только по вопросамъ *западноевропейскаго* профессіональнаго движенія (?!). Конечно, органъ въ такомъ видѣ мало кого могъ удовлетворить, но онъ приносилъ извѣстную пользу, давая союзамъ большой сырой матеріалъ. Наконецъ, 6-го апрѣля Центральное Бюро пересмотрѣло свое рѣшеніе, и расширило программу органа, поручивъ редакціи разработать на страницахъ „Проф. Союза“ всѣ тѣ темы, которыя были поставлены въ порядокъ дня предстоящаго съѣзда профессіональныхъ союзовъ. Въ измѣненномъ видѣ редакція успѣла выпустить только три книжки. 28-го іюля журналъ былъ пріостановленъ на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ и помѣщеніе его редакціи запечатано полиціей.

X.

Работа профессіональныхъ союзовъ за зимніе мѣсяца по укрѣпленію внутренней организаціи и приближенію союзовъ къ рабочей массѣ не прошла даромъ. Съ наступленіемъ весны и съ общимъ оживленіемъ общественной жизни, съ усиленіемъ агитаціи петербургскіе профессіональные союзы выступаютъ, на-

Digitized by Google

конецъ, въ присущей имъ роли *руководителей профессіональной борьбы рабочихъ* соотвѣтственныхъ отраслей труда. И можно съ увѣренностью сказать, что они выдержали съ успѣхомъ это первое испытаніе. Насъ завело бы слишкомъ далеко подробное разсмотрѣніе весенней стачечной борьбы въ Петербургѣ и участіе въ ней профессіональныхъ союзовъ. Мы отмѣтимъ здѣсь только наиболѣе типичные и важные факты.

Удачный примѣръ былъ показанъ сапожниками. Въ извѣстной мастерской Вейса вспыхнула забастовка мастерицъ вслѣдствіе увольненія трехъ работницъ. Былъ выдвинутъ цѣлый рядъ требованій, изъ которыхъ главныя были 10-ти час. рабочій день, помѣсячная плата (26 р.) вмѣсто поштучной и т. д. Вейсъ сначала отказался принять посредничество союза рабочихъ сапожнаго и башмачнаго дѣла, но видя упорство мастерицъ (время было выбрано самое горячее), началъ переговоры черезъ посредство союза и уступилъ по *всѣмъ* пунктамъ. Побѣда у Вейса послужила сигналомъ для другихъ мастерскихъ: у Францмана, въ Экономическомъ Обществѣ, у Вишневскаго, въ громадномъ большинствѣ мастерскихъ на Охтѣ и за Невской Заставой и многихъ другихъ начались забастовки и послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго сопротивленія со стороны хозяевъ заканчивались побѣдой рабочихъ.

Намъ было бы очень трудно перечислить всѣ тѣ мелкія и крупныя стачки, которыми приходилось руководить, и всѣ тѣ конфликты, которые приходилось улаживать союзу рабочихъ печатнаго дѣла. Особенно много силъ пришлось ему затратить на борьбу за воскресный отдыхъ. Воскресный отдыхъ существовалъ для типографщиковъ и раньше, только его не было для газетныхъ рабочихъ. Уже въ прошломъ году союзъ началъ кампанію за воскресный отдыхъ и для нихъ. Издатели и редакторы газетъ дали обязательство не выпускать съ Новаго года газетъ по понедѣльникамъ. Однако, время подписки совпало съ днями жестокой реакціи, союзъ р. печ. дѣла былъ въ это время разбитъ, и поэтому „либеральныя“ газеты не сочли нужнымъ вспомнить о данномъ обязательствѣ и предупредить читателей о невыпускѣ понедѣльничныхъ номеровъ. Какъ только союзъ раб. печ. дѣла оправился, онъ снова начинаетъ борьбу за воскресный отдыхъ. Съ одной стороны, ведется агитація среди рабочихъ, съ другой стороны, редактора и издатели всѣхъ газетъ приглашаются союзомъ для совмѣстнаго съ рабочими обсужденія о способахъ проведенія воскреснаго отдыха. Въ этой работѣ союзъ наталкивается на обструкцію со стороны прогрессивной газеты „Русь“ (позже „XX вѣкъ“); постепенно всѣ прогрессивныя газеты вводятъ у себя воскресный отдыхъ, газета же „XX вѣкъ“ подъ предлогомъ „защиты интересовъ освободительнаго движенія“ упорно отказывается прекратить выпускъ понедѣльничныхъ номеровъ и ввести у себя

воскресный отдыхъ для *всѣхъ* газетныхъ рабочихъ. При проведеніи рабочими воскреснаго отдыха по собственной инициативѣ, администрація газеты увольняетъ весь старый штатъ рабочихъ. На попытки со стороны союза уладить дѣло миромъ администрація отказалась вести переговоры съ какой-то „неизвѣстной организаціей". Это привело къ открытому разрыву между союзомъ рабочихъ печатнаго дѣла и газетой „XX вѣкъ". На общемъ собраніи союза, 30-го апрѣля, былъ объявленъ бойкотъ газетѣ „XX вѣкъ", „за ея противодѣйствіе рѣшенію рабочихъ печатнаго дѣла провести съ 16-го апрѣля 1906 г. воскресный отдыхъ на газетѣ. Это противодѣйствіе выразилось въ томъ, что администрація газеты „XX вѣкъ" выкинула всѣхъ своихъ рабочихъ на улицу и не захотѣла объясниться по этому поводу съ союзомъ, называя его какой-то „неизвѣстной организаціей" [2]). Бойкотъ былъ поддержанъ всѣми петербургскими профессіональными союзами [1]), соціалистическими организаціями, перекинулся въ провинцію, гдѣ мѣстные союзы рабочихъ печатнаго дѣла оказали дружную поддержку своему старшему собрату.

Насколько быстро распространился бойкотъ газеты и насколько сильный ущербъ онъ ей принесъ, видно изъ того, что уже черезъ двѣ недѣли послѣ объявленія бойкота, редакція и администрація газеты „XX вѣкъ" обратились „къ неизвѣстной организаціи"—союзу рабочихъ печатнаго дѣла—съ предложеніемъ передать споръ на разрѣшеніе третейскаго суда. Союзъ принялъ предложеніе, и 23-го мая открылись засѣданія суда; со стороны союза судьями были Ф. Данъ, Л. Лутугинъ и В. Черновъ, со стороны газеты „XX вѣкъ" — Д. Герценштейнъ, Э. Радловъ, С. Салазкинъ, предсѣдателемъ былъ избранъ С. Елисѣевъ. Интересы союза представляли Т. Рубинчикъ, В. Гриневичъ, П. Орловъ и А. Шарекъ, интересы газеты—В. Семеновъ, А. Кугель, А. Зенгеръ, С. Изнаръ, а также и А. Суворинъ. Засѣданія суда происходили въ теченіе всего іюня мѣсяца. Мы не можемъ останавливаться здѣсь подробно на нихъ, и интересующихся всѣми его интересными перипетіями отсылаемъ къ соотвѣтственнымъ номерамъ „Вѣстника Печатниковъ". 4-го іюля было вынесено рѣшеніе суда. На главные спорные вопросы: 1) „имѣетъ ли нравственное право послѣ всего происшедшаго С. Р. П. Д. требовать введенія полнаго воскреснаго отдыха въ типографіи „XX вѣка"? и 2) „имѣетъ ли нравственное право С. Р. П. Д. требовать послѣ всего происшедшаго принятія газетой „XX вѣкъ" всѣхъ уволенныхъ и ушедшихъ, вслѣдствіе конфликта, рабочихъ и сотрудниковъ, которые того пожелаютъ"?—судъ отвѣтилъ: *да, имѣетъ* (въ первомъ случаѣ шестью голосами противъ одного, во второмъ случаѣ единогласно).

---

[1]) „Вѣстникъ Печатниковъ", № 3.

Digitized by Google

Послѣ этого рѣшенія третейскаго суда газета „XX вѣкъ“ въ номерѣ отъ 8-го іюля сдѣлала слѣдующее заявленіе:

„Сегодня на редакціонномъ собраніи сотрудниковъ „XX вѣка“ обсуждалось рѣшеніе третейскаго суда и сдѣлано было слѣдующее постановленіе:

„Высказывая глубокую благодарность гг. суперарбиту и членамъ третейскаго суда, положившимъ столько труда на разсмотрѣніе этого сложнаго дѣла, редакція „XX вѣка“ идетъ навстрѣчу посредничеству суда. Сохраняя за собою свободу принципіальнаго своего мнѣнія по этому вопросу, редакція, однако, принимаетъ рѣшенія суда и въ ожиданіи, когда вопросъ общаго воскреснаго отдыха газетныхъ тружениковъ, желательнаго и необходимаго, по мнѣнію редакціи, будетъ разсмотрѣнъ и рѣшенъ должнымъ образомъ организованной коллегіей ихъ представителей, редакція прекращаетъ выходъ понедѣльничныхъ номеровъ газеты“.

Въ отвѣтъ на это заявленіе газеты „XX вѣкъ“ правленіе союза рабочихъ печатнаго дѣла приняло 10-го іюля слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что Союзъ Р. П. Д. въ силу рѣшеній третейскаго суда удовлетворенъ „XX вѣкомъ“ во всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, которыя были къ нему предъявлены, Правленіе Союза Р. П. Д. снимаетъ бойкотъ съ газеты „XX вѣкъ“. Принимая далѣе во вниманіе важность переживаемаго политическаго момента, когда такъ необходима полная солидарность рабочаго класса, Правленіе Союза Р. П. Д. снимаетъ бойкотъ также и со всѣхъ тѣхъ рабочихъ и служащихъ, которые должны теперь уйти съ „XX вѣка“, разрѣшая имъ работать на другихъ газетахъ и въ книжныхъ типографіяхъ.

Правленіе выражаетъ надежду, что эти товарищи вступятъ въ наши ряды и будутъ вмѣстѣ съ нами бороться за свободу и счастье народа“.

Такой блестящей побѣдой закончился этотъ конфликтъ союза рабочихъ печатнаго дѣла съ прегрессивной газетой. Какъ и всякая побѣда въ профессіональной борьбѣ, она увеличила престижъ союза и привлекла къ нему новыхъ членовъ. Но помимо этихъ обычныхъ результатовъ, помимо важности самаго завоеванія воскреснаго отдыха, конфликтъ имѣлъ и другое значеніе. Онъ ярко демонстрировалъ не только значеніе профессіональной организацій въ борьбѣ рабочихъ за улучшеніе своего экономическаго положенія, но и новое въ Россіи средство пролетарской борьбы— *бойкотъ*, для успѣшнаго проведенія котораго требуется не только солидарность членовъ данной организаціи, а также и солидарность рабочихъ организацій различныхъ профессій, какъ въ одномъ городѣ, такъ и во всей странѣ.

Мы не будемъ касаться здѣсь другихъ конфликтовъ, которые

Digitized by Google

пришлось улаживать союзу рабочихъ печатнаго дѣла. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они заканчивались побѣдою союза Почти повсюду въ петербургскихъ печатныхъ заведеніяхъ союзу удалось добиться „автономіи", т. е. весь внутренній распорядокъ регулируется смѣшанными комиссіями изъ представителей администраціи и рабочихъ. При острыхъ столкновеніяхъ обыкновенно обращаются къ посредничеству союза.

Не останавливаясь затѣмъ на цѣломъ рядѣ стачекъ въ другихъ профессіяхъ (у лѣпщиковъ, на ткацкой фабрикѣ Лебедева, въ конфектной фабрикѣ Шувалова, на заводахъ Атласа, Лоренца, Харлампова, Копѣйкина, Эриксона, Крейтона, Керстнера и др.), проводившихся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ подъ руководствомъ профессіональныхъ союзовъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о стачкѣ булочниковъ и кондитеровъ, стоящей по количеству забастовавшихъ, по выдержанности стачки, по достигнутымъ результатамъ въ центрѣ весенняго стачечнаго движенія въ Петербургѣ.

Условія труда рабочихъ-булочниковъ и кондитеровъ одни изъ самыхъ тяжелыхъ и антигигіеничныхъ. На первомъ же собраніи, состоявшемся 24-го октября въ Василеостровскомъ театрѣ, рабочіе-булочники выработали цѣлый рядъ требованій къ хозяевамъ и рѣшили образовать свой союзъ. Организація союза натолкнулась помимо препятствій, обычныхъ для всѣхъ союзовъ въ видѣ декабрьскихъ правительственныхъ репрессій, на страшную некультурность и инертность рабочей массы. Однако, съ наступленіемъ весны союзу удалось немного расшевелить ее, и союзъ начинаетъ укрѣпляться. Булочники тогда рѣшаютъ выступить въ борьбу за свои требованія; это рѣшеніе находитъ живой откликъ среди широкой массы рабочихъ. Послѣ предварительнаго обсужденія требованій, созывается въ серединѣ мая собраніе выборныхъ отъ всѣхъ булочныхъ и кондитерскихъ заведеній. На собраніи было около 150 человѣкъ, представлявшихъ около десяти тысячъ рабочихъ. Собраніе одобрило выработанныя требованія и выбрало стачечный комитетъ, въ руки котораго было передано руководство стачкой. 3-го іюня требованія были предъявлены хозяевамъ и въ тотъ же день забастовали, какъ одинъ человѣкъ, всѣ петербургскіе булочники и кондитера. Первые дни хозяева какъ бы не вѣрили, что *ихъ* рабочіе могутъ серьезно бастовать, но когда забастовка длилась уже 5—6 дней, хозяева заволновались и рѣшили въ свою очередь собраться. Благодаря конкуренціи, существующей между крупными и мелкими булочными, соглашеніе хозяевъ между собою было очень труднымъ дѣломъ, но, наконецъ, они пришли — правда не надолго — къ взаимному соглашенію. Послѣ различныхъ попытокъ разбить стачку, хозяева должны были обратиться къ стачечному комитету рабочихъ съ предложеніемъ начать вести переговоры о мирѣ. Первое свида-

Digitized by Google

ніе уполномоченныхъ на Калашниковской биржѣ ни къ чему не привело. Тогда въ конфликтъ вмѣшался городской голова г. Рѣзцовъ, который предложилъ рѣшить вопросъ въ примирительной камерѣ. 12-го іюня въ залѣ городской думы собрались представители рабочихъ и хозяевъ булочниковъ. Хозяева предложили выбрать предсѣдателемъ городского голову, но рабочіе сначала отказались, заявивъ, что городской голова, обратившись въ военныя пекарни, тѣмъ самымъ вмѣшался, какъ сторона, въ стачку. Послѣ нѣкоторыхъ преній рабочіе согласились на предсѣдательство городского головы, но потребовали участія въ примирительной камерѣ представителей Центральнаго Бюро профессіональныхъ союзовъ. Хозяева на это согласились. Однако, это засѣданіе не привело ни къ какимъ результатамъ. Когда начались переговоры, то между самими хозяевами произошелъ расколъ и они покинули залъ засѣданій. Рабочіе рѣшили продолжать забастовку. 14-го іюня стачечный комитетъ получилъ заявленіе отъ 28 хозяевъ крупныхъ булочныхъ (обнимавшихъ почти $^3/_4$ всего количества рабочихъ) съ предложеніемъ начать снова переговоры.

14-го іюля вечеромъ состоялось засѣданіе примирительной камеры подъ предсѣдательствомъ профессора Л. Явейна. Засѣданіе длилось съ 4-хъ часовъ дня до 2-хъ часовъ ночи, приходилось торговаться по каждому пункту, наконецъ, въ 2 ч. ночи былъ подписанъ протоколъ соглашенія. Рабочіе добились 11-ти часов. рабочаго дня съ полутора часами перерыва (т. е. $9^1/_2$ ч. работы), небольшого повышенія платы, улучшенія квартирнаго и пищевого довольства, установленія воскреснаго отдыха (въ 24 часа) и цѣлаго ряда праздниковъ, а также внесенія въ табель праздниковъ *1-го мая* и *19-го февраля*. Интересно, что хозяева отказались внести 9-го января, какъ праздничный день, подъ предлогомъ, что между ними существуетъ разногласіе, отъ какого дня считать начало освободительнаго движенія отъ 9-го января или отъ 14-го декабря 1825 г. (?!) Стачка объявлялась законченной 15-го іюля, въ 6 ч. вечера, въ тѣхъ булочныхъ, которыя подписались подъ соглашеніемъ. Какъ только стало извѣстнымъ, что крупныя булочныя уступили требованіямъ рабочимъ, началось паломничество мелкихъ хозяевъ въ стачечный комитетъ. Тѣ изъ хозяевъ, которые подписывали соглашеніе, получали отъ стачечнаго комитета разрѣшеніе начать работы. 17-го іюля состоялось засѣданіе примирительной камеры между рабочими и хозяевами кондитерскихъ, которые больше всего упорствовали.

Удачный исходъ стачки булочниковъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ не только усиленіе союза булочниковъ и кондитеровъ, количество членовъ котораго увеличилось въ три раза, но и поднятіе популярности профессіональныхъ организацій среди рабочихъ Петербурга. Это была первая крупная и подготовленная и проведенная планомѣрно, благодаря существованію профессіональнаго

Digitized by Google

союза, стачка. Во многихъ бастующихъ профессіяхъ рабочіе обращаются поэтому въ Центральное Бюро за содѣйствіемъ по организаціи профессіональнаго союза (служащіе Невскаго парового трамвая, катали, ломовые извозчики и т. д.).

Центральное Бюро не относилось, конечно, безучастно къ той профессіональной борьбѣ, которой руководили петербургскіе профессіональные союзы и которая характеризуетъ послѣдній разсматриваемый нами періодъ петербургскаго профессіональнаго движенія. Центральное Бюро не располагало собственными средствами, чтобы помогать стачечникамъ, да это и не входитъ въ его задачи. Но отдѣльные профессіональные союзы, входящіе въ Центр. Бюро, оказывали матеріальную помощь бастующимъ рабочимъ другихъ профессій по мѣрѣ своихъ средствъ; такъ, на стачку булочниковъ пожертвовали: союзъ раб. печ. дѣла 100 р., союзъ раб. зол.-сер. произв. 50 р., союзъ ткачей 10 р. и т. д. Помощь же Центральнаго Бюро заключалась, главнымъ образомъ, въ агитаціонномъ и организаціонномъ содѣйствіи союзамъ. Во время стачки булочниковъ энергично помогали стач. комитету въ агитаціи и организаціи члены секретаріата, во время третейскаго суда съ „XX вѣкомъ", по просьбѣ союза р. печ. дѣла, былъ делегированъ одинъ изъ членовъ секретаріата для защиты интересовъ союза и т. д. Кромѣ того, Центральное Бюро оказывало серьезную моральную поддержку союзамъ во время всякаго рода конфликтовъ, приглашая отъ своего имени, т. е. отъ имени всѣхъ петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ, — поддерживать ту или иную стачку, тотъ или иной бойкотъ. Конечно, этому всегда предшествовало обсужденіе этого конфликта на засѣданіи Центральнаго Бюро. Такіе призывы отъ имени Центр. Бюро были по поводу бойкота типогр. Сойкина и газеты „XX вѣкъ", по поводу стачки булочниковъ и т. д.

Вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ профессіональныхъ союзовъ Центральное Бюро расширяетъ рамки своей дѣятельности и представляетъ общіе всѣмъ союзамъ интересы въ различныхъ рабочихъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Представители Центральнаго Бюро входятъ въ Совѣтъ Безработныхъ и въ комиссію при петербургской городской думѣ по организаціи общественныхъ работъ, гдѣ вносятъ предложеніе объ обязательномъ введеніи 8-ми часового рабочаго дня, запрещенія сверхурочныхъ и ночныхъ работъ при общественныхъ работахъ.

Не пропускаютъ профессіональные союзы и международнаго пролетарскаго праздника 1-го мая. Центральное Бюро выпускаетъ по поводу 1-го мая отдѣльное воззваніе (см. № 16 — 17 „Професс. Союза") и всѣ союзы призываютъ своихъ членовъ не работать въ этотъ день. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ празднованіе проходитъ очень дружно, такъ у сапожниковъ, булочниковъ. Послѣдніе принимаютъ участіе въ празднованіи 1-го мая вообще впер-

Digitized by Google

вые; въ описанной выше стачкѣ они закрѣпляютъ за собою *право* на этотъ праздникъ.

Петербургскіе профессіональные союзы не могли, конечно, не откликаться на болѣе важныя событія политической жизни, которая съ созывомъ Государственной Думы замѣтно оживилась. Петербургскіе союзы и раньше принимали дѣятельное участіе въ политической борьбѣ, а пережитыя ими преслѣдованія могли только укрѣпить въ нихъ сознаніе тѣсной связи „экономики" съ „политикой".

По поводу извѣстнаго обращенія рабочей группы Государственной Думы представители профессіональныхъ союзовъ въ присутствіи членовъ Г. Д. Михайличенко, Савельева и Ершова приняли слѣдующій текстъ отвѣтнаго письма:

„Мы съ радостью и гордостью привѣтствуемъ, товарищи, ваше смѣлое рѣшеніе обратиться съ призывомъ ко всему рабочему классу.

„Рабочіе всей Россіи не одну уже жертву принесли на алтарь народной свободы, они и впредь готовы будутъ жертвовать жизнью для великаго дѣла освобожденія всего трудящагося народа, но они должны для этого знать, вмѣстѣ съ кѣмъ и за что они должны бороться.

„Побѣжденное въ октябрѣ правительство воспользовалось декабрьскимъ пораженіямъ пролетаріата, чтобы отнять завоеванныя имъ свободы. Въ Петербургѣ правительство обрушилось на всѣ рабочія организаціи и старалось задушить молодое профессіональное движеніе. Оно точно хотѣло показать профессіональнымъ союзамъ, что развитіе ихъ несовмѣстимо съ существованіемъ самодержавныхъ порядковъ. И до сихъ поръ еще многіе изъ тѣхъ, кто, не покладая рукъ, работали въ профессіональныхъ союзахъ, томятся въ тюрьмахъ. Каторжнымъ закономъ 4-го марта оно постаралось окончательно связать наши уцѣлѣвшія послѣ разгрома организаціи.

„Правительство мститъ рабочимъ за свое октябрьское пораженіе. Никого оно не боится такъ, какъ рабочихъ. И въ своей декларацiи оно избѣгаетъ даже слова „рабочіе". Какъ вы вѣрно замѣчаете, „никакихъ законовъ для помощи рабочему классу въ его бѣдственномъ положеніи правительство не обѣщаетъ".

„А нужно намъ много.

„Намъ нужны законы, дѣйствительно обезпечивающіе неприкосновенность личности всякаго гражданина. Всякая недомолвка, всякая неясность только открываютъ двери полицейскому произволу и административному усмотрѣнію, которые особенно тяжело ложатся на рабочихъ во время любой стачки.

„Намъ нужна *полная свобода союзовъ*, ибо только соединяя свои силы, мы можемъ осуществлять свои права, мы можемъ охранять себя отъ физическаго, нравственнаго и умственнаго вырожденія,

Digitized by Google

которымъ грозитъ намъ не знающая никакихъ предѣловъ эксплоатація капиталистовъ.

„Мы требуемъ, чтобы изъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ были исключены всѣ статьи, ограничивающія тѣмъ или инымъ путемъ свободу стачекъ и союзовъ, устраиваемыхъ рабочими для борьбы за болѣе короткій рабочій день и болѣе высокую заработную плату.

„Намъ нужна *полная свобода слова*, ибо безъ нея мы не можемъ обсуждать свои нужды, мы не можемъ столковываться насчетъ общихъ дѣйствій Намъ одинаково необходима *свобода печати* и *свобода собраній* безъ всякихъ ограниченій, ибо эти ограниченія всей своей тяжестью падаютъ именно на рабочихъ.

„Намъ необходимъ 8-ми-часовой рабочій день для всѣхъ рабочихъ, намъ необходима дѣйствительная и широкая законодательная охрана труда городскихъ и сельскихъ рабочихъ.

„Вмѣстѣ съ вами, товарищи, мы требуемъ полной безусловной политической амнистіи, отмѣны смертной казни, военнаго положенія, чрезвычайной и усиленной охраны.

„Вмѣстѣ съ вами, товарищи, мы убѣждены, что не безвластная Дума при чиновничьемъ правительствѣ сможетъ выполнить всѣ наши требованія, а только полновластное Учредительное Собраніе, избранное на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія вѣры, національности и пола.

„Случайные представители рабочихъ, вы будете сильны только поддержкой всего рабочаго класса, маленькая кучка въ Думѣ, вы заставите съ собой считаться буржуазныя партіи, если за вами будутъ стоять милліоны рабочихъ.

„Конечно, Дума безвластна, но она можетъ сослужить намъ большую службу, если вамъ удастся обратить ее въ трибуну, съ которой раздастся громкое и смѣлое слово въ защиту рабочаго класса, а вмѣстѣ съ нимъ всего трудящагося народа; если вы будете энергично и рѣшительно протестовать противъ всякой попытки наложить на рабочій классъ новыя оковы, откуда бы эти попытки ни исходили.

„Только въ этой борьбѣ, какъ въ самой Думѣ, такъ и внѣ ея, только въ борьбѣ за созывъ Учредительнаго Собранія вы превратите Думу въ новый этапъ революціоннаго движенія, только въ этомъ случаѣ Дума послужитъ новымъ орудіемъ организаціи рабочаго класса.

„А главный залогъ нашей побѣды, побѣды всего народа, заключается именно въ организаціи рабочихъ массъ.

„Исполняйте же свой долгъ — и вы будете имѣть за собой и политическія организаціи рабочихъ, и ихъ профессіональныя организаціи.

„Намъ всѣмъ предстоитъ еще тяжелая борьба, она потребуетъ еще много жертвъ, но поддержкой намъ будетъ служить увѣрен-

Digitized by Google

ность, что мы приблизимъ день, когда Россія освободится отъ политическаго рабства, и рабочіе всей Россіи вмѣстѣ съ пролетаріатомъ всего міра сбросятъ съ себя, наконецъ, и цѣпи соціальнаго рабства, когда положенъ будетъ конецъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ".

По поводу предстоявшаго суда надъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ профессіональные союзы приняли слѣдующую резолюцію:

„Совѣщаніе представителей профессіональныхъ союзовъ г. Петербурга считаетъ своимъ долгомъ, въ виду предстоящаго процесса Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, протестовать противъ попытки правительства превратить въ простое тайное сообщество заговорщиковъ выборный органъ объединеннаго петербурскаго пролетаріата, стоявшій во главѣ рабочаго движенія въ Петербургѣ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года.

„Оно заявляетъ, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ состоялъ изъ выборныхъ представителей, какъ отъ фабрикъ и заводовъ, такъ и отъ профессіональныхъ союзовъ. Поэтому, считая выборный Совѣтъ Раб. Деп. законнымъ представителемъ петербургскаго пролетаріата, оно выражаетъ привлеченнымъ къ отвѣтственности членамъ Совѣта свою полную солидарность. Оно твердо увѣренно, что судъ надъ всѣмъ организованнымъ пролетаріатомъ обратится въ новую очную ставку его съ правительствомъ и окончится новымъ пораженіемъ правительства".

Когда конституціонно-демократическая партія начала вырабатывать законопроекты о „свободахъ" для внесенія ихъ въ Государственную Думу, профессіональные союзы подвергли ихъ строгому разбору и по поводу законопроекта о свободѣ союзовъ опубликовали слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе 1) что для своего нормальнаго развитія проф. союзы нуждаются въ полной свободѣ союзовъ; 2) что всякія ограниченія свободы союзовъ, какими бы мотивами они ни прикрывались, направляются противъ рабочаго класса; 3) что такія ограниченія даютъ классовому государству возможность путемъ различныхъ, иногда незамѣтныхъ, измѣненій въ гражданскомъ и уголовныхъ уложеніяхъ ограничивать право стачекъ и коалицій, совѣщаніе петерб. профес. союзовъ видитъ въ проектѣ конституціонно-демократической партіи попытку подъ видомъ заботы о свободѣ союзовъ провести цѣлый рядъ новыхъ ограниченій въ этомъ основномъ правѣ всѣхъ рабочихъ, которыя всею своею тяжестью падутъ именно на сельскій и городской пролетаріатъ".

Говоря о дѣятельности С.-Петербургскаго Центральнаго Бюро профессіональныхъ союзовъ, мы не можемъ не коснуться коекакихъ изъ отзывовъ о немъ, появившихся въ печати. Въ своей книжкѣ о профессіональныхъ союзахъ въ Москвѣ т. К. Дми-

Digitized by Google

тріевъ пишетъ: „Въ отличіе отъ Петербурга, гдѣ въ числѣ профессіональныхъ вождей имѣются и радикалы, и независимые соціалисты, и сотрудники оппортунистическаго „Рабочаго Голоса“... въ Москвѣ никакого диссонанса между союзами и партіей до сихъ поръ не наблюдалось“ [1]). Какъ бы развивая эту мысль, авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Между тѣмъ уже сейчасъ встрѣчаются стремленія порвать, или, по крайней мѣрѣ, подточить, ослабить эту связь (партіи съ союзами), противоположить союзы партіи“ [2]). Перечисляя различныхъ „профессіоналистовъ“, „синдикалистовъ“, „анархистовъ“, авторъ останавливается „еще на одномъ теченіи, особенно замѣтномъ въ Петербургѣ и черпающемъ своихъ сторонниковъ изъ среды соц.-демократовъ *непартійцевъ* (н. к.)“. „Эти соціалъ-демократы не замѣчаютъ того превращенія партіи изъ кружковой, интеллигентской въ массовую рабочую, которую она сейчасъ переживаетъ... Они стремятся создать рядомъ съ партійной организаціей другой руководящій органъ въ лицѣ учрежденія, объединяющаго отдѣльные союзы (слѣды этого замѣтны во второмъ проектѣ Спб. Ц. Б. № 4 „Пр. союза“)... Эти товарищи стремятся къ немедленному установленію тѣхъ или иныхъ организаціонныхъ отношеній между обоими центрами рабочаго движенія. Такъ, условіемъ допущенія представителей партіи въ Ц. Б. они ставятъ и обратное представительство непартійнаго Ц. Б. въ партійныхъ организаціяхъ“ [3]).

Авторитетное заявленіе редакціи „Совр. Откл.“ освобождаетъ насъ отъ необходимости оспаривать характеристику, данную т. Дмитріевымъ нашей партіи, да и мы не думаемъ, чтобы т. Дмитріевъ *теперь* поддерживалъ свои положенія. Т. Дмитріевъ утверждаетъ, что въ Москвѣ—въ отличіе отъ Петербурга—никакого диссонанса между партіей и союзами не наблюдалось. Слѣдовательно, въ Петербургѣ такой диссонансъ наблюдался? Въ чемъ же онъ выразился? Къ сожалѣнію, никакихъ фактовъ въ подтвержденіе своей мысли т. Дмитріевъ не приводитъ и мы убѣждены, что онъ и не могъ бы ихъ привести ни изъ дѣятельности Ц. Бюро, ни изъ дѣятельности отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ. Намъ близко знакома дѣятельность Петербургскаго Центр. Бюро, и мы

---

[1]) *К. Дмитріевъ.* „Профессіональные союзы въ Москвѣ“. Изд. „Новый Міръ“, стр. 33.

[2]) *К. Дмитріевъ.* „Вторая конференція проф. союзовъ“. „Совр. Отклики“, № 4, стр. 71.

[3]) Тамъ же, стр. 75, 76. Чтобы быть справедливыми, мы должны замѣтить, что редакція „Современныхъ Откликовъ“ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этой статьѣ: „Можетъ быть, во время выхода въ свѣтъ № 4 „Пр. Союза“ указанное авторомъ теченіе было очень замѣтно, но въ настоящее время оно сказывается очень мало. Что касается постройки *партійнаго* зданія, то едва ли и тутъ авторъ правильно оцѣниваетъ положеніе: къ сожалѣнію, кружковый, интеллигентскій характеръ партіи вовсе не отошелъ еще въ прошлое.

Digitized by Google

такихъ фактовъ не знаемъ. Намъ неизвѣстно также, чтобы по поводу какихъ-либо рѣшеній Ц. Бюро происходили конфликты между послѣднимъ и представителями Соц.-Дем. партіи, которые въ него входятъ. Но т. Дмитріевъ считаетъ, можетъ быть, такимъ доказательствомъ слѣдующее: первое, что „въ числѣ профессіональныхъ вождей (въ Петербургѣ) имѣются и радикалы, и независимые соціалисты, и сотрудники оппортунистическаго „Рабочаго Голоса". Оставляя на совѣсти т. Дмитріева утвержденіе объ этихъ „вождяхъ", укажемъ во 1-хъ, что въ Московскомъ Центр. Бюро работаютъ товарищи-„профессіоналисты" и, мы должны сказать, далеко не во вредъ дѣлу, а во 2-хъ, что, объявляя союзы „непартійными", мы не имѣемъ права закрывать ихъ двери предъ людьми другихъ убѣжденій, мы можемъ бороться съ ихъ взглядами въ предѣлахъ профессіональныхъ союзовъ постольку, поскольку они стремились бы свести профессіональные союзы съ пролетарской классовой позиціи. Подобныхъ фактовъ въ дѣятельности петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ т. Дмитріевъ не можетъ указать.

Остается, наконецъ, второе утвержденіе, что среди петербургскихъ соціалъ-демократовъ непартійцевъ [1]) есть стремленіе создать рядомъ съ партійнымъ центромъ свой руководящій центръ (Ц. Б) и что въ этихъ цѣляхъ они настаиваютъ на *взаимномъ* представительствѣ. Въ данномъ случаѣ т. Дмитріевъ смѣшиваетъ два *теченія*—одно, стремившееся придать Ц. Бюро руководящій характеръ, мы уже характеризовали выше. Другое теченіе, предлагавшее взаимное представительство (къ его сторонникамъ принадлежитъ и авторъ), исходило изъ желанія не противоположить, а сблизить партію и союзы. Мы считаемъ, что такое взаимное представительство укрѣпитъ и партію, и союзы. Если „профессіональное движеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ классовой борьбы, а профессіональные союзы—такимъ же элементомъ классовой организаціи пролетаріата" (см. резолюцію Стокг. съѣзда), то задачей тѣхъ, кто не смотритъ на профессіональные союзы, какъ на организацію борьбы „за копейку на рубль", а на политическую партію, какъ на „свой кружокъ" или „свою фракцію", является спаять эти двѣ формы классовой организаціи воедино, чтобы ударами съ двухъ сторонъ пробить себѣ дорогу къ соціализму.

Намъ приходится заканчивать изложеніе развитія профессіональнаго движенія на томъ моментѣ, когда надъ петербургскими

---

[1]) Это одинъ изъ терминовъ петербургскаго партійнаго жаргона. Имъ обозначаютъ соціалъ-демократовъ, работающихъ въ профессіональныхъ союзахъ. Громадное большинство изъ нихъ состоятъ активными членами партіи съ самаго ея основанія. Нѣкоторые сидѣли въ тюрьмахъ за распространеніе соціалъ-демократическихъ идей даже и до ея основанія.

Digitized by Google

	Названіе профессіональнаго союза.	Когда возникъ союзъ.	Число членовъ къ 1 сент. 06 г.	Поступило въ кас							
				вступител. взносовъ.		ежемѣсячн. членскихъ взносовъ		на безработныхъ.		въ отчет.	
				Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	
1	Союзъ раб. по металлу . . .	30 апр. 06	9544	6612 р. 60 к.				643	07		
2	„ „ печ. дѣла . . .	16 іюль 05	8000	3740	—	7312	10	2162	51	2259	9
3	„ „ по обр. вол. вещ.	ноябрь 05	3500	1376 р. — к.						352	
4	„ архит.-строит. раб. .	„ 05	3200								
5	„ булочн. и кондит. .	октябрь 05	3358	1646	—	1302	50	2604	11		
6	„ приказчиковъ . . .	сентябрь 05	3000	1824 р. — к.				629	54		
7	„ раб. по обраб. дер. .	октябрь 05	2500	408	50	5	80	228	17		
8	„ конторщиковъ . . .	апрѣль 05	2000	2304 р. 97 к.							
9	„ чертежниковъ . . .	ноябрь 05	1300	1183 р. 75 к.				623	78		
10	„ портныхъ, портнихъ и скорняковъ . . .	октябрь 05	1300	434	50	370	90	171	32		
11	„ сапожн. и башмачн.	„ 05	1200	287	50	216	10				
12	„ раб. конф.-шок. дѣла.	декабрь 05	998	29	96	491	55				
13	„ „ зол.-сер. произв.	октябрь 05	808	720	—	400	50	1385	26		
14	„ литографск. раб. . .	декабрь 05	500								
15	„ извозчиковъ	„ 05	400	171 р. 68 к.							
16	„ труж. тракт. пром. .	октябрь 05	не сущ.					2099	78		
17	„ часовщиковъ. . . .	апрѣль 05	202								
18	„ фармацевтовъ . . .	„ 05	200								
19	„ модельщиковъ . . .	мартъ 06	300								
20	„ красильщиковъ . .	ноябрь 05	300	26	20	49	50	—	—	—	
21	„ раб. электротехник.	апрѣль 06	300								
22	„ „ писч. произв. .	май 06	300								
23	„ „ произв. взрывч. веществъ . . .	„ 06	500								
24	„ „ шапошниковъ.	ноябрь 05	150								
25	„ „ портов. и кораблестроит. .	„ 05	300								
26	„ „ книжн. магаз. .	„ 05	125								
27	„ „ табачн. произв.	май 06	300								
28	„ „ кожев. произв.	„ 06	300								
29	„ „ садовниковъ .	ноябрь 05	200								
30	„ работн. шляпн. дѣла	апрѣль 06	100								
31	„ парикмахеровъ . .	ноябрь 06	100								
		Всего . . .	45285								

Digitized by Google

Приложеніе [1]).

...ва.	Израсходовано союзомъ.														ПРИМѢЧАНІЕ.
...ступленія.	на поддержку стачекъ.		на выдачу безработнымъ.		на агитацію обзав., инвент. и т. п.		на печатн. органъ.		помощь другимъ союзамъ.		разные расходы.				
К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.			
247	299	26	127	12	1312	88	281	58					Ден. отч. къ 1 авг. 06 г.		
	по 1/I 06 г.														
	3467 р. 03 к.														
71	4176	79	1475	45	3863	20	1829	28	1954	30	7440	49	„	„	къ 1 авг. 06 г.
105	796 р. 86 к.				438	49	309	25	85	15	4	28	„	„	къ 1 сент. 06 г.
37			2488	50	1416	19	214	60	194	41	375	77	„	„	къ 1 авг. 06 г.
82	159	23	551	96	924	14	—	—	—	—	92	20	„	„	къ 20 апр. 06 г.
65					112	02							„	„	къ 28 нояб. 05 г.
62	360 р. — к.				1138	13							„	„	къ 24 дек. 05 г.
09			855	—	339	69	160	—	6	—	286	45	„	„	къ 8 сент. 06 г.
36			148	71	172	57½	166	—	10				„	„	къ 1 апр. 06 г.
—					268	64							„	„	къ 19 март. 06 г.
51			43	95	243	08			10				„	„	къ 1 сент. 06 г.
27			513	—	398	75			50				„	„	по 1 мая 06 г.
09					200	70	133	60					„	„	по 1 іюля 06 г.
—			1004	70	827	53							„	„	по 1 февр. 06 г.
—	—	—	—	—	73	37									

[1]) Мы дѣлаемъ *первую* попытку свести денежные обороты петер-
скихъ союзовъ. Эта сводка, какъ читатель видитъ, очень неполная
сти не по нашей винѣ: во многихъ союзахъ кассовыя и бухгалтерскія
и запечатаны и нѣтъ возможности составить отчетъ; въ нѣкоторыхъ
союзахъ отчетность не стоитъ на должной высотѣ. Мы думаемъ все
ито и въ такой неполной формѣ эта сводка представляетъ извѣстный
ресъ.

) Въ эту сумму входятъ 4600 р. отъ союза книгоиздателей, 4100 р.
союза журналистовъ, 500 р. отъ союза союзовъ, 772 р. 23 к. отъ концерта.

) Въ эту сумму входятъ 999 р. помощь арестованнымъ, 123 р. 15 к.
оды по примир. камерѣ, и 5506 р. 22 к., увезенныхъ Ткачевымъ—Бор-
гъ (см. выше).

Digitized by Google

профессіональными союзами пронеслась снова буря правительственныхъ репрессій. 9-го іюля была распущена Государственная Дума, а 28-го іюля приказомъ градоначальника была пріостановлена на основаніи положенія черезвычайной охраны дѣятельность почти всѣхъ петербургскихъ профессіональныхъ союзовъ, и ихъ помѣщенія запечатаны полиціей. Такому же преслѣдованію подвергся и органъ Петербургскаго Центральнаго Бюро „Профессіональный Союзъ"

Какъ послѣдовательное—послѣ закрытія органовъ независимой печати, запрещенія собраній—проведеніе „либеральной политики" новаго „конституціоннаго" министерства г. Столыпина, закрытіе союзовъ никого не удивило. Мы думаемъ, что послѣ всѣхъ неудачъ, постигшихъ г. Столыпина, и его не удивитъ неудача задуманнаго уничтоженія профессіональныхъ союзовъ.

Петербургскіе профессіональные союзы выдержали уже декабрьскій разгромъ, тогда они были или только что оперившимися послѣ полулегальнаго существованія организаціями, или даже представляли собою только организаціонныя ячейки для агитаціи за профессіональное объединеніе. Использовавъ массовую агитацію октябрьскихъ и ноябрьскихъ дней, эти организаціи укрѣпились въ январѣ и февралѣ внутренне, урегулировали регистрацію членовъ, отчетность, денежныя средства. Съ наступленіемъ весны они разрѣшили цѣлый рядъ организаціонныхъ вопросовъ, использовали для открытаго и легальнаго существованія законъ 4-го марта и выступили, наконецъ, на арену экономической борьбы. Успѣшное проведеніе цѣлаго ряда стачекъ и бойкотовъ въ различныхъ профессіяхъ прочно укрѣпили профессіональные союзы въ Петербургѣ. Рабочая масса научилась на собственномъ опытѣ цѣнить ихъ значеніе. Количество членовъ сильно увеличилось и достигло болѣе 45.000 человѣкъ (см. приложеніе на стр. 126—127). Такія организаціи не могутъ исчезнуть по росчерку пера.

Несмотря на оффиціальное закрытіе, всѣ петербургскіе союзы продолжаютъ не только свое существованіе, но и свою дѣятельность, вплоть до руководства экономической борьбой. Не имѣя возможности вести теперь широкую массовую агитацію, они используютъ это время для укрѣпленія внутренней связи организаціи, чтобы съ паденіемъ реакціи, которая повисла теперь надъ всей общественной жизнью Россіи, снова развернуть вширь свою работу по организаціи широкихъ массъ рабочихъ.

В. Гриневичъ.

Digitized by Google

Очерки русско-нѣмецкой дружбы.

(Окончаніе).

IV.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія истекшаго столѣтія, т. е. въ канцлерство графа Каприви и князя Гогенлоэ, преслѣдованія прусскихъ властей и произвольныя дѣйствія берлинской полиціи по отношенію къ русскимъ подданнымъ совершались въ сравнительно умѣренныхъ границахъ и безъ особенно большого усердія. Правда, ко времени Каприви относится высылка изъ Берлина и Пруссіи упомянутаго Парвуса и нѣсколькихъ другихъ русскихъ, что, однако, не помѣшало одному изъ нихъ стать затѣмъ профессоромъ университета въ швейцарской республикѣ. Но, съ другой стороны, можно еще отмѣтить случай, когда тотъ же канцлеръ имперіи рѣшительнымъ образомъ заступился за одного русскаго юношу, котораго прусская полиція ни за что, ни про что взяла подъ арестъ и собиралась этапнымъ порядкомъ препроводить на русскую границу.

Какъ все это измѣнилось съ началомъ XX вѣка и канцлерства князя Бюлова, который мнитъ себя во всеоружіи просвѣщенія, культуры и гуманныхъ принциповъ своего времени!

Когда канцлеромъ германской имперіи сталъ князь Бюловъ, то вскорѣ затѣмъ всемогущимъ министромъ Россіи сдѣлался фонъ-Плеве. Съ этого-то времени и пошла настоящая политика открытаго реакціоннаго единенія сосѣднихъ державъ, политика ничѣмъ не стѣсняемыхъ услугъ прусскаго правительства по части надзора, наглаго шпіонства за русскими „революціонерами“, высылка которыхъ часто являлась только замаскированной ихъ выдачей русской жандармеріи или, въ лучшемъ случаѣ, компрометтировала ихъ передъ строгимъ и взыскательнымъ мнѣніемъ этой послѣдней.

Фонъ-Плеве не только обратилъ русскую дипломатію въ заграничные органы политически-полицейскаго сыска, но и покрылъ всю Европу сѣтью спеціальныхъ и особо оплачиваемыхъ шпіонскихъ агентуръ. Въ любопытной и единственной въ своемъ

Digitized by Google

родѣ книгѣ Курта Эйснера „Königsberg“, написанной по поводу достопамятнаго кенигсбергскаго процесса, приведена слѣдующая выдержка изъ высочайшаго доклада Плеве. „Въ прежніе годы,— такъ доносилъ министръ царю,—соблюдалась крайняя экономія въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ; тогда полагали, что противоправительственное движеніе можно подавить безъ значительныхъ матеріальныхъ жертвъ. Но эта экономія дала противоправительственнымъ элементамъ возможность организоваться въ очень внушительную силу, съ которой министерство должно теперь считаться“.

Противъ убѣдительности этихъ аргументовъ, очевидно, не могло быть никакихъ возраженій, и Плеве могъ реорганизовать внутреннюю и внѣшнюю шпіонократію на самыхъ широкихъ финансовыхъ основахъ. Уже вскорѣ послѣ его вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ нѣмецкой соціалъ-демократической печати, а затѣмъ и въ дебатахъ рейхстага о русско-прусскихъ отношеніяхъ были сообщены слѣдующія данныя:

Обыкновенный бюджетъ прусскаго секретнаго фонда увеличенъ на 1.182.477 рублей ежегодно. До 1894 года русское правительство, независимо отъ разныхъ другихъ оффиціально извѣстныхъ полицейскихъ расходовъ заграницей, расходовало на тайныя полицейскія цѣли 64.000 рублей. Но въ 1903 году эти расходы увеличились до суммы въ 178.665 рублей. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить негласные расходы на пограничныя агентуры,— главнымъ образомъ на прусской границѣ,—которые въ цѣляхъ учрежденія новыхъ агентуръ были увеличены на 115.000 рублей ежегодно.

Русскій рубль, какъ выражаются заграницей, „покатился“ по всѣмъ крупнымъ полицейскимъ центрамъ З. Европы, внося деморализацію въ задѣтыя имъ административныя и правительственныя сферы, плодя тунеядцевъ и провокаторовъ на отвратительномъ поприщѣ политическаго шпіонства. Нѣтъ сомнѣнія, что со времени Плеве къ этому „катящемуся рублю“ присоединился и значительно усиленный обмѣнъ дипломатическихъ нотъ, особенно между Петербургомъ и Берлиномъ и въ духѣ тѣхъ дружественныхъ одолженій, о которыхъ такъ интенсивно заботился Бисмаркъ по дѣлу Мендельсона и Дейча. По существу дѣла и общему положенію вещей оффиціальная Германія является въ этихъ случаяхъ по преимуществу стороной дающей, оказывающей одолженія, а русское правительство — принимающей ихъ; за его незабвенныя услуги въ прошломъ и реакціонную солидарность въ настоящемъ русскимъ властямъ снисходительно прощаются тѣ маленькія, а подчасъ и довольно большія безцеремонности, которыя онѣ отъ времени до времени позволяютъ себѣ по отношенію къ нѣмецкимъ подданнымъ и нѣмецкимъ интересамъ. Германская дипломатія обыкновенно остается глуха ко всѣмъ

Digitized by Google

воплямъ оскорбленнаго національнаго чувства нѣмцевъ, когда заходитъ рѣчь объ утѣсненіяхъ нѣмецкихъ коммерсантовъ въ Россіи, когда сообщаются случаи ничѣмъ не мотивированныхъ разстрѣловъ нѣмецкихъ гражданъ пограничными русскими солдатами или слышится возмущеніе очень недружественнымъ для Германіи вмѣшательствомъ русской дипломатіи въ марокककій или иной международный конфликтъ. „Вотъ она, черная неблагодарность русскихъ друзей за всѣ наши услуги!—недоумѣваетъ буржуазная нѣмецкая пресса. — Достаточно, чтобы въ какой-нибудь слабой заморской странѣ нажали мозоль нашему комми-войяжеру, какъ мы уже сжимаемъ броненосные кулаки, грозимъ карательной эскадрой и готовы на кровопролитную войну,—а тутъ, по сосѣдству, не смѣемъ и пикнуть на самую тяжелую обиду!“—Не волнуйтесь, думаетъ про себя германская дипломатія, что значатъ эти мелкія обиды русскихъ властей по сравненію съ интересами вѣчной дружбы и общей священной борьбы съ анархизмомъ, нигилизмомъ и революціонной крамолой вообще!..

И въ безъ того не очень возвышенной лѣтописи нѣмецкаго парламентаризма самыми отвратительными кляксами являются тѣ ея страницы, которыя наполнены преніями о русско-прусскихъ дѣлахъ и дружественныхъ отношеніяхъ. А такихъ страницъ за время, начиная съ Плеве, и въ теченіе періода русской освободительной борьбы, накопилось изрядное количество. Съ 4-го марта 1902 года по 3-е мая 1906 года германскій рейхстагъ не менѣе 14 разъ возвращался къ этому сюжету. Около 1.000 столбцовъ крупнаго размѣра стенографическихъ отчетовъ посвящены „русскимъ дебатамъ“, въ которыхъ принимали участіе представители всѣхъ партій и всѣ главные члены прусско-германскаго правительства. Сверхъ того, въ 1904 и 1906 годахъ такимъ же дебатамъ были посвящены три засѣданія въ палатѣ депутатовъ прусскаго ландтага; кое-когда заходила о томъ же рѣчь и въ палатѣ прусскихъ господъ. Это тоже составляетъ свыше 200 столбцовъ стенографическихъ отчетовъ. Приведенныя здѣсь выше цифры, однако, не претендуютъ на полноту, такъ какъ основаны на парламентскихъ актахъ, которые мнѣ лишь наскоро удалось для этого очерка извлечь изъ груды отчетовъ... Со страницъ этихъ актовъ вѣетъ не вольнымъ, освѣжающимъ духомъ европейскаго парламентизма, а затхлой, удушающей атмосферой русско-прусскаго полицейскаго участка, русско-прусской полицейской дружбы. И въ самомъ дѣлѣ, о чемъ говорятъ намъ эти акты!.. Достаточно просмотрѣть одни заголовки въ отчетахъ—и мы видимъ, что въ связи съ общими и спеціальными преніями о государственномъ бюджетѣ, то и дѣло заходитъ рѣчь о превышеніяхъ и злоупотребленіяхъ русской власти по отношенію къ нѣмецкимъ подданнымъ (конечно, по политически-полицейскимъ поводамъ); о русскомъ политическомъ шпіонствѣ, запросы прави-

Digitized by Google

тельству о дѣятельности русскихъ полицейскихъ агентовъ на нѣмецкой территоріи; многократныя пренія и запросы о пресловутомъ кенигсбергскомъ процессѣ; пренія и запросы о безправіи иностранцевъ, т. е., конечно, по преимуществу, если не исключительно, русскихъ подданныхъ; о ихъ произвольныхъ преслѣдованіяхъ прусскими властями, произвольныхъ высылкахъ; о безсовѣстной эксплоатаціи русскихъ эмигрантовъ частными и оффиціальными агентами нѣмецкихъ пароходныхъ обществъ; о расторженіи русско-прусскаго и русско-баварскаго договоровъ; о выдачѣ политическихъ преступниковъ; о преслѣдованіи русскихъ учащихся въ нѣмецкихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; о „руссификаціи" этихъ послѣднихъ; объ угодничествѣ германскаго правительства русскому во время послѣдней войны и т. п.

Не вдаваясь въ глубь временъ, а ограничивая нашъ очеркъ не преимуществу фактами XX вѣка, поскольку они нашли свое отраженіе въ парламентскихъ дебатахъ Германіи, мы можемъ начать эру особенно усилившихся сосѣдскихъ интимностей съ первыхъ же шаговъ этого вѣка. Министерство нашего вахмистера Плеве уже застигло у кормила высшаго управленія Германіей просвѣщеннаго графа Бюлова, успѣвшаго зарекомендовать себя очень эластичнымъ дипломатомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Сѣмена русскаго политическаго шпіонажа на нѣмецкой почвѣ были, конечно, въ достаточной мѣрѣ посѣяны и предшествующей полицейской карьерой Плеве, его пріемниковъ и сподвижниковъ. Но теперь между нашимъ оберъ-жандармомъ и германскимъ оберъ-шуцманомъ обнаружилось совершенно необыкновенное сродство душъ, благоуханіе котораго почти безпрерывно слышится въ нѣмецкой печати и въ нѣмецкихъ парламентахъ.

Въ стенографическихъ отчетахъ германскаго рейхстага мы находимъ упоминаніе объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто уже 1-го сентября 1901 года. Дѣло касалось нѣмецкой подданной Кугель, заарестованной русскими властями при посѣщеніи ею родныхъ въ пограничномъ русскомъ мѣстечкѣ Полангенѣ. По этому поводу депутатъ рейхстага Бебель запросилъ правительство 4-го марта 1902 года. По свѣдѣніямъ интерпеллянта, Кугель была арестована потому, что ея мужъ,—кузнецъ, живущій не далеко отъ границы,—будто бы былъ знакомъ съ русскими подданными, которые подозрѣвались въ принадлежности къ соціалъ-демократической партіи и въ контрабандной перевозкѣ въ Россію соціалъ-демократическихъ сочиненій. Даже допуская основательность этого подозрѣнія, Бебель полагалъ, однако, что ни Кугель, ни его жена не могутъ считаться въ этомъ повинны, такъ какъ они по нѣмецкимъ законамъ не совершили ничего преступнаго, и что русское правительство не вправѣ ихъ преслѣдовать, если они пріѣхали въ Россію и на ея территоріи не совершили преступнаго дѣянія. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній Бебеля оказывалось, что кузнецъ

Digitized by Google

Кугель, проживающій въ Ниммерзатѣ, съ момента арестованія своей жены безпрерывно подвергался на прусской территоріи преслѣдованію со стороны агентовъ русской полиціи. Была даже сдѣлана попытка затащить его въ русскіе предѣлы. Ему удалось спастись отъ этого, послѣ чего онъ, по совѣту друзей, вынужденъ былъ переселиться въ Мемель, но и тамъ находился подъ надзоромъ русскихъ агентовъ...

Министерству иностранныхъ дѣлъ, конечно, ничего не было извѣстно объ этомъ случаѣ. Только черезъ недѣлю, въ засѣданіи 10-го марта, покойный статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ Рихтгофенъ, по наведеніи справокъ, отвѣтилъ Бебелю, что русскія власти обвиняютъ супруговъ Кугель въ содѣйствіи контрабандѣ запрещенной литературы. Такъ какъ къ дѣлу причастны русскіе подданные, то оно-де можетъ затянуться, а противъ такой волокиты могущественное германское правительство безсильно, если и страдаетъ при этомъ нѣмецкая подданная. Попытку затащить ея мужа въ Россію г. Рихтгофенъ отрицалъ, а означенные происки русскихъ шпіоновъ на прусской почвѣ объявилъ вещью совершенно невозможной.

Вскорѣ послѣ запроса о злоключеніяхъ супруговъ Кугель соціалъ-демократической фракціи пришлось запросить правительство о другой прусской подданной, которая отважилась навѣстить своихъ родственниковъ въ самомъ сердцѣ Россіи и тамъ, по несомнѣнному доносу изъ Германіи, была арестована и препровождена въ петербургскую тюрьму. И въ этомъ случаѣ преступленіе заключалось въ томъ, что арестованная нѣмка дружила съ русскими студентами въ Берлинѣ, бывала на ихъ балахъ и интересовалась русской нелегальной литературой. Ее подозрѣвали, сверхъ того, въ содѣйствіи контрабандѣ такой литературы въ Россію, а при арестѣ нашли нѣсколько листковъ, которые безпрепятственно продаются въ книжныхъ лавкахъ „Подъ Липами“ и на „Фридрихштрасее“ и относительно которыхъ арестованная увѣряла, что они въ ея руки попали уже на мѣстѣ, т. е. въ Россіи. И въ этомъ случаѣ, какъ въ случаѣ съ Кугель, заступничество германской дипломатіи ограничилось нѣсколькими ничего не значущими справками, послѣ которыхъ арестованная была всецѣло предоставлена въ распоряженіе русскихъ властей. Сочинить хоть какое-нибудь серьезное дѣльце изъ этихъ подозрѣній и обвиненій русскимъ властямъ, конечно, не удалось, но и отпустить безъ всякихъ издѣвательствъ свою жертву не въ обычаѣ у русской жандармеріи. Несмотря на своевременно отправленныя мужемъ деньги на дорогу своей женѣ, ей пришлось прослѣдовать изъ Петербурга до прусской границы этапнымъ порядкомъ въ теченіе многихъ дней и въ обществѣ русскихъ уголовныхъ арестантовъ. Деньги посылались черезъ посредство германской дипломатіи, но застряли въ какомъ-то русскомъ прави-

Digitized by Google

тельственномъ учрежденіи; германское же правительство не хотѣло мутить по этому поводу доброй дружбы съ сосѣдомъ и проглотило обиду, которую—случись это въ Венецуелѣ или Марокко,—оно отомстило бы самымъ суровымъ образомъ.

Въ парламентскихъ актахъ 1903 года мы, между прочимъ, встрѣчаемъ впервые и имя Ивана Каляева, столь прошумѣвшее впослѣдствіе въ извѣстной московской трагедіи. Каляевъ былъ въ іюлѣ 1902 года задержанъ прусскими властями въ Мисловицѣ, въ Верхней Силезіи, и черезъ нѣкоторое время, 10-го августа, переданъ пограничной русской полиціи. Объ этомъ фактѣ вскорѣ появилось сообщеніе въ берлинскомъ „Vorwärts"ѣ, по поводу котораго офиціозная „Сѣверо-Нѣмецкая Газета" напечатала опроверженіе, что Каляевъ-де *не выданъ* русскимъ властямъ, а лишь *высланъ* на русскую границу, послѣ того какъ прусскія власти удостовѣрились въ его анархическихъ замыслахъ и нашли у него много анархическихъ произведеній...

Мисловицъ еще и раньше отмѣчался въ нѣмецкихъ газетахъ, какъ классическій узелъ прусско-русскихъ жандармскихъ объятій. Оттуда сообщалось, между прочимъ, что мѣстный жандармъ О. задержалъ одного русскаго подданнаго, который прибылъ изъ Австріи и будто бы имѣлъ у себя преступныя сочиненія. Не потрудившись доставить его въ полицейское управленіе или своему начальству, жандармъ тотчасъ передалъ задержаннаго русской жандармской командѣ. Верхнесилезская газета, сообщавшая объ этомъ фактѣ, прибавляла еще, что мисловицкій жандармъ получилъ отъ русскихъ властей 25 рублей въ награду и, сверхъ того, серебряную медаль „за усердіе". Отъ своего же начальства ему былъ сдѣланъ выговоръ за некорректность его образа дѣйствій...

Съ теченіемъ времени отношеніе высшаго нѣмецкаго начальства къ такого рода некорректностямъ, надо думать, значительно смягчилось, такъ какъ не далѣе, какъ въ прошломъ году русскими властями были выданы награды и медали цѣлой массѣ пограничныхъ прусскихъ чиновниковъ...

По дѣлу Каляева депутатъ соціалъ-демократической партіи д-ръ Градноуеръ запрашивалъ правительство въ засѣданіи рейхстага 19-го марта 1903 года. Если при предшествовавшихъ запросахъ еще замѣчалась нѣкоторая предупредительность со стороны отвѣтственнаго министра, то въ этомъ случаѣ уже намѣтился тотъ развязный и циничный тонъ, который впослѣдствіи сдѣлался господствующимъ при разборѣ русско-нѣмецкихъ инцидентовъ: тонъ голословныхъ утвержденій и безцеремоннаго признанія безусловной готовности душить „крамолу", ловить „анархистовъ" въ священномъ союзѣ съ агентами россійскаго департамента полиціи. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ Рихтгофенъ по вопросу о высылкѣ Каляева рекомендовалъ интерпеллянтамъ

Digitized by Google

адресоваться въ прусскій ландтагъ, т. е. туда, гдѣ господствуетъ нераздѣльно большинство прусскихъ погромщиковъ, не смущаемое ни однимъ представителемъ крайней оппозиціи, большинство прусскихъ юнкеровъ, являющихся на нѣмецкой почвѣ самыми фанатическими панегеристами русскаго абсолютизма. Баронъ Рихтгофенъ коснулся инцидента съ Каляевымъ лишь для того, чтобы и передъ прусской палатой на всякій случай безнадежно скомпрометтировать русскаго „анархиста". Онъ заявилъ, что у Каляева найдено было „104 по меньшей мѣрѣ подозрительныхъ сочиненія". Нѣмецкія полицейскія власть ближе ознакомились съ этими сочиненіями и, въ силу своей универсальной компетентности, нашли литературный матеріалъ достаточно опаснымъ, чтобы „выслать" Каляева изъ предѣловъ прусской монархіи... Баронъ Рихтгофенъ не потрудился представить рейхстагу ни списка этихъ „104 по меньшей мѣрѣ подозрительныхъ сочиненій", ни ихъ оглавленія, ограничившись лишь приведеніемъ одной страшной цитаты террористическаго характера. А между тѣмъ въ числѣ забранной литературы было, напр., и сочиненіе Колчинскаго о „Современномъ анархизмѣ", направленное... противъ анархизма!

Какіе-то невѣжественные прусскіе полицейскіе чины берутъ на себя смѣлость приговора о характерѣ попавшей въ ихъ руки иностранной литературы, объявляютъ на этомъ основаніи „анархистомъ" человѣка, у котораго оказалась эта литература—только литература!—и безъ малѣйшаго душевнаго смущенія отдаютъ его въ распоряженіе русской жандармеріи! Всѣмъ извѣстна дальнѣйшая карьера Каляева, и есть большая доля истиннаго трагизма въ томъ обвиненіи, которое нѣмецкая передовая печать бросила прусскому правительству по поводу московскаго событія: „Вы возмущаетесь этимъ злодѣяніемъ, но не вы ли его интеллектуальные виновники? Не вы ли своимъ гнуснымъ произволомъ толкнули человѣка на путь крайняго озлобленія и сунули ему въ руки орудіе, страшнѣе всякой литературы!.."

V.

Въ засѣданіи германскаго рейхстага 19-го января 1904 г. соціалъ-демократическая фракція внесла слѣдующій запросъ имперскому канцлеру:

„Извѣстно ли господину имперскому канцлеру, что русское правительство содержитъ въ области германской имперіи полицейскихъ агентовъ для наблюденія за русскими и германскими подданными; что для этой цѣли русскіе полицейскіе агенты совершали преступленія и дѣлали попытки и другихъ подвинуть на преступленіе? Что предполагаетъ предпринять имперскій канцлеръ, чтобы устранить такой порядокъ вещей?"

Одновременно съ этимъ той же фракціей былъ внесенъ за-

Digitized by Google

просъ и относительно кенигсбергскаго процесса, разсмотрѣніе котораго мы, однако, отложимъ до другого мѣста. Что касается вопроса о дѣятельности русскихъ шпіоновъ въ Германіи, то въ этомъ засѣданіи онъ предсталъ въ концентрированномъ видѣ, послѣ того какъ значительно раньше дѣлались парламентскія экскурсіи въ эти оберъ-правительственныя сферы, а со столбцовъ нѣмецкихъ газетъ почти не сходили сообщенія о подвигахъ „джентльмэновъ" русскаго департамента полиціи.

При такихъ условіяхъ даже нѣсколько наивно звучитъ запросъ: извѣстно ли все это германскому правительству? Вѣдь еще годъ тому назадъ, въ засѣданіи рейхстага 19-го марта 1903 года, статсъ-секретаръ по иностраннымъ дѣламъ баронъ Рихтгофенъ, которому князь Бюловъ, быть можетъ, изъ чувства гадливости предоставилъ изощрять свой дипломатическій геній на оправданіи всякихъ шпіонскихъ проходимствъ, этотъ самый баронъ,—какъ, впрочемъ, и его шефъ,—постепенно отрѣшавшійся отъ досадной стыдливости и застѣнчивости, откровенно заявилъ тогда: „Русское правительство выразило передъ нами свое желаніе, чтобы ему была оказана возможность получать свѣдѣнія о дѣятельности и проискахъ русскихъ анархистовъ въ Германіи, и мы охотно позволили ему освѣдомляться и информироваться здѣсь на этотъ счетъ"...—„Слушайте! Слушайте!—раздалось приэтомъ на скамьяхъ соціалъ-демократовъ.

„Я не знаю, что значитъ это „слушайте"!—подхватилъ баронъ.—И въ Парижѣ имѣется особое бюро съ русскимъ чиновникомъ во главѣ,—конечно, съ вѣдома французскаго правительства. Это нѣчто вполнѣ естественное и само собою разумѣющееся при томъ общемъ интересѣ, который всѣ правительства имѣютъ въ преслѣдованіи анархистовъ"...

Въ глазахъ прусско-нѣмецкихъ министровъ и той юнкерской среды, изъ которой они почти исключительно вербуются, все русское освободительное движеніе есть и было всегда „анархизмомъ" и „нигилизмомъ".

Когда въ 1885 году имперскимъ правительствомъ былъ предложенъ германскому рейхстагу (безъ успѣха, правда) проектъ договора съ Россіей, сходный по содержанію съ прусско-русскимъ договоромъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, то мотивировка его начиналась съ того, что этимъ путемъ будетъ создано „основаніе для совмѣстной борьбы противъ *анархическихъ* заговоровъ и преступленій". Прусскій министръ юстиціи Шенштедтъ по поводу преслѣдованія русскихъ эмигрантовъ сказалъ въ засѣданіи ландтага 9/22 февраля 1904 года: „Мы ради собственной пользы боремся противъ *анархизма*, даже тогда, когда его цѣли въ ближайшее время направляются противъ другого правительства". Прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, баронъ Гаммерштейнъ, въ томъ же засѣданіи палаты по поводу мѣропріятій

Digitized by Google

прусскихъ властей противъ доставки въ Россію нелегальной литературы сказалъ: „Возмущеніе массъ и, по техническому выраженію, *терроръ*, дѣйствіе посредствомъ насилія,—такова конечная цѣль массоваго распространенія такихъ соціалъ-демократическихъ, революціонныхъ и, слѣдовательно, *анархическихъ* произведеній печати". Ораторъ такъ называемой свободно-косервативной, въ сущности, же ультра-реакціонной партіи ландтага, баронъ Цедлицъ, поддерживая точку зрѣнія обоихъ министровъ, заявилъ, что прочтенные ими отрывки изъ русскихъ нелегальныхъ произведеній „вполнѣ выясняютъ характеръ русскаго антицаристскаго движенія, какъ *насквозь анархическаго*". Когда во время дальнѣйшихъ преній по тому же вопросу указывалось самымъ убѣдительнымъ образомъ, что русскіе студенты, подвергающіеся въ Германіи гоненіямъ,—отнюдь не анархисты, представители прусскаго правительства сдѣлали небольшую уступку; баронъ Гаммерштейнъ сказалъ въ рейхстагѣ 14/27 февраля 1904 года: „Да, можетъ быть, они еще не анархисты въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но многіе *на пути къ тому*, чтобы такими сдѣлаться"... Мы видѣли выше, что баронъ Рихтгофенъ назвалъ „по меньшей мѣрѣ опасными" 104 произведенія, среди которыхъ были и направленныя противъ анархизма. Въ связи съ кенигсбергскимъ процессомъ былъ произведенъ обыскъ и забраны списки адресовъ у П. Б. Струве, жившаго въ то время въ Штутгартѣ и издававшаго тамъ „Освобожденіе". Это изданіе было, такимъ образомъ, также подведено подъ категорію *анархической* литературы!..

Напрасно свободомыслящій депутатъ рейхстага Беккъ припомнилъ правительству слова баварскаго министра-президента барона фонъ-деръ Пфордтена, который еще въ 60-хъ годахъ по одному сходному поводу сказалъ: „Nous ne sommes pas en Russie"—мы не въ Россіи. Напрасно и другой депутатъ, Эд. Бернштейнъ, пытался разъяснить правительству крайнюю растяжимость понятія „анархизма" противъ допущенія русскихъ полицейскихъ агентовъ въ Германіи и, между прочимъ, указывалъ на то, что всякій шпіонажъ ведетъ къ провокаторству и, слѣдовательно, вызываетъ тѣ самыя преступленія, которыя имѣютъ въ виду предотвратить съ помощью безотвѣтственнаго сыска..

Картину такого именно гнуснаго и безконтрольнаго шпіонажа и развернула передъ всей Европой достопамятная интерпелляція соціалъ-демократической фракціи рейхстага въ засѣданіи 6/19 января 1904 года. Обосновывавшій эту интерпелляцію депутатъ и извѣстный адвокатъ въ кенигсбергскомъ процессѣ Гаазе съ документальными доказательствами въ рукахъ констатировалъ прежде всего, что цѣлое отдѣленіе политической полиціи въ Берлинѣ исключительно занято надзоромъ за русскими. Но мало того: въ Германіи—и спеціально въ Берлинѣ—имѣется многочисленный

Digitized by Google

штатъ русской тайной полиціи, который въ выполненіи своихъ функцій пользуется содѣйствіемъ мѣстныхъ властей. Гаазе могъ даже назвать поименно весь личный составъ тогдашней русско-шпіонской миссіи. Въ главѣ ея находился нѣкто Гартнигъ съ годовымъ окладомъ въ 36.000 марокъ. Подчиненные называли его „превосходительствомъ".

Ближайшимъ его помощникомъ былъ такъ называемый „графъ" или попросту „Михель" съ окладомъ въ 7.200 марокъ, а ужъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ работалъ остальной персоналъ—разные господа Вольцы, Ганзены, Нейгаузы, Зельтманы, Шлинеры и т. п., съ жалованіемъ отъ 200 и 125 марокъ въ мѣсяцъ...

Весь этотъ сбродъ шныряетъ по Берлину будто бы для уловленія анархистовъ.. „Анархисты здѣсь только предлогъ,—замѣтилъ въ своей рѣчи депутатъ Гаазе.—Мы въ Германіи благодаря соціалъ-демократіи не знаемъ анархистовъ, которые занимались бы *пропагандой дѣломъ*. Относительно же того, кто является анархистомъ въ Россіи,—это, по выраженію г. статсъ-секретаря, рѣшаетъ *русская практика*. Конечно, анархистомъ и нигилистомъ, по словоупотребленію русскихъ полицейскихъ сыщиковъ, является всякій, кто только стремится къ измѣненію существующихъ условій въ Россіи, кто бичуетъ жестокости, совершаемыя подъ покровомъ деспотическаго режима, кто не лобызаетъ добровольно кнута, когда отъ него этого требуютъ. Мы видѣли, какъ даже смиреннѣйшіе послѣдователи Толстого; какъ соціалъ-демократы, стремящіеся лишь къ организаціи массъ и гнушающіеся всякихъ насильственныхъ средствъ; какъ умѣренные либералы, добивающіеся лишь конституціоннаго режима,—какъ всѣ они въ русскихъ полицейскихъ мозгахъ подводятся подъ категорію анархистовъ и нигилистовъ. А теперь мы видимъ, что подъ бокомъ у насъ, въ предмѣстьяхъ Берлина, всякій русскій студентъ, интеллигентъ, рабочій подвергаются тайному и явному выслѣживанію со стороны этихъ агентовъ и ужъ заранѣе считаются подозрительными"...

Тѣ многочисленные факты о дѣятельности русскихъ шпіоновъ заграницей, которые депутатъ Гаазе привелъ въ подкрѣпленіе своихъ обвиненій, сводятся къ слѣдующимъ главнымъ пріемамъ: въ отсутствіе русскихъ шпіоны вторгаются въ ихъ жилище и роются въ ихъ вещахъ; они подкупаютъ квартирохозяевъ и прислугу ради полученія черезъ нихъ свѣдѣній; они взламываютъ почтовые ящики на дверяхъ и похищаютъ корреспонденцію... Такъ было за много лѣтъ до обсужденія этого вопроса въ рейхстагѣ, такъ оно продолжалось и въ послѣдующее время. Въ августѣ 1905 года „Berliner Tageblatt" сообщалъ, что русскій шпіонъ, высокаго роста, съ изящными манерами, называющій себя барономъ Криденеромъ, якобы офицеръ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, старается пріобрѣсти довѣріе живущихъ въ Бер-

Digitized by Google

линѣ русскихъ и дѣйствуетъ и въ качествѣ шпіона, и въ качествѣ провокатора. Было доказано—и самъ мнимый баронъ Криденеръ въ этомъ признался,—что онъ жандармскій офицеръ. Въ сентябрѣ 1905 года „Votwärts“ сообщилъ, что въ Берлинѣ появился человѣкъ, со свѣтлою бородою, въ очкахъ, называющій себя то „Сандерсъ“, то „Лимбергъ“ и старающійся собирать свѣдѣнія о русскихъ. Три дня спустя „Berl. Tagebl.“ сообщилъ, что этотъ Сандерсъ, онъ же Лимбергъ, онъ же фотографъ Симсонъ, явился къ живущему въ Берлинѣ русскому литератору и заявилъ, что считаетъ его авторомъ появившейся въ „Votwärts'ѣ“ замѣтки и позаботится о томъ, чтобы онъ былъ высланъ прусской полиціей въ трехдневный срокъ. Угроза шпіона не была, однако, приведена въ исполненіе, быть можетъ, потому, что берлинская печать тотчасъ же заинтересовалась этимъ инцидентомъ.

Канцлеръ Бюловъ заявилъ въ рейхстагѣ (16/29 февраля 1904): „На германскихъ властяхъ лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы русской полиціи было оказываемо содѣйствіе, не въ большей мѣрѣ, но именно постольку, поскольку это требуется въ цѣляхъ солидарной борьбы противъ анархизма“.

Представители германской соціалъ-демократіи разоблачили рядъ дѣяній русской полиціи, являющихся уголовными преступленіями, причемъ сообщили имена и даже адреса инкриминируемыхъ лицъ.

Однако, высшія власти не приняли никакихъ мѣръ противъ указанныхъ лицъ; министры потомъ отговаривались тѣмъ, что имъ ничего неизвѣстно, и что самыхъ фактовъ невозможно было установить. Друзья русскихъ и сами русскіе многократно предлагали свои услуги для выясненія дѣла и даже требовали выслушанія ихъ свидѣтельскихъ показаній. Все было тщетно—никакихъ мѣръ не было принято. Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ министры, отвѣчая на запросы, пытались обѣлить подвергшихся нападкамъ русскихъ шпіоновъ. Германская администрація оказалась фактически въ зависимости отъ русскихъ шпіоновъ; какъ высказалъ Бебель въ рейхстагѣ 6/19 января 1904 г., „русскія полицейскія власти доставляютъ свѣдѣнія и даютъ указанія германской полиціи, какъ имъ заблагоразсудится; въ дѣйствительности германскіе полицейскіе чиновники—не что иное, какъ *жалкіе прислужники русской полиціи*“.

При обоснованіи интерпелляціи въ рейхстагѣ были разоблачены и случаи нарушенія почтовой тайны. Изъ актовъ кенигсбергскаго процесса видно, что почтовыя учрежденія дополняли свѣдѣнія о почтовой корреспонденціи прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Встрѣчаются донесенія за подписью „почтальонъ“. Одному нѣмцу въ Шарлоттенбургѣ была доставлена почтовая посылка съ русскими нелегальными изданіями; въ тотъ же моментъ явилась сыскная полиція и отобрала эти изданія,—очевидно, она была увѣдомлена

Digitized by Google

черезъ почту о содержаніи посылки. Таможенныя и податныя учрежденія дѣйствовали заодно съ полиціей: они доставляли адресатамъ посылки съ русскими изданіями, послѣ чего являлась полиція и констатировала наличность печатныхъ произведеній, направленныхъ противъ русскаго государственнаго строя.

У одного русскаго доктора, прожившаго въ Германіи болѣе 4 лѣтъ, русскій шпіонъ взломалъ въ его отсутствіе дверь квартиры и обыскалъ всѣ его вещи. Вслѣдъ затѣмъ этотъ докторъ получилъ отъ полиціи увѣдомленіе о томъ, что онъ, какъ „обременительный“ иностранецъ, долженъ со всею своею семьею покинуть Пруссію въ теченіе одной недѣли, въ противномъ случаѣ его грозили принудительнымъ образомъ доставить на русскую границу. Послѣ шума, поднятаго въ прессѣ и въ парламентѣ, срокъ былъ продленъ, но высылка все же состоялась...

Достаточно наглая сама по себѣ и еще болѣе развращенная интимнымъ союзомъ съ русскими политическими шпіонами, прусская полиція съ какимъ-то сладострастіемъ издѣвалась и продолжаетъ издѣваться надъ подданными великой россійской державы. „Наша полиція,—говорилъ въ рейхстагѣ депутатъ Гаазе,—беретъ себѣ право во всякое время врываться въ помѣщеніе каждаго русскаго и производить тамъ обыски, если даже нѣтъ никакого подозрѣнія въ совершеніи наказуемаго дѣянія. Наша полиція беретъ себѣ право таскать въ участокъ русскихъ во всякое время по произволу, выспрашивать ихъ, требовать отчета въ каждомъ ихъ шагѣ, арестовывать ихъ и вообще обращаться съ ними, какъ съ преступниками,—не потому, что данный иностранецъ сдѣлался „обременителенъ“, и полиція имѣетъ къ тому доказательства, а лишь по одному предположенію, что онъ можетъ стать обременительнымъ въ полицейскомъ смыслѣ этого слова“... Эти слова депутата представляютъ лишь деликатную, такъ сказать, парламентарную формулировку образа дѣйствій прусскихъ полисменовъ, не отражая той грубости и цинизма ихъ пріемовъ, которые можно было бы достаточно заклеймить „парламентарнымъ“ выраженіемъ.

„Пфуй! пфуй!“—это не совсѣмъ парламентарное выраженіе протеста и возмущенія раздалось на скамьяхъ соціалъ-демократовъ тогда, когда представитель правительства, все тотъ-же баронъ Рихтгофенъ, давалъ свои объясненія на запросъ. Имперскому канцлеру, заявилъ онъ, извѣстно, что состоящій при здѣшнемъ русскомъ посольствѣ русскій чиновникъ имѣетъ отъ своего правительства порученіе наблюдать за жизнью и дѣятельностью русскихъ анархистовъ, проживающихъ въ Германіи, и освѣдомлять о нихъ русское правительство. Имперскому канцлеру, однако, ничего неизвѣстно насчетъ того, чтобы русскіе агенты распространяли свою дѣятельность и на нѣмецкихъ подданныхъ; чтобы они совершили или покушались совершить преступленія, или же

Digitized by Google

подстрекали другихъ къ совершенію таковыхъ. Вслѣдствіе этого канцлеръ считаетъ излишнимъ и неумѣстнымъ измѣнить это положеніе дѣлъ... Мы не имѣемъ никакого основанія, продолжалъ баронъ, для какого-либо сочувствія фанатическимъ противникамъ существующаго правового порядка въ сосѣднемъ государствѣ... Относительно общеопасныхъ индивидуумовъ должно быть тѣсное общеніе между полицейскими властями различныхъ государствъ. Русскихъ анархистовъ слѣдуетъ препровождать только на русскую границу. Мы хватаемъ ихъ только тамъ, гдѣ намъ удобнѣе, и отправляемъ ихъ на ту границу, которую считаемъ наиболѣе подходящей... Оперируя въ дальнѣйшей своей рѣчи все съ тѣми же проблематическими анархистами, баронъ въ заключеніе уже съ совершенно невѣроятною грубостью и голословностью заявилъ, что среди этихъ анархистовъ есть и много дамъ, предающихся „свободной любви"!.. — „Пфуй!" — снова раздалось на скамьяхъ депутатовъ.

„Это варварство, это низость, невозможныя ни въ какомъ другомъ культурномъ государствѣ!—бросилъ затѣмъ Бебель въ лицо безстыдному бюрократу.—Чтобы мужчинъ и женщинъ, за которыми рѣшительно ничего нѣтъ преступнаго, которые спокойно и мирно занимаются своимъ дѣломъ, своими научными занятіями и лишь имѣли наивность разсчитывать на наше гостепріимство,—чтобы этихъ людей травить, какъ дикаго звѣря, гнать изъ страны, разбивать ихъ жизнь и всю ихъ будущность—это позоръ и стыдъ передъ всѣмъ культурнымъ міромъ!"..

Баронъ Рихтгофенъ въ эти засѣданія потерпѣлъ такое моральное пораженіе, что въ странѣ со сколько-нибудь дѣйствительной министерской отвѣтственностью онъ ни минуты болѣе не оставался бы въ своей должности. Ораторы всѣхъ почти партій поднялись противъ защищаемыхъ имъ взглядовъ и противъ его грубыхъ и наглыхъ выпадовъ. Но въ нынѣшней опруссаченной Германіи можно также кричать министрамъ сколько угодно: палачи! погромщики!—Они и усомъ не поведутъ...

VI.

Профессоръ берлинскаго университета и бывшій воспитатель дѣтей покойнаго императора Фридриха, Гансъ Дельбрюкъ, въ издаваемыхъ имъ „Прусскихъ Ежегодникахъ" писалъ подъ впечатлѣніемъ дебатовъ рейхстага:

„Только съ чувствомъ глубокаго стыда могъ каждый нѣмецкій патріотъ читать дебаты рейхстага о томъ, что русскіе сыщики прямо совершали преступленія на нашей почвѣ; что заодно съ анархистами они преслѣдовали и русскихъ интеллигентовъ, идеалистовъ и либераловъ; что они наблюдали не только за русскими, но и доносили на нѣмецкихъ гражданъ, и что нѣ-

Digitized by Google

мецкія власти относились къ этому съ одобреніемъ и поощреніемъ. Культурныя страны суть тѣ, гдѣ дѣйствуютъ одинаковыя культурныя и правовыя представленія и понятія о чести. Кто анархистъ для Франціи, тотъ анархистъ и для Германіи. Но въ глазахъ русскаго государства и спеціально русской полиціи анархистомъ является каждый, въ комъ живетъ лишь духъ оппозиціи; тамъ преслѣдуются и притѣсняются какъ разъ носители европейской культуры; тамъ, какъ съ революціонерами, обращаются съ носителями высшей нравственности и образованія. Имъ тамъ зажимаютъ ротъ, и они съ довѣріемъ бѣгутъ къ намъ, гдѣ наталкиваются на раскинутыя сѣти русско-прусскаго шпіонажа"...

Съ этими полными горечи словами почтенный профессоръ могъ бы обратиться не только къ нѣмецкимъ властямъ, но и къ своимъ ближайшимъ коллегамъ по университету.

Въ нѣмецкихъ университетахъ уже нѣсколько лѣтъ замѣчается все возрастающая руссофобія. Первоначально непріязнь къ русскимъ учащимся коренилась главнымъ образомъ въ мотивахъ нелѣпаго опасенія конкурренціи, въ боязни, что они—чего добраго—могутъ остаться въ самой Германіи и тѣмъ обострить національное соперничество. Распространенный въ нѣмецкомъ обществѣ антисемитическій духъ служилъ дальнѣйшей причиной враждебнаго отношенія къ русскимъ студентамъ, преобладающій контингентъ которыхъ, по извѣстнымъ обстоятельствамъ, состоитъ изъ лицъ еврейскаго происхожденія. Нельзя отрицать, что русскіе студенты дѣйствительно представляютъ чуждый элементъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Они большею частью бѣдны, несутъ на себѣ печать пролетарскаго происхожденія и проникнуты духомъ страстнаго политическаго идеализма. Германскіе же университеты постепенно превратились въ привилегированные институты господствующихъ классовъ. Нѣмецкій пролетаріатъ не посылаетъ въ нихъ почти ни одного студента. И отъ среднихъ классовъ притокъ туда становится все болѣе слабымъ. Отпрыски высшаго чиновничества, юнкерства, крупныхъ промышленниковъ и купцовъ, можно сказать, монополизировали нѣмецкіе университеты. Что можетъ быть общаго у этихъ „благородныхъ" сыновъ съ русскими плебеями, которые цѣль студенческой жизни не видятъ въ алкогольномъ упоеніи дутымъ и квасным патріотизмомъ!

Очень мало духовнаго сродства у этихъ бѣдныхъ, пытливыхъ и свободолюбивыхъ русскихъ буршеншафтеровъ съ современными жрецами нѣмецкой науки. У нынѣшнихъ нѣмецкихъ профессоровъ нѣтъ и признака бурныхъ стремленій ученыхъ стараго закала, вродѣ Фихте. Въ лучшемъ случаѣ они ученые педанты, а въ худшемъ—покорные рабскіе агенты государственной учености. Они далеки отъ всякаго рѣшительнаго противленія духовному гнету и менѣе всего, конечно, способны засту-

Digitized by Google

питься за гонимую и прогнанную съ своей родины чужеземную молодежь. На всемъ безконечномъ морѣ нѣмецкой академической учености можно отмѣтить лишь очень рѣдкіе случаи мужественнаго отступленія отъ этого безучастія университетскихъ чиновниковъ. Оттого-то такими заброшенными сиротами бродятъ русскіе студенты по нѣмецкимъ аудиторіямъ, если имъ и удается въ нихъ проникнуть. Вообще же нѣмецкіе университетскіе профессора прямо или косвенно поддерживаютъ всѣ административныя стремленія къ задержанію притока учащихся изъ „дружественной“ Россіи.

Въ 1900 году послѣдовалъ указъ прусскаго министра народнаго просвѣщенія о томъ, что для пріема русскихъ студентовъ въ шарлоттенбургскій политехникумъ недостаточно обладаніе русскимъ аттестатомъ зрѣлости, а требуется еще выдержаніе „конкурснаго экзамена“ въ самой Россіи. Этотъ усвоенный затѣмъ всѣми прусскими и баварскими политехникумами указъ имѣлъ то послѣдствіе, что всѣ забракованные русскими порядками „неблагонадежные“ элементы обрекались на бойкотъ и со стороны германскихъ учебныхъ заведеній. Германія фактически поставила право поступленія русской Молодежи въ нѣмецкія учебныя заведенія въ зависимость отъ усмотрѣнія и аттестаціи россійскихъ властей. Все это мѣропріятіе было по преимуществу направлено противъ русско-еврейской молодежи и не имѣло въ виду гарантій болѣе достаточной образовательной подготовки; это доказывалось тѣмъ, что отъ нѣмецкихъ подданныхъ, воспитанныхъ въ Россіи, а также и отъ балтійскихъ нѣмцевъ не требовалось удостовѣренія въ выдержаніи русскаго конкурснаго экзамена.

По этому пути развивались и дальнѣйшія репрессіи по отношенію къ русско-подданной учащейся молодежи. Враждебная демонстрація, устроенная нѣсколько лѣтъ тому назадъ польскими студентами въ одной берлинской аудиторіи противъ антипольскихъ взглядовъ извѣстнаго балтійскаго выходца, проф. Шимана, оплодотворяющаго теперь всю реакціонную нѣмецкую прессу ядовитыми выходками противъ русскаго освободительнаго движенія (Шиманъ—личный другъ Вильгельма II и, какъ утверждаютъ, его главный наушникъ по части оклеветанія всей борющейся Россіи),—эта польская демонстрація послужила предлогомъ къ тому, что нѣмецкія ученыя республики поддались давленію прусскихъ властей и заключили тѣсный союзъ съ русско-прусскими полицейскими инстанціями для наблюденія за русской учащейся молодежью.

Еще десять и болѣе лѣтъ тому назадъ зачисленіе каждаго русскаго подданнаго въ студенты берлинскаго университета обусловливалось представленіемъ удостовѣренія мѣстной полиціи о нравѣ жительства даннаго лица. Въ послѣдніе же годы универ-

Digitized by Google

ситетское начальство какъ будто отказалось отъ этого унизительнаго требованія, но зато ввело ужъ прямо позорную систему. При желаніи русскаго студента поступить въ университетъ его бумаги принимаются начальствомъ и въ теченіе нѣкотораго времени не дается никакого отвѣта. Между тѣмъ эти бумаги отправляются въ полицей-президіумъ, въ VII отдѣленіе (политическая полиція) для надлежащей провѣрки. Только по полученіи документовъ обратно изъ полиціи съ отзывомъ, что за даннымъ лицомъ ничего предосудительнаго не значится, университетскій судья дѣлаетъ распоряженіе о приглашеніи претендента къ имматрикуляціи. Само собою разумѣется, что берлинская полиція можетъ дать свой отзывъ лишь по сношеніи съ компетентными русскими инстанціями. Полицейская аттестація имѣетъ слѣдующую форму:

Полицей-президентъ Берлинъ
Отдѣленіе VII. число, мѣсяцъ.

Прилагая при семъ документы, извѣщаю на вашъ любезный запросъ, что о N. N. въ политическомъ отношеніи ничего предосудительнаго неизвѣстно.

Подпись.

Господину Университетскому Судьѣ Королевскаго Университета.

Подъ этими актами университетскій судья постановляетъ резолюцію, подлежитъ ли данное лицо имматрикуляціи или нѣтъ. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не нашелъ въ себѣ мужества открыто протестовать противъ этой гнусной коалиціи нѣмецкихъ университетовъ съ русскимъ департаментомъ полиціи. Они безропотно были свидѣтелями, какъ кольцо русскихъ шпіонскихъ агентуръ въ Германіи замыкалось включеніемъ въ него гордыхъ очаговъ нѣмецкой науки.

Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что вся травля прусскихъ властей, всѣ ихъ гоненія на русскихъ, всѣ происки русскихъ полицейскихъ сыщиковъ по преимуществу обрушивались на русскую учащуюся молодежь. Кого, какъ не ее, имѣлъ въ виду весь сложный и дорогой аппаратъ русско-прусскаго шпіонажа? Кого, какъ не русскую учащуюся молодежь, имѣли въ виду черносотенныя ламентаціи прусско-нѣмецкихъ министровъ объ „анархистахъ“ и священной борьбѣ съ ними дружественныхъ полицейскихъ правительствъ?.. Колонія русскихъ учащихся въ центрѣ германской культуры прежде всего чувствовала на себѣ весь гнетъ этой антикультурной кампаніи и она не заслуживала бы названія *русской*, если бы самоотверженно не бросила презрительный вызовъ изолгавшейся германской дипломатіи. Два любопытныхъ акта свидѣтельствуютъ объ этомъ вынужденномъ публичномъ выступленіи русскихъ студентовъ на аренѣ истинно-

Digitized by Google

культурной международной политики. Эти акты, первоначально обнародованные нѣмецкой печатью, а затѣмъ черезъ посредство соціалъ-демократическихъ ораторовъ занесенные и въ германскую парламентскую хронику, заслуживаютъ быть приведенными и въ этомъ далеко неполномъ обзорѣ русско-прусскаго священно-полицейскаго альянса.

Въ началѣ февраля 1904 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ достопамятныхъ дебатовъ рейхтсага о русскихъ шпіонахъ, живущіе въ Берлинѣ русскіе студенты, за подписью 394 лицъ, опубликовали въ газетахъ слѣдующій протестъ:

„Въ засѣданіи германскаго рейхстага 19-го января этого года статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ Рихтгофенъ, отвѣчая на запросъ соціалъ-демократической фракціи касательно происковъ русскихъ полицейскихъ агентовъ въ Германіи, обосновывалъ мѣры особаго полицейскаго надзора по отношенію къ намъ тѣмъ соображеніемъ, что за дѣятельностью русскихъ анархистовъ долженъ быть строгій контроль.

„Въ виду того, что вся русская студенческая колонія въ Берлинѣ и его окрестностяхъ служитъ постояннымъ объектомъ упомянутыхъ полицейскихъ мѣропріятій и что каждый русскій студентъ съ перваго момента своего прибытія въ Германію подвергается спеціальному полицейскому надзору, мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что все, что баронъ Рихтгофенъ сказалъ противъ мнимыхъ русскихъ анархистовъ, также относится и къ намъ, и это обстоятельство вынуждаетъ насъ сдѣлать слѣдующее публичное заявленіе:

„Мы прежде всего считаемъ необходимымъ указать на то, что уже одно утвержденіе барона Рихтгофена, будто среди живущихъ въ Германіи русскихъ есть анархисты, — утвержденіе, способное возбудить противъ насъ враждебныя чувства въ широкихъ слояхъ нѣмецкаго народа,—лишено всякаго фактическаго основанія. Мы убѣждены, что баронъ Рихтгофенъ не въ состояніи назвать даже одинъ единственный случай, когда бы русскій, подверженный этимъ полицейскимъ преслѣдованіямъ, былъ бы анархистомъ. Мы ожидаемъ поэтому, что баронъ Рихтгофенъ или попытается обосновать свое утвержденіе, или публично откажется отъ него.

„Баронъ Рихтгофенъ далѣе попытался живущихъ въ Германіи русскихъ женщинъ дискредитировать передъ общественнымъ мнѣніемъ тѣмъ, что безъ тѣни какого-либо оправданія изобразилъ ихъ, какъ среду разврата. Когда два года тому назадъ пресловутый русскій реакціонеръ князь Мещерскій въ своей газетѣ „Гражданинъ“ позволилъ себѣ бросить русскимъ студенткамъ такое же обвиненіе, то возбудилъ во всей Россіи бурю возмущенія, и самъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій, являвшійся всей своей дѣятельностью преданнымъ исполнителемъ реакціонной политики русскаго правительства, въ отступленіи отъ общаго

Digitized by Google

правила, воспрещающаго студенческія собранія, далъ студентамъ разрѣшеніе собраться для публичнаго протеста противъ утвержденія кн. Мещерскаго и посовѣтовалъ имъ въ особой резолюціи выразить князю глубокое презрѣніе студенчества.

„Что касается дальнѣйшаго заявленія барона Рихтгофена, что пребываніе русскихъ, которыхъ онъ безъ всякаго основанія честитъ, какъ анархистовъ, здѣсь никому не желательно и что они не имѣютъ никакого права на нѣмецкое гостепріимство, то мы убѣждены,—и дебаты рейхстага 19-го января подкрѣпили насъ въ этомъ убѣжденіи,—что баронъ Рихтгофенъ говорилъ не отъ имени и не въ смыслѣ нѣмецкаго народа. Мы считаемъ своимъ долгомъ констатировать, что печальныя политическія условія Россіи въ многочисленныхъ случаяхъ дѣлаютъ невозможнымъ для жаждущей образованія русской молодежи получить высшее образованіе въ самой Россіи и что эти условія насъ прямо выталкиваютъ заграницу и вынуждаютъ насъ искать гостепріимства также со стороны наиболѣе выдающихся высшихъ учебныхъ заведеній Германіи.

„Въ заключеніе мы выражаемъ нашу глубоко прочувственную благодарность всѣмъ членамъ рейхстага и всѣмъ газетамъ, которые заступились за насъ въ этомъ столь близко насъ касающемся дѣлѣ“.

Эта декларація своимъ необычнымъ тономъ произвела глубокое впечатлѣніе на нѣмецкое общественное мнѣніе, да и прусско-нѣмецкихъ министерствъ привела, очевидно, въ немалое смущеніе. Господа министры лишь незадолго до этого съ тріумфомъ парадировали передъ русскимъ ландтагомъ, куда они систематически переносятъ всѣ щекотливыя темы, злоказненно изъятыя изъ компетенціи болѣе строгой и болѣе популярной трибуны германскаго рейхстага. Тамъ, въ классовомъ парламентѣ, при наличности лишь крайне слабой либеральной оппозиціи, и совершенномъ отсутствіи докучной соціалъ-демократической критики, надѣялись они окончательно похоронить и скандальныя разоблаченія о кенигсбергскомъ процессѣ, и безпрестанныя жалобы на произволъ полиціи по отношенію къ „обременительнымъ иностранцамъ“, и безцеремонное хозяйничанье русскихъ шпіоновъ, и многое другое, подлежащее „исключительному вѣдѣнію“ и не менѣе исключительному покровительству суверенной прусской власти.

Но не долго пришлось прусскимъ министрамъ полиціи и юстиціи почивать на лаврахъ дешевой и призрачной побѣды передъ сроднымъ ихъ духу парламентомъ юнкеровъ, іезуитовъ католическаго „центра“ и націоналъ-либеральныхъ элементовъ. Не далѣе, какъ черезъ недѣлю, надо было держать отвѣтъ передъ парламентомъ всеобщаго избирательнаго права, передъ германскимъ рейхстагомъ, гдѣ, въ связи со вторымъ чтеніемъ государственнаго бюджета, соціалъ-демократы заставили цѣлыхъ два

Digitized by Google

засѣданія, 27-го и 29-го февраля 1904 года, посвятить все той же „русской политикѣ“ германскаго правительства.

Консервативная партія, безапелляціонно вотировавшая въ прусскомъ ландтагѣ полный успѣхъ своихъ излюбленныхъ министровъ, силится и здѣсь въ самомъ зародышѣ подавить всякую критику. „Послѣ того, какъ господа министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи,—заявляетъ ея ораторъ,—дали въ прусской палатѣ необходимыя разъясненія, то все дѣло для насъ ясно и вполнѣ исчерпано“.

„Браво!“—раздается на скамьяхъ правой. Но не-тутъ то было. Здѣсь и у реакціонеровъ меньше куража, чѣмъ въ прусскомъ псевдопарламентѣ. Здѣсь и іезуитскій „центръ“ помнитъ, что посланъ въ рейхстагъ не милостью толстой мошны, а открытымъ и прямымъ голосованіемъ широкихъ массъ народа. Да и либералы не отличаются мягкотѣлостью своихъ прусскихъ коллегъ, стараясь не ударить лицомъ въ грязь передъ неумолимымъ окомъ соціалъ-демократической оппозиціи.

Соціалъ-демократическій депутатъ и адвокатъ въ кенигсбергскомъ процессѣ Гаазе, свободомыслящій д-ръ Мюллеръ изъ Мейнингена, лидеръ „центра“, д-ръ Шпаннъ—одинъ за другимъ всходятъ на трибуну и безжалостно разрушаютъ карточный домикъ, построенный министрами недѣлю тому назадъ въ ландтагѣ изъ хитроумной казуистики и просто самаго откровеннаго цинизма.

„Я не понимаю,—заключилъ свою рѣчь д-ръ Мюллеръ, обращаясь къ министрамъ,—къ чему эта заботливость какъ разъ о томъ правительствѣ и о томъ абсолютистскомъ режимѣ, которые руссифицируютъ прибалтійскія провинціи, насилуютъ Финляндію вѣроломнымъ нарушеніемъ ея конституціи и еще не смыли съ себя позора за кишиневскіе ужасы?!“

Д-ръ Шпаннъ читаетъ правительству лекцію о культурномъ прогрессѣ вообще и международной культурѣ въ частности, говоритъ о правѣ убѣжища, какъ признакѣ высокаго культурнаго уровня страны, о правахъ иностранцевъ, о позорѣ солидарнаго общенія съ русскими шпіонами, о всемъ позорѣ прислужничества россійской „кнутократіи“.

Депутатъ Гаазе еще разъ раскрываетъ всѣ махинаціи прусской юстиціи въ кенигсбергскомъ дѣлѣ и пристрастное вмѣшательство самого министра въ ходъ судебнаго слѣдствія по этому дѣлу.

Здѣсь-то министръ юстиціи Шенштедтъ и разрѣшился той тирадой, которая теперь стала исторической:

„Когда, какъ это было въ этомъ случаѣ, дѣлается попытка, путемъ распространенія анархическихъ, революціонныхъ и террористическихъ сочиненій, вызвать движеніе въ Россіи, которое при успѣшномъ развитіи необходимымъ образомъ должно отразиться

Digitized by Google

на прусскомъ государствѣ и на Германской имперіи, тогда я говорю: tua res agitur, тогда я вмѣшиваюсь и не жду иниціативы ближайше заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ русскаго правительства!“

Даже нѣмецкіе патріоты взвыли отъ этой героической выходки министра. Одинъ изъ нихъ писалъ затѣмъ въ консервативныхъ „Прусскихъ Ежегодникахъ“:

„У насъ даже соціалъ-демократы признаютъ, что нѣмецкіе порядки не похожи на русскіе, а между тѣмъ прусско-нѣмецкая бюрократія вполнѣ отожествляетъ себя съ русской; всякія нападки на русскую бюрократію она считаетъ дѣломъ, обязывающимъ ее къ заступничеству. Какъ это было возможно, что прусскій министръ юстиціи счелъ борьбу съ запрещенной русской литературой долгомъ нѣмецкихъ властей и въ парламентѣ сказалъ роковыя слова: tua res agitur, заключающія въ себѣ ужасный поклепъ, какъ будто бы нѣмецкіе порядки схожи съ русскими, А послѣ министра и прокуроръ въ кенигсбергскомъ процессѣ отстаивалъ ту точку зрѣнія, что въ интересахъ Пруссіи защищать русскій абсолютистскій режимъ, потому что свободная Россія можетъ грозить опасностью существующему у насъ государственному строю! Какъ мало должно быть вѣры у этого удивительнаго защитника прусской монархіи въ ея нравственныя основы, если для ея сохраненія онъ считаетъ необходимымъ побѣдную поддержку нагайки“...

Если таковъ полетъ мыслей шефа прусской юстиціи, то можно себѣ представить, какимъ орломъ взлетаетъ шефъ прусской полиціи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ въ то время былъ нынѣ уже умершій баронъ Гаммерштейнъ. Одинъ остроумный нѣмецкій журналистъ говоритъ про него, что онъ былъ „колоссомъ человѣческой ограниченности, круглымъ глупцомъ, у котораго всѣ мозговыя извилины, казалось, состоятъ изъ каучука полицейской дубинки“. Этотъ геніальный оберъ-шуцманъ сыгралъ не малую роль въ кенигсбергскомъ процессѣ наряду со своимъ товарищемъ изъ министерства юстиціи; онъ же давалъ высшее благословленіе тому русско-прусскому шпіонату, который, между прочимъ, обрушивался и на русское студенчество въ Пруссіи. Когда одинъ изъ ораторовъ рейхстага замѣтилъ, что нельзя голословно обвинять русскихъ студентовъ въ анархизмѣ, то баронъ Гаммерштейнъ, читая въ сердцахъ русскихъ студентовъ, возразилъ: „Да, быть можетъ, они еще не анархисты въ собственномъ смыслѣ слова, но многіе изъ нихъ несомнѣнно на пути къ тому“. Какъ бывшій буршъ феодальной студенческой корпораціи, онъ привелъ сравненіе между нѣмецкими студентами и русскими, которые „такъ незрѣлы и по своему темпераменту такъ легко склонны вмѣшиваться въ политику, что ихъ даже нельзя всегда считать отвѣтственными за ихъ поступки.“ Этими небрежно брошенными словами полицейскій „колоссъ“ имѣлъ въ виду парировать непріят-

Digitized by Google

ное коллективное заявленіе русскихъ студентовъ. „Мы могли бы,— великодушно прибавилъ онъ,—воспользоваться этимъ поводомъ (означеннымъ заявленіемъ). чтобы попросту препроводить черезъ границу большое число изъ тѣхъ господъ, которые дерзаютъ выступать со своимъ незрѣлымъ, дѣтскимъ сужденіемъ противъ одного изъ высшихъ чиновъ имперіи. Но мы этого не сдѣлали, потому что мы весь этотъ инцидентъ сочли не болѣе, какъ дѣтской выходкой!..“

Политическую незрѣлость русскаго студенчества министръ иллюстрировалъ также указаніемъ на какое-то собраніе русско-польскихъ студентовъ, выражавшихъ симпатію японцамъ. Такого нарушенія нейтралитета германское правительство не можетъ-де потерпѣть.

Такой упрекъ заключалъ, конечно, очень мало убѣдительности и справедливаго возмущенія въ устахъ члена того самаго правительства, которое въ теченіе русско-японской войны всячески нарушало нейтралитетъ въ ущербъ японцамъ. Бебель, резюмировавшій пренія рейхстага, не приминулъ, сверхъ того, противопоставить аргументу министра другое любопытное происшествіе аналогичнаго свойства. Почему, спрашивалъ онъ, вы не видите нарушенія нейтралитета въ томъ, что нѣмецкіе кадеты (это были кадеты Лихтерфельдскаго военнаго училища) при началѣ войны отправили русскому правительству адресъ съ пожеланіемъ успѣха въ борьбѣ съ японцами? Вѣдь эти кадеты—сплошь юноши въ возрастѣ моложе 18 лѣтъ, слѣдовательно, гораздо менѣе зрѣлы, чѣмъ русско-польскіе студенты, о которыхъ говорилъ министръ. Это—воспитанники закрытаго учебнаго заведенія, находятся подъ тщательнымъ надзоромъ и знаютъ изъ жизни лишь то, что знать имъ позволено начальствомъ. Но противъ „вмѣшательства въ политику“ этихъ юношей правительство не обмолвилось ни однимъ словомъ, потому что и само оно до мозга костей одержимо руссофильскими симпатіями...

„Мы знаемъ,—заключилъ Бебель, обращаясь къ консервативной партіи,—какъ страстно вы желаете сохранить теперешнюю деспотическую, насильническую Россію съ ея настоящей правительственной системой, какъ оплотъ европейской реакціи! Министры признались въ этомъ съ откровенностью, не оставляющей желать ничего большаго. Вы трепещете, что либеральная система въ Россіи можетъ отразиться на устояхъ германской имперіи, ибо тогда реакція въ Германіи потеряетъ свою главную опору. Атавистическая дружба, которую руководящія сферы въ Германіи питаютъ къ русскому правительству, находитъ себѣ ясное выраженіе въ ихъ угодничествѣ оффиціальной Россіи, граничащемъ съ полнымъ отреченіемъ отъ собственной чести и достоинства. Но соціалъ-демократія не перестанетъ клеймить позоромъ прусскую политику, поддерживающую такое положеніе вещей, и мы

Digitized by Google

нисколько не сомнѣваемся въ томъ моральномъ вліяніи, которое окажутъ такія безпрестанныя обвиненія съ нашей стороны. Въ этомъ случаѣ, господа, не вы и не прусское правительство, а соціалъ-демократія снова оказывается на сторонѣ чести, достоинства и международнаго признанія Германіи!...“

Когда Бебель подымаетъ свой голосъ на трибунѣ рейхстага, то его лавры не даютъ покоя нынѣшнему канцлеру имперіи. Онъ спѣшитъ на арену даже тогда, когда болѣзнь приковываетъ его къ постели, и драгоцѣнное здоровье требуетъ воздержанія отъ сильныхъ волненій. Всѣмъ извѣстно, какъ трагически окончилось для него засѣданіе 5-го апрѣля этого года, когда посреди потрясающаго разсказа Бебеля объ испытаніяхъ Маріи Спиридоновой вдругъ приключился съ княземъ Бюловымъ тяжелый обморокъ, отъ котораго онъ еще и по сіе время не вполнѣ оправился...

И за два года до этого, во время преній, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, графъ Бюловъ не могъ противостоять высокому чувству долга—стать лицомъ къ лицу съ неугомоннымъ врагомъ его славной политики. Прямо съ „больничной постели“, какъ увѣряли его панегеристы, явился онъ въ рейхстагъ, чуя недоброе, и... произнесъ ту знаменитую свою рѣчь съ антисемитическими выпадами, которыя въ сатирическихъ листкахъ доставили ему громкій титулъ „графа Кишиневскаго“ (онъ не былъ еще тогда княземъ).

Съ полицейскимъ кругозоромъ, достойнымъ „колосса человѣческой ограниченности“, свелъ онъ всю многосложную и мучительную борьбу за освобожденіе Россіи къ ходячему представленію объ анархическихъ проискахъ. Перечисливъ всѣ факты западно-европейской „пропаганды дѣломъ“ и отожествивъ съ ними русское революціонное движеніе, онъ съ паѳосомъ воскликнулъ: „Такъ чтобы передъ лицомъ всего этого мы постѣснялись принять международныя мѣры для предотвращенія такихъ ужасовъ! Чтобы мы трусливо отказывались защищаться отъ людей, которые съ своей стороны не знаютъ никакой пощады и верховнымъ своимъ принципомъ считаютъ распространеніе страха, смуты и убійствъ!“ Преданный ученикъ Бисмарка прикрываетъ далѣе свою политику высылокъ и выдачъ русскихъ подданныхъ прецедентами изъ эпохи желѣзнаго канцлера и для этой цѣли цитируетъ уже извѣстные намъ факты изъ дипломатическихъ актовъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка.

Но особенно тяжелымъ камнемъ лежитъ на его душѣ „дерзкая“ декларація русскихъ студентовъ противъ барона Рихтгофена, и онъ облегчаетъ свою душу слѣдующей тирадой:

„Съ иностранными студентами у насъ обращаются такъ же либерально, какъ съ туземными. Но вопросъ о томъ, что дѣлаютъ и чего не должны дѣлать у насъ иностранцы, рѣшается правительствомъ этой страны, а не чужими нигилистами и ихъ совѣт-

Digitized by Google

чиками изъ рядовъ соціалъ-демократической партіи. И если чужіе господа становятся такъ наглы, какъ это было въ послѣднее время, если они сочиняютъ такія безстыдныя заявленія, какъ то, которое только-что прочелъ г. Бебель и которыя здѣшніе славянскіе студенты, подъ руководствомъ своихъ двухъ товарищей, (здѣсь Бюловъ, при оглушительномъ хохотѣ реакціонеровъ, называетъ двѣ еврейскія фамиліи) пустили въ оборотъ, то я приму мѣры, чтобы такіе господа были немедленно высланы. Ни въ одной странѣ міра не потерпятъ такого безобразія со стороны иностранцевъ; ни въ какой другой странѣ иностранцы не позволятъ себѣ ничего подобнаго. Состраданіе и снисхожденіе—тамъ, гдѣ они умѣстны; терпимость и охрана для тѣхъ, кто становится подъ наши законы, подчиняется имъ и ведетъ себя прилично. Но мы въ Германіи еще не такъ низко упали, чтобы позволитъ такимъ бродягамъ и заговорщикамъ плясать у себя на физіономіи"...

Этотъ вулканъ раздраженія всесильнаго канцлера могущественной державы, этотъ ураганъ сквернословія въ устахъ образованнаго аристократа и просвѣщеннаго дипломата, можно сказать, съ яркостью бенгальскаго огня освѣтилъ всю мерзость той традиціями скрѣпленной „дружбы", которая такимъ удивительнымъ образомъ заострилась на конфликтѣ между могучимъ германскимъ правительствомъ и безпомощной группой русскихъ студентовъ!.. Совершенно необычайный конфузъ этого канцлерскаго пронунціаменто такъ сильно всѣхъ огорошилъ, что и сами патріоты черносотеннаго лагеря оправились не сразу, но затѣмъ, конечно, хоромъ воскликнули: „Да мы хотимъ высоко держать наше національное знамя и потому требуемъ: долой изъ нашего отечества всѣхъ чужихъ бродягъ и анархистовъ!"

Болѣе порядочной нѣмецкой прессѣ было стыдно за Бюлова, но вѣдь и у нея есть „національное самолюбіе". Расчувствовавшаяся „тетка Фоссъ" („Vossische Zeitung") хотѣла какъ-нибудь загладить скандалъ и просила графа Бюлова смѣнить гнѣвъ на милость: „Онъ долженъ,—писала она,—принять въ разсчетъ молодость, неопытность и незнакомство съ нѣмецкими условіями русской молодежи; онъ не станетъ примѣнять къ ней всей строгости законовъ и тѣмъ самымъ не разрушитъ будущаго столькихъ людей, которые по чувству солидарности, а, можетъ быть, противъ желанія подписали свое имя подъ нѣсколько поспѣшнымъ заявленіемъ". „Фоссова газета" и самимъ русскимъ студентамъ давала благожелательный совѣтъ не ссориться болѣе со строгимъ начальствомъ...

Но русскіе студенты не послушались этого совѣта.

A la guerre comme à la guerre—сказали они себѣ и въ числѣ 428 душъ опубликовали слѣдующее новое заявленіе:

„19-го января этого (1904) года статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, баронъ Рихтгофенъ, въ оправданіе полицейскихъ

Digitized by Google

преслѣдованій, практикуемыхъ по отношенію къ здѣшнимъ русскимъ, передъ лицомъ широкой гласности парламента бросилъ на всѣхъ русскихъ,—слѣдовательно, и на насъ,—подозрѣніе въ анархической пропагандѣ, а проживающихъ здѣсь русскихъ женщинъ обвинилъ въ безнравственномъ образѣ жизни. Противъ этого тяжелаго обвиненія мы протестовали путемъ публичнаго заявленія въ печати. Мы чувствовали себя вынужденными къ такому заявленію въ интересахъ чести русскихъ женщинъ, въ интересахъ правды и справедливости. Право защиты есть естественное право, признаваемое даже дикими народностями.

„Но въ засѣданіи рейхстага отъ 29-го февраля этого же года канцлеръ германской имперіи, графъ Бюловъ, назвалъ этотъ протестъ, этотъ актъ нашей самозащиты „безстыдствомъ", „злоупотребленіемъ гостепріимствомъ" и за эту самозащиту пригрозилъ намъ высылкой. При этомъ онъ не преминулъ намекомъ на еврейское происхожденіе части здѣшнихъ русскихъ возбудить противъ насъ въ своихъ слушателяхъ антисемитическіе предразсудки. Графъ Бюловъ, высшее должностное лицо въ Германской Имперіи, не постѣснялся для этого подъ охраною иммунитета поносить насъ, какъ „бродягъ". Если преобладающая часть здѣшнихъ русскихъ студентовъ—евреи, то это, какъ, вѣроятно, извѣстно и графу Бюлову, объясняется исключительнымъ гнетомъ, коему подвержено въ Россіи еврейское населеніе, и которое почти устраняетъ его отъ образовательныхъ учрежденій нашей родины. Мы глубоко сожалѣемъ, что XX столѣтіе должно было въ странѣ Лессинга и Фихте быть свидѣтелемъ такого неуваженія къ великой идеи гуманности, какъ оно обнаружилось въ антисемитическихъ выпадахъ канцлера Германской Имперіи.

„Въ Пруссіи мы подвержены спеціальному и въ грубыхъ, оскорбительныхъ формахъ практикуемому надзору со стороны агентовъ нѣмецкой и русской полиціи. Если графъ Бюловъ думаетъ, что гость безмолвно долженъ сносить всѣ обиды хозяина, то это не согласуется съ нашими понятіями о чести и правѣ. Противная всякой культурѣ система управленія вытолкнула насъ изъ нашей родины. Но и на чужбинѣ, куда мы ушли въ надеждѣ на солидарность всякой цивилизаціи, мы считаемъ охрану нашей чести и человѣческаго достоинства нашимъ священнымъ долгомъ и всѣ безъ исключенія готовы нести всѣ послѣдствія нашего поведенія. За свой же образъ дѣйствій, служащій лишь въ угоду лютымъ врагамъ всякой цивилизаціи и истиннаго прогресса, пусть графъ Бюловъ несетъ отвѣтственность передъ всѣмъ культурнымъ міромъ и передъ судомъ исторіи..."

По поводу этого заявленія было бы неумно отдѣлываться притворными фразами, какъ „дѣтская выходка", или сердитымъ окрикомъ: „Безстыдство!" Но имперскій канцлеръ не нашелъ въ себѣ мужества и выполнить свою угрозу въ полномъ размѣрѣ:

Digitized by Google

только 14 намѣченныхъ полиціей „бродягъ и заговорщиковъ“ были высланы изъ предѣловъ Пруссіи и, по внушенію канцлера, не нашли себѣ пріюта ни въ одномъ изъ учебныхъ заведеній остальной Германіи...

Такъ закончился этотъ досадный, можно сказать противоестественный, но долгими годами назрѣвавшій конфликтъ. Но закончился ли? Тѣмъ временемъ развивалось русское освободительное движеніе, своимъ заревомъ освѣтившее міръ. Освѣтило оно также многія „дореформеннымъ“ мракомъ подернутыя дебри опруссаченной Германіи и согрѣло души тѣхъ, кто всего больше изнемогаетъ подъ ихъ гнетомъ. Только однѣ оффиціальныя сферы съ судорожными усиліями гнули все ту же старую линію въ мучительномъ страхѣ, что tua res agitur. Какъ разъ въ медовые дни нашего парламентаризма, когда многіе „нигилисты“ и „анархисты“ подѣлались вдругъ законодателями страны и ихъ рѣчи дышали весеннимъ дуновеніемъ обновленной русской жизни,— какъ разъ въ это время въ прусской палатѣ новому министру прусской полиціи, г. Бетману фонъ-Гельвигу, пришлось держать отвѣтъ за новыя, на широкую ногу инсценированныя, массовыя высылки русскихъ подданныхъ. Этотъ боязливо озирающійся бюрократъ съ налетомъ литературно-философскаго образованія. Этотъ, какъ его называли тогда, декадентъ полицейскаго государства, съ ссылками на Канта и Іоганнеса Шерра аргументировалъ свои мѣропріятія противъ „чуждыхъ революціонныхъ элементовъ“ и даже знаменитую аферу преступнаго подлога, коимъ берлинская полиція подбивала одного русскаго коммерсанта на государственную измѣну своей собственной родинѣ, выставлялъ, какъ категорическій императивъ государственнаго резона и высшей полицейской мудрости...

А. Ковровъ.

Digitized by Google

Осенніе цвѣты.

Посв. ***

Обвѣяны прощальною мечтою
Осенней царственно-печальной красоты,
Задумчиво поникли головою
Послѣдніе осенніе цвѣты.

—

Какъ много вешнихъ грозъ надъ ними прошумѣло!
Надъ ними рѣяли всѣ трепетные сны,
Какими только ночь лазурная владѣла,
Ночь-сказка сѣверной весны.

—

Ихъ лѣто ласками безумно осыпало,
Уста ихъ спалены дыханьемъ жаркимъ дня,
Не потому ли такъ мечтательно-устало
Задумались они здѣсь у меня?

—

Вся комната полна ихъ прянымъ ароматомъ...
Въ немъ—запахъ тронутой морозами травы,
Полей, затихшихъ предъ закатомъ,
И умирающей листвы...

—

Они—въ мечтахъ имъ вѣдомаго рая,
Въ нихъ—ласка прошлаго волшебной красоты...
Я горькій хмѣль ихъ грезъ томительныхъ вдыхаю,
Къ моимъ губамъ ихъ страстно прижимаю...
Моя любовь—осенніе цвѣты!

О Боголюбова.

Digitized by Google

Къ исторіи русской журналистики и общественности.

„Русское Слово“.

(1859—1866 гг.).

(Продолженіе).

IV.

1861 годъ.

Только-что „Русское Слово“ успѣло сформироваться, выработать опредѣленную физіономію, занять прочное мѣсто въ журналистикѣ и читающей публикѣ, какъ надъ журналомъ — одновременно и надъ всѣмъ русскимъ обществомъ, его освободительнымъ движеніемъ—нависли мрачныя тучи реакціи, разразившейся вскорѣ свирѣпой грозой, которая стала глушить всѣ начинанія и проявленія не только освободительно-демократическаго движенія, но и всякой живой мысли; вырывать изъ списка „живыхъ“ цвѣтъ русской интеллигенціи, разметая по далекимъ ссылкамъ.

Начало 60-хъ годовъ, послѣ непродолжительнаго просвѣта, сопровождавшагося возбужденіемъ и упованіями общества, было, какъ извѣстно, и началомъ конца россійской „весны“.

Прежде всего, рѣшеніе и проведеніе въ жизнь „крестьянскаго вопроса“ въ такомъ направленіи, когда отъ первоначальнаго проекта все урѣзывали и урѣзывали въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ народнымъ интересамъ, показало друзьямъ народа, что надеждамъ насталъ конецъ. Дѣло крестьянскаго освобожденія, по выраженію Тургенева, „пошло рысью назадъ“ [1]).

---

[1]) Даже такой наблюдатель, какъ И. С. Аксаковъ, писалъ: „Признаюсь, чѣмъ больше я читаю „Положеніе“, тѣмъ мнѣ грустнѣе становится... Нельзя безнаказанно одной рукой жестикулировать въ либеральномъ смыслѣ, а другой сѣчь; нельзя безнаказанно либеральствовать и въ то же время ссылать въ Сибирь Унковскаго, запрещать дворянамъ толковать на выборахъ и налагать молчаніе на литературу...“ Барсуковъ. „Жизнь“ etc. Т. 18, стр. 36. Погодинъ, и тотъ замѣчалъ, что „въ манифестѣ могу переломишь...“

Digitized by Google

Возникшія затѣмъ во многихъ мѣстахъ крестьянскія волненія (по поводу введенія „Положенія“), враждебныя демонстраціи въ Польшѣ, все возраставшее недовольство въ Финляндіи, студенческія волненія, усилившееся броженіе и недовольство въ обществѣ—все это вызвало строгія репрессіи по всему фронту: крестьянскія „недоразумѣнія“ разъяснялись военной силой [1]), университетскій вопросъ разрѣшили тѣмъ, что студентовъ массами забирали и размѣщали по крѣпостямъ и т. д. [2])

Въ обществѣ растетъ недовольство, а „благоразумные“ люди разныхъ ранговъ требуютъ новыхъ и новыхъ репрессій,—пораде остановить этотъ бѣшеный бѣгъ впередъ, надѣть на литературу намордникъ и укоротить цѣпь, на которой держалось общественное мнѣніе и самодѣятельность.

Напр., Муравьевъ, возмущаясь тѣмъ, что Щапова не заключили въ Соловецкій монастырь, писалъ одному „вліятельному лицу: „Пишу тебѣ... можно сказать, съ отчаянія, потому что я, право, уже не знаю, къ кому мнѣ обращаться противъ наглости нашихъ писателей и вольности нашей цензуры; а что еще будетъ, когда ее совсѣмъ уничтожатъ? Я ужъ писалъ графу Строганову и министру внутр. дѣлъ... Министру я напоминалъ даже о долгѣ присяги, которая заставляетъ насъ быть вѣрными самодержавію, доколѣ стоитъ оно на Руси, и не допускать такъ безсовѣстно его колебать...“

Какъ на примѣръ такого „колебанія“, Муравьевъ указываетъ, между прочимъ, на книгу того же Щапова „Земство и расколъ“, проникнутую „мятежнымъ духомъ“.

„Сущность книги: расколъ есть не что иное, какъ протестъ земства противъ правительства, по его нестерпимымъ злоупотребленіямъ... По выраженію автора, расколъ есть недовольство народное. Все горе, злосчастье, всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ онъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласье, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ воплотился въ живучую, неумирающую оппозицію раскола. Это—настоящій коммунизмъ съ безпрестанными выходками противъ бояръ и чиновниковъ...

„...Обратимся къ цензурѣ. Я весьма понимаю, что талантливый авторъ, промѣнявшій Соловки на разгульную жизнь, пишетъ подъ веселый часъ такого рода книжки, какъ „Земство и расколъ“... Я понимаю также издателя, который съ такою дѣтскою наивностью увѣрялъ, будто... вовсе не понимаетъ, что самъ издаетъ и, разумѣется, внутренно смѣется надъ тѣми, которые ему... вѣрятъ на

---

[1]) Напр., извѣстный „бунтъ“ въ Безднѣ (Казанской губ.) и связанная съ нимъ щаповская исторія по поводу панихиды по убитымъ въ Безднѣ.

[2]) По свидѣтельству Шелгунова, Пантелѣева и др., количество забранныхъ было такъ велико, что въ крѣпостяхъ не хватало мѣста.

Digitized by Google

слово... Я понимаю и цензоровъ, которые принадлежатъ, большею частью, къ тому же классу, изъ котораго произошли и авторы новѣйшихъ произведеній плачевной литературы нашей, и отъ того держатъ ихъ руку и все имъ пропускаютъ, будучи сами твердо увѣрены не только въ совершенной безнаказанности, но даже и въ тепломъ заступничествѣ ближайшаго и высшаго своего начальства...

„Но если можно чему удивляться, такъ это равнодушію тѣхъ, на чьей отвѣтственности лежитъ наблюденіе за высшей цензурой, въ особенности, министра просвѣщенія, ибо это его прямая обязанность... Если главный надзоръ за цензурою и строгая за нее отвѣтственность не будутъ лежать на одномъ лицѣ, то всегда будутъ тѣ же несчастныя послѣдствія... А теперь, какъ слышно, есть еще новое предположеніе: вовсе уничтожить предварительную цензуру, оставивъ только карательную, т. е. правительство хочетъ само у себя отнять возможность предупреждать зло и прямо вручаетъ факелъ въ руки зажигателей...

„ Изумительно также равнодушіе нашихъ верховныхъ сановниковъ не только къ сему дѣлу, но и вообще къ либеральному или, лучше сказать, возмутительному направленію умовъ, которому они потворствуютъ своимъ равнодушіемъ.

„Разгулъ небольшой шайки развратныхъ пролетаріевъ или исключенныхъ поповичей представляется имъ какъ будто голосомъ всего народа, и этой шайкѣ позволяютъ бушевать по произволу. Изъ недостойныхъ видовъ популярности они (сановники) прислушиваются къ тому, что скажетъ объ нихъ Европа, и не хотятъ слышать того, что вопіетъ въ ихъ слухъ Россія; а между тѣмъ зло усиливается отъ такого малодушія, которое походитъ, можно сказать, на какую-то водобоязнь...“ [1]).

Несомнѣнно, въ связи съ подобными воплями и въ соотвѣтствіи съ круто измѣнившимся направленіемъ государственной политики (въ сторону дворянскихъ интересовъ) находятся перемѣны въ административныхъ сферахъ, произведенныя въ 1861 г., именно—назначеніе Валуева министромъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто Ланского, и Путятина—министромъ народн. просвѣщенія вмѣсто Ковалевскаго. Эти перемѣны пріобрѣтаютъ особое значеніе и интересъ, такъ какъ произошли въ то время, когда русская жизнь вмѣсто прямого, свободнаго пути пошла такими тѣсными, извилистыми и тернистыми тропами, что вмѣсто движенія впередъ получилось мучительное скитаніе по дебрямъ.

Историкъ царствованія Александра II совершенно справедливо говоритъ, что „замѣна Ланского Валуевымъ получила опредѣленное политическое значеніе, какъ указаніе на желаніе государя въ дальнѣйшемъ направленіи крестьянскаго дѣла (не одного

---

[1]) Барсуковъ, т. 18, стр. 68-72.

Digitized by Google

крестьянскаго дѣла, а и всей русской жизни. *А. Е.*) принять въ соображеніе законные интересы дворянъ, а также изгладить то раздражающее впечатлѣніе, что произвело на большинство землевладѣльцевъ недовѣрчивое и даже отчасти пренебрежительное отношеніе къ помѣстному дворянству органовъ администраціи" [1]).

По своимъ личнымъ качествамъ Валуевъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ назначенной ему роли.

„...У него не было никакой устойчивости въ рѣшеніяхъ, отъ которыхъ онъ отступалъ нерѣдко не потому, что, дѣйствительно, перемѣнилъ свой взглядъ, а единственно вслѣдствіе того, что въ противномъ смыслѣ высказались въ петербургскихъ салонахъ люди болѣе или менѣе вліятельные. Затѣмъ, онъ былъ преисполненъ чаянія угодить всѣмъ высокопоставленнымъ лицамъ и не только членамъ императорской фамиліи, но и статсъ-дамамъ, фрейлинамъ и даже камердинеру государя, разсчитывая на то, что эти лица (особенно женскаго пола) будутъ всюду трубить о его внимательности и любезности... Двуличность, происходившая частью отъ чаянія не разойтись окончательно ни съ тою, ни съ другой партіею, была присуща всѣмъ почти дѣйствіямъ Валуева въ самыхъ крупныхъ дѣлахъ, такъ что наиболѣе подобающимъ девизомъ его герба были бы слова: „и нашимъ, и вашимъ" [2])...

Не мудрено, что Валуевъ въ концѣ концовъ не удовлетворилъ никого.

„Консерваторы его считали англоманствующимъ парламентаристомъ, либералы—человѣкомъ внѣшняго свободолюбія, друзья народа—остзейскимъ феодаломъ, славянофилы—не знающимъ народа и Россіи космополитомъ, а всѣ вмѣстѣ—типичнымъ петербургскимъ бюрократомъ, дѣлающимъ прежде всего карьеру" [3]).

Другой спицей въ административной колесницѣ явился вновь назначенный министръ народнаго просвѣщенія адмиралъ Путятинъ. Получивъ воспитаніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Путятинъ всю жизнь провелъ во флотѣ, между прочимъ, въ 1853 г. съ дипломатическими цѣлями плавалъ въ Японію [4]) и за успѣшное заключеніе торговаго договора съ Японіей (тогда это не трудно было) получилъ графское достоинство (а это еще легче). О томъ, какъ Путятинъ попалъ въ министры, Никитенко разсказываетъ слѣдующее: „...Митрополитъ Филаретъ рекомендовалъ его, какъ религіознаго человѣка.

...Разумѣется, къ этому присоединились и другіе... которые,

---

[1]) Татищевъ. „Императоръ Александръ II", т. 1, стр. 392.

[2]) Изъ воспоминаній Шумахера, приведенныхъ въ книгѣ Лемке „Эпоха ценз. реф." стр. 45—46.

[3]) Венгеровъ. „Критико-біогр. слов." Т. IV, отд. 2, стр. 54.

[4]) Это путешествіе описано Гончаровымъ въ его очеркѣ „Фрегатъ Паллада".

Digitized by Google

кромѣ угодничества двору, ничего не знаютъ и знать не хотятъ... Говорятъ, великій князь Константинъ Николаевичъ сильно противился этому назначенію. Онъ, какъ начальникъ флота, хорошо знаетъ Путятина. Но и это не помогло" [1]).

И вотъ Путятинъ попалъ прямо съ корабля... только не на балъ, а на министерское кресло, чтобъ свою опытность въ военно-морской дисциплинѣ [2]) примѣнить къ управленію—утлой и сбившейся съ желаемаго курса—ладьей просвѣщенія.

Естественно, что новый министръ оказался совершенно неспособнымъ... не только къ удовлетворительному разрѣшенію назрѣвшихъ вопросовъ просвѣщенія, но и къ исполненію готовыхъ предначертаній... Ограниченный и упрямый, онъ могъ говорить и дѣйствовать только въ предѣлахъ двухъ словъ: „искоренить строгостью".

По отзывамъ людей, непосредственно наблюдавшихъ дѣятельность Путятина, это—человѣкъ, совершенно не понимающій дѣла, каждый шагъ его—ошибка [3]).

Герценъ на вопросъ: „За что Путятинъ?"—отвѣчалъ: „Онъ *противъ* воскресныхъ школъ, открытыхъ заведеній, женскаго образованія, свѣтской науки" [4]).

По словамъ Россетъ, Путятинъ „всѣхъ безъ разбору заподозрилъ въ революціонерствѣ, всѣхъ оттолкнулъ отъ себя" [5]).

Правда, Путятинъ продержался недолго (только до 1862 г.) но и за это время, по выраженію Погодина, „успѣлъ напакостить много" [6])...

Такимъ-то людямъ, какъ Валуевъ и Путятинъ, предстояло отвѣчать на запросы проснувшагося русскаго самосознанія, они явились, такимъ образомъ, какъ бы отвѣтомъ правительства на освободительныя стремленія общества...

Валуеву предстояло „освобождать" общество и крестьянъ, вводить крестьянскую и земскую реформу,—и кто жъ не знаетъ, какъ онъ ихъ „провелъ"?

На Путятина возлагалось „освобожденіе" печати и просвѣще-

---

[1]) Никитенко. „Дневникъ", т. 2, стр. 52.

[2]) О „сердечности" и дисциплинарныхъ пріемахъ Путятина-адмирала достаточно хорошо говоритъ слѣдующій фактъ, переданный его почитателемъ и единомышленникомъ: однажды во время морского плаванія Путятинъ послалъ провинившагося въ чемъ-то матроса на самый верхъ мачты, и когда несчастный матросъ полетѣлъ оттуда въ море, адмиралъ ограничился только фразой: „Туда ему и дорога". „Рус. Стар." 1901 г. іюль. Воспомин. прот. Базарова.

[3]) Никитенко. „Дневникъ", т. 2, стр. 30, 31, 33, 52.

[4]) „Колоколъ", № 109. 1862 г., стр. 915.

[5]) Барсуковъ, т. 18, стр. 280.

[6]) Ibid., стр. 273.

Digitized by Google

нія, зажатыхъ при Николаѣ въ желѣзныя клещи и задыхавшихся въ казарменно-арестантской атмосферѣ...

Понятно, какія перспективы открылись передъ русскимъ обществомъ, какія—вполнѣ законныя—тревоги вызывала въ современникахъ судьба и прогрессъ родины.

Даже такой изъ современныхъ „патріотовъ", какъ Погодинъ, и тотъ, проживъ мѣсяцъ въ Питерѣ и приглядѣвшись къ „кормщикамъ", въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свое „мрачное" настроеніе:

„А и время же мудреное и трудное!—пишетъ онъ Шевыреву.—Грустно, что ладьею нашею или караблемъ большимъ управляютъ кормщики нарумяненные, набѣленные, насурмленные, гробы повапленные. Наглядѣлся я на нихъ... и все повторялъ стихи Мерзлякова:

Отечество мое, чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ,
Ты будешь силою и славой возрастать [1])?

Если подобнымъ образомъ оцѣнивали происходившія событія такіе люди, какъ Погодинъ, Шевыревъ и т. п., то что же должны были испытывать истинные друзья народа, видя, какъ гибнутъ ихъ лучшія надежды, преграждаются ихъ благородныя стремленія? Вслѣдъ за поэтомъ приходилось повторять:

Благодатное время надеждъ!
Да! Прошедшимъ и ты уже стало!
Къ удовольствію дикихъ невѣждъ,
Ты обѣтовъ своихъ не сдержало...

Стало очевиднымъ, что дѣло раскрѣпощенія русскаго общества, дѣло народнаго благоустройства и прогресса родины откладывается на долгое время.

Такимъ образомъ, предъ людьми демократическаго лагеря всталъ роковой вопросъ: что дѣлать? „Уступить поле битвы безъ борьбы реакціи или попробовать отстоять движеніе впередъ?"

Чернышевскій и группировавшаяся около него „молодая демократія", поставивъ діагнозъ современнаго положенія Россіи и взвѣсивъ условія борьбы, приняли второе рѣшеніе. Они были убѣждены, что активное вмѣшательство—наиболѣе послѣдовательныхъ и энергичныхъ элементовъ—въ затягивавшійся ходъ развитія страны прибавитъ нѣсколько лишнихъ шансовъ на побѣду. „Чернышевскому представлялось, что врядъ ли... современное общество перейдетъ къ новому и лучшему строю помимо вмѣшательства организованной общественной силы". Тѣмъ болѣе, такъ приходилось думать о Россіи, гдѣ „столько отживающихъ учрежденій, словно гальванизированные, но уже разлагающіеся трупы,

[1]) Барсуковъ, т. 18, стр. 63.

Digitized by Google

сжимали въ своихъ объятіяхъ живыя растущія силы и грозили заразить этимъ трупнымъ ядомъ всю великую страну.

„Бланкизмъ“ являлся необходимымъ пріемомъ борьбы съ отживающимъ дореформеннымъ міромъ и его чудовищной административной покрышкой, а интеллигенція—гражданская и военная (были офицера участниками движенія)—исходнымъ пунктомъ активнаго вмѣшательства въ ходъ событій“ [1]).

Сказанное вполнѣ примѣнимо и къ другимъ участникамъ тогдашняго движенія, каковы Михайловъ, Шелгуновъ и др., тѣмъ болѣе, что, напр., Михайловъ и Шелгуновъ, по собственному свидѣтельству послѣдняго, „гораздо болѣе вѣрили въ возможность благопріятнаго исхода событій для демократической партіи, чѣмъ Чернышевскій, хотя послѣдній и безъ колебанія шелъ къ цѣли, разъ поставленной имъ послѣ самаго холоднаго и проницательнаго анализа современныхъ ему условій“ [2]).

Принятое демократической партіей рѣшеніе, въ связи съ болѣе и болѣе усиливавшимся недовольствомъ въ обществѣ, и было одной изъ причинъ появленія множества прокламацій, призывавшихъ различные недовольные элементы (главнымъ образомъ среди интеллигенціи, учащейся и военной молодежи) къ объединенію и организованной борьбѣ.

О степени распространенности въ описываемое время прокламацій Шелгуновъ говоритъ: „Въ то „прокламаціонное время“ прокламаціи вообще распространялись съ большою смѣлостью и довольно открыто. Случалось встрѣчать знакомыхъ съ оттопыренными карманами, и на вопросъ: „Что это у васъ?“—получался совершенно спокойный отвѣтъ: „прокламаціи“, точно это какое-нибудь дозволенное или даже одобренное произведеніе печати. Или у васъ звонятъ. Вы отворяете дверь и видите знакомаго, который, не говоря ни слова и даже дѣлая видъ, что не узналъ васъ, суетъ вамъ въ руку пукъ прокламацій и торопливо уходитъ съ такимъ же инкогнито. Прокламаціи раскладывали въ театрѣ на кресла въ видѣ афишъ, приклеивали къ стѣнамъ въ концертныхъ залахъ, совали, какъ разсказываютъ, даже въ карманы.

---

[1]) „Чернышевскій и Россія 60-хъ гг.“ Кудрина. „Рус. Бог.“, 1905 г., № 3.

[2]) „...Чернышевскій видѣлъ слабость и неподготовленность демократическихъ элементовъ для того рѣшительнаго столкновенія со старымъ строемъ, въ результатѣ котораго великая страна могла бы стать на путь могучаго соціальнаго прогресса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ настолько человѣкъ идеи, что, перебравъ возможности такого столкновенія и признавъ, что другого исхода изъ исторической коллизіи не было, а нѣкоторые шансы на торжество существовали, онъ безповоротно остановилъ свой выборъ на активномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій. Это рѣшеніе было имъ принято, по свидѣтельству Шелгунова, не безъ долгаго колебанія, не безъ самаго тщательнаго взвѣшиванія аргументовъ *за* и *противъ*. Но разъ ставъ на эту точку зрѣнія, онъ уже не сходилъ съ нея“ (Ibid.).

Digitized by Google

Прокламаціи разбрасывались на улицѣ, разсылались по почтѣ, раздавались даже въ церквахъ" [1]).

Тотъ же очевидецъ и участникъ событій говоритъ, что „у прокламацій не было ни общаго центра, ни общаго руководительства,—это были скорѣе партизанскія дѣйствія неизвѣстныхъ отдѣльныхъ кружковъ, не имѣвшихъ никакой связи. По своему содержанію прокламаціи не отличались тоже ничѣмъ, что бы заставляло бояться за ихъ воздѣйствіе, но онѣ очень волновали общество, и волновали не содержаніемъ, а просто актомъ смѣлости... и рискомъ опасности... Я говорю собственно объ обществѣ. Тѣ, кто писалъ и печаталъ прокламаціи, вѣроятно, имѣлъ въ виду не это одно, а хотѣлъ и пропагандировать извѣстныя идеи или выяснить народу условія и обстоятельства предстоящаго ему освобожденія" [2]).

Распространяться начали прокламаціи осенью 1861 г.

Подъ 12-ое сентября 1861 г. въ дневникѣ Никитенки находится уже такая замѣтка: „Въ третій уже разъ, говорятъ, ходятъ по рукамъ какіе-то листы, приглашающіе народъ къ возстанію... Неужели это работаетъ Герценъ съ братіей? Листы, разумѣется, идутъ изъ-за границы. Все это, право же, очень неумно и очень дурно" [3]).

Первою по времени была прокламація *„Къ молодому поколѣнію"*, сыгравшая роковую роль въ судьбѣ Михайлова; затѣмъ шли: *„Великоруссъ"*, *„Къ офицерамъ"*, *„Къ народу"*, *„Къ солдатамъ"*, имѣвшія то или иное отношеніе къ трагической судьбѣ Шелгунова, Чернышевскаго, Обручева и многихъ другихъ.

Воззваніе „Къ молодому поколѣнію" обыкновенно приписываютъ М. И. Михайлову, ему всецѣло пришлось и отвѣчать за него, хотя точныхъ указаній на это не было и нѣтъ до настоящаго времени. Нѣкоторыя данныя, напротивъ, заставляютъ очень и очень сомнѣваться въ безусловной виновности Михайлова. Напр., прокуроръ тобольскаго суда Жемчужниковъ, привлеченный (вмѣстѣ со всей тобольской администраціей) къ дѣлу о послабленіяхъ, оказанныхъ Михайлову [4]), указывая на причины сочувствія къ Михайлову, показалъ между прочимъ: „...Изъ словъ Михайлова я узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобы отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора".

Не довѣрять этимъ словамъ Михайлова нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что дѣло его было въ это время совершенно

---

[1]) „Изъ прошлаго и настоящаго". „Рус. Мысль". 1886 г., № 3, стр. 218.
[2]) „Изъ прошлаго и настоящ.". Ibid., стр, 216—218.
[3]) „Дневникъ", т. 2, стр. 32.
[4]) Объ этомъ „дѣлѣ" ниже будетъ разсказано подробно.

Digitized by Google

кончено, и самъ онъ находился уже на полдорогѣ къ мѣсту вѣчнаго успокоенія.

Поэтому наиболѣе вѣроятнымъ представляется свидѣтельство Пантелѣева, который въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что текстъ „Къ молодому поколѣнію" написанъ Н. В. Шелгуновымъ; Михайловъ же отпечаталъ въ Лондонѣ (600 экз.) и провезъ въ Россію заклеенными въ дно чемодана [1]).

V.

Содержаніе прокламаціи *„Къ молодому поколѣнію"* слѣдующее [2]):

„Когда манифестъ о волѣ былъ уже готовъ и оставалось только объявить его, русское правительство прежде всего струсило: оно испугалось своего собственнаго дѣла—ну, а если вся Россія поднимется? Если народъ пойдетъ на Зимній дворецъ? И рѣшили объявить народу волю въ Великомъ посту, а балаганы на время масленицы отнесли подальше отъ дворца, на Царицынъ лугъ. О, знаніе сердца человѣческаго! Вѣдь правительство думало, что оно осчастливитъ свой народъ? Гдѣ же слыхано, чтобы человѣкъ счастливый пошелъ бить стекла и колотить встрѣчныхъ? Если же правительство боялось народа, значитъ оно имѣло причины его бояться. И точно, причина была. Во-первыхъ, правительство обмануло ожиданіе народа—дало ему волю не настоящую, не ту, о которой народъ мечталъ и какая ему нужна. Во-вторыхъ, оно украло у него радость,—объявивъ манифестъ въ Великомъ посту, а не 19-го февраля. Въ-третьихъ, организаціей комиссій, составлявшихъ „Положеніе", показали полнѣйшее презрѣніе ко всему народу и къ лучшей, т. е. къ образованнѣйшей, честнѣйшей и способнѣйшей части русскаго общества—къ народной партіи: все дѣло велось въ глубочайшемъ секретѣ, вопросъ рѣшался государемъ и помѣщиками, никто изъ народа не принималъ участія въ работѣ, журналистика не смѣла пикнуть—волю давали народу, какъ милость, какъ бросаютъ сердящемуся псу сухую кость, чтобы его успокоить на время и спасти свои икры. Все это не можетъ и не должно быть прощено правительству. Не народъ существуетъ для правительства, а правительство для народа. Слѣдовательно, очевидно, что правительство, которое не понимаетъ народа, не знаетъ его нуждъ и потребностей, которое, считая себя помѣщикомъ, дѣйствуетъ исключительно въ своекорыстныхъ цѣляхъ, которое, наконецъ, презираетъ народъ, имъ управляемый,—недостойно этого народа... Вотъ почему, если оно

---

[1]) „Изъ воспом. прошлаго", стр. 331.

[2]) Вначалѣ былъ приведенъ эпиграфъ изъ Рылѣева: „Я ль буду въ роковое время позорить гражданина самъ..." и т. д.

Digitized by Google

не оправдываетъ надеждъ народа,—долой его! Намъ не нужна власть, оскорбляющая насъ... мѣшающая умственному, гражданскому и экономическому развитію страны; намъ не нужна власть, имѣющая своимъ лозунгомъ развратъ и своекорыстіе... Мы хотимъ имѣть главой простого смертнаго человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій...

„Освобожденіе крестьянъ и послѣдующіе четыре года показали, что новое правительство, при своемъ настоящемъ составѣ и при тѣхъ правахъ, которыми оно пользуется, рѣшительно никуда не годится. Все та же сіятельная тупость и подлость окружаютъ царя; все тѣ же казнокрады, Адлерберги и Муравьевы стоятъ во главѣ правительства; Россіи правительство не знаетъ и знать не хочетъ; общественнаго мнѣнія для него не существуетъ, какъ... не существуетъ для помѣщика мнѣнія его крестьянъ. Правительство наше знаетъ только себя и дѣлаетъ только то, что ему выгодно. Укажите намъ людей, довольныхъ правительствомъ! Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, содраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ-за которыхъ страдаютъ 60 милліоновъ... Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено... Обижены всѣ... Мы не отвергаемъ важности факта, заявленнаго манифестомъ 19-го февраля; но мы видимъ важность его не въ томъ, въ чемъ видитъ его важность правительство. Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастью: къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или къ другому. Моментъ освобожденія великъ потому, что имъ посажено первое зерно всеобщаго неудовольствія правительствомъ. И мы пользуемся этимъ, чтобы напомнить Россіи ея настоящее положеніе. Мы хотимъ напомнить ей, что наступила пора сдѣлать съ нашимъ правительствомъ то, что сдѣлали крестьяне одного имѣнія Тамбовской губерніи со своими управляющими изъ нѣмцевъ.

„Когда манифестъ о волѣ былъ прочитанъ крестьянамъ, они запрягли лошадей, вѣжливо попросили своихъ управляющихъ садиться, довезли ихъ до границы имѣнія, и такъ же вѣжливо просили ихъ вылѣзть. „Мы вамъ очень благодарны за ваше управленіе,—сказали крестьяне нѣмцамъ,—но больше его не хотимъ; ступайте съ Богомъ, куда вамъ угодно, но ужъ къ намъ больше не возвращайтесь“.

„Правительство наше, вѣроятно, не догадывается, что, положивъ конецъ помѣщичьему праву, оно подкосило свою собственную власть. Императоръ былъ крѣпокъ только помѣщиками, и Екатерина II отлично понимала это, называя себя первой помѣщицей. Кончились помѣщики, кончилось и императорство—у него нѣтъ больше почвы, осталось имя безъ сущности, форма безъ

Digitized by Google

содержанія. Изъ всей русской исторіи мы знаемъ только одинъ случай, когда деспотизмъ явился на помощь народу: „хочу, чтобъ крестьяне были свободны“, сказалъ царь,—и сто тысячъ помѣщиковъ низкимъ поклономъ выразили полную готовность повиноваться волѣ монаршей. Но это была послѣдняя вспышка умирающаго деспотизма. Этимъ онъ кончилъ. Ему больше нѣтъ дѣла въ Россіи, ждать отъ него больше нечего... Россія разлагается. Если правительство не понимаетъ этого и не хочетъ добровольно сдѣлать уступку народу, тѣмъ хуже для него. Общее недовольство могло бы еще быть успокоено; но если правительство не пойдетъ на уступки, если вспыхнетъ общее возстаніе, недовольные будутъ послѣдовательны: они придутъ къ крайнимъ требованіямъ. Пусть подумаетъ объ этомъ правительство, время поправить бѣду еще не ушло; но пусть же оно не медлитъ.

„Но, съ другой стороны, и мы должны помнить, что имѣемъ дѣло съ правительствомъ ненадежнымъ, съ правительствомъ, которое временными уступками будетъ успокаивать насъ, изъ личныхъ, временныхъ выгодъ готово испортить все будущее всей страны—для десяти..... ничего не значитъ счастье 60 милліоновъ. Молодое поколѣніе! Не забывайте этого. Не забывайте того, что мы обращаемся къ вамъ по преимуществу, что только въ васъ мы видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію, вы—настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное правительствомъ... Вы должны объяснить народу, что у него есть доброжелатели, что есть люди, желающіе, чтобъ онъ владѣлъ землею, а не находился въ вѣчной зависимости отъ землевладѣльцевъ; есть люди, желающіе убавить ему подати и всякіе платежи, водворить правду въ судѣ, избавить народъ отъ лишнихъ нянекъ и опекуновъ. Не забудьте и солдатъ. Объясните имъ, что и у нихъ есть доброжелатели, которые хотѣли бы убавить солдатамъ срокъ службы, дать имъ больше жалованья, избавить ихъ отъ палокъ“.

Далѣе, послѣ упоминанія о безплодности исключительно экономическихъ теорій и требованій (не идеи идутъ за выгодами, а выгоды за идеями; только стремясь къ свободѣ, къ возстановленію своихъ правъ, можно завоевать благоденствіе и благосостояніе), подробно развивалась мысль, что вообще западно-европейскія экономическія теоріи не приложимы къ Россіи. Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ; наши экономическія и земельныя условія совершенно отличны отъ европейскихъ.

У насъ каждый крестьянинъ и каждый гражданинъ можетъ быть земельнымъ собственникомъ; „у насъ земли столько, что

достанетъ ея намъ на десятки тысячъ лѣтъ"... У насъ особыя формы землевладѣнія. Поэтому мы имѣемъ полнѣйшую возможность избѣгнуть жалкой участи Европы,—ея пролетаріата, ея аристократизма, ея государственнаго начала, если не надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ.

Заявивъ затѣмъ, что для осуществленія правъ народа на землю нечего жалѣть помѣщиковъ, воззваніе продолжало:

„...До сихъ поръ дворянство стояло враждебно къ народу, оно было именно тѣмъ осадкомъ общества, куда уходило все... лакействующее, все ничего не дѣлающее, все притѣсняющее народъ, все своекорыстное, все вредное для Россіи...

„Лучшее, что выходило изъ дворянства, тотчасъ же отдѣлялось отъ него и становилось на сторону угнетеннаго народа. При разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крестьянъ дворянство... показало еще разъ, что можетъ ожидать отъ него Россія. Мы увидѣли еще разъ и убѣдились окончательно, что это партія плантаторовъ, что это помѣха Россіи на пути ея развитія...

„Ни одинъ человѣкъ, способный различить только сѣрое отъ чернаго, не примкнетъ къ правительственной партіи, не пойдетъ въ привилегированное сословіе, не воспользуется своимъ дворянскимъ происхожденіемъ для притѣсненія народа, для своихъ узкихъ корыстныхъ цѣлей... Современный честный русскій—другъ народа.

„Все же враждебное народу, все эксплоатирующее его есть правительство; а все поддерживающее правительство и стремящееся къ привилегіямъ, къ исключительному положенію,—есть дворянство и партія дворянская"...

Далѣе развивалась мысль, что вся эта аристократія рожденія,—одна пользующаяся всѣми выгодами, роботающая чужими руками не имѣетъ ни данныхъ, ни правъ на подобныя преимущества; ея „обязанности" и дѣятельность (безполезная и даже вредная) не требуетъ ни таланта, ни знаній. И, напр., исчезновеніе въ любой моментъ всей служебной аристократіи, тунеядствующихъ вельможъ, лакированныхъ флигель-адъютантовъ, фрейлинъ, штатсъ-дамъ и т. п. не произведетъ никакого измѣненія и вреда, такъ какъ черезъ часъ можно „надѣлать" сколько угодно новыхъ; такое исчезновеніе будетъ даже полезно, ибо избавитъ народъ отъ необходимости кормить тунеядцевъ. Тогда какъ, напротивъ, исчезновеніе аристократіи мысли—литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ и т. п. отразится страшнымъ бѣдствіемъ, такъ какъ въ ихъ произведеніяхъ высказывается геній и всѣ способности народа; они составляютъ гордость и нравственную силу націи.

„И странное дѣло,—говорилось дальше въ воззваніи,—дворянская партія, представители выгоднаго для нихъ консерватизма

думаютъ, что народъ нельзя предоставить самому себѣ, что ему нужно дать нянекъ... такъ какъ народъ не созрѣлъ. Но что значитъ зрѣлость? Неужели нужна какая-то зрѣлость, чтобы понимать удовольствіе ходить въ просторныхъ сапогахъ вмѣсто узкихъ, чтобы отличить справедливость отъ безсудія; чтобы чувствовать потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, ѣсть, пить, мыслить и, слѣдовательно, свободно выражать свои желанія и мысли? Или вы думаете, что все это не есть органическая потребность человѣка? Или вы думаете, что нашъ крестьянинъ безчувственъ ко всему этому? Что его нужно пріучать постепенно къ справедливости и правдѣ? Что въ дѣлѣ народнаго грабежа и разоренія нужно сходить на нѣтъ постепенно? Что, если съ крестьянина брали въ годъ по лишнему волу, то не слѣдуетъ прекращать грабежъ вдругъ, а убавлять ежегодно порцію—сначала корову, потомъ теленка, барана, овцу, курицу, цыпленка, куриное яйцо—и даже въ этомъ дѣлѣ вести крестьянина путемъ переходнаго состоянія, какъ это сдѣлали съ волей. Да вѣдь это безсмыслица!

„Что же вы хотите?"—могутъ, наконецъ, спросить насъ.

„...Кому нравится, пусть остается въ ярмѣ, но кто проснулся и дозрѣлъ до пониманія человѣческаго достоинства, въ комъ есть хоть искра гражданскаго мужества, гражданской доблести, пусть сброситъ съ себя цѣпи, пусть пристаетъ къ людямъ, ищущимъ свободы, пусть пристаютъ одинъ къ другому и, наконецъ, потребуютъ перемѣны существующихъ порядковъ. Къ этимъ-то людямъ свободы мы и обращаемся—они поймутъ, чего мы хотимъ! Мы хотимъ, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть изъ самихъ насъ—выборная и ограниченная. Мы хотимъ свободы слова, т. е. уничтоженія всякой цензуры. Мы хотимъ развитія существующаго уже частью въ нашемъ народѣ начала самоуправленія... Мы хотимъ, чтобы всѣ граждане Россіи пользовались одинаковыми правами; чтобы привилегированныхъ сословій не существовало; чтобы право на высшую дѣятельность давали способности и образованіе, а не рожденіе; чтобы назначенія въ общественныя должности шли изъ выборнаго начала... Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, въ податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы денежные сборы съ страны не шли неизвѣстно куда; чтобъ ихъ не крали; чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ. Мы хотимъ открытаго и словеснаго суда, уничтоженія полиціи—явной и тайной,—уничтоженія тѣлеснаго наказанія.

„Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было про-

Digitized by Google

давать, какъ продаютъ картофель и капусту... Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею съ передѣлами чрезъ большіе сроки, отдачи свободныхъ земель дворовымъ, немедленнаго выкупа всей личной земельной собственности.

„Это путь мирный, и мы хотѣли бы, разумѣется, чтобы дѣло не доходило до насильственнаго переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся отъ него, но мы зовемъ охотно революцію на помощь къ народу... Но вѣдь это насиліе, скажутъ сторонники настоящаго порядка. А какъ назовете обращеніе 20 милліоновъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ? или послѣднюю муравьевскую кражу? Развѣ это не было хуже, чѣмъ грабежъ народа? Мы не предлагаемъ такого грабежа,—мы только хотимъ возвратить вполнѣ права тѣмъ, отъ кого они были отняты. Мы хотимъ полнаго уничтоженія слѣдовъ крѣпостного права, уничтоженія развитаго имъ неравенства въ землевладѣніи; мы хотимъ полнаго обновленія страны“...

Воззваніе заканчивалось требованіемъ реорганизаціи арміи на новыхъ началахъ; чтобъ она была народнымъ ополченіемъ, народной стражей и служила не на угнетеніе слабаго, а на его защиту противъ обидъ сильныхъ и власти, эксплоатирующей его трудъ и время; сокращенія срока службы и положенія солдата; сокращенія расходовъ; амнистіи за политическія преступленія и, наконецъ, совершеннаго измѣненія основныхъ законовъ...

„Обращаемся еще разъ ко всѣмъ, кому дорого счастье Россіи,—говорилось въ заключеніе,—обращаемся еще разъ къ молодому поколѣнію. Довольно дрожать, довольно заниматься пустыми разговорами, довольно бранить правительство втихомолку... Довольно корчить либераловъ,—наступила пора дѣйствовать. И кто выдумалъ, что правительство сумѣетъ сдѣлать что-нибудь нужное само по себѣ, что оно способно и желаетъ сдѣлать что-нибудь полезное для Россіи? Откуда ваши надежды? Или вамъ мало историческаго прошлаго Россіи? Не питайте въ себѣ пустой надежды, не переносите своихъ благородныхъ стремленій на ватагу негодяевъ... Или вы не видите, что власть и скудоумна, и смѣется надъ вами? Вы зовете Муравьева казнокрадомъ..., а онъ въ то же время прибираетъ себѣ 22 тысячи десятинъ лучшей земли. Нѣтъ, съ такими господами нечего церемониться,—пора съ ними кончить, пора приступить къ дѣлу теперь же, не теряя ни минуты...

„Сташите съ пьедестала въ мнѣніи народа всѣхъ этихъ сильныхъ земли, недостойныхъ править нами, объясните народу всю незаконность и развратъ власти, пріучите солдатъ и народъ понять ту простую вещь, что изъ разбитаго генеральскаго носа течетъ такая же кровь, какъ и изъ носа мужицкаго... Готовьтесь къ той роли, какую вамъ придется играть; зрѣйте съ этой мыслью, составляйте кружки единомыслящихъ людей, увеличивайте число прозелитовъ, число кружковъ, ищите вожаковъ, способныхъ и

Digitized by Google

готовыхъ на все; и поведутъ ихъ и васъ на великое дѣло, а если нужно, и на славную смерть за спасеніе отчизны, тѣни мучениковъ 14-го декабря! Вѣдь въ комнатѣ или на войнѣ,—право, умирать не легче"! [1]).

Это воззваніе, хотя и не произвело, конечно, того эффекта, на который было разсчитано, но учинило все-таки нѣкоторый переполохъ, какъ первая ракета, разорвавшаяся въ самодовольно благодушествовавшей или мирно почивавшей компаніи.

Напр., Никитенко въ слѣдующихъ словахъ передаетъ свое впечатлѣніе:

„Прочиталъ я, наконецъ, знаменитое воззваніе „Къ молодому поколѣнію". Лживость, нелѣпость и наглость его могли бы изумить всякаго мыслящаго человѣка, если бы что-либо могло изумлять въ настоящее время... Поразительное невѣжество относительно всего, что касается Россіи, ея народнаго духа, ея нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ средствъ, видно въ каждой фразѣ. Они требуютъ отъ молодежи, чтобы она для осуществленія утопій, выходящихъ изъ лондонскихъ типографій, лила кровь, какъ воду. А угодно это Россіи или нѣтъ—они о такой бездѣлицѣ не заботятся... И неужели въ самомъ дѣлѣ это проповѣдуетъ Герценъ?.. Нечего сказать, дешевый патріотизмъ! Нѣтъ! Это неблагодарная трусливая жадность къ популярности и игранію роли на свѣтѣ, къ поклоненію людей легковѣрныхъ и недальнихъ, лишь бы ихъ было побольше; это тщеславное и преступное желаніе на чужой счетъ прослыть вторымъ Мадзини и пр. Бѣдная Россія! Какъ жестоко тебя оскорбляютъ, когда относятся къ тебѣ съ такими пошлыми и жалками воззваніями, надѣясь, что ты ихъ выслушаешь благосклонно" [2])...

Вслѣдъ за прокламаціей „Къ молодому поколѣнію" появился „*Великоруссъ*".

Въ первомъ номерѣ „*Великорусса*" говорилось: „Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно; оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобы спасти народъ отъ истязаній; если общество не

---

[1]) „Историческій Сборникъ", изд. подъ ред. Базилевскаго. Второе приложеніе, стр. 2—15.

[2]) „Дневникъ", II томъ, стр. 32—33.

Digitized by Google

сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

„Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ,—быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ она гораздо сильнѣе правительства, тупого и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

„Програму дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи: должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ, и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, и способно ли нынѣшнее правительство отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо?

„Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія, а, опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать“ [1]).

Послѣ появленія „Великорусса“ (№ 1) въ „Колоколъ“ писали изъ Россіи: „Какими бы чувствами ни внушена мысль „Великорусса“, мы привѣтствуемъ ее горячимъ сочувствіемъ. Дѣло ли это юношескаго пыла... увлекающаго на бой, несоразмѣрный по силамъ, или же сознательно-непримѣримой ненависти къ порядку, растлѣвающему Россію,—во всякомъ случаѣ оно должно радовать каждаго, сохранившаго хотя одну живую струну, не порванную подавленнымъ существованіемъ. Вольное печатное слово, сказанное въ Петербургѣ, въ главномъ центрѣ тайныхъ и явныхъ полицій, подъ носомъ у Долгорокова, Шувалова, Игнатьева...—это лучшій признакъ, что рабство начинаетъ насъ тяготить... Это первый шагъ къ обузданію самовластія, первый шагъ къ нашей волѣ...

„Современный порядокъ, не имѣя въ самомъ себѣ прочныхъ условій существованія, силенъ отрицательно,—апатіей, инерціей управляемыхъ имъ, и при такихъ обстоятельствахъ можетъ продержаться долго. Элементы, враждебные этому порядку, накопляются съ каждымъ днемъ, но они ему не опасны, пока у нихъ

---

[1]) „Колоколъ“, 1861 г., № 107, стр. 900.

Digitized by Google

нѣтъ ни связи, ни единства, ни довѣрія къ себѣ. Соединить ихъ и возбудить къ совокупному дѣйствію—вотъ предстоящее намъ дѣло, безъ котораго невозможны ни благосостояніе, ни свобода, ни правда. Время надеждъ и ожиданій прошло. Послѣ уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Теперь наступило время борьбы. „Великоруссъ" сознаетъ неизбѣжность борьбы, онъ хочетъ подвинуть на нее общество. Но если онъ серьезно взялся за дѣло и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать иначе. Надо обращаться не къ „обществу", а къ народу... и прямо отправляться отъ положительнаго начала, что жить далѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно... Шевелить одержимое спячкой общество, конечно, не вредно, но вѣдь этимъ дѣло не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь некогда. „Общество" никогда не пойдетъ противъ правительства и не дастъ добровольно народу, что ему нужно. Общество—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, стремленія и интересы съ правительствомъ. Большинство его пропитано доктринерствомъ, лакейскимъ раболѣпіемъ или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя... Меньшинство по чувствамъ принадлежитъ народу, но на дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастье. А народу недостаетъ духа начинанія, иниціативы... Надо, чтобы это меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему глаза... и внушило правую ненависть. Лжеосвобожденіе поможетъ такому единенію"...

Далѣе развилась мысль, что это единеніе должно вылиться въ форму союзовъ, обществъ, группъ и братствъ. „Прежнія неудачи (1825 и 48 гг.) не должны обезкураживать; онѣ произошли оттого, что совершались безъ содѣйствія народа, на основаніи отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ"...

Затѣмъ идутъ различныя техническіи указанія объ образованіи союзовъ, доказывается ихъ сила и значеніе: съ образованіемъ прочнаго ядра разрозненныя крупицы обратятся въ глыбу. „Эту работу,—прибавлялось по этому поводу,—правительству не остановить. Что оно можетъ сдѣлать? Удесятерить строгости, усилить цензурныя бѣснованія, прижать университеты, водворить терроръ, осадное положеніе? Но вѣдь это не разрушитъ союзовъ, а, напротивъ, способствуетъ усиленію ихъ, ожесточая всѣхъ... Опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что всякое преслѣдованіе усиливаетъ преслѣдуемую партію. Пострадавшіе станутъ мучениками, святыми, ихъ страданія сдѣлаютъ во сто разъ болѣе ихъ личныхъ дѣйствій."

Въ заключеніе дается совѣтъ: „Надо писать, писать много и понятно народу, заводить типографіи, пропагандировать среди крестьянъ и солдатъ, сближать солдатъ съ народомъ и т. д.

Digitized by Google

„Остается послѣдній вопросъ: къ чему стремиться союзу—къ конституціи или къ чему иному?..

„...Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ *теперь*. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ свободу собраній и свободу печати. Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей“ [1]).

Эта статья, помимо того, что даетъ возможность судить о настроеніяхъ и мнѣніяхъ извѣстной части общества въ Россіи, заслуживаетъ особаго вниманія и потому еще, что принадлежитъ Мих. Ил. Михайлову, и такимъ образомъ даетъ намъ возможность судить о его дѣйствительныхъ взглядахъ о характерѣ и способахъ общественно-политическаго развитія Россіи.

Во *второмъ номерѣ „Великорусса“* говорилось между прочимъ: „Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщенныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостного дѣла, освобожденіе Польши и конституція.

„...Крестьянскій вопросъ необходимо рѣшить въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей за выкупъ.

„...Приверженцы законности должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства... Интересъ русской свободы требуетъ освобожденія Польши. Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый разсчетъ требуютъ того же. Наша власть надъ Польшей основана только на томъ, что мы нарушили всѣ условія, подъ которыми Царство Польское было соединено съ Россіей на вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управленія и свою отдѣльную, чисто-національную армію. Мы измѣнили этому своему слову,—мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками.

„Чтобы сохранить господство надъ Польшей, мы должны имѣть лишнихъ двѣсти тысячъ войска, тратить ежегодно по сорока милліоновъ нашихъ собственныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, ко-

---

[1]) „Колоколъ“, 1861 г., № 107, стр. 895—896.

Digitized by Google

торыя беремъ съ Польши. Сотни тысячъ семействъ остаются у насъ безъ средствъ къ жизни, потому что работники ихъ отведены на западъ—удерживать Польшу въ рабствѣ, столь разорительномъ для насъ....

„Итакъ, вопросъ въ Польшѣ для насъ состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы Польша путемъ поголовнаго возстанія отдѣлилась отъ насъ, или сдѣлаемъ это добровольно. Въ первомъ случаѣ освободившаяся нація останется враждебной намъ, во второмъ случаѣ мы сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ“.

Указавъ затѣмъ, что подобная же свобода располагать своей судьбой должна быть предоставлена и Южной Руси, ибо пока останется надобность подавлять ту или иную національность оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ,—воззваніе продолжало:

„Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того ли, чтобъ государь даровалъ конституцію, или чтобъ онъ предоставилъ націи составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа, тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, еслибъ и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ, потому подъ именемъ конституціи издало бы оно только актъ, сохраняющій при новыхъ словахъ прежнее самовластіе. Итакъ, требовать надо не октоированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей нужны: свобода печати, право популярнымъ людямъ составить изъ себя распорядительный комитетъ съ подчиненіемъ ему всѣхъ губернскихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики“ [1]).

Не правда ли, что большинство требованій, выставленныхъ такъ сжато и ясно въ приведенной „прокламаціи“, настолько „современны“, какъ будто взяты изъ какой-нибудь вчерашней конституціонно-демократической резолюціи. А между тѣмъ эти требованія имѣютъ за собою уже 50-ти лѣтнюю давность... Такъ долго мы скитались въ пустыни, чтобъ возвратиться къ тому мѣсту, изъ котораго вышли...

Но тогдашніе слѣпые вожди приходили (и другихъ приводили) въ дикій ужасъ отъ призыва на свѣтлый и просторный путь. Напр., Филаретъ гласомъ великимъ возопи: „...Въ читанныхъ мною воззваніяхъ опасность такъ ярко видна, что болятъ глаза...

---

[1]) „Колоколъ“, № 109, стр. 913 —914 (1862, г.).

Digitized by Google

Рука не поднимается, чтобъ переписать многое изъ того, что я прочиталъ (въ „Великоруссѣ“)... Можно ли не видѣть, что хотятъ разрушить Россію“ [1]).

Не отставали отъ главнаго пастыря и подпаски. Напр., Никитенко хорохорится, малость притомъ присочиняя (это съ нимъ частенько бывало): „...Хорошъ также „Великоруссъ“ (2-й номеръ), толкующій о народныхъ партіяхъ у насъ, будто бы проникнутыхъ извѣстными политическими тенденціями и тоже готовыхъ на ножи за принципъ раздробленія Россіи“... [2]).

Въ третьемъ номерѣ „Великорусса“ предлагалось „на первый разъ испытать мирныя средства“, именно — подать государю *адресъ*, выясняющій необходимость конституціи. „Если же образованные классы не составятъ такой мирной оппозиціи, мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ“, причемъ выражалась увѣренность, что „народъ неудержимо поднимется весной 1863 г.“.

Прилагался и самый проектъ адреса слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій государь! Положеніе нашей родины тяжко и опасно. Дѣло объ уничтоженіи крѣпостного права рѣшено въ смыслѣ, противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19-го февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана... Наши государственные расходы не соразмѣрны съ доходами. Отъ разстройства финансовъ бѣдствуютъ промышленность и торговля. Бумажныя деньги наши падаютъ въ цѣнѣ. Государственный кредитъ колеблется. Россіи грозитъ банкротство“.

Указавъ на характеръ нашего владычества въ Польшѣ, какъ на одну изъ причинъ разоренія, адресъ продолжалъ:

„Вамъ извѣстно, государь, какія злоупотребленія существуютъ въ нашей юстиціи и администраціи. У насъ въ Россіи нѣтъ убѣжденій, что правое дѣло должно выиграть. У насъ нѣтъ безопасности ни лицу, ни имуществу. Каждый, имѣющій должность, деньги или связи, можетъ безнаказанно нарушать законъ. Самые законы наши нуждаются въ значительныхъ измѣненіяхъ. Сословныя привилегіи дѣлятъ націю на классы... Устройство судебной части не даетъ обезпеченія правильному ходу процесса. Чрезмѣрная власть полиціи уничтожаетъ силу судебныхъ учрежденій и стѣсняетъ всякую дѣятельность. Тѣлесное наказаніе унижаетъ народный духъ.

„Милліоны нашихъ соплеменниковъ подвергаются безчисленнымъ стѣсненіямъ за то только, что хотятъ молиться по старопечатнымъ книгамъ.

„Наши бѣдствія велики, государь. Потребность коренныхъ улучшеній безотлагательна. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобъ

[1]) „Собр. мнѣній и отзывовъ Филарета“, т. 5, ч. I, стр. 137.
[2]) „Дневникъ“, т. 2-й, стр. 33.

Digitized by Google

одной вашей воли было достаточно для устраненія золъ,—это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ,—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ. Согласившись на введеніе конститутіоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготѣющаго надъ вами владычества лжи, замѣнивъ нынѣшнее ваше подчиненіе—чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ безъ политической свободы.

„Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать... представителей русской націи, чтобъ они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи, чтобъ они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

„Объ этомъ просятъ васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи“ [1]).

Ознакомившись съ 3 номеромъ „Великорусса“, Никитенко писалъ: „Новый номеръ „Великорусса“, который получили, кажется, редакціи всѣхъ или главныхъ журналовъ. Опять какой-то таинственный комитетъ обращается съ воззваніемъ къ патріотамъ, и на этотъ разъ преимущественно къ патріотамъ умѣренно-либеральной партіи. Дѣло идетъ о конституціи. Комитетъ, какъ бы въ видѣ уступки умѣренно-либеральной партіи, рѣшается пока не думать о насильственномъ принужденіи правительства дать конституцію, или о низверженіи династіи, а предлагаетъ обратиться къ государю съ адресомъ и прилагаетъ проектъ самаго адреса.

„И воззваніе, и проектъ адреса написаны въ умѣренномъ духѣ, безъ кровавыхъ выходокъ и разныхъ революціонныхъ задирательствъ, и потому они могутъ имѣть значительное вліяніе на публику, если успѣютъ распространиться, а, кажется, успѣютъ, потому что вотъ же подъ самымъ носомъ тайной полиціи они преспокойно разгуливаютъ по всему городу въ блѣдно-отпечатанныхъ, но, все-таки отпечатанныхъ экземплярахъ“.

Высказавъ пожеланіе, чтобы благоразумная, умѣренно-либеральная часть общества одержала верхъ надъ партіей „сломя голову“, Никитенко заканчивалъ:

„Боюсь, чтобы правительство не отнеслось слишкомъ легко ко всему этому движенію, не подумало, что съ нимъ можно

---

[1]) „Колоколъ“, № 115.

Digitized by Google

справиться обыкновенными полицейскими мѣрами. Вразуми его, Боже! А времена опасныя!!“ [1]).

VI.

Арестъ и судьба Михайлова.

Первый обыскъ былъ произведенъ у Михайлова вскорѣ же по возвращеніи его изъ-за границы, 1-го сентября 1861 г., причемъ были взяты портретъ Герцена съ автографомъ и нѣсколько брошюръ заграничнаго изданія, не имѣвшихъ серьезнаго значенія. Когда вслѣдъ за удаленіемъ неожиданныхъ гостей Михайловъ поѣхалъ въ III отдѣленіе, чтобъ узнать о причинѣ обыска, тамъ сказали, что на него есть сильное подозрѣніе по дѣлу московскихъ студентовъ, у которыхъ была открыта тайная типографія. Въ дѣйствительности же обыскъ у Михайлова стоялъ въ связи съ арестомъ Костомарова и съ появленіемъ въ Петербургѣ (за нѣсколько дней предъ этимъ) воззванія „Къ молодому поколѣнію“, экземпляры котораго именно и искали у Михайлова. Михайлову еще „не приходило и въ голову“, что главнымъ виновникомъ постигшей его непріятности былъ Вс. Костомаровъ. Поэтому его „мало тревожили“ слухи о возможности ареста; но все-таки онъ принялъ кое-какія предосторожности на случай новаго обыска.

14-го сентября у Михайлова былъ произведенъ новый обыскъ— самый тщательный и весьма продолжительный. Въ немъ участвовало два жандармскихъ полковника, приставъ, десять человѣкъ жандармскихъ и полицейскихъ солдатъ, „баба Аграфена“ и четыре сыщика съ двумя понятыми. Обыскъ продолжался съ 5-ти часовъ утра до часу дня, но опредѣленныхъ результатовъ и положительныхъ уликъ не далъ.

Михайловъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что „ничего особеннаго“ у него не было найдено. Шелгуновъ, несомнѣнно освѣдомленный въ этомъ дѣлѣ, утверждаетъ, что „ничего компрометтирующаго у Михайлова найдено не было“ [2]).

Поэтому страннымъ является утвержденіе г-жи Тучковой-Огаревой, что „при обыскѣ у Михайлова былъ найденъ листокъ „Великорусса“ и улики, доказывавшія, что Михайловъ самъ печаталъ эти листки“ [3]). Неопредѣленность результатовъ обыска (если не полная безрезультатность) подтверждается и слѣдующимъ разсказомъ Шелгунова:

„По окончаніи обыска лица, его производившія, были какъ бы въ нерѣшительности, какъ имъ поступить. Была написана записка, послана куда-то съ жандармомъ; прошло болѣе полу-

---

[1]) „Дневникъ“, т. 2, стр. 48—49.

[2]) Михайловъ жилъ вмѣстѣ съ Шелгуновыми, у которыхъ на этотъ разъ тоже былъ произведенъ „попутно“ обыскъ.

[3]) „Воспоминанія Тучковой-Огаревой“, стр. 214.

Digitized by Google

часа томительнаго для всѣхъ ожиданія, но, наконецъ, жандармъ вернулся съ отвѣтомъ. Михайлова просили одѣться и увезли" [1].

Михайловъ въ своихъ запискахъ, вѣроятно, не зная этой подробности, просто говоритъ, что послѣ обыска полковникъ Житковъ объявилъ ему, что „принужденъ пригласить его съ собой". „Я былъ сильно встревоженъ,—писалъ впослѣдствіи Михайловъ,—когда мнѣ пришлось прощаться со всѣми... У меня точно было предчувствіе, что дѣло разыграется именно такъ глупо, какъ разыгралось".

Первоначально Михайловъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ казематовъ при III отдѣленіи у Цѣпного моста. Изъ оконъ этой первой его тюрьмы видны были только крыши да трубы сосѣднихъ домовъ... Въ первый же день ареста, вечеромъ, Михайловъ былъ приглашенъ для допроса. Когда Михайловъ спросилъ, въ чемъ же именно его подозрѣваютъ, чиновникъ (Горянскій) отвѣчалъ: „На васъ падаетъ сильное подозрѣніе, во-первыхъ, въ сочиненіи прокламаціи „Къ крѣпостнымъ людямъ", во-вторыхъ, въ провозѣ изъ-за границы другого печатнаго произведенія „Къ молодому поколѣнію" и въ распространеніи его"... На вопросъ Михайлова, на чемъ основывается подобное подозрѣніе,—отвѣтили предъявленіемъ письма Вс. Костомарова къ Ростовцеву. Въ этомъ письмѣ говорилось, что „на него (Вс. Костомарова) сдѣланъ доносъ его собственнымъ братомъ и при этомъ украдены рукописи, изъ коихъ одна писана рукою М. Михайлова и можетъ его сильно компрометтировать".

Чтобъ не впутывать въ дѣло другихъ, Михайловъ призналъ, что онъ дѣйствительно привезъ изъ-за границы десять экземпляровъ воззванія „Къ молодому поколѣнію", но не распространялъ ихъ, а, опасаясь отвѣтственности, уничтожалъ всѣ, кромѣ одного экземпляра, который и видѣлъ у него Вс. Костомаровъ.

Когда то же самое показаніе Михайловъ повторилъ и гр. Шувалову, послѣдній возразилъ: „Вы привезли съ собой не десять экземпляровъ, какъ говорите, это что? Пустяки! Изъ-за этого васъ бы нечего и преслѣдовать... Вы привезли воззваніе въ большомъ количествѣ и распространяли со своими пріятелями. У меня есть очень вѣрныя данныя. Одному Костомарову вы предлагали для Москвы 100 экземпляровъ. Вѣдь предлагали?"

Когда Михайловъ отвѣтилъ отрицательно, былъ приглашенъ на очную ставку Костомаровъ. Михайловъ и въ его присутствіи повторилъ, что не могъ предложить ему сто экземпляровъ, потому что у него самого ихъ было всего десять, да и ихъ Костомаровъ не видалъ у него, а видѣлъ всего одинъ экземпляръ, что подтвердилъ и самъ Костомаровъ въ присутствіи Шувалова. Эти

[1]) „Изъ прошлаго и настоящаго". „Рус. М.", 1886 г., № 3, стр. 219.

Digitized by Google

свои показанія Михайловъ повторилъ и письменно [1]). Таковы были результаты первоначальнаго слѣдствія. Для Михайлова не подлежало теперь сомнѣнію, что онъ сдѣлался жертвой доноса со стороны Вс. Костомарова.

Вскорѣ такими же жертвами костомаровскаго доноса сдѣлались Шелгуновъ и Чернышевскій [2]).

Всеволодъ Костомаровъ (племянникъ историка Костомарова) пріѣхалъ въ Петербургъ (изъ Москвы) осенью 1860 года съ рекомендательнымъ письмомъ къ Михайлову отъ одного общаго знакомаго. Послѣдній рекомендовалъ Костомарова, какъ поэта и переводчика Гейне, и просилъ Михайлова оказать ему содѣйствіе и помочь, въ чемъ можно. Рекомендація была чисто литературная. Но у Костомарова была и своя рекомендація—совсѣмъ иного свойства. По словамъ Шелгунова, онъ привезъ отпечатаннымъ „совсѣмъ нецензурное стихотвореніе, внизу котораго стояло пропечатанное всѣми буквами: „Костомаровъ". „Это было тогда настолько ново и настолько смѣло, что не могло не казаться чѣмъ-то выдающимся, особенно когда Костомаровъ объявилъ, что и печаталъ онъ самъ, что у него дома въ Москвѣ есть шрифтъ и все, что нужно для печатанія". Костомаровъ былъ принятъ, какъ свой, а, принимая въ разсчетъ его незавидное матеріальное положеніе, ему оказывали всяческую помощь и поддержку. „Во всякомъ случаѣ, ему *вѣрили*, его жалѣли, ему старались помочь и помогали въ дѣйствительности. Тогда, конечно, никто не думалъ,—замѣчаетъ Шелгуновъ,—что знакомство это будетъ такимъ роковымъ!!"

Лѣтомъ 1761 года Михайловъ съ Шелгуновымъ были заграницей, были и у Герцена въ Лондонѣ. Въ эту именно поѣздку была привезена отпечатанная заграницей прокламація „Къ молодому поколѣнію". Михайловъ вернулся изъ-заграницы мѣсяцемъ раньше Шелгунова и привезъ въ своемъ чемоданѣ съ двойнымъ дномъ нѣсколько пачекъ названной прокламаціи. Шелгуновъ, пріѣхавъ въ сентябрѣ, узналъ отъ Михайлова, что онъ за это время нѣсколько разъ видѣлся съ Костомаровымъ. „*Въ эти свиданія*,—пишетъ Шелгуновъ,—*Михайловъ не находилъ нужнымъ ничего скрывать отъ Костомарова* и даже далъ ему одинъ экземпляръ привезенной изъ Лондона прокламаціи".

Вдругъ неожиданно, въ сентябрѣ же мѣсяцѣ, Костомаровъ былъ арестованъ. За что и при какихъ обстоятельствахъ, объ этомъ никто ничего не зналъ. Да и самый арестъ Костомарова, по свидѣтельству Шелгунова, прошелъ незамѣтно, потому что никто Костомарова не зналъ.

---

[1]) „Отрывки изъ записокъ Михайлова". Второе приложеніе къ историч. сборн. Вазилевскаго, стр. 16—17.

[2]) Извѣстно, что послѣ доноса на Чернышевскаго, Костомаровъ сфабриковалъ подложное письмо (якобы Чернышевскаго къ Плещееву), давалъ ложныя показанія, подыскивалъ лжесвидѣтелей и т. д.

Digitized by Google

Но Михайлова этотъ арестъ кольнулъ въ сердце и заставилъ тревожиться. Онъ какъ бы увидѣлъ уже надъ собою тучу, и предчувствіе его не обмануло!! [1]). Пріятель-предатель погубилъ его...

Въ запискахъ Михайлова мы находимъ слѣдующія подробности о его жизни въ предварительномъ заключеніи и о дальнѣйшемъ ходѣ судебнаго слѣдствія.

Первая ночь, проведенная Михайловымъ въ заключеніи, прошла почти безъ сна,—такъ онъ былъ потрясенъ всѣмъ происшедшимъ въ теченіе этого памятнаго для него дня—14-го сентября.

Затѣмъ потянулись однообразные, томительные дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой. „День проходилъ слѣдующимъ образомъ: Михайловъ вставалъ утромъ около 7 часовъ и пилъ чай, къ которому полагалась 3 коп. булка. До обѣда, подававшагося сперва въ 12 ч., а потомъ, по просьбѣ Михайлова, въ 4—5 час., къ нему почти ежедневно заходилъ кто-нибудь изъ начальства. Интереснѣе всѣхъ были, повидимому, визиты смотрителя тюрьмы, кап. Зарубина. Онъ былъ большой театралъ, бывалъ на каждой новой пьесѣ и охотно разсказывалъ Михайлову о театральныхъ новостяхъ. Иногда онъ вдавался и въ политику, жалуясь на бездну хлопотъ по III отдѣленію и стараясь блеснуть предъ молодымъ писателемъ своимъ либерализмомъ.

„Все такъ было хорошо,—говорилъ онъ,—сколько времени всѣ номера стояли пустыми, а теперь не знаешь, куда дѣвать всѣхъ, кого арестуютъ. Правительство идетъ понемножку впередъ, но нельзя же все вдругъ. А вы, господа прогрессисты, очень ужъ торопитесь. Все бы вамъ сразу!!.“

Прислуживавшій Михайлову сторожъ былъ добрый малый и часто утѣшалъ тоскующаго арестанта, замѣчая, что тотъ почти ничего не ѣлъ въ первые дни своего заключенія: „Вы не огорчайтесь, ваше выс—діе! У насъ иные и по десяти мѣсяцевъ сидѣли, да на волю выходили!!.“ „Не было почти дня,—пишетъ Михайловъ,—чтобъ у меня не болѣла голова и не билось сердце до тошноты“. Продолжалъ онъ мучиться и безсонницей. Пробовалъ иногда писать, но отъ этого, какъ и отъ чтенія, только сильнѣе разбаливалась и тяжелѣла голова. Тогда онъ по цѣлымъ часамъ ходилъ по своему каземату изъ угла въ уголъ и считалъ сдѣланные концы, которыхъ иногда набиралась до полутора тысячъ въ день... Въ такомъ томительно-неопредѣленномъ положеніи прошло около двухъ недѣль.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ ареста Михайлова у графа Кушелева собрались „почти всѣ петербургскіе литераторы“, чтобъ обсудить это дѣло и предпринять что-нибудь въ пользу Михайлова. На совѣщаніи рѣшено было подать петицію „отъ сословія литераторовъ“ министру народнаго просвѣщенія (въ вѣдѣніи ко-

[1]) „Изъ прошлаго и настоящаго“. Ibid., стр. 217—218.

Digitized by Google

тораго находилась тогда печать) съ просьбой принять участіе въ судьбѣ Михайлова и къ слѣдствію надъ нимъ назначить депутата и отъ „сословія литераторовъ". Петиція была тутъ же составлена, а для представленія ея министру были избраны графъ Кушелевъ, Краевскій и Громека. Когда депутація явилась къ мин. Путятину, послѣдній попросилъ къ себѣ въ кабинетъ одного графа Кушелева; на замѣчаніе графа, что онъ не одинъ, а что съ нимъ и другіе депутаты отъ сословія литераторовъ, Путятинъ отвѣтилъ, что „сословія литераторовъ въ Россіи нѣтъ", но просьбу, кажется,—прибавляетъ Шелгуновъ,—принялъ.

Въ одной изъ замѣтокъ, посвященныхъ Чернышевскому [1]), говорится по этому поводу, что Путятинъ не только принялъ петицію, но и далъ на нее „сословію" литераторовъ отвѣтъ. „Наведя справки чрезъ Долгорукова (шефа жандармовъ), Путятинъ сообщилъ литераторамъ, что Михайловъ сознался въ своей винѣ, а потому онъ, министръ, сдѣлать ничего не можетъ".

У Шелгунова же лишь глухо сказано: „Черезъ недѣлю (послѣ подачи петиціи) *прошелъ слухъ*, что Михайловъ во всемъ сознался" [2]).

Если бы литераторы получили отъ Путятина опредѣленный и оформленный отвѣтъ, то Шелгуновъ, конечно, не могъ бы писать: „прошелъ слухъ". Вѣроятнѣе всего, что петиція литераторовъ въ лучшемъ случаѣ осталась подъ сукномъ у Путятина. Да и можно ли было ожидать движенія и успѣха отъ петиціи, одно представленіе которой грозило депутатамъ непріятными послѣдствіями?

У Шелгунова мы находимъ слѣдующую замѣтку: „. . Государь велѣлъ посадить депутатовъ (гр. Кушелева, Краевскаго и Громеку) на двѣ недѣли на гауптвахту, но потомъ простилъ.." Тѣмъ болѣе, конечно, было безнадежно требованіе литераторовъ назначить изъ ихъ среды депутата къ слѣдствію надъ Михайловымъ.

Такимъ образомъ петиція никакихъ полезныхъ для Михайлова послѣдствій не имѣла, судьбы его не облегчила, свѣта и гласности въ дѣло не внесла.

Все дѣло велось, по обычаю, „келейно", а естественный, жгучій интересъ общества удовлетворялся лишь слухами. Отголоскомъ этихъ слуховъ является слѣдующая замѣтка у Никитенки: „Михайловъ признался,—пишетъ Никитенко подъ 3 октября,—что онъ хотѣлъ произвести революцію" [3]).

Въ дѣйствительности „сознаніе" Михайлова (послѣдующее;

---

[1]) „Рус. Стар.". 1905 г., № 2. Рейнгардтъ. „Воспом. о Чернышевскомъ", стр. 450.

[2]) А Никитенко передаетъ уже, не какъ слухъ, а какъ фактъ,—что Михайловъ „сознался".

[3]) „Дневникъ", т. 2, стр. 40.

Digitized by Google

о первоначальной его формѣ сказано выше) добывалось и явилось въ слѣдующей формѣ. Тайная канцелярія, не имѣя фактическихъ данныхъ и уликъ [1]) и основываясь на твердомъ „нравственномъ убѣжденіи“ (вѣрнѣе, на доносѣ Костомарова), употребляла всѣ средства, чтобъ добраться до конца въ своихъ открытіяхъ.

Костомаровъ въ своихъ показаніяхъ говорилъ о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“, какъ о брошюрѣ Михайлова, и утверждалъ, что ни у кого и быть ея не могло въ Петербургѣ, кромѣ Михайлова. О числѣ привезенныхъ экземпляровъ онъ умалчивалъ, но на вопросъ: зачѣмъ Михайловъ привезъ это воззваніе?— отвѣчалъ: „Конечно, не съ тою цѣлью, чтобы оклеить экземплярами воззванія стѣны своего кабинета вмѣсто обоевъ“...

Все это Костомаровъ повторилъ и при новой очной ставкѣ съ Михайловымъ.

„Такъ какъ продолженіе этой ставки грозило принять такой оборотъ, что могли быть скомпрометтированы другія, близкія Михайлову, лица, то послѣдній во избѣжаніе этого нѣсколько измѣнилъ свое первоначальное показаніе и заявилъ, что онъ привезъ изъ-заграницы не десять, а 150 экземпляровъ... хотя впослѣдствіи, когда ему прочли эти показанія предъ судомъ, и сожалѣлъ о томъ, что слишкомъ поддался минутному настроенію, принявъ на себя много лишняго.

Тѣмъ не менѣе, „только послѣ этого показанія,—пишетъ Михайловъ,—я сталъ немного покойнѣе и по ночамъ пересталъ метаться безъ сна... Признавъ за собою всю вину, я ужъ пересталъ тревожиться за спокойствіе другихъ... Тревога за себя была слишкомъ ничтожна въ сравненіи съ тою“...

Въ тѣхъ же видахъ—по возможности выгородить своихъ друзей и предотвратить возможность для лжесвидѣтелей впутать ихъ въ дѣло—Михайловъ старался, чтобъ дѣло его было рѣшено административнымъ, а не судебнымъ порядкомъ. Судъ страшилъ Михайлова главнымъ образомъ тѣмъ, что къ нему будетъ призванъ и Костомаровъ, отвѣты котораго запутаютъ дѣло и могутъ бросить тѣнь на кого-либо изъ друзей. Чиновники застѣнка, имѣя свой умыселъ, воспользовались этимъ желаніемъ Махайлова и посовѣтовали ему написать прошеніе на высочайшее имя, въ формѣ письма съ краткимъ изложеніемъ дѣла. „Безъ этого письма,—

---

[1]) До какой степени далеки отъ истины были тѣ „вѣрныя данныя“, какими располагала тайная канцелярія по дѣлу Михайлова, основываясь лишь на показаніяхъ-доносахъ Костомарова, можно видѣть изъ слѣдующаго: Михайлова обвинили, между прочимъ, въ томъ, что онъ читалъ приписываемое ему воззваніе Н. Серно-Соловьевичу еще въ рукописи, до отъѣзда своего въ Лондонъ, тогда какъ въ дѣйствительности Михайловъ познакомился съ Серно-Соловьевичемъ только по возвращеніи изъ своей заграничной поѣздки. „Историч. Сб.“, 2-е прил., стр. 18.

Digitized by Google

говорили они,—вамъ нельзя будетъ избѣжать суда, который можетъ окончиться для васъ плохо, а—главное—постарается притянуть и всѣхъ, кто только былъ съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ".

14-го октября Михайлову экстренно и настойчиво предложили написать это письмо, чтобы вручить государю, такъ какъ-де съ часу на часъ ждутъ его пріѣзда въ III отдѣленіе. Михайловъ повѣрилъ, написалъ письмо и отдалъ генералу Кранцу.

Но „не прошло и получаса,—разсказываетъ Михайловъ,—какъ въ камеру явился чиновникъ Горянскій (участвовавшій въ производствѣ слѣдствія и совѣтовавшій написать просьбу) и объявилъ о преданіи по высочайшему повелѣнію Михайлова суду и о переводѣ его изъ III отдѣленія въ Петропавловскую крѣпость" Тутъ только Михайловъ догадался, что ему предложено было написать указанное письмо, въ которомъ онъ подтверждалъ свое показаніе, для того только, чтобъ онъ не могъ отказаться впослѣдствіи передъ судомъ отъ своихъ показаній. „Письмо считалось актомъ полнаго сознанія и отречься послѣ него отъ показанія—значило бы удвоить свою виновность".

Горянскій, какъ бы оправдываясь, говорилъ Михайлову: „Мы употребили всѣ старанія, чтобъ дѣло обошлось тише и не такъ ужасно для васъ, какъ оно, вѣроятно, кончится. Но въ городѣ было слишкомъ много толковъ и неудовольствія... Литераторы подавали адресъ объ освобожденіи васъ изъ-подъ ареста. На насъ идутъ такія нареканія. Выдумываютъ про III отдѣленіе Богъ знаетъ что, а вотъ вы сами видѣли,—есть ли на что жаловаться" [1])?.."

Въ тотъ же день (14-го октября) вечеромъ Михайловъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость и помѣщенъ въ такъ называемой „Невской куртинѣ". Хозяева, извиняясь за неудобства помѣщенія—лучшаго не нашлось: „все биткомъ набито",—обѣщались сдѣлать кой-какія „улучшенія" (давать чай, свѣтъ и т. п.): „Нельзя же въ наше время,—прибавляли они,—держаться старыхъ порядковъ"...

Помѣщеніе оказалось дѣйствительно не изъ важныхъ. Михайлова помѣстили въ камерѣ, гдѣ раньше помѣщалось больничное отдѣленіе. „Стѣны были закоптѣлыя, съ примѣтами сырости; со свода висѣла бахромой паутина... Два полукруглыхъ, довольно большихъ окна съ мелкимъ переплетомъ, закрашеннымъ снаружи, бѣлѣли въ глубокихъ темныхъ амбразурахъ, будто занесенныя снѣгомъ. Въ стѣнѣ стояла деревянная койка. На ней лежалъ парусинный мѣшокъ, скудно набитый соломою и прикрытый сверху грязной простыней. Наволочка подушки была такой же сомнительной чистоты. Около изголовья койки стоялъ небольшой

[1]) „Изъ дневника Михайлова", стр. 19.

Digitized by Google

столъ съ оловяной кружкой для воды и стулъ съ глухимъ деревяннымъ сидѣньемъ".

При воспоминаніи о крѣпости Михайлову всего живѣе представлялись впослѣдствіи тамошнія ночи. „Ночь длилась особенно долго, потому что разсвѣтъ подъ низкими сводами каземата начинался поздно,—такъ въ исходѣ 10-го часа, а въ три и даже въ половинѣ третьяго нельзя уже было читать даже близко къ окну. Да и эти четыре-пять часовъ свѣтлаго промежутка нельзя было назвать днемъ, потому что сквозь закрашенныя стекла проникало только самое незначительное количество свѣта" [1]).

День обыкновенно проходилъ слѣдующимъ образомъ. Вставалъ Михайловъ обыкновенно часа за два до свѣта и взамѣнъ ночника, горѣвшаго всю ночь, зажигалъ свѣчу (свою). Часовъ въ девять приносили воду для умыванья и чай. Часовъ около двухъ подавался обѣдъ. Такъ какъ на содержаніе каждаго заключеннаго ассигновывалось всего 11 коп. въ сутки, то, конечно, крѣпостной столъ не отличался особенной роскошью. Подспорьемъ служили „гостинцы", присылаемые друзьями и знакомыми. По словамъ Шелгунова, присылали, кромѣ книгъ, много всякихъ снѣдей. „Такъ какъ большинство этихъ предметовъ проходило чрезъ мои руки,—говоритъ Шелгуновъ,—то не думаю, что будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что Михайловъ, конечно, во всю жизнь не ѣлъ столько рябчиковъ и всякихъ родовъ варенья, сколько ему теперь посылалось" [2])...

Настроеніе заключеннаго въ общемъ было, конечно, не изъ радужныхъ, но особенную тоску почувствовалъ онъ въ тотъ день, когда выпалъ первый снѣгъ. „Я отворилъ крохотную форточку,—пишетъ онъ,—и увидалъ, что комендантскій дворъ съ его голыми деревьями (только этотъ дворъ да окружавшій его сѣрый заборъ и видны были въ эту форточку) побѣлѣли. Помню, мнѣ живо представилась печальная и дальная дорога, которой я и дѣйствительно не миновалъ" [3])...

Чрезъ нѣсколько дней послѣ заключенія въ крѣпости Михайловъ былъ вызванъ въ сенатъ для допроса. Здѣсь сперва было прочитано отношеніе шефа жандармовъ, заключавшее въ себѣ высочайшее повелѣніе о преданіи Михайлова, какъ государственнаго преступника, суду сената; затѣмъ показаніе Михайлова, препровожденное изъ тайной канцеляріи вмѣстѣ съ экземплярами воззванія „Къ молодому поколѣнію". Судъ снова предложилъ Михайлову вопросные пункты, на которые онъ сначала отвѣчалъ устно, а потомъ письменно. Вопросные пункты большею частью

---

[1]) „Изъ дневника Михайлова", стр. 20.

[2]) Но вопросъ—доходило ли все это до Михайлова, такъ какъ шло чрезъ вторыя и третьи руки, а свиданія съ нимъ никому не разрѣшались, кромѣ „чиновъ"...

[3]) „Изъ дневника Михайлова", стр. 21.

Digitized by Google

начинались словами: „Корнетъ Всев. Костомаровъ показываетъ, что“... Изъ нихъ Михайловъ увидѣлъ, что показаніями Костомарова вся вина сваливается на него и на московскихъ студентовъ. Стараясь въ своихъ отвѣтахъ оградить по возможности послѣднихъ, а также своихъ друзей, Михайловъ не выгораживалъ себя. Только на вопросъ—не ходилъ ли онъ въ казармы для возбужденія солдатъ къ неповиновенію и не ѣздилъ ли по деревнямъ, чтобъ подстрекать крестьянъ къ возстанію,—Михайловъ отвѣтилъ отрицательно [1]).

Для судебнаго разбирательства Михайлова отвозили въ сенатъ нѣсколько разъ. Самый судъ происходилъ очень торжественно—„это былъ судъ сената и первый, давно уже не виданный судъ по политическому преступленію. Общество находилось въ сильномъ возбужденіи. Волновалась, конечно, больше всего молодежь. Въ день суда у воротъ Галерной, въ самыхъ воротахъ и на лѣстницѣ сената стояла толпа молодежи и не молодежи ожидая, когда привезутъ Михайлова, и расходясь только тогда, когда Михайлова опять увозили въ крѣпость“ [2]).

Въ первыхъ числахъ декабря Михайлова въ послѣдній разъ отвезли въ сенатъ для выслушанія приговора. Сенатъ приговорилъ Михайлова къ 15 годамъ каторжной работы, государственный совѣтъ утвердилъ это рѣшеніе сената, но государь уменьшилъ срокъ каторги до 6 лѣтъ.

Когда послѣ прочтенія приговора Михайловъ одѣвалъ въ передней пальто и галоши, его окружила толпа людей, въ числѣ которыхъ были и его друзья. Нѣкоторые изъ нихъ, когда Михайловъ проходилъ мимо, протиснулись впередъ и пожали ему руку [3]).

Вообще, по свидѣтельству современниковъ, судьба Михайлова вызывала въ обществѣ глубокій интересъ и живѣйшее участіе.

„Имя М. И. Михайлова,—говоритъ г. Пантелѣевъ,—облетѣло всю Россію, причемъ среди молодежи замѣчалось особенно сильное возбужденіе и сочувствіе“.

Однимъ изъ свидѣтельствъ такого настроенія молодежи и извѣстной части общества служитъ слѣдующее стихотвореніе, присланное Михайлову студентами:

Узнику.

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи [4])
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,

---

[1]) „Изъ дневника Михайлова“, стр. 21.
[2]) Шелгуновъ. „Изъ прошлаго и настоящаго“.
[3]) „Изъ дневника Михайлова“.
[4]) Студенты, приславшіе привѣтствіе, сидѣли въ это время въ Петропавловской крѣпости.

Digitized by Google

Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!

* * *

Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.

* * *

Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ, изъ-за него.

* * *

Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ.
Вѣрь, плодъ взойдетъ, и наше племя
Отмститъ сторицею врагамъ.

* * *

И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба,
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя [1]).

Когда вѣсть о судьбѣ Михайлова достигла Лондона, Огаревъ посвятилъ Михайлову, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе:

Сонъ былъ нарушенъ. Здѣсь и тамъ
Молва бродила по устамъ,
Вспыхала мысль, шепталась рѣчь—
Грядущихъ подвиговъ предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страхъ
Привычно жилъ еще въ сердцахъ.
И надо было жертвы вновь—
Разжечь ихъ немощную кровь.
Такъ, цѣпенѣя, ратный строй
Стоитъ и не вступаетъ въ бой;
Но вражій выстрѣлъ просвисталъ
Въ рядахъ одинъ изъ нашихъ палъ!
И гнѣва трепетъ боевой
Объемлетъ вдохновенно строй.
Впередъ! впередъ! разрушенъ страхъ,
И гордый врагъ падетъ во прахъ.

* * *

Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрмъ, ни ссылокъ, ни смертей.
Твой подвигъ даромъ не пропалъ—
Онъ чары страха разорвалъ...
Иди жъ на каторгу бодрѣй,
Ты дѣло сдѣлалъ—не жалѣй.

---

[1]) „Колоколъ", № 119.

Digitized by Google

Высказавъ затѣмъ предположеніе о томъ, почему Михайлова не казнили („вѣдь ты изъ фрачныхъ"...), Огаревъ заканчивалъ:

Иди жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ и святы страданья.
. . . . . .
Народной свободы таинственный духъ—
Онъ создалъ тебя--и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуетъ,
Онъ камень отъ входа въ темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ [1]).

Въ отвѣтъ на эти привѣтствія [2]) Михайловъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Отвѣтъ.

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.

* * *

Но тупая злоба силы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.

* * *

Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.

* * *

Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И души одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

* * *

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!

Къ этому стихотворенію сдѣлана Михайловымъ слѣдующая приписка: „Спасибо вамъ за тѣ слезы, которыя вызвалъ у меня вашъ братскій привѣтъ. Съ кровью приходится мнѣ отрывать отъ сердца все, что дорого, чѣмъ свѣтла жизнь. Дай Богъ лучшаго времени, хотя, можетъ, мнѣ уже и не суждено воротиться" [3]).

---

[1]) „Колоколъ", № 119.
[2]) Главнымъ образомъ—отвѣтъ на привѣтствіе студентовъ.
[3]) „Колоколъ", № 119.

Digitized by Google

VII.

Близкіе и друзья Михайлова, еще до судебнаго разбирательства, въ исходѣ котораго не было сомнѣній, старались сдѣлать все возможное для облегченія (матеріальнаго и нравственнаго) далекаго, скорбнаго его пути и послѣдующей жизни въ Сибири. Шли усиленные сборы, возбуждались различныя ходатайства, отыскивались нужныя и полезныя знакомства и „заручки". Для пополненія скудныхъ средствъ Михайлова была пущена въ лотерею его библіотека [1]).

Редакція „Колокола" открыла у себя подписку въ пользу Михайлова и приглашала къ пожертвованіямъ [2]).

Особенно дѣятельное участіе, проникнутое горячей любовью и чисто материнской заботливостью, принялъ на себя Шелгуновъ.

Когда настало время „снаряжать" Михайлова въ дорогу, Николай Васильевичъ составилъ „записку", въ которой объяснялъ, что у Михайлова нѣтъ никого въ Петербургѣ родныхъ, кто бы могъ принять участіе въ его судьбѣ, что онъ слабаго здоровья, что длинный сибирскій путь зимою можетъ быть для него гибелью и что поэтому онъ, Шелгуновъ, какъ самый близкій человѣкъ къ Михайлову, проситъ дозволить доставить ему вещи, необходимыя на дорогу. Съ этой запиской Шелгуновъ отправился къ Потапову, управлявшему III отдѣленіемъ. Потаповъ далъ просимое разрѣшеніе.

„Я купилъ, — разсказываетъ Шелгуновъ, — хорошій зимній троечный возокъ и массу теплыхъ вещей, и все это доставилъ куда слѣдуетъ. Кромѣ того, Михайлову былъ сшитъ ватный нагрудникъ, простеганный въ клѣтку, и въ каждой клѣткѣ была зашита рублевая бумажка,—ихъ было, кажется, сто; купилъ евангеліе, въ крышкахъ переплета котораго были заклеены тоже деньги. Это дѣлалось потому, что каторжнымъ денегъ имѣть при себѣ нельзя, а нагрудникъ и евангеліе имѣть можно. Нагрудникъ и евангеліе я доставилъ, для передачи ихъ Михайлову, крѣпостному коменданту."

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, отъ того или иного рѣшенія котораго значительно зависѣли „удобства" предстоящаго пути, былъ вопросъ о кандалахъ.

„Хотя я и зналъ,—говоритъ Шелгуновъ,—что по закону дворяне отъ кандаловъ освобождаются, но для большей увѣренности, что это такъ и будетъ, поѣхалъ переговорить къ Суворову. Суворовъ

---

[1]) „Изъ далекаго прошлаго", стр. 116.

[2]) Никитенко и въ этомъ случаѣ немножко передергиваетъ; онъ пишетъ: въ „Колоколѣ" напечатано приглашеніе о пособіи Михайлову, съ увѣреніемъ, что оно *непремѣнно* дойдетъ до него" („Дн.", 2, стр. 102; курсивъ Никит.). Тогда какъ „Колоколъ", открывая подписку, говорилъ: „деньги *пойдутъ* въ пользу М. И. Михайлова" (№ 145).

Digitized by Google

никакъ не соглашался отправить безъ кандаловъ; сколько я ни ссылался на законъ, онъ стоялъ на своемъ и указывалъ на декабристовъ, которые были отправлены въ кандалахъ. Оставалось, конечно, только подчиниться."

Несмотря на проявленную въ данномъ случаѣ суровость и какую-то предвзято-незаконную настойчивость Суворова, Шелгуновъ характеризуетъ его, какъ человѣка гуманнаго и разумнаго. „Онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить положеніе Михайлова; такого добраго, мягкаго и простого въ обращеніи генерала мнѣ еще не случалось встрѣчать", замѣчаетъ Шелгуновъ [1]).

Едва ли не самой главной услугой, оказанной Суворовымъ Михайлову, были письма, отправленныя генераломъ разнымъ „властямъ" тѣхъ городовъ, чрезъ которые предстояло ѣхать Михайлову.

„Въ то время о Сибири знали по „Запискамъ изъ мертваго дома", и этого, конечно, было вполнѣ достаточно, чтобы бояться за Михайлова. Поэтому Шелгуновъ поѣхалъ къ Суворову просить его написать къ мѣстнымъ властямъ, чтобъ Михайлову было оказано возможное снисхожденіе.

„Суворовъ обѣщалъ и, дѣйствительно, написалъ письма къ соотвѣтственнымъ властямъ (къ кому именно—я не знаю, замѣчаетъ Шелгуновъ). Письма эти помогли Михайлову, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, породили и нѣкоторыя недоразумѣнія, имѣвшія печальный конецъ [2]), не для Михайлова, конечно, свершившаго дорогу спокойно и благополучно. Теперь прошло уже четверть вѣка съ тѣхъ поръ, но не только теперь, когда всѣ страсти давно уже успокоились, но и тогда нельзя было не отнестись съ полною признательностью ко всѣмъ лицамъ, отъ которыхъ такъ или иначе зависѣла судьба Михайлова.

„Я уже не говорю о Суворовѣ, этомъ дѣйствительно добромъ, гуманномъ и вполнѣ культурномъ человѣкѣ, сочувствовавшемъ каждому человѣческому страданію; но и всѣ остальныя властныя лица, съ высшихъ до низшихъ, начиная съ крѣпости и кончая сибирскими властями, относились къ Михайлову съ бережливостью и внимательностью, которая дѣлала имъ большую честь" [3]).

---

[1]) Никитенко же за эту доброту, мягкость и простоту называетъ Суворова „кокеткой", „взрослымъ ребенкомъ", „умомъ ограниченнымъ", который не въ состояніи противиться „моднымъ идеямъ", и т. п.

Въ числѣ примѣровъ, обрисовывающихъ личность Суворова, у Никитенки приведенъ и такой: когда Суворова пригласили участвовать въ поднесеніи иконы М. Муравьеву (въ именины), Суворовъ отвѣтилъ, что „не можетъ оказать этой чести такому людоѣду, какъ Муравьевъ". „Дн.", стр. 149, 187, 215.

[2]) Объ этихъ „недоразумѣніяхъ", имѣвшихъ печальный конецъ для нѣкоторыхъ—и даже очень „чиновныхъ"—лицъ, будетъ сказано ниже.

[3]) „Изъ прошлаго и настоящаго". Ibid., стр. 220—222.

Digitized by Google

Такъ въ хлопотахъ и заботахъ, среди надеждъ и тяжкихъ думъ, незамѣтно настало время, когда друзьямъ приходилось разстаться съ Михайловымъ и сказать ему послѣднее „прости". Дѣло его было уже окончательно оформлено, оставалось лишь оффиціальное и унизительно-торжественное публичное объявленіе приговора, такъ называемая „публичная казнь". Передъ „казнью" обвиняемому предложили исповѣдаться и причаститься. Явившійся для этой цѣли молодой священникъ (Мих. Архангельскій), бесѣдуя съ заключеннымъ на разныя душеспасительныя темы, разсказывалъ, между прочимъ, о тѣхъ „ужасахъ", которые ожидаютъ его, Михайлова, если онъ рѣшится на побѣгъ съ каторги или съ дороги туда. На исповѣди о. Архангельскій также спрашивалъ у Михайлова, не сговаривался ли онъ съ кѣмъ о побѣгѣ (объясненіе такого настойчиваго любопытства—путемъ исповѣди!..—понятнаго, впрочемъ, и безъ того, мы найдемъ ниже въ замѣчаніяхъ ген.-губерн. Суворова). Заѣзжалъ къ Михайлову и ген.-губ. Соворовъ, пообѣщавъ ему всевозможныя удобства въ предстоящей далекой дорогѣ и высказавъ сожалѣніе, что онъ не можетъ спасти его отъ кандаловъ.

14-го декабря (знаменательный день) было произнесеніе приговора на площади и того же 14-го декабря 1861 года въ „Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи", подъ рубрикой; „по полицейскому управленію столицы", было напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „14-го сего декабря, въ 8 часовъ утра, назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ... отставному губернскому секретарю Михаилу Михайлову высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, коимъ опредѣлено: *Михайлова, виновнаго въ злоумышленномъ распространеніи сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ верховной власти для потрясенія основныхъ учрежденій государства, но осталось безъ вредныхъ послѣдствій по причинамъ, отъ Михайлова независящимъ,—лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на шесть лѣтъ*" [1].

На другой же день послѣ объявленія приговора Михайловъ былъ отправленъ къ мѣсту своего назначенія (Казаковскій пріискъ, Нерчинскаго горнаго округа).

Изъ Петербурга Михайлова отправляли съ чрезвычайными предосторожностями и подъ усиленной охраной. Повидимому, боялись, что будутъ сдѣланы попытки освободить Михайлова, чѣмъ, вѣроятно, отчасти и объясняется незаконное и, очевидно, продиктованное распоряженіе генералъ-губернатора Суворова—отправить Михайлова въ кандалахъ.

---

[1]) Другихъ оффиціальныхъ сообщеній по дѣлу Михайлова не было. „Историч. Сборникъ", изд. подъ ред. Базилевскаго.

Digitized by Google

Мало того. Когда Шелгуновъ въ послѣднее посѣщеніе просилъ разрѣшенія проститься съ Михайловымъ, Суворовъ сказалъ, между прочимъ: „Знайте, что если будетъ какое-нибудь покушеніе, чтобы освободить Михайлова, *жандармамъ отдано приказаніе его застрѣлить*". Шелгуновъ отвѣтилъ, что Михайлова никто освобождать не думаетъ, да и прежде чѣмъ освобождать, нужно еще спросить, захочитъ ли онъ, чтобъ его освобождали.

Хотя, по мнѣнію Шелгунова, Суворовъ только „пугалъ", тѣмъ не менѣе предосторожности были приняты, и отъ Петербурга до станціи Шальдихи (за Шлиссельбургомъ) Михайлова везли въ крытыхъ саняхъ, подъ усиленнымъ конвоемъ. Только со ст. Шальдихи Михайлова повезли въ его возкѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, которые должны были ѣхать съ нимъ до Тобольска. Маршрутъ былъ назначенъ черезъ Тихвинъ на Мологу, Ярославль, Кострому, Вятку, Пермь и т. д.

Вѣсть о проѣздѣ Михайлова распространялась по всей дорогѣ съ необычайной быстротой, такъ что „не было почти станціи, не говоря уже о городахъ, гдѣ, завидѣвъ его возокъ, смотритель станціи не зналъ бы, кто ѣдетъ въ этомъ возкѣ". И не только смотритель, но и большинство „чиновъ" и многіе изъ обывателей знали напередъ о его проѣздѣ, и нерѣдко встрѣчали его и провожали. Все это весьма удивляло какъ невольныхъ спутниковъ Михайлова, такъ и его самого, еще не знавшаго, что здѣсь значительную роль играетъ чудодѣйственная сила суворовскихъ писемъ.

Благодаря быстрой ѣздѣ, путешественники 19-го декабря были уже въ Ярославлѣ, и, только закусивъ, тотчасъ двинулись дальше, такъ какъ Михайловъ, несмотря на сильное утомленіе отъ непривычной ѣзды, торопился ѣхать впередъ...

Свое тогдашнее душевное состояніе Михайловъ изображаетъ въ своемъ дневникѣ, писанномъ позднѣе, уже „на мѣстѣ", въ слѣдующихъ словахъ: „Съ самаго отъѣзда изъ Петербурга и до Тобольска,—пишетъ онъ,—я вообще былъ словно растерянный какой-то, ничего не могъ сообразить хорошенько, и все какъ будто что-то щемило мое сердце. Въ головѣ была какая-то путаница отъ неизвѣстности того, что меня ожидаетъ; на сердце—горько и одиноко; сны видѣлись все о свободѣ и объ оставленныхъ въ столицѣ друзьяхъ, а иногда и такіе, что я просыпался отъ испуга" [1])...

Къ угнетенному душевному состоянію присоединялась и физическая усталость. Спать приходилось въ возкѣ только сидя; въ довершеніе всего, ноги отъ кандаловъ начали сильно ныть.

Въ ночь подъ Рождество Михайловъ былъ въ Перми, гдѣ отдыхъ оказался уже рѣшительно необходимъ. Михайловъ былъ

---

[1]) „Отъ Петербурга до Нерчинска". „Рус. Мысль". 1902 г., № 12, стр. 45.

Digitized by Google

до того измученъ „удобствами“ пути (кандалы и пр.), прелестями дороги (то ухабы, то снѣгъ, доходившій лошадямъ до колѣнъ, то голая земля), что, проспавъ ночь, какъ убитый, не могъ взяться за перо, чтобы написать письмо въ Петербургъ.

„Въ головѣ чувствовалось какое-то отупѣніе, и руки дрожали, какъ у горькаго пьяницы“...

По ту сторону Урала и дорога, и панорама стали еще хуже. Правда, встрѣчавшіяся по дорогѣ селенія имѣли уже болѣе зажиточный видъ, чѣмъ въ Европейской Россіи, и въ глаза не кидалась рѣзко та голая вопіющая нищета, которая поражала Михайлова въ Вологодской и Вятской губерніяхъ. Но зато „взорамъ путешественниковъ представлялось другое, не менѣе тяжелое зрѣлище: это были сѣрые частоколы этаповъ, темнѣвшіе среди глубокаго снѣга почти около каждой деревни.

„Раннимъ утромъ около ихъ воротъ видны были деревенскія бабы съ калачами и съ молокомъ для „несчастныхъ“... Попадались по дорогѣ и партіи ссыльныхъ: скованные по четыре человѣка желѣзными наручнями, съ заиндевѣвшими бородами, шли впереди каторжные; за ними уже безъ оковъ шли въ коротенькихъ, плохо грѣющихъ, полушубкахъ казенной заготовки арестанты, отправляемые на поселеніе; еще дальше двигались дровни съ бабами, съ больными и съ дѣтьми, закутанными въ разное жалкое тряпье. Въ хвостѣ партіи шли солдаты и казаки, точно пастухи за стадомъ“ [1])...

Невеселыя думы навѣвали эти картины на Михайлова... Проѣзжіе, встрѣчавшіеся на станціяхъ, старались ободрить его, увѣряя, что ничего ужаснаго ему впереди не предстоитъ и что съ нимъ въ ссылкѣ будутъ обращаться хорошо.

И Михайловъ нѣсколько успокоился. Одно лишь обстоятельство особенно его смущало: онъ былъ первымъ политическимъ преступникомъ, сосланнымъ въ каторжныя работы въ царствованіе Александра II; это, думалось ему, увеличитъ вниманіе, надзоръ и разныя стѣсненія. „Къ счастью,—говоритъ Михайловъ,—время сдѣлало все-таки успѣхи, и я встрѣтилъ (въ ссылкѣ) вмѣсто прежняго равнодушія или притѣсненія болѣе или менѣе искреннее сочувствіе и всевозможныя удобства“ [2]).

---

[1]) „Отъ Петербурга до Нерчинска“. „Рус. Мысль“. 1902 г, № 15 стр.55.

[2]) Такое отношеніе было чуть ли не единственнымъ исключеніемъ въ исторіи политической ссылки; и уже послѣдовавшіе вскорѣ за Михайловымъ—Шелгуновъ, Чернышевскій и мн. др., а затѣмъ и всѣ позднѣйшіе политическіе ссыльные—встрѣчали не только суровое равнодушіе, но всаческія притѣсненія. „Успѣхи времени“ такимъ образомъ быстро пошли на смарку, общественное сочувствіе заглохло и спряталось, а рекомендательныхъ записокъ, вродѣ суворовскихъ, болѣе не появлялось...

Digitized by Google

Наканунѣ Новаго года Михайловъ былъ въ Тобольскѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ онъ былъ отправленъ въ „приказъ о ссыльныхъ“, а оттуда прямо въ тюремный замокъ. Смотритель замка принялъ арестанта, расписался въ полученіи и водворилъ Михайлова первоначально въ „простонародной“ камерѣ. Но въ тотъ же день, по распоряженію полиціймейстера, Михайловъ былъ переведенъ въ „дворянское“ отдѣленіе.

Только-что Михайловъ „устроился“ въ острогѣ, какъ явились навѣстить его—предсѣдатель губернскаго правленія, два доктора, учитель мѣстной гимназіи и др. Со всѣми этими лицами Михайловъ впослѣдствіи познакомился ближе и былъ обязанъ имъ многими удобствами и облегченіями [1]). Вообще во все время пребыванія въ Тобольскѣ Михайловъ пользовался самымъ дружескимъ, почти родственнымъ вниманіемъ многихъ изъ мѣстныхъ обывателей. Его всячески поддерживали и нравственно, и физически (Михайловъ былъ очень слабаго здоровья, которое окончательно было надорвано ужасной дорогой, такъ что въ Тобольскѣ онъ прибылъ съ явными признаками чахотки). „Обо мнѣ не забывали ни на одинъ день“, съ благодарностью вспоминаетъ Михайловъ о тобольцахъ. Вниманіе ихъ къ молодому писателю-арестанту простиралось до мелочей, носившихъ иногда прямо трогательный характеръ. Такъ, напр., одна совершенно незнакомая Михайлову дама послала ему букетъ живыхъ цвѣтовъ вмѣсто поздравленія съ Новымъ годомъ. Михайлову, въ его положеніи, былъ чрезвычайно дорогъ этотъ знакъ вниманія и участія. „Я суевѣрно сберегъ,—пишетъ онъ по этому случаю,—нѣсколько листковъ и лепестковъ изъ этого букета, какъ свѣтлое предвѣстіе, что, можетъ быть, не весь этотъ годъ будетъ для меня такъ теменъ, какъ его начало“...

Доступъ къ Михайлову былъ значительно облегченъ, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ его кто-нибудь не навѣстилъ. Разрѣшались отлучки въ городъ и самому Михайлову. Кое-кто изъ знакомыхъ, принявшихъ въ немъ участіе, приглашалъ его обѣдать. Нѣсколько разъ Михайловъ пріѣзжалъ обѣдать къ вице-губернатору, прокурору и полковнику Жданъ-Пушкину. Затѣмъ, въ виду несомнѣнно болѣзненнаго состоянія Михайлова, ему была разрѣшена—послѣ врачебнаго осмотра и заключенія врачебной управы—отсрочка и дано позволеніе ѣхать не на пересыльныхъ подводахъ, а на почтовыхъ (на свой счетъ).

Такъ, встрѣчая поддержку и облегченіе отъ добрыхъ людей, Михайловъ прожилъ въ Тобольскѣ до 27-го января. Душевное и физическое его состояніе значительно улучшилось, такъ что въ

---

[1]) Кандалы были сняты съ Михайлова на другой же день по пріѣздѣ въ Тобольскъ; чьей благодѣтельной рукой — точно неизвѣстно; въ запискахъ Михайлова сказано, что по распоряженію „полиціймейстера“, хотя послѣдній впослѣдствіи и отрицалъ это.

Digitized by Google

тобольскомъ острогѣ Михайловъ принялся за литературную работу и перевелъ главу изъ „Прометея“ [1]).

27-го января былъ назначенъ отъѣздъ Михайлова изъ Тобольска. Въ этотъ день онъ былъ приглашенъ обѣдать къ полковнику Жданъ-Пушкину, куда были привезены и всѣ его вещи изъ острога. Послѣ обѣда, не заѣзжая больше въ острогъ, Михайловъ отправился дальше, напутствуемый пожеланіями своихъ знакомыхъ, проводившихъ его за городъ.

Къ сожалѣнію, всѣ его добрые знакомые-тобольцы должны были жестоко поплатиться за свое человѣколюбіе...

По поводу тѣхъ „послабленій“, какія дѣлались Михайлову (а также Обручеву и др.) въ Тобольскѣ, возникло цѣлое „дѣло“, по которому были преданы суду различныя начальствующія лица Тобольска, начиная съ губернатора [2]).

Обстоятельства этого дѣла, поскольку они выяснились въ судѣ, слѣдующія:

„Третье отдѣленіе собственной Его Импер. Вел. канцеляріи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленія содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправленъ изъ Петербурга 14-го декабря 1861 года, и, прибывъ въ Тобольскъ 30-го декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27-го января 1862 г.; что все тобольское общество оказывало ему сочувствіе; что по прибытіи въ Тобольскъ онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ не закованнымъ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и полковникъ Жданъ-Пушкинъ принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ пріѣзжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директрисса тюремнаго комитета купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ—отъ Михайлова“; что при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города повозка его была остановлена у заставы, гдѣ многіе мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!“, а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ же съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ-то.

---

[1]) Помѣщ. въ „Рус. Словѣ“.

[2]) Хотя дѣло это возникло позднѣе, но я здѣсь же изложу его, чтобы болѣе къ нему не возвращаться.

Digitized by Google

„Вслѣдствіе этого донесенія государю благоугодно было назначить изслѣдованіе о противозаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственнымъ преступникамъ“.

Интересны показанія, которыя дали какъ сами привлеченныя лица, такъ и генералъ-майоръ Сколковъ, производившій слѣдствіе.

Губернаторъ Виноградскій показалъ, что онъ совершенно ничего не зналъ о послабленіяхъ.

Вице-губернаторъ и директора тюремнаго комитета всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; „самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ, какъ Михайловъ, есть протестъ противъ правительства“. „Частныхъ“ свѣдѣній до губернатора тоже не доходило, такъ какъ онъ, по его словамъ, все время былъ занятъ службою и не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ.

Вице-губернаторъ Соколовъ показалъ слѣдующее:

„Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ (вице-губ. Соколовъ—докторъ) считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человѣка. Занимаясь впродолженіе 10 лѣтъ изученіемъ легочной чахотки (въ доказательство были представлены статьи), онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интересный субъектъ для изученія со стороны науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ для поданія медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ его въ замокъ подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ.

„Этихъ случаевъ было только два. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то оно произошло случайно, а въ коробкѣ, переданной Михайлову, было пять рябчиковъ,—это было подаяніе, которое законъ не запрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно“.

Прокуроръ Жемчужниковъ показалъ:

„Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ-дворянъ, потому что, по порядку, изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, арестанты изъ привелегированнаго сословія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по

Digitized by Google

его мнѣнію, не противорѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содерж. подъ стражей.

„Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго состоянія освобождаются отъ оковъ, и онъ считалъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконны, если бы онъ приказалъ заковать Михайлова. Кромѣ того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно; такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а Бонгаръ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ, былъ присланъ безъ оковъ; слѣдовательно, здѣсь могло быть ошибочное пониманіе закона.

„О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою цѣлью, чтобы дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ Разговора съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно. Сочувствія къ нему, какъ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показалъ самъ государь императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ, но изъ словъ послѣдняго узналъ, что онъ осужденъ былъ, за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобы отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, а это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничаго не зналъ.

„Притомъ онъ не предполагалъ, чтобы правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усомнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій...

„Что касается отлучекъ арестантовъ изъ замка, то онъ этому не придавалъ важности, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому, что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ ихъ заключеній“.

На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему комиссіею замѣчаніе, что, если нѣтъ въ законахъ статьи, запрещающей выпускать пересыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ.

Прокуроръ отвѣчалъ, что, если законъ чего не запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался съ ду-

Digitized by Google

хомъ закона и особенно съ духомъ той власти, отъ которой исходилъ законъ: духъ Государя выражается въ милости и снисхожденіи, оказанныхъ Михайлову...

Генералъ-майоръ Сколковъ, производившій слѣдствіе, открылъ по отношенію къ Михайлову слѣдующія обстоятельства:

На другой день по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ лекарь тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканье, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голеней, почему началъ его лечить; поэтому Михайловъ и оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31-го декабря 1861 г. до 27-го января 1862 г. Въ январѣ 1862 г. Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному состоянію, не съ партіею пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова и нашла, что онъ дѣйствительно не можетъ не только идти съ партіею арестантовъ, но даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться на свой счетъ на почтовыхъ.

По показанію служившаго у Жданъ-Пушкина Лыскова, въ день отправленія Михайлова изъ Тобольска въ квартирѣ Жданъ-Пушкина [1]) капитанъ Скибинскій будто бы взялъ изъ чемодана Михайлова кандалы, разбилъ ихъ молоткомъ, и одно кольцо изъ нихъ было оставлено на память.

Но это показаніе, говоритъ Сколковъ (производ. слѣдствіе) въ докладѣ, опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объяснили слѣдственной комиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли вмѣстѣ съ ними и кандалы его совсѣмъ цѣлые.

Кромѣ того, въ комиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-майора Сколкова при кузнецахъ разбивались арестантскіе кандалы молоткомъ, и оказалось, что безъ помощи кузнеца разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ Сколковымъ актъ.

Въ заключеніе Сколковъ говорилъ, что „общество тобольское вообще не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что, при сибирскихъ морозахъ, очень трудно имѣть живые цвѣты“... [2]).

Несмотря на ничтожность „преступленія“ и шаткость уликъ, всѣ начальствующія лица г. Тобольска (губернаторъ, вице-губернаторъ, полиціймейстеръ, прокуроръ, смотритель тюрьмы, полков-

---

[1]) Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

[2]) „Голосъ“, 1866 г., №№ 80 и 81. „Историч. Сборникъ“, изд. подъ ред. Базилевскаго.

Digitized by Google

никъ Жданъ-Пушкинъ, офицеръ Скибинскій были уволены и понесли суровое наказаніе.

Дальнѣйшій путь Михайлова носилъ тотъ же характеръ: тѣ же были тяготы и лишенія (только безъ кандаловъ), смягчаемыя дѣйствіемъ суворовскихъ писемъ. Напр., въ Томскѣ, когда вѣсть о прибытіи Михайлова распространилась по городу, къ нему стали являться знакомыя и незнакомыя лица. Въ числѣ другихъ явился жандармскій штабъ-офицеръ „съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли Михайловъ остаться въ Томскѣ на нѣсколько дней, и чтобъ узнать, нѣтъ ли у него вообще какихъ-либо желаній, которыя онъ, штабъ-офицеръ, могъ бы исполнить".

Въ Иркутскѣ Михайлову сообщили, что мѣстомъ ссылки ему назначенъ Казаковскій пріискъ Нерчинскаго округа. Иркутскій генералъ-губернаторъ Корсаковъ принялъ Михайлова „весьма любезно", сообщивъ, что имъ получено отъ Суворова письмо „объ оказаніи ему, Михайлову, всякаго снисхожденія" и что въ этомъ же смыслѣ онъ напишетъ и самъ въ Нерчинскій заводъ къ горному начальнику.

На Казаковскомъ пріискѣ служилъ братъ Михайлова, и онъ принялъ новаго каторжника. Разсказывая о своей встрѣчѣ съ братомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разлуки, Михайловъ пишетъ: „Мы и поплакали, и проговорили потомъ за полночь".

Оффиціально Михайловъ былъ записанъ въ числѣ каторжныхъ, неоффиціально же онъ жилъ у брата, просто какъ частный человѣкъ. Первый день (11-го марта) своего пребыванія на Казаковскомъ пріискѣ Михайловъ отмѣчаетъ слѣдующими словами: „11-ое марта, на закатѣ, я могъ бы воскликнуть: берегъ! если бъ этотъ берегъ, несмотря на всѣ свои внѣшнія удобства, не былъ все-таки, если не тюрьмой, такъ землей изгнанья"...

О послѣднихъ годахъ жизни Михайлова имѣется очень немного данныхъ. Весной, по пріѣздѣ на пріискъ, Михайловъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „...Горы, окружающія Казаковъ, позеленѣли и стоятъ уже не сплошной темной грудой; ближайшія гряды ихъ отдѣляются отъ дальнѣйшихъ, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ голубѣе... Хорошо кругомъ, а грустно. Я по цѣлымъ часамъ простаиваю иногда на террасѣ дома, и меня не покидаетъ такое же точно чувство, которое внушило прекрасную пѣсню „Wenn ich Vöglein wär"... Кукушка не перестаетъ кричать надрывающимся голосомъ, и я теперь очень хорошо понимаю, почему ссыльные ждутъ весной ея зова, чтобы уйти, куда глаза глядятъ... Какъ ходилъ я изъ угла въ уголъ въ своихъ тюрьмахъ, такъ брожу я часто и здѣсь по саду и по террасѣ, и съ такими же почти мыслями"...

Digitized by Google

Весной того же 1862 г. пріѣхали навѣстить Михайлова Шелгуновы и пробыли на Казаковскомъ пріискѣ около 2-хъ мѣсяцевъ. Михайловъ былъ согрѣтъ ихъ участіемъ и любовью, но и эта отрада продолжалась не долго—по приказанію изъ Петербурга Шелгуновъ былъ арестованъ, тамъ же на пріискѣ.

Нѣжная, хрупкая натура Михайлова не долго вынесла мракъ и ужасъ ссылки.

Въ 1865 г. Михаилъ Илларіоновичъ умеръ въ деревнѣ Кадкѣ отъ брайтовой болѣзни, полученной въ пріисковомъ острогѣ.

„...И вотъ этотъ добрый, этотъ хорошій человѣкъ,—человѣкъ, способный на высокіе подвиги самопожертвованія, лежитъ теперь въ далекой Сибири подъ простымъ крестомъ“... [1]).

А. Ершовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За послѣднее время, въ промежутокъ написанія авторомъ этой статьи и ея появленіемъ въ печати, появились новые матеріалы, касающіеся Михайлова. Они будутъ использованы авторомъ въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Ред.

[1]) „Изъ далекаго прошлаго“.

Digitized by Google

Въ борьбѣ съ жизнью.

Романъ **Т. Швабе**, пер. съ нѣмецкаго **В. Исполатовой**.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXI.

Мебель упаковали и отправили на старую родину. Тихо и съ тоскливымъ стремленіемъ потянулись вслѣдъ за нею мысли Эльги.

Прощанье съ тетей Махандель и съ Густи прошло сравнительно холодно,—во всякомъ случаѣ, если имѣть въ виду прежнія теплыя отношенія.

Имѣла ли въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе газетная публикація? Или мама вспомнила старый разговоръ? Причины, по которымъ мама рѣшила провести лѣто въ „Закопаньи", воздушномъ курортѣ высокой Татры, такъ и остались неизвѣстными.

Итакъ, онѣ промчались въ одномъ поѣздѣ въ Берлинъ, оттуда въ другомъ черезъ Бреславль въ Краковъ.

Мама придерживалась во время путешествій своего собственнаго плана. Выискиваніе по путеводителю прямого пути такъ сложно, что лучше сократить это дѣло, передвигаясь отъ столицы къ столицѣ по приблизительному направленію.

Немного утомленныя прибыли онѣ въ старый, мертвый коронаціонный городъ.

Дома покоятся тутъ одинъ возлѣ другого, какъ тяжелыя каменныя глыбы.

Все здѣсь необычайно молчаливо и полно воспоминаній прошлаго.

Лишь ярко-пестрыя платья женщинъ и сѣровато-синіе мундиры офицеровъ производятъ еще впечатлѣніе жизни, жизни, неохотно и какъ бы со злымъ сверканіемъ глазъ переносимой городомъ, охваченнымъ сномъ.

Эльга совсѣмъ оживилась отъ этихъ странныхъ и чуж-

Digitized by Google

дыхъ ей впечатлѣній.—Мама, поживемъ здѣсь немного. Тутъ все такъ необыкновенно. Хотѣлось бы этого побольше! Тебѣ развѣ не хочется, мама?

Мама же рѣшила, что пребываніе въ Краковѣ чрезмѣрно дорого. Такимъ образомъ онѣ, по старой системѣ сбереженій, двинулись уже на другой день утромъ прямо къ цѣли своего путешествія.

Вотъ ужъ эта часть пути понравилась Эльгѣ! Въ Хабовкѣ онѣ пересѣли изъ поѣзда въ крытый возокъ, въ которомъ путешествіе и продолжалось. Впереди сидѣлъ кучеръ въ барашковой курткѣ и вышитыхъ панталонахъ. Онъ раскатисто кричалъ:

— Уссà!—и размахивалъ кнутомъ надъ маленькой бойкой венгерской лошадкой.

Гей, какъ понеслись онѣ въ горы! Повстрѣчалась имъ телѣга, запряженная бѣлыми волами; рога воловъ были такъ велики, что загораживали дорогу въ обѣ стороны.

То вдругъ широкая горная улица оказывалась окаймленной съ двухъ сторонъ двумя рядами домовъ. Избы—досчатыя со щелями, заткнутыми соломой.

Справа люди, слѣва свиньи; тонкія, чистоплотныя, умныя и высокія свиньи—весьма презентабельные сожители.

А передъ входной дверью хозяйскій сынъ шлепалъ босикомъ, по щиколотку въ грязи, въ большой лужѣ. Онъ еще не долженъ былъ ходить въ школу, потому на немъ была лишь короткая рубашонка.

Здѣсь приходилось, однако, платить за проѣздъ по шоссе. Красивая дѣвушка со множествомъ бѣлыхъ зубовъ и желтымъ, какъ лимонъ, платкомъ на головѣ улыбалась кучеру, который по этому случаю купилъ у нея сверхъ прочаго папиросъ. Но что онъ такое говорилъ, отчего дѣвушка съ бѣлыми зубами покраснѣла вплоть до желтаго платка,—пассажиры не поняли. Навѣрное, онъ говорилъ:—Ты, бабочка, или золотой голубь. Я беру у тебя папиросъ и прошу огня—но сердце мое ты уже зажгла. Мое сердце горитъ ярче твоихъ папиросъ и горящаго куска дерева, который ты мнѣ подаешь. Я плачу тебѣ проѣздныя, чтобы провезти тутъ этихъ чужихъ людей, но я охотнѣе далъ бы тебѣ тысячу гульденовъ, лишь бы на тысячу ночей получить отъ тебя твои красныя губки.

Да, несомнѣнно казалось, что человѣкъ въ мѣховой курткѣ говорилъ именно это дѣвушкѣ съ бѣлыми зубами.

Иначе быть не могло.

Они поѣхали дальше. Горы вздымались все выше и выше.

Стаи воронъ пролетали надъ молодыми всходами. Бле-

Digitized by Google

стящая зеленовато-черная сорока взлетѣла и опустилась у самаго экипажа.

Эльга засмѣялась.

— Знаешь, мама, что это значитъ?

— Что такое?

— Тетя Махандель увѣряетъ, что если кому по дорогѣ встрѣтится сорока, то тотъ будетъ желаннымъ у цѣли.

Мама улыбнулась. А Эльга подумала:

— Для кого это мы тамъ будемъ желанными?

Мысль эта утомила ее на мгновеніе.

Вечеромъ онѣ прибыли въ Закопанье.

Всѣ дома здѣсь были деревянные, разставленные двумя отдѣльными рядами по обѣимъ сторонамъ улицъ. Горничныя въ гостиницахъ бѣгали босикомъ, ноги у нихъ были тонкія и красивыя въ подъемѣ.

На другое утро была нанята квартира въ Подлясіи, въ домѣ „у лѣса".

Владѣлица его была полногрудый гусаръ.

Она могла быть и умной, и любезной, если находила это нужнымъ. Однако, прежде всего: она говорила по-нѣмецки.

Госпожа Петровская разсказывала мамѣ:—Я никогда не любила моего мужа. Вовсе не нужно, чтобы жена любила своего мужа. Къ чему вообще любовь? Это хорошо еще для маленькихъ пансіонерокъ, вообще же это одна ерунда.

— О! — сказала мама, и негодующе взглянула на Эльгу, какъ будто это она выразила столь несимпатичный взглядъ.—О!

А Эльга смѣялась.

— Ну барышня! Она смѣется!? Васъ тоже мужчины не интересуютъ?

Мама опередила Эльгу отвѣтомъ: — Она еще не знаетъ никакихъ мужчинъ. Она еще совсѣмъ ребенокъ, ей только что минуло восемнадцать лѣтъ.

—Она уже не ребенокъ. Берегитесь. Въ семнадцать лѣтъ я была уже замужемъ. Въ восемнадцать я уже знала всю безвкусицу и всю нечистоту супружества.

Мама возмущенно откашлялась и увела Эльгу.

— Это невыносимая особа. Мы выѣдемъ отсюда, Эльга.

— Но, мама, вѣдь ты только-что заплатила чуть ли не за цѣлый мѣсяцъ.

Мама подумала о своихъ денежныхъ дѣлахъ, очень истощенныхъ роскошными поѣздами, и сказала:—Впрочемъ, можно вѣдь избѣгать эту особу. Этотъ домъ стоитъ на такомъ восхитительномъ мѣстѣ, намъ не легко будетъ найти подобное.

Digitized by Google

XXII.

Мама не выѣхала. Даже ни по истеченіи мѣсяца.

Такъ какъ за столомъ оказались премилые сосѣди.

Графъ Михаилъ Вронскій изъ Москвы.

Хотя Эльга только смѣялась, когда ее сравнивали съ замороженнымъ шампанскимъ. А съ цвѣтами, которые ей приносили каждое утро, она обращалась немного небрежно.

— Надо заткнуть одну изъ нихъ за кушакъ,—учила мама.

Эльга засмѣялась:—Развѣ въ самомъ дѣлѣ надо?

Она взяла одну изъ кроваво-красныхъ розъ и, разговаривая съ Михаиломъ Вронскимъ, такъ долго вертѣла ее за стебель, пока на немъ не осталось ни одного листика.

Михаилъ Вронскій сдѣлалъ грустные глаза и намекнулъ на то, что мужчина не можетъ позволить безнаказанно обращаться съ собою „en canaille“.

Эльга взглянула на него сбоку. Ей снова пришла на умъ ея прежняя поговорка: какое мужчина смѣшное и неловкое животное! Мы, женщины, созданы гораздо красивѣе.

И она сказала съ высоты своего величія:

— Ну, такъ наказывайте же меня!

Михаилъ Вронскій уже иногда ухаживалъ за женщинами, хотя по общему правилу онѣ ухаживали за нимъ. Во всякомъ случаѣ его ухаживанье никогда не оставалось безрезультатнымъ. Онъ просто не могъ понять, что ему здѣсь противостояло. И внѣ себя, голосомъ, сдавленнымъ отъ гнѣва, онъ произнесъ:

— О, да вы... вы вѣдь... вы отъявленная кокетка!

Эльга не отвѣтила, она повернулась, и, оставивъ его одного, равнодушно и медленно отправилась по садовой дорожкѣ домой.

А онъ стоялъ, стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ она шла, немного дѣтски небрежно, какъ ходятъ женщины, не сознающія еще своего тѣла.

Да, по этой походкѣ онъ внезапно понялъ все. Это ужъ навѣрное не „отъявленная кокетка“, это совсѣмъ юная дѣвушка, еще не разбуженная любовью мужчины.

Теперь Вронскій нашелъ настоящій тонъ, на который она и откликнулась.

Они гуляли вмѣстѣ, часто и съ остальнымъ обществомъ, по обширнымъ, почти дѣвственнымъ лѣсамъ. Имъ слышенъ былъ гулъ древесныхъ стволовъ, и они видѣли блескъ полуденнаго солнца.

Они перелѣзали съ молодой беззаботностью черезъ истлѣвающія деревья, сломанныя годами или ночной грозой,

Digitized by Google

иногда имъ насилу удавалось выбраться изъ ядовито-зеленаго мха, разросшагося надъ коварно скрытымъ болотомъ.

Они не говорили: — Лѣсъ чудесно хорошъ, и воздухъ полонъ кислорода... небо лазоревое, а луга зелены, какъ изумрудъ, — какъ говорятъ обыкновенно взрослые и даже очень образованные люди.

Они были ближе окружавшей ихъ природѣ, они ей больше довѣряли, они почти не говорили о ней, но больше чувствовали.

Затѣмъ они болтали, и превесело, хотя немного злословили объ остальныхъ.

У нихъ оказалась большая симпатія во взглядахъ: они оба презирали и осмѣивали все мѣщанское.

Вотъ, напримѣръ, толстая жена архитектора Гернова изъ Силезіи. Садясь за столъ, она не могла не произнести: „Mahlzeit“ [1]), послѣ чего только звучно принималась хлебать свой супъ.

Вронскій дико и отчаянно вращалъ глазами, а Эльга, какъ школьница, еле удерживалась отъ смѣха.

Послѣ обѣда они составили цѣлый списокъ мѣщанъ. Тутъ было не мало ерунды. Мѣщанами, по ихъ мнѣнію, были:

Люди, носящіе сапоги на резинкахъ.

Люди, у которыхъ въ обществѣ однѣ манеры, дома— другія.

Люди, бѣгающіе другъ за другомъ изъ-за одолженныхъ грошей.

Люди, наслаждающіеся зубочистками.

Далѣе, тѣ люди мѣщане, которые по воскресеньямъ чувствуютъ себя одѣтыми и держатъ себя соотвѣтствующимъ образомъ; также тѣ, которые обращаютъ на платье больше вниманія, чѣмъ на кожу, о которой думаютъ лишь столько, сколько того требуетъ чистоплотность. Мѣщане, прежде всего, тѣ, которые какимъ бы то ни было способомъ держатъ въ большемъ порядкѣ то, что видно, чѣмъ то, что скрыто; въ концѣ концовъ, мѣщане тѣ, которые, когда окажутся на виду у всѣхъ, держатъ себя ненатурально, выдавая тѣмъ самымъ свое недовольство собственной природой.

Вотъ это былъ знаменитый списокъ мѣщанъ.

Какъ полно сходились они оба въ своихъ взглядахъ, и какъ они чувствовали себя выгодно выдѣляющимися изъ остального общества.

Такимъ образомъ, у нихъ получилось чувство общности одного съ другимъ.

---

[1]) Обѣденное привѣтствіе.

Digitized by Google

Можетъ быть, это чувство было лишь внѣшнимъ.

Можетъ быть, это была лишь взаимная вѣра въ абсолютную чистоту тѣла и намѣреній.

Однажды мама услышала, какъ Эльга въ разговорѣ съ графомъ все время говорила:—Мы, аристократы.

Она крикнула ей смѣясь: —Эльга, ты забываешь, что твои родители мѣщане.

Эльга съ досадой подняла глаза:

— Ахъ, мама, я вѣдь не въ этомъ смыслѣ.

Для нея на самомъ дѣлѣ вовсе не существовало сословій. Въ другой разъ, если бы ей это было нужно, она тѣмъ же высокомѣрнымъ тономъ сказала бы:—Мы, плебеи.

— Она, слава Богу, очень наивна, — подумала мама, которая, съ тѣхъ поръ, какъ Эльга отказалась отъ своихъ стремленій къ эмансипаціи, съ кротостью относилась ко всѣмъ капризамъ своего ребенка.

XXIII.

Въ этихъ дняхъ было что-то танцующее, цвѣтущее—что-то вродѣ веселаго опьянѣнія однѣми лишь красками и ароматомъ.

Дикій ароматъ тимьяна, блестящія краски протекающей воды.

Не было ужъ больше прежняго желанія быть и творить.

Нѣтъ, нѣтъ: готовый и чудесно созданный міръ лежалъ у ногъ Эльги. Міръ нѣжный и блестящій, какъ цвѣточный лучъ, по которому остается лишь пройти въ неизвѣданномъ блаженствѣ.

Неужели она дѣйствительно вела когда-то утомительную борьбу ради недостижимой цѣли?

Красота достигается не такъ.

О! красота явилась сама собою, — лишь стоило протянуть руки на солнцѣ.

Госпожа Петровская говорила: — Ваша дочь сдѣлаетъ отличную партію! Вронскіе богаты, очень богаты! Что тутъ замѣшалось немного любви, это ничего! Пройдетъ со временемъ!

— Дѣти еще очень юны,—отвѣтила мама.—Пускай они еще хоть немного порадуются другъ на друга, а тамъ видно будетъ, устоитъ ли это противъ времени.

Мама изъ принципа сдѣлала видъ, что не слышала мнѣнія госпожи Петровской о любви. Мама умѣла, если находила это нужнымъ, разговаривать съ изысканною любезностью, пропуская въ то же время мимо ушей мнѣнія другихъ, и это вовсе не имѣло такого вида, будто она на-

Digitized by Google

рочно не хотѣла слышать чего-либо, выходило такъ, точно и на самомъ дѣлѣ не было ничего сказано.

— У Вронскихъ есть имѣнье возлѣ Москвы, — продолжала госпожа Петровская, — и хорошій домъ въ городѣ. Матери у него нѣтъ: одинъ отецъ, да старая тетка. Всѣ молодыя дѣвушки бѣгаютъ за Михаиломъ: умныя изъ-за денегъ, сумасшедшія изъ-за его прекрасныхъ глазъ.

— О, бѣдный молодой человѣкъ, онъ уже лишился матери! — сказала мама, пропустивъ мимо ушей ея послѣднія слова.

Такимъ образомъ, между мамой и Петровской происходили самыя мирныя бесѣды.

XXIV.

Тамъ, гдѣ теперь находится гостиница Подлясія, стоялъ когда-то барскій домъ. Одинокій, старый домъ изъ тяжелаго сѣраго камня. Болото, прилегающее къ нему, было высушено, и болотистая земля превращена въ паркъ и озеро. Отъ дома не осталось ни куска. Одна лишь бѣлая бесѣдка стояла еще съ тѣхъ временъ на одномъ изъ островковъ озера.

Входъ въ нее былъ въ стилѣ „Empire“, и она тихо возвышалась на своихъ свѣтлыхъ столбахъ изъ мрака кустовъ. Такую красоту въ этомъ отдаленномъ мѣстѣ создали, вѣроятно, люди съ одинокими мыслями.

Теперь въ этой мѣстности раздавалось много смѣха и болтовни. Тамъ собралось много молодежи, а гдѣ молодежь,—тамъ всегда праздникъ.

Всѣ сидѣли вмѣстѣ и совѣщались.

— Устроить прогулку по горамъ и ночевать у костровъ?

Противъ этого единогласно возстали матери.

— Ну, въ такомъ случаѣ вечеринку, да повеселѣе!

Весь паркъ освѣтили японскими лампочками. Танцовали въ садовой залѣ.

Какъ это было чудесно!

— Вотъ бы протанцовать такъ всю жизнь!—думала Эльга. Ея члены не могли насытиться нѣжною ликующею радостью танца.

— И зачѣмъ это надо стариться и нельзя танцовать всю жизнь! — сказала она своему кавалеру, маленькому, блѣдному поляку.

Полякъ мигалъ влюбленными глазами.

— Не будемъ мы никогда старыми, никогда! Мы будемъ вѣчно танцовать!

Мама подозвала къ себѣ Эльгу: — Эльга, возьми себя

Digitized by Google

въ руки, ты такъ танцуешь, что напоминаешь вакханку. Мадемуазель Лефдюбефъ смотритъ на тебя окончательно скандализированная.

Да, дѣйствительно, тамъ сидѣла мадемуазель Лефдюбефъ въ платьѣ „changeant“, съ поджатыми губами, великолѣпными волосами и совершенно скандализированнымъ видомъ.

Эльга испуганно стояла передъ мамой въ своемъ длинномъ бѣломъ платьѣ. Съ опущенной головою отправилась она снова къ танцующимъ.

Вронскій предложилъ ей пройтись съ нимъ по саду. Она молча взяла его подъ руку, и они пошли по нѣжно освѣщеннымъ дорожкамъ сада.

Вечерній горный холодъ не спускался въ этотъ день.

Гдѣ-то за лѣсомъ покоилась гроза, испускавшая на мѣстность свое горячее дыханіе.

Вотъ и маленькій мостъ, который ведетъ черезъ прудъ въ бесѣдку.

Какъ же они попали сюда?

Эльга медлила перейти: она остановилась и смотрѣла въ воду.

А вода отражала въ себѣ всѣ мерцающіе огоньки—она текла тонкими темными нитями,—какъ обѣтъ, была она таинственно молчалива.

— Какъ вода манитъ...—сказала Эльга.

— Пойдемте, пойдемте же со мною,—говорилъ тотъ, кто стоялъ съ нею рядомъ.

— Отъ воды ли этотъ голосъ звучитъ такъ мрачно?—думала она.

Да, всѣ голоса звучатъ такъ мрачно надъ водою.

— Ночь также мрачна... — сказала она, и еще больше нагнулась надъ перилами мостика.

А онъ сказалъ:—Слышите, какъ сюда доносится музыка? Совсѣмъ ясно. Пойдемте... давайте танцовать...

— Здѣсь?

— Да. Въ бесѣдкѣ для насъ хватитъ мѣста.

Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и они танцовали въ небольшомъ помѣщеніи, освѣщенномъ, должно быть, мерцающимъ отраженіемъ воды, или прорѣзывающимся луннымъ свѣтомъ,—развѣ можно было понять, чѣмъ именно?

Они танцовали.

Они держались другъ за друга.

Они танцовали танецъ своей молодости.

Одному слышалась пѣснь о горячей красной крови, пѣснь о страстномъ стремленіи и трепетѣ.

Другому чудилась далекая, блаженная пѣснь о юной, ма-

Digitized by Google

ленькой дѣвочкѣ, которая любовью превращается въ женщину...

Они танцовали.

Они держались другъ за друга.

Они танцовали танецъ своей юности.

Эльга остановилась и прислонилась къ окну.

— Вернемтесь теперь,—сказала она.

Она смотрѣла въ окно, но въ то же время чувствовала, что онъ стоялъ съ нею рядомъ.

Если бы она была слѣпа и глуха, и шла по пустынной улицѣ, и встрѣтила бы его... еще издалека...

Она знала, что тогда ея кровь почувствовала бы его приближеніе.

Кровь ея переполнила бы тогда своими звуками весь міръ, нѣмой для нея. Тогда зарево ея страстнаго стремленія прорѣзало бы лежащую передъ ея глазами тьму.

Вотъ какъ чувствовала она его возлѣ себя...

— Пойдемте, — сказала она еще разъ совсѣмъ тихимъ, дѣтскимъ, боязливымъ голосомъ.

— Какъ желаете, пани кохана...

И этого онъ, вѣроятно, не могъ не сдѣлать: онъ наклонился и прижалъ къ своимъ губамъ ея руку.

Этотъ медленный поцѣлуй, искавшій красный хмѣль ея сердца, какъ будто опалилъ ее.

— Нѣтъ, не надо,—сказала она поспѣшно,—не надо!

И она торопливо пошла впереди него по мосту.

XXV.

Встрѣчи съ нимъ она теперь просто боялась. Въ особенности ей не хотѣлось ни на одно мгновеніе оставаться съ нимъ наединѣ.

Когда онъ бывалъ съ нею, она думала:

— Ты чужой, чужой человѣкъ, что между нами общаго?

Безъ него она все ждала знакомыхъ ей шаговъ.

О, она такъ томилась... такъ томилась.

Онъ долженъ вѣдь придти и дать ей то общее, чего между ними недоставало...

Она прочла гдѣ-то, что мужъ и жена остаются всегда навѣки смертельно чуждыми другъ другу...

— Боже, неужели это правда? А если это всегда такъ... всегда?!

Отчего же въ эти горячія ночи кровь ея все пѣла о чужомъ... о смертельно чужомъ человѣкѣ?

Отчего же его прикосновеніе было подобно красному

Digitized by Google

хмѣлю? Не казалось ли ей, что отъ его взоровъ и ея бѣлое платье должно загорѣться краснымъ пламенемъ?

Ей вспомнилось все то, что онъ говорилъ ей раньше. Онъ говорилъ о чувствѣ.., и все, что бы онъ ни говорилъ, было высокомѣрно и банально.

Неужели, дѣйствительно, мужчины чувствуютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ женщины?

Или онъ, можетъ быть, не говорилъ ничего своего. Онъ, можетъ быть, употреблялъ гдѣ-нибудь вычитанныя слова, ничего при этомъ не думая.

— Моя любовь нѣжна и въ то же время полна страсти... Я способенъ сдѣлать женщину счастливой!—говорилъ онъ какъ-то.

И онъ смотрѣлъ передъ собой, самодовольный, блаженно-беззаботный, краснощекій.

— Какъ же это было... эта исторія съ діаноподобной ногой?—размышляла Эльга.

— Откуда у васъ, сударыня, эта діаноподобная нога?

— Отъ усерднаго занятія всевозможнымъ спортомъ, сударь...

Чужды... о, смертельно чужды они другъ другу...

Неисцѣлимо чужды...

Какъ же это случилось: Эльга оказалась вдругъ лежащей на полу въ своей комнатѣ и плакала, горько плакала.

Она рыдала долго, однозвучно, какъ отъ глубокаго отчаянія.

— Боже мой, Эльга, дитя мое, что такое случилось? Скажи, обидѣлъ тебя кто-нибудь?!

Эльга ничего не слышала: она все плакала... плакала...

— Дитя, дитя, да отвѣть же мнѣ, что случилось?

Наконецъ, она начала слышать. Она поняла, что это былъ не сонъ, то, что такъ неожиданно въ ней обнаружилось.

Она поняла, что переживаетъ дѣйствительность, и что она должна отвѣтить мамѣ.

— Ничего не случилось,—сказала она разстроенно,—ничего.

— Но отчего же ты плачешь такъ ужасно, дитя мое?

— Не знаю, мама... мама, давай уѣдемъ отсюда, пожалуйста, уѣдемъ!

— Уѣхать?! теперь?! Что же это за выдумка, маленькая Эльга? Дѣтка моя милая, я вижу, что ты любишь Михаила Вронскаго!.. И онъ... ну да, ужъ скажу тебѣ... онъ говорилъ другимъ, что если кому быть его женой, такъ только тебѣ. Я бы не говорила тебѣ этого... я бы предоставила всему свершиться самимъ собою, но разъ ты въ такомъ отчаяніи, то я считаю лучшимъ сказать тебѣ это въ утѣшеніе.

Digitized by Google

— Это я все знаю,—тихо и грустно сказала Эльга.

— Знаю, что онъ меня любитъ, и боюсь... боюсь... что я сама... Но есть что-то между нами, есть что-то между нами, почему намъ никогда не сойтись... никогда не сойтись.

И опустивъ голову на руки, она снова заплакала... заплакала безудержно.

Мама была глубоко озабочена и весьма разочарована.

Что это съ Эльгой, капризъ? Или у нея есть какое-нибудь серьезное основаніе? Открылъ-ли онъ ей что-либо? Ссора какая-нибудь въ семьѣ, или что-либо подобное непріятное? Развѣ эти два юныхъ человѣка уже договорились?

Эльга такъ увѣренно говорила о его любви.

А что за красивая пара они оба!

Казалось, что каждый изъ нихъ лишь тогда вполнѣ красивъ, когда рядомъ съ нимъ стоитъ другой!

И зачѣмъ это Эльга всегда такая скрытная?!

XXVI.

Въ одинъ прекрасный день пріѣхала графиня тетушка Михаила.

Петровская улыбалась, мадемуазель Лефдюбефъ улыбалась,—всѣ улыбались, кто сдержанно, кто многозначительно, каждый по способности. Они улыбались всѣ—вплоть до Маліи, большой толстой дѣвочки, носившей еще короткое платье, но полной чувствъ, соотвѣтствующихъ ея крѣпкому сложенію.

Одна Мама великолѣпно хладнокровно дѣлала видъ, что не замѣчаетъ нескромности сообитателей; а у Эльги слегка усиленно билось сердце.

Ей казалось, что ее запутываютъ со всѣхъ сторонъ въ тенета, такъ что ей скоро нельзя будетъ пошевельнуться... Напирая на нее, ее толкали на пути, гдѣ звукъ собственныхъ шаговъ казался ей незнакомымъ, гдѣ голосъ ея дѣлался какъ-будто глухимъ.

Что же? Ну что же?

Она еще совсѣмъ не знала...

О, еще разъ вспомнить... еще разъ открыть глаза, можетъ быть, она спитъ...

Еще разъ свободно протянуть руки къ востоку...

Не зная, какъ ей быть, она написала фрейлейнъ Гартманъ. Она забыла, что между ними собственно уже давно ничего не было общаго; кромѣ того, она не знала, что плохой совѣтчикъ тотъ, на котораго мы взваливаемъ тяжесть забытой любви.

Да, дѣйствительно, маленькая Эльга написала ей съ горя.

Можетъ быть, въ ея словахъ и чувствовался душевный страхъ передъ неполнотой этой любви; но та, которой она писала, помочь ей тутъ не могла... она была связана тысячью путъ. Можетъ быть, она даже не могла понять чуждое для нея чувство, развившееся въ довѣрявшемъ ей ребенкѣ.

Она отвѣтила немного натянуто и шутливо, что эта нерѣшительность и это незнаніе именно и есть любовь. Она припомнила даже кое-что изъ эльгиной дѣтской болтовни и написала, что вотъ теперь Эльга и нашла своего графа.

Эльга сидѣла, держа въ рукахъ чуждое письмо чужого ей человѣка; она смотрѣла поверхъ него передъ собою—и чувствовала: цѣпь между мною и тобою порвана...

Она мысленно смотрѣла на свое дѣтство такъ, какъ смотрятъ черезъ рѣку на другой берегъ, на которомъ угасаетъ костеръ.

Ты горѣла такъ ярко... такъ ярко и такъ сильно, что даже небо было красно тобою.

Такъ ярко горѣла ты.

Теперь же осталось только одно угасаніе.

. . . . . .

Итакъ, Эльга увидѣла, что она совершенно одна, что она одиноко стоитъ передъ этимъ рѣшеніемъ.

И вдругъ, какъ будто внезапно созрѣвъ, она сказала себѣ: я хочу это пережить, будетъ ли это счастьемъ для меня или ошибкой.

XXVII.

Графиня, тетя Маша, была привѣтливая старая дама. Да, это былъ положительно идеалъ дамы почтенныхъ лѣтъ: бѣлые, шелковистые локоны, сиреневое платье со стариннымъ запахомъ розъ, фіалокъ и лаванды.

Тетя Маша называла Эльгу: „ma chérie“ и „mon bijou“, и, воспользовавшись первымъ незначительнымъ случаемъ, предложила ей называть ее „тетя Маша“.

Кромѣ того, тетя Маша пріобрѣла также маминъ взглядъ на то, что смѣлое стремленіе Эльги называть вещи своими именами и ея недружелюбное отношеніе ко всему чужому,—это наивность.

Они шли по лѣсной дорогѣ въ Кузницу. Впереди Эльга и Михаилъ, за ними обѣ дамы въ черномъ и въ сиреневомъ шелковыхъ платьяхъ. По обѣимъ сторонамъ тянулся лѣсъ.

— Идите ко мнѣ,—говорилъ лѣсъ.

— Придите въ мою, полную трепета и ожиданія, тишину

Digitized by Google

— Мать Михаила принесла съ собою въ приданое цѣлое сокровище серебра,—говорила тетя Маша.

— Заблудитесь и найдите другъ друга въ глубинѣ моей,—говорилъ лѣсъ.—Въ моихъ нѣдрахъ покоится бьющаяся тайна жизни.

— Отвѣтственность, сила, благодарность,—говорила тетя Маша.

— Красное упоеніе счастьемъ,—раздавалось изъ лѣсу.

Михаилъ и Эльга шли по широкой дорогѣ въ Кузницу—за ними сзади обѣ дамы въ черномъ и сиреневомъ шелкахъ. Михаилъ былъ полонъ добродѣтели и нравственныхъ правилъ.

— Я думаю, что если два человѣка любятъ другъ друга, то они должны считать себя обязанными углубить и облагородить во всѣхъ отношеніяхъ существующее между ними отношеніе,—говорилъ Михаилъ Вронскій.

Эльга вопросительно улыбнулась.

Но нѣтъ... МихаилъВронскій говорилъ совершенно серьезно.—Они не должны бояться указывать другъ другу свои недостатки, и каждый долженъ стараться отдѣлаться отъ нихъ изъ любви къ другому,—продолжалъ онъ.

Эльга не знала плакать ли ей, или смѣяться?..—О, Михаилъ Вронскій, какой вы благородный человѣкъ!—сказала она, сдѣлавъ комично-жалобное лицо.—Но развѣ вы не понимаете, что любящему можетъ нравиться и то, что вы называете „недостатками другого"? О, Михаилъ Вронскій, любовь—не воспитательное учрежденіе! Я боюсь за васъ: можетъ быть, любовь и вовсе безъ правилъ!

Михаилъ Вронскій вынесъ изъ ея словъ то лишь впечатлѣніе, что онъ нравится ей со всѣми своими недостатками. Это было удобно и въ тоже время лестно. Впрочемъ, онъ былъ, помимо незначительныхъ слабостей, человѣкъ съ характеромъ. А Эльга... Эльга была женщина-дитя самая прелестная изъ всѣхъ, кого онъ видѣлъ. И то, что она сейчасъ смѣясь говорила, исходило изъ того невиннаго состоянія, въ которомъ женщина жила до грѣхопаденія.

— Comme elle est naive ,ah, bien naive [1]),—сказала тетя Маша, изрѣдка прислушивавшаяся къ дѣтямъ, смотря на маму съ снисходительной улыбкой, присущей почтеннымъ дамамъ.

Мама возразила:—Elle est encore très enfant, ca ne fait rien pour le moment... je crois bien qu'une fois elle sera vraiment femme, an fond de l'âme elle est bien sérieuse [2]).

---

[1]) Какъ она наивна, ахъ, очень наивна.

[2]) Она еще совсѣмъ дитя—это пока ничего, я увѣрена, что она со временемъ будетъ настоящей женщиной, въ глубинѣ души она очень серьезна.

Digitized by Google

XXVIII.

Тетя Маша взяла Эльгу подъ руку, держа своими тонкими пальцами, унизанными до перваго сустава кольцами, Эльгину длинную, тонкую руку, похожую на руку мальчика.

— Пройдемтесь немного по саду, поболтайте немного со старухой, mon enfant, несмотря на ея совершенно сѣдые волосы и на то, что она ужъ больше къ вамъ не подходитъ ни по красотѣ, ни по уму.

— Тетя Маша, вы самая красивая изъ всѣхъ видѣнныхъ мною женщинъ,—сказала Эльга тихо и краснѣя. Ей и дѣйствительно казалось, что это такъ.—Какъ много нужно красоты, чтобы такъ счастливо и съ такою кротостью мириться со старостью!—думала она.

Тетя Маша лукаво взглянула на нее сбоку.

— Жаль, Эльга, что вы не молодой кавалеръ, а я не юная дѣвица! Очень жаль!

Онѣ шли по переплетающимся дорожкамъ парка и неожиданно оказались около моста къ бесѣдкѣ. Эльгѣ вспомнилась та ночь, полная танцевъ, упоенія и юности, и она показалась ей странно-далекой.

— Вѣдь вы когда-то хотѣли сдѣлаться художницей, Эльга?—сказала тетя Маша. — Вы, кажется, хотѣли учиться рисовать?

Эльга густо покраснѣла.—Мнѣ это не удалось,—сказала она торопливо. —Я не могла преодолѣть перваго ученія... я отъ него заболѣла и одурѣла.

— Вы принялись за это слишкомъ страстно, милое дитя, — съ умной улыбкой возразила почтенная дама,—и у васъ появилось отвращеніе. Это естественно. Мнѣ было бы весьма понятно, если бы и послѣ этого появилась реакція. Искусство замѣчательная вещь... о, весьма замѣчательная. Оно, я думаю, забывается не такъ скоро. Въ особенности живопись. Живопись—самое благородное искусство. Но одно тутъ нехорошо... одно тутъ очень нехорошо...

Она удержала Эльгу, остановилась и, смотря ей прямо въ лицо своими живыми глазами, сказала: — Malheureusement [1]), то общество, въ которое вамъ пришлось бы вступить, — общество очень плохое! Художники... они весьма изящны... bien excellents, безупречны... Но, какъ люди, они плохое общество! Tout comme les juifs [2])!

У Эльги показались слезы на глазахъ, слезы гнѣва.

---

[1]) Къ несчастью.

[2]) Совсѣмъ какъ евреи.

Digitized by Google

Кто-нибудь, находящійся въ чужой странѣ, слышитъ, какъ поносятъ его родину. Онъ никогда не былъ патріотомъ. Онъ былъ далекъ отъ мысли воспѣвать хвалу своей родинѣ, онъ самъ себѣ показался бы смѣшнымъ въ этомъ случаѣ...

А теперь? Какой-то чужестранецъ насмѣшливо улыбается, говоря о его родной странѣ?

И въ одно мгновеніе эта страна становится прекрасной единственной страной,—родиной.

— О нѣтъ! Это невозможно!—сказала Эльга, еле сдерживая слезы гнѣва.—Что я сама ничто и ничего не умѣю... и, можетъ быть, никогда ничего не сдѣлаю... это только крахъ моей личной жизни. Если бы мнѣ пришлось избрать: носить ли вѣнецъ, или создать художественное произведеніе... единственное дѣйствительное художественное произведеніе... о, я тысячу, тысячу разъ лучше хотѣла бы быть одинъ единственный разъ творцомъ... нежели всю жизнь властелиномъ!

— Oh, petite revolutionnaire [1])! —шутливымъ, легкимъ тономъ сказала тетя Маша.

И, взявъ снова Эльгу подъ руку, она повела ее дальше.

— Скажите, маленькая Эльга, говорилъ вамъ уже Михаилъ о томъ, что мы ѣдемъ въ субботу?

— Нѣтъ. Михаилъ ничего не говорилъ. Въ субботу? Это уже послѣ завтра.

Эльга почувствовала, какъ блѣднѣетъ отъ мучительной боли. Она внезапно потеряла всякое желаніе спорить. Она твердила мысленно только одно:—Я люблю его... люблю его. Боже... какъ я его люблю! А теперь... теперь, можетъ быть, все кончено...

— Нѣтъ... я объ этомъ ничего не знала,—сказала она слегка дрожащимъ голосомъ, который выдавалъ ее безъ ея вѣдома.

Она думала:—Онъ уѣзжаетъ... мы расходимся, не понявъ другъ друга. Я о немъ ничего не знаю. Я люблю его. Это разобьетъ мое сердце... разобьетъ...

Тетя Маша продолжала болтать:

— Да, онъ снова долженъ приняться за свои занятія. Не хорошо столько времени не заниматься и ничего не дѣлать. Въ нашей семьѣ существуетъ законъ: старшій сынъ долженъ учиться. Онъ долженъ научиться быть господиномъ надъ своею собственностью. Это налагаетъ у насъ бо́льшую отвѣтственность, чѣмъ въ вашей странѣ. Народъ у насъ еще глупый... какъ крѣпостные. Заботиться о себѣ сами они не умѣютъ. Баринъ долженъ быть для нихъ маленькимъ богомъ.

---

[1]) Маленькая революціонерка.

Digitized by Google

Хорошо, что онъ изучаетъ право. Да... да... крѣпостнымъ божокъ необходимъ...

И съ чувствомъ удовлетворенія она еще разъ шутливо добавила:—Да, да, божокъ необходимъ для крѣпостныхъ...

XXIX.

Да... это была разлука.

Эльга снова шла по саду съ Михаиломъ.

И снова слова ихъ воскресили все то, что произошло между ними со дня ихъ знакомства.

— Помните, Эльга, какъ вы сначала меня и знать не хотѣли?

Я дарилъ вамъ цвѣты... а вы мучили меня своимъ невниманіемъ...

Помните, Эльга, этотъ вечеръ съ танцами? Я теперь могу сказать вамъ: я страшно приревновалъ васъ къ этому Яблонскому...

Мнѣ было невыносимо, что вы танцуете съ нимъ... мнѣ хотѣлось вырвать васъ изъ его рукъ...

А потомъ... помните еще... когда мы подъ конецъ... въ бесѣдкѣ...

О, Эльга помнила. Еще какъ помнила!

Но она мало говорила. Она улыбалась, слушая его.

Она слушала его, какъ слушаютъ пѣснь своей юности. Далека она... далека и мила эта пѣсня твоихъ юныхъ лѣтъ... и все же она еще въ твоей крови.

Ты слушаешь ее и сама не можешь не пѣть ее, — столь близка еще тебѣ эта пѣснь твоей юности.

Она не говорила. Она улыбалась и слушала его, а онъ говорилъ обо всемъ томъ, что было имъ одинаково близко.

Между прочимъ онъ сказалъ:—Самое лучшее, однако, это, то, что мы друзья. Я чувствую себя понятымъ вами и въ свою очередь понимаю васъ.

Моей всегдашней мечтой было, чтобы женщина, которую я полюблю, могла понимать меня, могла бы быть моимъ другомъ.

Эльга ничего не отвѣтила. Ей стало немного тяжело и она подумала:—А я... я только люблю его. Онъ мнѣ вовсе не другъ. Но если бы въ немъ не было ни сердца, ни души, ни ума... если бы онъ былъ пустъ, какъ глухой орѣхъ. . я должна была бы любить его.

А развѣ я знаю, что такое любовь?

Я любила бы его слѣпо и безумно... если бы даже не имѣла на то ни малѣйшаго основанія...

Digitized by Google

Затѣмъ онъ началъ разъяснять ей своей планы на будущее.—Я буду работать, напряженно работать, чтобы хорошо выдержать экзаменъ и достойно занять мѣсто, на которое я призванъ Богомъ.

— При помощи хорошо выдержаннаго экзамена онъ достойно выполнитъ возложенное на него Богомъ...—думала Эльга.

Хоть бы онъ, по крайней мѣрѣ, не говорилъ объ этомъ.

Она не могла удержаться, чтобы не сказать:—Навѣрное, это ужасно трудная и отвѣтственная вещь хорошо выдержать экзаменъ!

Онъ наивно улыбнулся.—Ну... при нѣкоторыхъ способностяхъ это не такъ ужъ страшно.

Въ первый моментъ ей захотѣлось громко разсмѣяться... но затѣмъ она почувствовала вдругъ какую-то неимовѣрную слабость и робость.

Она вѣдь любила... любила этого человѣка.

Онъ повернулъ съ нею къ мосту, ведущему къ бесѣдкѣ. Она остановилась на немъ... какъ въ ту ночь... и стала смотрѣть въ воду.

Вода имѣла видъ твердаго темнаго стекла. Подобно копьямъ, поставленнымъ для обороны, торчалъ изъ нея тростникъ.

Какъ хорошо, должно быть, когда можно восторгаться тѣмъ, кого любишь; когда можно сказать ему: дѣлай со мною все, что хочешь. Все, что бы ты ни говорилъ, ни дѣлалъ—хорошо...

— Войдемъ?

И они вошли въ маленькую бесѣдку, въ окна которой со всѣхъ сторонъ проникалъ зеленоватый расплывающійся свѣтъ.

Вдоль по стѣнамъ стояла низкая старая мягкая мебель. Неестественные цвѣты протягивали свои длинныя вѣтви по камчатнымъ чехламъ.

Слышенъ былъ плескъ воды, тихое эхо котораго раздавалось въ бесѣдкѣ, такъ что казалось, будто вода тяжело и таинственно протекаетъ подъ поломъ...

Эльга остановилась у окна... у того самаго окна, у котораго она тогда стояла послѣ танца.

— Черезъ три года, Эльга, я пріѣду къ вамъ въ Германію, говорилъ онъ.—Черезъ три года. Тогда я буду имѣть право сказать вамъ больше, нежели въ этотъ разъ. А пока... могу я писать вамъ? Будете ли вы отвѣчать мнѣ?

— Да,—тихо сказала Эльга.

Конечно, она будетъ отвѣчать ему, и, конечно... ей хотѣлось увидѣть его снова черезъ три года.

Но почему же... почему онъ не обниметъ ее сегодня же?

Digitized by Google

Сегодня же... сегодня... когда она такъ жаждетъ его поцѣлуя...

— Эльга... милая Эльга... согласны ли вы ждать меня, пока я пріобрѣту право придти къ вамъ?

— Я... буду помнить васъ...—сказала она.

Послышались голоса: мама и тетя Маша. Они не хотѣли быть здѣсь встрѣченными и торопливо перешли мостъ.

Михаилъ подошелъ къ мамѣ и сталъ говорить ей о своихъ планахъ.

Кончилось тѣмъ, что мама сказала:—Я сохраню для васъ Эльгу. Я буду оберегать ее. Вы будете мнѣ милымъ сыномъ, Михаилъ.

Михаилъ благодарно поцѣловалъ ей руку.

XXX.

Послѣ обѣда Вронскіе уѣхали.

Эльгѣ и Вронскому уже не пришлось быть однимъ до отъѣзда.

Прежде чѣмъ сѣсть въ коляску къ тетѣ Машѣ, онъ еще разъ взялъ эльгину руку и въ присутствіи всего общества наклонился и нѣжно, почтительно поцѣловалъ эту руку.

Ей не было больно... она испытывала лишь утомленіе... и горькое горькое, чувство разочарованія. Она сама не знала, отчего.

Ей захотѣлось быть одной.

Она взяла маленькую книжку, подаренную ей какъ-то Михаиломъ, и ушла въ лѣсъ.

На книжкѣ было написано: „Моей милой и уважаемой подругѣ Эльгѣ Оллендорфъ.“

Она стала разсматривать этотъ мелкій, сильный и въ то же время элегантный почеркъ. Все, что она впредь услышитъ отъ него, будетъ сообщаться ей этимъ почеркомъ.

И она рѣшила любить его... этотъ равнодушный почеркъ, который самъ по себѣ ничего ей не говорилъ.

Она будетъ любить все, исходящее отъ него.

Развѣ вообще не любятъ все то, что исходитъ отъ любимаго человѣка?

Но внезапно она почувствовала, что изъ всего этого ничего не будетъ.

Что ей до его несвободныхъ словъ!

Она жаждала его улыбки... его ласкающей походки...

Горячо жаждала она движеній его полныхъ жизни рукъ...

И все это она больше не увидитъ...

Она будетъ лишена всего этого.

Она заплакала...

Digitized by Google

Она чувствовала всю жестокость, всю безсмысленность, весь произволъ разлуки... разлуки съ жизнью.

Она чувствовала, какъ разлука грубо и безсмысленно разбивала то, что только-что успѣло создаться, какъ изъ-за нея все невыясненное и непережитое должно отойти въ безнадежную даль.

Она плакала... плакала...

Что ей до отдаленной будущности?

Все, что бы ни пришло... уже не придетъ теперь... въ это чудесное готовое теперь.

Все, что бы ни пришло, придетъ уже слишкомъ поздно.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

XXXI.

Спустя немного времени въ ея рукахъ очутилось уже его первое письмо. Читая его, она чувствовала, какъ мама улыбающимися глазами смотрѣла на нее.

Ахъ!... Въ этомъ письмѣ не было ровно ничего... Зачѣмъ мама улыбается такъ многозначительно?!

Когда она кончила читать, мама ласково спросила:—Можешь показать мнѣ письмо, маленькая Эльга? Ты знаешь вѣдь, какъ близко мнѣ все, что ты переживаешь...

Эльга молча подала ей письмо, въ которомъ не было ни единаго слова, могущаго затронуть ея душу.

Зачѣмъ же ей хранить его лишь про себя? Это относилось одинаково какъ къ ней и Михаилу, такъ и къ мамѣ и къ тетѣ Машѣ. Поэтому вполнѣ естественно, чтобы мама прочла письмо, въ которомъ не заключалось ни единаго слова, касающагося исключительно ея и Михаила...

Прочитавъ письмо, мама начала расхваливать дѣльные принципы, высокія и благородныя намѣренія, о которыхъ оно говорило.

— Онъ способенъ найти нравственный импульсъ и въ закуриваньи папиросы!—думала Эльга.

И такая благородная переписка должна будетъ продолжаться цѣлыхъ три года.

Не лучше ли ее вести мамѣ и тетѣ Машѣ?

А если бы вдругъ уважаемый и дорогой другъ Эльга вздумала отвѣтить на это безцѣнное письмо слѣдующимъ образомъ:

— Михаилъ Вронскій, мнѣ смѣшны твои принципы и твое благородство!

Я могу лишь смѣяться надъ ними! Ибо я молода, а

Digitized by Google

ты писалъ для тѣхъ, кто старъ сердцемъ. Ты писалъ для тѣхъ, которые допускаютъ, чтобы имъ вручали принципы для руководства въ жизни. Ты пишешь о великихъ намѣреніяхъ, но въ дѣйствительности все истинно-великое совершается безсознательно. Такъ же безсознательно, какъ безсознательно ты красивъ и привлекателенъ. И если я тебя люблю, Михаилъ Вронскій, то люблю я тебя за твою красоту... а не за эту смертельно-скучную, безумно-жеманную нравственность. Итакъ, не увѣшивайся больше добродѣтелями, которыхъ въ тебѣ нѣтъ, такъ какъ въ моихъ глазахъ онѣ не служатъ тебѣ украшеніемъ. Ты красивъ и привлекателенъ, Михаилъ Вронскій, и за это за одно я люблю тебя.

Ты же говоришь, что любишь мою красивую душу. Можетъ быть, у меня, Михаилъ Вронскій, и есть какая-нибудь душа, но по отношенію къ тебѣ она молчитъ. Для тебя она еще никогда не говорила. Ибо моя душа не знаетъ ничего о твоей...

Моя душа тебѣ смертельно чужда.

Моя душа чужда тебѣ, и все же я люблю тебя...

Со страшною силою рвусь я крикнуть тебѣ, окруженному добродѣтелями и нравственностью, мою безнравственную тайну!

Михаилъ Вронскій, люблю тебя всѣми моими чувствами!

XXXII.

Что за смыслъ было оставаться еще дольше въ Закопаньи и платить такъ дорого за вкусныя дыни и плохія, безвкусныя остроты Петровской?

— Я, право, не знаю, Эльга, какъ продолжать все это... Я отъ души говорю, я нисколько не жалѣю, что тебѣ удалось немного повеселиться, не жалѣю также всѣхъ туалетовъ, которые ты, дитя мое, получила за это лѣто. Я же сократила всѣ личные расходы, чтобы дать тебѣ все это. Но теперь мы должны начать примѣрно бережливую жизнь...

Онѣ переселились въ маленькую деревню на Остзейскомъ берегу и начали примѣрно дѣлать сбереженія.

Три раза въ недѣлю онѣ ѣли за обѣдомъ рыбу, и большею частью печеный картофель. Онѣ жили въ тѣсныхъ комнатахъ, украшенныхъ стеклянными собаками и ядовито красными макартовскими букетами. Приходилось безутѣшно смотрѣть на вязаныя покрывала, которыхъ нельзя было снять съ мебели, такъ какъ они служили для прикрытія пятенъ и разорванныхъ мѣстъ...

О, онѣ погрузились въ сбереженія.

Digitized by Google

Въ домѣ напротивъ жила модистка.

Она была немного сутуловата и любила яркіе цвѣта. Она любила украшать шляпы своихъ заказчицъ желтымъ, розовымъ и огненно-краснымъ, перемѣшанными по-шотландски. При этомъ она пѣла пѣсню.

Высокіе и тягучіе звуки этой пѣсни слышны были черезъ улицу во всякое время дня...

Пѣсня эта была полна добродѣтелей модистки:

— Ach, ich bin zufrieden,
Geh es wie es will,
Unter meinem Dache leb' ich friedlich still,
Mancher Mensch hat alles
Was sein Herz begehrt.
Doch ich kann entbehren
Da—as ist go—oldes wert... [1])

Пѣсня слышна была черезъ улицу, и Эльга видѣла, какъ маленькія стекляныя собаки каменѣли отъ благочестивыхъ ощущеній.

Онѣ молчаливо выглядывали изъ-за ядовито-красныхъ макартовскихъ букетовъ и слушали, возвышаясь душою. Онѣ охотно приняли бы участіе въ этой пѣснѣ, восхваляющей довольство малымъ.

Черезъ улицу безпрестанно звучала эта пѣснь.

И Эльга убѣжала отъ нея далеко, за деревенскіе сады.

Тамъ гулялъ вѣтеръ.

Вѣтеръ трепалъ красную степь. Ея суровый, дикій ароматъ носился по вечернему воздуху.

По небу двигались тучи... Странныя тучи въ формѣ существъ. Куда ни шагни,—вездѣ ширь и просторъ, тоскливое томленіе и недовольство. Жаръ и жажда.

По мѣрѣ ходьбы на встрѣчу безконечности, шаги дѣлались все болѣе и болѣе легкими.

Такъ перешла она красную рощу и продолжала свой путь, не ища дороги.

Ей человѣкъ встрѣтился.

Льющаяся съ небесъ кровь окружала темный образъ. Лицо было обращено немного къ небу. Ротъ сложенъ живо и выразительно.

Еще другой встрѣтился ей.

Этотъ другой прошелъ мимо.

---

[1]) Ахъ, я довольна, какъ бы все ни шло.
Тихо и мирно живу я подъ своей кровлей.
У многихъ людей есть все, чего бы душа ни пожелала,
Я же умѣю жить и въ лишеніяхъ...
Это дороже золота.

Digitized by Google

Затѣмъ снова одиночество. Пурпурно-красное раскаленное одиночество.

На сердце ложится тяжесть отъ такой массы красоты.

...Почти невозможно перенести столько красоты.

Написать бы это на картинѣ! О! если бы можно было передать все это!

Какъ будто звуки пролетаютъ, и ты создаешь изъ нихъ пѣсню...

О, если бы мочь творить, если бы мочь творить!

. . . . . .

Но какъ же, если въ тебѣ нѣтъ способностей? Руки непризваннаго запятнаны.

XXXIII.

Время тянулось тяжело и медленно.

Время остановилось, оглянулось... и сказало:—Ты отпускаешь меня пустымъ? Развѣ ты такъ бѣдна, что нѣтъ ничего, чтобы ты могла вручить мнѣ?

Эльга плакала.

Жажду души моей вручаю я тебѣ... жажду души...

Время говорило:—И все же ты отпускаешь меня съ пустыми руками?..

. . . . . .

XXXIV.

Онѣ не искали общества. Во-первыхъ,обстоятельства ихъ были не таковы, чтобы можно было завести кругъ знакомыхъ; да и кромѣ того, тамъ не было никого, чье общество было бы желательнымъ.

Мама слышала, что докторъ мѣстнаго курорта не обладаетъ приличными манерами, а пасторъ уже по одному своему званію не нравился мамѣ. Кромѣ того, мама была увѣрена въ томъ, что жены пасторовъ вѣчно говорятъ только о вареньи и образцахъ для вязанья крючкомъ. Въ исключительныхъ случаяхъ онѣ еще, пожалуй, скажутъ:—Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы носить платья реформъ... но если придется носить еще всѣ юбки на плечахъ?!

Нѣтъ лучше жить въ одиночествѣ.

Зима была безконечная. Но англійскіе романы можно добывать и въ такомъ маленькомъ приморскомъ мѣстечкѣ.

Тяжелые туманы играютъ главную роль и въ англійскихъ романахъ... и въ англійскихъ романахъ попадаются часто люди, которымъ необходимо надо дѣлать сбереженія, и которыхъ тѣмъ не менѣе веселитъ манящая уютность чайнаго

Digitized by Google

стола. А что самое главное въ англійскихъ романахъ, побѣда всегда на сторонѣ добродѣтели и благородства.

. . . . . .

А тутъ — человѣкъ, трепетно жаждущій жизни — о, жизни... работы, бытія, науки...

Тутъ кто-то хочетъ покорить самое себя, чтобы научиться давать...

Тутъ есть кто-то, ненавидящій туманъ и бездѣятельность.

. . . . . .

Что же ему дѣлать?

. . . . . .

Ранніе годы нуждаются въ объективности гораздо болѣе позднихъ. Чувствуется жизненная потребность въ томъ, чтобы за вопросомъ слѣдовалъ отвѣтъ...

Какъ же познать самое себя тому, чьи вопросы остаются безотвѣтными?..

Эльга стала накупать себѣ книгъ...

Иногда она нападала на слѣдъ того, что могло дать ей что-либо... затѣмъ снова теряла этотъ слѣдъ.

Люди были нужны ей... люди, въ которыхъ мысли могли еще горѣть, какъ въ ней. Люди, какъ и она, любящіе все широкое.

Люди, для которыхъ знаніе и жизнь равнялись бы землѣ обѣтованной.

Она оглянулась во всѣ стороны...

Она была одна!

Только время тяжелыми шагами проходило мимо нея.

Что бы мнѣ вручить тебѣ?

Желанія безъ совѣта?

Ожиданіе и тоскливое стремленіе.

Эльга какъ - то совершенно случайно наткнулась на Ибсена.

XXXV.

Гедда Габлеръ.

Въ этомъ образѣ она узнала самое себя...

Одинъ Богъ знаетъ, какъ Эльга трудилась надъ нимъ, пока, наконецъ, ея юная душа не познала эту утомленную жизнью свѣтскую женщину.

Въ этой Геддѣ Габлеръ она увидѣла собственную тоску, свое собственное желаніе вырваться изъ душащаго ее гнета.

Гедда Габлеръ жаждала красоты жизни.

— Веселье должно быть увѣнчано виноградомъ.

Какъ и она, Гедда Габлеръ ненавидѣла добродѣтель слабыхъ; изнѣженность возлѣ теплой печки,.. нравственныя

Digitized by Google

слова Тесмана, весь смыслъ которыхъ состоитъ въ восхваленіи собственной немощи.

Холодная, гордая, съ насмѣшкой уходила Гедда Габлеръ изъ царства лжи и мелочности, не обращая вниманія на тѣхъ, кто старался свести ея жизнь къ копромиссамъ и всепрощенію.

Такова была Гедда Габлеръ.

Эльга написала письмо:

Милый Михаилъ!

Хотя еще не прошли тѣ 14 дней, по прошествіи которыхъ мы обыкновенно пишемъ другъ другу, но мнѣ очень хочется знать объ одномъ дѣлѣ ваше мнѣніе.

Читали ли вы Гедду Габлеръ?

Я нахожусь подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой книги и личности самой Гедды, что я больше ни о чемъ не могу говорить.

Помните, какъ мы составляли списокъ всего мѣщанскаго? Мы могли бы присовокупить къ сапогамъ на резинкахъ и зубочисткамъ еще людей, подобныхъ Тесману.

Напишите мнѣ, пожалуйста, сейчасъ же, каково ваше мнѣніе по этому поводу!

Сердечный привѣтъ Вамъ
отъ Эльги Оллендорфъ.

— Милая Эльга.

Несмотря на то, что усердно готовлюсь къ экзаменамъ, я тотчасъ же пріобрѣлъ себѣ упомянутую вами книгу и прочелъ ее.

Вы правы: тутъ есть сценки, которыя можно было бы вполнѣ помѣстить въ нашъ списокъ, напр., исторія о туфляхъ, которыя тетя Юлія носитъ за нимъ.

Но обдумайте также, что за ужасная, дьявольски-злая личность эта Гедда.

Она истеричка, что, хотя и служитъ извиненіемъ ея поведенію, но не возбуждаетъ къ ней ни малѣйшей искры симпатіи.

Бѣдный Тесманъ, хотя онъ и настоящій буржуа, но достоинъ глубокаго сожалѣнія. А эта Гедда со своей непристойной манерой кокетничать во всѣ стороны, съ безумнымъ требованіемъ, чтобы люди увѣнчивались виноградомъ... она просто скандальна. Она — современная женщина въ худшемъ смыслѣ этого слова.

Милая Эльга, вы молодая дѣвушка, и въ вашей ясной головѣ живутъ лишь чистыя мысли. Вы одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя святы для мужчинъ. Вы попросту не поняли всего, извините за выраженіе, сквернаго, безстыднаго, что кроется въ этой личности. Такъ какъ мнѣ

Digitized by Google

показалось, что вы слишкомъ восторгаетесь этой ничтожной особой...

Письмо вышло длиннѣе, чѣмъ собственно позволяло мнѣ время. Но переписка съ Вами, милая и уважаемая Эльга, доставляетъ мнѣ такую радость, и она такъ необходима для нашихъ отношеній...

Эльга не стала читать дальше.

Она какъ то странно улыбнулась и небрежно уронила письмо.

Да... переписка между нами весьма необходима!

Да... весьма необходима...

Только не надо, чтобы она отнимала много времени.

Главнымъ образомъ, не надо дѣлать изъ этого трагедіи... напротивъ... это обыкновенный повседневный случай...

Нѣтъ, это не трагедія... но тѣмъ не менѣе она прижалась лбомъ къ жесткому краю стола... и ей такъ странно жгло глаза.

И внезапно она почувствовала, что плачетъ...

Хотя это вовсе была не трагедія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

* * *

Вѣрность до гроба... Красивая, нѣжная сказка
Сердце плѣняетъ...
Сердце печальное знаетъ—
Гаснетъ любви умирающей ласка...
Сердце печальное знаетъ...

* * *

Что жъ мое сердце, какъ путникъ усталый,
Сказкѣ сквозь слезы внимаетъ...
И потихоньку себѣ повторяетъ
То, что еще никогда не бывало,
То, что совсѣмъ не бываетъ...

Г. Галина.

Digitized by Google

Тайная проституція.

(Изъ очерковъ столичной проституціи).

Ко мнѣ обратился молодой офицеръ за совѣтомъ. У него оказалась свѣжая форма сифилитическаго заражения. Исторія заражения носила нѣсколько необычный характеръ. Офицеръ ѣхалъ по конкѣ. Противъ него сидѣла красивая, молодая дама, весьма скромно одѣтая. Офицеръ не постѣснился въ упоръ разглядывать свою vis-a-vis, причемъ та краснѣла и конфузливо опускала глаза. Когда дама вышла изъ вагона, предпріимчивый офицеръ послѣдовалъ за ней. Дама быстро шмыгнула въ подъѣздъ и тутъ же обронила платокъ. Офицеръ поднялъ платокъ и устремился по лѣстницѣ догонять незнакомку. Принимая отъ него съ благодарностью потерю, дама опять-таки очень жеманилась. Но офицеръ, съ чисто военною храбростью воспользовавшись случаемъ, вступилъ съ нею въ разговоръ, проводилъ ее до дверей, а затѣмъ, выказавъ извѣстную настойчивость, очутился въ квартирѣ незнакомки. Въ итогѣ разыгрался „пантомимъ любви", который, къ удивленію офицера, разсчитывавшаго на безкорыстное увлеченіе, былъ утромъ оплаченъ счетомъ отъ портнихи. Но что всего печальнѣе — получился еще нѣкоторый непріятный плюсъ въ видѣ серьезной болѣзни.

Очевидно, офицеръ столкнулся съ одною изъ представительницъ тайной проституціи, которая за послѣдніе годы приняла самыя разнообразныя и часто неожиданныя формы. Скромная незнакомка, вѣроятно, спеціализировалась на бросаніи платка, и на эту уловку улавливала довѣрчивыхъ кліентовъ.

Существуетъ довольно многочисленный кадръ „дамъ въ траурѣ", которыя ищутъ и находятъ простаковъ, довѣряющихъ ихъ горю и утѣшающихъ ихъ. Романтическая интрига на этой почвѣ продолжается нѣсколько дней и кончается обыкновенно тѣмъ, что поклонникъ вдовы покупаетъ ей нѣсколько подарковъ, оплачиваетъ ея платье или квартиру. Еще Мопассанъ въ прелестномъ разсказѣ „Плакальщицы" описалъ такую разновидность „траурной" проститутки.

Digitized by Google

Нѣкоторыя спеціализируются на поѣздкахъ по желѣзнымъ дорогамъ. На одной изъ близлежащихъ къ столицѣ станцій въ вагонъ впархиваетъ изящное, нарядное, раздушенное созданіе. Опытнымъ взоромъ оно намѣчаетъ подходящую жертву—обыкновенно одного изъ провинціаловъ, по служебнымъ или инымъ дѣламъ направляющагося въ столицу. Провинціалъ, конечно, въ восторгѣ отъ неожиданнаго счастья, которое ему должно дать знакомство съ обольстительною особою, милостиво обратившей на него вниманіе. Авантюристка разыгрываетъ комедію искренняго увлеченія. Въ финалѣ провинціалъ часто оказывается совершенно обобраннымъ и возвращается домой, не приступивъ даже къ исполненію неотложныхъ дѣлъ. Вообще неопытные провинціалы—излюбленная и самая доходная статья для тайныхъ проститутокъ. Къ приходу поѣздовъ на перронѣ всегда толкутся тайныя проститутки всевозможныхъ ранговъ и ловитва ихъ здѣсь часто даетъ весьма существенные результаты.

Продавщицы любви, оперирующія днемъ въ районѣ Гостинаго Двора и Пассажа, тоже представляютъ много типичныхъ чертъ. Здѣсь, правда, не мало проститутокъ явныхъ, но достаточно и укрывающихся подъ личиной женъ бѣдныхъ, но благородныхъ чиновниковъ, скромныхъ вдовушекъ и даже „дамъ изъ общества". Самое горячее время для всѣхъ этихъ особъ отъ 4—5 ч. дня, когда возвращаются домой служащіе въ различныхъ департаментахъ и банковыхъ учрежденіяхъ. У роскошной витрины магазина завязывается случайная интрига, причемъ въ качествѣ причины паденія выставляется жадное стремленіе купить обновку костюма, или изящную, драгоцѣнную бездѣлушку Необходимыхъ денегъ нѣтъ и приходится пожертвовать своею честью.... Психологически подобная гипотеза причины женскаго паденія вполнѣ возможна. И поэтому на такую удочку попадаются многіе. Когда обновка куплена и результатъ достигнутъ, побѣдитель часто видитъ, что имѣлъ дѣло только съ опытною продавщицею любви. Иногда же онъ такъ и остается при пріятномъ убѣжденіи, что одержалъ побѣду надъ „дамой изъ общества"...

За послѣдніе годы у насъ развивается еще новый весьма остроумный и своеобразный видъ тайной проституціи. Мужчинамъ, преимущественно пожилымъ и богатымъ, разсылаются письма приблизительно такого содержанія [1]).

1. „Милостивый государь. Случайно узнала, что Вы большой любитель рѣдкостей. Могу Вамъ сообщить, что у меня имѣются рѣдкости разныхъ стилей, оставшіяся послѣ покойнаго моего мужа, по цѣнѣ весьма недорогой. Дома бываю ежедневно отъ

---

[1]) Привожу текстъ писемъ по двумъ, находящимся въ моемъ распоряженіи, оригиналамъ.

Digitized by Google

12 до 6 час. вечера, когда можете и осмотрѣть ихъ. Готовая къ услугамъ". Слѣдуетъ подпись и точный адресъ.

2. „Милостивый государь. Сообщаю Вамъ, какъ знатоку всего рѣдкаго и изящнаго, что случайно въ моемъ распоряженіи оказалось много такого, что, надѣюсь, можетъ заинтересовать и удовлетворить Вашу любознательность. Не желая обращаться къ торговцамъ и маклакамъ, рѣшилась обратить на это Ваше просвѣщенное вниманіе, такъ какъ надѣюсь, Вы, осмотрѣвши коллекцію, найдете выгоднымъ купить кое-что у меня. Дома я ежедневно отъ 1 ч. до 8 ч. вечера. Въ ожиданіи вашего скораго посѣщенія". Слѣдуетъ подпись и адресъ.

Конечно, содержаніе писемъ существенно измѣняется, въ зависимости отъ интеллигентности пишущей, и отъ того, какое впечатлѣніе она желаетъ произвести. Иногда письмо вполнѣ серьезное, дѣловитое, которое можетъ привлечь дѣйствительнаго „любителя рѣдкостей", далекаго отъ всякихъ игривыхъ мыслей. Иногда въ письмѣ уже ясные намеки циничнаго свойства, и, отправляясь по адресу, случайный антикварій предвкушаетъ тѣ утѣхи, которыя его ждутъ. Но во всякомъ случаѣ при посѣщеніи разыгрывается нѣкоторая комедія. У проститутки дѣйствительно имѣется какой-нибудь „раритетъ"—или старая картина, или сломанная статуетка, или треснувшій столикъ маркетри. Начинается съ торга этою достопримѣчательностью, а затѣмъ разговоръ переходитъ на болѣе веселыя и пикантныя темы...

Этотъ видъ тайной проституціи весьма прибыленъ, такъ какъ направленъ въ сторону состоятельнаго класса. Проститутки, очевидно, имѣютъ понятія и о наклонностяхъ тѣхъ особъ—преимущественно старичковъ,—которымъ пишутъ. Но такая спеціализація промысла требуетъ отъ проститутки извѣстной интеллигентности, умѣнія занять гостя и иногда выставить себя, какъ случайную жертву темперамента, или въ качествѣ одинокой, брошенной жены, обѣднѣвшей аристократки, сироты, нуждающейся въ покровителѣ.

Если бы я хотѣлъ еще далѣе систематизировать тайную проституцію, то долженъ былъ бы выдѣлить группу женщинъ, эксплоатируемыхъ своими мужьями и сожителями. Такимъ образомъ тутъ тайная проституція находится уже въ тѣсномъ единеніи съ сутенерствомъ. Въ роли сутенеровъ выступаютъ не только люди неопредѣленныхъ занятій, но и обезпеченные,—правда, небольшимъ заработкомъ—приказчики, оркестровые музыканты, парикмахеры, мелкіе чиновники и т. д. Побочное ремесло жены служитъ для пополненія ограниченнаго домашняго бюджета, и отнюдь не исключаетъ вполнѣ мирнаго и любовнаго сожительства супруговъ. Методы, которые примѣняются для привлеченія ухаживателей, весьма разнообразны. Иногда главнымъ иниціаторомъ здѣсь является мужъ. Онъ высматриваетъ подходящую добычу,

Digitized by Google

заводитъ съ нею знакомство, а затѣмъ привозитъ домой и представляетъ женѣ. Та пускаетъ въ ходъ свои обычные пріемы, и новый знакомый скоро оказывается очарованнымъ. Мужъ подъ благовиднымъ предлогомъ удаляется, но „паденіе“ происходитъ иногда не съ перваго раза, и только послѣ настойчиваго ухаживанія. Дѣло кончается иногда вполнѣ мирно покупкой нѣсколькихъ драгоцѣнностей или уплатой по счету, „о которомъ не долженъ знать мужъ“. Иногда же случайной связи придаютъ болѣе трагическую окраску. Въ нужный моментъ появляется оскорбленный супругъ и, послѣ весьма внушительнаго объясненія, получаетъ „за безчестіе“ приличную сумму.

Конечно, въ пріемахъ и подробностяхъ всѣхъ этихъ авантюръ существуетъ большое разнообразіе. Но общій характеръ ихъ одинаковъ. Ужаснѣе всего, что въ качествѣ сутенеровъ выступаютъ иногда братья, отцы и матери. Тутъ даже нельзя уже говорить о добровольномъ согласіи, что существуетъ у супруговъ, заботящихся объ общей выгодѣ. Братья попросту продаютъ сестеръ, отцы и матери дочерей, и обыкновенно жертвы эти несовершеннолѣтнія. Ихъ наряжаютъ въ коричневый костюмъ гимназистки, или даютъ въ руки папку съ надписью „musique“, а затѣмъ заставляютъ разыгрывать „пантомимъ любви“ съ случайными знакомыми и встрѣчными „дядями“. Почтенный отецъ или братецъ, конечно, широко учитываютъ безчестіе, нанесенное „бѣдной, но благородной семьѣ“...

Всѣ перечисленныя мною группы, несмотря на ихъ разнообразіе, можно, однако, отнести къ одной большой категоріи. Это проституирующія *тайно*—въ собственномъ значеніи этого слова. И отъ покупщиковъ, и отъ надзора онѣ тщательно скрываютъ свое ремесло. По мѣрѣ силъ онѣ стараются изобразить изъ себя приличныхъ, но случайно увлекающихся особъ.

Существуетъ, однако, другая, гораздо болѣе обширная, категорія проститутокъ, которая для покупщиковъ никакой тайны изъ своего ремесла не дѣлаетъ, а только старается тѣми или иными способами избѣгнуть полицейской регламентаціи, укрыться отъ врачебно-полицейскаго комитета.

Къ этой категоріи относятся кафе-шантанныя пѣвицы и хористки, продавщицы цвѣтовъ и конфектъ въ увеселительныхъ садахъ, буфетчицы ресторановъ, женская прислуга въ чайныхъ и т. под.

Посѣтители кафе-шантановъ отлично знаютъ, что могутъ пригласить сначала ужинать, а потомъ и для утѣхъ любви, за весьма немногими исключеніями, любую изъ исполнительницъ дивертиссментной программы или изъ участницъ хора. Разница только въ цѣнѣ. Услуги кафешантанныхъ звѣздочекъ таксируются, конечно, выше, чѣмъ услуги рядовыхъ хористокъ. Впрочемъ, и послѣднее обходится иногда довольно дорого. Хористка съ гостемъ

Digitized by Google

обычно направляется на артельную квартиру, гдѣ живетъ весь хоръ въ полномъ подчиненіи у хозяйки. Эти квартиры, въ сущности, представляютъ изъ себя тайные дома терпимости. Значительная часть заработка хористки поступаетъ въ собственность хозяйки. Да кромѣ того хозяйка страшно наживается, угощая гостя скверными винами и подозрительными закусками.... Казалось бы страннымъ, что такіе замаскированные притоны могутъ ускользать отъ надзора. Но весьма опытныя хозяйки, очевидно, отлично знаютъ, какъ улаживать свои дѣла и какъ обходить подводные камни.

Относительно хористокъ неоднократно дѣлались попытки избавить ихъ отъ хозяйскаго произвола, включая въ это и необходимость проституировать. Довольно энергично въ данномъ вопросѣ выступило „Общество защиты женщинъ". Оно выработало даже „нормальный" контрактъ для хористокъ, гдѣ исключенъ, между прочимъ, пунктъ, гласящій, что хористка не имѣетъ права покидать кафе-шантанъ до 3-хъ часовъ утра, а также ограничены права хозяйки на частную, внѣ сцены, жизнь хористки. Но *практически* ничего эти проекты пока не принесли, да и не принесутъ. Во-первыхъ, нечего идеализировать участницъ хоровъ. За рѣдкими исключеніями, онѣ отлично знаютъ, на что идутъ и для чего идутъ. Во-вторыхъ, если, строго основываясь на буквѣ „нормальнаго" контракта, хористка не пожелаетъ согласовать свои дѣйствія съ выгодами хозяйки, то послѣдняя быстро сумѣетъ выбросить за бортъ такую недотрогу, а на свободную вакансію найдутся десятки менѣе щепетильныхъ особъ...

Продавщицы цвѣтовъ и конфектъ въ увеселительныхъ садахъ, буфетчицы ресторановъ и т. под. отлично извѣстны мужчинамъ, какъ элементъ, весьма доступный для недвусмысленнаго ухаживанія, оплачиваемаго звонкой монетой. И опять-таки только для агентовъ врачебно полицейскаго надзора побочный промыселъ этихъ особъ остается якобы неуловимымъ....

За послѣдніе годы народился новый кадръ тайно-проституирующихъ. Это—служанки чайныхъ заведеній. Кокетливо причесанныя, въ нарядныхъ наколкахъ, въ плоенныхъ передничкахъ онѣ скользятъ между столиками, за которыми распиваютъ чай малотребовательные представители третьяго сословія. Надо замѣтить, что репутація чайныхъ вообще подвержена большому сомнѣнію. Здѣсь иногда подается въ чайникахъ чистѣйшая водка, здѣсь совершаются весьма сложныя мошенническія сдѣлки, здѣсь иногда (особенно на окраинахъ) хулиганами нещадно обираются случайные посѣтители. Понятно, что въ такой атмосферѣ проституированіе само собою является весьма подходящею статьею дохода. Подвизаются здѣсь и настоящія проститутки. Но элементъ, постоянно находящійся подъ рукой,—это служанки чайныхъ. Конечно, далеко не всѣ дѣвушки, поступающія въ чайныя, идутъ

Digitized by Google

туда съ намѣреніемъ заняться тайною проституціей. Но обстановка этихъ заведеній скоро оказываетъ свое разлагающее вліяніе, а грошевое жалованіе служанки и желаніе имѣть красивыя обновы довершаютъ остальное. На дѣвушекъ изъ чайныхъ, какъ на весьма удобный и прибыльный матеріалъ для эксплоатаціи, обратили свое особое вниманіе и хулиганы. Къ каждой вновь поступившей въ чайную скоро старается прикомандироваться въ качествѣ любовника и покровителя кое-кто изъ мѣстной хулиганской шайки. Въ большинствѣ случаевъ это удается, и тогда начинается совмѣстная работа всей компаніи.

Безусловно при прогрессивномъ увеличеніи въ столицѣ числа чайныхъ заведеній растетъ и число гнѣздъ тайной проституціи. И опять-таки то, что извѣстно многимъ, загадочно ускользаетъ отъ бдительнаго ока врачебно-полицейскихъ агентовъ.

Перечисленныя выше категоріи тайныхъ проститутокъ (буфетчицы, продавщицы въ кіоскахъ, служанки чайныхъ и т. под.) поставлены въ такія условія, что заканчивать свои любовныя похожденія имъ приходится не на мѣстѣ службы. Это было бы слишкомъ рискованно даже при обычной близорукости врачебно-полицейскихъ агентовъ. Для тайныхъ проститутокъ преимущественно и существуютъ многочисленныя „гостиницы для пріѣзжающихъ". Изъ пятидесяти гостиницъ, имѣющихся въ Петербургѣ, $^3/_4$ никогда не видѣли *настоящихъ* пріѣзжихъ. То же самое и во всѣхъ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ. Большинство гостиницъ существуетъ для случайныхъ паръ, появляющихся на часъ или нѣсколько часовъ, съ тѣмъ чтобы уступить свое мѣсто такимъ же мимолетнымъ гостямъ. Ночью эти муравейники разврата кишмя кишатъ тайными проститутками. Но нѣкоторые „номера для пріѣзжающихъ" отлично торгуютъ и днемъ, такъ какъ находятся въ извѣстныхъ „торгово-комиссіонныхъ" отношеніяхъ съ тѣми категоріями проститутокъ, которыя оперируютъ преимущественно при дневномъ свѣтѣ. Вообще не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что хозяинъ подобной гостиницы старается матеріально заинтересовать проститутку, чтобы заставить ее вести „гостя" именно къ нему, а не къ конкурренту. Только обзаведясь группой такихъ постоянныхъ посѣтительницъ, хозяинъ „номеровъ" можетъ быть увѣренъ, что онъ будетъ дѣлать не только хорошія, но и блестящія дѣла. Нахальство содержателей этихъ пріютовъ разврата за послѣднее время выражается весьма откровенно въ объявленіяхъ, которыя они, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, помѣщаютъ въ газетахъ. Привожу одно изъ этихъ объявленій, печатаемыхъ въ петербургскихъ газетахъ:

„*Гостиница*". Слѣдуетъ названіе и адресъ. Далѣе текстъ: „Съ роскошно отдѣланными номерами въ разныхъ стиляхъ—Ампиръ,

Digitized by Google

Маркизъ, Людовикъ, Рококо, Фантази и проч.—съ балдахинами и въ китайскомъ стилѣ. Отъ 1 руб. до 3 руб.“

Казалось бы, что надзоръ за подобными „гостиницами для пріѣзжающихъ“ долженъ послужить къ обнаруженію многочисленнаго кадра тайныхъ проститутокъ и къ переводу ихъ въ число регламентированныхъ, явныхъ. Но и тутъ мы сталкиваемся, съ одной стороны, съ обычною медлительностью агентовъ комитета, которые подобно оффенбаховскимъ жандармамъ могутъ пропѣть, „nous venons toujours trop tard“..., съ другой стороны, съ тѣмъ неудобствомъ, что кромѣ тайныхъ проститутокъ эти унылые пріюты посѣщаютъ и разныя влюбленныя пары, быть можетъ, легкомысленныя, но все же ничего общаго съ проституціей не имѣющія. Жена, измѣняющая своему мужу, дѣвушка, вступившая въ связь съ господиномъ, обѣщавшимъ на ней жениться, пара молодыхъ, трепещущихъ страстью, особей, просто, безъ всякой задней мысли, отдавшихся другъ другу и т. под. У всѣхъ этихъ разновидностей по большей части нѣтъ средствъ, чтобы нанять постоянное помѣщеніе для свиданій. Поневолѣ приходится пользоваться случайными пріютами любви. И если бы агенты врачебно-полицейскаго комитета здѣсь дѣйствительно проявляли достаточно рвенія, то неминуемо впадали бы въ роковыя ошибки, пытаясь подвергнуть регистраціи особъ, совершенно не виновныхъ въ тайномъ проституированіи. И теперь на этой почвѣ случаются скандальные инциденты; конечно, ихъ случалось бы гораздо больше при неосмотрительной ретивости агентовъ.

Отчасти избѣгая подобныхъ осложненій, отчасти изъ милостиваго расположенія къ хозяевамъ гостинницъ, агенты смотрятъ сквозь пальцы на ночное паломничество гостиничныхъ парочекъ...

Дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ, если бы отъ тайнопроституирующихъ центръ тяжести былъ перенесенъ на хозяевъ подобныхъ заведеній, которые вполнѣ сознательно создаютъ спеціальные очаги разврата, прикрываясь вывѣской гостиницы. Именно эти хозяева должно быть отвѣтственны передъ судомъ по 155 статьѣ устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій: „Запрещается открывать днемъ и ночью домъ свой или наемный для непотребства“...

Въ каждомъ городѣ отлично извѣстны и гостиницы, и хозяева ихъ, процвѣтающіе только по милости тайной проституціи. Привлечь этихъ господъ къ законной отвѣтственности не представитъ затрудненій.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, что благодаря такому наказанію порока, добродѣтель восторжествуетъ, и тайная проституція не найдетъ иныхъ гнѣздъ и лазеекъ. Но надо же пытаться называть все своимъ настоящимъ именемъ. Снимите многочисленныя вывѣски гостиницъ, и пусть владѣльцы ихъ поотрываютъ

Digitized by Google

„дома свиданій“ и дома терпимости. Все же это не будетъ отдавать такимъ фарисействомъ и соблюденіемъ только внѣшняго декорума...

Наряду съ „гостиницами для пріѣзжающихъ“ слѣдуетъ еще упомянуть о меблированныхъ комнатахъ, гдѣ живутъ проститутки явныя, зарегистрованныя. И эти комнаты весьма часто служатъ ареной дѣятельности тайныхъ проститутокъ. Дѣло въ томъ, что обитательницы такихъ комнатъ не прочь уступить ихъ временно своимъ подругамъ изъ разряда проститутокъ тайныхъ. И въ то время, когда жилица комнаты остается гулять на проспектѣ, ея знакомая, тайная проститутка, направляется съ гостемъ не въ гостиницу, а въ такую свободную комнату, чтобы, пробывъ тамъ нѣсколько часа, уступить мѣсто другой парѣ, явившейся съ улицы. Квартиры проститутокъ, расположенныя вблизи центральныхъ пунктовъ ночного разгула, успѣшно играютъ такимъ образомъ роль тѣхъ же „гостиницъ для пріѣзжающихъ“. И, конечно, хозяйкамъ подобная смѣна гостей и проститутокъ только выгодна. Контролю такія мимолетныя посѣщенія комнатъ поддаются еще менѣе, чѣмъ посѣщеніе гостиницъ.

Вѣдь въ каждой комнатѣ живетъ одна зарегистрованная проститутка и нѣтъ возможности услѣдить, когда и сколько уличныхъ подругъ ея являются въ ту же комнату...

Говоря о тайной проституціи, слѣдуетъ выдѣлить въ спеціальную группу проституцію дѣтскую.

По правиламъ врачебно-полицейскаго комитета оффиціальную санкцію на проституированіе, т. е. бланку, можно получить только съ 17-ти лѣтняго возраста. Согласно же недавнему постановленію въ дома терпимости допускаются дѣвушки (билетныя) только съ 21 года. Слѣдовательно, всѣ промышляющія развратомъ, не достигшія 17-ти лѣтъ, въ силу обстоятельствъ, остаются проститутками „тайными“. Правда, ограничительная норма возраста обходится весьма часто и удачно. Теряются паспорта, въ метрику вписывается не настоящій годъ рожденія; изъ деревни, благодаря нѣсколькимъ лишнимъ рублямъ, выписывается видъ на жительство, гдѣ указанъ возрастъ ad libitum и т. под. Такимъ несложнымъ путемъ каждый подростокъ, при желаніи, получитъ и бланку, и даже билетъ. Но, конечно, едва ли это достижимо для дѣтей 12—13 лѣтняго возраста. Несформированность организма слишкомъ бьетъ въ глаза, и только при исключительныхъ случаяхъ пышнаго физическаго развитія удается скрыть возрастъ.

Дѣти-проститутки, какъ я уже указалъ выше, иногда примыкаютъ къ группѣ семейной проституціи. Ихъ посылаютъ на промыселъ отцы, матери, братья, сестры—паразиты, живущіе продажей родного дѣтскаго тѣла. Но чаще, конечно, дѣтьми торгуютъ разныя „тети“, избравшія этотъ выгодный промыселъ своею спеціальностью. Держать у себя цѣлый пансіонъ дѣвочекъ-подрост-

Digitized by Google

ковъ довольно опасно. Но предлагать услуги 2—3 малолѣтнихъ племянницъ не представляетъ уже особыхъ хлопотъ и отлично вознаграждаетъ тетенекъ за труды. Эксплоатація дѣтскаго разврата ведется по особой системѣ. Обычно сами „тети" пріискиваютъ и создаютъ контингентъ заказчиковъ, которые не прочь полакомиться дѣтскою „свѣжинкою". Узнаютъ объ этихъ благодѣтеляхъ стороной, получаютъ ихъ „по рекомендаціи". По большей части это старички, маститые гурманы, хотя въ наше время и болѣе молодое поколѣніе даетъ порядочный контингентъ эротомановъ, страдающихъ извращеніемъ инстинкта. Иногда случается, что дѣтей отпускаютъ на домъ къ этимъ дядямъ, и такіе визиты оплачиваются по весьма повышенному тарифу. Чаще любители дѣтскаго тѣла заѣзжаютъ на квартиру къ „тетенькамъ", гдѣ все отлично приспособлено для цѣлей разгула и разврата. Дѣти рѣдко посылаются на проспектъ для привлеченія новыхъ заказчиковъ. Въ случаяхъ нужды на промыселъ выходятъ сами „тетеньки". Вечеромъ изъ темнаго закоулка къ солидному старичку приближается типичная мегера и почти шепчетъ на ухо: „Не желаете ли, ваше превосходительство, посѣтить хорошенькую, свѣженькую 10-ти лѣтнюю дѣвочку, только что пріѣхавшую изъ провинціи", или что-нибудь другое въ томъ же родѣ. Бываетъ, что старичокъ гнѣвно закричитъ и позоветъ городового. Тогда факторша исчезаетъ за уголъ, какъ и появилась. А бываетъ, что, подумавъ и пошептавшись, солидный старичокъ отправляется вслѣдъ за этой особой. Пріобрѣтенъ новый заказчикъ—быть можетъ, на многіе годы... Кто эти малолѣтки, попадающія въ кадръ тайныхъ проститутокъ? Гдѣ ихъ отыскиваютъ предпріимчивыя „тети"? По большей части это дѣти улицы, дѣти безъ роду и племени. Иногда это дѣвочки-ученицы, сбѣжавшія изъ модныхъ мастерскихъ, иногда дѣти бѣдняковъ, добровольно уступаемыя „тетямъ" для промысла. Живутъ онѣ по своимъ или чужимъ метрическимъ свидѣтельствамъ, и вообще съ законной стороны „тети" умѣютъ быстро все устроить и оформить.

Благодаря особой обстановкѣ, въ которой происходитъ торговля малолѣтними, онѣ довольно рѣдко попадаются врачебно-полицейскому надзору, а если и попадутся, то особыхъ результатовъ отъ этого не происходитъ. Вѣдь въ качествѣ малолѣтнихъ онѣ не подлежатъ включенію въ списки регламентированныхъ. Конечно, ихъ имѣютъ право отправить въ „Домъ милосердія", съ тѣмъ, чтобы не впускать оттуда до 20-тилѣтняго возраста. Но въ виду ограниченнаго числа пансіонерокъ въ „Домѣ милосердія" такъ поступаютъ весьма рѣдко—когда ребенокъ самъ слезно проситъ объ этомъ, жалуясь на свою судьбу. Въ большинствѣ же случаевъ дѣвочку-проститутку отдаютъ „на исправленіе" родителямъ или той же „тетѣ", которая преисправно начинаетъ ею вновь торговать.

Digitized by Google

Дальнѣйшая судьба дѣвочки-проститутки понятна сама собой. Если за 3—4 года специфической дѣятельности ребенокъ не захирѣетъ окончательно и не умретъ на больничной койкѣ, онъ переходитъ въ разрядъ бланковыхъ или билетныхъ, а на его мѣсто промышленница отыскиваетъ для себя новую малолѣтнюю воспитанницу...

Прибыльность этого рода промысла малолѣтними породила особый видъ фальсификаціи—поддѣлка подъ малолѣтнихъ. Вечеромъ, въ мѣстахъ скопленія проститутокъ, днемъ, въ наиболѣе выгодныхъ для случайныхъ побѣдъ пунктахъ, встрѣчаются особы въ коротенькихъ скромныхъ платьицахъ, съ распущенными волосами, перехваченными ленточкой, въ незатѣйливыхъ дѣтскихъ шляпкахъ. Иногда это проститутки лѣтъ 18-20, иногда еще и болѣе старыя. Худоба, моложавость, небольшой ростъ, соотвѣтствующій костюмъ даютъ имъ иногда возможность весьма долго симмулировать дѣтство. Въ Калинкинской больницѣ я имѣлъ случай видѣть проститутку 28 лѣтъ, которая на улицѣ еще неизмѣнно изображала „дѣвочку въ матросскомъ костюмѣ". Это была явная, бланковая проститутка. Но, конечно, для случайныхъ уличныхъ знакомыхъ она изображала ребенка, недавно брошеннаго на путь порока.

Тайная проституція—это bête noire регламентистовъ, т. е. сторонниковъ закрѣпощенія проститутокъ подъ эгидой врачебно-полицейскаго надзора. Въ другой статьѣ [1]) мнѣ пришлось уже подробно выяснить, насколько существующій надзоръ не достигаетъ ни цѣлей оздоровленія самихъ проституирующихъ, ни цѣлей предотвращенія зараженій отъ нихъ. Поднадзорная проституція какъ бланковая (вольныя одиночки), такъ и билетныя (въ домахъ терпимости) преисправно распространяютъ сифилисъ и другія венерическія болѣзни. Теперь мнѣ предстоитъ разобрать, какъ великъ въ этомъ отношеніи грѣхъ тайной проституціи. Если бы оказалось, что тайная проституція во много разъ больше передаетъ населенію заразу, чѣмъ проституція, подчиненная надзору, то преимущество все же склонилось бы на сторону регламентистовъ. Изъ двухъ золъ слѣдуетъ выбирать меньшее, и въ цѣляхъ санитарныхъ пришлось бы, скрѣпя сердце, мириться съ исключительнымъ режимомъ поднадзорной проституціи, какъ бы онъ ни былъ противенъ въ смыслѣ нарушенія основныхъ принциповъ закономѣрности и правопорядка. Почтенный лидеръ партіи русскихъ регламентистовъ профессоръ В. М. Тарновскій, капитальный трудъ котораго „Проституція и аболиціонизмъ" является апологіей поднадзорнаго режима, еще въ 1887 году категорически

---

[1]) „Торгующія тѣломъ". „Русское Богатство". 1904 г., кн. 12-ая.

Digitized by Google

заявилъ: „Вся французская статистика говоритъ, что зараженій больше отъ тайной проституціи (Лекуръ, Моріакъ, Мартино). У Лекура есть цифры за 12 лѣтъ". Очевидно, тогда еще русскія цифры были не достаточно обоснованы и приходилось ссылаться на французскую (собственно парижскую) статистику. Теперь мы отлично знаемъ цѣну надзора за проституціей во Франціи. Что-либо болѣе несовершенное и случайное въ этой области трудно себѣ представить. Получается впечатлѣніе именно чисто бюрократическаго учрежденія, гдѣ главное—какъ-нибудь отдѣлаться и отписаться. Весьма любопытную картину даетъ въ этомъ отношеніи докторъ П. Граціанскій въ своей статьѣ „Надзоръ за проституціей въ Парижѣ и Берлинѣ" (по личнымъ наблюденіямъ) [1]: „Каждая женщина, занимающаяся проституціей, какъ ремесломъ, зарегистровывается или по собственному желанію, или по постановленію полиціи нравовъ; послѣдній способъ примѣняется очень рѣдко, почему и число зарегистрованныхъ въ Парижѣ крайне ограниченно".... „Болѣе или менѣе регулярнымъ осмотромъ подвергается едва $^1/_{10}$ часть всѣхъ парижскихъ проститутокъ"... „Изъ 51.389 зарегистрованныхъ одиночекъ за время съ 1888 по 1898 гг. къ осмотрамъ являлось всего 19.488, т. е. не много болѣе одной трети и изъ нихъ за это время больныхъ сифилисомъ оказалось только всего 723, т. е. 3,71%"... Цифра—совершенно невѣроятная по сравненію съ данными другихъ городовъ. Ясное дѣло, что заболѣваемость сифилисомъ среди парижскихъ одиночекъ въ дѣйствительности значительно выше, но масса больныхъ ускользаетъ отъ регистраціи благодаря рѣдкимъ осмотрамъ и полной возможности избѣгать ихъ, когда надо.

При такой случайности и полной безсистемности надзора о какой статистикѣ можетъ быть рѣчь? Однако, профессоръ Тарновскій именно счелъ возможнымъ опереться на эту фантастическую статистику. Мало того. Даже тѣ цифры, которыя почтенный ученый призываетъ въ свидѣтели своей правоты, говорятъ совсѣмъ объ иномъ, и ссылки профессора Тарновскаго не подтверждаютъ. Съ очевидностью это доказываетъ приватъ-доцентъ А. Елистратовъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи". На протяженіи 5 страницъ онъ шагъ за шагомъ опровергаетъ эти ссылки на французскую статистику, какъ „указанія на совершенно несуществующія данныя" [2]...

Вообще съ медицинской статистикой въ области аболиціонизма и регламентаціи происходятъ такіе непостижимые вольты и трюки, что все ея значеніе сводится къ нулю. Я имѣлъ случай показать весьма солидному и маститому статистику цифры, которыя приводятся въ свое оправданіе, какъ регламентистами, такъ и або-

---

[1]) „Русскій Медицинскій Вѣстникъ". 1900 г., № 14, стр. 3.

[2]) А. Елистратовъ. „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи". Казань. 1903 г. Стр. 107—111.

Digitized by Google

лиціонистами. Сначала почтенный ученый неудержимо расхохотался, а потомъ долго негодовалъ, какъ можетъ негодовать только спеціалистъ, когда ему демонстрируютъ совершенно невѣроятныя нарушенія азбучныхъ истинъ той науки, которой онъ привыкъ поклоняться. Дѣйствительно, самыя основы, на которыхъ строятъ свои выводы и доказательства представители обѣихъ партій, должны показаться произвольными и зыбкими даже вовсе не статистику, а каждому безпристрастному наблюдателю. Между тѣмъ каждый изъ представителей враждующихъ сторонъ выбираетъ наиболѣе пріятный ему исходный пунктъ, и, опираясь на немъ, начинаетъ жонглировать цифрами, не обращая вниманія на ихъ коренную фантастичность. Въ общемъ получается впечатлѣніе вавилонскаго смѣшенія языковъ. Аболиціонисты говорятъ объ одномъ, регламентисты—о другомъ. Происходитъ сравненіе величинъ, совершенно несоизмѣримыхъ.

Не мѣсто здѣсь, конечно, подробно разбирать и развѣнчивать статистическіе доводы поклонниковъ той или другой системы. Но мнѣ хочется привести нѣсколько примѣровъ, указующихъ на то, сколь шатки фундаменты этой, если можно такъ выразиться, „проституціонной“ статистики.

Регламентистамъ надо главнымъ образомъ доказать, 1) что среди поднадзорныхъ проститутокъ меньше заболѣваній сифилисомъ, чѣмъ среди тайныхъ; 2) что процентъ заболѣванія мужчинъ отъ явныхъ проститутокъ также меньше, чѣмъ отъ тайныхъ, и 3) что въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительство перешло отъ системы вольной проституціи къ поднадзорной, количество сифилитическихъ зараженій уменьшилось.

Для аболиціонистовъ, конечно, важно доказать обратное всему этому.

По первому пункту приведу прежде всего нѣсколько цифръ удивительной парижской статистики, на которую такъ любятъ опираться гг. регламентисты.

Среди тайныхъ проститутокъ одна сифилитка приходилась на 2,36; среди поднадзорныхъ одна сифилитка на 36,91 (Лакуръ). За періодъ 1888—1897 гг. тайная проституція дала 326% (!) венерическихъ заболѣваній, а пансіонерки домовъ терпимости только 2,5 (Комменжъ). Въ 1898 г. заболѣваній сифилисомъ среди поднадзорныхъ равно 3%; среди тайныхъ 9,8% (Дюшателэ). Чудеса изъ чудесъ!.. Даже до 326% додумались гг. вольные медицинскіе статистики... Достигли же они этихъ цифръ слѣдующимъ своеобразнымъ пріемомъ: они выводятъ процентъ заболѣваемости не по количеству поднадзорныхъ и не поднадзорныхъ, а по числу врачебно-полицейскихъ освидѣтельствованій. Чувствуете ли вы, какой это выгодный ходъ для гг. регламентистовъ? Вѣдь явныя проститутки являются на осмотръ повторно каждую недѣлю. Это одна и та же группа женщинъ, здоровыхъ и больныхъ,

Digitized by Google

систематически отмѣчаемыхъ въ статистическихъ листкахъ, тогда какъ почти каждый осмотръ тайной проститутки относится уже къ новой женщинѣ. Если принять во вниманіе, что въ той и другой группѣ все же больше здоровыхъ, чѣмъ больныхъ, то получимъ слѣдующій выводъ: каждая здоровая поднадзорная проститутка попадаетъ въ статистику регламентистовъ 52 раза (еженедѣльно), каждая тайная—1 или максимумъ 2—3 раза. Можно себѣ представить, какъ благотворно, въ желательномъ для регламентистовъ направленіи, вліяетъ на ихъ статистику этотъ способъ исчисленія. У Вертера мы находимъ весьма доказательный примѣръ, насколько противенъ и фальшивъ результатъ, получаемый путемъ такой статистики, путемъ подсчета числа осмотровъ. Въ Дрезденѣ за 1895—1896 гг. было изслѣдовано 1835 поднадзорныхъ и 2425 тайныхъ проститутокъ. Среди поднадзорныхъ оказалось больныхъ—614, среди тайныхъ всего 264. Съ перваго взгляда уже видно, что цифры неблагопріятны для поклонниковъ, регламентаціи. Тогда они обращаются къ количеству осмотровъ. У поднадзорныхъ отмѣчено 37265 осмотровъ; у тайныхъ—3086. Вычисляя на основаніи этихъ данныхъ процентъ заболѣваемости, регламентисты получаютъ 1,7% среди поднадзорныхъ и 8,5% среди тайныхъ. Если же мы сдѣлаемъ вычисленіе по прямой логикѣ вещей, сопоставляя только количество женщинъ, подвергнувшихся осмотру, то получимъ 10,9% больныхъ среди тайныхъ проститутокъ и 75,95% среди явныхъ. Какая ужасающая цифра, и не даромъ гг. регламентисты ухватились за фантастическій методъ вычисленія по количеству осмотровъ!

Какіе доводы по вопросу о процентѣ заболѣваемости проститутокъ даютъ гг. аболиціонисты? Во-первыхъ, цифрамъ доктора Комменжа, одного изъ китовъ регламентистской статистики, они противопоставляютъ цифры доктора Рейсса за тотъ же періодъ. По даннымъ доктора Комменжа, за 1880—1886 гг. выходило, что благодаря существованію надзора въ Парижѣ % поднадзорныхъ проститукъ-сифилитичекъ палъ съ 18,5% до 6,2%. По даннымъ же д-ра Рейсса, это паденіе выражалось съ 25,7% до 12,1%, т. е. въ конечномъ выводѣ все же превышало % сифилитическихъ заболѣваній среди тайныхъ проститутокъ (11,5 %) [1]).

Не угодно ли разобраться въ этой исторіи?.. Два медика-статистика подсчитываютъ число больныхъ въ тѣхъ же учрежденіяхъ, за тѣ же года. И цифры получаютъ совершенно различныя. Какъ бы деликатно ни отнестись къ выводамъ обоихъ врачей, ясно, что одинъ изъ нихъ, или вѣрнѣе оба, погрѣшили противъ истины, склоняя вѣсы статистики въ свою сторону.

Въ 1871 г. докторъ П. Граціанскій выступилъ съ изслѣдо-

---

[1]) А. Елистратовъ. „О прикрѣпленіи женщины къ проституціи". Казань. 1903 г. Стр. 107--111.

Digitized by Google

ваніемъ, весьма пріятнымъ для русскихъ аболиціонистовъ [1]). Изъ приведенныхъ имъ подробныхъ таблицъ, на основаніи данныхъ врачебно-полицейскаго комитета и Калинкинской больницы, слѣдовало, что среди проститутокъ домовъ терпимости % заболѣванія сифилисомъ равенъ 22; среди поднадзорныхъ одиночекъ—6,8%, а среди „женщинъ, освидѣтельствованныхъ по комиссіи" 4,6%. Цифры говорятъ сами за себя и вполнѣ реабилитируютъ тайную проституцію. Недаромъ одинъ изъ бывшихъ главарей регламентистовъ, д-ръ Э. Шперкъ, ополчился противъ выводовъ д-ра Граціанскаго, проявивъ необычайную горячность темперамента. „Если повѣрить этимъ цифровымъ даннымъ,—писалъ онъ,—то нравоученіе сей басни слѣдующее: холостые люди должны избѣгать публичныхъ домовъ, а предпочитать Сѣнную площадь; чѣмъ выше публичный домъ, тѣмъ больше опасности; чѣмъ ниже пала женщина на ступеняхъ проституціи, тѣмъ меньше опасности заразиться отъ нея сифилисомъ и, наконецъ, только спустившись въ самый низшій слой проституціи, къ бродячимъ проституткамъ, можно разсчитывать на здоровье женщины".. [2]). Далѣе д-ръ Шперкъ старается шагъ за шагомъ опровергнуть доводы Граціанскаго. Главный аргументъ критика тотъ, что, съ одной стороны, въ публичныхъ домахъ и у регламентированныхъ одиночекъ мы имѣемъ налицо тщательность надзора; съ другой стороны, у бродячихъ женщинъ надзоръ этотъ весьма несовершененъ, эпизодиченъ, поверхностенъ. Ясно, что въ первомъ случаѣ должно быть обнаружено больше заболѣваній; во второмъ—меньше.

Умозаключенія д-ра Шперка также подлежатъ развѣнчанію, что и дѣлаетъ съ большою убѣдительностью А. Елистратовъ [3]). Но и статистика доктора Граціанскаго своимъ чередомъ должна быть признана безпочвенною. Вѣдь, въ сущности, рубрика „женщины, освидѣтельствованныя по комиссіи", вовсе не заключаетъ въ себѣ спеціально тайно-проституирующихъ. Вѣдь тутъ и разныя бездомныя женщины, и нищенки, и прислуга, оставшаяся безъ мѣста, и безработная крестьянка, прибывшая изъ деревни. Развѣ все беззащитное, забираемое ночнымъ обходомъ, знаменуетъ собою тайно проституирующихъ?.. Неужто эта беззаконная несправедливость понятій, этотъ пережитокъ исторіи должны быть внесены въ статистику? Уже a priori кадръ „комиссныхъ" долженъ давать % сифилитичекъ, мало чѣмъ отличающійся отъ обычнаго % заболѣванія сифилисомъ всего женскаго населенія того или иного города. Такъ оно и въ дѣйствительности. По вычисленіямъ

---

[1]) П. Граціанскій. „О степени распространенія венерическихъ болѣзней въ проституціонномъ классѣ С.-Петербурга и нѣкоторыхъ мѣрахъ къ ограниченію ихъ въ семъ классѣ". Спб. 1871 г.

[2]) Э. Ф. Шперкъ. „Критика на сочиненіе д-ра Граціанскаго". Архивъ судебн. медиц. Сентябрь 1871 г. Стр. 51.

[3]) А. Елистратовъ, loc. cit, стр. 114—118.

Digitized by Google

д-ра П. Е. Обозненко, процентъ сифилитичекъ среди всего недостаточнаго женскаго населенія Петербурга приближается въ среднемъ къ 1,2%, группа же „бродячихъ“, т. наз. „комиссныхъ“, женщинъ даетъ въ своей средѣ 1,8 процента [1]).

Интересно, что позднѣе, въ дальнѣйшей своей дѣятельности, д-ръ Шперкъ изъ рядовъ регламентистовъ перешагнулъ въ лагерь аболиціонистовъ. Въ объемистомъ трудѣ „Къ статистикѣ сифилиса въ женскомъ населеніи г. С.-Петербурга“ онъ находитъ у 31,5 % состава проститутокъ домовъ терпимости первичныя пораженія сифилиса и только 25 % больныхъ сифилисомъ у тайно проституирующихъ, постепенно затѣмъ пополняющихъ составъ поднадзорной проституціи; среди комиссныхъ женщинъ, по его исчисленіямъ, всего 5 % сифилитичекъ. Выводъ д-ра Шперка тотъ, что въ безконтрольной проституціи значительно меньше больныхъ, чѣмъ въ поднадзорной, и что при настоящемъ устройствѣ санитарныхъ бюро немыслимо достигнуть, чтобы поднадзорная проституція представила обществу болѣе гарантій отъ зараженія сифилисомъ, чѣмъ тайная [2]).

Обратная метаморфоза произошла съ профессоромъ В. Тарновскимъ, симпатіи котораго до 1888 года, судя по его трудамъ, склонялись въ сторону аболиціонистовъ и только съ 1888 года рѣшительно примкнули къ ученію регламентистовъ. „Въ настоящее время —пишетъ онъ въ 1881 году,—тайно-проституирущія одиночки заражаютъ несравненно рѣже, чѣмъ оффиціальныя, такъ сказать, проститутки публичнаго дома“... „Каждому практическому врачу извѣстно, какъ часто,— я могу сказать, ежедневно,—приходится наблюдать больныхъ, заразившихся сифилисомъ въ публичныхъ домахъ тотчасъ послѣ врачебнаго осмотра проститутокъ. И въ этомъ, повторяю, при существующей регламентаціи проституціи нельзя винить осматривающихъ врачей. Пока врачебно-полицейскіе комитеты будутъ преслѣдовать ложную идею уменьшить распространеніе сифилиса исключительно путемъ освидѣтельствованія проститутокъ, сифилисъ въ большихъ городахъ будетъ неудержимо распространяться, и публичные дома, представляющіе въ глазахъ публики извѣстную гарантію здоровья, будутъ служить главнымъ источникомъ заразы“... *„Лучше полное отсутствіе принудительныхъ мѣръ* въ дѣлѣ проституціи, чѣмъ цѣлая система обязательныхъ постановленій, не достигающихъ цѣли, вводящихъ въ обманъ общество призракомъ цѣлесообразности, и тѣмъ лишающихъ

---

[1]) П. Е. Обозненко. „Матеріалы для сужденія о распространеніи сифилиса и венерическихъ болѣзней среди недостаточнаго населенія С.-Петербурга“. „Вѣстн. Обществ. Гигіены“, февраль 1899 г.

[2]) Э. Ф. Шперкъ. „Къ статистикѣ сифилиса въ женскомъ населеніи г. С.-Петербурга“. Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ. 1877 годъ. Томъ I., стр. 123—163.

Digitized by Google

его возможности сознавать и силу, и истинную причину зла"... [1]) Какъ горячо это сказано, и какая дистанція огромнаго размѣра между воззрѣніями почтеннаго профессора съ 1881 года по 1888—годъ написанія „Проституціи и аболиціонизма", страстной апологіи врачебно-полицейскаго надзора...

Я привелъ эти примѣры перехода отъ регламентаціи къ аболиціонизму и обратно, чтобы показать, насколько шатки и неубѣдительны основанія обѣихъ статистическихъ системъ, которыя свободно позволяютъ даже солидному врачу сегодня исповѣдывать то, что онъ съ горячностью отрицалъ еще вчера.

Отмѣчу нѣсколько курьезовъ статистики по второму пункту—о сравнительной заболѣваемости мужчинъ отъ проститутокъ поднадзорныхъ и тайныхъ. Тутъ цифровые выводы уже по самой сути предмета должны быть совершенно шаткіе. Съ одной стороны, по существующей легкости нравовъ—мужчина далеко не всегда можетъ точно установить, когда именно и отъ какой именно женщины онъ получилъ зараженіе... Въ данный періодъ столько было побѣдъ, оплаченныхъ и неоплаченныхъ, что мудрено выяснить, какая побѣда принесла съ собою и болѣзнь... Съ другой стороны, если даже точно указанъ моментъ зараженія, то вопрошаемый часто становится совершенно втупикъ при вопросѣ о томъ, была ли виновница болѣзни проститутка явная или тайная. Констатировать можно только одно—происходило ли дѣло въ домѣ терпимости, или на „волѣ". Но на волѣ, съ проспекта, могутъ вѣдь быть взяты и бланковыя поднадзорныя и тайныя проститутки; можетъ быть завязано знакомство съ особой даже, не промышляющей спеціально проституціей, а только обладающей весьма легковѣсною нравственностью...

Только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, приглашая проститутку съ улицы, мужчина требуетъ у нея бланку, желая узнать, когда эта особа была подвергнута осмотру, а, слѣдовательно, можетъ убѣдиться и въ томъ, что у нея вовсе бланки нѣтъ, что она „тайная"... Такимъ образомъ вотъ уже двѣ причины, совершенно нарушающія довѣріе къ такой статистикѣ,—неопредѣленность момента зараженія и невозможность опредѣлить, къ какой категоріи принадлежитъ заразившая. Но существуетъ и третій моментъ. Ни регламентисты, ни аболиціонисты не станутъ отрицать, что количество тайно проституирующихъ во много разъ превосходитъ количество поднадзорныхъ проститутокъ. Какъ же можно вычислять % зараженія отъ двухъ группъ, совершенно несоотвѣтствующихъ другъ другу количественно? Вѣдь въ такихъ случаяхъ допустимъ одинъ только методъ: взять по одинаковому числу (по 100) изъ каждой группы и на этомъ уже строить

[1]) В. М. Тарновскій. „Отчетъ консультанта по венерическимъ болѣзнямъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи". „Военно-медицинскій журналъ", февраль 1881 г., стр. 83—112.

Digitized by Google

процентное вычисленіе... Вѣдь это же азбука каждой статистики!.. Однако, никакой азбуки не хотятъ признавать господа вольные медицинскіе статистики...

Д-ръ Б. Ф. Соколовскій [1]) согласно матеріаламъ петербургскаго врачебно-полицейскаго комитета указываетъ, что „за 1892 годъ заразилось мужчинъ сифилисомъ *въ домахъ терпимости* 12,6%; у *вольныхъ* проститутокъ—87%. Что это доказываетъ?.. Ровно ничего... Вѣдь среди вольныхъ проститутокъ—и поднадзорныя, и бланковыя, и тайныя... Между тѣмъ д-ръ Соколовскій, очевидно, выставляетъ эти цифры, какъ аргументъ для торжества регламентаціи...

То же любительское жонглированіе цифрами продѣлываетъ и д-ръ Штюрмеръ [2]). Просматривая 400 исторій болѣзни мужчинъ, пользовавшихся въ московской Мясницкой больницѣ въ 1896 году, онъ нашелъ, что 76,8% заразилось *отъ уличной проституціи* и 21,2 %—въ домахъ терпимости. Во-первыхъ, не указано ужъ даже, какія это, молъ, зараженія: сифилисомъ или иными венерическими болѣзнями; во-вторыхъ, самъ д-ръ Штюрмеръ не скрываетъ, что подъ названіемъ уличной проституціи имъ подразумѣваются „вообще всѣ проститутки, ищущія кліентовъ на улицахъ—какъ поднадзорныя, такъ и безконтрольныя“... И тѣмъ не менѣе на основаніи этихъ, ничего не говорящихъ, цифръ почтенный сифилитологъ позволяетъ себѣ строить выводы и пожеланія...

Профессоръ А. Г. Ге на основаніи опросовъ больныхъ, какъ въ своей частной, такъ и клинической практикѣ въ періодъ съ 1882 по 1889 гг. пришелъ къ слѣдующему заключенію: „въ домахъ терпимости заражаются 30 %. Откуда же получаютъ зараженіе остальные?.. Отъ тайной проституціи, отъ одиночекъ...“ [3]).

Кратко и совершенно не вразумительно!...

Цифры, на которыя опираются поклонники аболиціонизма, столь же спорны. Они берутъ, напримѣръ, у профессора Петерсена слѣдующія данныя. При опросѣ больныхъ-венериковъ, находившихся въ петербургской Александровской городской больницѣ съ 1878 по 1885 гг., изъ 5,888 мужчинъ дали показанія 4,042 человѣка 49,9% ихъ заразилось въ публичныхъ домахъ и 32,2% отъ поднадзорныхъ одиночекъ, т. е. отъ зарегистрованныхъ проститутокъ 82,1%; отъ прочихъ женщинъ всего 11,8% [4]).

Выводъ—очень улыбающійся аболиціонистамъ. Но я самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваю на томъ, что изъ 5,888 мужчинъ

---

[1]) А. Елистратовъ, loc cit, стр. 152.

[2]) К. Л. Штюрмеръ. „Проституція въ городахъ“. Докладъ съѣзду при медицинскомъ департаментѣ 1897 г. Труды, т. I, стр. 6.

[3]) Труды Высочайше разрѣшеннаго съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи. 1897 г. Т. II, стр. 57.

[4]) Протоколъ засѣданія русск. сифилид. и дермат. общества. „Военно-Медицинскій журнала“. 1887 г., кн. 7-ая.

Digitized by Google

4,042 (т. е. 70 %) *не могли* дать точныхъ, правдивыхъ и искреннихъ указаній на первоисточникъ зараженія. Не можетъ быть такого огромнаго процента точно знающихъ (кромѣ посѣтителей публичнаго дома), имѣется ли бланка у женщины, съ которой они вступаютъ въ сношеніе, или нѣтъ... На это обстоятельство я указывалъ уже выше, и въ дальнѣйшемъ подкрѣплю указаніями другихъ авторовъ. Очевидно, или разспросы профессора Петерсена были весьма поверхностны, или онъ во что бы то ни стало требовалъ отъ паціентовъ—того или иного—но обязательно *точнаго* указанія...

Аболиціонисты съ большимъ удовольствіемъ приводятъ почетное имя профессора Альфреда Фурнье, компетентность котораго внѣ всякаго сомнѣнія. Между прочимъ, анализируя въ своемъ капитальномъ трудѣ „De la contagion" 367 случаевъ сифилиса изъ своей частной практики, онъ въ 251 случаѣ точно устанавливаетъ, что болѣзнь была получена отъ поднадзорныхъ проститутокъ и „только въ 46 случаяхъ отъ дѣвицъ, у которыхъ тайная проституція была профессіей" [1]). Какъ я ни сочувствую идейно теоріи аболиціонизма, тѣмъ не менѣе не могу не замѣтить, что данныя профессора Фурнье, во-первыхъ, весьма малочисленны, а во-вторыхъ, относятся къ 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія, когда тайная проституція далеко не такъ была развита, какъ теперь, и во всякомъ случаѣ не главенствовала. Къ печальной нашей современности эти устарѣлыя цифры имѣютъ мало отношенія...

Среди авторовъ, которые, опрашивая мужчинъ о виновницѣ ихъ зараженія, строго расчленяютъ три рубрики:—„отъ поднадзорныхъ", отъ „тайныхъ проститутокъ" и „неизвѣстно отъ кого"—укажу прежде всего на д-ра Змигродскаго. У него въ рубрикѣ „неизвѣстно" значится 72,9% при существованіи „твердой язвы и первой сыпи" и даже 94 при наличности кондиломатознаго сифилиса [2]). То же и у д-ра Обозненко. Количество сифилитиковъ, которымъ неизвѣстенъ былъ источникъ зараженія, указанъ имъ въ 83,8% [3]). Д-ръ А. Ѳедоровъ выводитъ сумму сифилитическихъ заболѣваній отъ неизвѣстныхъ женщинъ въ 61,8%. По статистикѣ д-ра А. И. Смирнова эта же рубрика вычисляется въ 75%. Позволяю себѣ присоединить и мои данныя, обнимающія группу больныхъ (домашней амбулаторіи и въ трехъ лечебницахъ) за 5 лѣтъ, съ 1900 по 1905 гг. Изъ 1226 сифилитиковъ 938, т. е. 78%, не могли опредѣлить, отъ какой категоріи женщинъ (тайной или явной проститутки) они заболѣли. Принявъ во вниманіе согласныя

---

[1]) А. Елистратовъ, loc. cit., стр. 110.

[2]) Г. Змигродскій. „Распространеніе сифилиса и венерическихъ болѣзней среди мужского населенія въ Петербургѣ". „Врачъ" 1884 г., № 47.

[3]) П. Е. Обозненко. „Матеріалы для сужденія о распр." и т. д. „Вѣстн. Общ. Гигіены". Май, 1898 г.

Digitized by Google

данныя статистики всѣхъ указанныхъ авторовъ, совершенно непонятно, какъ это профессоръ Петерсенъ умудрился получить точныя указанія отъ своихъ паціентовъ, что именно 81,1% изъ нихъ заражено поднадзорными проститутками...

Коснусь, наконецъ, вопроса о тѣхъ результатахъ, которые обнаружились въ странахъ, перешедшихъ отъ регламентаризма къ аболиціонизму, или наоборотъ. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ вполнѣ случайными основаніями вычисленій, съ противорѣчіями, съ курьезами, совершенно обезцѣнивающими данныя этой статистики. Выводы въ этой области строятся по большей части на цифрахъ заболѣванія сифилисомъ и венерическими болѣзнями въ войскахъ. Конечно, логика никоимъ образомъ не говоритъ за то, что заболѣваемость въ войскахъ—точный показатель заболѣванія мужского населенія вообще. Да и статистика войсковыхъ заболѣваній никакихъ убѣдительныхъ результатовъ не даетъ...

Кромейеръ, напримѣръ, характеризуетъ въ слѣдующихъ чертахъ періодъ съ 1866 по 1886 гг., когда въ части англійскихъ городовъ съ большимъ гарнизономъ была введена регламентація проституціи. Съ 1861 по 1866 гг. (т. е. до регламентаціи) венерическія болѣзни въ войскахъ нѣсколько уменьшились сравнительно съ предшествовавшими годами. Въ дальнѣйшемъ, при существованіи регламентаціи, съ 1866 по 1873 гг. уменьшеніе идетъ въ той же пропорціи; но съ 1873 по 1879 гг. наступаетъ весьма сильное паденіе процента заболѣваемости. Однако, съ этимъ періодомъ совпадаетъ проведеніе въ жизнь новаго спеціальнаго закона лорда Caldwells'a, грозящаго наказаніемъ каждому солдату, заразившемуся венерическою болѣзнью. Весьма вѣроятно, что, избѣгая наказанія, солдаты по-просту скрывали свою болѣзнь. Съ 1879 по 1884 гг. количество венерическихъ болѣзней почему-то повышается; съ 1884 по 1887 гг. оно стоитъ почти на одномъ уровнѣ. Съ 1887 г. (годъ отмѣны регламентаціи) процентъ заболѣваемости систематически падаетъ въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія...

Едва ли этотъ рядъ противорѣчивыхъ данныхъ можетъ представить матеріалъ для точно обоснованнаго вывода. Тѣмъ не менѣе аболиціонисты весьма рѣшительно истолковываютъ эту статистику въ свою пользу, не желая допустить мысли, что даже паденіе процента заболѣваемости съ момента уничтоженія регламентаціи можетъ быть отнесено на значительное улучшеніе за это десятилѣтіе общихъ санитарныхъ условій англійской арміи...

Регламентисты неукоснительно указываютъ на Италію, отмѣнившую 29-го марта 1888 г. регламентацію (lex Crispi). Безусловно въ первые годы послѣ реформы Криспи количество венериковъ въ италіанской арміи увеличилось. Но прежде всего это обстоятельство слѣдовало бы отнести на полное и намѣрен-

Digitized by Google

ное пренебреженіе мѣстныхъ врачебно полицейскихъ властей къ тѣмъ серьезнымъ санитарнымъ мѣрамъ, которыя „законъ Криспи“ предначерталъ вмѣсто регламентаціи. Однако, въ 1891 г. реформа Криспи была уже отмѣнена министерствомъ Никотеро и опять введена система поднадзорной проституціи—правда, въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Но статистика не указываетъ, чтобы отъ этого новаго скачка въ сторону закрѣпощенія послѣдовало уменьшеніе процента заболѣваемости...

Еще два примѣра курьезныхъ статистическихъ противорѣчій.

Въ Стокгольмѣ регламентація введена въ 1847 г. За 50 лѣтъ—съ 1850 по 1900 г.—сифилисъ уменьшился тамъ съ 25,8 до 12,1 на 10,000 жителей. Такимъ образомъ польза регламентаціи какъ бы доказана. Но параллельно можно привести и другія цифры. Въ остальной Швеціи, которая никогда не знала тяготъ врачебно-полицейскаго надзора, за то же 50-ти лѣтіе отмѣчается уменьшеніе сифилиса съ 80 до 30,5 на 10.000 жителей, т. е. разница, гораздо болѣе внушительная, чѣмъ подчеркиваемая регламентистами для Стокгольма.

Примѣръ другого порядка. Въ Копенгагенѣ при существованіи надзора сифилисъ рѣзко увеличился съ 1874 по 1885 гг., въ то время, какъ въ другихъ городахъ Даніи, гдѣ регламентаціи нѣтъ, количественно сифилисъ не увеличился. Выводъ—пріятный для господъ аболиціонистовъ... Но если, не останавливаясь на этомъ, мы продолжимъ статистику съ 1885 по 1891 гг., то убѣдимся, что и въ Копенгагенѣ, сохранившемъ систему регламентаціи, количество сифилитическихъ заболѣваній почему-то сильно пало...

Подводя общій итогъ всѣмъ вышеприведеннымъ фактамъ, цифрамъ, примѣрамъ, умозаключеніямъ,—можно придти къ несомнѣнному выводу, что какъ бы случайна и фантастична ни была проституціонная статистика, ясно одно, что ничѣмъ ровно не доказанъ большій вредъ, приносимый тайною проституціей, сравнительно съ проституціей поднадзорной. Та и другая вносятъ свою долю разрушенія въ общественный организмъ. Кто больше,—положа руку на сердце,—сказать трудно!..

Но если это такъ, если исключительная вредоносность тайной проституціи не доказана, выступаетъ на первый планъ основной принципъ—принципъ общечеловѣческой справедливости, который каждаго непредубѣжденнаго наблюдателя долженъ заставить примкнуть къ лагерю аболиціонистовъ, къ лагерю не порабощеннаго, „свободнаго“ человѣка.

Эта мысль прекрасно выражена въ слѣдующихъ словахъ врача и юриста М. С. Маргуліеса [1]), которыми я и считаю возможнымъ закончить свою статью: „Неприкосновенность человѣ-

[1]) М. С. Маргуліесъ. „Регламентація и свободная проституція“. Спб. 1903 г. Стр. 31.

Digitized by Google

ческой личности принадлежитъ къ элементарнымъ благамъ, посягательство на которое строго карается закономъ и разрѣшается лишь въ опредѣленныхъ, закономъ указанныхъ, случаяхъ. Всякое отступленіе отъ этого основного правила неприкосновенности человѣческой личности требуетъ для своего допущенія весьма вѣскихъ и безспорныхъ основаній. Такимъ основаніемъ нельзя считать простую ссылку на вредъ, приносимый проституціей, какъ очагъ заразы венерой и сифилисомъ, такъ какъ логически непосредственнаго перехода отъ констатированія этого вреда *къ необходимости насильственнаго лишенія проститутокъ свободы* нѣтъ. Для этого необходимо еще доказать, что безъ такого насилія, то есть безъ регламентаціи, невозможно устраненіе указаннаго вреда. Итакъ, регламентисты должны доказать, что ихъ система, требующая посягательства на основное право каждаго человѣка не быть стѣсняемымъ въ своей свободѣ—необходима, неизбѣжна, превосходитъ по благимъ результатамъ систему свободной проституціи; если они этого не докажутъ, то тѣмъ самымъ становится очевидною необходимость системы свободной проституціи. Короче говоря—недоказанность предпочтительности регламентаціонной системы уже тѣмъ самымъ доказываетъ предпочтительность системы свободной проституціи"...

Д-ръ Б. Бентовинъ.

Digitized by Google

Изъ Поля Верлена.

Въ живой толпѣ былыхъ воспоминаній
Встаетъ одинъ осенній блѣдный день...
Скользящая и трепетная тѣнь...
Опавшій лѣсъ... Поэзія признаній...

—

Я помню цѣпь крылатыхъ журавлей,
Летѣзшихъ въ даль какой-то сѣтью длинной,
И голосъ тотъ дѣвически невинный,
И ароматъ темнѣющихъ полей...

—

— Скажите мнѣ, какой изъ вашихъ дней
Свѣтлѣе всѣхъ?—она меня спросила...
Я помню взоръ ея разсѣянный и милый
И астру бѣлую на поясѣ у ней...

—

Къ ея рукѣ безмолвно, какъ къ святынѣ,
Я пламенно и трепетно приникъ,
Весь полный ею въ тотъ счастливый мигъ...

—

О, этотъ мигъ я не забылъ и нынѣ!..
Прекрасно розъ благоуханье
И робкое отвѣтное признанье...

Зинаида Ц.

Digitized by Google

Рабочій классъ и парламентаризмъ.

(*Окончаніе*).

Мы уже знаемъ, что понадобились многократныя и тяжкія пораженія и разочарованія, прежде чѣмъ соціалистическіе вожди рабочаго класса стали придавать положительное значеніе политической дѣятельности, а послѣ этого понадобились новыя тяжкія пораженія и новыя тяжкія разочарованія, прежде чѣмъ соціалисты, признавъ „политику", сумѣли повести свою политическую линію, сумѣли политически отмежеваться отъ буржуазіи. Великимъ соціалистамъ-утопистамъ самостоятельная политическая дѣятельность рабочаго класса казалась не только безполезной, но и вредной. Оно и понятно. Соціалистамъ-утопистамъ была чужда идея классовой борьбы, чужда идея о неустранимомъ и непримиримомъ расхожденіи и столкновеніи политическихъ и соціальныхъ интересовъ и воззрѣній различныхъ классовъ. Классовыя грани общества терялись въ туманномъ представленіи объ „обществѣ", какъ о чемъ-то цѣломъ, недѣлимомъ на противоположные классы. Правда, Робертъ Оуэнъ въ 1819 г. выставилъ свою кандидатуру въ парламентъ, но дѣлалъ онъ это не въ качествѣ представителя соціалистическаго движенія, а въ качествѣ приватнаго лица. Онъ открыто и сурово осуждалъ всякое участіе соціалистовъ въ политической борьбѣ. Не все ли равно, въ чьихъ рукахъ находится политическая власть? Развѣ соціалисты не призваны добиться моральнаго перерожденія *всего* общества? А пока это нравственное перерожденіе еще не совершилось, овладѣніе политическою властью соціалистами создаетъ только опасные миражи, которые отвлекутъ въ сторону отъ истиннаго и кратчайшаго пути къ соціальному раю— полному моральному перерожденію „всего общества". Пока точка зрѣнія различныхъ классовъ не вытѣснила изъ головъ соціалистовъ точку зрѣнія цѣлаго и недѣлимаго общества, до тѣхъ поръ не могло быть рѣчи о самостоятельной политической кампаніи рабочаго класса. Въ политическую борьбу рабочій классъ былъ втянутъ уже давно и безъ его ближайшаго участія не могло бы совершиться разрушеніе стараго порядка и водвореніе конститу-

Digitized by Google

ціоннаго строя. Но руководимый и командуемый буржуазіей, рабочій классъ служитъ лишь пушечнымъ мясомъ, тараномъ, съ помощью котораго завоевывался новый порядокъ и который, какъ только оканчивалась политическая кампанія буржуазіи, долженъ былъ разставаться со всѣми своими мечтами и возвращаться къ старому и разбитому корыту дѣйствительности.

Эти жестокіе наглядные уроки дѣйствительности, совершавшіеся рука объ руку съ объективнымъ процессомъ обнаженія и обостренія классовыхъ противорѣчій, постепенно пріучили пролетаріатъ чувствовать себя обособленнымъ и обойденнымъ соціальнымъ классомъ, имѣющимъ свою особую соціальную цѣль, достижимую съ помощью совершенно самостоятельной и строго выдержанной политической кампаніи.

И логически, и психологически тѣсно связанныя другъ съ другомъ, мысль о классовомъ расчлененіи общества и противоположности классовыхъ интересовъ и мысль о самостоятельной роли пролетаріата въ политической борьбѣ, хронологически появились, однако, разновременно,—первая раньше второй. Многіе французскіе и нѣмецкіе соціалисты тридцатыхъ и первой половины сороковыхъ годовъ покойнаго вѣка вполнѣ ясно, недвусмысленно указывали на классовую борьбу и даже придавали ей первенствующее значеніе въ исторіи человѣчества; они пламенно доказывали полную противоположность соціальныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи, но отсюда они выводили не необходимость для пролетаріата неуклонно вести свою самостоятельную политическую линію, а наоборотъ необходимость для пролетаріата отказаться отъ всякаго участія въ политической борьбѣ, которая всецѣло должна быть предоставлена буржуазіи.

Любопытно, что и у насъ въ Россіи Бакунинъ свое отрицательное отношеніе къ участію соціалистовъ въ парламентской борьбѣ выводилъ изъ матеріалистическаго пониманія исторіи, изъ классовой точки зрѣнія. Два обстоятельства породили подобную путаницу—разочарованіе въ исходѣ буржуазныхъ революцій и неликвидированные еще, несмотря на усвоеніе основныхъ посылокъ матеріалистическаго пониманія исторіи, остатки соціальнаго утопизма.

Въ конечномъ счетѣ здѣсь все вырастало изъ одного и того же корня—утопизма. Только благодаря утопизму можно было, бросаясь въ борьбу подъ руководительствомъ и командой буржуазіи, надѣяться, что съ помощью подобной борьбы можно будетъ осуществить соціалистическій строй. Въ исходѣ такой политической борьбы у пролетаріата всегда оставалось горькое сознаніе, что онъ вновь послужилъ пушечнымъ мясомъ для буржуазіи и все непоколебимѣе складывалось рѣшеніе впредь не поддаваться на удочку буржуазіи, и это рѣшеніе облекалось въ форму преданія

Digitized by Google

занаѳемѣ всякой политической борьбы, какъ идущей лишь на пользу буржуазіи.

Надо еще принять во вниманіе, что въ эпоху ранняго конституціонализма, когда избирательныя права были еще узки, а, съ другой стороны, и слои политически сознательныхъ рабочихъ была тоже не широки, самостоятельная политическая кампанія рабочаго класса не могла дать крупныхъ и непосредственныхъ завоеваній въ видѣ вліятельной соціалистической фракціи въ парламентѣ. А между тѣмъ еще не ликвидированные остатки утопизма заставляли тогдашнихъ соціалистовъ надѣяться на то, что не сегодня – завтра капиталистическій строй можетъ быть взятъ приступомъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно было отворачиваться отъ политики, такъ какъ смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, идти въ далекій и утомительный обходъ многоводной и бурной рѣки, когда у васъ есть съ собою всѣ матеріалы и орудія, чтобы перебросить отъ одного берега къ другому прочный и надежный мостъ.

Этихъ орудій и матеріаловъ, однако, не оказалось въ распоряженіи соціалистовъ первой половины девятнадцатаго вѣка и имъ пришлось пуститься для достиженія своей цѣли въ политическій обходъ. Постепенно перейдя отъ иллюзіи цѣльнаго общества къ факту враждующихъ классовъ, соціалисты-вожди и весь рабочій классъ сознали, что пролетаріатъ представляетъ собою обособленный соціальный классъ съ обособленными соціальными интересами. На этомъ убѣжденіи сложилась теорія классовой борьбы. Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ были признаніе, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что рабочій классъ, отстаивая свои классовые интересы и преслѣдуя свои классовыя цѣли, неизбѣжно долженъ вооружиться оружіемъ политической борьбы.

Сознаніе этихъ двухъ истинъ или, точнѣе говоря, сознаніе этихъ двухъ сторонъ одной и той же истины все шире, прочнѣе и глубже проникало въ слои рабочаго класса и политическая борьба стала поглощать все растущую долю силъ и помысловъ пролетаріата. Во все возрастающихъ размѣрахъ доселѣ политически безмолвствовавшіе, политически-невмѣняемые темные слои рабочаго класса начинаютъ политически прозрѣвать и широкою массою вливаться въ уже густые ряды пролетаріата, энергично участвующаго въ политической борьбѣ. Во всѣхъ передовыхъ странахъ рабочіе принимаютъ самое энергичное участіе въ политической дѣятельности и гнутъ свою политическую линію. Неутомимо, ободряемые и непосредственными неудачами, и непосредственными успѣхами, рабочіе все болѣе широкой массой напираютъ на рамки существующаго политическаго строя и стремятся ихъ расширить до предѣловъ вольной демократической республики. Рабочіе отдаютъ громадную долю и своихъ силъ, и своихъ средствъ на неустанную борьбу за расширеніе политическихъ правъ и въ

Digitized by Google

особенности за всеобщее избирательное право тамъ, гдѣ оно ограничено.

Англійскіе рабочіе, въ лицѣ чартистовъ впервые массою выступившіе съ лозунгомъ всеобщаго избирательнаго права, въ теченіе послѣдующаго времени ужасно радовали сердца буржуазныхъ ученыхъ и политиковъ. И дѣйствительно, чрезвычайно пестрое сплетеніе экономическихъ и политическихъ условій привело къ тому, что англійскіе рабочіе нашли возможнымъ передовѣрить свои политическія права буржуазнымъ партіямъ. Но мы знаемъ, что въ концѣ концовъ англійскіе рабочіе пришли къ сознанію той же основной истины, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и во время послѣднихъ выборовъ они провели въ англійскій парламентъ уже своихъ депутатовъ.

Такимъ образомъ, въ новѣйшей исторіи рабочаго движенія парламентъ сдѣлался какъ бы фокусомъ, въ которомъ концентрировались лучи пробудившагося и пробуждающагося классоваго сознанія пролетаріата.

Но въ это же самое время появились чрезвычайно знаменательные симптомы какъ бы одряхленія парламентаризма. Точно старыя и дряхлыя ткани буржуазнаго парламентаризма не выдержали прилива свѣжей и буйной крови „четвертаго сословія". Въ то самое время, какъ ярче и сильнѣе всего разгорѣлась политическая борьба, въ то самое время, какъ повсюду кипитъ ожесточенная борьба за расширеніе избирательныхъ правъ и все болѣе широкая народная масса втягивается въ политическую борьбу, въ это самое время начинаютъ все чаще раздаваться толки о томъ, что парламентаризмъ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ,—отжилъ свой вѣкъ. Какъ мы увидимъ ниже, эти толки выростаютъ на весьма серьезной почвѣ и находятся въ непосредственной связи съ позиціей, занятой рабочимъ классомъ по отношенію къ парламенту.

Чрезвычайно характерно, что толки о паденіи нынѣшняго парламентаризма исходятъ изъ самыхъ различныхъ политическихъ круговъ. Мы не говоримъ уже объ анархистахъ, всегда отрицательно относившихся къ парламентаризму; мы не говоримъ уже и о тѣхъ цитированныхъ нами въ первомъ очеркѣ соціалистахъ, которые отрицательно относились ко всякой политической борьбѣ вообще,—мы говоримъ о соціалистахъ, которые принимали и принимаютъ самое дѣятельное участіе въ политической борьбѣ и на основаніи этого опыта вынесли убѣжденіе, что нынѣшній парламентаризмъ для того, чтобы выполнить крупную историческую миссію, долженъ будетъ подвергнуться весьма серьезному преобразованію. Извѣстный бельгійскій соціалистъ Жюль Дестрэ въ брошюрѣ, носящей характерное заглавіе „Конецъ парламентаризма", пишетъ: „Иллюзіи 1850 г. исчезли. Теперь не найти политическаго писателя или оратора, который бы вѣрилъ въ абсолютное

Digitized by Google

совершенство парламентскаго режима. Несмотря на все различіе во взглядахъ различныхъ авторовъ о причинахъ паденія парламентаризма и средствахъ борьбы, всѣ согласны въ томъ, что парламентаризмъ не принесъ ожидавшихся отъ него результатовъ и его престижъ падаетъ съ каждымъ днемъ. Въ этомъ отношеніи обнаруживается солидарность взглядовъ у людей самыхъ различныхъ убѣжденій—консерваторовъ, либераловъ, соціалистовъ, анархистовъ и. т. д.“ [1]).

И въ концѣ концовъ Жюль Дестрэ предлагаетъ совсѣмъ упразднить парламентскія засѣданія и вмѣсто нихъ попросту издавать особый парламентскій органъ, гдѣ бы печатались, вмѣсто того, чтобы произносить ихъ въ видѣ рѣчей въ парламентѣ, статьи депутатовъ. Самъ по себѣ этотъ курьезный проектъ не заслуживаетъ, конечно, серьезнаго вниманія, но онъ чрезвычайно знаменателенъ, какъ показатель разочарованія въ плодотворности парламентской работы, разочарованія, охватившаго теперь многіе слои. Въ передовой статьѣ „Парламентаризмъ и пролетаріатъ“, помѣщенной недавно въ научномъ органѣ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи „Neue Zeit“, мы читаемъ о нынѣшнемъ парламентѣ: „Нѣмецкій рейхстагъ представляетъ собою какъ бы гніеніе живого тѣла буржуазнаго парламентаризма. Его пренія давно надоѣли и буржуазіи, и даже, пожалуй, именно ей; никто ихъ не читаетъ больше, кромѣ лицъ, вынуждаемыхъ къ этому самою своею профессіей. Въ этомъ отношеніи любая сенсаціонная новинка дня успѣшно конкуррируетъ съ парламентскими засѣданіями. Нужно поставить тысячу противъ одного въ защиту того утвержденія, что какія нибудь придворныя событія, съ исторической и политической точки зрѣнія совершенно ничтожныя, вродѣ недавно происходившей свадьбы кронпринца, нашли въ образованныхъ и зажиточныхъ кругахъ нѣмецкаго общества болѣе усердныхъ и многочисленныхъ читателей, чѣмъ отчеты о засѣданіяхъ рейхстага, взятые за всю зиму“ [2]).

„Подобно тому,—читаемъ мы далѣе въ этой статьѣ,—какъ нѣкогда буржуазная оппозиція была незаконной оппозиціей въ феодальныхъ сословныхъ камерахъ и она не могла расправить свои члены, не разрушивъ при этомъ всего зданія, точно такъ же и освободительная борьба пролетаріата разрушитъ зданіе буржуазнаго парламентаризма, а до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ еще не въ силахъ сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, онъ никогда не сумѣетъ вполнѣ развернуть въ стѣнахъ буржуазнаго парламента всю свою силу, во всемъ ея своеобразіи“.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ парламентской жизни современной Англіи, М. Я. Острогорскій, пишетъ о настроеніи нынѣшней

---

[1]) Ср. Jules Destrée. „La fin du Parlamentarisme“. Bruxelles. 1901. Стр. 11.

[2]) Ср. „Parlamentarismus und Proletariat“. „Neue Zeit“. 1905. № 36, стр. 297.

Digitized by Google

англійской буржуазіи по отношенію къ парламенту: „Въ англійскомъ обществѣ все болѣе распространяется „политическая апатія. Politics is no longer popular (политика не пользуется больше популярностью)—таково непосредственное впечатлѣніе людей, профессіонально занимающихся политикой... Средніе классы сторонятся отъ политической арены, толкаемые частью эгоизмомъ, а частью самолюбіемъ, оскорбляемымъ фактомъ, что въ политику втягиваются низшіе соціальные слои населенія. Говорятъ, что буржуазія уже исчерпала свой пылъ въ великихъ битвахъ, происходившихъ одна за другою въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. У нея теперь уже нѣтъ никакихъ неудовлетворенныхъ пожеланій и стремленій, которыя она бы хотѣла осуществить въ соціально-политической области. Пламя, пылавшее въ сердцахъ предшествовавшихъ поколѣній, отражается лишь слабымъ отблескомъ въ сердцахъ нынѣшняго поколѣнія. Соціалистическая опасность еще не настолько велика и непосредственна, чтобы мобилизировать средніе классы, но она уже достаточно даетъ себя знать, чтобы наполнить многихъ трепетомъ и чтобы заставить ихъ еще глубже погрузиться въ свой эгоизмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и нынѣ буржуазія занимаетъ достаточно почтенное мѣсто въ политическомъ кортежѣ, но она участвуетъ въ немъ скорѣе въ силу инерціи, чѣмъ руководимая самостоятельнымъ стремленіемъ, но и это автоматическое участіе постепенно ослабѣваетъ: въ все растущемъ воздержаніи отъ подачи голосовъ при выборахъ наибольшій процентъ приходится, по всей вѣроятности, на буржуазію“ [1]).

Таковы разсужденія и наблюденія, исходящія отъ лицъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Эти наблюденія и разсужденія сходятся въ одномъ—въ послѣднее время въ жизни буржуазнаго парламентаризма происходятъ явленія, заставляющія однихъ говорить о возрожденіи парламентаризма и заставляющіе другихъ толковать о приближающейся смерти парламентаризма. Но всѣ сходятся при этомъ въ признаніи, что нынѣшній парламентаризмъ переживаетъ извѣстный кризисъ, изъ котораго онъ выйдетъ обновленнымъ новыми чертами. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобный кризисъ парламентаризма находится въ непосредственной связи съ проникновеніемъ въ парламентъ соціалистическихъ депутатовъ рабочаго класса.

Что это такъ, доказывается хотя бы тѣмъ фактомъ, что всѣ буржуазные писатели, толкующіе о паденіи нынѣшняго парламента, спѣшатъ указать, что парламентаризмъ проченъ тамъ, гдѣ господствуютъ лишь двѣ партіи, консервативная и либеральная, смѣняющія другъ друга у кормила правленія и не знающія нападокъ „третьей“, соціалистической партіи, не претендующей стать у

---

[1]) Ср. M. Ostrogorsky. „La démocratie et l'organisation des parties politiques.“ Paris. 1903, t I., стр. 585.

Digitized by Google

власти въ нынѣшнемъ государствѣ и подвергающей неустанной и неумолимой критикѣ не только обѣ буржуазныя партіи и ихъ оттѣнки, но весь строй буржуазнаго государства, съ которымъ тѣсно сросся нынѣшній парламентаризмъ.

Буржуазные писатели, расписывающіе мрачными красками кризисъ парламентаризма, вмѣстѣ съ тѣмъ въ весьма радужныхъ краскахъ изображаютъ прелести двухпартійной степени, вродѣ американской и—увы—нынѣ безвозвратно исчезнувшей англійской. Рабочій классъ въ лицѣ своихъ депутатовъ вноситъ въ парламентъ совершенно новый духъ—духъ *открытой*, нескрываемой классовой борьбы. Было бы, конечно, большою наивностью думать, что до того, какъ въ парламентъ проникли депутаты рабочаго класса, тамъ, въ парламентѣ, не велась классовая борьба. Она неустанно и энергично велась всѣми буржуазными партіями, но велась подъ извѣстнымъ прикрытіемъ, велась за кулисами фразъ объ „общемъ благѣ", „интересахъ народа". Соціалистическіе депутаты, войдя въ парламентъ, заставляли буржуазныя партіи volens-nolens раскрывать свои карты и срывали пышныя декораціи съ ярко „размалеваннымъ общимъ благомъ", обнажая прочно и солидно построенныя классовыя позиціи. Чѣмъ больше росло число соціалистическихъ депутатовъ въ парламентѣ, чѣмъ болѣе усиливалось ихъ вліяніе, тѣмъ все болѣе и болѣе обнажался классовый характеръ борьбы различныхъ партій. Рабочій классъ отъ такого обнаженія только выигрывалъ. Представляя интересы большинства населенія, онъ естественно стремился къ тому, что бы это большинство свои интересы скорѣе и прочнѣе сознало и чтобы оно повело энергичную политическую борьбу во имя и подъ знаменемъ своихъ классовыхъ интересовъ. Соціалистическая партія тѣмъ увѣреннѣе и тѣмъ ближе къ своей цѣли чувствовала себя, чѣмъ болѣе обширные слои рабочаго класса пришли къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и вступили за нихъ въ открытую политическую борьбу.

Въ совершенно иномъ положеніи находятся буржуазныя политическія партіи. Буржуазные элементы во всѣхъ странахъ составляютъ значительное меньшинство. Во всѣхъ—даже самыхъ „богатыхъ"—странахъ богатые и даже попросту зажиточные элементы составляютъ незначительную долю всего населенія, а между тѣмъ во всѣхъ странахъ, даже тамъ, гдѣ господствуетъ широкое всеобщее избирательное право, буржуазныя партіи составляютъ въ парламентахъ большинство, во многихъ парламентахъ даже подавляющее большинство. Это рѣзкое несоотвѣтствіе между соціальнымъ составомъ всего населенія и соціальнымъ составомъ политическихъ партій, или, иначе говоря, это несоотвѣтствіе между соціальными классами и политическими партіями объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что огромная доля людей, принадлежащихъ къ малоимущимъ и совсѣмъ неимущимъ классамъ,

Digitized by Google

иногда подъ внѣшнимъ давленіемъ, а чаще всего вслѣдствіе своей безсознательности подаютъ свои голоса за кандидатовъ буржуазныхъ партій, за представителей интересовъ высшихъ, богатыхъ слоевъ населенія. При такихъ условіяхъ для буржуазіи открыто становиться въ парламентѣ на классовую точку зрѣнія, раскрывать свой классовый характеръ—значило бы совершать политическое самоубійство, сознательно оттолкнуть отъ себя значительную долю той политической кліентуры изъ низшихъ классовъ, съ помощью которой буржуазія только и можетъ обезпечить себѣ большинство въ парламентѣ.

Въ совершенно иномъ положеніи находится въ парламентѣ соціалистическая партія. Соціалистическая партія является единственной политической партіей, которая открыто и сознательно выставляетъ и подчеркиваетъ свой классовый характеръ. Если для буржуазныхъ партій открытое подчеркиваніе своей классовой позиціи есть, какъ мы уже замѣтили, политическое самоубійство, угрожающее ей потерей значительнѣйшей части своей политической кліентуры, то соціалистическая партія какъ разъ наоборотъ въ этомъ открытомъ провозглашеніи своего классоваго характера черпаетъ свою главную силу. Благодаря этому соціалистическая партія вноситъ въ парламентъ новый духъ. Она совлекаетъ состоящихъ на очереди вопросовъ ихъ идеалистическую позолоту и обнажаетъ ихъ классовое зерно; она не только сама ясно и сознательно подчеркиваетъ свою классовую позицію, но и буржуазныя партіи заставляетъ выдать свои классовыя цѣли и интересы. А для послѣднихъ это означаетъ постепенную потерю кліентуры и исчезновеніе былого политическаго увлеченія и „идеализма“. Борьба партіи все яснѣе и недвусмысленнѣе сводится къ борьбѣ классовъ, и рука объ руку съ этой эволюціей шансы побѣды для буржуазіи все убываютъ. Удивительно ли, что подобная эволюція парламентаризма наполняетъ сердца буржуазіи тревогою, безпокойствомъ, неудовлетворенностью. Надо принять во вниманіе еще и слѣдующее. Нынѣшній парламентъ есть дѣтище буржуазіи. Онъ созданъ если не руками—для этой цѣли былъ призванъ „народъ“,—то головою буржуазіи. Если мы вспомнимъ, при какихъ историческихъ условіяхъ буржуазія добилась парламентскаго или вообще конституціонаго строя, то мы легко убѣдимся, что въ парламентѣ буржуазію занимала не столько положительная, сколько отрицательная задача. Она торжественно провозгласила великую хартію капиталистическихъ вольностей, но эта хартія сводилась больше къ отмѣнѣ привилегій стараго феодальнаго и приказнаго строя, чѣмъ къ созданію чего-либо новаго и положительнаго. Буржуазіи нужно было развязать себѣ руки, снять тѣ докучливыя путы, которыми старый порядокъ на каждомъ шагу тормазилъ живое развитіе производительныхъ силъ.

Буржуазіи раньше и прежде всего въ ея борьбѣ за консти-

Digitized by Google

туціонный строй нужно было, чтобы правительство не мѣшало ей, чтобы оно не ставило ей преграды, чтобы были созданы формы политической жизни, которыя бы широко вмѣстили въ себѣ свободное развитіе капиталистическаго хозяйства. Въ эту эпоху созданія парламентаризма доктрина laissez faire, laissez passer какъ нельзя лучше выражала „смыслъ философіи всей свободолюбивой буржуазіи". Соотношеніе общественныхъ силъ было тогда таково, что реальная экономическая сила находилась въ рукахъ буржуазіи, и свободной игрѣ этой силы мѣшалъ лишь старый политическій порядокъ, который и надо было устранить. Подобнаго рода задачи формально-отрицательнаго характера и стояли прежде всего передъ свободолюбивой буржуазіей.

Какъ справедливо говоритъ Жорэсъ: „Въ 1789 г. предъ революціей стояла, по отношенію къ частной собственности, только отрицательная задача. Она уничтожала, но не создавала. Она отнимала церковныя помѣстья, но затѣмъ пускала эти имѣнія въ продажу. Она превращала ихъ немедленно въ частную собственность по существовавшему раньше типу. Точно также, уничтожая феодальныя привилегіи, она лишь освобождала крестьянскую собственность отъ бремени повинностей. Основъ этой собственности она не коснулась. Крестьянинъ сдѣлался лишь болѣе полнымъ собственникомъ того, чѣмъ онъ владѣлъ уже раньше. Такимъ образомъ революція не породила никакой новой формы собственности. Она не изобрѣла новаго соціальнаго строя. Ея освободительное движеніе ограничилось ломкой старыхъ путъ. Предъ ней не стояли задачи организаціи и созиданія, общество ожидало отъ нея только разрушительной работы" [1]).

Требованія рабочаго класса внесли въ парламентъ совершенно новый духъ. Рабочему классу необходимо было не только обезпечить себѣ формальную свободу, т. е. добыть право стачекъ, союзовъ, собраній и т. д., но и обуздать наиболѣе алчныя и губительныя притязанія буржуазіи; рабочему классу нужно было не только формальное политическое равенство, но и положительныя соціальныя реформы. Голосъ рабочаго класса зазвучалъ въ парламентѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ голосъ буржуазіи; онъ поставилъ передъ парламентомъ гораздо болѣе глубокія и коренныя задачи,— для буржуазіи, имѣвшей въ своихъ рукахъ всю хозяйственную мощь, нужны были лишь политическія реформы и сверженіе феодально-приказнаго строя для того, чтобы дать этой мощи безпрепятственную возможность широко и свободно проявляться; рабочему же классу нужны были политическія права прежде и раньше всего для того, чтобы обуздать и урѣзать хозяйственное владычество буржуазіи. Буржуазія, или, точнѣе, болѣе дальновидная часть ея поняла эта, и чтобы утихомирить рабочихъ и не отол-

[1]) Ср. Ж. Жорэсъ. „Соціальные этюды". Спб. 1906. Стр, 29.

Digitized by Google

кнуть отъ себя голоса рабочихъ, буржуазныя политическія партіи выставили въ своихъ программахъ рядъ соціальныхъ реформъ и провели многія изъ нихъ черезъ парламентъ. На эти соціальныя реформы болѣе передовыя изъ буржуазныхъ партій смотрѣли, какъ на вѣрное средство установить добрыя отношенія между пролетаріатомъ и буржуазіей и сдѣлать для перваго совершенно излишнимъ образованіе самостоятельной рабочей партіи въ парламентѣ. Если добиться политическаго равенства и проводить въ парламентѣ „разумныя" соціальныя реформы, то рабочій классъ не будетъ имѣть никакихъ основаній къ озлобленію противъ буржуазіи, и соціалистическая рабочая партія не будетъ имѣть подъ собою никакой почвы. Такъ разсуждали, а порою и по днесь разсуждаютъ многіе представители передовыхъ буржуазныхъ партій. Когда въ нѣмецкій парламентъ начали во все растущемъ числѣ проникать представители рабочаго класса, то вождь нѣмецкой свободомыслящей партіи, недавно умершій Евг. Рихтеръ, не сомнѣвался въ томъ, что соціалъ-демократическая партія появилась и существуетъ въ Германіи только благодаря отсталому политическому строю этого государства. „Въ государствахъ,—писалъ онъ,—гдѣ уже давно существуетъ политическая и экономическая свобода, не знаютъ о соціалъ-демократіи. Въ Англіи, Америкѣ и Швейцаріи, если не считать эмигрантовъ, существуютъ лишь единичные экземпляры соціалъ-демократіи, въ лучшемъ случаѣ могущіе претендовать лишь на значеніе курьеза. Соціалъ-демократія есть нечто иное, какъ порожденіе полицейскаго государства, осужденное на исчезновеніе въ процессѣ свободнаго политическаго и экономическаго развитія нашего государства" [1]).

Увы, этотъ оптимизмъ оказался построеннымъ лишь на зыбучемъ пескѣ затаеннаго желанія буржуазныхъ партій. Расширеніе политическихъ правъ широкихъ массъ населенія и проведеніе соціальныхъ реформъ не только не заставило рабочихъ мирно и съ благодарностью вступить въ ряды буржуазныхъ партій и отказаться отъ всякихъ крайностей, но, наоборотъ, послужило лишь дальнѣйшимъ и сильнѣйшимъ толчкомъ къ повышенію интеллектуальнаго уровня рабочаго, къ расширенію его требованій, къ большей его организованности, а вмѣстѣ со всѣмъ этимъ и къ развитію классоваго сознанія. Если въ глазахъ буржуазныхъ партій расширеніе политическихъ правъ широкихъ слоевъ населенія и парламентская политика соціальныхъ реформъ рисовались, какъ надежный оплотъ „соціальнаго мира", и они полагали, что, вступая на этотъ путь, они тѣмъ самымъ ставятъ точку „прискорбной" распри между различными классами населенія, то для рабочаго класса какъ разъ наоборотъ всѣ эти политическія реформы слу-

[1]) E. Richter. „Die Fortschrittspartei und die Socialdemokratie". Berlin. 1878. Стр. 12.

Digitized by Google

жили новой точкой опоры, дававшей ему больше орудій для борьбы и больше шансовъ для побѣды.

Такимъ образомъ, чѣмъ больше тянулась взаимная работа буржуазіи и пролетаріата въ парламентѣ, тѣмъ больше скоплялось между ними недоразумѣній и озлобленія. Они оба шли въ парламентъ съ различными настроеніями, намѣреніями и надеждами, и ихъ взаимная работа только подчеркивала это различіе. И въ итогѣ буржуазія начинаетъ относиться къ парламентской работѣ все болѣе вяло. Отъ былого политическаго энтузіазма буржуазіи не осталось и слѣда. Какъ нѣкогда въ первые годы конституціонализма она шла въ парламентъ для того, чтобы совершить огромную работу отрицательнаго характера — политически ликвидировать умершій хозяйственный строй и продѣлать всѣ политическія формальности для введенія въ права наслѣдства себя, новаго общественнаго класса,— такъ теперь она начинаетъ возлагать на парламентъ новую огромную задачу — дать отпоръ притязаніямъ новаго общественнаго класса — пролетаріата. Какъ перемѣнилась полиція и настроеніе буржуазіи! На штурмъ стараго порядка она шла съ вѣрою и увѣренностью, за ней шелъ „народъ“, и она искренно считала себя представительницей и охранительницей интересовъ и помысловъ этого народа, а теперь этотъ самый народъ поднялся и идетъ на нее, и прежній идеалистъ и прежняя увѣренность отлетѣли отъ нея, и все чаще и настойчивѣе тревожитъ мысль о завтрашнемъ историческомъ днѣ. Если прежде буржуазія должна была продѣлать лишь политическія формальности для того, чтобы утвердиться въ правахъ, когда фактическимъ хозяиномъ исторической сцены она давно уже себя чувствовала, то нынѣ ей приходится перейти къ оборонительной борьбѣ для защиты своихъ хозяйственныхъ привилегій отъ бурнаго натиска новаго общественнаго класса—„четвертаго сословія“.

Этимъ объясняется тотъ на первый взглядъ странный и необъяснимый фактъ, что рука объ руку съ крупнымъ ростомъ числа соціалистическихъ депутатовъ въ парламентѣ часто замѣчается уменьшеніе ихъ непосредственнаго вліянія на положительную дѣятельность парламента, на проводимыя имъ соціальныя реформы. Когда отъ выборовъ къ выборамъ растетъ число подаваемыхъ за соціалистовъ голосовъ, когда каждая выборная кампанія приводитъ въ залы парламента все растущее число соціалистическихъ депутатовъ, тогда у буржуазныхъ партій сначала появляется стремленіе къ соціальному реформаторству, чтобы путемъ политическихъ и соціальныхъ реформъ притупить шипы соціалистической критики существующаго порядка. Но когда рядъ попытокъ доказываетъ всю тщету и пустоту подобныхъ затѣй, то у буржуазныхъ партій,—говоря, конечно, лишь объ ихъ большинствѣ, а не объ отдѣльныхъ немногочисленныхъ группахъ,—

Digitized by Google

пропадаетъ стремленіе къ новаторству, смѣняясь стремленіемъ къ охранительству.

„Слабость буржуазнаго парламента,—справедливо говоритъ австрійскій соціалъ-демократъ Гильфердингъ,—есть лишь слѣдствіе силы пролетаріата. Разъ появляется опасность, что пролетаріатъ можетъ овладѣть парламентомъ, то въ интересахъ господствующихъ классовъ по возможности лишить этотъ парламентъ всякой власти. Отсюда идетъ сознательное стремленіе господствующихъ классовъ Германіи по возможности обдѣлывать всѣ дѣла внѣ парламента. Они стремятся добиться своего иными путями, путемъ ли непосредственнаго вліянія на правительственную власть, пули личныхъ сношеній съ носителями этой власти, путемъ ли, наконецъ, давленія съ помощью экономическихъ союзовъ. Гдѣ только это возможно, они стремятся уменьшить власть демократически избираемаго парламента, и по возможности расширить компетенцію ландтага, гдѣ они чувствуютъ себя дома. Прусскій ландтагъ имѣетъ вліяніе на правительство, благодаря тому, что въ немъ нѣтъ пролетарскихъ депутатовъ; нѣмецкій рейхстагъ лишенъ этого вліянія благодаря тому, что въ немъ есть соціалъ-демократическая фракція“ [1]).

Стоитъ присмотрѣться къ дѣятельности нѣмецкаго рейхстага, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Духъ соціальнаго реформаторства въ послѣдній десятокъ лѣтъ какъ будто бы совсѣмъ покинулъ нѣмецкій рейхстагъ; всѣ сколько-нибудь крупные шаги его въ области соціальнаго законодательства относятся къ прошлому, къ тому прошлому, когда буржуазныя партіи еще вѣрили въ то, что соціальныя реформы убьютъ соціалъ-демократическую партію; а въ настоящемъ нѣмецкій парламентъ не дѣлаетъ никакихъ сколько-нибудь крупныхъ соціально-реформаторскихъ шаговъ, зато все чаще и чаще въ немъ всплываютъ проекты изъ области откровеннаго соціальнаго охранительства вродѣ знаменитаго „каторжнаго“ законопроекта, и такія „реформы“, какъ ростовщическая аграрная политика, всею своею тяжестью обрушивающаяся на плечи малоимущаго люда и обогащающая кучку аграріевъ, находитъ себѣ въ рейхстагѣ послушное большинство.

Отсюда ясно, какъ смѣшны оптимистическія увѣренія соціальныхъ панглосовъ, увѣряющихъ, что парламентская работа постепенно, путемъ постоянныхъ соціальныхъ реформъ, такъ сказать безъ экзамена, переведетъ капиталистическій строй въ соціалистическій.

Изъ этого, конечно, меньше всего слѣдуетъ, что участіе въ парламентской работѣ для пролетаріата является пустымъ и безцѣльнымъ занятіемъ,—изъ сказаннаго слѣдуетъ лишь, что ростъ

---

[1]) R. Hilferding. „Parlamentarismus und Massenstreik“ „Neue Zeit“. 1905. № 51, стр. 814.

Digitized by Google

числа соціалистическихъ депутатовъ самъ по себѣ еще не знаменуетъ собою эры „соціальныхъ реформъ“, что, какъ мы видѣли, этотъ ростъ самъ по себѣ часто даже тормазилъ эти реформы, но все это нисколько не мѣшаетъ тому, что парламентская работа для рабочаго класса имѣетъ огромное организующее и пропагандирующее значеніе. Только образовавъ политическую партію, рабочій классъ такъ сказать изъ политически-безсознательнаго, политически невмѣняемаго состоянія приходитъ въ политическое сознаніе, становится политически вмѣняемымъ. Партійная политическая организація служитъ какъ бы фокусомъ, въ которомъ концентрируются лучи уже пробудившагося и еще пробуждающагося классоваго сознанія пролетаріата. Соціалистическая политическая партія сырую, громадную глыбу „рабочаго класса“ перерабатываетъ въ цѣлостный живой организмъ пролетарской партіи, она дестиллируетъ изъ сѣрой и сырой массы рабочихъ, среди которыхъ еще огромная доля, экономически принадлежа къ классу рабочихъ, соціально, т. е. по всѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ, „бредетъ розно“ и разбредается по самымъ различнымъ политическимъ партіямъ; она дестиллируетъ изъ нея „идею четвертаго сословія“ и создаетъ какъ бы центръ протяженія, около котораго группируется вся растущая масса сознательныхъ элементовъ. А вести свое политическое бытіе соціалъ-демократія не можетъ, не принимая самаго дѣятельнаго участія въ политической жизни страны, не участвуя въ выборахъ, не проводя своихъ депутатовъ, не принимая самаго энергичнаго участія въ парламентской работѣ. Парламентская дѣятельность является превосходнымъ орудіемъ для перерабатыванія полусырого матеріала „классъ“ въ культурный продуктъ „партія“. Въ парламентѣ рабочихъ депутатовъ интересуютъ, конечно, не только вопросы соціальной политики, соціальнаго законодательства,—имъ приходится принимать самое энергичное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ культурной жизни человѣчества. И здѣсь-то, съ одной стороны, они могущественно содѣйствуютъ расширенію кругозора пролетаріата, пріучая мысль послѣдняго включать въ свой духовный обиходъ самые разнообразные вопросы, а съ другой стороны, при обсужденіи этихъ вопросовъ въ парламентѣ рабочимъ депутатамъ приходится говорить не только объ общекультурномъ значеніи даннаго вопроса, но и устанавливать на него специфически-пролетарскій уголъ зрѣнія. И почти нѣтъ такого вопроса, хотя бы онъ и относился къ „отвлеченной“ области и непосредственно никакого касательства къ рабочему классу не имѣлъ, по отношенію къ которому, однако, рабочимъ депутатамъ не пришлось бы стать на свою особую точку зрѣнія. И благодаря этому парламентская работа доставляетъ богатѣйшій и благодарнѣйшій матеріалъ для выработки цѣлостнаго культурнаго міросозерцанія пролетаріата.

Digitized by Google

Но этимъ не исчерпывается положительное значеніе парламентской работы для пролетаріата. Если, какъ мы замѣтили ростъ соціалистическихъ голосовъ порою и заставляетъ буржуазное большинство парламента отъ соціальныхъ реформъ переходитъ къ соціальному охранительству, то, съ другой стороны, крупныя соціальныя реформы, какъ признавался и самъ Бисмаркъ, часто проводились въ парламентѣ только благодаря появленію соціалистическихъ депутатовъ и ихъ дѣятельности въ парламентѣ. Кромѣ того, уже самыя обсужденія соціальныхъ реформъ въ парламентѣ, всегда, такъ сказать, лбомъ сшибали различные классы и безпощадно раскрывали соціальное корыстолюбіе буржуазныхъ партій; огромное значеніе подобныхъ столкновеній для развитія классоваго сознанія трудно преувеличить. Для соціалъ-демократіи, какъ представительницы интересовъ рабочаго класса, чрезвычайно, конечно, важно, чтобы та или иная крупная соціальная реформа прошла черезъ парламентъ, получивъ въ немъ большинство голосовъ. Но если подобная реформа, несмотря на всѣ старанія соціалъ-демократіи, будетъ провалена, то все же какую громадную роль сыграетъ она въ развитіи классоваго сознанія! Дебаты въ самомъ парламентѣ и то эхо, которое они найдутъ въ прессѣ и печати, выяснятъ значеніе данной реформы для всего рабочаго класса, а послѣ этого провалъ этой реформы раскроетъ такъ ясно все узкое корыстолюбіе господствующихъ партій, что отъ послѣднихъ неизбѣжно оторвется значительная масса безсознательныхъ сторонниковъ и войдетъ въ качествѣ сознательныхъ членовъ въ соціалистическую партію.

Русскому читателю, переживающему сейчасъ медовый мѣсяцъ увлеченія парламентаризмомъ, могутъ, пожалуй, показаться труизмомъ только-что сказанныя слова о значеніи для рабочаго класса парламентской дѣятельности. Но всякому, знакомому съ настроеніемъ рабочихъ массъ во Франціи, Италіи и, въ значительно меньшей степени и въ Германіи, хорошо извѣстно, что въ этихъ странахъ существуетъ довольно сильное соціалистическое теченіе, отрицающее за парламентскою дѣятельностью положительное значеніе для рабочаго класса. Теченіе это, извѣстное подъ имеменемъ „революціоннаго синдикализма“, не только не смотритъ на сказанное выше о парламентаризмѣ, какъ на труизмы, но, наоборотъ, видитъ въ немъ выдумки „политиковъ“, сбивающихъ съ соціалистическаго толку рабочій народъ. Особенно сильно это теченіе въ нынѣшней Франціи и въ первомъ очеркѣ намъ уже приходилось выслушать нѣкоторыхъ изъ его представителей; возвращаться къ этому вопросу мы не станемъ, онъ настолько сложенъ и многообразенъ, что требуется спеціальнаго разсмотрѣнія. Не выходя изъ рамокъ этой статьи, намъ хотѣлось бы лишь указать на то, что революціонные синдикалисты или анархо-соціалисты, какъ они себя иногда называютъ, при критикѣ парламен-

Digitized by Google

таризма, съ одной стороны, до-нельзя суживаютъ и умаляютъ грандіозную „идею четвертаго сословія“, а съ другой стороны, нападаютъ на парламентаризмъ, принимая организаціонные недостатки соціалистической партіи данной страны за недостатки якобы самаго парламентаризма.

Насколько эти критики парламентаризма суживаютъ „идею четвертаго сословія“, или, проще говоря, тѣ культурно-политическія задачи, которыя стоятъ передъ пролетаріатомъ, показываютъ хотя бы разсужденія нѣмецкаго анархо-соціалиста Фридеберга, что 99 сотыхъ всѣхъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ рейхстагѣ, не представляютъ для пролетаріата никакого интереса и не касаются его. Это утвержденіе, очень типичное для соціалистическихъ противниковъ парламентаризма, ясно обнаруживаетъ путаницу, царящую въ головѣ послѣднихъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, есть такіе политическіе вопросы, которые не представляли бы для пролетаріата никакого интереса? Развѣ вопросы внѣшней политики, вооруженія, народнаго образованія, самоуправленія, обсуждаемые въ парламентѣ, не представляютъ для пролетаріата огромнаго значенія въ томъ отношеніи, что и въ этихъ вопросахъ неизбѣжно должны сталкиваться два міровоззрѣнія—пролетарское и буржуазное и отъ этого-то постояннаго рѣзкаго столкновенія и вспыхиваютъ искры классоваго сознанія. Это дѣло соціалистическихъ депутатовъ, чтобы дебаты по этимъ вопросамъ поднять на высоту „идеи четвертаго сословія“. Не въ томъ, конечно, дѣло, чтобы соціалистическіе депутаты по поводу всѣхъ мелкихъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ парламентахъ, произносили рѣчи о сущности соціализма. Не въ этомъ надобность, а въ томъ, чтобы эти вопросы разсматривались депутатами подъ угломъ зрѣнія своего соціалистическаго міровоззрѣнія, и тогда въ парламентѣ все чаще и рѣзче будутъ сталкиваться два культуровоззрѣнія, два въ основѣ различныхъ пониманія задачъ культуры, государства, общества.

Только благодаря дѣятельности политической партіи, постоянно и неустанно на тысячѣ и на одномъ примѣрѣ, на критикѣ тысячи и одного законопроекта, на первый взглядъ „не касающагося пролетаріата“, можетъ выработаться стройное и сложное классовое міровоззрѣніе; только этимъ путемъ мысль рабочаго втягивается въ міръ сложныхъ отношеній нынѣшняго общества и познаетъ антагонизмъ пролетарскаго и буржуазнаго міропониманія во всей его широтѣ и глубинѣ.

Какъ мы уже замѣтили, одной изъ главнѣйшихъ причинъ недовольства парламентаризмомъ со стороны революціонныхъ синдикалистовъ служитъ то обстоятельство, что организаціонные недостатки данной соціалистической партіи принимаютъ за органическіе недостатки „парламентскаго“ соціализма.

Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ самыхъ ходкихъ упрековъ по

Digitized by Google

адресу „парламентскаго“ соціализма служитъ обыкновенно ссылка на то, что соціалистическіе депутаты не выражаютъ воли пославшихъ ихъ избирателей и, вмѣсто классовой борьбы, увлекаются вреднымъ политиканствомъ, не чуждымъ мотивовъ личнаго честолюбія.

Французскіе революціонные синдикалисты не щадятъ самыхъ рѣзкихъ словъ, чтобы заклеймить депутатовъ соціалистическихъ партій. Парламентскія кресла, какъ выразился одинъ изъ нихъ, слѣдовало бы вообще предоставить въ исключительное пользованіе „буржуазнымъ геморроикамъ“.

Нападки на соціалистическихъ депутатовъ со стороны синдикальныхъ революціонеровъ безусловно имѣютъ подъ собою, выражаясь языкомъ логики, достаточное основаніе. Жалобы на депутатовъ, измѣнившихъ наказамъ пославшаго ихъ народа, раздаются, можно сказать, на всемъ протяженіи исторіи парламента, и уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что и въ нынѣшнихъ нападкахъ на соціалистическихъ депутатовъ дымъ не безъ огня. Уже англійскіе левелисты въ 1647 году жаловались на „тиранію парламента“, на „народныхъ представителей, которымъ пришлась по вкусу верховная власть, и которые стремятся, превысивъ компетенцію обыкновенныхъ слугъ народа, стать его господами, чтобы превратиться въ тирановъ“. А въ 1758 знаменитый французскій утопистъ Мабли писалъ о депутатахъ: „Если бы вы видѣли этихъ господъ такъ же близко, какъ я ихъ видѣлъ, если бы вы дебатировали съ этими patres conscripti, которые ничуть не лучше настоящихъ бандитовъ; если бы вы знали, какъ испорчены всѣ не-янсениты, и какъ одержимы однимъ желаніемъ— получить какъ можно болѣе высокую плату—всѣ, принадлежащіе къ янсенитамъ! Если бы вы знали, какъ доступны наши законоистолкователи, несмотря на все свое тщеславіе, вліянію большихъ баръ, и какъ легко какому-нибудь придворному поддѣть ихъ своимъ любезнымъ обхожденіемъ! Сдѣлайте мнѣ одолженіе и повѣрьте, милордъ, что намъ нечего ждать отъ этихъ маленькихъ людишекъ!“ А знаменитый Руссо доказывалъ, что англійская политическая свобода есть пустая иллюзія, ибо „англійскій народъ свободенъ только въ день выборовъ депутатовъ“; выбравъ же ихъ, онъ уже становится ихъ рабомъ.

По существу дѣла жалобы на соціалистическихъ депутатовъ со стороны нынѣшнихъ французскихъ революціонныхъ синдикалистовъ сводятся къ указанному Руссо явленію: до выбора депутаты являются слугами народа, а попавъ, въ парламентъ, превращаются въ господъ его. И надо признаться, что новѣйшая исторія французскаго соціализма являетъ собою въ достаточно обильномъ количествѣ примѣры превращенія соціалистическихъ депутатовъ изъ слугъ избравшаго ихъ рабочаго народа въ его господъ.

Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ этомъ явленіи повиненъ.

Digitized by Google

какъ мы уже выше замѣтили, не органическій недостатокъ парламентаризма вообще, а организаціонный недостатокъ французскихъ соціалистическихъ партій. И въ область взаимоотношеній между избирателями и депутатами соціалистическія партіи внесли новое организаціонное начало, новый руководящій принципъ.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ широко развѣтвленныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко сплоченныхъ соціалистическихъ партійныхъ организацій, депутатъ даннаго округа какъ бы воплощаетъ въ своемъ лицѣ всю партію. При подобныхъ условіяхъ онъ является обыкновенно почти независимымъ ни отъ какой партійной организаціи и не контролируемый ею, у него своя рука владыка, и партійная дисциплина не указываетъ ему предѣлы и размѣры его власти. При такихъ условіяхъ между депутатомъ и массою избирателей въ теченіе всей законодательной сессіи, т. е. въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не существуетъ никакой связи; и только въ періодъ выборовъ между избирателями и депутатами на короткое время устанавливается психологическій токъ, и депутатъ долженъ тогда понять и выразить настроеніе избирателей. Но тамъ, гдѣ эти избиратели не представляютъ изъ себя хорошо и прочно организованной партіи, тамъ и депутатамъ, чтобы угодить этимъ избирателямъ, нѣтъ необходимости дать прямые и недвусмысленные отвѣты въ духѣ партійной программы. Чѣмъ слабѣе организованы избиратели, тѣмъ „свободнѣе“ отъ строго выдержанной партійной программы чувствуетъ себя депутатъ, и тѣмъ властнѣе и независимѣе держится онъ по отношенію къ избирателямъ, пославшимъ его въ парламентъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда передъ нами широко развѣтвленная и прочно основанная партійная дисциплина. Тогда депутатъ не является по отношенію къ избирателямъ лицомъ, предлагающимъ свое убѣжденіе, лицомъ, которое сегодня ловко поддѣлывается подъ настроеніе избирателя, а завтра, попавъ въ парламентъ, чувствуетъ себя совершенно свободнымъ отъ всякой принципіальной отвѣтственности передъ избирателями. Въ странахъ съ хорошей партійной организаціей подобнаго рода явленія возможны только развѣ въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія.

И чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи, что нареканія на тиранію депутатовъ надъ избирателями наиболѣе часто и рѣзко раздаются именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ партійная организація слаба и не развѣтвлена. Во Франціи и Италіи, гдѣ глубже всего пустилъ корни революціонный синдикализмъ съ его злобнымъ недовѣріемъ къ „политикамъ“,—какъ разъ въ этихъ странахъ зависимость соціалистическаго депутата отъ избирателей до послѣдняго времени носила очень неправильный, неорганизованный характеръ. Соціалистическіе депутаты во Франціи и Италіи не чувствуютъ себя подъ строгимъ контролемъ партійной органи-

Digitized by Google

заціи, и фактически, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, подобный контроль почти и не существовалъ.

Иное дѣло Германія. Здѣсь, благодаря превосходной партійной организаціи, не соціалистическій депутатъ предлагаетъ себя избирателямъ, а партійная организація намѣчаетъ въ кандидаты лицо, успѣшно и давно работавшее въ партіи и заслуживающее полное довѣріе партійнаго комитета. Попадая въ парламентъ, такое лицо продолжаетъ оставаться членомъ партіи, и въ качествѣ таковаго оно попрежнему подчинено партійной дисциплинѣ. Каждый отдѣльный соціалистическій депутатъ является въ Германіи не представителемъ отдѣльнаго избирательнаго округа, а представителемъ цѣльной и единой соціалистической партіи, дисциплинѣ и контролю которой онъ и подчиненъ. При такихъ условіяхъ, когда кандидатура депутата и его выборъ зависятъ не отъ благорасположенія мѣстныхъ избирателей, а отъ рѣшенія центральной организаціи, съ одной стороны, становится невозможнымъ, чтобы депутатъ велъ исключительно политику деревенской колокольни, лишенную всякаго обще-принципіальнаго значенія и направленную исключительно на угожденіе мѣстнымъ нуждамъ мѣстныхъ избирателей; съ другой же стороны, невозможнымъ становится и превращеніе депутатовъ въ „тирановъ избирателей". При такихъ условіяхъ, господствующихъ въ Германіи, невозможно то, нерѣдкое во Франціи и Италіи, явленіе, что соціалистическіе депутаты „бредутъ розно" и на каждомъ шагу нарушаютъ элементарныя правила партійной дисциплины.

Говорить же о тираніи соціалистическихъ депутатовъ надъ рабочею массою въ томъ случаѣ, когда эти депутаты являются простыми „довѣренными лицами" партіи и исполняютъ ея волю,— конечно, какъ они ее понимаютъ,—по меньшей мѣрѣ несправедливо. Итакъ, „тиранія депутатовъ", о которой говорятъ французскіе и итальянскіе (а также и голландскіе) революціонные синдикалисты, если и существуетъ, то порождается не органическимъ недостаткомъ парламентаризма, а недостаточной организаціей партіи и бороться съ ней можно и должно не отстраненіемъ отъ парламентской работы, а улучшеніемъ организаціи партіи.

Иллюзіи всесильной и всеисцѣляющей власти парламентаризма, которыя особенно пышно расцвѣли въ 1848 г., теперь безвозвратно изжиты. Когда 5-го марта 1848 г. появился во Франціи декретъ о введеніи всеобщаго избирательнаго права, то его авторы писали: „Теперь избирательное право даровано всѣмъ безъ исключенія. Начиная со дня изданія этого закона, во Франціи не существуетъ больше пролетаріевъ" (A dater de cette loi, il n'y a plus de proletaires en France).

Подобныя иллюзіи изжиты теперь не только въ томъ отношеніи, что нынѣ едва ли кто-либо полагаетъ, что созданіе пар-

Digitized by Google

ламента на основѣ всеобщаго избирательнаго права само по себѣ положитъ конецъ существованію пролетаріата, но и въ томъ смыслѣ, что парламентъ можетъ служить достаточнымъ орудіемъ для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ пролетарское состояніе массы. Рабочій классъ, широко пользующійся парламентомъ, какъ *однимъ* изъ могучихъ орудій борьбы, нигдѣ не считаетъ это орудіе единственнымъ,—вездѣ и повсюду наряду съ парламентской работой онъ организуетъ всевозможные экономическіе союзы. Въ процессѣ борьбы рабочій классъ постоянно подновляетъ и совершенствуетъ свой арсеналъ. Въ сравнительно недавнее время онъ ввелъ въ этотъ арсеналъ такое сложное м могучее внѣ-парламентское орудіе, какъ всеобщая стачка. Поэтому критиковать парламентаризмъ за то, что онъ не въ состояніи всего дать рабочему,—это значитъ забывать о той элементарной истинѣ, что никто всего отъ парламентаризма не ждетъ, и что въ арсеналѣ рабочаго класса, наряду съ парламентской борьбой, имѣются и иныя орудія борьбы со старымъ капиталистическимъ строемъ во имя новаго, соціалистическаго. Разсмотрѣніе этихъ внѣпарламентскихъ орудій борьбы выходитъ изъ рамокъ этой статьи, но указать на эти орудія намъ было необходимо, чтобы парировать удары тѣхъ критиковъ, которые отворачиваются отъ парламента за то, что онъ не все можетъ.

П. Берлинъ.

Digitized by Google

За идеаломъ.

Романъ **Густава Френзена.**

(Переводъ съ нѣмецкаго **А. Д—ской** и **З. В—ой**).

(Продолженіе).

На площадкахъ въ Илнгенлеѣ, около замковаго рва въ гавани и на верху, на холмахъ, играли и шумѣли этой осенью дѣти, повинуясь влеченіямъ своей природы.

А подъ старыми липами около церковной школы маленькіе мальчики подбѣгали къ большимъ и называли имъ имена дѣвушекъ, о которыхъ они мечтали, и дразнили ихъ всячески. Тогда большіе оборачивались и гнались за маленькими, и если они котораго-нибудь излавливали, то всаживали его съ головой въ большую кучу сухихъ липовыхъ листьевъ, лежавшихъ около деревянныхъ заборовъ.

Тогда же въ маленькомъ домикѣ подъ каштанами начиналась старая, святая игра, которую играютъ лишь вдвоемъ. Если приходитъ третій, то онъ портитъ игру.

Гейнке Бойе отслужила свой годъ и вернулась домой. Она стряпала на кухнѣ, заботилась объ обоихъ ученикахъ и сидѣла съ вязаньемъ или починкой у окна. Она пополнѣла и выросла, стала красивая, мягкая, ясная и женственная, и скучала о большихъ комнатахъ намгорскаго домика и умной бесѣдѣ съ добрымъ, страннымъ пасторомъ. Задумчиво смотрѣла она на улицу и на темную воду рва около замка; получала длинныя пріятныя письма Кай-Янса и отвѣчала ему. Останавливалась среди дѣла въ раздумьи и шла къ сестрѣ и говорила ей: „Я хочу поиграть немного съ твоимъ маленькимъ“. Потомъ отправлялась съ ребенкомъ въ комнату, становилась на колѣни и смотрѣла на дитя, точно видѣла его въ первый разъ; прижимала къ своей груди, вновь ласкала его и не могла наглядѣться на него; затѣмъ нѣжно отдавала ребенка Аннѣ и шла домой. По дорогѣ и снова за работой она была тихой и спокойной. И если бы ее кто-

Digitized by Google

нибудь спросилъ, то она отвѣтила бы такъ же, какъ два года тому назадъ: „Я себя чувствую еще очень хорошо въ моей кожѣ“. Это было потому, что Кай-Янсъ былъ ея другомъ и въ ней жила безсознательная сладкая надежда.

Такъ сидѣла она каждое послѣобѣда, часа въ четыре, у окна и склоняла свѣтло-бѣлокурую головку, точно такъ же, какъ это дѣлала прежде Анна. Мимо шли ученики седьмого класса и заглядывали въ окно. Но на нихъ она не обращала вниманія.

Однимъ туманнымъ октябрьскимъ днемъ сидѣла она у окна, вся погруженная въ свои мысли; услышавъ топотъ многихъ дѣтскихъ ножекъ, она подняла голову; она охотно смотрѣла на свѣжія лица мальчиковъ. Когда она выглянула, то на улицѣ были тѣ, которыхъ она ожидала; но среди ихъ толпы шелъ съ маленькой связкой книгъ подъ мышкой молодой чужой человѣкъ. Когда, по своему обыкновенію, мальчики заглянули въ окно и начали ей кивать, то поднялъ голову тогда и молодой учитель и, увидавъ строгое лицо подъ тяжелымъ, свѣтлымъ сіяніемъ косъ, сталъ серьезенъ и поклонился ей.

Она отправилась нѣсколько дней спустя къ своей сестрѣ, какъ была, безъ шляпы и въ передникѣ. Навстрѣчу ей шелъ молодой учитель и смотрѣлъ, какъ и подобаетъ ученому, задумчиво въ землю. Она увидала его и обрадовалась безсознательно при его появленіи. Было что-то такое естественно-добродушное въ его походкѣ и манерѣ. Онъ не былъ выше ея. Когда онъ услыхалъ, что кто-то идетъ на встрѣчу, онъ поднялъ глаза, узналъ ее снова и испугался ея сладкой и стройной красотѣ. Но онъ, однако, быстро овладѣлъ собой и поклонился ей спокойно, съ глубокой почтительной серьезностью. Она, по своему обыкновенію, посмотрѣла ему ясно въ глаза и подумала: „Ахъ, какіе у него умные юношескіе глаза и какъ они серьезны“. И обрадовалась.

Поигравъ съ ребенкомъ Анны, она вернулась домой и по дорогѣ встрѣтила знакомаго ученика 5-го класса. Она взяла его за рукавъ и спросила, какъ онъ поживаетъ и учится ли онъ у новаго учителя.

— О комъ ты говоришь?—сказалъ онъ.—У насъ два новыхъ—тонкій и толстый, черный и свѣтлый.

— Да это безразлично для меня,—отвѣтила она.—Я спрашиваю про тебя, а не про учителя.

— Они оба хороши,—заявилъ онъ.—Молодые учителя почти всѣ хороши. Свѣтлый...

— Да онъ вовсе не свѣтлый, мальчикъ.

— Но онъ и не темный.

Digitized by Google

— Онъ блондинъ.

— Это докторъ Фолькварсенъ. Мы зовемъ его просто Петръ, потому что онъ добродушный такой, да онъ, кажется, и дѣйствительно Петръ. Онъ преподаетъ только нѣмецкій, исторію и англійскій. Онъ недавно двухъ учениковъ пригласилъ къ себѣ въ комнату и показывалъ имъ картинки. Онъ такъ любитъ картинки. Другой, черный...

— Ахъ, мальчикъ!—воскликнула она.—Какое мнѣ дѣло до твоихъ учителей! Ступай своей дорогой.

Послѣ этого прошло нѣсколько недѣль. Проходя, учитель видѣлъ въ окно лишь ея свѣтлыя, блестящія косы, которыя она такъ опрятно, красиво и строго обвивала вокругъ своей молодой головы. А она видѣла издали только серебряную цѣпочку отъ часовъ и руку, которая охватывала маленькую связку книгъ, и его медленную, нѣсколько вялую, походку и думала:—Вы славный юноша... Но выйти замужъ за такого нельзя, это невозможно. Кай-Янсъ другой! Это твердый, сильный человѣкъ!

Такъ прошла зима; медленно и рано осторожными шагами подошла первая весна... Уже все время до обѣда ощущала она какое-то безпокойство въ членахъ, пѣла, и у нея были странныя мысли, хотѣлось танцовать, или убѣжать въ зеленый, свѣтлый лѣсъ, или бѣгать съ ребенкомъ Анны въ рукахъ, идти противъ свѣжаго, солнечнаго вѣтра и чтобы ребенокъ скакалъ у нея на рукахъ.

Прибравшись послѣобѣда, она надѣла голубое шерстяное платье и свободную черную лѣтнюю кофточку и пошла на холмы; ея настроеніе, полное странной радости, растворилось въ солнечномъ лучѣ, бьющемъ съ неба, и въ широкомъ пейзажѣ. Она стояла наверху холма и смотрѣла внизъ и думала:—Какъ это хорошо—вырасти въ такомъ тихомъ селѣ, нигдѣ не жить, только вести чистую трудовую жизнь и потомъ умереть и быть похороненной въ такой первый весенній день гдѣ-нибудь въ тѣни старой церкви.—И отъ этихъ мыслей становилось еще радостнѣй на душѣ...

Въ городѣ она не встрѣчала ни одной души и жила одиноко въ своихъ святыхъ красивыхъ грезахъ и была совсѣмъ одна, одна на землѣ. И глаза ея горѣли внутреннимъ блескомъ.

Она пришла подъ каштаны и уже недалеко отъ дверей дома увидѣла шедшаго ей навстрѣчу молодого учителя. Онъ шелъ, опять погруженный въ свои мысли, и не видалъ ея. Проходя мимо ея дома, онъ поднялъ осторожно голову, ожидая увидѣть за окномъ свѣтлыя косы, но ихъ не увидѣлъ и сдѣлалъ комически-сердитое лицо. А она проходила

Digitized by Google

какъ разъ мимо него и смѣясь смотрѣла ему въ глаза; прелесть чувства, которое въ этотъ часъ жило въ ея душѣ, сверкало въ ея очахъ и во всемъ ея существѣ.

— О!..—сказалъ онъ въ замѣшательствѣ.—Вотъ и вы!—и, закусивъ губы, засмѣялся смущенно и прошелъ мимо.

Въ теченіе своей дневной работы мелькало передъ ней мысленно его смѣшное лицо, которое внезапно стало серьезнымъ и простымъ. Она теперь знала не только его внѣшность, но и часть его души; она знала, что рядомъ съ серьезностью живетъ въ немъ ласковый и смѣшной плутъ. А онъ мысленно видѣлъ только ея смѣющуюся, нѣжную красоту.

Ему понадобилась квартира, и учитель математики указалъ ему на домъ вдовы учителя Бойе у замковаго рва: „Тамъ осенью освободилась верхняя комната. Хозяйка тихая, опрятная женщина“.

Цѣлый часъ въ тотъ же вечеръ гулялъ онъ въ темнотѣ; наконецъ, задумчиво прошелъ въ каштановую аллею. Онъ чувствовалъ, что сдѣлаетъ шагъ, который будетъ рѣшительнымъ въ его жизни; затѣмъ одѣлся и пошелъ. Онъ испугался звонка и сталъ серьезно смотрѣть въ полъ.

Дверь передней открылась, и Гейнке стояла на свѣту, который билъ изъ комнаты, и думала:—Ну, вотъ онъ глупо по-юношески шутитъ! и пригласила его, хотя нѣсколько смущенно, но все же спокойно, войти.—Матери нѣтъ дома,—сказала она.

Онъ вошелъ и сѣлъ въ удобное кресло матери. Онъ началъ разсказывать ей съ веселыми глазами про всякія хорошія вещи и про то, какое несчастье случилось съ его курткой. Учитель математики сдѣлалъ ему замѣчаніе, что у него оторвана пуговица.

Она слушала его, раскрывъ глаза и съ дрожащими губами, и думала:—Какой онъ странный человѣкъ! Онъ говоритъ со мной, словно мы вмѣстѣ въ дѣтствѣ росли. Но на него никакъ нельзя сердиться: такъ все естественно и прямо,—и она ему улыбалась.

Теперь же онъ хотѣлъ попросить г-жу Бойе, не предоставитъ ли она ему комнату. Ему больше ничего не надо. Онъ обѣдаетъ въ гостиницѣ, а о бѣльѣ заботится мать.

Она подумала:—Конечно, пусть онъ займетъ верхнюю комнату, этотъ милый, странный человѣкъ. И онъ хочетъ быть докторомъ и учителемъ!

— До сихъ поръ у насъ были только маленькіе ученики,—сказала она,—и еще никогда не жилъ учитель. Мы такіе простые люди.

— Это какъ разъ то, что мнѣ и надо,—сказалъ онъ и,

Digitized by Google

повернувъ голову во всѣ стороны, всталъ и взялъ карточку Піета, стоявшую на комодѣ. Долго и спокойно всматривался онъ въ нее и замѣтилъ:—Сходство большое. Это вашъ братъ Піетъ. Я справлялся о всей вашей семьѣ...—и снова оглянулся и сказалъ:—Приблизительно такъ же выглядитъ у моихъ родителей, только комната въ три раза больше. У насъ есть домъ около Любена. Мнѣ такъ нравится этотъ домъ. У фронтона такая изящная форма... и послѣ обѣда играютъ тѣни большихъ каштановыхъ деревьевъ на его стѣнѣ.

— Но люди!—сказала Гейнке.

— О!—отвѣтилъ онъ.—Съ вашей матушкой я слажу. Я ее разъ видѣлъ въ окнѣ. Это пустяки. Вы не повѣрите, какъ я легко лажу съ моей матерью. А вы? Съ вами я вообще не могу поссориться.

— Откуда вы это знаете?

— А вотъ, прошлый разъ, когда я шелъ мимо вашего окна и сдѣлалъ гримасу, то иная дѣвушка была бы въ отчаяніи, другая оскорблена, третья смущена, вы же слѣдовали только своей здоровой природѣ. Единственно вѣрное: вы посмѣялись надо мной—вы всегда съ природой и очень радуетесь ей.

— Да, въ особенности самому малому и глупому въ ней.

— Вотъ видите!—сказалъ онъ и смѣялся, и радовался ея насмѣшкѣ.

Они еще разговаривали, когда пришла г-жа Бойе, и Гейнке вышла, чтобы приготовить ужинъ. Вскорѣ она услышала, что онъ уходилъ съ веселымъ прощальнымъ привѣтомъ.

На слѣдующій день онъ переѣхалъ въ верхнюю комнату со своимъ ящикомъ книгъ и несчастнымъ пиджакомъ; обвѣсилъ стѣны своими любимыми картинами и положилъ нѣсколько сѣрыхъ папокъ съ рисунками на столъ.

Но на третій день онъ сознался честно и серьезно, что когда Гейнке Бойе стоитъ послѣ обѣда съ чашкой кофе въ рукахъ въ его дверяхъ, то она красивѣе, значительно красивѣе всѣхъ его картинъ. Мать сказала:—Онъ, навѣрно, охотно бы пилъ съ нами кофе внизу.

— Нѣтъ,—отвѣтила она живо и опредѣленно.—Онъ совсѣмъ странный и перевернутый вверхъ дномъ человѣкъ; онъ говоритъ, что онъ только среди своихъ картинъ можетъ пить кофе.

— Ахъ,—отвѣтила мать,—но вѣдь это глупости.

— Да,—сказала она,—но это, къ сожалѣнію, такъ. Онъ всегда говоритъ глупости, но на него нельзя сердиться.

Онъ пилъ кофе стоя; она между тѣмъ стояла передъ

Digitized by Google

какой-нибудь маленькой картинкой, дешевымъ хорошимъ воспроизведеніемъ старыхъ или новыхъ вещей. Затѣмъ онъ подходилъ къ ней и объяснялъ ей въ умныхъ, серьезныхъ словахъ красоту и значеніе картины, разсказывалъ, которыя изъ нихъ онъ видѣлъ въ галлереяхъ, и хвалился путешествіемъ, которое онъ два года тому назадъ, будучи студентомъ, совершилъ вплоть до Палермо.

Она понимала все, что онъ говорилъ ей, и радовалась чудесной, совсѣмъ новой радостью; иногда она ему возражала. Ей нравилась голова Бисмарка, Ленбаха, рыцарь со смертью и чортомъ Дюрере и собственный портретъ Беклина. Но одну итальянскую принцессу, которой онъ очень любовался, она совсѣмъ не любила.

— Она кажется скромной, но скоро начнетъ кусаться.

— Ну,—сказалъ онъ,—а вы? Когда на васъ смотришь, дѣлается человѣку грустно. Думаешь: ну, вотъ это должно придти.

— Что должно придти?—спросила она.

— Есть въ васъ что-то, чего я еще не знаю... я не знаю,— сказалъ онъ мечтательно. Онъ посмотрѣлъ на нее такъ серьезно и пытливо, какъ смотрѣлъ на свои картины, она тоже серьезно и не смущаясь. Они очень удивлялись другъ другу.

А потомъ, когда она приходила, у него уже лежала папка на столѣ, и они оба наклонялись надъ столомъ и разсматривали картины. Онъ вовсе не безпокоился, обнажены ли фигуры или окутаны покровами. Она также была къ этому равнодушна. Съ мечтательной серьезностью указывалъ онъ ей то, что видѣли его опытные, радующіеся красотѣ, глаза. Ея душа расширялась, щеки покрывались легкимъ румянцемъ, она вздыхала глубоко и говорила:— Жизнь еще вдвойнѣ прекраснѣе и больше, когда радуешься этимъ вещамъ.

— Да,—сказалъ онъ,—а что еще скажетъ природа! Сколько радости готовитъ она тому, кто видитъ ея красоты. Мы когда-нибудь предпримемъ вмѣстѣ длинную, уединенную прогулку; тогда я покажу тебѣ, что я вижу.

Она мечтательно кивнула головой.

— Это было бы хорошо!

— Это будутъ чудные часы,—сказалъ онъ,—такъ совсѣмъ быть одному съ тобой!

— Вотъ вы и на „ты“ счастливо переѣхали,—замѣтила она.

— Ахъ,—сказалъ онъ,—будемъ говорить другъ другу „ты“, когда мы здѣсь одни наверху. Это „вы“ вѣдь глупость. Вѣдь это шутка,—и его глаза радовались,—вѣдь это чудесно, что я съ тѣмъ, что всего красивѣе въ природѣ, на „ты“.

Digitized by Google

— Что же это самое красивое?—спросила она смѣясь.

— Гейнке Бойе.

— Такъ я и подумала.

Тогда они снова наклонялись надъ папкой; онъ водилъ пальцемъ по картинѣ и показывалъ ей все.

Онъ звалъ ее „ты“ и „Гейнке“, а она его Петръ или Петруша, но всякій разъ она смѣялась, когда такъ его называла. Порой, когда они такъ другъ около друга сидѣли, продѣвалъ онъ свою руку въ ея и бралъ ее за сгибъ руки. Она иногда думала:—Онъ, однако, сильный: дѣлаетъ все, что хочетъ.—Но сейчасъ же успокаивалась и говорила себѣ, что такъ велитъ ему поступать его непосредственное и чистое сердце. Онъ никогда себя не выдавалъ. Онъ всегда оставался добрымъ плутишкой—братомъ, который и серьезно, и въ шутку говоритъ съ своей красивой сестрой.

И она добродушно и непосредственно вела себя съ нимъ, открывала ему душу, чувствуя, что она тоже чего-нибудь стоитъ, и постоянно повергала его въ удивленіе и противорѣчила ему; ему не помогало, если онъ дѣлалъ большіе глаза, сердился и трясъ ея руку при сгибѣ.

Она оставалась ровно полчаса, потомъ вставала и уходила.

Такъ прожила она 10 недѣль, пока, наконецъ, не подошла Троица.—Но моя жизнь сдѣлалась почти богатой и пестрой,—подумала она,—такъ пріятно съ нимъ гулять. Когда съ нимъ находишься, то словно всегда воскресенье.—А тихо думала она:—Какъ странно, что онъ меня не хочетъ поцѣловать! Но въ этомъ онъ именно юноша. Онъ еще юноша совсѣмъ. Такія мысли я не должна даже допустить. Если бы это былъ Кай-Янсъ! О! Тотъ бы, навѣрно, иначе обращался съ Гейнке Бойе...

* * *

Къ Троицѣ пронеслась эпидемія по странѣ, многіе люди заболѣли, и вскорѣ насчитывалось въ маленькомъ городкѣ Илигенлеѣ 10 умершихъ. Одинъ изъ гробовъ стоялъ въ комнатѣ бѣленой, гдѣ жилъ Кай-Янсъ, и въ гробу лежала его мать.

Она не сильно жаловалась на боли, но худѣла все больше и больше, и на шестой день болѣзни замѣтила, что она должна умереть.

Когда ея мужъ отправился въ аптеку за лекарствомъ, она позвала Гейнке и отдала ей всѣ послѣднія распоряженія. Она хотѣла, чтобъ онъ не замѣтилъ, что она умираетъ.

Въ полночь ей стало очень плохо и она тихо позвала мужа: „Я всегда была упрямымъ существомъ и вы отъ этого много страдали, но я ничего не могла съ собой подѣлать. Теперь не знаю, захочетъ ли меня Богъ“.

Digitized by Google

Тутъ только Томсъ Янсъ замѣтилъ, что его жена умираетъ началъ горько плакать.

Черезъ два дня Гейнке Бойе на вокзалѣ встрѣтила Кая-Янса и разсказывала ему, какъ его мать умерла.

Онъ шелъ молча рядомъ съ ней, а она робко смотрѣла на него. Онъ сталъ мужественнѣе и походка его спокойнѣе; глаза были глубоки и серьезны. Она почувствовала, что онъ сталъ настоящимъ мужчиной, но она чувствовала также, что его мысли далеки сейчасъ. Она его не видала $1^1/_2$ года.

Когда онъ отошелъ отъ открытаго гроба къ окну, а отецъ его вышелъ въ кухню приготовить кое-что къ ужину, то она застѣнчиво подошла къ нему и спросила: „Ты очень убитъ тѣмъ, что потерялъ мать?“

Онъ тряхнулъ головой: „Нѣтъ,—сказалъ онъ спокойнымъ, беззвучнымъ голосомъ,—она жила около 70 лѣтъ, перенесла много безпокойствъ и работы, но также и много радости, а въ концѣ концовъ дождалась хорошей смерти. Какъ же я могу печалиться? Если же я нѣсколько грустенъ, то потому, что она не дождалась того, что ея сынъ сталъ человѣкомъ“.

— Мы не все понимали, что она говорила подъ конецъ,— сказала Гейнке,—но мы всѣ замѣтили, что у нея къ тебѣ много довѣрія. Мы всѣ его имѣемъ, кто тебя только знаетъ. Видишь ли, ты не идешь проторенной дорогой,—ты проходишь черезъ заросли и по дюнамъ, лишеннымъ дорогъ, но въ концѣ концовъ ты находишь или протаптываешь свою собственную красивую и высокую дорогу.

— Ахъ ты!—сказалъ онъ и погладилъ ее по головѣ.—Ты милая проповѣдница! У тебя всегда для меня есть помощь и утѣшеніе.

Онъ оставался три дня, пока не похоронили мать, и еще день и жилъ два послѣднихъ дня, дни праздника Троицы, подъ каштанами въ верхней комнатѣ. Петръ Фолькварсенъ уѣхалъ къ своимъ родителямъ.

Когда онъ вернулся съ похоронъ, то отправился въ свою комнату. Вскорѣ пришла и она и принесла ему кофе. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что не слышалъ, какъ она вошла. Когда она тихо назвала его по имени, то онъ сорвался съ мѣста, обернулся, посмотрѣлъ на нее и сказалъ:— Ты стала еще болѣе гордо держать голову, чѣмъ прежде. Я очень всегда радовался твоимъ письмамъ, въ особенности письмамъ послѣдней четверти года. Они умны, широки и колоритны.

Алая, прелестная волна радости залила ея щеки:—„Мнѣ сильно помогло то, что ты сказалъ, что я должна имѣть довѣріе къ себѣ, и также, что была у тѣхъ прекрасныхъ людей въ Гиндорфѣ. За все это я тебѣ очень благодарна.—Горячее

Digitized by Google

чувство любви засвѣтилось въ ея глазахъ,—они сдѣлались темными и влажными. Она ему хотѣла еще больше сказать, но замѣтила, что онъ снова погрузился въ другія мысли.

Минуту спустя онъ оглядѣлъ комнату и сказалъ:—Здѣсь, кажется, живетъ интеллигентный человѣкъ.

Она разсказала ему, что жилецъ—славный юноша, къ тому же стройный и красивый, какъ они ежедневно проводятъ время и что дѣлаютъ...

Онъ посмотрѣлъ на нѣкоторыя картины и сказалъ:—Я охотно любуюсь искусствомъ, но гораздо больше значенія для меня имѣетъ человѣческая судьба.

— Да,—отвѣтила она.—Таковъ ты... Я другая,—добавила она мечтательно.—Для меня совершенно безразличны чужіе люди, но природа и искусство доставляютъ мнѣ радость.

Онъ посмотрѣлъ на нее задумчиво:

— А мы все же такіе хорошіе друзья.

— Я думаю,—сказала она,—именно потому мы и друзья, что мы такъ различны, Кай. Человѣкъ ищетъ себѣ противоположное.

Онъ не слушалъ и сказалъ, словно самъ себѣ:—Я отъ природы и благодаря трудовой юности тяжелый человѣкъ. Это такъ.

Спустя нѣкоторое время она спросила его:—Сколько тебѣ лѣтъ?

— Тридцать одинъ,—отвѣтилъ онъ.

— Тридцать одинъ,—протянула она медленно, а потомъ робко:—а мнѣ будетъ...

— Да, — сказалъ онъ, — ты могла бы теперь выйти замужъ.

Она поглядѣла на него ясно и спокойно, родственнымъ обѣимъ сестрамъ взглядомъ, и подумала:—Вотъ! Теперь человѣкъ откроетъ свою душу.

Но онъ больше ничего не сказалъ. Тогда тихая печаль спустилась ей на душу.—Такъ!.. Теперь я знаю, что я никогда не буду его женой... Что же тогда?..

— Всѣ твои мысли въ Берлинѣ, — сказала она тихо. Это былъ зовъ къ пробужденію. Онъ оживился.

— Если бы ты только увидала,—сказалъ онъ бодрымъ, полнымъ голосомъ,—какое движеніе и сутолока сейчасъ въ это время не только въ Берлинѣ, но и во всей странѣ! Этотъ огромный экономическій переворотъ въ послѣднія 30 лѣтъ! Люди переѣзжаютъ въ Берлинъ, Гамбургъ и Вестфаленъ. Сотни тысячъ съ женами и дѣтьми покидаютъ родину, гдѣ такъ широко небо и вѣтеръ вѣетъ надъ зелеными полями, потому что тамъ ужасны безземелье и гнетъ.

Google

И если бъ ты видѣла, какъ эти люди живутъ въ Берлинѣ! Когда они выходятъ изъ своихъ домовъ, они смотрятъ не на зеленые каштаны и свѣтлую воду, а на сѣрыя стѣны и блестящія окна. Они тоже когда-то въ дѣтствѣ играли на выгонѣ и кричали у опушки лѣса; ихъ дѣти играютъ въ лишенной солнца глубокой шахтѣ домовъ. Ты можешь себѣ представить, какъ темно и спутанно въ ихъ головахъ: съ какимъ чувствомъ думаютъ они о помѣщикѣ, которому принадлежатъ облитые ихъ потомъ поля и лѣса; о церкви, которая пустила ихъ странствовать, не сказавъ ни слова, не сдѣлавъ ни одного дѣла имъ на благо; и какими глазами должны они глядѣть на богатства, которыя въ нѣсколькихъ улицахъ отъ нихъ расправляютъ свои павлиньи перья.

Рядомъ съ этимъ громаднымъ экономическимъ измѣненіемъ идетъ тяжелая религіозная смута. Научное познаніе продырявило совершенно обѣ церковныхъ вѣры. Это голые остовы, которые держатся лишь благодаря всякимъ драпировкамъ и мудростямъ. Но большинство народа знаетъ, что онѣ умерли и не заботятся о нихъ больше. И вотъ люди теперь безъ религіи, и потому мрачны и озлоблены, въ смущеніи и замѣшательствѣ, безъ мира и радости, безъ дороги и цѣли.

И какая запутанность и исканіе во всѣхъ другихъ областяхъ народной жизни—въ области обычаевъ, въ искусствѣ, въ воспитаніи, въ общежитіи!

И какъ черезъ каждыя 100 лѣтъ, такъ и теперь, наступаетъ время непокоя въ народѣ, лихорадка, но лихорадка, ведущая къ выздоровленію. Старое и гнилое поглощается горячечной кровью и выбрасывается. Будетъ новое, сильное, свѣжее. Нашъ народъ охватило необыкновенное стремленіе омолодить тѣ три великія силы, которыя онъ родитъ изъ себя,—правительство, религію и нравы. Во всемъ народѣ—жажда и желаніе стать ближе къ природѣ, къ стройной, красивой религіи, соціальной справедливости, простой, благородной, германской жизни. И посмотри, Гейнке,—уже началось это обновленіе и молодость. То тамъ, то здѣсь работаютъ и ликуютъ новыя силы. Многія тысячи говорятъ, они уже видятъ святую землю. Какъ справляются въ Библіи! Какъ вѣютъ знамена рабочихъ! Какая жизнь въ искусствѣ и въ воспитаніи! Но это еще тяжелая запутанность и броженіе. И иногда охватываетъ опасеніе, что мы не найдемъ новой дороги и новой, красивой страны будущаго, что мы бросимъ исканіе и останемся въ старыхъ, застывшихъ формахъ. И если бы это случилось, то былъ бы конецъ нашему будущему.

И вотъ видишь: я съ самаго своего дѣтства удивлялся

Digitized by Google

всегда, не понималъ, что я видѣлъ вокругъ себя. Правда, я понималъ вѣтеръ и воду, лѣсъ и поле, но многое мнѣ было непонятно изъ того, что люди устроили, и какъ они живутъ другъ съ другомъ. Я видѣлъ въ своей душѣ другой міръ, другое человѣчество, чистое и святое. Оттого я былъ тихій и замкнутый мальчикъ. Иногда только, когда я забывался, я раскрывалъ дверь моей души и выражалъ мое удивленіе. Тогда люди смѣялись. Я долженъ былъ часто смотрѣть въ насмѣшливыя лица, Гейнке, начиная съ дѣтскихъ лѣтъ и до сегодняшняго дня. Только двое или трое, Пе-Онтьесъ и Анна, а потомъ ты, а потомъ мой добрый другъ въ Берлинѣ не смѣялись надо мной, и этимъ вы сдѣлали въ моемъ одиночествѣ и опущенности много добра мнѣ.

Посмотри: въ послѣдніе годы мнѣ кажется, словно я доработался и вышелъ изъ какой-то тьмы въ свѣтлое мѣсто. Тихо и слабо вырастаетъ нѣкоторая вѣра въ себя; быть можетъ, тотъ, надъ которымъ люди такъ смѣялись, правъ; быть можетъ, Вѣчная Сила, не одарившая меня безплодными странностями, дала мнѣ тотъ даръ, который можетъ принести хорошіе плоды: способность смотрѣть на вещи міра дѣтскими глазами и оттого видѣть ихъ естественнѣе и яснѣе, чѣмъ другіе люди. Смотри... и вотъ я съ этой начавшейся вѣрой въ себя углубился въ вещи, много думалъ объ этомъ исканіи и броженіи, и хочу теперь показать моему народу, какъ я смотрю на жизнь его; хочу показать, что въ ней неестественнаго и безсмысленнаго, устарѣлаго и мертваго и оттого вреднаго, и какъ, я думаю, онъ сможетъ придти къ святому и здоровому. Я хотѣлъ написать книгу о нѣмецкомъ возрожденіи.

— Сдѣлай это!—сказала она живо.—Тогда ты будешь радостенъ. Ты все погребаешь и погребаешь въ себѣ. Разсказывай, пиши, чтобы твое переполненное сердце стало свободнымъ и счастливымъ. — Она смотрѣла на него и удивлялась—такъ свѣтились его глаза и такъ красиво было его милое, серьезное лицо.

Но его рѣшимость вскорѣ исчезла. — Да, — сказалъ онъ,—но когда я за это хочу взяться и вижу массу вещей и броженіе среди нихъ, и не знаю, откуда приступить, и не нахожу источника зла, тогда снова охватываетъ меня старое сомнѣніе: зачѣмъ ты хочешь предпринять такую большую вещь?! Люди испугаются жестокости твоего сужденья и основательности твоихъ новшествъ. Развѣ здѣсь нѣтъ крупныхъ ученыхъ и людей съ высокимъ положеніемъ, которые лучше могутъ увидѣть, чѣмъ ты съ плотины Илигенлея? Пусть они несутъ новое! Я боюсь еще,

Digitized by Google

что мое имя будетъ на устахъ у многихъ людей. Какъ тяжело это—показать другимъ свою душу и потомъ тутъ же стоять, когда они будутъ насмѣхаться надъ ней.

Такъ говорилъ онъ, и былъ грустенъ и робокъ, какъ тотъ человѣкъ, который знаетъ, что поступитъ противъ воли своей и это принесетъ ему много тяжелаго.

Въ вечеръ Троицы онъ уѣхалъ. Онъ просилъ ее отъ времени до времени навѣщать отца и поклониться друзьямъ.

— Отъ Пита, — сказала она, — мы не получаемъ никакихъ извѣстій. Онъ совсѣмъ ушелъ въ свою работу и нѣтъ у него времени для насъ. У него нѣтъ другой мысли, какъ только подвигаться впередъ и скоро стать первымъ инспекторомъ... Я не знаю, — добавила она мысленно, — правильна ли такая жизнь и можно ли такимъ путемъ уловить и увидѣть лучшее въ жизни?

Но онъ не отвѣтилъ.

Когда они шли по дорогѣ къ станціи, она обратила его вниманіе на Тьярка Дузеншена, который спокойно шелъ къ своей хижинѣ.

— Этотъ столько не думаетъ, какъ ты,—сказала она.

Но онъ отвѣтилъ печально: — У меня совсѣмъ не было мыслей для старыхъ знакомыхъ, едва даже для матери. Я всегда думалъ о другомъ.

На станціи онъ пожалъ ей крѣпко руку. — Ну, Гейнке, мы остаемся старыми друзьями. Если у тебя будетъ какая нужда, позови меня. Я сдѣлаю то же самое. А теперь пожелай мнѣ счастливаго пути и хорошій годъ. Пусть мы найдемъ часть Гилленгоя, Гейнке!

Это было его прощальное слово.

* * *

Когда Гейнке вернулась въ этотъ вечеръ домой и, вся еще погруженная въ свои думы, медленно стала снимать свою кофточку, она услышала въ мезонинѣ знакомые шаги. Дверь быстро распахнулась.

— Я пріѣхалъ!—радостно крикнулъ онъ ей сверху.

— Что вамъ опять нужно?—растерянно спросила она.

— Ахъ, я поссорился съ моими стариками,—сказалъ онъ и сѣлъ на верхнюю ступеньку.—И они мнѣ заявили:— Пожалуйста, тотчасъ убирайся обратно въ Илигенлей.

Она видѣла, что онъ лжетъ, и потребовала отъ него отвѣта „по чести и совѣсти". Но онъ стоялъ на своемъ— родители отослали его.

— Я былъ такой грустный, унылый. И они сказали:— Благодаримъ покорно за такого праздничнаго гостя. Ступай

Digitized by Google

туда, откуда ты явился.—Я и поѣхалъ и какъ разъ пріѣхалъ къ кофе.

Она разсмѣялась.

— Ну, ладно, ладно. Перестаньте вздоръ молоть. Я сейчасъ принесу вамъ кофе.

Она сняла кофточку и, тихо напѣвая,—хотя ей совсѣмъ не до пѣнья было,—приготовила кофе и пришла къ нему въ комнату.

И когда она опять стояла подлѣ него передъ его картинами, ее опять охватило тихое, пріятное, праздничное настроеніе, и она думала:—Кай-Янсъ славный, гордый человѣкъ, герой. Онъ лучшій въ мірѣ человѣкъ. Но его мысли такъ мучительно-серьезны, и характеръ у него такой сложный и тяжелый. Я вѣчно была бы въ страхѣ и жаждала бы избавленія, если бы жила съ нимъ. Я никогда не могла бы беззаботно смѣяться. И вѣчно думала бы: что сегодня зародится въ его головѣ? И мнѣ кажется, я всегда со страхомъ думала бы о нашихъ дѣтяхъ: что они унаслѣдовали отъ него?.. А этотъ и милый, и серьезный, и умный, и жизнерадостный въ то же время. Онъ точно свѣжій, вѣтренный весенній день, и мы съ нимъ будемъ хорошая пара.

И она стала спорить съ нимъ, смѣяться, и они стали говорить другъ другу „ты“. И она сказала ему:—Если ты не будешь вести себя хорошо, тебя и отсюда выставятъ.

Они условились на слѣдующее утро, въ первый день Троицы, совершить большую прогулку за городъ. И когда онъ, увлекшись планомъ прогулки, взялъ ее руку и сталъ ее пожимать, она тихо проговорила:

— Какъ я рада, Петерлейнъ, что ты опять со мной.

— Очень ужъ хорошо съ тобой,—отвѣтилъ онъ и, въ подтвержденіе своихъ словъ, крѣпко потрясъ ея руку.

Глаза ея затуманились.

— Какъ ты добръ ко мнѣ,—сказала она и взяла со стола какой-то рисунокъ. Но тотчасъ положила его и добавила:—У меня сегодня еще много дѣла по хозяйству. Завтра утромъ я буду свободна. Я пойду...

Она ушла, провозилась цѣлый вечеръ, и когда легла въ кровать, долго не могла уснуть и думала о Каѣ-Янсѣ:—Нѣтъ, нѣтъ,—думала она,—какъ я его ни люблю, въ мужья онъ мнѣ не годится. Онъ слишкомъ серьезный для меня, слишкомъ безпокойный, тяжелый.—Но когда она подумала, что другой, быть можетъ, завтра будетъ ее цѣловать и тогда погибнетъ ея старая, завѣтная надежда стать когда-нибудь женой Кая-Янса, она горячо зарыдала:—„Я его такъ люблю, я его такъ люблю.—Цѣлый часъ плакала она, мучилась, терзалась

Digitized by Google

мыслью о другомъ, думала, что никогда, никогда не будетъ она счастлива.

Проснулась она на разсвѣтѣ, быстро одѣлась и тихо поднялась по лѣстницѣ, чтобы его разбудить.

Но когда она постучалась, онъ открылъ ей дверь и сказалъ:—Подожди минуту, я сейчасъ буду готовъ.

Онъ быстро и дурачливо напялилъ при ней сюртукъ, торопливо застегнулъ воротникъ и манжеты и они на цыпочкахъ, чтобы не будить мать, спустились съ лѣстницы и вышли изъ дому.

Еще было сумеречно и тихо. Дома стояли безмолвными, спящими рядами. Каштановыя деревья въ своихъ зеленыхъ плащахъ со свѣтлыми свѣчками въ рукахъ тянулись высокими шпалерами. Они молча шли рядомъ, опустивъ головы, онъ—легко и спокойно, словно въ ясный день, навстрѣчу бодрой дѣятельной жизни, она—по-женски, медлительнѣе и тише.

Когда они оставили городъ за собою и очутились среди открытаго поля, онъ взялъ ее за руку и, шаловливо помахивая ею, сказалъ:—Какъ давно мы уже знакомы? Мнѣ кажется, лѣтъ семь!

— Больше!—сказала она.

И замолкли. Какая-то птичка тихо протянула нѣсколько звуковъ.

— Слушай, Гейнке,—сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ,—скажи что-нибудь.

— Что же мнѣ сказать?

— Что-нибудь хорошее. Я тебѣ сказалъ такъ много хорошаго... Гейнке...

— Ты въ десять разъ умнѣе меня, Петерлейнъ. Ты это не разъ говорилъ. Если ты знаешь что-нибудь, скажи...

— Я знаю... но не знаю, какъ это сказать... и не знаю, захочешь ли ты это слушать.

Они опять шли молча, оба со смутными, тоскливыми, безпокойными желаньями.

— Слушай,—сказалъ онъ,—выйдемъ на этотъ холмъ и дождемся тамъ восхода солнца. И знаешь что... Я хочу, чтобы ты все это великолѣпіе внезапно увидѣла... Я завяжу тебѣ глаза...

Она вырвала у него изъ рукъ платокъ и опечалилась, потому что думала, что все это пустая игра. Но онъ боялся ея чистыхъ, ясныхъ очей.

И такъ серьезно просилъ, такъ ласково и нѣжно, что она не могла ему отказать и позволила завязать себѣ глаза. Онъ велъ ее за руку...

— У меня промокли ноги,—сказала она,—трава такъ высока и такъ влажна.

Digitized by Google

— Ахъ, не говори объ этомъ,—тихо сказалъ онъ.

— Какой у тебя странный голосъ, Петерлейнъ!

— Я думаю... еще бъ... если бы ты видѣла то, что я вижу... Мы слишкомъ рано пришли сюда. Это поле еще всецѣло принадлежитъ ночи.

— Да... но у меня ноги совсѣмъ мокрыя.

— Ахъ, Гейнке Бойе... не говори о своихъ ногахъ. Только бы ты душу свою не простудила.

— Какой у тебя странный голосъ, Петерлейнъ!

— Если бы ты видѣла то, что я вижу! Направо и налѣво стоятъ много сильныхъ мужчинъ въ старинной коричневой короткой одеждѣ, съ звѣриными шкурками на ногахъ.

— Ничего, ничего я не боюсь,—отвѣчала она, тихо смѣясь.—Это, вѣроятно, мои предки. Я здѣшняго стариннаго рода.

— Вотъ одинъ изъ нихъ приближается,—тихо сказалъ онъ,—стройный молодой человѣкъ.—Мнѣ кажется... слушай, Гейнке... мнѣ кажется, онъ хочетъ тебя поцѣловать... Гейнке...

Она остановилась и, тяжело дыша, проговорила:—Если онъ молодъ и строенъ, пусть.

И она почувствовала его руку на своихъ волосахъ и свѣжія губы на своихъ губахъ.

— Надо было подождать утра. Я недоволенъ тобой, Гейнке... Ну, вотъ, теперь чужой мужчина тебя поцѣловалъ!

Они молча шли дальше. Когда они взошли на холмъ, онъ положилъ руку вокругъ ея таліи.—Ну, вотъ еще одинъ... этотъ обнимаетъ тебя,—тихо сказалъ онъ.—Что же мнѣ дѣлать, Гейнке? Убить его, или пусть цѣлуетъ тебя?

— Онъ хорошо сложенъ?—спросила она, тихо смѣясь.

— Немного худощавъ,—сказалъ онъ,—но крѣпкій...

— Еще совсѣмъ юноша?—спросила она.

— Сохрани Богъ! Настоящій мужчина.

— А какое у него лицо? Совсѣмъ еще юное?

— Сохрани Богъ! Лицо совершенно взрослаго человѣка!

— Тогда... пусть цѣлуетъ.

И она почувствовала опять быстрое робкое прикосновеніе устъ къ ея устамъ.

— Хорошо?—спросилъ онъ тихимъ, придушеннымъ голосомъ.

— Мнѣ очень больно, Петерлейнъ,—грустно сказала она,—что ты позволяешь чужимъ мужчинамъ меня цѣловать.

Тогда онъ обвилъ ее руками, прижалъ голову къ ея плечу и сказалъ: Гейнке!.. Гейнке!.. Я тебя такъ люблю! Она сняла повязку. Они разомкнули руки и молча смотрѣли

Digitized by Google

черезъ далекую узкую полоску лѣса, надъ полена которой лежали широкія темно-синія гряды облаковъ.

Потомъ они спустились внизъ на ровный зеленый лугъ и пошли узкой дорожкой по направленію къ дому.

Вдоль откосовъ дороги росли весенніе цвѣты. Они сѣли на мураву. Гейнке обвила руками одно колѣно и неподвижно-спокойно смотрѣла въ даль и на толстую башню Илигенлея. А Петеръ Фолькварсенъ рвалъ цвѣты и бросалъ ихъ на колѣни, и каждый разъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

Наконецъ, онъ набрался рѣшимости, подползъ къ ней на колѣняхъ и поцѣловалъ ее. Они серьезно взглянули другъ другу въ глаза.

— Какъ ты хороша,—взволнованно сказалъ онъ.

— Я не могу наглядѣться на тебя,—сказала она.

— Лежи тихо и не говори!

— Милый, дорогой... какой ты... милый!..

Они долго лежали, съ восторгомъ глядя другъ на друга, и осторожно, почти торжественно, цѣловались.

Когда они вернулись домой, она стала накрывать столъ и громко стучала вилками и ножами, чтобы обратить вниманіе матери и вызвать ее на вопросъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросила мать.—На три прибора накрываешь? Для кого это?

— Да...—сказала она.—Онъ такъ просилъ. Онъ хочетъ обѣдать сегодня съ нами... онъ... онъ хочетъ всегда обѣдать съ нами.

— Гейнке...

— Да, мама... мы... онъ мнѣ сказалъ... О чемъ ты плачешь, мама?.. Мы еще не скоро поженимся... Черезъ два года...

— Его родители знаютъ?

— Не знаютъ, но догадываются. И ничего противъ этого не имѣютъ. И пусть онъ живетъ, мама, у насъ попрежнему. А ты никому не говори, даже Аннѣ. И не мѣшай мнѣ по-старому заходить къ нему, хотя бы на полчасика каждый день.

Она понесла ему, по обыкновенію, кофе наверхъ. Но на этотъ разъ дѣло было совсѣмъ другое, совсѣмъ другое. Кофе остался невыпитымъ. И картинъ они не разглядывали. Они были другъ для друга прекраснѣйшими картинами. Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, а она передъ нимъ на колѣняхъ, и онъ гладилъ и цѣловалъ ея волосы.

Радостно и беззаботно проходили для нея дни въ это лѣто.

Кай-Янсъ писалъ изъ Берлина, что онъ уже присмот-

Digitized by Google

рѣлся къ своей книгѣ. Но безчисленныя скорбныя мелочи жизни, которыя онъ видитъ кругомъ себя изо дня въ день, мѣшаютъ ему спокойно отдаваться работѣ. И, повидимому, изъ него ничего не выйдетъ. Онъ и самъ не знаетъ, чѣмъ кончитъ...

Она пошла съ письмомъ въ мезонинъ и показала его Петерлейну, какъ показала ему и всѣ остальныя письма Кая-Янса.—Бѣдный, милый человѣкъ,—сказала она, и глаза ея внезапно наполнились слезами. Онъ всегда былъ такъ добръ ко мнѣ, и я многимъ ему обязана. Жизнь не дала ему никакихъ радостей, и я ничего не сумѣла ему дать.

— Ты писала ему, что помолвлена?

— Нѣтъ... я лучше скажу ему это при свиданіи... Я не знаю, какъ онъ къ этому отнесется... Бѣдный, милый человѣкъ!..

Петерлейнъ утѣшалъ ее:

— Ну... ну... успокойся... какъ-нибудь все обойдется... Иди сюда... ты... Гейнке Бойе!

Въ іюлѣ захворалъ мальчикъ Анны и Элла Бойе сидѣла у нея нѣсколько вечеровъ и ухаживала за ребенкомъ.

Петерлейнъ и Гейнке обѣдали тогда вдвоемъ въ мезонинѣ. Они сидѣли за четырехугольнымъ столикомъ другъ противъ друга и онъ говорилъ:—Жена моя,—и дѣлалъ видъ, будто направо и налѣво сидятъ дѣти.

Она журила его и смѣялась, потомъ опять сидѣла у него на колѣняхъ и не противилась его ласкамъ.

Въ одинъ такой вечеръ онъ расплелъ ея косы и долго и съ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Потомъ онъ крѣпко сжалъ ея руки и, глядя на нее горячими серьезными глазами, тихо сказалъ:—Это нехорошо для насъ обоихъ, Гейнке... для насъ обоихъ нехорошо откладывать свадьбу надолго.

— Я тоже думаю, Петерлейнъ... что это нехорошо.

— Если ты сумѣешь хорошо и экономно хозяйничать, то мы можемъ весною пожениться.

Она опустила голову и играла его цѣпочкой отъ часовъ.

— Я этого ужасно хочу... Мнѣ уже двадцать два года... и ты... ты во всемъ виноватъ. Я была такая спокойная, умная дѣвушка.

Они стали немного спокойнѣе, много говорили о томъ, какъ устроятся, и даже рѣшили уже, какъ назвать двухъ первыхъ дѣтей.

Въ эти три лѣтнихъ мѣсяца Гейнке Бойе стала женщиной и забыла Кая-Янса.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Мелкобуржуазная утопія.

Мѣсто общественной дѣятельности должна занять ихъ личная изобрѣтательная дѣятельность, мѣсто историческихъ условій освобожденія—фантастическія условія, мѣсто постепенно складывающейся организаціи пролетаріата въ классъ—изобрѣтенная ими самими организація общества.

Коммунистическій манифестъ объ утопистахъ.

I.

Жизнь современнаго общества слишкомъ сложна, слишкомъ разнообразна; пестрая сѣть противорѣчивыхъ интересовъ переплетается запутанными узорами, взаимныя вліянія и тренія отдѣльныхъ группъ нагромождаютъ цѣлыя напластованія чуждыхъ другъ другу элементовъ, нарушая ясную связь между идеологіей того или другого класса и его матеріальными интересами. Получается „смѣсь одеждъ и лицъ"; отдѣльные люди, а подчасъ и цѣлыя группы, наряжаются въ несвойственные имъ костюмы и нерѣдко, сами того не замѣчая, выражаютъ интересы и стремленія своего класса при помощи заимствованной на сторонѣ фразеологіи. И чѣмъ отдаленнѣе прямая, органическая связь между самимъ классомъ и его идеологами, чѣмъ болѣе эта идеологія вносится „извнѣ", создается за предѣлами непосредственной повседневной жизни и борьбы, тѣмъ болѣе драпируется она въ чуждые костюмы, тѣмъ болѣе элементы политическаго реализма замѣщаются въ ней элементами фантастики.

Политическія программы, радикальные проекты, картина переустройства общества на болѣе справедливыхъ началахъ—всѣ эти идеологическія построенія только тогда пріобрѣтаютъ какой-нибудь смыслъ, когда они отражаютъ—хотя бы въ идеализированномъ, искаженномъ видѣ—реальные интересы какого-нибудь общественнаго слоя. Внѣ этого условія—они не болѣе, какъ „плѣнной мысли раздраженье". Но и тѣ идеологическія построенія, которыя находятъ себѣ почву въ общественной средѣ, не всегда вѣрно и точно отражаютъ интересы опредѣленнаго слоя. Они нерѣдко заключаютъ въ себѣ, наряду съ элементами опредѣленной и ясной классовой

Digitized by Google

идеологіи, также элементы соціальной фантастики, т. е. такихъ теоретическихъ требованій, которыя не являются продуктомъ жизненной дѣятельности даннаго слоя, а отражаютъ лишь групповую интеллигентскую идеологію непосредственныхъ творцовъ этого построенія. Эти элементы фантастики вытекаютъ изъ самаго характера отношеній между идеологами и общественнымъ классомъ. Подъ вліяніемъ жизни и развитія даннаго класса, такъ сказать, въ его атмосферѣ, идеологъ вырабатываетъ извѣстныя схемы, являющіяся или долженствующія являться соціологической и политической формулировкой задачъ и интересовъ этого класса. И чѣмъ оторваннѣе идеологъ (или группа идеологовъ) отъ повседневной жизни самаго класса, тѣмъ больше субъективизма вноситъ онъ въ свое построеніе, тѣмъ меньше въ немъ элементовъ реализма, тѣмъ больше элементовъ фантастики. По удачному выраженію А. Потресова, интеллигентъ-идеологъ ищетъ среду, въ которую онъ могъ бы объективировать свои идеалы. Правда, самые эти идеалы не съ неба свалились, они сложились подъ косвеннымъ вліяніемъ быта даннаго класса, но конкретные, реальные интересы класса вошли въ нихъ въ видѣ канвы, на которой „сводная" интеллигентская мысль расписала прихотливые узоры фантастическаго творчества.

Весьма интересно отношеніе обѣихъ сторонъ—идеологовъ и практиковъ—къ этимъ теоретическимъ построеніямъ. Идеологъ любитъ въ нихъ то, что онъ внесъ отъ себя—ихъ нарядное убранство, ихъ красивыя гармоничныя архитектурныя линіи, ихъ художественную цѣльность. Грубый матеріальный остовъ, который былъ данъ идеологу матеріальными интересами класса и на которомъ онъ построилъ всю законченную систему міропониманія, ускользаетъ отъ его взгляда, отступаетъ на второй планъ передъ его личнымъ твореніемъ. Напротивъ, практики, масса, тѣ, кто создалъ этотъ остовъ, отдаютъ ему первенство, ставятъ его во главу угла. Идеологическія построенія имѣютъ въ ихъ глазахъ значеніе очень важныхъ, почтенныхъ, мудрыхъ, но отвлеченныхъ, теоретическихъ истинъ. Они мало входятъ въ критическую оцѣнку этихъ истинъ, они охотно принимаютъ ихъ, разъ эти истины обезпечиваютъ своимъ моральнымъ авторитетомъ ихъ матеріальные интересы. Въ такомъ отношеніи массъ къ идеологіи заключается причина пріемлемости для нихъ чисто-утопическихъ ученій. Массовый человѣкъ вноситъ въ утопическія системы свое особое пониманіе, особый смыслъ. Онъ видитъ въ нихъ и беретъ изъ нихъ только то, что выгодно его классовымъ интересамъ, что поощряетъ эти интересы, способствуетъ охраненію и развитію ихъ. Утопическіе же элементы вполнѣ совмѣщаются съ недоразвитостью его классовой сознательности. Чѣмъ ниже пониманіе человѣческой связи міровыхъ и общественныхъ явленій, чѣмъ слабѣе его власть надъ этой связью, тѣмъ легче склоненъ онъ принимать фантастическое толкованіе ея, утопическое міровоззрѣніе. Пока этотъ

Digitized by Google

утопизмъ не противорѣчитъ практикѣ его повседневной жизни, онъ охотно воспринимаетъ его; мало того, на данной ступени развитія утопизмъ, при всей своей запутанности и несбыточности, кажется ему болѣе ясной теоріей, чѣмъ самое реалистическое ученіе. Но пусть только утопія придетъ въ противорѣчіе съ матеріальными интересами даннаго класса, пусть она стѣснитъ ихъ свободное развитіе—разъ это развитіе выгодно для класса,—и мысль массоваго человѣка проясняется, утопія превращается въ праздную фантастику, человѣкъ становится реалистомъ. И классы, способные къ развитію, рано или поздно сбрасываютъ въ себя фантастическій нарядъ утопизма, которымъ они увлекались въ періодъ несознательнаго отрочества.

Однако, не всякій классъ способенъ къ развитію. Не всякій классъ поставленъ въ такія общественныя условія, чтобы самое развитіе общества усиливало его численность и значеніе, позволяло развивать и укрѣплять характерныя для него черты, методы хозяйства и мышленія. Многіе классы, завѣщанные старымъ обществомъ, лишены возможности развитія, обречены на гибель, на разложеніе, и всѣ усилія могутъ лишь продлить муки ихъ вымиранія, поддержать ихъ болѣе или менѣе продолжительное время въ состояніи агоніи. Ихъ удѣлъ—гибель, лучшее, на что они могутъ расчитывать,—застой. Такіе классы и ихъ идеологи особенно склонны къ утопическому взгляду на жизнь.

Сравнительная оцѣнка фактовъ дѣйствительности совершается въ головѣ идеологовъ такого класса навыворотъ: крупное, закономѣрное, длительное обезцѣнивается, блѣднѣетъ, теряетъ свои размѣры и значеніе; мелкое, случайное, преходящее пріобрѣтаетъ особую важность и цѣнность, кладется въ основу всего пониманія событій, принимается за фундаментъ при постройкѣ міросозерцанія. Мѣсто реальныхъ движущихъ силъ общественнаго развитія заступаютъ идеальныя, фантастическія силы; дѣйствительный ходъ развитія общества подмѣнивается желательнымъ—съ точки зрѣнія даннаго класса—ходомъ развитія. Вся идеологія становится утопической.

Раскрыть матеріальные классовые интересы въ утопической системѣ, показать общественные источники самаго утопизма—задача весьма поучительная и благодарная. Въ настоящей статьѣ мы разсмотримъ съ этой точки зрѣнія одну изъ многочисленныхъ попытокъ разрѣшить соціальный вопросъ въ Россіи путемъ аграрнаго преобразованія. Мы имѣемъ въ виду „Проектъ основного закона о землѣ“, изданный подъ редакціей гг. Дѣдова, Максимова, Нечетнаго и Рудина, и представляющій изъ себя, по мнѣнію авторовъ, „опытъ подробной и систематической разработки вопроса“ въ духѣ ученія соціалистовъ-революціонеровъ. Этотъ проектъ въ высокой степени обладаетъ тѣми чертами отвлеченнаго идеологизма и утопизма, на которыя мы уже указывали. А потому и разборъ его представляетъ интересную задачу.

Digitized by Google

II.

„Проектъ основного закона о землѣ“ знакомъ намъ уже по отчетамъ засѣданій Государственной Думы. Именно, въ 23-мъ засѣданіи Думы, 8-го іюня т. г., былъ внесенъ, въ качествѣ „матеріала по аграрному вопросу“, „Проектъ основного земельнаго закона“, или, короче, проектъ 33-хъ, такъ какъ подъ нимъ подписалось 33 депутата. Разсматриваемая нами брошюра представляетъ лишь развитіе этого проекта 33-хъ въ длинную сѣть законодательныхъ постановленій, разрѣшеній и запрещеній—цѣлый лѣсъ статей, главъ, параграфовъ, способныхъ повергнуть въ уныніе самаго яраго сторонника точной регламентаціи общественныхъ отношеній [1]). Однако, эта детализація, практически излишняя и ненужная, теоретически представляетъ интересный матеріалъ, такъ какъ она многое договариваетъ до конца, ставитъ точки надъ многими *i*.

Разсматривая проектъ закона о землѣ, слѣдуетъ точно раздѣлить мѣропріятія, касающіяся землевладѣнія и землепользованія. Право собственности на главнѣйшее орудіе производства въ земледѣліи—на землю, носитъ нѣсколько другой характеръ и имѣетъ нѣсколько другое значеніе, чѣмъ право собственности на орудія производства въ обрабатывающей промышленности. Въ капиталистической промышленности право неограниченной собственности является необходимой предпосылкой производства. При товарномъ обращеніи, при производствѣ на рынокъ, при эксплоатаціи наемнаго труда, право собственности является необходимымъ общественнымъ институтомъ для обезпеченія приложенія капитала къ промышленности, т. е. для обезпеченія „священности“ прибавочной стоимости. Другое дѣло—земледѣліе. Для приложенія капитала къ землѣ, для обезпеченія за капиталистомъ права эксплоатировать чужой трудъ, присваивать „по закону“ неоплаченный трудъ рабочаго, нѣтъ надобности, чтобы земля составляла частную собственность капиталиста, нѣтъ даже необходимости, чтобы она составляла вообще частную собственность. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ институтъ фермерства. Фермеръ—капиталистъ, вкладывающій свой капиталъ въ чужую землю и добывающій изъ нея прибыль путемъ эксплоатаціи наемнаго труда. Собственникъ земли, не имѣющій никакого отношенія къ процессу производства,

---

[1]) Для курьеза приводимъ маленькую „статистику“: „Проектъ“ состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ, 10-ти частей, 50-ти статей, распадающихся болѣе чѣмъ на 100 параграфовъ, къ нимъ 31 примѣчаніе. Кромѣ того имѣется „отдѣльное поясненіе“, состоящее изъ 3-хъ параграфовъ, и примѣрная карта новаго административнаго дѣянія Россіи. Такая детальная регламентація умѣстна лишь со стороны органа, обладающаго уже властью для проведенія реформъ. Въ нашемъ же случаѣ она является плодомъ утопической интеллигентской мысли, упражняющейся въ досужихъ построеніяхъ.

Digitized by Google

получаетъ за уступленное капиталисту право пользованія арендную плату (ренту). Предположимъ, что земля изъята изъ частной собственности, что она передана въ руки общественной власти. Какая перемѣна произойдетъ отъ этого? Только та, что классъ землевладѣльцевъ, получателей ренты, исчезнетъ, арендаторъ будетъ платить арендную плату уже не частному лицу, а въ государственное (или общественное) казначейство, процессъ же производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ отъ этого не нарушится. Поэтому-то отмѣна частной собственности на землю еще не означаетъ уничтоженія земледѣльческаго капитализма. И когда мы читаемъ въ статьѣ первой перваго отдѣла „основного закона о землѣ", „что всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства совершенно и навсегда уничтожается", мы еще ничего не знаемъ о томъ характерѣ поземельныхъ отношеній, который предполагаетъ ввести этотъ законъ.

О типѣ землепользованія узнаемъ мы изъ статьи 2-й второго отдѣла, „Никто не имѣетъ права пользоваться землей въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ можетъ, при среднихъ въ данной мѣстности условіяхъ хозяйства: обработать самъ или рабочими силами своей семьи, т. е. не выше трудовой нормы" (стр. 8). Этотъ пунктъ сразу разрѣшаетъ коренной вопросъ о правѣ на землю. Онъ уничтожаетъ крупное частное [1]) хозяйствъ земледѣліи. Вмѣсто него создается новый типъ мелкаго, „трудового", хозяйства, т. е. такого хозяйства, которое ведется самимъ земледѣльцемъ при помощи его семьи, безъ участія наемныхъ рабочихъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что „основной законъ" враждебно относится къ индивидуальному крупному хозяйству, пользующемуся силой наемныхъ рабочихъ. Онъ враждебенъ институту найма рабочей силы частными капиталистами. Онъ стоитъ, слѣдовательно, либо на точкѣ зрѣнія самихъ наемныхъ рабочихъ, ограждая ихъ отъ эксплоатаціи, либо же на точкѣ зрѣнія такихъ слоевъ мелкихъ земледѣльцевъ, которые обходятся безъ найма рабочихъ рукъ, которые не нуждаются въ такомъ наймѣ, которые сами враждебны институту найма. Но мы знаемъ, что классъ мелкаго (точнѣе, средняго) „трудового" крестьянства и классъ сельскихъ наемныхъ рабочихъ рѣзко различаются между собою. Первое представляетъ изъ себя типъ мелкаго собственника, мелкаго индивидуальнаго производителя, хозяйчика, съ характерной мелкобуржуазной психологіей. Весь хозяйственный строй его жизни основывается на индивидуальномъ обладаніи собственными орудіями производства, и психологія его—это психологія индивидуалиста, цѣпко держащагося за свое маленькое хозяйство. Какъ бы бѣдно онъ ни жилъ, онъ считаетъ себя несравненно выше наемнаго рабочаго, лишен,

---

[1]) Ниже мы увидимъ, что крупное хозяйство опредѣленнаго типа остается, но переходитъ въ завѣдываніе общественнаго самоуправленія для общественныхъ цѣлей.

Digitized by Google

наго собственности, смотритъ на него сверху, какъ на парія. Напротивъ, наемный рабочій, утратившій собственныя орудія производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую надежду пріобрѣсти ихъ вновь, утрачиваетъ постепенно и собственническіе инстинкты мелкаго хозяйчика, его культъ своего клочка земли, его узкій кругозоръ. И матеріальные интересы, и политическіе разсчеты ихъ различны. Мелкій собственникъ, поскольку онъ не стремится стать крупнымъ собственникомъ, ждетъ улучшенія своего положенія отъ государственной охраны своей собственности, отъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію его въ борьбѣ за существованіе: отъ мелкаго кредита, страхованій, агрономической помощи и т. п. Наемный рабочій, по мѣрѣ того, какъ онъ начинаетъ сознательно относиться къ своему положенію, перестаетъ ждать помощи отъ возстановленія прошлаго, отъ надѣленія его вновь орудіями производства; его взоры обращаются впередъ, къ идеѣ общественной организаціи производства на началахъ сотрудничества и эксплоатаціи машинъ, а въ повседневной своей борьбѣ за будущій строй онъ ищетъ опоры въ организаціи, въ совмѣстной борьбѣ съ товарищами по работѣ и бѣдствіямъ.

Естественно, что объединить экономическіе и общественные интересы мелкихъ собственниковъ и наемныхъ рабочихъ довольно трудно. Ихъ можно было бы объединить либо на почвѣ сведенія мелкихъ собственниковъ къ положенію пролетаріевъ (и сама жизнь занимается подобнымъ объединеніемъ), либо путемъ поднятія наемныхъ рабочихъ до положенія мелкихъ собственниковъ, т. е. надѣленія ихъ землей и орудіями производства. Но это объединеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если хватитъ земли и орудій для всѣхъ, при условіи равнаго надѣленія всего населенія безъ различія и поддержкѣ болѣе слабыхъ постоянной помощью со стороны общества [1]). Но надѣленіе всѣхъ по „трудовой“ нормѣ, особенно при неравномѣрности распредѣленія угодій и населенія, невозможно, по крайней мѣрѣ невозможно безъ широко поставленнаго переселенческаго дѣла. И тутъ творцамъ „основного закона“ предстоитъ трудное испытаніе: какой изъ двухъ элементовъ долженъ нести большія жертвы—мелкій хозяинъ или пролетарій (и полупролетарій)? За кѣмъ должно быть признано право первенства, кто долженъ примириться со всѣми неудобствами малоземелья, переселенія и т. п.—мелкій ли хозяинъ, или безземельный пролетарій? Рѣшеніе этого вопроса должно показать намъ, чьи выгоды заботливѣе охраняетъ основной законъ, какимъ интересамъ полнѣе всего соотвѣтствуетъ предложенное ими преобразованіе, на какой слой разсчитываютъ больше всего творцы этого закона, идеологами какой общественной группы они являются?

---

[1]) Т. е. общественной помощи въ случаѣ неурожая, падежа скота, смерти или болѣзней въ семьѣ и т. п. бѣдствій, дѣлающихъ условія существованія неравными.

Digitized by Google

Чтобы выяснить это, посмотримъ, какимъ путемъ думаютъ авторы осуществить положенія своего проекта? Статья 3-я 1-ой части 4-го отдѣла гласитъ: „Всѣ земли, владѣемыя кѣмъ бы то ни было сверхъ трудовой нормы, передаются немедленно въ распоряженіе верховой народной власти и земствъ; остальныя, по желанію, оставляются въ безсрочное пользованіе теперешнихъ владѣльцевъ“ (стр. 34). Все сверхъ „трудовой нормы“ отчуждается; впредь остается только землевладѣніе не свыше „трудовой нормы“. Конкретно это значитъ, что остаются пока (впредь до распредѣленія отчужденной земли) два типа землевладѣнія (вѣрнѣе, землепользованія): „трудовой“ типъ, состоящій изъ хозяйствъ, оставшихся у бывшихъ крупныхъ владѣльцевъ (крестьянъ и помѣщиковъ), а также существовавшій раньше у среднихъ крестьянъ, обрабатывавшихъ землю своимъ трудомъ, и малоземельный типъ—бывшіе малоземельные и безземельные, вообще, деревенская бѣднота. Казалось бы, теперь авторамъ закона остается только ввести параграфъ, въ силу котораго вся отчужденная земля прирѣзывается деревенской бѣднотѣ до размѣровъ „трудовой нормы“. Однако, дѣло не такъ. На стр. 7-ой мы читаемъ: „Всѣ граждане и гражданки не моложе 20 лѣтъ имѣютъ право на полученіе въ пользованіе для сельско-хозяйственнаго промысла земли въ размѣрѣ, по мѣстнымъ условіямъ *достаточномъ для поддержанія жизни и здоровья ихъ и ихъ семей*, т. е. не ниже потребительной нормы“ (курс. здѣсь и дальше мой). Попросту говоря: малоземельное и безземельное населеніе получаетъ право только на „потребительную норму“, т. е. употребляя картинное выраженіе проекта, въ размѣрѣ, „достаточномъ для поддержанія жизни и здоровья“—достаточномъ, чтобы не умереть или не расхвораться съ голоду. Но и эта норма, стоящая на краю голоданія, не дается безоговорочно. Изъ примѣчанія 1-го мы узнаемъ, что „прирѣзка земли производится лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ внѣнадѣльный доходъ [1]) не хватаетъ до потребительной нормы“. Т. е. право на землю получаютъ лишь тѣ малоземельные и безземельные, сторонній заработокъ которыхъ не „достаточенъ для поддержанія жизни и здоровья ихъ и ихъ семей“ и получаютъ въ такихъ предѣлахъ, чтобы сдѣлать этотъ заработокъ достаточнымъ для означенной цѣли. Земельная реформа превращается для бѣднѣйшей части населенія въ филантропію. Уравнительный принципъ подмѣняется для нея богадѣльнымъ принципомъ. Для деревенской бѣдноты проектъ закона оказывается суровой мачехой.

Но зато онъ добрая мать для имущаго крестьянства. Правда, онъ отнимаетъ излишки земли у богатыхъ крестьянъ, оставляя имъ только „трудовую норму“,—но именно „трудовую“, т. е. максимальную для предполагаемаго строя, а не минимальную, не „потребительную“. У среднихъ же крестьянъ, уже теперь „трудовыхъ“, онъ ничего не отнимаетъ

[1]) Вѣроятно, внѣнадѣльнаго дохода.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, максимальный надѣлъ въ новомъ обществѣ получаютъ слои крестьянства, принадлежащіе и въ теперешнемъ обществѣ къ зажиточнымъ. Бѣдные же получаютъ минимальный надѣлъ и то лишь примѣнительно къ стороннимъ заработкамъ. Мало того, бывшіе владѣльцы (зажиточные), у которыхъ отрѣзаются земли, получаютъ привилегію выбирать сами тотъ участокъ, который они желаютъ сохранить, т. е. они получаютъ не только наибольшую пользу, но и наилучшую землю.

Эти пункты показываютъ, что проектъ этотъ выгоднѣе всего среднему, имущему крестьянству, мелкимъ хозяевамъ, уже теперь приближающимся къ типу „трудовыхъ". Интересы этого слоя полнѣе всего ограждаются предполагаемымъ преобразованіемъ землевладѣнія и землепользованія, а потому и экономическій остовъ проекта основного закона лучше всего выражаетъ интересы этого общественнаго класса. Правовая идеологія основного закона (являющаяся лишь частнымъ выраженіемъ общей идеологіи соц.-революціонеровъ) представляетъ по своему соціальному содержанію идеологію мелкаго индивидуальнаго производителя, мелкаго буржуа.

Съ этимъ первоначальнымъ выводомъ въ рукахъ мы подойдемъ къ остальнымъ положеніямъ проекта и посмотримъ, подтверждаютъ или опровергаютъ они этотъ выводъ.

III.

Мелкое—„трудовое"—землевладѣніе представляетъ изъ себя промежуточный экономическій типъ въ обществѣ товаропроизводителей. И какъ все среднее, промежуточное, этотъ типъ неустойчивъ. Являясь исключительно сельскимъ хозяиномъ (трудовая норма—это размѣръ, позволяющій приложить къ землѣ *весь* трудъ производителя и его семьи), мелкій землевладѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ въ значительной мѣрѣ для продажи, т. е. онъ вовлеченъ въ водоворотъ торговыхъ отношеній и подверженъ всѣмъ отрицательнымъ вліяніямъ рынка. Пожары, градобитіе, падежъ скота, болѣзни или смерть въ семьѣ влекутъ за собой непредвидѣнныя издержки, подрывая экономическую силу хозяйства. Агрономическая рутина, недостатокъ знаній, плохое удобреніе почвы, отсутствіе меліорацій—все это заставляетъ мелкаго хозяина топтаться въ экономическомъ смыслѣ на одномъ мѣстѣ, затрудняетъ улучшеніе хозяйства, а при прогрессивномъ истощеніи почвы ведетъ даже къ его паденію. Мелкому хозяйству нужны мѣры, способствующія огражденію прочности его владѣнія и обезпеченію его отъ бѣдствій.

И проектъ закона о землѣ идетъ навстрѣчу этимъ требованіямъ. Строгимъ регламентомъ обезпечиваетъ онъ за производителемъ его право на пользованіе землей. „Никто не имѣетъ права пользоваться землей въ размѣрѣ, большемъ трудовой нормы". Земля не должна быть орудіемъ

Digitized by Google

эксплоатаціи, ея размѣръ не долженъ выходить изъ рамокъ того, что можетъ обработать самъ производитель съ своей семьей; поэтому спеціальные пункты препятствуютъ скопленію земли въ однѣхъ рукахъ. „Сдача земли въ аренду совершенно прекращается". Земля, которую не въ состояніи обработать самъ землевладѣлецъ, поступаетъ обратно въ народный фондъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе крупнаго частнаго землевладѣнія устраняетъ непріятную конкурренцію и предоставляетъ рынокъ—по крайней мѣрѣ національный рынокъ—во власть мелкихъ производителей. Мелкое индивидуальное хозяйство становится (хотя бы на первое время) нормальнымъ, господствующимъ, общественно-необходимымъ типомъ производства. Оно нормируетъ и производительную дѣятельность, и рыночныя отношенія.

Съ другой стороны, проектъ обѣщаетъ мелкому производителю цѣлый рядъ мѣръ помощи и поощренія. Въ первую очередь выдвигается „дешевый общественный кредитъ" для пріобрѣтенія скота, орудій, сѣмянъ и пр. За кредитомъ идетъ страхованіе орудій производства и урожаевъ; далѣе, дешевая, а то и даровая ссуда на улучшеніе угодій—однимъ словомъ, крестьянское государство (верховная народная власть) дастъ мелкому производителю все то, чего ему нехватаетъ теперь, чтобы сдѣлать его существованіе изъ неустойчиваго устойчивымъ. Понятно, что всѣ эти мѣры лишь въ слабой степени доступны бѣднѣйшей части населенія, обреченной на „потребительную норму". Какъ бы ни былъ дешевъ кредитъ, онъ все же кредитъ, т. е. предполагаетъ возвращеніе основного долга и уплату (дешевыхъ) процентовъ. А съ чего платить, когда весь надѣлъ только „достаточенъ для поддержанія жизни и здоровья" земледѣльца и его семьи? Конечно, улучшенія, произведенныя при помощи этого кредита, позволятъ увеличить производительность почвы, но вѣдь прежде всякихъ улучшеній безземельный или малоземельный долженъ получить кредитъ, чтобы вообще обзавестись инвентаремъ для использованія своей потребительной нормы. А что будетъ дѣлать со „всякаго рода" скотомъ и „всевозможными" орудіями тотъ полупролетарій, который получилъ парцеллу, какъ дополненіе къ „внѣнадѣльному доходу"? Какой дренажъ заложитъ онъ на своемъ картофельномъ полѣ, какой урожай застрахуетъ онъ? Ясно, что вся эта общественная помощь имѣетъ значеніе только для полнаго—„трудового"—хозяина, владѣющаго максимальнымъ надѣломъ. Въ еще большей мѣрѣ касается это такихъ видовъ общественной помощи, какъ „безплатные совѣты агрономовъ", или „безплатное обученіе сельскому хозяйству при государственныхъ и земскихъ имѣніяхъ". Полупролетарію, сидящему на „потребительномъ", а тѣмъ болѣе на „дополнительномъ къ потребительной нормѣ" надѣлѣ, мало толку отъ того, что общественная помощь превратила домъ „трудовика" въ полную чашу. На этомъ пиру для него мѣста не оказалось. Здѣсь мелкій производитель, мелкій буржуа, достигшій власти въ государствѣ (верховная народная власть) реоргани-

Digitized by Google

зуетъ хозяйственныя и общественныя отношенія примѣнительно къ своимъ классовымъ потребностямъ и пользуется доставшейся ему властью, чтобы укрѣпить и увѣковѣчить экономическое положеніе и политическое господство своего класса.

Поощреніе интересовъ мелкой буржуазіи не ограничивается областью земледѣлія; оно послѣдовательно проводится и въ промышленности. Правда, законъ о землѣ лишь отчасти, вскользь, мимоходомъ отмѣчаетъ эту сторону вопроса. Онъ касается ея, главнымъ образомъ, поскольку промышленная дѣятельность имѣетъ отношеніе къ землевладѣнію. Такъ, напримѣръ, право занимать землю подъ жилыя постройки или промышленныя заведенія опредѣляется тоже въ зависимости отъ „трудовой нормы". Земля подъ постройки, строительный матеріалъ, топливо, вода для питья или промышленныхъ цѣлей—все это предоставляется безплатно или по заготовительной стоимости (плюсъ небольшая прибыль), если это предназначается для личнаго потребленія или для промышленной дѣятельности семьи производителя. Точно также на этихъ льготныхъ условіяхъ разрѣшается право охоты и рыбной ловли, собиранія ягодъ и грибовъ, пользованія минеральными богатствами. Но всѣ эти льготы прекращаются, какъ только земля, матеріалы, топливо и пр. требуются для промышленныхъ заведеній съ наемнымъ трудомъ. То же самое видимъ мы и въ сферѣ обложенія. Земли подъ промышленными заведеніями, эксплоатирующими наемный трудъ, должны облагаться выше, чѣмъ земли, имѣющія „потребительно-трудовое значеніе" для ихъ хозяевъ [1]).

---

[1]) Въ проектѣ здѣсь какое-то недоразумѣніе. Статья 3-я 2-й части -го отдѣла говоритъ: „Обложеніе земли подъ постройками основывается на *двухъ* началахъ: а) за усадьбы потребительно-трудового характера уплачивается *лишь* повышенный противъ земледѣльческой площади налогъ на землю; б) всѣ остальныя, имѣющія не потребительно-трудовое значеніе для ихъ хозяевъ, а приносящія имъ доходъ, оцѣниваются и облагаются соразмѣрно этому доходу и тѣмъ большимъ процентомъ, чѣмъ больше доходъ (*т. е. прогрессивно-подоходнымъ налогомъ*)". Итакъ, заведенія, основаныя на эксплоатаціи труда, облагаются прогрессивно-подоходнымъ налогомъ. А изъ 7-й статьи, 1-й части, 2-го отдѣла мы знаемъ, что „каждый пользующійся землей, обязанъ уплачивать за нее налогъ, причемъ процентъ обложенія повышается соотвѣтственно ея чистой доходности (т. е. устанавливается на началахъ *прогрессивно-подоходнаго обложенія*)". Наконецъ, изъ пункта *а* предыдущей цитаты мы видимъ, что за потребительно-трудовыя постройки взимается повышенный земельный налогъ, т. е. прогрессивно-подоходный налогъ, только еще повышенный. Но вѣдь доходность земли подъ промысловыми постройками въ обществѣ предполагаемаго типа и есть доходность самаго промысла, т. е. должна оцѣниваться такъ же, какъ и въ пунктѣ *б*. А въ такомъ случаѣ потребительно-трудовыя предпріятія окажутся обложенными *выше*, чѣмъ капиталистическія. Очевидно, здѣсь какая-то путаница, ибо цѣль авторовъ какъ разъ обратная. Но они, повидимому, сами запутались въ своихъ ста параграфахъ.

Digitized by Google

Весьма характерно для общества мелкихъ производителей, предполагаемаго проектомъ закона, отношеніе этого закона къ капиталу. Это отношеніе, какъ и слѣдовало ожидать, двойственное. Съ одной стороны, мелкій производитель враждебенъ крупному капиталу, съ которымъ онъ конкуррируетъ, съ другой стороны, въ основѣ предполагаемаго общества лежатъ интересы „трудовыхъ" земледѣльцевъ, а они—послѣ того, какъ уничтоженъ капитализмъ въ земледѣліи—относятся къ промышленному капиталу, по меньшей мѣрѣ, нейтрально. Мелкіе земледѣльцы, какъ классъ, борются, собственно, не противъ капитала, какъ таковаго, а противъ превращенія земли въ капиталъ, противъ концентраціи ея въ однѣхъ рукахъ и превращенія изъ орудія труда въ орудіе эксплоатаціи. Поэтому въ первую голову они выступаютъ противъ землевладѣнія, требуютъ передачи всей земли труженикамъ, дѣйствительно обрабатывающимъ ее. Для оправданія этой классовой необходимости создается особое идеологическое представленіе, что „земля—ничья", „земля—божья", „земля—народная". Право на землю признается за народомъ; отчужденіе крупновладѣльческой земли считается явленіемъ вполнѣ законнымъ, даже отчужденіе безъ выкупа остановитъ лишь самыхъ робкихъ. Другое дѣло капиталъ. Онъ обращенъ къ мелкому производителю-собственнику прежде всего своей положительной стороной—какъ орудіе производства, ибо отрицательная сторона его—орудіе эксплоатаціи—„трудового" крестьянина непосредственно не затрагиваетъ. А для мелкаго производителя право на орудія производства неприкосновенно, этотъ видъ собственности священенъ. Пролетарій иначе посмотрѣлъ бы на дѣло, но мелкій собственникъ самъ еще владѣетъ орудіями труда на правахъ собственности и не заинтересованъ пока въ экспропріаціи капитала. Поэтому и его идеологи, составляя основной законъ, признали возможнымъ экспропріировать безъ выкупа всю частновладѣльческую землю и въ то же время не рѣшились посягнуть на капиталъ. Всѣ виды капитала—зданія, машины, орудія, гипотеки, даже капиталъ, вложенный въ землю, подлежатъ выкупу. Капиталистическій способъ производства въ промышленности остается неприкосновеннымъ; только легкими, едва замѣтными штрихами намѣчается въ перспективѣ возможность его выкупа. Мало того, даже зародыши капиталистическаго начала въ кооперативныхъ предпріятіяхъ, начала, столь опаснаго для этихъ предпріятій,—даже они не встрѣчаютъ отпора со стороны „трудового" общества, а, напротивъ, какъ бы поощреніе. Вотъ, напримѣръ, что говорится въ пунктѣ *е* статьи первой 2-й части 3-го отдѣла: „Товарищества, образующіяся для совмѣстнаго веденія сельскаго хозяйства, свободны въ выборѣ основаній для распредѣленія продуктовъ, какъ-то: затраченнаго каждымъ *капитала*, или труда и т. д.". Уваженіе передъ капиталомъ доходитъ даже до признанія „справедливаго вознагражденія" капитала. Въ самомъ дѣлѣ. Отдѣлъ 2-й, часть 2-я, статья 7-я, примѣчаніе 2-е гласитъ: „Повышеніе обложенія

Digitized by Google

можетъ устанавливаться лишь послѣ того, какъ повысилась доходность, съ такимъ разсчетомъ, чтобы произведенныя каждымъ хозяйствомъ затраты труда и *капитала* и улучшенія системы хозяйства успѣли *справедливо вознаградиться*".

Однако, наряду съ этой нѣжностью къ капиталу мы встрѣчаемъ и враждебное къ нему отношеніе. Мы видимъ, что всюду, гдѣ капиталъ примѣняется въ цѣляхъ эксплоатаціи наемнаго труда, онъ облагается усиленнымъ налогомъ. Матеріалы, необходимые для промышленности, вода и топливо, рыбные и звѣриные промыслы—все это отпускается и разрѣшается промышленникамъ лишь по повышенной расцѣнкѣ, лишь на „коммерческихъ началахъ" (стр. 14), лишь „соображаясь со спросомъ и предложеніемъ [1]) (стр. 13). Присматриваясь внимательно къ этому двоякому отношенію къ капиталу, мы замѣтимъ, что, въ сущности, рѣчь идетъ о двухъ разныхъ капиталахъ. Въ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ дѣйствительно о капиталѣ, т. е. объ орудіяхъ производства, служащихъ собственникамъ средствами добыванія прибыли изъ живой рабочей силы. Въ первомъ же случаѣ говорится объ извѣстныхъ, незначительныхъ пока, накопленіяхъ, являющихся капиталомъ (зародышемъ капитала) лишь постольку, поскольку они служатъ средствомъ эксплоатаціи однихъ членовъ семьи или товарищества другими. Создается съ самаго начала молодой мелкобуржуазный капиталъ, который кажется мелкому производителю и его идеологу такимъ невиннымъ и справедливымъ—вѣдь онъ тоже „трудового" происхожденія. Въ „трудовое", якобы „уравнительное", общество съ первыхъ же дней вводится контрабандой ферментъ, отрицающій самыя основы „уравнительности", подготовляющій почву для новаго класса капиталистовъ, выростающаго изъ крестьянскаго чернозема. Интеллигентская мысль такъ красиво раздѣлала фасадъ зданія „подъ соціализацію", а собственническая природа мелкаго буржуа, изгнанная въ дверь, открыла себѣ безпрепятственный доступъ въ окно съ задняго двора.

IV.

Мы видѣли, какимъ матеріальнымъ интересамъ соотвѣтствуетъ правовая идеологія „основного закона". Но „законъ" не ограничивается выраженіемъ этихъ интересовъ, не довольствуется переустройствомъ общества на началахъ, полнѣе всего отвѣчающихъ этимъ интересамъ.

---

[1]) Кстати, еще одна странность. Рѣчь идетъ о строительныхъ матеріалахъ. На стр. 38 и 40 мы узнаемъ, что всѣ лѣса, кромѣ необходимыхъ общинамъ для собственныхъ надобностей, и вся добыча камней для подѣлокъ переходятъ къ верховной власти. Она будетъ, слѣдовательно, пользоваться правомъ монополіи. „Спросъ" установятъ потребители, а кто же установитъ „предложеніе", разъ предлагающій—монополистъ?

Digitized by Google

Онъ старается намѣтить и предрѣшить пути будущаго общества. И здѣсь творческой мысли идеологовъ предстоитъ новое испытаніе.

Однако, всматриваясь въ „проектъ закона о землѣ", мы видимъ, что пути будущаго развитія намѣчаются вовсе не на основаніи анализа силъ предполагаемаго общества, а привносятся изъ совершенно другой области. Общественному состоянію, соотвѣтствующему въ главныхъ чертахъ интересамъ опредѣленнаго класса, предписываются пути развитія, вовсе не вытекающіе изъ этихъ интересовъ. Общество индивидуальныхъ мелкихъ производителей, какъ таковое, не способно къ развитію. Предѣлы его совершенствованія—при сохраненіи его экономическихъ основъ—очень узки, и они намѣчены и исчерпаны проектомъ. Повышеніе интенсивности труда, повышеніе производительности почвы и орудій безспорно возможны, но они возможны лишь въ предѣлахъ физическихъ силъ индивида (или семьи) и техническаго совершенства мелкихъ орудій, доступныхъ индивидуальному производителю. Примѣненіе орудій высокой производительности выгодныхъ лишь на большой рабочей площади, а тѣмъ болѣе замѣна мускульной силы механическими двигателями мелкому хозяйству недоступны. Пока формой землепользованія остается обособленное мелкое хозяйство, никакая общественная помощь не сможетъ способствовать его развитію дальше его естественныхъ и очень узкихъ предѣловъ. Общество мелкихъ производителей можетъ развиваться лишь путемъ отказа отъ своей экономической основы, лишь по мѣрѣ разложенія частнаго мелкаго землепользованія, по мѣрѣ замѣны его высшими формами общественной организаціи труда. Мелкое хозяйство должно выродиться въ крупное, коллективное хозяйство, или оно грозитъ обществу застоемъ.

„Вотъ именно,—говорятъ авторы проекта,—поэтому мы и намѣчаемъ эти высшія формы коллективной организаціи труда". И они дѣйствительно подходятъ къ попыткѣ насажденія коллективныхъ формъ труда съ двухъ сторонъ. Присмотримся къ этимъ попыткамъ. Одинъ путь—это путь обобществленія крупно-капиталистическихъ предпріятій въ сельскомъ хозяйствѣ. „Въ непосредственное распоряженіе верховной народной власти,—читаемъ мы на стр. 36,—или черезъ нее областнымъ земствамъ поступаютъ всѣ особенно цѣнныя угодья, какъ парки, сады, виноградники и т. п.; также оставляются въ общественномъ управленіи для устройства... государственныхъ и земскихъ хозяйствъ, учебныхъ и ученыхъ учрежденій и т. п. всѣ благоустроенныя частновладѣльческія имѣнія, ведшія хозяйство собственнымъ инвентаремъ". Итакъ, сразу всѣ дѣйствительно капиталистическія сельскохозяйственныя предпріятія поступаютъ въ завѣдываніе общественныхъ учрежденій [1]). Но они не превращаются въ това-

[1]) Еще одинъ курьезъ. Въ административномъ отношеніи страна дѣлится, согласно проекту, на 1) „верховную народную власть", 2) областныя земства, 3) окружныя земства и 4) уѣздныя земства. И вотъ мы

Digitized by Google

рищескія предпріятія, въ которыхъ рабочіе являлись бы хозяевами. Нѣтъ, хозяйство въ нихъ ведется на капиталистическихъ основаніяхъ. Такъ, на стр. 27-ой мы узнаемъ, что верховная власть устанавливаетъ „максимумъ и минимумъ нормъ прибыля народно-общественныхъ хозяйствъ", т. е. предпріятія основаны на эксплоатаціи наемнаго труда, неоплаченный прибавочный трудъ создаетъ прибыль, поступающую въ общественную кассу изъ которой выдаются ссуды, пособія и т. п. мелкимъ производителямъ. Эта же верховная власть устанавливаетъ „минимумъ заработныхъ платъ. максимумъ и минимумъ участія всѣхъ работающихъ въ прибыляхъ". Капиталистическій характеръ эксплоатаціи „народно-общественныхъ хозяйствъ" несомнѣненъ. Къ тому же эти хозяйства ведутся не только въ цѣляхъ поднятія уровня культуры; наряду съ образцовыми хозяйствами, служащими этой цѣли, общественныя учрежденія сами ведутъ производства „спеціальныя или новыя, особенно крупныя, соединенныя съ крупными обрабатывающими производствами, каковы: винокуреніе, пивовареніе, винодѣліе, сахороваренiе, крахмальные заводы и т. п.". Если къ этому прибавить, что общество монополизируетъ добываніе „руды металловъ и самыхъ металловъ, цѣнныхъ и драгоцѣнныхъ камней, нефти и ея продуктовъ (керосина и пр.), соли, минеральныхъ удобреній, минеральныхъ водъ, глины для подѣлокъ и т. п.", то соціальный характеръ этого „народно-общественнаго" хозяйства станетъ ясенъ: общество мелкихъ производителей эксплоатируетъ наемный трудъ рабочаго въ интересахъ мелкаго производителя. Прибыль, добываемая изъ этихъ капиталистическихъ предпріятій, поглощается, главнымъ образомъ, этимъ господствующимъ классомъ [1]). Итакъ, значительная часть добывающей и обрабатывающей промышленности организована какъ капиталистическое предпріятіе въ рукахъ класса мелкихъ индивидуальныхъ производителей.

Другой путь насажденія коллективнаго труда—это путь организаціи товариществъ индивидуальныхъ производителей. Такія товарищества пользуются всѣми льготами мелкихъ „трудовыхъ" хозяевъ. Насколько можно

узнаемъ, что въ распоряженіе верховной власти поступаютъ имѣнія болѣе 10.000 дес., въ распоряженіе областного земства—отъ 1.000 до 10.000 дес., окружного—ниже 100 (1000 ?), уѣздное совсѣмъ ничего не получаетъ. Это педантское раздѣленіе по ступенямъ напоминаетъ разсказъ про кардинала Ришелье, который очень любилъ кошекъ, и для свободнаго передвиженія ихъ велѣлъ сдѣлать въ дверяхъ два отверстія: большое для большихъ кошекъ, маленькое—для маленькихъ. Кардиналъ упустилъ изъ виду, что маленькая кошка свободно пролѣзетъ въ большую дыру.

[1]) Припомнимъ, что мелкіе производители (мелкая буржуазія) пользуются *дешевой*, а во многихъ случаяхъ, и *даровой* помощью со стороны государства, что имъ отпускаются продукты по *заготовительной* цѣнѣ, что ихъ предпріятія облагаются *ниже* и т. д.

Digitized by Google

судить, схема развитія этого общества рисуется авторамъ законопроекта приблизительно слѣдующимъ образомъ. Мелкіе производители, культурный уровень которыхъ будетъ поднятъ цѣлымъ рядомъ экономическихъ и образовательныхъ мѣропріятій, поймутъ всѣ выгоды для общества коллективнаго производства въ крупныхъ размѣрахъ, какъ оно представлено въ „народно-общественныхъ" предпріятіяхъ. Они начнутъ тогда объединяться въ товарищества, пользуясь кредитомъ и льготами со стороны общественныхъ учрежденій, они поднимутъ уровень хозяйственной культуры, переходя отъ мелкаго индивидуальнаго хозяйства къ крупному коллективному. И когда все общество (или преобладающая часть его) будетъ перестроено на этихъ новыхъ началахъ, тогда и эксплоатація наемнаго труда въ общественныхъ предпріятіяхъ отпадетъ, рабочіе превратятся въ хозяевъ, капиталистическое хозяйство—въ товарищеское. Общество перейдетъ къ соціализму безболѣзненно, безъ потрясеній, путемъ мирной побѣды принципа общественности надъ принципомъ индивидуализма.

Эта заманчивая картина разоблачаетъ тотъ идеалистическій и утопическій путь мышленія, который привелъ соц.-революціонную интеллигенцію къ подобному построенію общественнаго развитія. Весь этотъ ходъ развитія къ соціализму, бѣлыми нитками пришитый къ обществу мелкихъ производителей, исходитъ изъ одной предпосылки: что можно измѣнить общественный строй путемъ одной лишь пропаганды хорошихъ идей, что можно убѣдить широкія массы въ чемъ-то, что не вытекаетъ съ необходимостью изъ ихъ положенія, что не подсказывается ихъ реальными интересами. Успѣхъ всякой пропаганды, всякаго идейнаго воздѣйствія обезпеченъ лишь постольку, поскольку матеріальныя условія даннаго класса подготовляютъ почву для воспріятія этихъ идей. Между тѣмъ, какой строй мысли можетъ сложиться на почвѣ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя предполагаются „основнымъ закономъ"? На почвѣ мелкаго индивидуальнаго хозяйства можетъ сложиться только психологія мелкаго хохозяйчика-индивидуалиста, психологія мелкаго собственника. Нужды нѣтъ, что земля будетъ изъята изъ частной собственности. Мы уже видѣли, что право частной собственности на землю не является необходимымъ условіемъ для буржуазнаго типа землепользованія. Развѣ массы мелкихъ арендаторовъ въ Англіи, Ирландіи, Бельгіи и т. д. не проникнуты типичнѣйшей психологіей мелкихъ собственниковъ, хотя и лишены собственной земли? Въ капиталистическомъ обществѣ, состоящемъ изъ товаропроизводителей, рѣшающую роль играетъ обладаніе орудіями производства, характеръ производственныхъ отношеній. И сколько бы мы ни націонализировали, муниципализировали, соціализировали землю, пока капиталъ и наемный трудъ будутъ существовать въ земледѣліи, будутъ существовать и бороться буржуазная и пролетарская психологія; пока будетъ существовать мелкое индивидуальное хозяйство, будетъ существовать и мелкобуржуазная психоло-

Digitized by Google

гія. Поэтому и переворотъ, предполагаемый проектомъ закона о землѣ нисколько не устранитъ матеріальныхъ предпосылокъ мелкобуржуазной психологіи, а, слѣдовательно, и ея самой. Напротивъ, превращая массу населенія въ мелкихъ производителей, онъ насаждаетъ эту психологію. Онъ укрѣпляетъ ее, противопоставляя ей, съ одной стороны, капиталистическую эксплоатацію наемнаго труда въ интересахъ мелкихъ производителей, съ другой—полупролетарское существованіе владѣльцевъ „потребительныхъ" надѣловъ. При новомъ дѣленіи на классы, положенномъ въ основу этого общества, привилегированное положеніе господствующаго класса мелкихъ хозяевъ должно побуждать ихъ не къ уничтоженію этого выгоднаго для нихъ неравенства, а, напротивъ, къ укрѣпленію его, къ увѣковѣченію его. Переходъ отъ столь благопріятнаго положенія господствующаго класса къ соціализму, т. е. къ отказу отъ этого положенія и сліянію съ массой малоимущихъ („потребительная норма") и неимущихъ (наемные рабочіе) въ общемъ братскомъ трудѣ на началахъ соціализма—такой переходъ предполагаетъ не среднюю, „нормальную" психологію производителя, борющагося за свое существованіе и за власть своего класса, а психологію народолюбиваго интеллигента, руководствующагося лишь соображеніями „истины и справедливости". Предпосылка, положенная авторами закона въ основу неизбѣжности (или возможности) соціалистическаго развитія „трудового" общества, не выдерживаетъ критики. Вся постановка вопроса чисто утопическая.

Ходъ развитія, дѣйствительно вытекающій изъ учета всѣхъ силъ въ этомъ предполагаемомъ обществѣ,—если уже допустить реальность самаго этого общества,—совершенно другой. Это—общество мелкихъ *товаро*производителей. Въ обществѣ, гдѣ обрабатывающая промышленность отдѣлена отъ добывающей, гдѣ общественныя повинности и платежи несутся не натурой, а деньгами, всякій производитель есть товаропроизводитель, а, слѣдовательно, подверженъ всѣмъ случайностямъ и колебаніямъ рынка, паденію цѣнъ, кризисамъ и пр. Никакія мѣропріятія не въ силахъ оградить частнаго производителя отъ опасности со стороны рынка. Тогда и разслоеніе населенія—или, говоря языкомъ проекта, переходъ многихъ съ „трудовой" нормы на „потребительную"—явится логической и исторической необходимостью. Болѣе приспособленныя единицы, выживающія въ этой борьбѣ, образуютъ постепенно господствующую мелкобуржуазную аристократію; они смогутъ путемъ общественной помощи и товариществъ (не производительныхъ, а потребительныхъ и торговыхъ) укрѣпить на время свою позицію. Но дальнѣйшимъ шагомъ развитія неизбѣжно явится отмѣна ограниченія размѣровъ землепользованія. Послѣ того, какъ процессъ борьбы превратитъ „трудовую", т. е. привилегированную, часть производителей во все уменьшающуюся часть общества, принципъ ограниченія землепользованія утратитъ свой соціальный смыслъ. Мелкій капиталъ

Digitized by Google

въ земледѣліи, къ которому съ такой предупредительностью относится проектъ закона, будетъ рваться на волю, искать себѣ свободы приложенія и рано или поздно вырвется. Начнетъ создаваться новое общество, основанное на новыхъ классахъ и новыхъ классовыхъ противоположностяхъ, общество чисто буржуазное, демократическое, раздѣлавшееся съ остатками стараго строя привилегій. Соціальный смыслъ всего переворота сведется къ ликвидаціи старыхъ отношеній и расчисткѣ почвы для успѣшнаго развитія производительныхъ силъ.

Мы все время предполагаемъ реальность того строя, который имѣется въ виду проектомъ закона. Организація общества на началахъ „уравнительности"—хотя бы и той двуликой уравнительности, которую мы отмѣтили выше,—предполагаетъ переходъ власти въ руки того общественнаго слоя, который заинтересованъ въ этомъ преобразованіи, т. е. средняго „трудового" крестьянства. Но это крестьянство не является руководящимъ элементомъ въ аграрной революціи. Рядомъ съ нимъ выступаетъ менѣе многочисленное, но болѣе крѣпкое, богатое крестьянство; съ другой стороны идетъ масса деревенской бѣдноты, интересы которой лишь отчасти совпадаютъ съ интересами „трудового" крестьянства. Наконецъ, рядомъ съ крестьянствомъ идетъ несравненно болѣе сознательный и развитой промышленный пролетаріатъ и тяготѣющій къ нему пролетаріатъ сельскохозяйственный. Игра этихъ разнообразныхъ силъ и опредѣлитъ итоги переворота, и, во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что равнодѣйствующая этихъ силъ пойдетъ не по линіи интересовъ „трудового" крестьянства. Мы уже отмѣчали, что это крестьянство представляетъ промежуточный, неустойчивый слой. И психологія его шаткая, неустойчивая. Интересы его требуютъ охранительныхъ мѣръ, обезпеченія характернаго для него способа производства—мелкаго индивидуальнаго производства. И психологіи его чужды завоевательные, творческіе элементы, потребность реорганизаціи общества на началахъ высшей, болѣе прогрессивной, организаціи труда. А такая шаткая, охранительная психологія не пригодна для гегемоніи въ періодъ переворота. Вотъ почему принципъ „уравнительности", т. е. закрѣпленія типа землепользованія, выгоднаго данному слою крестьянства, не имѣетъ шансовъ на успѣхъ. Пестрые интересы союзниковъ по борьбѣ приведутъ только къ общему требованію, поддающемуся вынесенію за скобки—къ передачѣ земли въ руки трудящагося населенія. Характеръ же распредѣленія земли и землепользованія сложится, конечно, различно въ разныхъ мѣстностяхъ. Наиболѣе же вѣроятный исходъ—это раздѣлъ въ частную собственность. И то самое „трудовое" крестьянство, которое готово теперь видѣть въ „соціализаціи" дѣйствительное осуществленіе своихъ интересовъ, само ухватится за болѣе надежное право частной собственности.

Мысль создать такой общественный строй, въ которомъ мелкое индивидуальное хозяйство могло бы существовать, не опасаясь ни рынка, ни

Digitized by Google

пасти капитализма, сама по себѣ утопична. Но эта утопія не является только плодомъ отвлеченной идеологіи. Она соотвѣтствуетъ реальному положенію даннаго класса—положенію мелкаго производителя въ капиталистическомъ обществѣ. Классъ, обреченный на вымираніе самымъ ходомъ развитія, классъ, который можетъ развиваться, лишь разрушаясь,—не находитъ въ реальной дѣйствительности средствъ огражденія себя отъ гибели. Всякая попытка создать условія, обезпечивающія спокойное существованіе этого класса, должна оперировать фантастическими, утопическими элементами. Реальное положеніе класса мелкихъ производителей обусловливаетъ утопическую идеологію.

Но народолюбцы-идеологи громоздятъ на эту утопію другую утопію, не имѣющую уже ничего общаго съ реальными интересами даннаго класса. Изъ утопическаго царства благоденствія мелкаго производителя они пытаются перекинуть утопическій мостъ въ царство соціализма. Соціалистическая совѣсть народолюбивой интеллигенціи не можетъ примириться съ мелкобуржуазнымъ равновѣсіемъ,—она старается узрѣть въ немъ преддверіе соціализма. Получается та картина, которую мы намѣтили въ началѣ статьи: отвлеченная интеллигентская мысль разукрасила матеріальный остовъ интересовъ мелкой буржуазіи соціалистическими орнаментами, и, любуясь ими, наивно вѣритъ, что въ этихъ орнаментахъ вся суть, что они-то и составляютъ сущность дѣла. А практичные „трудовики“-производители цѣнятъ во всей постройкѣ только свое матеріальное жилье, видя въ орнаментаціи лишь нарядную и занятную бездѣлушку. Въ итогѣ напряженныхъ усилій интеллигентской мысли получаются все тѣ же ограниченные интересы мелкаго буржуа.

Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Der immerfort am schalen Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt,
Und froh ist, wenn er Regenwürmer findet.

П. Орловскій.

Digitized by Google

Замѣтки философа.

О настоящихъ анархистахъ.

Вопросъ объ отношеніи міровоззрѣнія анархизма въ собственномъ смыслѣ, т. е. анархизма позитивнаго или „позитивно-утопическаго", какъ выражается г. Чулковъ, типа къ научному соціализму гораздо интереснѣе и безконечно шире, чѣмъ тотъ, который я ставилъ передъ собою въ предыдущей замѣткѣ („Образованіе". Августъ. „Непріемлющіе міра"). Я и не предполагаю подробно разсматривать его сейчасъ,—мнѣ хочется намѣтить только нѣкоторыя коренныя расхожденія между этими двумя передовыми соціально-философскими системами, указать на нѣкоторыя особенности анархизма, дѣлающія его абсолютно непріемлемымъ для послѣдовательнаго соціалиста, проводящія между обоими міросозерцаніями глубокую грань.

Интересъ къ анархизму въ русской публикѣ въ настоящее время несомнѣненъ. На мой взглядъ, это объясняется преимущественно, или исключительно, двумя причинами. Во-первыхъ, великое средство политическаго освобожденія, выдвигаемое соц.-демократіей, еще не назрѣло въ достаточно широкихъ массахъ, другія же средства борьбы въ большей или меньшей степени исчерпаны. Народъ все еще не можетъ разорвать свои цѣпи, но не можетъ и успокоиться въ нихъ хотя бы на время; происходитъ судорожная, разрозненная борьба; протестъ выражается въ рядѣ смѣлыхъ, но неорганизованныхъ дѣйствій. Нѣкоторые усматриваютъ въ этомъ явленіи новый методъ борьбы и чего-то ждутъ отъ него. Быть можетъ, то, что иные именуютъ „партизанской борьбой", можетъ играть нѣкоторую подготовительную роль (что партизанская война можетъ играть весьма существенную и даже необходимую вспомогательную роль *рядомъ* съ организованными формами борьбы—это несомнѣнно), но тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ можно встрѣтить безусловно преувеличенное представленіе о „новыхъ методахъ", оправдываемую изстрадавшимся нетерпѣніемъ склонность принимать симптомъ временнаго безсилія за „новый путь". Можно ли отрицать, что на этотъ „новый путь" послѣдовательнѣе всѣхъ выступили такъ называемые анархисты-коммунисты? Какъ-никакъ, а временная

Digitized by Google

непримѣнимость массовыхъ выступленій, временная замѣна ихъ единичными и мелко-групповыми формами борьбы усиливаетъ партію, которая не обинуясь выдвигала эти формы всегда и всюду. Вторая—болѣе постоянная причина—несомнѣнная и органическая склонность интеллигентнаго пролетарія къ революціонному индивидуализму, получающая гораздо болѣе удовлетворенія въ теоріи и практикѣ анархизма. Значительный процентъ интеллигентныхъ пролетаріевъ въ русскомъ освободительномъ движеніи обезпечиваетъ, какъ мнѣ кажется, за анархизмомъ извѣстную роль.

Что касается толковъ о томъ, что анархизмъ есть искони славянская идея, а научный соціализмъ—этотъ продуктъ германскаго генія—лишь временно привился въ Россіи черезъ посредство евреевъ, то такія гипотезы я считаю совершенно фантастическими. Дѣло не въ національностяхъ, а въ уровнѣ экономическаго развитія страны и классоваго состава арміи революціи.

Леонидъ Андреевъ чутко отразилъ этотъ интересъ къ анархизму въ своей послѣдней драмѣ „Савва". Говорятъ, нашъ интересный художникъ самъ не чуждъ нѣкоторой симпатіи къ послѣдовательному теоретическому анархизму. Можетъ быть, это и такъ. Но „Савва" невольно или противъ воли автора сдѣлался, на мой взглядъ, довольно глубокимъ памфлетомъ *противъ* анархизма.

Герой драмы—неустрашимо послѣдовательный анархистъ—терпитъ пораженіе. Причины пораженія указаны авторомъ довольно отчетливо. Тактика Саввы—это явствуетъ изъ всего хода драмы—съ несомнѣнностью приводитъ неизбѣжно къ пораженію. Вопросъ о томъ, констатируетъ ли это Андреевъ съ болью душевной, такъ какъ никакого другого исхода не видитъ и остается послѣ крушенія саввиныхъ методовъ отчаявшейся жертвою косности и дикости массъ, или же онъ просто отметаетъ радикализмъ Саввы, готовясь поискать другіе не столь краткіе и простые пути, въ концѣ концовъ все же ведущіе къ цѣли,—этотъ вопросъ имѣетъ сейчасъ для насъ самое второстепенное значеніе.

Оговоримся также, что далеко не всѣ анархисты—даже революціонные анархисты—такъ непримиримо радикальны, какъ Савва. Въ Саввѣ многое художественно преувеличено, и его ожесточенный нигилизмъ принимаетъ у большинства анархистовъ несравненно болѣе мягкія формы [1]).

Это, однако, право художника—доводить до конца то, что въ дѣйствительности останавливается въ нѣкоторой нерѣшительности, давать каждой линіи ея естественный полетъ, не считаясь съ тѣмъ, что въ дѣйствительности она поломана или пригнута посторонними ей вліяніями. Савва правильно выражаетъ самую душу анархизма, свойственный анархистамъ весьма категорическій методъ „непріятія міра",—конечно, міра соціальнаго

---

[1]) Еще болѣе преувеличены анархистскія разрушительныя черты Пшибышевскимъ въ его романѣ „Дѣти Сатаны".

Digitized by Google

Саввѣ легко дойти до нигилизма, устраняющаго самого человѣка, и если онъ устраняетъ только всю культуру, оставляя голаго человѣка на голой землѣ, то это потому, что въ немъ еще брезжитъ вѣра въ человѣка, которую утерялъ Гордонъ, герой Пшибышевскаго.

Дурны всѣ дѣла человѣческія, все, что человѣкъ создалъ вокругъ себя. Долой все это, поставить его передъ „tabula rasa", во второй разъ онъ выстроитъ свою культуру лучше. Вотъ характерныя высказыванія на этотъ счетъ самого Саввы:

„Я исходилъ много городовъ и земель, и нигдѣ я не видѣлъ свободнаго человѣка. Я видѣлъ только рабовъ. Я видѣлъ клѣтки, въ которыхъ они живутъ, постели, на которыхъ они родятся и умираютъ; я видѣлъ ихъ вражду и любовь, грѣхъ и добродѣтель. И забавы ихъ я видѣлъ: жалкія попытки воскресить умершее веселье. И на всемъ, что я видѣлъ, лежитъ печать глупости и безумія. Родившійся умнымъ—глупѣетъ среди нихъ; родившійся веселымъ—вѣшается отъ тоски и высовываетъ имъ языкъ. Среди цвѣтовъ прекрасной земли,—ты еще не знаешь, какъ она прекрасна!—они устроили сумасшедшій домъ.

„Увидѣлъ церкви—и каторгу. Увидѣлъ университеты—и дома терпимости. Увидѣлъ фабрики—и картинныя галлереи. Увидѣлъ дворецъ—и нору въ навозѣ. Подсчиталъ такъ, понимаешь, сколько на одну галлерею остроговъ приходится, и рѣшилъ: надо уничтожить все. И мы это сдѣлаемъ. Да, пора намъ посчитаться, пора! И дрянь тогда пропадетъ. Глупые пропадутъ, для которыхъ эта жизнь, какъ скорлупа для рака. Пропадутъ тѣ, кто вѣритъ,—у нихъ отнимется вѣра. Пропадутъ тѣ, кто любитъ старое,—у нихъ все отнимется. Пропадутъ слабые, больные, любящіе покой: покоя, дядя, не будетъ на землѣ! Останутся только свободные и смѣлые, съ молодою и жадною душой, съ ясными глазами, которые обнимаютъ міръ". Будутъ люди лучше, свободнѣе, веселѣе. И, свободные отъ всего, голые, вооруженные только разумомъ своимъ, они сговорятся и устроятъ новую жизнь, хорошую жизнь, Кондратій, гдѣ можно будетъ дышать человѣку".

И въ другомъ мѣстѣ: „Человѣку мѣшаетъ цѣлая гора глупости, накопившаяся за тысячи лѣтъ. Теперешніе умники хотятъ строить на этой горѣ—но, конечно, ничего, кромѣ продолженія горы, не выходитъ. Нужно срыть ее до основанія—до голой земли, понимаете?"

Это непреклонный, рѣшительный анархизмъ, правильно выражающій самую тенденцію, болѣе или менѣе смягченную компромиссами у разныхъ анархистскихъ сектъ, которыя мы наблюдаемъ въ дѣйствительности.

Родился анархизмъ въ бурнхъ Великой революціи одновременно съ коммунизмомъ. Впрочемъ, идеи этого рода бродили и раньше по свѣту, иногда находя даже широкое распространеніе. Но особенно ясную, хотя

Digitized by Google

во многомъ еще несовершенную, формулировку оба міровоззрѣнія нашли въ бабувизмѣ.

Въ 1796 году высокодаровитый Сильвэнъ Марешаль, убѣжденный бабувистъ и членъ „Тайной Директоріи Общественнаго Спасенія", предложилъ на утвержденіе своимъ товарищамъ яркій „Манифестъ равныхъ". Я думаю, что всякій анархистъ безъ труда подписалъ бы и теперь этотъ манифестъ. Между тѣмъ какъ бабувизмъ коммунистическій представляется только геніальнымъ ребенкомъ рядомъ съ зрѣлостью современнаго научнаго соціализма. Въ манифестѣ этомъ мы находимъ два интересныхъ мѣста. Первое гласитъ (ст. 45): „Мы нуждаемся не только въ томъ равенствѣ, которое выражено въ декларацiи правъ человѣка и гражданина, мы хотимъ также равенства въ нашей жизни, подъ крышей нашихъ домовъ. Ради него мы идемъ на все, мы готовы ради него все превратить въ „tabula rasa", чтобы только удержать его. Ради него мы могли бы, если бы это было нужно, уничтожить всѣ искусства, лишь бы намъ осталось фактическое равенство!"

Другое говоритъ (стр. 46): „Пусть исчезнутъ, наконецъ, эти возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, между господами и слугами, между правящими и управляемыми".

Бабефъ и его друзья отвергли манифестъ Сильвэна Марешаля какъ разъ именно изъ-за этихъ мѣстъ. Бабефъ находилъ неразумнымъ, невозможнымъ провозглашать готовность „оставить голаго человѣка на голой землѣ",—ему, не смотря наего пламенную революціонную душу, чуждъ былъ этотъ отвлеченный полетъ всесокрушающей отрицательной логики.—Что лучше?—спросилъ себя, быть можетъ, великій Гракхъ, читая и перечитывая это страшное мѣсто первоучителя Андреевскаго Саввы.—Что лучше? Гибель всей культуры и купленное цѣною общаго ея пониженія равенство, или равенство неполное, частичное, egalitée en marche съ сохраненіемъ результата трудовъ прежнихъ поколѣній?

Вопросъ этотъ могъ стоять передъ Бабефомъ. Для марксиста онъ разрѣшается самъ по себѣ, ибо для него „все искусство (тутъ разумѣется также и техника) является необходимымъ и единственнымъ базисомъ самаго равенства". Бабефъ шелъ гораздо дальше эгалитариста Сенъ-Жюста, онъ обогналъ этого великаго демократа именно въ томъ, что понялъ необходимость такого строя, который *гарантировалъ бы* отъ постоянно вновь возрастающей науперизаціи однихъ и обогащенія другихъ; понялъ несовмѣстимость равенства съ существованіемъ частной собственности, но онъ вовсе не желалъ противопоставлять себя всему и всѣмъ, какъ дѣлаетъ это Савва; онъ *хотѣлъ продолжать строить гору*; ему казалось, что революціонная мысль работаетъ въ его направленіи, что важно имѣть историческій фундаментъ подъ ногами. Онъ писалъ Бодеону: „Развѣ намъ невыгодно показать, что мы не создаемъ ничего новаго, что мы идемъ только по слѣдамъ тѣхъ великихъ защитниковъ народа, которые до насъ

Digitized by Google

поставили своей цѣлью справедливость и счастье, долженствующія сдѣлаться удѣломъ народа?..“ И, крѣпко держась за государство, за демократическое, выборное, но полномочное государство, Бабефъ также былъ вѣренъ завѣтамъ Конвента, продолжая строить гору съ того мѣста, гдѣ бросила ее строить знаменитая „гора“ Конвента.

Марешаль же своимъ уничтоженіемъ „правящихъ и управляемыхъ“, очевидно, велъ къ какому-то хаосу, страшному даже для Бабефа, которому,—какъ всякому хорошему якобинцу,—весьма нечуждо было серьезное недовѣріе къ массамъ, предоставленнымъ самимъ себѣ. Онъ пишетъ въ одномъ декретѣ:

„Общественныя учрежденія будутъ отвѣчать головами своихъ членовъ за общественное спокойствіе въ своихъ округахъ; они должны будутъ безъ замедленія арестовать враговъ народа и обезоружить всѣхъ тѣхъ, которые не объявятъ себя сторонниками революціи, за исключеніемъ санкюлотовъ, неразсудительность которыхъ происходитъ скорѣе отъ недостаточнаго развитія, чѣмъ отъ злой воли“.

Кто же станетъ арестовывать враговъ народа, кто обережетъ темныя пока массы отъ ихъ собственной неразсудительности, какъ не свободные, избранные ими, довѣренные люди, зарекомендовавшіе себя служеніемъ народу патріоты?

Вопросъ о государствѣ или центральной администраціи, какъ и вопросъ о цѣнности культурныхъ пріобрѣтеній прошлаго ставится теперь совершенно иначе. Но уже въ относительномъ историзмѣ отца коммунизма и стремительной непреклонности отца анархизма заложены дальнѣйшія разногласія.

Самое представленіе о революціи и ея роли, о роли насилія въ исторіи рѣзко различаютъ анархистовъ и сторонниковъ научнаго соціализма.

Тутъ существуютъ двѣ крайности. Одна изъ нихъ, величающая себя теоріей строго-эволюціонной, иногда осмѣливается прикрываться именемъ Маркса, или, по крайней мѣрѣ, выдавать свои взгляды за исправленный и очищенный марксизмъ. Эта доктрина любитъ помпезно повторять, что природа не дѣлаетъ скачковъ, что новый строй вещей не наступитъ раньше, чѣмъ старый не отжилъ совершенно („не сказалъ ли Марксъ“ и т. д.), что безумныя попытки форсировать событія приводятъ лишь къ преступно-легкомысленному пролитію крови и т. д. „Экономическая стихія,—вопятъ господа эволюціонисты,—медленно движется впередъ, и только то, что подготовлено ею, находитъ себѣ осуществленіе; съ другой стороны, разъ экономическое развитіе подготовило паденіе стараго режима и наступленіе новаго, то это совершается неизбѣжно, и поэтому нелѣпо проявлять при этомъ чрезмѣрную энергію, которая можетъ только испортить дѣло. Тотъ же эволюціонизмъ наряжается иногда и въ болѣе вульгарное платье: народъ долженъ быть просвѣщенъ; пока онъ недостаточно просвѣщенъ—

Digitized by Google

всякое революціонное движеніе опасно и приводитъ къ бѣдствіямъ, а когда онъ будетъ достаточно просвѣщенъ, о! тогда все совершится само собой, мирно, порядочно и безкровно.

Но будемъ держаться первой эволюціонной теоріи, раскрашенной подъ марксизмъ. Тутъ кроется одна курьезная штука, совершенно подобная знаменитому въ одно и то же время революціонному и антиреволюціонному софизму: „Нѣтъ власти не отъ Бога!“ Когда новая власть именемъ Конвента рубитъ голову старой власти, — какой ироніей можетъ звучать въ устахъ новой власти это положеніе: „Дорогой Капетъ, что подѣлаешь! Нѣтъ власти не отъ Бога, смирись же передъ волею Господней!“ Такимъ же безпардоннымъ софизмомъ, такой же двусмысленностью является и сущность пресловутаго „эволюціоннаго“ правила: „Не опережай событій, не производи безумныхъ *преждевременныхъ* попытокъ радикально измѣнить существующій порядокъ“. Когда революціонное движеніе разбито, съ какимъ наслажденіемъ эти политическіе скопцы всласть раздѣлываютъ „руководителей“, которые, „не считаясь съ вѣчными законами исторіи, осмѣлились и пр.“... А если эти несчастные руководители къ тому же еще марксисты, какъ удобно грозить имъ всѣми томами сочиненій учителя и вопить о ихъ бланкистской ереси. Но удайся движеніе (которое, между прочимъ, возникаетъ всегда независимо отъ воли этихъ „отвѣтственныхъ“ руководителей), удайся оно,—и передъ нимъ тѣ же мудрецы поползутъ на животѣ, будутъ кричать о „славной“ революціи и премудро толковать: „Вотъ такую революцію и мы одобряемъ, потому что ея успѣхъ доказываетъ ея соотвѣтствіе ходу вещей... Это, въ сущности, и не революція, а лишь нѣсколько ускоренная форма той же эволюціи!“

Похожъ ли этотъ соціальный автоматизмъ на революціонный марксизмъ, на ученіе того Маркса, который цѣликомъ подписывался подъ девизомъ Дантона: „Смѣлость, смѣлость и смѣлость!“

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что взятая въ цѣломъ всякая неудачная, какъ и всякая удачная революція находитъ свое исчерпывающее объясненіе въ „общемъ соціальномъ состояніи и въ условіяхъ жизни націй, затронутыхъ потрясеніемъ“, какъ говоритъ Марксъ въ „Революціи и контръ-революціи“. Но возможность заднимъ числомъ найти соціологическое объясненіе успѣховъ и пораженій революціи отнюдь не осуждаетъ активныхъ участниковъ ея на созерцаніе фатальнаго процесса, отнюдь не можетъ вдохнуть въ нихъ печальное равнодушіе къ техническимъ пріемамъ: революція, молъ, вывезетъ, не форсируйте ее только, идите съ ней вровень, а она, голубушка, своего добьется! Да, она добьется своего, но въ объясненіе того, насколько труденъ или легокъ былъ процессъ революціонной ломки старыхъ порядковъ, историку придется притянуть и факты большей или меньшей сознательности массъ, отсутствіе или наличность партій, стоявшихъ на высотѣ пониманія задачъ, обладавшихъ достаточной смѣ-

Digitized by Google

лостью и достаточно широкимъ вліяніемъ, чтобы во-время призвать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и умѣло руководить ими.

Въ письмѣ къ Кугельману К. Марксъ писалъ по поводу Коммуны.

„Строить міровую исторію было бы очень просто, если бы борьба велась только подъ условіемъ непогрѣшимо благопріятныхъ стеченій обстоятельствъ. Съ другой стороны, она имѣла бы мистическій характеръ, если бы „случайности“ не играли никакой роли. Эти случайности входятъ, конечно, сами составной частью въ общій ходъ развитія, уравновѣшиваясь другими случайностями. Но ускореніе и замедленіе въ сильной степени зависитъ отъ этихъ „случайностей“, между которыми фигурируетъ также и тотъ „случай“, каковъ характеръ людей, стоящихъ въ началѣ во главѣ движенія“.

Конечно, самая сознательность опредѣляется общими условіями жизни; конечно, самая наличность такихъ людей и партій дается всѣмъ прошлымъ данной націи, но какое отношеніе къ практической политической задачѣ имѣетъ констатированіе *этого* факта? Люди дѣлаютъ исторію. При этомъ люди эти сами сдѣланы исторіей. Точно. Какъ соціологъ, я весь долженъ отдаться задачѣ,—какъ сдѣланы были исторіей люди данной эпохи? Какъ политикъ-практикъ, я весь долженъ отдаться вопросу,—какъ людямъ получше дѣлать свою исторію?

Въ этомъ мѣстѣ „послѣдовательный и истинный“ марксистъ скептически улыбается. „Итакъ,—спрашиваетъ онъ иронически,—какъ только мы становимся практиками, мы можемъ забросить нашу историко-философскую доктрину, побоку историческій матеріализмъ?“

Удариться въ эту другую крайность, въ соціологическій субъективизмъ, а практически—въ революціонный авантюризмъ, дѣйствительно, крайне легко. Но поищемъ середины у самого Маркса. Этой серединой для практика будетъ, очевидно, рѣшительное и горячее участіе въ происходящихъ событіяхъ, причемъ дѣятель обязанъ считаться съ данными ему условіями, стараться развить имѣющіяся налицо историческія тенденціи, довести до наибольшей ясности сознаніе массъ, такъ какъ въ немъ—ключъ всей позиціи; не отрываться отъ этихъ массъ, но неуклонно подымать эти массы, а не приноравливаться къ ихъ уровню.

Въ той же „Революціи и контръ-революціи“, гдѣ Марксъ такъ рѣзко обрушивается на людей, сваливающихъ вину за неудачи революціи на ошибки отдѣльныхъ лицъ, онъ ставитъ такой вопросъ (стр. 273): „Какъ могло случиться, что тридцать шесть милліоновъ, хотя они блуждали въ безпросвѣтныхъ потемкахъ, вдругъ были призваны къ тому, чтобы самостоятельно опредѣлить подобающій путь; и какъ могло случиться, что они *ошиблись* въ пути“. Ища соціологическаго объясненія для отсталости массъ, Марксъ ни на минуту не отрицаетъ огромнаго значенія ихъ революціонной просвѣщенности. Особенно подчеркиваетъ Марксъ роль сознанія

Digitized by Google

въ противовѣсъ чистой стихійности, напримѣръ, такой фразой (стр. 285): „Населеніе Вѣны, которое въ промышленномъ отношеніи не уступаетъ, пожалуй, никому другому въ Германіи, которое далеко превосходитъ другихъ по живости, мужеству и революціонной энергіи, несмотря на то, характеризовалось невѣжествомъ относительно своихъ истинныхъ интересовъ и сдѣлало во время революціи больше ошибокъ, чѣмъ населеніе другихъ мѣстъ. Это въ очень значительной мѣрѣ приходится приписать почти полному невѣжеству въ самыхъ заурядныхъ политическихъ вопросахъ, въ которыхъ правительство Меттерниха умѣло держать населеніе“.

Далѣе Марксъ, будучи противъ сваливанія отвѣтственности на личныя ошибки, твердо зная, что самыя ошибки руководителей различныхъ классовъ продиктованы особенностями ихъ классовой позиціи, отнюдь не уклоняется отъ того, чтобы даже въ соціологическомъ изслѣдованіи указать значеніе этихъ ошибокъ. Ошибки либераловъ были въ то время неизбѣжны, но предвидѣть ихъ теперь, стараться предостеречь отъ нихъ народъ теперь совершенно необходимо. Марксъ клеймитъ политику либераловъ, несмотря на всю ея историческую неизбѣжность и обусловленность. Не говоритъ ли онъ о нѣмецкихъ либералахъ (стр. 318): „Въ исторіи никогда еще и никакая другая партія не совершала такого предательства по отношенію къ своимъ лучшимъ союзникамъ, къ самой себѣ; и какія бы униженія и кары ни предстояли еще этой буржуазной партіи, она вполнѣ заслужила ихъ“.

Въ этой самой книгѣ Маркса, гдѣ съ такой ясностью высказывается мысль о соціологической обусловленности судебъ революціи, Марксъ даетъ рядъ „бланкистскихъ совѣтовъ“ и, конечно, совѣты эти, въ свою очередь выросшіе изъ той же дѣйствительности, являются новой силой, просвѣщающей и вождей, и массы. Марксъ гремитъ (стр. 322): „Вмѣсто того, чтобы окружить себя силой вооруженнаго народа, оно (франц. собраніе) переходило къ очереднымъ дѣламъ отъ всѣхъ актовъ насилія, учиняемыхъ правительствомъ.

„Это собраніе въ началѣ революціи было страшнымъ привидѣніемъ для всѣхъ германскихъ правительствъ. Правительства ожидали отъ него совершенно диктаторскихъ и революціонныхъ дѣйствій именно потому, что оставили въ туманѣ вопросъ о его компетенціяхъ. Чтобы сократить вліяніе этой ужасной корпораціи, они раскинули обширную сѣть интригъ. Но у нихъ было счастья больше, чѣмъ ума: въ дѣйствительности, собраніе само исполняло дѣло правительствъ лучше, чѣмъ то могли бы сдѣлать они сами“. И далѣе Марксъ указываетъ и на неизбѣжнѣйшій результатъ этихъ ошибокъ (стр. 359): „Когда правительство объявило палату распущенной, она постановила объявить дальнѣйшее взиманіе налоговъ незаконнымъ и члены палаты разсѣялись по странѣ, чтобы организовать отказъ отъ налоговъ. Но потомъ они открыли, что печально ошиблись въ выборѣ

Digitized by Google

средствъ. Послѣ нѣсколькихъ тревожныхъ недѣль, за которыми слѣдовали суровыя мѣры правительства противъ оппозиціи, всѣ оставили мысль отказываться отъ уплаты налоговъ въ угоду этому мертвому собранію, у котораго не хватало мужества даже для самообороны"... „Въ революціи, какъ и въ войнѣ, всегда необходимо бороться съ врагомъ, и нападающій всегда оказывается въ болѣе выгодномъ положеніи; въ революціи, какъ и въ войнѣ, безусловно необходимо въ рѣшительный моментъ все ставить на карту, какъ бы ни складывались шансы борьбы. Исторія не знаетъ ни одной успѣшной революціи, которая не свидѣтельствовала бы о правильности этого положенія".

И въ заключеніе я не могу не привести здѣсь страницы, полной „бланкистской" мудрости, отъ которой вѣетъ настоящей „стихіей безумія"... страницы, которая открываетъ революціонную сторону марксизма съ яркостью пожара (стр. 360): „Когда наступилъ рѣшительный моментъ, когда Врангель во главѣ сорока тысячъ человѣкъ постучалъ въ ворота Берлина, онъ, вопреки своимъ ожиданіямъ, увидѣлъ не улицы, сплошь загражденныя баррикадами, и не окна, превращенныя въ безчисленныя бойницы, а встрѣтилъ открытыя ворота и на улицахъ, въ качествѣ единственной помѣхи движенію, мирныхъ берлинскихъ буржуа, безъ конца забавлявшихся надъ продѣлкой, которую они подготовили Врангелю, сами отдавшись изумленнымъ солдатамъ связанными по рукамъ и ногамъ. Совершенно справедливо, что если бы собраніе и народъ оказали сопротивленіе,—они могли быть разбиты; Берлинъ могли подвергнуть бомбардировкѣ, многія сотни были бы убиты, не воспрепятствовавъ окончательному торжеству королевской партіи. Но это еще не основаніе для того, чтобы немедленно слагать оружіе. Пораженіе послѣ упорной борьбы — фактъ не менѣе революціоннаго значенія, чѣмъ легко выигранная побѣда. Пораженія—парижское въ іюнѣ и вѣнское въ октябрѣ 1848 года—во всякомъ случаѣ сдѣлали несравненно больше для революціонизированія головъ населенія въ этихъ двухъ городахъ, чѣмъ февральская и мартовская побѣды. Возможно, что собраніе и населеніе Берлина раздѣлили бы судьбу двухъ только-что упомянутыхъ городовъ; но они пали бы со славой и оставили бы въ умахъ пережившихъ событія требованіе мести, которое въ революціонныя времена является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ побужденій къ энергичной, страстной дѣятельности. Во всякой борьбѣ совершенно неизбѣжно, что тотъ, кто поднимаетъ перчатку, подвергается опасности быть побѣжденнымъ; но развѣ это основаніе для того, чтобы съ самаго начала объявить себя разбитымъ и подчиниться, не извлекая меча?"

И тѣмъ не менѣе, революціонный марксизмъ далекъ отъ революціоннаго раціонализма. Онъ не знаетъ такихъ абсолютныхъ средствъ, которыя вогнали бы идеалъ въ жизнь, которыя сорвали бы жизнь съ тѣхъ рельсъ, по которымъ она катится, внезапно направили бы ее по пути, указуемому

Digitized by Google

чистымъ разумомъ или чистою фантазіей опередившаго вѣкъ мудреца или безумнаго мечтателя. Нигдѣ, мнѣ кажется, не подчеркнута такъ ясно эта историческая, реалистическая сторона марксизма, какъ въ похвалѣ Маркса коммунѣ, и то, что похвала эта относится къ самому рѣшительному и дерзновенному выступленію пролетаріата, какое имѣло до сихъ поръ мѣсто, придаетъ ему особую яркость. Марксъ писалъ о коммунѣ и ея планахъ: „Рабочему классу не приходилось осуществлять какой-нибудь идеалъ, ему надо было лишь освободить элементы новаго общества, уже развившагося внутри разрушающагося стараго". Нечего говорить, что тѣмъ самымъ рабочій классъ какъ разъ и осуществлялъ свой идеалъ или весьма къ нему приближался, но тѣмъ не менѣе совершенно очевидно изъ этого положенія Маркса, какъ то, что идеалъ, не опирающійся на объективный ходъ развитія, неосуществимъ, такъ и то, что, кромѣ этого объективнаго развитія, возможно и необходимо цѣлесообразное вмѣшательство сознательнаго революціоннаго пролетаріата, освобождающаго элементы новаго строя, т. е. ускоряющаго процессъ. Само это ускореніе, самъ ускоритель *соціологически* войдутъ безъ остатка въ картину закономѣрнаго развитія общества, но *практически* партія или сознательный классъ *выдѣляетъ* себя изъ „хода вещей", какъ освободительную силу, не приспособляется къ нему, какъ того хотятъ оппортунисты, но и не „не пріемлетъ" его, не претъ противъ рожна, какъ хотятъ раціоналисты, а воздѣйствуетъ на него, стремясь возможно скорѣе, сильнѣе и дальше подвинуть его впередъ.

Такимъ образомъ, приведенныя нами выше слова Саввы о горѣ какъ нельзя лучше оттѣняютъ эту историко-философскую разницу обоихъ міровоззрѣній. Общество для марксиста есть какъ бы растущее дерево; желаниое грядущее питается его соками, закономѣрно изъ него развивается, критическая мысль и воля, революціонная энергія массъ—все это входитъ необходимыми элементами въ эту самовозрастающую гору, составляетъ живую часть ея—живой. Анархистъ же,—будь онъ типъ разрушителя неумолимо-насильственнаго, или изъ тѣхъ, которые по незлобливости своей не могутъ ѣсть ничего, кромѣ грибовъ,—всегда разсматриваетъ исторію человѣчества, какъ одну простую, или, вѣрнѣе, сложную *ошибку*.

Причину всѣхъ золъ Савва видитъ въ „неизбывной человѣческой глупости".

„Есть кое-что похуже неизбывныхъ человѣческихъ страданій,—говоритъ онъ,—неизбывная человѣческая глупость... Первое время, когда я читалъ ихъ газеты, я смѣялся и думалъ, что это нарочно, что это издается въ какомъ-нибудь сумасшедшемъ домѣ для сумасшедшихъ. Но нѣтъ, это серьезно! И тогда моей мысли стало больно, невыносимо больно".

Кто далъ право Саввѣ судить такимъ образомъ весь родъ человѣческій? Объ этомъ онъ не спрашиваетъ, онъ увѣренъ въ непогрѣшимой автори-

Digitized by Google

тетности своей критической мысли, въ своемъ правѣ „учить огнемъ“ глупыхъ барановъ. Критическая мысль марксиста сама общественна, онъ ее расматриваетъ, какъ отраженіе въ его головѣ назрѣвшихъ въ обществѣ измѣненій; критическая мысль анархиста довлѣетъ себѣ и поэтому естественными являются тѣ проблески міроразрушающаго нигилизма, которые мы замѣчаемъ у Саввы. Разумъ вправѣ судить fiat ratio, pereat gens humana. И это тѣмъ болѣе естественно, что кто-то поручился анархисту, что послѣ разрушенія нынѣшней цивилизаціи наступитъ лучшая.

Бакунинъ крѣпко вѣрилъ въ прирожденную анархичность народа, но и онъ договаривался до пугающей мысли о цѣломъ рядѣ новыхъ и новыхъ разрушающихъ революцій, пока не установится, наконецъ, желаемый порядокъ. А если люди такъ и не сумѣютъ жить согласно разуму благородныхъ мечтателей?

Тогда долой ихъ! „Когда дѣло идетъ о существованіи человѣка,—говоритъ Савва,—тутъ уже не приходится жалѣть объ отдѣльныхъ экземплярахъ. Только бы самъ выдержалъ... Ну, а не выдержитъ, туда, значитъ, ему и дорога,—не въ свои, значитъ, сани сѣлъ. Міровая ошибочка произошла.“

На вопросъ Кондратія, что будетъ, если человѣкъ все же повернетъ на старое?—Савва отвѣчаетъ:

„Тогда совсѣмъ надо его уничтожить. Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ ему жизнь не удалась, пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ—и это будетъ благородно, и тогда можно будетъ и пожалѣть его, великаго осквернителя и страдальца земли!..“

Сущность метафизической глупости человѣческой Савва видитъ въ поклоненіи людей вещамъ.

„Остерегайся вещей! Ты не смотри, что онѣ молчатъ—онѣ хитрыя и злыя. И ихъ нужно уничтожить“.

Тутъ Савва правъ. Дѣйствительно, власть капитала-товара, власть вещи надъ личностью—есть проклятіе капитализма, если разсматривать его съ „моральной“ точки зрѣнія. Но Саввѣ, какъ и анархистамъ, не приходитъ въ голову разсмотрѣть процессъ эволюціи „вещи“. Въ анализѣ этой эволюціи Марксъ нашелъ увѣренность въ побѣдѣ человѣка надъ вещью. Савва же не надѣется обуздать вещь и хочетъ разрушить ихъ всѣ—вплоть до произведеній Пушкиныхъ и Тиціановъ. Конечно, рѣдкій анархистъ дойдетъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ, но мысль о всеобщемъ разрушеніи гнилой и ошибочной культуры составляетъ душу, внутреннюю тенденцію революціоннаго анархизма. Естественно, что живые анархисты входятъ въ компромиссы и готовы принять ту или иную часть этой культуры.

Анархисты-теоретики, сохраняя всѣ недостатки абстрактнаго утопическаго раціонализма, зачастую обладаютъ какимъ-то почти телячьимъ доброду-

Digitized by Google

шіемъ. Между тѣмъ довести анархическую мысль до конца, до мрачнаго величія, до чернаго блеска какого-то ангела суда надъ нынѣшнимъ порядкомъ можетъ только изболѣвшій человѣкъ, не головой, а всѣмъ своимъ кровью истекающимъ сердцемъ осудившій.

Какой-нибудь вѣковѣчный безработный, потерявшій дѣтей и жену отъ голоднаго тифа; мелкій ремесленникъ, выкинутый на мостовую; бродяга, затравленный какъ волкъ; интеллигентъ, которому за кусокъ хлѣба наплевали въ самую душу,—вотъ кто можетъ быть анархистомъ не на словахъ, а на дѣлѣ; вотъ кто можетъ идти съ Саввой.

Потому-то сила, непреклонность, увѣренность и неподкупность саввиной мысли объясняется тѣмъ, что поддерживаетъ ее далеко не только радужный ангелъ грезы о будущемъ, не только милосердный ангелъ состраданія къ братьямъ-безумцамъ, но и несравненно болѣе крѣпкая рука, рука демона мести.

САВВА. „Я—мститель. За моей спиной все удушенное вами. Ага! Блудили себѣ потихоньку и думали: никто не узнаетъ, ничего, обойдется понемногу. Лгали, безстыдствовали, кривлялись передъ своими алтариками и безсильнымъ богомъ и думали: ничего, бояться некого, мы здѣсь одни. А вотъ пришелъ человѣкъ и говоритъ: отчетъ! Что сдѣлали, ну-ка? Отчетъ давайте, ну? Да безъ мошенничества, я васъ знаю! За каждаго потребую! Ни одной кровинки не прощу! Ни одной слезы вамъ не оставлю!

Нѣтъ, сестра, жизнь коротка и тратитъ ее на диспуты съ баранами я не намѣренъ. Огнемъ ихъ надо! Огнемъ! Пусть надолго запомнятъ день, когда пришелъ на землю Савва Тропининъ!“

Жажда мести, личнаго удовлетворенія, хотя бы цѣною собственной гибели въ бою съ врагами, сознаніе краткости личной жизни! Придите къ человѣку съ изболѣвшей отъ невыносимаго, бѣшенаго гнѣва душой, къ человѣку, изнемогающему отъ ненависти, учите его медленнымъ путямъ научной тактики, провидящей цѣль въ десятилѣтіяхъ, а то и вѣкахъ—онъ пошлетъ васъ къ чорту и схватится за то оружіе, которое можно пустить въ ходъ сейчасъ.

Чудотворная икона какъ бы символизируетъ собою власть вещей надъ людьми. Вещь, сдѣланная рукой человѣческой, является предметомъ умиленнаго преклоненія тысячъ простыхъ умовъ и сердецъ. И Савва начинаетъ съ этого рѣзко-замѣтнаго факта общаго идолопоклонства: пусть знаютъ, что динамитъ сильнѣе иконы, а человѣкъ сильнѣе динамита.

Саввѣ нѣтъ дѣла до того, какъ произошла и на чемъ зиждется эта форма человѣческой „глупости“. Для него это „глупость“—и только.

Надо научить, но самый лучшій и быстрый учитель—огонь.

Между тѣмъ, какъ сказалъ Ламмене, убѣжденія похожи на гвоздь: чѣмъ крѣпче и чаще ихъ бьютъ, тѣмъ глубже вколачиваютъ. Можно было съ увѣренностью сказать, что икона побѣдитъ Савву. Андреевъ велико-

Digitized by Google

лѣпно отмѣтилъ, что чудо *должно* было совершиться, что ему *должны* были повѣрить. Прожженный и проплеванный Кондратій, самъ видѣвшій, какъ совершилось „чудо“, вѣритъ въ него, потому что старое благоговѣніе всплываетъ на поверхность его мелкой души. Иродъ, бичующій насмѣшками монаховъ, первый бьетъ Савву и въ его лицѣ Савву бьетъ само страданіе мужицкое. На примѣрѣ, выбранномъ Андреевымъ, дѣйствительно легко показать безплодность порывистой, разрушающей, огнемъ поучающей тактики, единственно соотвѣтствующей, однако, точкѣ зрѣнія критическаго разума, какъ просвѣтителя міра, если, конечно, эта точка зрѣнія проводится сострогостью, а не въ видѣ „лекціи во фракѣ“.

Пока существуетъ частное хозяйство и его зависимость отъ непонятныхъ стихій рынка, котораго невозможно урегулировать, до тѣхъ поръ человѣкъ будетъ склоненъ видѣть за фактами грозныя силы; до тѣхъ поръ онъ будетъ дрожать, будетъ склоненъ преклонить колѣна, будетъ метафизикомъ.

При наличности земледѣльческаго мелкаго хозяйства и его сугубой зависимости отъ рынка и природы, неизбѣжно суевѣріе, магическіе методы—воздѣйствовать на волю, распоряжающуюся дождемъ и болѣзнью, ведромъ и цѣнами на хлѣбъ. „Какъ Богъ дастъ“. „Такъ Богъ судилъ“. „Молиться надо“. Въ этомъ отражается рабская зависимость неразвитаго земледѣльческаго хозяйства отъ природы.

Тамъ, гдѣ данный классъ, будучи безмѣрно угнетенъ, не можетъ надѣяться выбиться изъ этого угнетенія своими силами, онъ стоитъ передъ лицомъ неизбывнаго горя. Чтобы жить, онъ долженъ побѣдить это горе. Оно заполняетъ собою жизнь. Пусть же сіяетъ надеждой смерть!

Загробный міръ становится пристанищемъ справедливости, воздаянія, успокоенія. Ореоломъ любви, взращенной бездоннымъ горемъ, вѣнчается Богъ, который самъ страдалъ и даруетъ искупленіе черезъ страданіе. Ироду нуженъ Христосъ. Безъ Христа ему нельзя жить. Безъ Христа—ужасъ непроходимый, тупой. И нѣтъ силы въ мірѣ, которая вырвала бы Христа у Ирода.

Но когда вѣетъ земной надеждой надъ угнетеннымъ классомъ,—его богъ становится богомъ справедливости и гнѣва, Адонаи—Шаддаемъ и ведетъ его въ бой, какъ велъ онъ пуританъ Оливера Кромвеля. Земная радость, надежда на нее мало-по-малу заслоняетъ „тотъ свѣтъ“.

Когда хозяйство растетъ, умѣетъ защищаться отъ природы, когда растетъ человѣкъ, — умаляются боги. Въ мастерской ремесленника случай безсиленъ, у мануфактуриста работаютъ его станки, его аппараты по заранѣе установленному плану, на основаніи обрѣтенныхъ законовъ механики, физики и химіи. Идея закономѣрности природы, возможности царить надъ ней познаніемъ упрочивается. Но остается еще неисповѣдимое, потому что если отдѣльное хозяйство человѣчески-органи-

Digitized by Google

зовано, то ихъ совокупность попрежнему дезорганизована; на міровомъ рынкѣ хозяинъ уже не хозяинъ, а рабъ случая. Потому наклонность къ поблѣднѣвшему богу остается въ городскомъ мірѣ, въ зажиточной деревнѣ.

Пролетаріатъ несетъ съ собою организацію всего хозяйства въ совокупности. И онъ найдетъ хозяина земли—не въ отдѣльномъ человѣкѣ найдетъ онъ его,—а въ сотрудничающемъ человѣчествѣ. Богъ станетъ ненуженъ, страненъ.

Когда-то сотрудникъ нашего журнала съ соціалъ-демократическими убѣжденіями (такъ рекомендовалъ его Струве), а нынѣ правый кадетъ Изгоевъ доказывалъ пишущему эти строки, что марксисты могутъ привѣтствовать идеалистовъ, которые, быть можетъ, сумѣютъ выработать для отсталыхъ слоевъ населенія высшія религіозныя, но все еще *религіозныя* формы мышленія.

Мы знаемъ, что лишь историческій процессъ приводитъ отъ сумрачнаго суевѣрія къ человѣчески-свѣтлому міросозерцанію. Но наше дѣло не помогать этому процессу на всѣхъ стадіяхъ, а организовать его на высшей его стадіи, благо,—она можетъ быть уже достигнута милліонами пролетаріевъ. Соціалъ-демократія полнымъ голосомъ формулируетъ свою иррелигіозную истину для созрѣвшихъ и ждетъ остальныхъ, которыхъ гонитъ къ ней исторія. Она не изобрѣтаетъ полуистинъ для полузрѣлыхъ,—она критикуетъ и разбиваетъ ихъ. Тѣ, чьи уши приспособлены только для полуистинъ, воспринимутъ ихъ вопреки нашей критикѣ, но мы поможемъ имъ скорѣе миновать этотъ этапъ. Такъ соц.-дем. полнымъ голосомъ формулируетъ соціализмъ для пролетаріата, и ждетъ, когда экономическій процессъ пригонитъ къ ней новыя полчища пролетаризированныхъ крестьянъ, или крестьянъ, воочію убѣдившихся въ неизбѣжности гибели мелкаго хозяйства. Она не создаетъ для крестьянъ полусоціализма.

Стремиться же сразу, насильственно вогнать въ человѣка всю истину, когда царитъ еще другая истина, т. е. другое прочное приспособленіе къ опредѣленной, еще неизмѣнившейся средѣ,—значитъ идти на вѣрное пораженіе, какъ шли герои 70-хъ годовъ.

Теперь оставимъ Савву въ сторонѣ и вернемся на минуту къ давшему столь богатый плодъ на почвѣ анархизма второму положенію Сильвэна Марешаля, къ вопросу объ устраненіи государства.

Тутъ придется разбить вопросъ на три части: 1) объ отношеніи къ современному государству и политической борьбѣ; 2) о государствѣ, какъ орудіи пролетаріата и 3) о государствѣ въ будущемъ.

Трудно представить себѣ болѣе несоціалистическую и особенно немарксистскую крайность, какъ переоцѣнка парламентаризма, этого установленія, предназначеннаго для регулированія отношеній буржуазнаго общества и само собою негоднаго для окончательнаго сокрушенія того же

Digitized by Google

общества. Парламентъ въ концѣ концовъ только констатируетъ и законодательно оформливаетъ то, что назрѣло въ жизни, что ею продиктовано, причемъ классы и группы уступаютъ другъ другу безъ чрезмѣрной и ни для кого невыгодной борьбы, когда назрѣла какая-нибудь реформа, предпочитая сохранить подвижное равновѣсіе, чѣмъ рискнуть на переоцѣнку силъ отдѣльныхъ классовъ общества путемъ прямой и реальной борьбы, борьбы силы противъ силы. Парламентъ совершенно безсиленъ передѣлать общество, какъ бухгалтеръ безсиленъ управлять предпріятіемъ. Если бы онъ когда-либо и сдѣлался орудіемъ пролетарскаго большинства или приблизился бы къ этому моменту, буржуазія, конечно, не позволила бы закономѣрно удушить себя. Никто не высказывается рѣзче о парламентской ограниченности, чѣмъ Марксъ. Въ своей „Революціи и контръ-революціи" онъ говоритъ (стр. 372—373): „Съ самаго начала своей законодательной карьеры они болѣе, чѣмъ всякая другая фракція, были заражены неизлечимой болѣзнью *парламентскаго кретинизма*, страданіемъ, которое поселяетъ въ своихъ несчастныхъ жертвахъ возвышенное убѣжденіе, будто цѣлый міръ, его исторія и его будущее направляются и опредѣляются большинствомъ голосовъ въ отдѣльномъ представительномъ учрежденіи, которому они оказываютъ честь, состоя его членами, и будто все и вся, совершающееся внѣ стѣнъ этого дома,—войны, революціи, постройки желѣзныхъ дорогъ, колонизація цѣлыхъ новыхъ континентовъ и все остальное, что можетъ заявить нѣкоторыя притязанія на то, чтобы оказывать вліяніе на судьбы человѣчества, — будто все это ничто въ сравненіи съ непомѣрно-серьезными событіями, коренящимися въ вопросѣ, которому, каковъ бы онъ ни былъ, въ данный моментъ какъ разъ посвящено вниманіе высокаго дома".

Буржуазный парламентаризмъ страдаетъ многими гнусными недостатками и не можетъ явиться единственнымъ или хотя бы главнымъ орудіемъ въ революціонномъ пересозданіи общества, но слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ безполезенъ для пролетаріата, что пролетаріатъ можетъ игнорировать его? Въ доказательство противнаго говорится такъ много, что повторять аргументацію намъ не приходится. Кто сможетъ разумно отрицать значеніе парламента, какъ трибуны? избирательной кампаніи, какъ великолѣпнаго, единственнаго въ своемъ родѣ, орудія агитаціи? Достаточно сказать, что революціонные синдикалисты, представители крупнаго и дѣйствительно робкаго движенія,—способные на организацію и успѣшную борьбу, въ Италіи напр., сразу выбросили за бортъ ортодоксальное анархистское сектантское и неразумное стремленіе игнорировать парламентъ.

Революціонный синдикализмъ, возникшій изъ роста чисто-экономическаго рабочаго движенія, въ сильной степени зараженъ анархизмомъ, но присоединеніе нѣкоторыхъ идейно свѣжихъ и сильныхъ марксистскихъ элементовъ, отброшенныхъ въ нѣкоторую крайность рѣзкой реакціей про-

Digitized by Google

тивъ парламентскаго кретинизма и министеріализма, служитъ къ сближенію въ этомъ пунктѣ научно-соціалистической тактики и тактики полуанархическихъ синдикатовъ и разрушаетъ одно важное препятствіе къ объединенію. Оно не можетъ состояться, пока анархическая слѣпая ненависть къ парламентской борьбѣ не исчезнетъ безъ слѣда, пока въ этомъ пунктѣ рабочіе, какъ элементъ, по самому существу предрасположенный къ научному соціализму, не перейдутъ на сторону крайней лѣвой соціалистическихъ партій. Нельзя отрицать того, что революціонный синдикализмъ можетъ оздоровить парламентскую тактику соціалистовъ; истина въ данномъ случаѣ лежитъ ближе къ такъ называемой ортодоксально-соціалистической тактикѣ, однако, даже нѣмецкая соціалъ-демократія, увлекшись своими парламентскими успѣхами, оказалась слишкомъ безсильной въ своемъ вліяніи на могучее въ Германіи (объединяющее $1^1/_2$ милліона членовъ) профессіональное движеніе, лишенное, въ значительной степени благодаря односторонности нѣмецкой тактики, настоящаго революціоннаго духа, и революціонный синдикализмъ нужно признать во многомъ здоровой реакціей. Что касается непримиримыхъ анархистовъ, то ненависть ихъ къ Парламенту и „политикамъ“ доводитъ ихъ иногда прямо до смѣшного.

Недавно на русскомъ языкѣ появилась книга Севастьяна Фора, одного изъ наиболѣе блестящихъ представителей французскаго анархизма „Міровая скорбь“. Книга реторическая, водянистая, но содержащая въ себѣ всю анархистскую премудрость. Его пріемъ сокрушать парламентаризмъ въ самомъ принципѣ достоинъ вниманія. Сперва онъ бьетъ въ „самый центръ“, доказывая, что демократическій принципъ вообще ложенъ. На протяженіи страницъ и страницъ мы читаемъ положенія, вродѣ слѣдующихъ (стр. 171): „Невѣжественныхъ людей легіоны, просвѣщенные же представляютъ ничтожное меньшинство. Огромное большинство людей лишено даже элементарныхъ познаній, а умъ, обладающій ими, такъ старательно насыщенъ обманчивыми разсужденіями, ложными предразсудками, что изъ-за этой завѣсы имъ трудно различить истину и, съ соціальной точки зрѣнія, вывести вѣрныя заключенія изъ своихъ познаній“ (стр. 174). „Такимъ образомъ во всѣ времена исторіи человѣчества изъ двухъ идей та, которая больше всего соотвѣтствуетъ развитію прогресса — въ силу вещей,—принадлежитъ меньшинству. Какъ видно, судъ исторіи согласуется съ простой логикой въ осужденіи закона большинства, во имя прогресса, какъ и во имя науки, здраваго смысла, справедливости и провозглашаетъ, что, напротивъ, истину и прогрессъ надо искать среди меньшинства“.

„Этотъ законъ большинства — это законъ животной, тупой, слѣпой, неуловимой, несвязной, безразсудной и измѣнчивой силы“.

Ни дать, ни взять—аргументы, которые Витте приводилъ противъ всеобщаго избирательнаго права. Ни малѣйшей искры пониманія классовой

Digitized by Google

борьбы, угнетенія привилегированнымъ меньшинствомъ эксплоатируемаго большинства, вмѣсто того наивное дѣленіе людей на умное меньшинство и *тупое большинство*. Вотъ гдѣ буржуазные рожки становятся замѣтны на головѣ анархиста. И что же хочетъ предпринять Форъ съ этимъ тупымъ большинствомъ? Не лучше ли всего отдать его въ опеку мудрому и прогрессивному меньшинству?

Но знаменитый Севастьянъ Форъ любитъ изобильную аргументацію. Помните служанку, разбившую кувшинъ и оправдывавшуюся такъ: „Во-первыхъ, у меня и кувшина-то никакого не было, а во-вторыхъ, кувшинъ цѣлехонекъ". Доказавъ, что демократія есть глупость и зло, онъ на еще большемъ количествѣ страницъ бросаетъ парламентаризму упрекъ, что онъ не есть господство большинства, что онъ на дѣлѣ недостаточно демократиченъ.

Впрочемъ, теперь, когда оплотъ чистаго экономизма—англійскіе рабочіе—такъ дѣятельно взялись за организацію рабочей парламентской партіи, когда на этотъ путь не менѣе рѣшительно выступили американскіе профессіоналисты, врядъ ли стоитъ тратить время на повтореніе доказательствъ важности парламентской борьбы для рабочаго класса.

Что касается вопроса о государствѣ въ будущемъ, то здѣсь мы имѣемъ передъ собою отчасти недоразумѣніе, отчасти дѣйствительное и крайне характерное разногласіе. Я буду имѣть здѣсь въ виду не столько анархистовъ, сколько полуанархическій революціонный синдикализмъ. Тутъ анархисты были увлечены самими рабочими классами на путь широкой организаціи, пролетарской дисциплины. Тутъ мы дѣйствительно имѣемъ передъ собой крупное явленіе.

Предполагать, что соціалъ-демократы включаютъ въ свой идеалъ будущаго строя государство — это недоразумѣніе. Странно, какъ даже прошедшій марксистскую школу Лабріола не могъ вникнуть въ простую мысль Энгельса: „Государство есть организація классоваго господства; тамъ, гдѣ нѣтъ классовъ, немыслимо государство".

Лабріола совершенно не понимаетъ соціально-экономическаго характера государства, для него оно—власть, администрація — и только. Коллективизмъ предполагаетъ національную, а потомъ и всечеловѣческую организацію производства и обмѣна, а, слѣдовательно, центральную администрацію. Функціи этой администраціи чрезвычайно опредѣленны и точны: статистика, общее распредѣленіе силъ и благъ. Все остальное можетъ быть предоставлено коммунамъ, коопераціямъ, союзамъ и т. д. Но и это бросаетъ въ потъ не только анархиста, но и подпавшаго вліянію анархистовъ „экс-марксиста" Артура Лабріола. Онъ каркаетъ о возможности для такой администраціи превратиться въ угнетающую государственную власть. Какимъ образомъ можетъ это случиться? Какъ эти выборные, эти отвѣтственные, смѣняемые чиновники народа могутъ возвыситься надъ нимъ? На

какой классъ обопрутся они тамъ, гдѣ нѣтъ классовъ? Откуда этотъ страхъ передъ химерой? Или пуганая ворона и куста боится? Но вѣдь то ворона! А между тѣмъ страхъ передъ государствомъ ведетъ Лабріолу далеко. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, основываясь на рядѣ цитатъ, что Марксу чуждъ былъ идеалъ коллективизма. „Все, чего хотѣлъ Марксъ,— это уничтоженіе возможности эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, уничтоженіе класса капиталистовъ". Лабріола (см. „Il riformismo e la rivoluzion sociale") торжественно завѣряетъ, что нигдѣ у Маркса не говорится о широкой организаціи хозяйства. Будто такъ трудно найти это у Маркса? Неужели Лабріола никогда не читалъ хотя бы слѣдующей знаменитой тирады Маркса въ его „Парижской Коммунѣ" (стр. 51): „Если кооперативное производство не должно остаться приманкой, западней, если оно должно замѣнить капиталистическую систему; если кооперативныя общества должны подчинить національное производство *одному общему плану*, поставивъ его подъ ихъ собственный контроль и положивъ конецъ постоянной анархіи и періодическимъ судорогамъ, являющимся неизбѣжными слѣдствіями капиталистическаго производства,—то что же это будетъ, милостивые государи, если не коммунизмъ?

Это не въ бровь, а въ глазъ Лабріолѣ и синдикалистамъ, которые изъ ложнаго, перешедшаго къ нимъ заразой отъ анархистовъ, страха передъ тѣнью государственности дѣйствительно подмѣняютъ коллективизмъ кооперативизмомъ. Самостоятельные кооперативы, торгующіе другъ съ другомъ (да, *торгующіе*: Лабріола оставляетъ даже деньги), саморегулирующійся рынокъ! Да, это *анархія!* это *анархія производства*, безпорядокъ въ производительныхъ функціяхъ человѣчества.

И такъ великъ этотъ страхъ передъ централизаціей, что даже организацію революціи господа революціонные синдикалисты (а тѣмъ болѣе чистые анархисты) отрицаютъ. Они боятся выдвинуть противъ централизованной реакціи централизованную революцію, и вотъ логически доходятъ они до отрицанія единовременной соціальной революціи. Вѣдь всеобщая забастовка предполагаетъ центральное правленіе, пролетарскую дисциплину. И паладины этого „универсальнаго средства" вдругъ робѣютъ, едва ли не самый смѣлый изъ нихъ—Лабріола—начинаетъ говорить о постепенномъ выкупѣ промышленныхъ предпріятій наиболѣе развитыми синдикатами на началахъ аренды. Кооперативизмъ худшей формы воскресаетъ. Прежній революціонеръ, честившій всѣми ругательствами реформистовъ, неожиданно начинаетъ смахивать на постепеновцевъ и гармонистовъ.

Но припомнимъ, что та сила, которою побѣждаетъ пролетаріатъ,— это его дисциплина и поражающая способность широко организоваться. То новое, что несетъ съ собой міру пролетаріатъ, есть соціализмъ, т. е. „общественность", глубокая психологическая склонность къ солидарнымъ

Digitized by Google

дѣйствіямъ, къ сотрудничеству. На мѣсто разрозненнаго міра своекорыстныхъ, взаимно вредящихъ хозяйствъ и индивидовъ,—широкая коллективная жизнь, въ которой индивидъ потеряетъ худшее, что въ немъ есть,—узость, эгоизмъ, свою смертную, жалкую, всѣмъ враждебную личность,—и найдетъ неисчерпаемый источникъ для развитія личности—мыслящей, чувствующей, сотрудничающей; личности, органически связанной съ безсмертнымъ видомъ.

Соціализмъ спасаетъ и возвеличиваетъ истинную индивидуальность, но онъ рѣзко враждебенъ тому индивидуализму, раскалывающему людей, тому себялюбивому, за себя трепещущему, обидчивому индивидуализму, великимъ пророкомъ котораго былъ Штирнеръ, и который есть прямое отраженіе мелкобуржуазнаго существованія. Послушайте выкрики Эмиля Готье, написавшаго предисловіе къ книгѣ Фора (стр. XI): „Побѣда свободы: это, логически, идеалъ той постоянной и безконечной эволюціи, это абсолютная свобода, послѣднимъ словомъ которой остается „дѣлай, что хочешь“ стараго анархиста Рабле“ (ст. XII). „Предоставьте мнѣ свободу! Вотъ альфа и омега нынѣшняго евангелія! Довольно цѣпей—хотя бы и золотыхъ! Предоставьте мнѣ свободу!“

Кто это кричитъ? Это кричитъ мѣщанинъ. Все равно—прудоновскій ли мелкій производитель, стонущій подъ гнетомъ конкурренціи капитала и готовый на *солидарность* въ смыслѣ организаціи общаго кредита и обмѣна для того, чтобы остаться *независимымъ* хозяйчикомъ, или капризный интеллигентъ, такъ же безконечно жаждущій *независимости*, а, получивъ ее, готовый дойти въ философіи до солипсизма, въ искусствѣ до эготизма.

Независимость—вотъ ключъ къ пониманію анархизма. Но независимость есть и идеалъ каждаго буржуа. Анархизмъ—есть теорія буржуа-неудачника. Анархизмъ есть просвѣщенный буржуазный индивидуализмъ. Этотъ индивидуализмъ—порожденіе разрозненности интересовъ и конкурренціи—хочетъ дойти до своего логическаго конца, и всѣ кооперативистскія или даже полукоммунистическія уступки дѣлаются мѣщанами анархическаго типа только потому, что иначе, какъ они должны признать это, нельзя добиться *независимости для всѣхъ*.

Общественность—вотъ ключъ къ пониманію соціализма. Пролетарій привыкъ трудиться такъ, что уже не можетъ различить продукта своей и чужой работы. Общій, сліянный трудъ. И такая же общая, сліянная борьба, ибо отдѣльный пролетарій—ничто, вмѣстѣ съ другими пролетаріями—великій Мессія, воистину спаситель и обновитель міра. Такъ растетъ новый *соціальный* человѣкъ. Такъ растетъ новая коллективная душа. А она-то и есть фундаментъ, сила, способная строить культуру въ тысячелѣтіяхъ, какъ *нашу* культуру. Соціальность даетъ мѣсто самоотверженности во имя вида и идеализму въ широчайшемъ масштабѣ. Сознательное преслѣдованіе этой

Digitized by Google

цѣли—совершенство вида, повышеніе его жизненности,—это культурное содержаніе будущаго, которое теперь провидятъ лишь немногіе. То, что совершается теперь во вредъ индивиду, цѣною его страданій и гибели, будетъ совершаться при его энтузіастическомъ содѣйствіи, даруя ему попутно растущее счастье.

Видъ на мѣсто индивида. Коллективизмъ на мѣсто производственнаго анархизма. Общественная гармонія на мѣсто независимости. Вмѣсто выкрика больного раба нашихъ дней: „Предоставьте мнѣ свободу!“ иной девизъ: „Дайте мнѣ достойную задачу!“—девизъ самоорганизующагося человѣчества, съ которымъ каждый ищетъ ее и находитъ въ гармоніи съ общиной.

И, исходя изъ этой коренной разницы, легко понять, почему анархистъ всегда и всюду склоненъ бороться противъ широкой организаціи, противъ дисциплины. Но этимъ выбиваютъ изъ рукъ пролетаріата его главное оружіе. Да, тутъ ужъ начинается неизбѣжно рѣзкая борьба. Это не платоническое столкновеніе двухъ идеаловъ. Это стремленіе рабочаго класса оградить отсталыхъ своихъ членовъ отъ теорій, разлагающихъ его классовую силу.

Въ конечномъ счетѣ къ этимъ двумъ противоположностямъ сводятся различія научнаго соціализма и анархизма. Революціонный раціонализмъ—у анархистовъ, активность, опирающаяся на познаніе реальныхъ процессовъ,—у соціалистовъ. Индивидуалистическая жажда независимости—у анархистовъ. Сверхъ-индивидуалистическая жажда солидарности и организаціи силъ—у соціалистовъ.

Всѣ остальныя различія—производныя.

А. Луначарскій.

Digitized by Google

Письма изъ провинціи.

Изъ Вятки.

Наши правители.

Огромная Вятская губернія площадью больше Франціи и съ населеніемъ свыше 3-хъ милліоновъ до самаго послѣдняго времени мирно двигалась, хотя и черепашьимъ шагомъ, по пути всероссійскаго прогресса. Въ этой далекой окраинѣ новѣйшая исторія не отмѣтила еще ни одного сколько-нибудь крупнаго общественнаго или народнаго движенія. Оно и понятно: населеніе Вятской губерніи болѣе, чѣмъ спокойно. Въ уѣздныхъ городахъ и значительныхъ селеніяхъ преобладаетъ купецъ, мѣщанинъ и чиновникъ. Крупныхъ фабрикъ или заводовъ, гдѣ бы концентрировались массы пролетаріата, въ губерніи нѣтъ, если не считать казенныхъ поссесіонныхъ заводовъ, которые пользуются трудомъ приписанныхъ къ этимъ заводамъ крестьянъ, имѣющихъ небольшіе надѣлы и усадебную землю. До послѣдняго времени вятскіе заводскіе полукрестьяне-полурабочіе представляли изъ себя очень спокойную обывательскую массу и лишь съ момента выборовъ въ Думу среди нихъ началось броженіе. Вятское крестьянское населеніе, никогда не знавшее ни крѣпостного права, ни сословныхъ различій и будучи обезпечено сравнительно большими надѣлами и лѣсными угодьями, было болѣе чѣмъ спокойно. Населеніе Вятской губерніи жило изо дня въ день въ атмосферѣ своихъ личныхъ нуждъ и заботъ, мало интересуясь вопросами общественной или государственной жизни. День прошелъ—и слава Богу!—вотъ та формула, въ которую выливалась вся жизнь огромнаго вятскаго пѣшехонья.

Въ высшихъ административныхъ кругахъ сложилось мнѣніе, что такой спокойной губерніей прекрасно можетъ управлять всякій, кого ни поставь, и въ силу этого мнѣнія въ Вятскую губернію посылали именно „всякихъ". Были у насъ губернаторы люди неопытные, начинающіе свою карьеру; посылались и старики, чтобы въ тихомъ вятскомъ убѣжищѣ дотянуть до тайнаго или до генеральской пенсіи; были, наконецъ и люди со служебнымъ недоразумѣніемъ въ прошломъ. Извѣстный Клингенбергъ попалъ къ намъ

Digitized by Google

въ Вятку послѣ того, какъ въ одномъ изъ городовъ Царства Польскаго верхомъ на лошади въѣхалъ въ костелъ. Послѣ него явился Хомутовъ—полная противоположность Клингербергу. Насколько Клингенбергъ былъ рѣшителенъ и уменъ, настолько же Хомутовъ былъ нерѣшителенъ и—увы—у перваго была своя строго выдержанная въ духѣ Плеве программа, которую онъ послѣдовательно проводилъ въ жизнь; у второго были сестра, правитель канцеляріи, полиціймейстеръ, старшій совѣтникъ губернскаго правленія и попъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился г. Хомутовъ. Однако, тишина и спокойствіе Вятской губерніи вывезли Хомутова: онъ получилъ повышеніе и былъ переведенъ въ Казанскую губернію, гдѣ и похоронилъ свою служебную карьеру во время октябрьскихъ событій.

Послѣ Хомутова прислали къ намъ старика Левченко, стараго, хитраго служаку, прошедшаго суровую школу всевозможныхъ канцелярій. Во время октябрьскихъ событій Левченко растерялся и повелъ было игру на два фронта. Явившейся къ нему депутаціи отъ существующихъ въ Вяткѣ партій, группъ и обществъ, вчера еще бывшихъ нелегальными, Левченко неосторожно заявилъ, что отнынѣ Россія—страна конституціонная, что онъ, Левченко, отнынѣ не можетъ быть ни монархистомъ, ни соціалистомъ, что онъ конституціоналистъ и по своимъ убѣжденіямъ, и по своему положенію [1]). Въ то же самое время супруга г. Левченко бесѣдовала на кухнѣ съ хулиганами и подносила имъ водку. На другой день шайка хулигановъ, состоявшая частью изъ соловьевскихъ мужиковъ, ворвалась въ губернскую управу, схватила икону и царскій портретъ и доставила ихъ въ губернаторскій домъ, за что и получила отъ супруги губернатора 10 руб. на водку. 22-го октября Левченко распорядился убрать съ улицъ всѣ воинскіе патрули и полицейскіе посты; на соборной площади былъ отслуженъ молебенъ, а послѣ него началась бойня.

Октябрьская волна смыла и Левченку, который исчезъ, не получивъ тайнаго совѣтника. На губернаторскій постъ вынырнулъ изъ придворныхъ сферъ графъ Комаровскій, молодой человѣкъ, бойко начавшій свою карьеру и, повидимому, еще не остывшій отъ чисто-юнкерской лихости.

Объ его дѣяніяхъ, изъ коихъ одно уголовнаго характера, уже сообщалось въ печати. Напомнимъ вкратцѣ, что графъ, управляя губерніей, грозилъ судебному приставу Увицкому и одному изъ своихъ кредиторовъ, пришедшихъ къ графу въ квартиру для взысканія долга въ 12 тыс. руб., что онъ велитъ „заковать ихъ въ кандалы и сгноитъ въ тюрьмѣ“. Графъ вызывалъ даже городового, но чувство законности, къ общему удивленію, превозмогло у нижняго полицейскаго чина чувство страха передъ всесильнымъ губернаторомъ. Онъ отказался повиноваться незаконному тре-

---

[1]) Свидѣтелями этого любопытнаго разговора, кромѣ пишущаго эти строки, имѣются всѣ члены депутаціи, около 15 человѣкъ, въ томъ числѣ и гор. голова.

Digitized by Google

бованію графа арестовать пристава и кредитора. Графъ въ полномъ изступленіи обращается къ жандармамъ. Объ этомъ немедленно было заявлено прокурору и сообщено по телеграфу министрамъ вн. дѣлъ и юстиціи.

Вскорѣ послѣ этого графъ баллотировался въ члены мѣстнаго клуба и только благодаря крайней баззастѣнчивости, съ какой клубный старшина присяжный повѣренный Прозоровъ сосчиталъ шары у графа и черныхъ и бѣлыхъ оказалось поровну, послѣ чего С. Прозорову было предложено выйти изъ совѣта старшинъ, а гр. Комаровскій тѣмъ не менѣе въ члены клуба не попалъ.

Пріѣхалъ новый губернаторъ князь Горчаковъ. Вятчане вздохнули въ надеждѣ, что второго столь оригинальнаго экземпляра въ роли губернатора, каковъ былъ графъ Комаровскій, больше не найдется. Однако, ошиблись. Князь Горчаковъ, если и отличался отъ графа Комаровскаго, то только еще болѣе неожиданнымъ образомъ дѣйствій. На первомъ же пріемѣ, когда чиновники явились представиться новому губернатору, князь обратился къ нимъ съ рѣчью, изложивъ свою программу. Рѣчь была грозна и ясна. „Твердая власть"... „Совѣтъ выслушаю... но поступлю по-своему"... „Противорѣчій не потерплю"... Въ концѣ своей рѣчи князь выступилъ на середину зала и трижды прокричалъ „ура". Полицейскіе чины на второмъ и третьемъ „ура" подтянули князю, а всѣ остальные посѣтители совершенно растерялись отъ такого неожиданнаго курбета.

Послѣ взрыва на Аптекарскомъ островѣ кн. Горчаковъ получилъ отъ Столыпина извѣстную телеграмму съ призывомъ исполнять свой долгъ до конца, не щадя своего живота. Вдохновившись столыпинской телеграммой, нашъ князь выпускаетъ обращеніе къ чиновникамъ и служащимъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Приводимъ эту безграмотную белиберду съ пунктуальной точностью.

„17 сего Августа мною получена отъ Его Высокопревосходительства Господина Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра Внутреннихъ Дѣлъ телеграмма за № 2896 слѣдующаго содержанія:

„Участившіяся въ послѣднее время террористическія посягательства на жизнь должностныхъ лицъ совершаются въ надеждѣ, что послѣднія, поддавшись чувству страха, ослабятъ свою дѣятельность въ защиту закона и общества отъ преступныхъ посягательствъ и по исполненію предначертаній Высшей Власти. Совѣтъ Министровъ увѣренъ, что всѣ эти представители правительственной и общественной власти, сознавая вмѣстѣ съ населеніемъ всю пагубность и безцѣльность упомянутыхъ преступленій, докажутъ своею непоколебимостью и рѣшительностью въ исполненіи служебныхъ обязанностей, что никакія угрозы не могутъ повліять на преданность ихъ Престолу и Закону, а равно и на готовность исполнить свой долгъ до конца. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ".

Digitized by Google

Доводя до всеобщаго свѣдѣнія настоящее обращеніе и твердое напоминаніе Высшаго Представителя Государственной власти, призваннаго на столь отвѣтственный и высшій постъ въ нашемъ государствѣ Державною Волею Его Императорскаго Величества Государя Императора и въ такое тяжелое и трудное время, какое переживаетъ наше Отечество, терзаемое внутреннимъ раздоромъ и нестроеніями, я считаю своимъ долгомъ привести на память и населенію губерніи, ввѣренной Высочайшей Государя Императора Волей моему управленію и всѣмъ чинамъ, состоящимъ на службѣ въ правительственныхъ и общественныхъ управленіяхъ, подвѣдомственныхъ непосредственно Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а, слѣдовательно, и мнѣ, какъ Вятскому Губернатору, изъ Высочайшаго Манифеста 18 февраля 1905 года слѣдующія слова Его Величества Государя Императора:

„И да подастъ Господь въ державѣ Россійской: пастырямъ—святыню, правителямъ—судъ и правду, народу—миръ и тишину, законамъ—силу и вѣрѣ—преуспѣяніе, къ вящему укрѣпленію истиннаго Самодержавія на благо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ“.

Опираясь на Высочайшій Манифестъ, данный 9 Іюля текущаго года, которымъ Всемилостивѣйше подтверждается неизмѣнное намѣреніе Государя Императора сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи Государственной Думы, какъ установленія, долженствующаго имѣть въ обновляемой жизни Государства громадное значеніе и созываемой въ новомъ составѣ по особому Высочайшему Указу на 20 Февраля 1907 года и, основываясь на вышеприведенной телеграммѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я обращаюсь къ благомыслящей, то есть безусловно громаднѣйшей части населенія Вятской губерніи спокойно и трезво относиться къ переживаемымъ Отечествомъ—нашей Родиной, печальнымъ событіямъ, и позволяю себѣ надѣяться, хотя еще и новому человѣку въ губерніи, что я увѣренъ, что всѣ чиновники и служащіе въ учрежденіяхъ государственныхъ, или общественныхъ, т. е. тоже правительственныхъ по Вятской губерніи и подвѣдомственныхъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а слѣдовательно, непосредственно мнѣ подчиненныхъ, не останутся глухи къ настоящему моему обращенію и сознательно поймутъ, что отъ нихъ ожидается непреклонной Высочайшей Волей и что требуется непосредственнымъ начальствомъ, и если Его Императорское Величество въ своемъ послѣднемъ Манифестѣ изволилъ высказаться, что

„Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія и беззаконія и всею силою Государственной мощи приведемъ ослушниковъ Закона къ подчиненію Нашей Царской воли“,

То не только всѣ—мы, состоящіе на Государевой службѣ, должны сплотиться и честно и вѣрно служить Государю и Родинѣ, но и все населеніе должно пойти навстрѣчу такому требованію, потому что въ этомъ-то и есть святой долгъ передъ Родиной.

Digitized by Google

Повторяю, что я увѣренъ, что найду въ громаднѣйшемъ большинствѣ населенія поддержку въ лучшемъ исполненіи моихъ Губернаторскихъ обязанностей, а также увѣренъ, что и чиновники, мнѣ подчиненные, проникнувшись сознаніемъ своихъ трудныхъ обязанностей и своей отвѣтственности, поймутъ, что въ моихъ требованіяхъ, выраженныхъ на первомъ представленіи 29 Іюля текущаго года, когда я вступилъ въ управленіе Вятской губерніи, а именно „что для пользы дѣла и службы необходимы—законность, порядокъ и трудоспособность", что въ этихъ требованіяхъ ничего нѣтъ невозможнаго и неисполнимаго.

А потому будучи увѣренъ, что господа чиновники и служащіе, соблюдая во всемъ законность и работая съ полной энергіей, проявятъ всю возможную и усиленную свою трудоспособность, тѣмъ самымъ сами соблюдутъ порядокъ и внесутъ порядокъ въ жизнь того края, о пользѣ и благѣ котораго такъ радѣетъ Самодержецъ Земли Русской.

18 Августа 1906 года.

И. д. Вятскаго Губернатора Церемоніймейстеръ
Двора Его Величества Князь *С. Горчаковъ*".

Редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей", Псалмопѣвцевъ, получивъ „оригиналъ", написанный рукою князя, бросился за совѣтомъ къ старшему совѣтнику губернскаго правленія: какъ быть! Вѣдь главныхъ предложеній нѣтъ! Подумали, какъ исправлять губернаторскій текстъ? Нельзя!—и порѣшили исправить лишь букву „ять", да, гдѣ надо, поставить пропущенную запятую, а оригиналъ сохранить, какъ оправдательный документъ. Однако, г. Псалмопѣвцеву влетѣло, хотя онъ и ссылался на оригиналъ. Съ тѣхъ поръ каждый разъ, когда околоточный при составленіи протокола запутается въ придаточныхъ предложеніяхъ, приставъ внушительно ему заявляетъ: „Ты что, болванъ, словно губернаторъ пишешь!"—и околоточный краснѣетъ.

Прошло дня три.

Въ Сарапулѣ былъ обысканъ земскій агрономъ Воробьевъ. Губернская земская управа препроводила губернатору кн. Горчакову заявленіе Воробьева и просила его разслѣдовать данный случай. Губернаторъ прислалъ свой отвѣтъ губернской управѣ. Привожу этотъ документъ дословно:

М. В. Д.

Вятскій губернаторъ
по канцеляріи.
25 августа, 1906 г.
№ 6066

г. Вятка.

Вятской губернской земской управѣ.

На представленіе отъ 17-го с. августа за № 6096 увѣдомляю губернскую земскую управу, что когда губернская управа разсылаетъ нелегальную литературу, „выборское воззваніе" и прокламаціи по земской почтѣ, я не могу быть увѣреннымъ въ политической благонадежности агентовъ губернской земской управы и потому не нахожу возможнымъ сдѣлать какое-либо распоряженіе по представленному губернской управой заявленію Сарапульской управы за № 926. Дѣйствія пристава законны.

И. д. губернатора князь *Горчаковъ*.
Управляющій канцеляріей *Шкляевъ*.

Google

Бумага эта напачатана ремингтономъ, причемъ „выборгское воззваніе“ подчеркнуто, а слова: „дѣйствія пристава законны“ вписаны рукою губернатора. Губернская управа подала жалобу въ сенатъ и привлекаетъ губернатора къ отвѣтственности за клевету.

Далѣе: „Вятской Жизни“ черезъ полиціймейстера было предложено перемѣнить курсъ. Редакція не согласилась. Послѣдовалъ приказъ о высылкѣ за предѣлы губерніи редактора І. А. Владиславлева и издательницы А. Д. Чарушиной. Условія высылки—трехдневный срокъ, отобраніе паспорта и замѣна его проходнымъ свидѣтельствомъ до указаннаго высылаемымъ мѣста жительства.

Послѣ такихъ прелюдій князь приступилъ къ настоящему своему дѣлу: подтягиванію всей губерніи. Обязательныя постановленія посыпались, какъ изъ рога изобилія. Нечего и говорить, что эти постановленія носили на себѣ слѣды характера ихъ автора. Приводимъ примѣры:

„Воспрещается всѣмъ безъ различія распитіе крѣпкихъ напитковъ близъ винныхъ и пивныхъ лавокъ, скопомъ.

Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ по постановленіямъ Губернатора денежному штрафу до пятисотъ рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ“.

Одинъ изъ совѣтниковъ князя спросилъ по поводу этого постановленія, что понимать подъ словомъ „скопъ“. Если, напримѣръ, пьютъ трое?— „Изъ одной бутылки пьютъ—скопъ, если каждый изъ своей—не скопъ! Кажется ясно?“—отрѣзалъ князь.

„Лица, нанесшія оскорбленіе словами или дѣйствіемъ чинамъ полиціи при отправленіи ими обязанностей службы, а также постовымъ нижнимъ чинамъ, подвергаются въ административномъ порядкѣ денежному штрафу до пятисотъ рублей или аресту до трехъ мѣсяцевъ“.

Послѣ этого постановленія полиція стала „смѣлѣе“ въ обращеніи съ публикой.

„1) Воспрещается пѣніе революціонныхъ пѣсенъ какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и на улицахъ, площадяхъ, скверахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ.

„2) Воспрещается имѣть или пріобрѣтать безъ надлежащаго разрѣшенія охотничьи ружья какъ гладкоствольныя, такъ и нарѣзныя“.

Надо быть княземъ Горчаковымъ, чтобы, управляя Вятской губерніей, издать послѣднее постановленіе. Дѣло въ томъ, что у насъ въ губерніи есть нѣсколько волостей, сплошь промышляющихъ охотой на рябчика и бѣлку и можно съ увѣренностью утверждать, что нѣтъ ни одной средней руки деревни, гдѣ бы не было у мужиковъ 2-3 ружей. Чтобы получить разрѣшительное свидѣтельство, необходимо ѣхать въ ѣздный городъ къ исправнику и уплатить 1 р. 50 к. гербоваго сбора. Громадныя, совершенно непроѣздныя, въ распутицу охотничьи Кайская и Синешинская волости лежатъ

Digitized by Google

отъ уѣзднаго города верстахъ въ полутораста, не меньше. Для вятскаго населенія было бы значительно легче, если бы князь воспретилъ всѣмъ плотникамъ „имѣть или пріобрѣтать безъ надлежащаго разрѣшенія“ топоры, ибо въ нашей губерніи плотниковъ несравненно меньше, чѣмъ охотниковъ.

Наконецъ, появился перлъ законодательной мудрости князя:

Воспрещается владѣльцамъ книжныхъ магазиновъ и вообще торговцамъ произведеніями печати, библіотекамъ и частнымъ лицамъ хранить у себя и распространять запрещенныя произведенія печати, *а также распространять и такія произведенія печати, которыя по своему содержанію могутъ вызвать недовѣріе къ правительственной и общественной власти* или возникновеніе волненій въ населеніи.

„Виновные въ нарушеніи настоящаго постановленія подвергаются въ административномъ порядкѣ денежному штрафу до пятисотъ руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ“.

Оглашая произведенія печати князя Горчакова въ широкой публикѣ,— а эти произведенія, внѣ всякаго сомнѣнія, „по своему содержанію могутъ вызвать недовѣріе къ правительственной власти“,—я, какъ вятскій житель, тѣмъ самымъ рискую подвергнуться денежному штрафу въ размѣрѣ 500 руб. или аресту до трехъ мѣсяцевъ. Да и самъ князь Горчаковъ, распространяя свои печатныя обязательныя постановленія, несомнѣнно возбуждающія недовѣріе къ правительственной власти, долженъ былъ прежде всего отправить подъ арестъ на три мѣсяца самого себя.

Но для князя законы не писаны, а Вятская губернія настолько тиха и покойна, что, по установившемуся взгляду, такой губерніей можетъ управлять всякій.

Г. К.

Digitized by Google

Изъ Харькова.

Октябрьская травматическая эпидемія.

Патроновъ не жалѣть!..

1905 г. 14 окт. Изъ приказа Трепова.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною помочь прекращенію сей *неслыханной смуты* и вмѣстѣ съ нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

1905 г. 17 окт. Изъ Высочайшаго Манифеста.

Корни этого *волненія* несомнѣнно лежатъ глубже. Они — въ нарушенномъ равновѣсіи между *идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни.* Россія переросла форму существующаго строя, она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада гр. Витте.

— „Октябрьская травматическая эпидемія“ — прочтетъ съ недоумѣніемъ читатель, пожимая плечами...

— Азіатская холера, голодный тифъ—такія эпидеміи у насъ бывали, и простыя слова—„эпидемія голоднаго тифа“—доступны и понятны каждому, кто знаетъ наши деревни „Горѣлово, Неѣлово, Неурожайко тожъ“. Но... „октябрьская травматическая эпидемія“—это что-то новое, нарочито придуманное; о такой эпидеміи не знаетъ Европа, да и мы что-то не слыхивали...

Это не научно!

Пусть успокоится читатель: слова, попавшія въ заголовокъ, представляютъ медицинскій терминъ, уже установившійся у насъ въ Россіи въ медицинской практикѣ, и породила этотъ неслыханный терминъ „неслыханная смута“ октябрьскихъ дней вмѣстѣ съ манифестомъ 17-го октября.

Передо мной лежитъ скромное, добросовѣстное изслѣдованіе харьковскихъ врачей, въ скромной обложкѣ не кроваво-краснаго цвѣта, а небесно-голубого, и не съ кричащимъ заглавіемъ „Палачи и жертвы“, а со скромною невинною надписью: „Свѣдѣнія о врачебно-санитарной организаціи и эпидемическихъ заболѣваніяхъ г. Харькова“.

Если читатель вмѣстѣ съ нами просмотритъ эту книгу въ небесно-голубой обложкѣ, онъ найдетъ въ ней десять страничекъ, посвященныхъ

Digitized by Google

„октябрьской травматической эпидеміи“, найдетъ въ ней факты и цифры безъ лишнихъ словъ достаточно иллюстрирующіе вышеозначенный терминъ.

Мы говоримъ о докладѣ доктора В. Фавра и отчетѣ другого врача Н. П. Иванова.

Въ годовщину октябрьскихъ дней намъ хочется остановиться не на словахъ конституціоннаго министра-президента графа Витте о томъ, что „въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни“, не на словахъ россійскаго Альбы: „патроновъ не жалѣть“, а просто на фактахъ и цифрахъ, которые мы посвятимъ жертвамъ „октябрьской травматической эпидеміи“.

Рѣчь пойдетъ не о всей Россіи, гдѣ съ 1-го сентября 1905 г. по 1-ое сентября 1906 г. было устроено свыше 600 погромовъ, гдѣ карательныя экспедиціи, военно-полевые суды и просто разстрѣлы мирной толпы пожинали обильную кровавую жатву; гдѣ на всемъ необъятномъ пространствѣ засѣкали, разстрѣливали, вѣшали, сжигали, рубили и кололи тѣхъ, неприкосновенность личности которыхъ была торжественно возвѣщена,—нѣтъ, рѣчь пойдетъ о нѣсколькихъ октябрьскихъ дняхъ въ г. Харьковѣ, въ которомъ нынѣ задавлена вся честная печать и гдѣ октябрьская головщина, вѣроятно, пройдетъ при гробовомъ молчаніи; рѣчь пойдетъ объ „октябрьской травматической эпидеміи“ только въ одномъ городѣ.

„Освободительное движеніе 1905 г., достигшее особой напряженности въ октябрѣ, выразилось въ открытыхъ столкновеніяхъ между революціонно настроеннымъ народомъ и войсками, причемъ эти столкновенія осложнились еще черносотенными избіеніями и погромами; нашъ Харьковъ не миновала эта гроза; въ результатѣ мы имѣемъ 165 пострадавшихъ, включая сюда 21 убитаго“—такими словами начинаетъ свой интересный и поучительный докладъ [1]) почтенный докторъ В. В. Фавръ.

Какъ же распредѣлялись пострадавшіе по полу, возрасту и профессіи?

Докладъ отвѣчаетъ на это слѣдующее: мужчинъ было 151, женщинъ 14. Изъ общаго числа 165 евреевъ было 25, потерпѣвшихъ преимущественно отъ нападенія черносотенцевъ.

По возрасту пострадавшіе распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

До 20 лѣтъ	32
отъ 20 до 30 лѣтъ	61
„ 40 „ 50 „	13
свыше 50 лѣтъ	4

Возрастъ 29-ти человѣкъ не выясненъ.

---

[1]) „Къ статистикѣ пострадавшихъ и объ организаціи медицинской помощи во время событій 10-го, 11-го и 12-го октября 1905 г. въ г. Харьковѣ санитарнаго врача В. В. Фавра“.

Digitized by Google

По профессіямъ пострадавшіе распредѣлялись такимъ образомъ:

Нищихъ	2	
Рабочихъ и ремесленниковъ	47	
Приказчиковъ	11	
Мужской прислуги	4	
Женской „	4	
Одноконныхъ извозчиковъ	2	
Студентовъ	15	
Учащихся средн. уч. зав.	6	
Служащ. въ обществен., правительств. и частн. учр.	14	
Интеллиг. проф.	6	(три врача, одинъ адвок. и т. д.)
Женщинъ безъ указ. зан.	5	
Торговцевъ	8	
Чернорабочихъ	3	
Военныхъ	11	(казаковъ—7, каз. офиц. — 1, рядов. солдатъ—2, драгунъ—1)
Полиціи	5	(2 город., 2 окол., 1 пом. прист.)
Сторожей	2	

„Большая часть студентовъ принадлежитъ къ избитымъ черносотенцами,—пишетъ докторъ. — Наоборотъ, пострадавшихъ черносотенцевъ мы находимъ въ числѣ приказчиковъ, торговцевъ, чернорабочихъ и ремесленниковъ“.

„Октябрьская травматическая эпидемія“ по днямъ дала такія цифры:

10-го октября	пострад.	28
11-го „	„	98
Въ ночь съ 11-го на 12-ое	„	11
12-го октября	„	21
Неизвѣстно когда	„	4

Какимъ образомъ, отъ кого и какимъ орудіемъ получены поврежденія?

Отъ оружія войскъ пострадало 74, изъ нихъ огнестрѣльныхъ раненій—40, прикладами—15, шашками—14, нагайками—4, штыкомъ—1.

Избито черной сотней—36.

Не указано, кѣмъ нанесены раненія—31, изъ нихъ огнестрѣльныхъ—14, прочія—17.

Въ паникѣ пострадали—7.

При паденіи телефоннаго столба—2.

Пострадавшихъ военныхъ и полиціи—15 [1]), изъ нихъ огнестрѣльныхъ

[1]) Выше авторскій докладъ указывалъ 16.

Digitized by Google

раненій—2, камнями—5, *при паденіи съ лошадей—6*, помять толпой—1, не указано, какъ—1.

Изъ военныхъ пострадало 15, но изъ нихъ только 8 получили поврежденія отъ демонстрантовъ...

Каковъ былъ характеръ раненій?

Серьезныхъ раненій докладчикъ насчитываетъ 24, исключая всѣ смертные случаи. „Сюда относятся поврежденія костей, черепной коробки, раздробленіе трубчатыхъ костей, что въ 8 случаяхъ послужило причиной ампутаціи, пораненія суставовъ и перерѣзку сухожилья, что ведетъ къ ограниченію работоспособности конечности.

Выстрѣлы изъ военныхъ современныхъ винтовокъ на близкомъ разстояніи въ поясѣ до 300 шаговъ сообщаютъ такую силу полету пули, что она раздробляетъ кости въ мелкіе осколки и сильно повреждаетъ мягкія части. Только за этимъ поясомъ пуля становится „гуманной“ и не производитъ такихъ разрушеній. *На войнѣ въ Манчжуріи наблюдались почти исключительно раненія второго типа, а здѣсь на улицахъ, гдѣ стрѣльба производилась почти въ упоръ въ десяткахъ шаговъ, раненія оказываются очень неблагопріятными для жизни и здоровья пострадавшихъ. Отъ такихъ ранъ погибли многіе изъ убитыхъ...*

Большинство раненій прикладами и шашками и полученныхъ отъ черной сотни имѣютъ характерную особенность, именно, они наносятся въ голову. Волосистая часть головы и лицо представляютъ нерѣдко во многихъ мѣстахъ разсѣченныя и ушибленныя раны, кровоподтеки, ссадины. Приэтомъ одновременно замѣчаются поврежденія рукъ, которыми избиваемый старается прикрыть отъ ударовъ голову. *7 человѣкъ изъ отряда милиціи, избитые сначала драгунами и солдатами, а затѣмъ полицейскими въ участкѣ*, имѣютъ всѣ подобныя типичныя раненія... При битьѣ чѣмъ бы то ни было—палкой, плеткой, прикладомъ, камнемъ,—очевидно, прежде всего норовятъ попасть въ голову“ [1]).

Какъ же относились администрація и черная сотня къ дѣятельности врачей, добросовѣстно и нерѣдко самоотверженно выполнявшихъ свой долгъ человѣка и гражданина, безразлично по отношенію къ всѣмъ пострадавшимъ?

На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ у другого врача Н. П. Иванова въ его „Отчетѣ“ [2]).

Въ числѣ другихъ пунктовъ, назначенныхъ врачебнымъ совѣтомъ для подачи помощи пострадавшимъ, былъ участокъ при управленіи полиціймейстера.

---

[1]) См. 259 стр. доклада.

[2]) См. стр. 261 „Отчета о дѣятельн. врач. персонала Александровской больницы во время событій 10, 11 и 12 окт. 1905 г.“

Digitized by Google

Вотъ что пишетъ объ этомъ пунктѣ докторъ: „10-го раненыхъ доставлено 10 человѣкъ, изъ нихъ у 7 военныхъ и трехъ штатскихъ раненія— контужены камнями; одна огнестрѣльная рана— смерть. 11-го числа — 10 человѣкъ раненыхъ, изъ нихъ одинъ военный.

Въ три часа дня адъютантъ заявилъ врачу, что здѣсь пунктъ *только для военныхъ раненыхъ и полицейскихъ; на такихъ условіяхъ врачъ дальше работать отказался*, и этотъ пунктъ былъ переведенъ въ зданіе городской думы“.

11-го утромъ обѣ кареты для транспортированія раненыхъ въ больницу *подверглись нападенію манифестантовъ съ портретомъ*: были разбиты въ нихъ стекла, и лица, находившіяся въ каретахъ, получили удары въ разныя части тѣла камнями и палками; серьезныхъ раненій лицамъ медицинскаго персонала нанесено не было.

12-го октября центромъ событій ожидался университетъ, который вмѣстѣ съ прилегающими къ нему площадями былъ оцѣпленъ войсками, а потому врачебный совѣтъ рѣшилъ устроить пунктъ возможно ближе къ зданію университета, что удалось съ очень большими усиліями, такъ какъ *пропускъ черезъ солдатскія цѣпи даже для подачи медицинской помощи былъ очень затрудненъ*. При этомъ при проѣздѣ черезъ мѣста оцѣпленія *два врачебныхъ отряда были предметомъ насмѣшекъ, угрозъ и брани* со стороны разнузданныхъ солдатъ...“

Еще одинъ вопросъ: отдавали себѣ отчетъ полиція и войска при разстрѣлѣ, или стрѣльба производилась, какъ попало и въ кого попало?

По этому вопросу доклады врачей мало даютъ матеріала, но все-таки нѣкоторые факты въ высшей степени характерны.

„Юношей до 20 лѣтъ было 32, среди нихъ есть почти *дѣти 13—15 лѣтъ*. Кровь и страданья этихъ дѣтей ясно говорятъ о безразборчивомъ примѣненіи оружія со стороны подавлявшихъ безпорядки“—такъ пишетъ врачъ, и въ другомъ мѣстѣ добавляетъ: „Не избѣгли пули *даже нищіе*. За каждымъ случаемъ скрывается полный значенія для пострадавшаго и его близкихъ эпизодъ, иногда трагическій и вопіющій“.

Въ докладѣ, между прочимъ, въ числѣ пострадавшихъ указывается на 3 врачей и 7 милиціонеровъ. Необходимо еще разъ подчеркнуть, что врачи подавали помощь безразлично всѣмъ пострадавшимъ: и военнымъ, и частнымъ лицамъ. А милиція была разрѣшена губернаторомъ и милиціонеры шли въ самые темные закоулки на защиту несчастной запуганной еврейской бѣдноты и всюду, гдѣ они появлялись, встрѣчали привѣтствія и благословеніе мирнаго населенія, ожидавшаго погромовъ и грабежей.

Наибольшее число пораненій по докладу падаетъ на 11-ое октября „*въ связи съ казацкими залпами по публикѣ*“.

Интересно отмѣтить, что передъ этимъ разбивались ставни оружейнаго магазина „Спорта“ на Николаевской пл. и разбиралось оружіе; казаки и

Digitized by Google

драгуны дважды подъѣзжали къ толпѣ и дважды отступали послѣ рѣчей дѣвушки и студента, заклинавшихъ ихъ не проливать кровь братьевъ. Когда казаки въ замѣшательствѣ повернули коней, въ это время съ крыши зданія провокаторы стали стрѣлять и тогда казаки, растянувшись гуськомъ, поѣхали вдоль площади и стали разстрѣливать мирныхъ прохожихъ по-одиночкѣ, оставивъ безъ нападенія толпу у магазина „Спорта".

Точно также и наканунѣ вечеромъ драгуны и казаки дважды пытались разсѣять многочисленную толпу демонстрантовъ, мчась на нихъ во весь опоръ, дважды были обращены въ бѣгство холостыми выстрѣлами, не пытались препятствовать разгрому оружейнаго магазина Тарнапольскаго на Екатеринославской, зато разстрѣливали мирную публику на университетской горкѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Страхъ передъ вооруженнымъ отпоромъ и отвага передъ безоружными.

Этотъ страхъ и полное незнаніе силъ противника обнаружились и при осадѣ баррикадъ.

Командиры были увѣрены, что въ университетѣ и присутственныхъ мѣстахъ укрѣпились тысячъ 10, а въ числѣ требованій, предъявленныхъ осажденнымъ при выходѣ изъ университета, со стороны коменданта города было требованіе о „срытіи фугасовъ и минъ".

Это не шутка и не слухъ, а фактъ.

Въ университетѣ за баррикадами не пострадалъ никто, зато на Екатеринославской къ милиціонерамъ, вышедшимъ изъ университета, подошелъ провокаторъ, пытавшійся ихъ завлечь въ одинъ изъ дворовъ будто бы для полученія оружія, а на самомъ дѣлѣ въ засаду. Милиціонеры, разумѣется, не пошли, но были пока задержаны, а въ это время подоспѣли неожиданно драгуны и полиція, предложили имъ сдать оружіе, а когда они сдѣлали это, ихъ избили немилосердно и потащили въ участокъ.

То же избіеніе отряда милиціонеровъ произошло и въ другомъ мѣстѣ. Они тоже были увѣрены, что неприкосновенность личности имъ гарантирована, и тутъ тоже была одержана рѣшительная побѣда охранителей надъ „бунтовщиками".

Итакъ, *залпы по публикѣ* на Николаевской площади, на Торговой; залпы, отъ которыхъ падали прислуга, нищіе, дѣти, случайные прохожіе или служащіе, сидѣвшіе въ это время за конторкой, по несчастной случайности на пути шальной пули—вотъ „охрана людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга".

Если *это* охрана, то что же такое „безчинства и насилія"?... И гдѣ это насиліе? Тамъ ли, гдѣ милиціонеры охраняютъ бѣдноту съ разрѣшенія растерянныхъ властей, или гдѣ этихъ милиціонеровъ сперва избиваютъ на улицѣ, изъ-за угла, подавши вразплохъ и выманивши оружіе, а затѣмъ *уже избитыхъ* снова избиваютъ въ участкахъ?

Гдѣ безчинства и насилія, пусть отвѣтитъ на это тотъ калѣка-нищій,

Digitized by Google

который упалъ, обливаясь кровью, на мостовую, только потому, что подвернулся подъ пулю „охранявшихъ“ населеніе войскъ.

Охранители не считались съ психологіей „мирнаго населенія“, да и не могли считаться, не даромъ казаки черезчуръ часто падали съ лошадей и нетвердо держались на сѣдлахъ—у нихъ былъ „въ головѣ туманъ“, но тотъ, кто видѣлъ лица матерей и женъ въ эти дни, тотъ воочію представитъ себѣ всю вопіющую нелѣпость „октябрьской травматической эпидеміи“, которая порядокъ не спасла, а населеніе не укротила.

11-го и 12-го по больницамъ и по улицамъ метались женщины, заглядывали въ глаза трупамъ и умирающимъ, ища среди нихъ своихъ близкихъ; и развѣ казацкій офицеръ, упавшій съ лошади, представлялъ себѣ горе матери, потерявшей сына, когда лихо командовалъ разстрѣлъ мирной публики?

Охранитель, не твердо державшійся на сѣдлѣ, полагалъ, что борется съ „неслыханной смутой“, но опять-таки, при самомъ поверхностномъ анализѣ событій въ г. Харьковѣ, предшествовавшихъ манифесту 17-го октября, оказывается, что неслыханная смута замѣчалась въ средѣ охранителей и великая идея, поражающая дисциплина, самоотверженная любовь господствовали въ лагерѣ возставшаго народа.

Чтобы наши утвержденія не показались голословными и „тенденціозными измышленіями“, мы опять сошлемся на факты и документы. По прежде всего въ нѣсколькихъ словахъ мы намѣтимъ самый родъ событій, въ атмосферѣ которыхъ разыгралась „октябрьская травматическая эпидемія“.

Всеобщая политическая забастовка началась по бастующимъ линіямъ съ быстротою курьерскаго поѣзда.

10-го октября стали всѣ дороги Харьковскаго узла до Ворожбы, а къ часу этого же дня уже бастовалъ весь городъ [1]).

Торжественныя шествія по улицамъ съ красными знаменами, съ революціонными возгласами и съ пѣніемъ „Марсельезы“ и „Дубинушки“, многотысячные митинги, разгромъ неожиданный и стихійный оружейнаго магазина 10-го; грандіозный митингъ у паровознаго завода и одновременно занятіе университета учащимися и рабочими, забаррикадировавшими его и превратившими въ крѣпость въ центрѣ города, а наряду съ этимъ разгромъ оружейнаго магазина и разсѣяніе черносотенцевъ на Николаевской площади—11-го октября; образованіе къ вечеру этого же дня революціоннаго „Комитета борьбы“ (изъ эсъ-дековъ и эсъ-эровъ) и либеральнаго „комитета безопасности“ изъ освобожденцевъ; организація милиціи для защиты населенія отъ громилъ,

---

[1]) Мы не будемъ подробно останавливаться на отдѣльныхъ событіяхъ этихъ дней и рисовать картину грандіозной борьбы всего народа съ кучкой насильниковъ, укрывшихся подъ сѣнь штыковъ,—это мы сдѣлали въ другой статьѣ—„Октябрьскіе дни въ г. Харьковѣ“. *В. Л.*

Digitized by Google

возвѣстившихъ „смерть жидамъ и студентамъ“; разогрѣвъ мирной толпы и нападенія войскъ на милиціонеровъ послѣ разрѣшенія губернаторомъ милиціи; выходъ защитниковъ баррикадъ изъ университета послѣ 30 часовъ и всенародный митингъ, привѣтствовавшій „борцовъ народа“ на Скобелевской площади—12-го октября; похороны жертвъ „травматической эпидеміи“, поражавшія своей величественной красотой—14-го; объявленіе г. Харькова на военномъ положеніи—15-го октября,—вотъ событія въ городѣ Харьковѣ, предшествовавшія опубликованію манифеста 17-го октября.

Въ этихъ событіяхъ принимало участіе все населеніе города отъ мала до велика, передовымъ отрядомъ всегда и всюду являлись рабочіе и учащіеся.

Какъ же вели себя въ эти дни революціонеры и охранители?

На это даютъ отвѣтъ нѣкоторые изъ документовъ, имѣющихся у меня, и фактовъ, очевидцемъ которыхъ пришлось мнѣ быть самому въ октябрьскіе дни.

Изъ университета-крѣпости засѣдавшій тамъ непрерывно „Комитетъ борьбы“ обратился 11-го и 12-го къ населенію и солдатамъ съ цѣлымъ рядомъ листковъ, которые расходились по городу въ тысячахъ экземпляровъ.

Интересно, что въ этихъ листкахъ не было призыва къ кровавымъ расправамъ, въ нихъ, наоборотъ, съ негодованіемъ клеймились безсмысленныя звѣрства охранителей и всѣ силы направлялись къ предупрежденію новой бойни.

Начнемъ съ бюллетеня, отпечатаннаго ночью 11-го октября.

„Второй день харьковской революціи. ... Собрались студенты въ университетѣ. Всеобщее возбужденіе. Единодушное рѣшеніе принять дѣятельное участіе въ революціонной борьбѣ. Сильный притокъ посторонних лицъ въ университетъ. Вооруженные студенты составляютъ отдѣльную многочисленную группу, остальные принялись за сооруженіе баррикадъ. Женщины и дѣти тащатъ бревна и камни. Баррикады сооружены. На нихъ взвились красныя знамена. Колокольный звонъ возвѣщаетъ народу о завоеваніи центра города. Баррикады наполняются защитниками. Вотъ пришли товарищи-рабочіе съ паровозостроительнаго завода, гдѣ у нихъ съ утра шелъ грандіозный митингъ; побѣда полная. Силы всѣхъ удесятеряются. Начинается организація всѣхъ умѣющихъ хорошо владѣть оружіемъ. *Отряды „милиціонеровъ отправляются въ городъ по всѣмъ направленіямъ для защиты угнетенныхъ жителей отъ нападенія черной сотни.* На баррикадахъ дежурятъ караулы. Комитетъ борьбы. 11-го октября ночью“.

Двѣнадцатаго утромъ было распространено воззваніе къ гражданамъ. Приводимъ его полностью:

„Граждане города Харькова! *Вчера пролита кровь вашихъ дѣтей. Вы не должны допустить дальнѣйшей бойни.* Народъ возсталъ

Digitized by Google

противъ самодержавія, онъ требуетъ неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ. Онъ требуетъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія народа, съ негодованіемъ отвергаетъ Государственную Думу— эту гнусную попытку разъединить и обмануть народъ. Комитетъ борьбы возставшаго народа призываетъ васъ, граждане, сегодня, въ 1 часъ дня, на Скобелевскую площадь на всенародный митингъ для обсужденія своихъ нуждъ и открытаго предъявленія своихъ требованій. *Администрація уже сдѣлала уступку: губернаторъ обѣщалъ убрать войска, если комитетъ организуетъ охрану.* Только Николаевскую площадь губернаторъ оставилъ за собою, *уступивъ остальныя площади въ пользованіе народа.* Комитетъ борьбы вмѣстѣ съ комитетомъ безопасности организуетъ народную милицію и призываетъ гражданъ доставлять въ университетъ оружіе, припасы, провіантъ. Комитетъ борьбы. 12-го октября 1905 г.".

Черезъ всѣ эти воззванія красной нитью проходила мысль о защитѣ гражданъ, и это не пустая фраза: всюду, гдѣ появлялись милиціонеры, черносотенцы исчезали, какъ чортъ отъ ладона.

Населеніе оцѣнило эту истинную, самоотверженную охрану.

Когда 12-го изъ университета вышли 600 защитниковъ баррикадъ и направились черезъ Павловскую площадь на Скобелевскую, на всемъ ихъ пути стояли двѣ живыя стѣны, у всѣхъ на глазахъ были слезы, а на устахъ—„Привѣтъ борцамъ народа".

Привѣтствовали старики, женщины и дѣти, чиновники и бѣдный нечиновный людъ, русскіе и евреи, а въ это время войска медленно покидали площадь и отходили въ сторону. На ихъ глазахъ „внутреннимъ врагамъ" весь городъ говорилъ: „Привѣтъ борцамъ народа", и передъ „бунтовщиками" и „крамольниками" всѣ, отъ мала до велика, снимали шапки.

Несомнѣнно, и на солдатъ произвели громадное впечатлѣніе событія этихъ дней. Вѣдь они долгіе часы простояли у баррикадъ, они видѣли поразительную дисциплину и единодушіе осажденныхъ. Ни одного выстрѣла, ни одного грубаго окрика не раздалось на университетской территоріи.

На ихъ глазахъ милиціонеры шли почти на вѣрную гибель и въ одномъ мѣстѣ даже казаки привѣтствовали ихъ вмѣстѣ съ народомъ криками „ура".

Что „октябрьская травматическая эпидемія" не прошла для солдатъ даромъ, это показали ноябрьскіе дни. Всего мѣсяцъ прошелъ послѣ разрушенія баррикадъ— и вотъ тѣ же самые солдаты съ музыкой, съ тысячами рабочихъ пришли на Павловскую площадь къ зданіямъ университета и тамъ въ числѣ другихъ „солдатскихъ требованій" предъявили растерявшимся отцамъ-командирамъ требованія отмѣны смертной казни и несенія войсками полицейской службы.

Digitized by Google

Мы, однако, отвлеклись нѣсколько въ сторону, вернемся къ темѣ, какъ же вела себя администрація въ дни „октябрьской травматической эпидеміи“?

Она проявила полную растерянность; мало того, ея агенты напрягали всѣ силы, чтобы вызвать „неслыханную смуту“ и братоубійственную войну и только хладнокровіе, энергія и мужество революціонеровъ и сознательность рабочихъ мѣшали осуществленію преступныхъ плановъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, исполнявшимъ всюду высшія предначертанія администраціи, являлся всюду провокаторъ, иногда просто переодѣтый полицейскій, иногда чинъ охраннаго отдѣленія съ пропускомъ отъ полиціи. Не проходило буквально ни одного митинга, гдѣ бы не раздавался неожиданный провокаторскій выстрѣлъ и вслѣдъ за этимъ какой-то безумный крикъ: „Казаки!“

На митингѣ на Вощенковской левадѣ (10-го) такой крикъ и выстрѣлъ едва не привели къ катастрофѣ. Тамъ было народу около 30.000. И вотъ тысячи обезумѣвшихъ людей бросились въ сторону, не зная, куда они бѣгутъ и зачѣмъ; многія женщины попали въ канаву. Къ счастію, на митингѣ были революціонеры, и они сумѣли водворить порядокъ.

На Николаевской площади при появленіи войскъ стрѣляли съ крышъ опять тѣ же негодяи и провоцировали войска на разстрѣлъ. Напрасно революціонеры безъ оружія, съ открытой грудью обращались съ рѣчью противъ этихъ возмутительныхъ, преступныхъ дѣйствій — выстрѣлы продолжались.

Да не подумаетъ читатель, что опять-таки я привожу непровѣренные слухи, я привожу фактъ, засвидѣтельствованный самой администраціей. Въ день похоронъ 14 убитыхъ (изъ 21) десятки тысячъ народа сошлись къ часовнѣ анатомическаго театра. Царили гробовая тишина и величественный порядокъ.

Вдругъ выстрѣлъ.

Въ публикѣ смятеніе.

Исполняя постановленіе „Комитета борьбы“, публика тотчасъ же задержала стрѣлявшаго. Онъ пытался солгать, назвалъ себя рабочимъ отъ Соде; призвали рабочихъ этого завода, провѣрили и убѣдились, что стрѣлявшій лжетъ. Кромѣ того, нашли у него карточку отъ полицейскихъ властей. Ясно было, что это за птица. Схватившіе провокатора уже хотѣли расправиться съ нимъ тутъ же на мѣстѣ, но подоспѣли революціонеры изъ „Комитета борьбы“ и постановили его арестовать, а затѣмъ съ поличнымъ возвратить „пославшимъ его“.

„Прекрасное къ прекрасному!“

У судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ имѣется матеріалъ объ этомъ „агентѣ“.

Digitized by Google

Но фантазія охраннаго отдѣленія и полицейскаго участка шла и дальше провокаторскихъ выстрѣловъ. Разныя темныя личности пытались въ цѣляхъ „охраны людей мирныхъ“ вести широкую агитацію, которая опять-таки была разоблачена „Комитетомъ борьбы“ и возмутила все населенье.

Нужно сказать, что рядомъ съ университетомъ стоитъ соборъ, въ которомъ находится чтимая населеніемъ икона. И вотъ 11-го и 12-го погромщики по убѣжденію и вахмистры по воспитанію начинаютъ въ ротныхъ кварталахъ, а въ особенности на Московкѣ, гдѣ живетъ масса мѣщанъ, мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ и т. д., распространять возмутительную ложь о томъ, что революціонеры-жиды забрались въ соборъ, надругались надъ престоломъ и на... и на икону.

Эта ложь почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ расцространялась всюду не только въ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ. Мало того: уже 12-го на митингѣ на Скобелевской какая-то темная личность съ наглою рѣчью объ этомъ обратилась къ двадцатитысячной толпѣ.

Если бы не революціонеры, этого провокатора, а, можетъ быть, одураченнаго москалевца, толпа разорвала бы.

Разумѣется, тотчасъ же постановили, чтобы соборъ былъ осмотрѣнъ старостой собора и духовенствомъ и чтобы былъ напечатанъ протоколъ осмотра.

На другой же день это было исполнено.

Откуда шли эти слухи—выяснить не трудно. Уже вскорѣ послѣ октябрьскихъ дней околоточный надзиратель повторялъ эту уже опровергнутую басню передъ дѣвушкой, которую принялъ за наивнаго ребенка. Встрѣтивъ рѣзкій отпоръ, онъ поспѣшилъ ретироваться.

Если въ Харьковѣ не произошелъ страшный, кровавый погромъ, то только благодаря тому, что „неслыханной смутѣ“, производимой администраціей, были противопоставлены широкая соціалъ-демократическая агитація среди рабочихъ массъ и своевременное выступленіе „Комитета борьбы“, во-время прекращавшаго „безчинства и насилія“, во-время защитившаго населеніе отъ тѣхъ, кому поручена „охрана людей мирныхъ“.

Мы думаемъ, что изъ нашего очерка читатель выяснилъ себѣ значеніе вышеприведеннаго термина, который звучитъ хотя не научно, да зато въ униссонъ съ дѣйствительностью.

„Октябрьская травматическая эпидемія“—это звѣрскія убійства и калѣченье живыхъ людей за то, что они хотѣли неприкосновенности личности, свободы и свѣта.

Эта эпидемія зародилась среди тьмы и гноя зловонныхъ участковъ. Безсильная злоба, безстыдство и тупость „охраны“—вотъ ядовитый грибокъ, со страшной быстротой размножающійся въ благопріятной средѣ.

Борьба противъ этой эпидеміи—долгъ не только санитарныхъ врачей,

Digitized by Google

но и каждаго честнаго гражданина. Безстыдству и тупости, наглому обману и безсильной злобѣ нужно противопоставлять широкую работу въ массахъ.

Самоотверженный героизмъ массъ и сочувствіе войска—вотъ оружіе противъ кровавой „травматической эпидеміи“.

Докторъ Н. Ивановъ заканчиваетъ свой докладъ такимъ заявленіемъ: „*Имѣя въ виду возможность повторенія подобныхъ событій*, врачебный совѣтъ и на будущее время изъявляетъ свою полную готовность прійти на помощь пострадавшимъ въ указанныхъ ближайшихъ къ Александровской больницѣ мѣстахъ, надѣясь, что другія части города будутъ обезпечены ближайшими къ нимъ медицинскими учрежденіями“.

Конецъ знаменательный, особенно, если помнить, что докладъ написанъ послѣ возвѣщенныхъ „незыблемыхъ основъ свободы“.

Добрый докторъ надѣется что граждане будутъ обезпечены *медицинскими учрежденіями*, на большее онъ не надѣется!..

Граждане города Харькова! Надѣйтесь же, что когда васъ опять будутъ разстрѣливать, какъ куропатокъ, рубить и колоть, бить по головамъ прикладами, у васъ будетъ приставище въ больницѣ или аптекѣ.

Пусть врачи устраиваютъ „пункты“, готовятъ каретки скорой помощи и перевязки, пусть борются съ *проявленіями* эпидеміи,—„волненіе“ растетъ, „внѣшнія формы жизни“ должны быть измѣнены, и онѣ измѣнятся.

Не долго ждать!..

В. Львовъ.

Digitized by Google

Критика и библіографія.

Д. Ратгаузъ. Полное собраніе стихотвореній. Въ 2-хъ томахъ. Изд. М. Вольфа. Спб. 1906 г. Стр. 231+184. Ц. 3 р.

Два огромныхъ тома стиховъ. Украшенія въ текстѣ г. Ворнсведе, шрифты Вольфа, бумага Верже, портретъ автора—чьей бишь онъ работы? Мы такъ и не знаемъ, въ какой фотографіи былъ сдѣланъ приложенный къ книгѣ портретъ. Но поэзія, поэзія чья въ этихъ стихахъ Д. Ратгауза? На этотъ послѣдній вопросъ гораздо легче отвѣтить, чѣмъ на вопросъ объ имени фотографа: это — поэзія Фета, Плещеева и Полонскаго, но разжиженная, обезцвѣченная и обезположенная г. Ратгаузомъ. Отрицать у автора талантъ никакимъ образомъ нельзя: онъ есть и отъ поры до времени, черезъ каждыя 30—40 страницъ, даетъ о себѣ знать искренно-простымъ чувствомъ или трогательно-безыскусственнымъ образомъ. Но im Grossen und Ganzen г. Ратгаузъ—типичный представитель банальщины и буржуазной безкровности чувства. У своихъ великихъ учителей онъ не взялъ—да и не могъ взять—проникновенной серьезности и подлинности ихъ переживаній, не унаслѣдовалъ ихъ многограннаго сердца, ихъ индивидуальнаго языка, ихъ подкупающей искренности.

Плещеевъ, Полонскій, а также П. И. Чайковскій когда-то съ похвалой отзывались объ опытахъ г. Ратгауза; теперь приходится признать, что эти похвалы, высказываемыя, главнымъ образомъ, въ счетъ будущихъ успѣховъ г. Ратгауза, не были имъ оправданы. Впрочемъ, есть одна область или, вѣрнѣе, одинъ родъ стихотворства, гдѣ г. Ратгаузъ достигъ значительнаго искусства, это—романсы, мягкія, пѣвучія, расплывчатыя стихотворенія, чрезвычайно удобно укладывающіяся въ рамки романскаго пѣнія. Дѣйствительно, многіе стихи г. Ратгауза въ этомъ родѣ были переложены на музыку нашими композиторами, и въ томъ числѣ и П. И. Чайковскимъ; назовемъ, напр., „Снова, какъ прежде, одинъ“ и „Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки“. Но пригодность этихъ стиховъ для музыкальной иллюстраціи ихъ литературную цѣнность, конечно, не увеличиваетъ, и при обзорѣ „поэзіи“ г. Ратгауза мы можемъ эту музыкальную сторону его пьесъ исключить.

Digitized by Google

Если бы стихи нашего автора производили впечатлѣніе искренности, а не позы и манеры, то пришлось бы отнестись къ нему съ глубокимъ состраданіемъ, такъ онъ щедръ на минорныя слова и фразы. Усталый, одинокій, измученный, съ безбрежной горестью, съ холодной тоской ходитъ онъ по свѣту, тая въ сердцѣ фонтаны слезъ: „Слезы холодныя, муки безсонныя, сколько васъ въ сердцѣ моемъ!“ Эта слезливость въ приводимомъ ниже небольшомъ стихотвореніи принимаетъ прямо комическіе размѣры:

Я проплакалъ всю ночь по угасшемъ быломъ,
Тяжкой болью мнѣ сердце томящемъ.
Загорѣлась заря, и проплакалъ я днемъ
Надъ печальнымъ моимъ настоящимъ.
День къ закату идетъ. Задремали цвѣты
И предъ вечеромъ грустно идущимъ
Я заплакалъ опять, безъ надеждъ, безъ мечты
Предъ моимъ безпросвѣтнымъ грядущимъ.

Положеніе и настроеніе, однимъ словомъ, отчаянное. Въ чемъ же, однако, дѣло? Гдѣ причина этой слезливости, горести, утраты желаній и пр.?

Чтобы уяснить себѣ эту причину, надо выдѣлить изъ обоихъ томовъ г. Ратгауза его главнѣйшія мысли, его любимѣйшія темы. Этихъ темъ и мыслей три: женская любовь, неизбѣжность смерти и бренность всего живущаго. Женская любовь... Какія нѣжныя, безконечно разнообразныя и безконечно-глубокія строфы подсказала она Гейне! И какой убогій, однотонно-альбомный колоритъ имѣетъ она въ стихахъ нашего автора!

Я хочу, такъ безумно и жарко любя,
Отцвѣсти на груди у тебя!
. . . . . .
Я жду—ты не идешь.
Зачѣмъ ты солгала? Нѣтъ, лучше было бъ сразу
Раскрыть тайникъ души, сказать: я не люблю!
И вырвалъ я тогда бъ изъ сердца, какъ заразу,
Любовь безумную, мятежную мою!

Еще одно неудачное ожиданіе:

Давно гляжу я вдаль, къ стеклу окна приникъ,
Съ истомой сладостной, съ тревожною тоскою.
. . . . . .
„Ты любишь ли?“—твержу, объятый полусномъ,
И сердце грустно такъ лепечетъ мнѣ: едва ли!

А вотъ другой, противоположный по настроенію, моментъ:

Ночь вся нѣги полна. О, *зайдемъ* же скорѣй,
О, *зайдемъ* же ко мнѣ—и ты станешь моей!

Мотивы, которыми онъ уговариваетъ ее, очень убѣдительны:

Digitized by Google

Отъ желаній я пьянъ,
Отъ тоски по тебѣ изсушилася грудь,
Отъ безсонной тоски *мнѣ пора отдохнуть.*

Въ его любовныхъ стихахъ нѣтъ ничего индивидуальнаго, тонкаго и красочнаго: забвенье, нѣга, жаръ лобзаній, хоть часъ да нашъ, отрада отъ земной пошлости, „вѣчная тайна", ожиданіе, обладаніе, разлука, „разлюбленіе", цѣпи свѣта—вотъ и весь банальный и давно опостылѣвшій арсеналъ его любовныхъ словъ и понятій. Мужчина—blasé, съ до времени дряхлой и глубоко равнодушной душой, способный влюбляться, клясться и разлюблять каждый разъ одинаково искренно; женщина—съ однобоко развитой чувствительностью и съ покорнымъ сердцемъ рабыни,—такова схема отношеній между полами у г. Ратгауза. Холоднымъ мужскимъ эгоизмомъ и презрѣніемъ къ женщинѣ проникнуто стихотвореніе „Современной женщинѣ"; послѣдняя для чего-то сообщила автору, что теперь „иную женщина нашла себѣ дорогу, дорогу свѣтлую науки и труда" и что „девизъ ея—свобода и права". Въ отвѣтъ авторъ восклицаетъ: „Какія громкія, но... жалкія слова!" И жалкія они вотъ почему:

О, еслибъ знала ты, новѣйшихъ дней созданье,
Что съ самыхъ древнихъ поръ, съ начала мірозданья

„Богъ хранилъ въ женщинѣ не разумъ, а любовь и сердца доброту" и что такихъ, какъ его собесѣдница, *современныхъ* женщинъ Богъ готовъ отдать цѣлый „сонмъ за нѣжную жену и любящую мать". Отдавая должное благочестію г. Ратгауза, который аргументируетъ in verba Dei и знаетъ досконально, какія были у Бога намѣренія „съ начала мірозданья", нельзя не отмѣтить и наивнаго эгоизма этихъ словъ: авторъ, видимо, и не замѣчаетъ, что желаніе самой женщины—устроить свою жизнь такъ или иначе—онъ игнорируетъ совершенно.

Второй и третій „тезисы" г. Ратгауза—о неизбѣжности смерти и тлѣнности всего на землѣ—по самому существу своему граничатъ съ трюизмами и прописью. На разные лады, утомительно и монотонно, скорбитъ онъ о томъ и о другомъ, довольно успѣшно повторяя добрые, старые образцы на эту тему Жуковскаго. Таково главное содержаніе тѣхъ стиховъ г. Ратгауза, которые носятъ личный характеръ; разлука послѣ обладанія женщиной и неизбѣжность промежутка до обладанія новой женщиной, мысль о смертности и быстротечности всего земного—таковы причины пессимизма и грусти автора.

Очень невелика по числу пьесъ, но очень типична по содержанію та часть „Полнаго собранія" стиховъ г. Ратгауза, которая трактуетъ темы общественныя и вопросы искусства.

Вотъ какіе вымученные и фальшивые звуки издаетъ муза г. Ратгауза по поводу русско-японской войны:

Digitized by Google

Война, война! и сердце рвется,
И мысль измученная бьется
Въ тѣхъ окровавленныхъ краяхъ,
Гдѣ боль и вопль, гдѣ смерть и страхъ...
. . . . . .
Гдѣ вы, Египта фараоны,
Гдѣ ваше царство нынѣ, гдѣ?
Гдѣ древнихъ грековъ легіоны?
Гдѣ Карѳагенъ и Римъ?—Нигдѣ?
Гдѣ вы, былые Сиракузы?
Гдѣ Іудеи пышный тронъ?
Гдѣ вы, великіе французы,
И гдѣ вашъ вождь, Наполеонъ?
и т. д.

Эти историко-географическіе выкрики долженствуютъ отмѣтить всю призрачность и тлѣнность бранныхъ подвиговъ,—какъ будто это и есть главный доводъ противъ войны!

Не менѣе фальшиво звучатъ и тѣ пьесы, которыя опредѣляютъ взглядъ автора на искусство. Оказывается, что щитъ и мечъ нуженъ только тому, кто хочетъ „въ мірѣ зло пресѣчь“ и бороться за гибнущаго брата, поэтъ же долженъ забросить мечъ, запрятать щитъ и „пѣть пѣсни нѣжныя для міра“. Авторъ и не подозрѣваетъ, видимо, что и лира можетъ быть браннымъ мечомъ и что и поэтамъ иногда не чуждо желаніе „зло пресѣчь“. Авторъ знаетъ, что съ пѣвцами новыми ему рядомъ не идти:

Я неба не сыщу въ ихъ пѣснопѣньяхъ новыхъ,—
Мнѣ суждено брести по своему пути.

Идти по своему пути—что же лучше и выше этого для художника? Но „свой“ ли путь у нашего автора, или чужой—хорошо утрамбованная и избитая большая дорога, гдѣ на каждомъ шагу—оставленные многочисленными прохожими слѣды?..

Для полноты приведемъ еще необычайно характерное для нашего автора безсильно-дряблое стихотвореніе „Итоги жизни“:

Дѣтство. Книжка. Скука.
Лѣность и угрозы,
И ученья мука,
И въ итогѣ—слезы.
Юность. Перемѣна.
Страсти пылкой грезы.
Поцѣлуй. Измѣна
И въ итогѣ—слезы.
Мужество. Томленье.
Терны, а не розы.
Жизнью пресыщенье
И въ итогѣ—слезы.

Digitized by Google

Старость. Побѣждаютъ
Скучной жизни грозы.
Силы таютъ, таютъ...
И въ итогѣ—слезы.

Да, грустные, даже мрачные итоги... Но иначе и не можетъ быть: такъ сурово, но заслуженно караетъ великая, многоголосая и повелительная жизнь за сознательное суживаніе духовной сферы, за сознательное игнорированіе всѣхъ лучшихъ и важнѣйшихъ сторонъ человѣческаго бытія. Жить полной грудью, творить всѣми силами, или мерцать тусклымъ, коптящимъ факеломъ—tertium non datur...

Л. Вас—ій.

З. Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. II. Книгоиздательство „Скорпіонъ".

Издатели прежде всего жалуются въ предисловіи на „административную репрессію, которой подверглось первое изданіе предлагаемаго перевода „Небожественной комедіи". Она, по ихъ словамъ, мѣшаетъ „внушить читателю художественно-критическую точку зрѣнія на поэму Красинскаго". Съ своей стороны, „Скорпіонъ" опять „заявилъ категорически", что въ драматической поэмѣ З. Красинскаго „мы видимъ одинъ изъ наиболѣе *художественныхъ шедевровъ* классической польской литературы". Талантъ и пламенный польскій патріотъ, Красинскій жилъ еще въ 1812—1859 гг. И связь его съ современностью—въ большой субъективности-индивидуализмѣ, напоминающемъ Ибсена; въ „аристократизмѣ" духа—по теперешнему—à la Ницше; наконецъ, въ манерѣ творчества, которой теперь отличаютъ себя приверженцы „неоромантизма". Отнюдь не устарѣло звучатъ эти возглашенія „вождя народа" Панкратія въ „Небожественной комедіи": „Дряхлые, источенные червями, пресыщенные питьемъ и ѣдой! Дайте мѣсто молодымъ, голоднымъ и сильнымъ!" Или философствованіе... „воскреснетъ Богъ, которому уже не будетъ смерти, Богъ, трудомъ и страданіемъ освобожденный отъ завѣсъ". „Богъ *человѣческаго* открылся прозрѣвшимъ Истину".

Красивы и дѣйственны и сейчасъ (у Гауптмана нынѣ, какъ будто, повторяются подобные мотивы) иныя драматическія положенія „рыцаря-поэта" „Небожественной комедіи". Гармонично и ярко проведены въ пьесѣ пессимизмъ и своеобразное донкихотство главнаго героя, что, однако, ничуть не кажется далекой и чужой вполнѣ исторіей и нашему вѣку съ его *муками сознанія*. Очень выразительны эти слова кидающагося въ бездну борца—противу „сыновъ мѣщанки"—„вижу ее всю черную, пирью темноты подплывающую ко мнѣ, мою вѣчность, безъ береговъ, безъ острововъ, безъ края,—а среди ея Богъ,

Digitized by Google

какъ солнце, что вѣчно пылаетъ, вѣчно сіяетъ, но ничего не освѣщаетъ". И, за всѣмъ тѣмъ, что касается признанія „Небожественной комедіи" художественнымъ шедевромъ, мы поспоримъ. Если хотите, вся поэзія—міръ символовъ. Но плодоносимыхъ въ творчествѣ болѣе или менѣе непосредственномъ, свободно и... чуть-чуть и безсознательно-вдохновенномъ. А не въ построеніяхъ преднамѣренныхъ, литературно-условныхъ, нарочито-подготовленныхъ образовъ. Подлинно и безусловно поэтическихъ, неумирающихъ *шедевровъ* не найдемъ именно въ пьесахъ спеціально символическаго и аллегорическаго характера ни у кого—ниже у самого Гете. И у Красинскаго слабѣйшая сторона „драматической поэмы"—лже-художественная символистика и аллегоричность, а не старосвѣтскія *тенденціи*: у таланта и ума жизнь и правда такъ или иначе скажутся!

А. Налимовъ.

Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Составилъ Н. Денисюкъ. Вып. I. М. Изд. А. С. Панафидиной. Ц. 1 р.

Сочиненія Островскаго, его „пьесы жизни", какъ выразился Добролюбовъ, до сихъ поръ читаются, признаны, наконецъ, и средней школой, смотрятся и исполняются съ интересомъ и ставятся, слѣдовательно, съ успѣхомъ. Очевидно, бытовое содержимое ихъ не вовсе изсякло (радоваться-ли тому, нѣтъ ли) отъ времени, отраженіе дѣйствительности задано въ нихъ рукою мастера съ психологическою правдою. И то вѣрно: не богаты мы оцѣнками, характеристиками художественно-соціальной личности виднаго своего драматурга. Вѣдь и въ знаменитомъ „Темномъ царствѣ" Добролюбова больше благороднаго, гражданскаго лиризма, тонко-литературнаго сатиризма, общественно-этической проповѣди, нежели анализа реальнаго, подлиннаго творчества Островскаго въ его цѣлокупности. Не за горами и 25-лѣтіе со дня смерти А. Н., и собрать наличную „критическую литературу" о произведеніяхъ его г. Денисюкъ вздумалъ кстати. Уже въ первый выпускъ (1852—1859 гг.) вошло около 400 страницъ. Здѣсь приводятся сужденія Тургенева, Добролюбова, Чернышевскаго, пѣвца Островскаго—Ап. А. Григорьева, Эдельсона, когда-то извѣстнаго критика, жившаго въ 1824—1868 гг., и нѣкоторыхъ *анонимовъ*. Послѣдніе у г. Денисюка частью повторяются, частью слишкомъ незначительны.

Въ статьяхъ этого выпуска уже затронуты пьесы, на которыхъ зиждется, главнымъ образомъ, слава Островскаго—болѣе или менѣе новатора—основателя нашего художественно-реальнаго, общественнаго, народнаго, что ли, театра. Бытовыя драмы „Свои люди сочтемся", „Не въ свои сани не садись", „Бѣдность—не порокъ", обрисовываютъ *школу* Островскаго, въ высшей степени объективно изобразившаго мірокъ отечественныхъ

Digitized by Google

бюргеровъ съ культурою московско-византійскаго пошиба, который отзывается на русской жизни и до сегодня. Разбирается въ сборникѣ и пьеса „На чужомъ пиру—похмѣлье“, гдѣ произносится и самое типичное словечко—„самодуръ“. Выясняется и широта захвата у Островскаго въ жанрахъ и портретахъ—отъ слабовольнаго, напр., *интеллигента* Жадова до пьяницы, босяка въ своемъ родѣ, Любима Торцова.

Всѣ критики этого выпуска говорятъ и объ языкѣ Островскаго (этомъ „соціальномъ пространствѣ идей“—по опредѣленію французскаго мыслителя).

Слабѣйшая часть выпуска „А. Н. Островскій“—біографическій очеркъ. Слишкомъ изобилуетъ онъ общими мѣстами, паѳосомъ, компилятивными идеями и таковыми же досадно-длинными отступленіями. Примѣчаніями къ статьямъ г. Денисюкъ увеличиваетъ цѣнность своего сборника, какъ справочнаго пособія.

А. Налимовъ.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Мемуары декабристовъ (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла съ вводной статьей). Изд. кн. маг. С. И. Иванова и К°. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Всякое политическое общество имѣетъ въ своихъ рядахъ людей различной степени активности и преданности дѣлу. Когда такое общество подвергается ударамъ со стороны властей, когда начинаются допросы, аресты, угрозы репрессіей,—естественно, находятся и отступники, и предатели, и просто люди, которые безсознательно запутываютъ другихъ, стараясь выгородить себя. Казалось бы, самое простое дѣло понять, что долгъ военно-плѣннаго въ гражданской войнѣ тотъ же, что и долгъ военно-плѣнныхъ въ войнѣ международной: прежде всего молчать, но оправдываться, не раскрывать непріятелю своихъ силъ. Къ сожалѣнію, только путемъ долгаго и горькаго опыта приходятъ военно-плѣнные гражданской войны къ сознанію своихъ прямыхъ обязанностей. У декабристовъ не было этого опыта.

Прибавьте къ отсутствію опыта декабристовъ громадный опытъ побѣдителей по части сыска—и вамъ понятна станетъ та безконечно грустная картина взаимныхъ оговоровъ и выдачъ, какую рисуютъ „мемуары“, изданные Довнаръ-Запольскимъ. „Многіе изъ декабристовъ не ограничивались отвѣтами на вопросы комиссіи, но дали цѣлые пространные мемуары, излагающіе исторію тайныхъ обществъ съ ихъ точки зрѣнія, степень своего участія въ дѣлѣ, участія *другихъ лицъ*“...—такъ выражается г. Довнаръ-Запольскій. „Мемуары“ объ участіи другихъ лицъ, подаваемые въ слѣд-

Digitized by Google

ственную комиссію,—это уже не мемуары, а попросту доносы. Рядомъ съ доносами на другихъ въ тѣхъ же „мемуарахъ“ выясняются побудительныя причины образованія тайнаго общества, „задушевныя мысли“ и „патріотическія цѣли“. Для кого это писалось? Какую цѣль могли преслѣдовать пишущіе? Даже поверхностный анализъ „мемуаровъ“ приводитъ къ заключенію, что изложеніе „задушевныхъ мыслей“ и т. п. представляетъ собою не что иное, какъ письменныя защитительныя рѣчи, причемъ авторы рѣчей употребляютъ самые разнообразные пріемы защиты: самообличеніе, раскаяніе, оговоръ другихъ, злобныя выходки противъ руководителей и т. п. „Все это,—говоритъ Довнаръ-Запольскій,—въ высшей степени интересный матеріалъ для характеристики лицъ и цѣлой эпохи“. И очень мутный матеріалъ,—нужно прибавить: этотъ матеріалъ цѣненъ для характеристики мелкой, малодушной фигуры его авторовъ—и только. Вѣрить предателямъ, обливающимъ помоями руководителей,—значило бы добровольно и сознательно обманывать себя. И къ чести декабристовъ слѣдуетъ отмѣтить, что, по признанію Довнаръ-Запольскаго, изслѣдовавшаго весь слѣдственный матеріалъ, далеко не всѣ декабристы были настроены такъ, чтобы изливать „волновавшія ихъ чувства“. Огромное большинство только отвѣчало на вопросы. Среди важнѣйшихъ участниковъ намѣчается группа въ лицѣ Пестеля, Сергѣя Муравьева, Бестужева-Рюмина, Волконскаго, Никиты Муравьева и другихъ; лица этой группы, по словамъ Довнаръ-Запольскаго, начали свои отвѣты отрицаніемъ; но когда увидѣли, что комиссіи многое извѣстно, то дали точныя разъясненія. Они откровенно выясняютъ степень своего личнаго участія, но воздерживаются привлекать новыхъ лицъ. Далѣе идетъ группа лицъ, упорно отрицавшихъ всѣ обвиненія, отговаривавшихся запамятованіемъ, дававшихъ неопредѣленные и путаные отвѣты. Наконецъ, Лунинъ упорно отмалчивался; Довнаръ-Запольскій называетъ только одного этого человѣка въ числѣ лицъ, правильно понявшихъ обязанности военно-плѣннаго.

„Нѣкоторые,—говоритъ Довнаръ-Запольскій,—были слишкомъ горды, чтобы лгать даже и на слѣдствіи: они не скрывали ничего о себѣ, стараясь скрывать лишь имена сотоварищей“. Гордость, выражающуюся въ нежеланіи лгать даже и на слѣдствіи, можно только одобрить. Но нежеланіе лгать и разсказать о себѣ—двѣ вещи разныя. И человѣкъ, дѣйствительно обладающій указанной благородной гордостью, имѣетъ только одинъ прямой и безупречный путь дѣйствій—полный отказъ отъ дачи какихъ бы то ни было показаній. Въ политической дѣятельности, гдѣ все заключается въ сношеніяхъ и отношеніяхъ между людьми, дать откровенныя показанія о себѣ часто означаетъ дать косвенныя указанія на другихъ [1]). Только не-

[1]) Напримѣръ, *только о себѣ* вы разсказываете, что тогда-то въ Петербургѣ занимались пропагандистской дѣятельностью въ кружкахъ рабочихъ. Если ваше посѣщеніе рабочихъ квартиръ было выслѣжено, то,

Digitized by Google

знаніемъ этой безспорной для юриста-практика истины можно объяснить нерѣдкую дачу показаній о самихъ себѣ со стороны людей, не заслуживающихъ подозрѣнія въ малодушіи.

Оцѣнку поведенія на допросахъ отдѣльныхъ декабристовъ приходится принимать на вѣру со словъ Довнаръ-Запольскаго: пока мы имѣемъ передъ собою еще только первый выпускъ слѣдственныхъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, и съ окончаніемъ изданія читатель не будетъ въ состоянія разбираться самостоятельно, такъ какъ въ данномъ случаѣ передъ нами не полное собраніе матеріаловъ, а выборка изъ нихъ того, что казалось составителю болѣе интереснымъ. Подъ показаніями не всегда имѣются даты, и потому трудно выяснить, кто первый далъ то или иное предательское показаніе, и кто потомъ, можетъ быть, только благодаря неопытности, подтвердилъ слова предателя. Но и въ матеріалахъ, уже изданныхъ, есть факты, позволяющіе усомниться въ правильности оцѣнокъ, даваемыхъ Довнаръ-Запольскимъ. Напримѣръ, Никита Муравьевъ отнесенъ къ числу лицъ, воздерживающихся оговаривать новыхъ людей. Между тѣмъ, на стр. 53-ой читаемъ его показаніе (безъ даты):

— Я заѣзжалъ также (въ Москвѣ) къ ген. Орлову, который съ первыхъ словъ, видя, что я говорю съ нимъ, какъ съ сочленомъ, отвѣчалъ мнѣ: „Вы знаете ли, что я не принадлежу уже болѣе вамъ и не знаю даже, изъ кого состоитъ теперь общество ваше?“ Я отвѣчалъ ему: „Несмотря на то Сѣверная Дума желаетъ имѣть ваше мнѣніе“. И разсказалъ ему все обстоятельство, не называя, однако жъ, никого.

„Обстоятельство“ заключалось въ томъ, что Якубовичъ собирается произвести покушеніе на жизнь императора. Въ первыхъ показаніяхъ Орлова ничего объ этотъ не упоминается. Но уже вслѣдствіе требованія, предъявленнаго 9-го января 1826 года, онъ вынужденъ оправдываться:

— Точно вспомнилъ, что капитанъ Муравьевъ говорилъ мнѣ о намѣреніи *кого-то* покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора; но говорилъ, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекратилась.

Повидимому, Орловъ отвѣчаетъ на оговоръ Муравьева. Но зачѣмъ Никитѣ Муравьеву понадобилось разсказывать о своемъ разговорѣ съ Орловымъ?

Излишнюю болтливость декабристовъ Довнаръ-Запольскій отчасти объясняетъ слѣдственными пріемами: „Передъ этими пріемами поневолѣ останавливаешься съ изумленіемъ. Императоръ Николай I—виртуозъ въ дѣлѣ выпытыванія откровенныхъ признаній. Является во дворцѣ Булатовъ и отдаетъ императору свою шпагу. Николай I его цѣлуетъ, благодаритъ,

---

давая показаніе *только о себѣ*, вы являетесь предателемъ по отношенію къ рабочимъ, которыхъ посѣщали; вы указываете на „преступное“ поведеніе данныхъ рабочихъ.

Digitized by Google

называетъ товарищемъ. Каховской, въ отвѣтъ на свои пламенныя рѣчи о любви къ Россіи и ко всему русскому, слышитъ изъ устъ императора заявленіе, что и онъ тоже русскій. Штейнгелю онъ напоминаетъ о многочисленномъ его семействѣ и обѣщаетъ взять на свое попеченіе. Розену обѣщаетъ спасти его... Якушкина велитъ заковать въ кандалы, Трубецкого выталкиваетъ пинкомъ изъ кабинета... Ко всему этому надо прибавить ошеломляющее на подсудимыхъ вліяніе допросныхъ пунктовъ комиссіи. Такъ или иначе въ ея рукахъ оказались, *если не точныя свѣдѣнія и улики*, то во всякомъ случаѣ довольно вѣскіе намеки... И въ результатѣ— въ отвѣтъ на неясный намекъ, проскользнувшій въ отвѣтахъ мало освѣдомленнаго лица, слѣдуетъ точное описаніе самаго факта. Это былъ очень тонкій маневръ, на который попадались многіе".

Для русскаго читателя нашихъ дней, если и есть что-нибудь особенное въ этихъ слѣдственныхъ пріемахъ, то развѣ только активная роль въ нихъ самого императора. Все остальное испытывали на себѣ безчисленные русскіе обыватели, привлекавшіеся къ жандармскимъ дознаніямъ по политическимъ дѣламъ. Съ кѣмъ не либеральничали жандармы и прокуроры? Кому не признавались въ своемъ теоретическомъ сочувствіи къ соціалистическимъ цѣлямъ? Съ кѣмъ не играли на чувствѣ привязанности къ родственникамъ? Кого не запугивали? А этотъ „тонкій маневръ"—намекъ на свое всезнайство? Сколько молодежи поддавалось на увѣренія во всевѣдѣніи, сбивалось съ толку разсказомъ слѣдователя о второстепенномъ обстоятельствѣ изъ дѣятельности организаціи? [1])

У декабристовъ совсѣмъ не было ни личнаго, ни историческаго опыта, чтобы отразить инквизиторскіе удары слѣдственной комиссіи, и многое имъ можетъ проститься, какъ людямъ. Но оправдывать самое ихъ поведеніе на допросахъ значило бы сѣять политическій развратъ.

Я уже сказалъ, что историческій матеріалъ, опубликованный Довнаръ-Запольскимъ, представляетъ собою очень мутный источникъ. Чтобы пользоваться имъ, нужна самая тщательная критика, нужно располагать *всѣмъ* слѣдственнымъ матеріаломъ. Нужно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выяснить, кѣмъ и изъ какихъ побужденій написано данное показаніе: дано ли оно съ цѣлью выгородить себя (хотя бы и подчеркиваніемъ своей вины, какъ, напримѣръ, у Александра Поджіо) и свалить вину на другихъ, или же мы имѣемъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ, запутавшимся въ инквизиторскихъ тенетахъ. Но есть въ книгѣ Довнаръ-Запольскаго и безспорный, притомъ очень цѣнный, историческій матеріалъ. Таковы проектъ конституціи Никиты Муравьева, проектъ конституціи, найденный въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого, и письмо М. И. Муравьева-Апостола къ его брату С. И. отъ 21-го ноября 1823 г.

---

[1]) Для послѣдней цѣли особенно драгоцѣннымъ въ рукахъ слѣдователей матеріаломъ являются показанія лицъ, „говорящихъ только о себѣ".

Digitized by Google

Эти послѣдніе документы чрезвычайно ярко рисуютъ узко-классовый, чисто-помѣщичій характеръ общественнаго движенія, завершившагося возстаніемъ 14-го декабря. Это было движеніе дворянское не только по составу участниковъ, но и по своимъ цѣлямъ. По конституціи Н. Муравьева крѣпостное состояніе отмѣняется, но... крестьяне получаютъ только по двѣ десятины на дворъ. По проекту же, найденному у кн. Трубецкого, не только вся земля остается за помѣщиками, но еще и остается прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ: „Особый законъ опредѣлитъ вознагражденіе, которое обязаны имъ (помѣщикамъ) сдѣлать поселяне, которые вздумаютъ оставить свое селеніе и переселиться въ другое мѣсто, за временное прерваніе въ порядкѣ полученія доходовъ съ воздѣлываемой сими поселянами земли“ (стр. 100—101, статья 25). Нечего и говорить, что обладаніе политическими правами, по обоимъ проектамъ, обусловлено невѣроятно высокимъ цензомъ. Обладателями такихъ цензовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ имущество недвижимое до 30,000 р. или движимое до 60,000 р.) могли быть только дворяне-помѣщики, въ ихъ исключительно руки переходила вся политическая власть. Было, правда, и болѣе радикальное теченіе среди декабристовъ [1]). Но, какъ сообщаетъ въ письмѣ къ брату М. И. Муравьевъ-Апостолъ, „раздѣлъ земель, даже какъ гипотеза, встрѣчаетъ сильную оппозицію“.

Тѣмъ же классовымъ или сословнымъ интересомъ объясняется характерная черта декабристовъ, боязнь народа—„черни“ и солдатъ. По разсказу С. Трубецкого, на чье-то предложеніе занять дворецъ Батенковъ возразилъ, что „дворецъ долженъ быть священное мѣсто, что если солдатъ до него прикоснется, то уже ни чортъ его ни отъ чего не удержитъ. Я увѣренъ, что сіе его возраженіе отъ многаго впослѣдствіи бѣдствія удержало“ (стр. 91). Какъ мотивъ нерѣшительности военныхъ дѣйствій возставшихъ въ день 14-го декабря, нелишне привести мнѣніе Булатова который уговаривалъ товарищей: „Не забудьте: при открытіи нами огня, чернь во всѣхъ частяхъ города можетъ опустошать домы и наносить большое зло народу и городу“ (стр. 231).

М. Ольминскій.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Идеалы декабристовъ Москва. 1907. Изд. Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Профессоръ Довнаръ-Запольскій поставилъ себѣ на разрѣшеніе въ высшей степени интересную и благодарную задачу: дать общій очеркъ

[1]) Рылѣевъ считалъ введеніе ценза несогласнымъ съ законами нравственности, а при освобожденіи крестьянъ стоялъ за надѣленіе ихъ не только огородною землею, но и пахотною. (Довнаръ-Запольскій. „Идеалы декабристовъ“. Стр. 41.)

Digitized by Google

который характеризовалъ бы всѣ стороны общественнаго движенія, закончившагося декабрьскимъ возстаніемъ. Осуществленію этой задачи должны служить три книги: 1) Идеалы декабристовъ, 2) Тайное общество декабристовъ, 3) Декабрьская революція 1825 г. Пока намъ доставлена только первая изъ трехъ названныхъ книгъ. Она дѣлится на три части. Въ первой характеризуется періодъ реакція во вторую половину царствованія Александра I. Здѣсь Довнаръ-Запольскій не прибавляетъ ничего новаго къ тому, что уже было раньше извѣстно по трудамъ другихъ изслѣдователей эпохи. Вторая часть посвящена отзывамъ декабристовъ о русскомъ государственномъ строѣ. Этими отзывами составитель книги думаетъ объяснить происхожденіе, причины и основные мотивы движенія. Въ третьей части, озаглавленной „Свобода и конституція", излагаются руководящіе принципы и цѣли движенія; эта часть посвящена главнымъ образомъ пересказу „Русской Правды" Пестеля и проектовъ конституціи, найденныхъ у декабристовъ.

Въ объясненіи причинъ движенія проф. Довнаръ-Запольскій рѣшительно отвергаетъ пошлый полицейскій взглядъ, объясняющій все дѣло пребываніемъ армія за-границей и вліяніемъ западно-европейскихъ ученій и впечатлѣній.

Эти ученія и впечатлѣнія могли послужить толчкомъ, изученіе политическихъ трактатовъ могло оформить недовольство, но служить основой недовольства могли только условія родной, россійской дѣйствительности...

Характеръ этого недовольства не тотъ, который наблюдался въ XVIII вѣкѣ. Тогда шла борьба изъ-за престола между отдѣльными лицами. „Въ этой борьбѣ принимало участіе и общество, но оно боролось противъ лицъ и за лицъ" (245). „Идея борьбы съ самодержавнымъ режимомъ проявлялась въ XVIII вѣкѣ въ очень слабой формѣ и притомъ на аристократической подкладкѣ. О правахъ народа никто не думалъ. Здѣсь же поднималось знамя борьбы за народъ, за абсолютное гражданское равенство, за республиканскую форму правленія... Когда нѣсколько гвардейцевъ бросилось на Петра III, или когда подготовляли заговоръ противъ Павла, то вѣдь оба царя внушали къ себѣ ужасъ и отвращеніе своими личными качествами. Это были заговоры, вступая въ которые люди хотѣли сберечь свою собственную жизнь. Это были заговоры противъ царя для другого такого же самодержавнаго царя. Здѣсь готовили болѣе сложный заговоръ"... (246). Настолько болѣе сложный, что идеалы болѣе радикальной группы декабристовъ „переросли сословныя рамки и склонились къ политическому равенству всѣхъ сословій" (156). Чѣмъ же объясняется эта особенность декабрьскаго движенія?

Довнаръ-Запольскій пытается найти отвѣтъ на этотъ вопросъ путемъ опроса самихъ декабристовъ. Онъ приводитъ многочисленные ихъ отзывы относительно неустройствъ въ области государственнаго хозяйства, admini-

Digitized by Google

страціи, суда, военнаго дѣла, сословнаго строя, внѣшней политики. Декабристы не скупились на отрицательныя характеристики, на указаніе несовершенствъ и злоупотребленій. Однако, всѣ ихъ указанія не даютъ отвѣта на вопросъ, почему же борьба декабристовъ вылилась въ борьбу противъ строя, а не въ борьбу противъ лицъ, какъ въ прежнія времена? Вѣдь тѣ жалобы на несовершенства и злоупотребленія, которыя слышатся изъ устъ декабристовъ, являются въ большей своей части повтореніемъ жалобъ, уже раздававшихся на Руси въ теченіе вѣковъ. Какимъ образомъ дошли декабристы до мысли, что „суть дѣла не въ колесахъ машины, не въ винтахъ, ее скрѣпляющихъ; отсутствіе народнаго участія въ управленіи страной является основнымъ недостаткомъ, изъ котораго истекаютъ всѣ остальные“ (194).

Декабристъ Лунинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что тайное общество самымъ существованіемъ своимъ обнаружило, что самодержавіе не соотвѣтствуетъ уже настоящему положенію народа: только правительство, „основанное на законахъ справедливости и разума“, способно поднять народъ на высшую ступень развитія. Но вѣдь было же время, когда и самодержавіе казалось основаннымъ на законахъ справедливости и разума; было время, когда оно соотвѣтствовало положенію народа. Очевидно, нужно изслѣдовать перемѣны въ положеніи народа, изслѣдовать совершавшійся или совершившійся процессъ соціальнаго переворота, чтобы объяснить истинныя причины движенія противъ самодержавія. Къ сожалѣнію, уважаемый профессоръ Довнаръ-Запольскій не понялъ этой основной задачи своего изслѣдованія. Вмѣсто изученія перемѣнъ соціальнаго характера, онъ сосредоточилъ все вниманіе на изученіи индивидуальной психологіи дѣятелей, на томъ, какъ шла выработка міросозерцанія у отдѣльныхъ декабристовъ. Конечно, и это интересная тема для историка, но, ограничившись ею, невозможно разрѣшить задачу, поставленную себѣ авторомъ,—дать общій очеркъ, который характеризовалъ бы „всѣ стороны“ движенія. Благодаря указанной основной ошибкѣ вся книга пріобрѣтаетъ характеръ не научнаго изслѣдованія, а поверхностнаго, хотя и занимательнаго, пересказа слѣдственнаго дѣла о декабристахъ.

Между тѣмъ путеводная нить къ разрѣшенію основного вопроса о соціальныхъ причинахъ движенія сама, можно сказать, давалась въ руки изслѣдователю. Онъ довольно долго останавливается на той роли, которую играло въ міровоззрѣніи декабристовъ понятіе „свободы“, восторженное поклоненіе свободѣ.

Стремленіе россійскихъ дворянъ къ свободѣ, къ освобожденію себя отъ крѣпостной зависимости началось не съ эпохи Александра I. Весь XVIII вѣкъ идетъ въ этомъ направленіи борьба,—не блестящая, правда,—глухая борьба путемъ отлыниванія отъ обязательной государственной службы. При Петрѣ III центральное правительство изнемогло и капитулировало указомъ о вольности дворянства. Но классъ, борющійся за господство,

Digitized by Google

не можетъ остановиться на первой побѣдѣ. Онъ будетъ идти дальше и дальше.

Однако, дворяне не могли не видѣть, что въ борьбѣ за свое дальнѣйшее освобожденіе они слишкомъ слабы, чтобы бороться противъ правительства, опирающагося на всю массу селенія. Борьба подъ девизомъ узко-сословныхъ интересовъ была бы обречена на неудачу. Логика жизни толкала къ тому, чтобы превратить дворянскіе девизы въ общенародные. Этого можно было достигнуть только путемъ превращенія сословныхъ лозунговъ въ лозунги буржуазной свободы. Обратите вниманіе на то мѣсто, которое отводится въ рѣчахъ декабристовъ заботамъ о развитіи торговли и промышленности въ книгѣ Довнаръ-Запольскаго (стр. 97, 251, 252, 258. Мнѣніе Александра Бестужева: „Торговля—мышца силы государственной", 336, 355 и многія другія). Сопоставьте съ этими заботами первое и главное условіе реформы по Русской Правдѣ: дворяне не должны потерпѣть ущерба въ доходѣ отъ помѣстій,—и вы подойдете очень близко къ разгадкѣ вопроса: каковы тѣ соціальныя перемѣны, которыя привели къ несоотвѣтствію самодержавія „положенію народа". Очевидно, что натуральное хозяйство въ дворянскихъ помѣстьяхъ стало вытѣсняться товарнымъ, вытѣсняться въ такой мѣрѣ, что при условіи улучшеннаго товарнаго обращенія стало казаться возможнымъ, безъ ущерба въ доходѣ, замѣнить крѣпостныя руки вольнонаемными.

Прибавьте къ этому заботу декабристовъ о водвореніи законности, о „незыблемыхъ уставахъ". Помѣщику, живущему отъ натуральнаго хозяйства, мало заботы о томъ, какіе-такіе имѣются въ государствѣ законы и уставы, и какъ они исполняются. Такой помѣщикъ самъ является источникомъ всякихъ законовъ для своихъ крѣпостныхъ и отгороженъ китайской стѣной отъ остального міра. Только съ возникновеніемъ товарнаго хозяйства является потребность въ законахъ, общеобязательныхъ для всѣхъ жителей государства. Только развитіе товарнаго хозяйства могло сдѣлать самодержавіе несоотвѣтствующимъ „положенію народу".

Именно съ этого вопроса, съ вопроса о роли товарнаго хозяйства въ началѣ XIX вѣка, и должно начинаться изслѣдованіе причинъ и характера декабрьскаго движенія. Но безъ освѣщенія вопроса съ этой стороны нельзя выяснить и другихъ вопросовъ первостепенной важности въ исторіи Россіи: ни происхожденія указа о вольности дворянства, ни причинъ реформы 60-хъ годовъ, ни смысла совершающейся на нашихъ глазахъ Великой русской революціи. Къ сожалѣнію, все это—почти непочатая область изслѣдованія. Россійская историческая наука до сихъ поръ не можетъ сойти съ идеалистической точки зрѣнія и потому превращается въ рядъ разсказовъ только о той пѣнѣ, которая выбрасывается на поверхность изъ глубинъ могучаго океана народно-хозяйственной жизни.

Не сумѣлъ сойти съ идеалистическихъ высотъ и профессоръ Довнаръ-

Digitized by Google

Запольскій. Для него декабрьское движеніе—не отраженіе измѣнившагося „положенія народа“, а лишь результатъ „глубокаго негодованія мыслящей части русскаго общества“ (стр. III). При такомъ взглядѣ на сущность историческаго процесса понятно утвержденіе, будто бы только „роковая случайность“ разбила всѣ планы подготовлявшагося переворота. Степень соотвѣтствія этихъ плановъ уровню хозяйственнаго развитія, соотношеніе въ силахъ борющихся общественныхъ элементовъ,—такіе вопросы даже не ставятся нашимъ профессоромъ-идеалистомъ. Понятнымъ, при этихъ взглядахъ автора, становится и апологетическій характеръ его книги, плохо замаскированное желаніе затушевать тѣ стороны міровоззрѣнія декабристовъ, которыя не соотвѣтствуютъ степени демократизма, свойственной въ наши дни среднему русскому читателю.

Впрочемъ, можетъ быть, въ этой апологетикѣ виноватъ не методъ изслѣдованія, а міровоззрѣніе самого автора. Перечисляя (стр. 423) то, что „ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть одобрено“ въ проектѣ Н. Муравьева, проф. Довнаръ-Запольскій забываетъ упомянуть о непомѣрно высокомъ цензѣ, проектируемомъ Муравьевымъ. Въ „Русской Правдѣ“, оказывается, только одинъ недостатокъ—подавленіе національностей; передача же крестьянскаго дѣла въ руки дворянскихъ собраній не вызываетъ протеста со стороны профессора.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующую характерную тираду: „... Дѣятельность декабристовъ по пропагандѣ борьбы противъ крѣпостного права была въ достаточной мѣрѣ энергичная. *Имъ взята была вѣрная дорога къ освобожденію—подготовка дворянства.* Такой дѣятельности нельзя не оцѣнить. Для огромной массы тогдашняго дворянства, пропитанной крѣпостническими тенденціями, вопросы человѣколюбія, вопросы, связанные съ нравственнымъ достоинствомъ крестьянина..., были новые вопросы“ (стр. 182).

Вѣрная дорога къ освобожденію отъ дворянства—подготовка дворянства. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что самая вѣрная въ наши дни дорога къ освобожденію отъ бюрократіи—подготовка бюрократіи и т. д.? Какъ же долженъ отнестись проф. Довнаръ-Запольскій къ Рылѣеву за стихотвореніе, приводимое въ его книгѣ на стр. 302? Вотъ этотъ отрывокъ:

Нѣтъ, нѣтъ! Невольники не въ силахъ
Пылать огнемъ высокихъ думъ;
Не кровь—вода течетъ въ ихъ жилахъ,
Ихъ чувства спятъ, ихъ дремлетъ умъ.
Нѣтъ примиренья, нѣтъ условій
Между тираномъ и рабомъ:
Тутъ надо не чернилъ, а крови,
Намъ должно дѣйствовать мечомъ!

М. Ольминскій.

Digitized by Google

П. И. Пестель. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Книгоиздательство „Культура". Спб. 1906. Ц. 1 р.

„Русская Правда", по свидѣтельству ея автора, извѣстнаго декабриста, есть „верховная всероссійская грамота, опредѣляющая всѣ перемѣны, въ государствѣ послѣдовать имѣющія". Въ ней резюмируются стремленія и чаянія южныхъ декабристовъ, настроенныхъ болѣе революціонно и радикально, чѣмъ петербургскіе. Общая тенденція произведенія Пестеля опредѣляется его взглядомъ на „главное стремленіе нынѣшняго вѣка", заключающееся „въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода" (родовой, денежной). Сочувствіе Пестеля несомнѣнно на сторонѣ массъ; но классовая подкладка декабристскаго движенія наложила свою печать на мышленіе самаго передового революціонера того времени,— человѣка, заплатившаго головой за свои политическія стремленія. Защита одностороннихъ землевладѣльческихъ интересовъ остается, хотя и проявляется у Пестеля не такъ грубо, какъ у его сѣвернымъ сотоварищей: имущественнаго ценза, какъ условія полученія политическихъ правъ, Пестель не признаетъ.

Въ области принциповъ Пестель очень радикаленъ. Напримѣръ, онъ стоитъ за рѣшительное уничтоженіе „рабства": „Нельзя ожидать, чтобы нашелся хоть одинъ злосовѣстный дворянинъ, чтобы не содѣйствовать всѣми силами къ уничтоженію рабства и крѣпостного состоянія въ Россіи". Если же такой „злодѣй" нашелся бы, то его, какъ врага отечества, слѣдуетъ подвергнуть строжайшему наказанію. Всѣ привилегіи дворянства подлежатъ уничтоженію. Но... рѣшить судьбу крѣпостныхъ крестьянъ долженъ все же не иной кто, а именно „грамотныя дворянскія собранія", руководствуясь тремя главными правилами: 1) чтобы дворяне не лишились дохода отъ помѣстій; 2) чтобы не было волненій и безпорядковъ; 3) чтобы крестьяне получили улучшеніе положенія, и не мнимую свободу. Тѣ же дворянскія собранія должны составить проекты *постепеннаго* освобожденія дворовыхъ, за выкупъ или за выслугу лѣтъ.

По уничтоженіи сословій всѣ получаютъ единое званіе гражданина, но этого званія лишаются люди: 1) по приговору суда, 2) *при вступленіи въ личное услуженіе*. По отношенію къ неимущимъ имѣется ограниченіе въ свободѣ передвиженія: они могутъ перейти въ другую волость только съ согласія послѣдней; лица же, покупающія въ другой волости землю, не нуждаются въ согласіи волости ни для покупки земли, ни для перехода. Рекрутская повинность общеобязательна, но допускается наемъ рекрута вмѣсто себя; выдержавшіе экзаменъ въ гимназіи или университетѣ освобождаются отъ рекрутчины.

Нѣтъ надобности перечислять всѣ ограниченія правъ неимущихъ по сравненію съ правами имущихъ, проектируемыя Пестелемъ. Онъ самъ, видимо, понималъ, что его организація идеальнаго государства является не чѣмъ

Digitized by Google

нымъ, какъ организаціей господства имущихъ надъ неимущими. Поэтому онъ очень заботится объ организаціи явной и тайной полиціи. „Вышнее благочиніе требуетъ непроницаемой тьмы... Имена чиновниковъ (тайной полиціи) не должны быть никому извѣстны“. Они дѣйствуютъ путемъ тайныхъ розысковъ. „Тайные розыски или шпіонство суть посему не только позволительное и законное, но даже надежнѣйшее и почти, можно сказать, единственное средство, коимъ вышнее благочиніе поставляется въ возможность достигнуть предназначенной ему цѣли“. Чиновники тайной полиціи должны „великое получать жалованье“ (стр. 112). Для составленія внутренней стражи Пестель считаетъ достаточнымъ имѣть 50,000 жандармовъ. Армія не должна вмѣшиваться во внутреннія дѣла (стр. 117). Однако, далѣе (стр. 230) оказывается, что военная сила можетъ „полиціи содѣйствовать, когда будетъ то отъ полиціи требовано“.

Точно по особой ироніи судьбы отдача арміи въ распоряженіе полиціи проектируется въ главѣ, заключающей мѣры къ охраненію свободы личности. Мѣры эти сводятся къ тому, что „одно только полицейское вѣдомство имѣетъ право гражданъ брать подъ стражу“, причемъ требуется лишь чтобы арестованному въ теченіе 24 часовъ было письменно объявлено о причинѣ ареста. Вообще, вся эта глава, начинающаяся провозглашеніемъ личной свободы, какъ важнѣйшаго права гражданина, очень мало встрѣтитъ, вѣроятно, возраженій со стороны министерства Столыпина.

Вообще, по части свободъ въ проектѣ Пестеля дѣло обстоитъ довольно оригинально. Всякія частныя общества, учреждаемыя съ постоянной цѣлью, безусловно запрещаются: тайныя, потому что вредны, открытыя—потому что „безполезны“. Запрещается проповѣдь всякаго ученія, противнаго закону, запрещаются даже постоянныя торговыя компаніи. Православная вѣра объявляется господствующею; прилагаются заботы къ развитію православнаго миссіонерства, къ обращенію иновѣрцевъ и обрусенію инородцевъ.

Таковы шутки, которыя шутитъ надъ политическими идеалистами классовая психологія. Революціонеръ, не останавливавшійся передъ крайними средствами и передъ самыми крайними выводами въ области политической и гражданско-правовой; человѣкъ, готовый безтрепетно погибнуть отъ руки палача, вынужденъ писать апологію шпіонства и отдавать армію въ распоряженіе 50,000 жандармовъ. Почему? Потому что рѣшителемъ крестьянскаго вопроса являются дворянскія собранія...

М. Ольминскій.

Декабристы. 86 портретовъ. Изд. М. М. Зензинова. М. 1906. Ц. 12 р.

Книга включаетъ въ себѣ, кромѣ портретовъ, видъ Петровскаго завода, гдѣ были заключены декабристы-каторжане, рисунокъ камеры, рисунокъ

Digitized by Google

кабинета Якушкина въ Ялуторовскѣ, пояснительный біографическій текстъ прив.-доц. м. ун. П. М. Головачева и вступительную статью В. А. Мякотина. Въ основу изданія положена коллекція портретовъ, нарисованныхъ въ тюрьмѣ Н. А. Бестужевымъ. Въ настоящемъ изданіи они воспроизведены очень изящно. Пояснительный текстъ даетъ необходимыя справочныя свѣдѣнія о каждомъ лицѣ. Вступительная статья Мякотина написана съ обычными для этого автора достоинствами и недостатками, на которые мы недавно указывали, говоря объ его книгѣ „Изъ исторіи русскаго общества".

М. О.

П. Эльцбахеръ. Анархизмъ. Пер. съ нѣм. Р. Стрѣльцова, изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1906. Стр. 320. Цѣна 80 коп.

Проф. П. Эльцбахеръ. Сущность анархизма. Т. I и II. Пер. подъ редакц. и съ предисл. М. Андреева. Стр. 205. Цѣна за оба тома 1 р. 25 к.

Эльцбахеръ. Анархизмъ. Пер. и изд. Б. Яковенко. Стр. 352. Цѣна 1 р.

„Относительно анархизма господствуетъ въ настоящее время полнѣйшая неясность и притомъ не только у „большой" публики, но и среди ученыхъ и государственныхъ дѣятелей". Отсюда—необходимость прежде всего научно опредѣлить, въ чемъ сущность анархизма. Такую, можно сказать, подготовительную работу и выполнилъ приватъ-доцентъ университета въ Галле и судья д-ръ П. Эльцбахеръ. О томъ, что задача разрѣшена имъ удачно, свидѣтельствуютъ авторитетные въ данномъ случаѣ отзывы Толстого и Кропоткина. Первый назвалъ трудъ Эльцбахера „хорошей работой", дающей въ высшей степени точное и добросовѣстное изложеніе его взглядовъ; Кропоткинъ также отзывается о немъ съ большой похвалой, отмѣчая удивительное безпристрастіе Эльцбахера.

Эльцбахеръ—юристъ. Этимъ объясняются какъ сильныя, такъ и слабыя стороны его работы. Только такой дисциплинированный умъ могъ разобраться, не запутавшись, въ массѣ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ взглядовъ представителей анархизма и дать ихъ точную классификацію. Но, съ другой стороны, Эльцбахеръ, какъ на это справедливо указывали, устранилъ *историческую* основу, на которой возникали тѣ или иныя анархическія ученія. Поэтому врядъ ли можно согласиться съ авторомъ, когда онъ указываетъ „мѣсто анархическихъ ученій во всей суммѣ нашего опыта". Эльцбахеръ опредѣлилъ лишь мѣсто анархизма въ области философіи права, а философіей права „вся сумма нашего опыта" вовсе не исчерпывается.

Манера изложенія у Эльцбахера также выдаетъ догматика-юриста: весь планъ работы построенъ нѣсколько схематично. Отъ этого при-

Digitized by Google

чтенія возникаетъ впечатлѣніе сухости изложенія. Къ тому же въ своей схематизаціи и классификаціи авторъ не боится многократныхъ повтореній. Вообще нельзя сказать вслѣдъ за г. Стрѣльцовымъ, что изложеніе Эльцбахера „общедоступно"...

Это особенно относится къ первой главѣ, гдѣ авторъ опредѣляетъ свою задачу и методъ ея разрѣшенія. „Раньше всего,—читаемъ мы тутъ,—необходимо опредѣлить понятія права, государства и собственности". Такія опредѣленія Эльцбахеръ даетъ во второй главѣ. „Затѣмъ необходимо установить, какъ высказываются о правѣ, государствѣ и собственности анархическія ученія". Это занимаетъ главную и наибольшую по объему часть книги (гл. 3—9). Въ 10-ой главѣ Эльцбахеръ классифицируетъ разобранныхъ имъ семь общепризнанныхъ представителей анархизма—Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Толстого. Въ послѣдней главѣ дается искомое опредѣленіе анархизма, полученное индуктивнымъ путемъ. Общимъ для всѣхъ анархическихъ ученій признакомъ является „то, что они отрицаютъ государство для будущаго строя".

Книга Эльцбахера (на нѣм. яз. появилась въ 1900 г.) вышла въ трехъ переводахъ. Лучшимъ по точности и правильности надо безусловно признать переводъ г. Р. Стрѣльцова въ изд. О. Н. Поповой. Правда, „рецензентъ" изъ „Новаго Времени" раскритиковалъ его безпощадно. Онъ, впрочемъ, не пожалѣлъ и самого Эльцбахера, и даже донесъ на него, обвиняя почтеннаго судью въ проповѣди террора. Зато ошибки, указанныя охраннымъ рецензентомъ, источникомъ своимъ имѣли незнакомство его съ подлинникомъ и неустранимые дефекты въ устройствѣ его мыслительнаго аппарата.

Къ подлиннымъ и наиболѣе важнымъ ошибкамъ г. Стрѣльцова надо отнести слѣдующія: на стр. 68—Die Fortschritte unseres Verstandes онъ перевелъ: „какъ быстро... стала бы развиваться наше *страна*, наше *отечество*"... Между тѣмъ Vaterland тутъ рѣшительно ни при чемъ. Другая ошибка на стр. 113: „Какая разница между свободой и собственностью", а надо—„между свободой и индивидуальностью" (Eigenheit). Можно бы еще отмѣтить нѣсколько ошибокъ и неточностей, но, въ общемъ, г. Стрѣльцовъ удачно справился со всѣми трудностями перевода. Есть еще 2—3 пропуска (строки въ 3), но это столь „деликатныя" мѣста, что при господствѣ свободы печати они могли бы повлечь за собой гибель всей книги...

Слѣдуетъ обратить вниманіе на типографскія опечатки. Въ иныхъ мѣстахъ онѣ искажаютъ смыслъ до неузнаваемости. Изданіе книги по внѣшности превосходно; шрифтъ четкій, цѣна очень не высока.

Другой переводъ вышелъ въ изданіи „Простора", подъ редакціей и съ предисловіемъ М. Андреева. Несмотря на редакцію, переводъ изоби-

Digitized by Google

луетъ не только неточностями, но и настоящими ошибками съ искаженіемъ смысла. На стр. 32-ой въ тезисѣ читаемъ: „Всеобщее благо требуетъ, чтобы не право, а *человѣческая личность* была закономъ для человѣчества". Эльцбахеръ же говоритъ: „Всеобщее благо требуетъ, чтобы въ будущемъ закономъ для людей было не право, а *само это благо*". На стр. 34-ой авторъ, излагая ученіе Годвина, спрашиваетъ: „Кто же сдержитъ людей въ общежитіи безъ правительства?"—и отвѣчаетъ: „Ни въ коемъ случаѣ не обѣщаніе будетъ сдерживать ихъ" (Jedenfalls kein Versprechen). Переводчикъ передаетъ отвѣтъ такъ: „Во всякомъ случаѣ, никакого обѣщанія". Тамъ же, вмѣсто „общее соображеніе всеобщаго блага", мы находимъ нелѣпое „участіе въ общинномъ имуществѣ" (des allgemeinen Besten!) и даже—„совмѣстное управленіе народнымъ имуществомъ". Совершенно невѣрно переведено опредѣленіе справедливости по Прудону на стр. 45-ой. Переводчику неясна разница между Recht и Gesetz. По крайней мѣрѣ, Rechtsnormen онъ переводитъ словомъ „законныя нормы" (стр. 47, 83), Rechtseinrichtung des Eigenthums — „законное учрежденіе собственности". На стр. 69, въ тезисѣ—безсмыслица, а черезъ 3 строки—„желанное единство, *союзъ*" (gewollte Einheit, Verein) Штирнера замѣнено „личной независимостью, которая проистекаетъ изъ общенія". Бакунинъ, оказывается, родился въ *Торжковскомъ* уѣздѣ, а раньше всѣ думали, что онъ родился въ *Новоторжскомъ* уѣздѣ. На стр. 141-ой, передавая взглядъ Тукера на насиліе, причемъ Тукеръ прибѣгаетъ къ сравненіямъ изъ области медицины, переводчикъ самъ увлекся этими сравненіями и хватилъ черезъ край: Stärkungsmittel изъ „средства укрѣпленія" онъ превратилъ въ „*крѣпительное* средство"!

Можно бы указать еще много прямыхъ искаженій текста, не говоря о простыхъ неточностяхъ и опечаткахъ.

Третій переводъ принадлежитъ г. Б. Яковенко (изданіе переводчика). Напрасно читатель усиливался бы понять разсужденія Эльцбахера, если бы вздумалъ знакомиться съ его взглядами по этому переводу. Все введеніе автора (1 и 2-ая глава) безнадежно погибло подъ рукой г. Яковенко. Достаточно сказать, что на каждой страницѣ у Эльцбахера по нѣскольку разъ встрѣчаются слова begrifflich и nicht-begrifflich („опредѣленный", или, точнѣе, „выраженный въ понятіи", и „неопредѣленный, неясный"). Переводчикъ передаетъ ихъ, какъ *отвлеченный* (или *конкретный*) и *неотвлеченный*.. Получается полнѣйшая безсмыслица. „Понятіе о нормахъ" стало у него какимъ-то „нормативнымъ понятіемъ" (2-ая глава).

Образцомъ *сплошной* безсмыслицы можетъ служить, напр., 4-й отдѣлъ въ 2-ой главѣ („Собственность"). Между прочимъ, юридическій

Digitized by Google

терминъ—право пользованія плодами вещи (Fruchtgenusses) тутъ замѣнено, ни больше ни меньше какъ... „съѣдобнымъ плодомъ“ (стр. 35).

Къ книгѣ Эльцбахера въ этомъ изданіи приложена статья Штаммлера „Теоретическія основанія анархизма“.

Б. Вологдинъ.

Гуго и Штегманъ. Справочная книга соціалиста. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича. Книгоизд. „Голосъ“. Т. I и II. 971 стр. Цѣна 3 руб. Т. IV. 116 стр. Цѣна 1 р 40 к.

Солидная „Справочная книга соціалиста“ (Das Handbuch des Socialismus) К. Штегмана и К. Гуго издана книгоиздательствомъ „Голосъ“ подъ ред. В. Богучарскаго и Л. Марковича.

Въ предисловіи авторы „книги“ указываютъ, что они „поставили себѣ задачей тщательно собрать всѣ матеріалы, относящіеся къ исторіи соціализма и... въ переработанной, удобной для справокъ формѣ, предложить ихъ тѣмъ изъ интересующихся читателей, у которыхъ нѣтъ достаточнаго досуга для изученія всей... литературы вопроса“. Необходимо сказать, что въ „Справочной книгѣ“ самое понятіе соціализма значительно расширено: подъ именемъ „соціалистическихъ“ налагаются всѣ теоріи (несмотря на ихъ рѣзкое противорѣчіе одна другой), если только онѣ содержатъ одинъ общій для нихъ пунктъ—требованіе измѣненія существующей соціальной системы въ интересахъ народныхъ массъ. Поэтому читатель не долженъ изумляться, если найдетъ въ „Справочной книгѣ“ статьи, посвященныя представителямъ „соціализма“ всякихъ видовъ, оттѣнковъ, эпохъ и націй, начиная съ китайца Вангъ-нганъ-че и кончая Куропаткинымъ и Либкнехтомъ.

При такомъ колоссальномъ количествѣ матеріала немыслимо было избѣжать нѣкоторыхъ погрѣшностей, что сознавали и сами авторы, какъ видно изъ ихъ словъ въ предисловіи. Можно указать, напр., на неполноту матеріала: нѣтъ статьи о Штирнерѣ, о Толстомъ; всѣ свѣдѣнія о К. Каутскомъ сводятся буквально къ тремъ строчкамъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ трудомъ Гуго и Штегмана нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Фр. Меринга, что статьи „Справочника“ далеко не всѣ равноцѣнны по своему значенію.

Нѣкоторымъ изъ нихъ недостаетъ необходимой для научнаго изслѣдованія объективности, на что указываютъ и редакторы русскаго изданія.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что „Handbuch“ вышелъ въ свѣтъ въ Цюрихѣ въ 1894—96 гг. Такимъ образомъ, исторія соціализма за послѣднее десятилѣтіе осталась безъ изслѣдованія.

Считаясь съ этимъ, редакторы русскаго перевода обѣщаютъ дать еще добавочный выпускъ (томъ III) „Справочной книги“. Этотъ томъ будетъ содержать свѣдѣнія, касающіяся соціалистическаго движенія на Западѣ и въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе.

Digitized by Google

Обращаясь къ русскому переводу Handbuch'a, можно признать его въ общемъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Неудачно переведена, впрочемъ, статья о Лассалѣ. Напримѣръ, получившее право литературнаго гражданства названіе лассалевскаго сочиненія: „Система *пріобрѣтенныхъ* правъ" замѣнено „Системой *добытыхъ* правъ". Цитата изъ знаменитой Arbeiterprogramm передана въ искаженномъ видѣ (2-ое лицо замѣнено безъ всякаго смысла третьимъ).

Слѣдуетъ еще указать на немалое количество опечатокъ. Что касается вышедшаго уже IV тома, такъ наз. „Альбома дѣятелей соціализма", то, несмотря на изящество переплета, портреты дѣятелей заставляютъ желать очень многаго: почти всѣ они исполнены въ высокой мѣрѣ анти-художественно, напоминая собой „портреты", помѣщаемые въ плохихъ „воскресныхъ приложеніяхъ" къ газетамъ. Помимо того, Плехановъ, напр., не нашелъ себѣ мѣста въ единичномъ видѣ, а попалъ въ альбомъ только въ компаніяхъ съ товарищами по „Группѣ освобожденія труда" и по Интернаціональному Соціалистическому Бюро.

Въ виду этого, насколько смѣло мы можемъ рекомендовать читателямъ пріобрѣтеніе 2-хъ первыхъ томовъ, какъ чрезвычайно полезнаго справочнаго пособія, хорошо и притомъ недорого изданнаго, настолько же осторожными намъ приходится быть, говоря объ „Альбомѣ".

Продолговатый форматъ книги, обычный въ изданіи „Голоса", кажется, кромѣ непріятности, ничего читателю не причиняетъ.

Б. В—инъ.

И. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. Книгоизд. „Дѣло". СПБ. 1906 г. Ц. 1 р. Стр. LXXX+238.

Въ „Памятной книжкѣ марксиста" г. Чернышевъ задался цѣлью ознакомить читателя съ основами ученія К. Маркса и Фр. Энгельса и показать, какъ отразилось это ученіе въ программахъ современныхъ политическихъ партій, защищающихъ интересы пролетаріата. Свою задачу г. Чернышевъ выполняетъ весьма оригинальнымъ способомъ. Въ началѣ „книжки" авторъ даетъ краткій конспективный очеркъ—„основные принципы научнаго соціализма и ихъ практическое примѣненіе". Въ немъ онъ излагаетъ происхожденіе и содержаніе ученія Маркса и Энгельса (источники научнаго соціализма; философскій матеріализмъ, матеріалистическое пониманіе исторіи, ученіе объ исторической роли пролетаріата, средства и тактика пролетарской борьбы; теорія и анализъ капитала) и разбираетъ теоретическія положенія, лежащія въ основѣ программъ рабочихъ партій Германіи, Австріи, Франціи, Бельгіи, Италіи и Швейцаріи. Затѣмъ на всѣ основныя положенія, высказанныя г. Чернышевымъ въ этомъ конспективномъ очеркѣ, приведены подробныя цитаты изъ подлинныхъ сочиненій Маркса и Энгельса. Эти цитаты, переведенныя и сгруппированныя

Digitized by Google

г. Чернышевымъ, и составляютъ содержаніе „Памятной книжки марксиста", занимая размѣромъ около $^2/_3$ ея. Въ концѣ „книжки" помѣщенъ текстъ анализируемыхъ программъ рабочихъ партій.

Надо отдать справедливость трудолюбію автора: принципы научнаго соціализма весьма детально расчленены на рядъ основныхъ положеній, и цитаты на нихъ изъ сочиненій Маркса и Энгельса сгруппированы весьма обстоятельно. Литературные труды основоположниковъ научнаго соціализма въ настоящее время всѣ переведены на русскій языкъ и являются настольной книгой каждаго марксиста. Въ силу этого обширныя цитаты „Памятной книжки марксиста" теряютъ характеръ новизны для широкой публики, но значеніе „книжки", какъ справочнаго руководства, остается въ силѣ. Для начинающихъ изучать марксизмъ книга г. Чернышева явится полезнымъ пособіемъ.

Къ числу недостатковъ „Памятной книжки марксиста" слѣдуетъ отнести, между прочимъ, отсутствіе въ ней программы Р. С.-Д. Р. Партіи. Критическій анализъ послѣдней, въ связи въ разборомъ программъ рабочихъ партій Зап. Европы, представляетъ насущный, и не только теоретическій интересъ, для русскаго читателя.

Д. Зайцевъ.

А. Веснинъ. Сѣверо-американскіе тресты. Спб. 1906 г. Ц. 1 руб. 152 стр.

Русская литература по вопросу о промышленныхъ комбинаціяхъ (трестахъ) крайне скудна. Между тѣмъ, если сложить вмѣстѣ всѣ эти гигантскія комбинаціи, которыми въ настоящее время опутана въ большей своей части экономическая жизнь Америки, то получится громадная цифра—8664 зарегистрированныхъ предпріятій и 20379 милл. долларовъ номинальнаго капитала. Въ недавно появившейся прекрасной статьѣ, дающей краткій очеркъ политическаго и экономическаго развитія Соединенныхъ Штатовъ съ самаго ихъ возникновенія, товарищъ Симонсъ исчисляетъ весь капиталъ трестовъ даже въ 30 милліардовъ долларовъ. Представьте себѣ: 60 милліардовъ рублей, сконцентрированныхъ въ рукахъ немногихъ предпринимателей! Развѣ это не могущественный рычагъ диктатуры капитала?

Брошюра г. Веснина „Сѣверо-американскіе тресты" касается лишь нѣкоторыхъ сторонъ разсматриваемаго вопроса. Написана она на основаніи англійскихъ литературныхъ источниковъ и, главнымъ образомъ, отчетовъ индустріальной комиссіи (Industrial Commission), учрежденной въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ въ концѣ 90-хъ гг. м. ст. для изслѣдованія разныхъ сторонъ американской промышленности и, въ частности,—условій возникновенія и дѣятельности промышленныхъ комбинацій. Сухо, канце-

Digitized by Google

лярскимъ языкомъ индустріальной комиссіи, но довольно подробно, излагаетъ авторъ исторію возникновенія трестовъ, ихъ ростъ, формы и значеніе. Разсмотрѣвъ затѣмъ законодательство противъ трестовъ и его зависимость отъ юридическаго строя отдѣльныхъ штатовъ Сѣв. Америки, г. Веснинъ останавливается на мѣрахъ, рекомендуемыхъ индустріальной комиссіей для борьбы съ злоупотребленіями трестовъ. Но участіе въ этой борьбѣ политическихъ партій, роль ихъ въ чикагской и др. конференціяхъ противъ трестовъ изложены авторомъ очень сжато и отрывочно. Грандіозные же злоупотребленія и подкупы, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ заправилы трестовъ въ этой борьбѣ, имъ почти совершенно обойдены. А между тѣмъ въ борьбѣ политическихъ партій противъ трестовъ заключается весь интересъ вопроса, покоится надежда американской соціалъ-демократіи на успѣхъ агитаціи противъ диктатуры капитала за диктатуру его могильщика.

Но, несмотря на эти недостатки, брошюра г. Веснина содержитъ много цѣннаго фактическаго матеріала, а поэтому является не лишней. Издана брошюра очень прилично.

Д. М. З.

К. Каутскій. Аграрный вопросъ. Переводъ подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Рожкова. Изданіе Петровской библіотеки въ Москвѣ М. 1906 г. Стр. 405. Ц. 1 р. 60 к.

Въ 1898 г. вышла на нѣмецкомъ языкѣ самая объемистая изъ всѣхъ работъ К. Каутскаго—„Die Agrarfrage“. Въ 1899 г. появилось сразу два ея русскихъ перевода (въ изданіи „Знанія“ въ Петербургѣ и въ изданіи Головкина въ Харьковѣ); правда, по „независящимъ“ обстоятельствамъ вторая часть книги Каутскаго—„Соціалъ-демократическая аграрная политика“, составляющая цѣлую треть всей названной работы, могла появиться на русскомъ языкѣ лишь въ весьма урѣзанномъ видѣ въ приложеніи къ одному изъ этихъ изданій (г. Головкина)... Оба русскихъ изданія скоро разошлись, и русская публика въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была лишена возможности знакомиться со взглядами виднаго теоретика германской соціалъ-демократіи на аграрный вопросъ,—какъ разъ въ то время, когда послѣдній все въ большей и большей степени становился центромъ общественнаго вниманія И только лѣтомъ текущаго года „Петровская библіотека“ въ Москвѣ выпустила новый переводъ книги Каутскаго подъ редакціей прив.-доц. Н. А. Рожкова. Цѣлыхъ 8 лѣтъ прошло со дня появленія „Аграрнаго вопроса“ на нѣмецкомъ языкѣ (2-е нѣмецкое изданіе, выпущенное въ 1902 г., представляетъ простую перепечатку перваго безъ всякихъ измѣненій) до выхода его новаго русскаго перевода; 8 лѣтъ шумливаго „кризиса марксизма“ и безславнаго пораженія его идейныхъ вождей; 8 лѣтъ непрерывнаго роста крестьянскаго

Digitized by Google

движенія въ Италіи, Венгріи, въ Россіи; 8 лѣтъ, превратившихъ россійское крестьянство изъ политически аморфной массы наполовину въ упрямаго бунтаря, наполовину въ сознательнаго революціонера, желаннаго соратника городского пролетаріата; 8 лѣтъ, видѣвшихъ первое появленіе Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи и двукратное измѣненіе аграрной программы. И, однако, работа Каутскаго, какъ будто, ни мало не утратила своей первоначальной свѣжести. Какъ будто ее ничуть не затронули безчисленныя аттаки съ помощью увѣсистыхъ томовъ и тонкихъ брошюръ, безчисленные „критики", начиная отъ ученыхъ нѣмецкихъ юнкерствующихъ мѣщанъ и мѣщанствующихъ соціалъ-демократовъ и кончая нашими доморощенными „критиками марксизма".

Въ „Аграрномъ вопросѣ" свойственная Каутскому манера изслѣдованія сказалась въ полной своей силѣ. Сельское хозяйство онъ разсматриваетъ, съ одной стороны, въ связи съ общей хозяйственной жизнью капиталистическаго общества, т. е. въ связи съ индустріей, а съ другой— сельское хозяйство данной страны онъ разсматриваетъ въ связи съ всемірнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, у Каутскаго сельское хозяйство является лишь одной частью цѣлостнаго и гармонически развивающагося общественнаго организма, а не оторваннымъ его органомъ, живущимъ совершенно особой, самостоятельной жизнью. И вмѣстѣ съ тѣмъ „выживаніе" мелкаго производства въ земледѣліи, приводящее въ такой восторгъ нѣмецкихъ ученыхъ мѣщанъ и русскихъ земскихъ статистиковъ, занимаетъ у Каутскаго свое законное мѣсто въ системѣ развитія капиталистическаго производства. Только въ связи съ развитіемъ крупнаго капиталистическаго производства и съ захватомъ капитализмомъ все новыхъ и новыхъ странъ всего свѣта можетъ сохранять, а иногда и упрочивать свое существованіе мелкое земледѣльческое хозяйство европейскихъ крестьянъ,—таковъ „парадоксальный" выводъ, къ которому приводитъ изслѣдованіе Каутскаго. Мелкое сельское хозяйство можетъ поддерживать свое существованіе наряду съ крупнымъ лишь постольку, поскольку мелкій хозяинъ 1) находитъ себѣ подсобный заработокъ въ промышленности, или 2) продаетъ на время свою рабочую силу въ крупное сельское хозяйство. Поскольку же мелкому сельскому хозяйству приходится конкуррировать съ крупнымъ, постольку первое можетъ отстаивать свое существованіе лишь путемъ непомѣрнаго обремененія работой и хроническаго голоданія. Но то и другое ведетъ къ вымиранію самого мелкаго хозяина. Съ другой стороны, европейскій крестьянинъ можетъ въ своемъ родѣ „конкуррировать" съ крупнымъ сельскимъ хозяиномъ, поскольку заокеанское капиталистическое земледѣліе убиваетъ крупное европейское земледѣліе, убивая, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ и все вообще европейское земледѣліе. Но насколько, за всѣмъ тѣмъ, мелкое производство все же „выживаетъ" въ сельскомъ хозяйствѣ, настолько

Digitized by Google

же все сельское хозяйство, какъ мелкое, такъ и крупное, все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе въ общественной жизни сравнительно съ индустріей. Цѣлыя отрасли сельскаго хозяйства „индустріализуются“ и вмѣстѣ съ тѣмъ попадаютъ подъ власть крупнаго производства, а то, что остается отъ сельскаго хозяйства, попадаетъ во все болѣе и болѣе сильную зависимость отъ его индустріализованныхъ отраслей. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое сельское населеніе все чаще и чаще покидаетъ деревню и переселяется въ городъ, чтобы здѣсь вступить въ ряды промышленнаго пролетаріата. Всѣ эти условія ведутъ къ тому, что развитіе сельскаго хозяйства начинаетъ всецѣло опредѣляться развитіемъ индустріи. Поскольку послѣдняя приходитъ къ соціализму, какъ къ своему неизбѣжному завершенію, постольку къ соціализму должно придти и развитіе сельскаго хозяйства.

Таковы развитыя въ 1-й части книги Каутскаго теоретическія основы, съ которыми онъ подходитъ къ рѣшенію практической задачи, служащей темой 2-й части книги,—задачи построенія соціалъ-демократической аграрной политики. Здѣсь основной вопросъ, на который необходимо отвѣтить прежде всего,—это: нужна ли вообще соціалъ-демократіи особая аграрная программа. Мы не знаемъ, что отвѣтилъ бы Каутскій на этотъ вопросъ теперь, когда революціонныя требованія россійскаго крестьянства стали фактомъ всемірно-историческаго значенія. Во всякомъ случаѣ въ разбираемой книгѣ на этотъ вопросъ дается отвѣтъ, прямо противоположный отвѣту россійской соціалъ-демократіи. Особая аграрная программа, по мнѣнію Каутскаго, для соціалъ-демократіи не нужна. Нужно только распространеніе на область сельскохозяйственныхъ отношеній соціалъ-демократическихъ и просто демократическихъ требованій, отстаиваемыхъ партіей рабочаго класса. Поэтому соціалъ-демократическая аграрная политика состоитъ, во-первыхъ, изъ соціалъ-демократическихъ требованій въ защиту сельскохозяйственнаго пролетаріата и изъ буржуазно-демократическихъ требованій въ защиту сельскаго населенія и сельскаго хозяйства вообще. Блестящая картинка изъ области будущаго строя („Соціальная революція и экспропріація землевладѣльцевъ“) служитъ достойнымъ завершеніемъ этой богатой содержаніемъ и мыслями книги.

Разумѣется, мы отнюдь не намѣрены дать здѣсь хотя бы краткое изложеніе ея содержанія. Надѣемся, однако, что даже изъ нашихъ бѣглыхъ штриховъ читатель, еще не успѣвшій прочесть эту работу Каутскаго, убѣдится, какую цѣнность и интересъ она представляетъ, и поспѣшитъ ознакомиться съ нею непосредственно.

Къ величайшему сожалѣнію, на этотъ разъ книга Каутскаго появляется передъ русской публикой въ далеко неприглядномъ видѣ. Переводъ представляетъ собою самый обыкновенный рыночный переводъ, не считающійся ни съ интересами русскаго языка, ни съ интересами чита-

Digitized by Google

теля. Убогая посредственность учиническаго стиля, неудобоваримые семиэтажные періоды, невозможный синтаксисъ, — все то, къ чему, кажется, успѣлъ уже привыкнуть, какъ къ неизбѣжному злу, отечественный потребитель фабричныхъ издѣлій нашей переводной литературы. „Итакъ, мы видимъ, что развитіе товарнаго производства породило самыя разнообразныя тенденціи въ сельскомъ хозяйствѣ, всѣ въ концѣ концовъ вліявшія такимъ образомъ, что у крестьянъ оказалось недостаточно пашенъ, особенно же луговъ и лѣса, задолго до того, какъ наступило дѣйствительное перенаселеніе, т. е. когда населеніе еще не достигло той степени плотности, при которой...“ и т. д. (стр. 22). „Расширеніе хозяйства даетъ также спеціалистамъ возможность хорошаго и быстраго выполненія отдѣльныхъ работъ, которыя крестьянинъ самъ исполняетъ плохо и медленно, и для выполненія которыхъ онъ часто послѣ долгихъ проволочекъ при самыхъ неотложныхъ обстоятельствахъ обращается къ далеко живущему спеціалисту“ (стр. 89). „Вмѣсто товарнаго производства... выступаетъ на видъ (sic) производство общественное“ (стр. 274). „Но мы также не видимъ въ сельскохозяйственныхъ коопераціяхъ и переходной ступени въ царство соціализма, кромѣ значенія ихъ въ томъ...“ (стр. 365). „Мы утѣшаемся отъ такого недостатка той надеждой...“ (стр. 366) и т. д., и т. д., и т. д. Подобными перлами блещетъ буквально каждая страница перевода. Однако, это было бы еще съ полбѣды. Читатель уже притерпѣлся къ подобнымъ переводческимъ упражненіямъ и научился понимать даже самую скверную фразу, перечитавъ ее два-три раза. Хуже то, что въ этомъ „переводѣ подъ редакціей пр.-доцента Н. А. Рожкова“—на каждомъ шагу—грубый промахъ или прямая ошибка, искажающая смыслъ.

На стр. 85: „Въ сельскомъ хозяйствѣ *собственное* производство и домашнее хозяйство тѣсно связаны между собой“, а въ подлинникѣ сказано: „*собственно* (eigentliche) производство“; переводчикъ, очевидно, смѣшиваетъ слова *eigentlich* и *eigen*. На стр. 209: „Менѣе другихъ страдаютъ отъ бѣгства въ городъ хозяева предпріятій, занятыхъ не исключительно производствомъ товаровъ или почти исключительно домашнимъ хозяйствомъ, а изъ нихъ хозяева такихъ предпріятій, которыя занимаютъ мало рабочихъ“. Въ дѣйствительности же Каутскій говоритъ: „Изъ предпріятій, занятыхъ производствомъ товаровъ, а не исключительно либо почти исключительно обслуживающихъ домашнее хозяйство, всего менѣе страдаютъ отъ бѣгства изъ деревни тѣ, которыя занимаютъ немного наемныхъ рабочихъ“. На стр. 299 выраженіе „durch einen industriellen Nebenerwerb“ („при подсобномъ заработкѣ въ индустріи“) переведено совершенно невѣрно: „при отхожихъ промыслахъ“. На стр. 303 нѣмецкая фраза: „Aber all zuviel Zutrauen zum Stadt als Landwirth darf man nicht haben“ („но не слѣдуетъ пи-

Digitized by Google

тать слишкомъ ужъ большого довѣрія къ государству въ роли сельскаго хозяина") переведена: „Нельзя имѣть къ государству столько довѣрія, сколько питаетъ къ нему сельскій хозяинъ" (sic!!). На стр. 313: прикрѣпленіе рабочихъ къ землѣ „durch Rentengüter", т. е. „отдаче имъ участковъ земли на арендныхъ условіяхъ" переведено „посредствомъ дохода съ нея" (!!) На стр. 321 „обученіе высшему сельскому хозяйству въ бернскихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ" превращено въ „воспитательное заведеніе для высшаго сельскаго хозяйства въ Бернѣ". На стр. 338 „Hoftagelöhner", т. е. поденщики дворцовыхъ имѣній, названы „дворцовыми поденщиками". На стр. 355 „... вопросъ о крупныхъ работахъ по меліораціи или культивированіе такой почвы, которая въ существѣ своемъ есть... часть общественнаго воднаго хозяйства", — и т. д., и т. д., и т. д. Мы могли бы привести еще десятки не менѣе грубыхъ ошибокъ, а иногда собственныхъ измышленій переводчика, не имѣющихъ почти никакого сходства съ оригиналомъ. Такое обстоятельство заставляетъ насъ рекомендовать читателю крайнюю осторожность въ пользованіи этимъ переводомъ.

Книга издана съ внѣшней стороны довольно убого, брошюровка крайне скверная, а цѣна—1 р. 60 к. за 405 страницъ—раза въ полтора превышаетъ обычныя нормы, установившіяся теперь на книжномъ рынкѣ.

С. А.

Вл. Громанъ. Земельный вопросъ и земельные проекты. Изд. „Новый Міръ". Ц. 25 к.

Въ рѣшеніи аграрнаго вопроса тов. Громанъ примыкаетъ въ общемъ къ проекту „муниципализаціи" земли, но считаетъ необходимымъ внести въ него весьма существенныя добавленія. Главный недостатокъ проекта т. Маслова заключается, по мнѣнію т. Громана, въ томъ, что изъ него не явствуетъ, какъ при муниципализаціи „могутъ быть защищены интересы трудящихся массъ" (стр. 87). Т. Громанъ полагаетъ осуществить эту задачу признаніемъ „преимущественнаго права на пользованіе землей за мелкими хозяевами" (стр. 55). Такимъ образомъ, „при опредѣленіи размѣра земельнаго участка на семью органы самоуправленія будутъ руководиться... использованіемъ рабочей и хозяйственной силы семьи, обезпечивъ, конечно, возможность приложенія къ землѣ труда всѣхъ тѣхъ, кто будетъ этого требовать въ цѣляхъ пропитанія" (стр. 76). Итакъ, на первомъ планѣ стоитъ доведеніе землепользованія населенія до бюджетной нормы, на второмъ до трудовой и, наконецъ, „оставшаяся земля отдается въ пользованіе крупныхъ предпринимателей, товариществъ рабочихъ, товариществъ крестьянъ" (стр. 77). Т. Громанъ полагаетъ, что это „преимуще-

Digitized by Google

ственное право трудящихся массъ“ на пользованіе землей имѣетъ лишь назначеніе покончить съ пауперизмомъ (стр. 55) и что оно не уничтожаетъ возможности развитія „крупнаго капитализма“ (стр. 55). Это предположеніе остается, однако, не обоснованнымъ и не вытекаетъ изъ проекта т. Громана, а лишь пришито къ нему искусственно, и едва ли ошибаются с.-р., привѣтствуя дополненіе т. Громана къ проекту Маслова, какъ шагъ въ сторону культивированія „трудовыхъ хозяйствъ“. Земли въ настоящее время нехватитъ даже для надѣленія по трудовымъ нормамъ, слѣдовательно, никакой „свободной земли“ не придется отдать „въ пользованіе крупныхъ предпринимателей“ и т. д. Осуществленіе проекта Громана связано поэтому съ полной ликвидаціей крупнаго хозяйства: всю землю придется отдать въ пользованіе „мелкихъ хозяевъ соотвѣтственно рабочей и *хозяйственной* силѣ семьи.“

Не фантазируя насчетъ раздѣла средствъ производства, т. Громанъ волей-неволей приходитъ, какъ показываетъ подчеркнутое выраженіе, къ увеличенію землепользованія деревенскихъ богатѣевъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, т. Громанъ долженъ сдѣлать еще одинъ шагъ и признать „уравнительное“ землепользованіе.

Второй недостатокъ „муниципализаціи“ состоитъ, по мнѣнію т. Громана, въ томъ, что земля оставляется въ *собственности* органовъ самоуправленія, тогда какъ она должна находиться лишь въ *распоряженіи* ихъ и быть собственностью „общегосударственной“ (стр. 75). Доводы противъ муниципализаціи земли т. Громаномъ не приводятся, доводы же за національзацію земельной собственности нельзя признать особенно убѣдительными. Прежде всего, т. Громанъ полагаетъ, что само крестьянство выскажется за національзацію земли (59), такъ какъ „цѣпи надѣльнаго землевладѣнія, крайняя необезпеченность владѣнія купчими землями не успѣли (?) развить собственническаго инстинкта“ (74). Во-вторыхъ, при осуществленіи проекта т. Громана „усиленія правительства не произойдетъ“, такъ какъ распоряженіе землей будетъ находиться въ рукахъ органовъ самоуправленія. Но далѣе оказывается, что свобода этого распоряженія будетъ ограничена „нормами, утверждаемыми центральнымъ законодательнымъ учрежденіемъ“ (59).

Вотъ, по существу, основная точка зрѣнія т. Громана въ аграрномъ вопросѣ.

Въ средѣ с.-д. проектъ этотъ сочувствіемъ не пользуется, но зато онъ даетъ поводъ с.-р. ликовать по поводу того, что, наконецъ-то, с.-д. вступаютъ на правильный путь, и вотъ-вотъ признаютъ „уравнительное землепользованіе“,—этотъ китъ с.-р-ства. Мы видѣли, что т. Громанъ дѣйствительно дѣлаетъ шагъ въ этомъ направленіи: стоитъ лишь отказаться отъ принципа использованія *хозяйственной* силы семьи и остаться при „трудовомъ“ принципѣ.

Digitized by Google

Мы особенно рекомендуемъ брошюру т. Громана вниманію партійныхъ работниковъ, такъ какъ вопросъ, поднятый ею, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія въ интересахъ нашего отграниченія отъ утопій с.-р.

Б. Веселовскій.

Матеріалы къ крестьянскому вопросу. Отчетъ о засѣданіяхъ делегатскаго съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза 6-го ноября 1905 г. Со вступительной статьей В. Громана. Изд. „Новый Міръ". Ц. 50 к.

Отчетъ о ноябрьскомъ съѣздѣ составленъ на основаніи подробныхъ записей корреспондентовъ журнала „Правда" и представляетъ цѣнный матеріалъ для изученія крестьянскаго движенія. Въ вступительной статьѣ В. Громана читатель найдетъ небезынтересные выводы и сопоставленія, какъ относительно ноябрьскаго, такъ и относительно августовскаго учредительнаго съѣзда Крестьянскаго союза. Анализъ резолюцій, принятыхъ названными съѣздами, приводитъ г. Громана къ вполнѣ основательному заключенію, что „передъ нами классовое теченіе", и именно мелкобуржуазное. Съ другой стороны, тактическія резолюціи ноябрьскаго съѣзда—суть „плодъ антиреволюціоннаго теченія; онѣ перекидываютъ мостикъ между правительствомъ... и народомъ, уже поднимающимся на возстаніе". В. Громанъ справедливо полагаетъ, что „крестьянство не пойдетъ за ними", авторами резолюцій тактическаго характера, на компромиссъ, что оно изберетъ революціоный путь, при этомъ „Всероссійскій Крестьянскій Союзъ представляетъ изъ себя зародышъ организаціи революціоннаго крестьянства".

Б. Веселовскій.

Обзоръ иностранныхъ законодательствъ по урегулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Мин. фин. Отдѣлъ промышленности. 1905. 246 стр.

Въ настоящее время, когда вопросъ о сокращеніи рабочаго времени вообще и о введеніи 8-ми-часового рабочаго дня въ частности ставится на самое видное мѣстно въ рабочемъ вопросѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи, крайне полезно и даже необходимо ознакомиться съ этимъ вопросомъ каждому, интересующемуся имъ—въ какомъ положеніи этотъ вопросъ находится въ западно-европейскихъ государствахъ и насколько распространенъ восьми-часовой рабочій день. Съ этой стороны вышеуказанный „обзоръ" является хорошимъ справочнымъ руководствомъ. Цѣль его—дать, насколько возможно, полный обзоръ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній Западной Европы по вопросу о регулированіи рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Въ отношеніи нѣкоторыхъ го-

Digitized by Google

сударствъ приводятся не только статьи законовъ, но и административныя распоряженія, насколько они касаются вопроса объ регулированіи рабочаго времени. Въ „обзоръ“ по распредѣленію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ вошли 15 европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россія. Здѣсь подробно указано о продолжительности рабочаго времени взрослыхъ рабочихъ (мужчинъ и женщинъ), подростковъ и дѣтей, съ подраздѣленіемъ, въ какихъ производствахъ допускаются дѣти, женщины и подростки. Ни въ одномъ изъ указанныхъ государствъ не введенъ законодательнымъ порядкомъ для всѣхъ промышленныхъ предпріятій 8-ми-часовой рабочій день, за исключеніемъ Испаніи, гдѣ установленъ восьмичасовой рабочій день въ казенныхъ предпріятіяхъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Для послѣднихъ въ двухъ государствахъ—въ Даніи и Швеціи—совсѣмъ не установлены нормы продолжительности рабочаго дня. Работы женщинъ послѣ родовъ воспрещены во всѣхъ государствахъ, за исключеніемъ Россіи и Франціи. Дѣтскій трудъ при современномъ всюду буржуазномъ строѣ сильно эксплоатируется; продолжительность рабочаго времени въ сутки колеблется отъ $5^1/_2$ час. (Даніи) до 12 час. (Бельгія), 11 час. (Голландія и Италія). Въ Бельгіи король можетъ разрѣшить работу дѣтей (12—14 л.) мужского пола *въ рудникахъ* съ 4 часовъ утра. Это ли не варварство! Не менѣе варварскимъ установленіемъ нужно считать законодательныя нормы тѣхъ государствъ, въ которыхъ взрослый рабочій мужчина и тѣмъ болѣе женщина считается съ 16 л. (Австрія, Венгрія, Германія и даже Швейцарія) и въ Испаніи даже съ 15 л. Что это за взрослые люди?

Знакомясь со всѣми схемами, таблицами и законодательнымъ кодексомъ различныхъ государствъ по регулированію рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ, видимъ одно, какъ мало прилагается заботъ дѣйствительно къ огражденію интересовъ рабочихъ. И это дѣлается не въ однихъ отсталыхъ государствахъ, какъ Россія, Австрія и т. п., но даже и въ республиканскихъ... Буржуазія и здѣсь не желаетъ поступиться своей властью.

Д. Никольскій.

С. Я. Цейтлинъ. Учредительныя и законодательныя собранія въ конституціонныхъ государствахъ. Популярно-юридическіе очерки. Спб. 1906. 202 стр. Ц. 50 к.

Соціально-политическій переворотъ, переживаемый Россіей, вызвалъ широкій потокъ популярныхъ сочиненій по государствовѣдѣнію. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, что этотъ потокъ принесъ съ собою лишь цѣнныя для народа произведенія. Кто хотя мало-мальски критически просматривалъ безчисленныя брошюры, запрудняющія книжный рынокъ, тотъ, конечно, знаетъ, сколько дряной макулатуры ежедневно поступаетъ на невзыскательный

Digitized by Google

духовный столъ народа. Иногда диву даешься, для чего это пишутся, а еще пуще, для чего это издаются тысячи брошюръ, въ которыхъ съ грубѣйшими ошибками, съ на-спѣхъ пріобрѣтенными полузнаніями темно и и вяло излагаются вопросы государственнаго права и политической жизни. А между тѣмъ, долгій умственный голодъ русскаго народа, да и русской интеллигенціи, по части юридическихъ знаній обязуетъ съ нарочитою придирчивостью производить выборъ популярныхъ книгъ,—долго голодавшимъ людямъ надо давать пищу съ особенною разборчивостью и осторожностью.

Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ приходится отмѣтить книжку г. Цейтлина. Г. Цейтлинъ не нахваталъ съ бору да съ сосенки первыя подъ руку попавшія свѣдѣнія, а, очевидно, долго и вдумчиво изучалъ вопросы государственнаго права, прежде чѣмъ взялся за ихъ популярное изложеніе. Эта же вдумчивость дала возможность г. Цейтлину разсматривать вопросы государствовѣдѣнія, не какъ вопросы голыхъ юридическихъ нормъ, а какъ живую соціальную ткань.

Въ первой части своей книжки г. Цейтлинъ разсматриваетъ вопросъ объ утвержденіи и пересмотрѣ конституцій, во второй части—вопросъ объ одной и двухъ-палатной системѣ представительства. Этотъ послѣдній вопросъ въ настоящее время очень усердно обсуждается въ Россіи. Скрытые противники широкаго демократизма, сдавшіеся лишь духу времени, стараются у насъ подъ видомъ второй палаты провести въ демократическую конституцію аристократическіе, цензитарные элементы. Въ виду этого, обстоятельный разборъ вопроса о двухъ палатахъ, сдѣланный г. Цейтлинымъ, является какъ нельзя болѣе кстати. Авторъ внимательно прослѣживаетъ роль и значеніе вторыхъ палатъ въ жизни и конституціяхъ западно-европейскихъ государствъ. Онъ въ концѣ концовъ приходитъ къ вполнѣ вѣрному заключенію, что „нигдѣ и никогда верхняя палата не являлась органомъ демократіи; вездѣ и всегда она была центромъ политически-привилегированныхъ группъ населенія, династій, феодаловъ, крупно-землевладѣльческаго, чиновничьяго, или промышленно-буржуазныхъ классовъ. Въ самомъ принципѣ своемъ, какъ и въ выступленіи ея въ дѣйствительной жизни въ видѣ выборнаго, наслѣдственнаго или пожизненнаго представительства, она является одинаково рѣзкимъ отрицаніемъ началъ ревенства гражданъ передъ закономъ, народнаго суверенитета, верховнаго участія націи въ государственномъ управленіи“ (167).

Къ внѣшнимъ недостаткамъ книжки надо отнести крайнюю непропорціональность отдѣльныхъ ея частей и крайнюю длиноту періодовъ, иные изъ которыхъ совершенно невылазны.

П. Берлинъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

П. Бирюковъ. Левъ Николаевичъ Толстой. Біографія. Томъ I. Изд. книгоиздат. „Посредникъ". Ц. 2 р.

Г. де-Волланъ. Въ странѣ милліардовъ и демократіи. Изд. Т-ва М.О.Вольфъ. Ц. 2 р. 50 к.

Д. Мережковскій. Юліанъ. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 2 р.

Изданія Н. Глаголева.

Гансъ Лейссъ. Въ исправительной тюрьмѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Б. Барта. Ц. 80 к.

Парвусъ. Россія и революція. Ц. 1 р.

Іуда Мытарь (Т. Ефимовъ). Въ защиту приказчиковъ. (Докладъ и очеркъ). Изд. автора). Ц. 20 к.

И. М. Любомудровъ. Введеніе въ науку о справедливости Герберта Спенсера. Составл. по Отто Гауппу, Изд. бр. И. В. Гусевыхъ. Ц. 15 к.

П. Эль. Соціально-сатирическіе этюды. Ц. 80 к.

В. Ранцовъ. Чистая математика съ общедоступнымъ изложеніемъ основъ высшаго анализа. Ц. 1 р. 25 к.

Бр. Иванъ и Павелъ Лопатины. Очеркъ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Царствѣ Польскомъ. Ц. 15 к.

Ник. Ставрогинъ. Пять свободъ. Ц. 5 к.

Изданія Т-ва И. Д. Сытина.

Проф. Ал. Трачевскій. Наполеонъ I. Первые шаги и консульство. 1769—1804.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Тайное общество декабристовъ. Ц. 1 р.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I. Ц. 25 к.

Е. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Часть I. Изд. П. А. Артемьева. Ц. 2 р. 50 к.

К. Тыловой. Балдушкинъ. Разсказъ изъ манчжурской эпопеи. Ц. 40 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I и II. Ц. за два т. 3 р.

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ I. Декартъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. Н. Н. Полилова. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Ц. 2 р. 50 к.

Р. Пельманъ. Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ. Пер. съ нѣм. Изд. О-ва вспоможен. окончивш. Спб. В. Ж. К. Ц. 2 р.

П. Оленинъ. Какъ онъ жилъ... Ц. 50 к.

Ег. Емельяновъ. Золото въ розсыпяхъ и коренныхъ мѣсторожденіяхъ. Записки практика-золотопромышленника. Ц. 1 р.

Его же. Научныя экскурсіи въ области загадочнаго. Ц. 60 к.

Его же. Радій въ роли дракона. Золото и радій на Кавказѣ. Ц. 50 к.

Крестьянскіе наказы Самарской губ. Съ вступит. стат. А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Ц. 45 к.

Какъ устраиваются городскія общественныя работы. Пер. съ нѣм. и предисл. В. А. Гагена. Ц. 70 к.

Политическая энциклопедія, подъ ред. Л. Слонимскаго. Томъ I. Вып. 3. Ц. 1 р.

С. М. Богословскій. Заболѣваемость фабричныхъ рабочихъ Богородско-Глуховской и Истомкинской мануфактуръ Богородскаго уѣзда за 1896—1900 г.г. Изд. Моск. Губ. Зем. Ц. 50 к.

Изданія О. Н. Поповой.

Н. Димъ. Сельскій пролетаріатъ въ Россіи. Ц. 12 к.

Б. Кричевскій. Восьмичасовой рабочій день. Ц. 15 к.

Н. Рожковъ. Какъ произошло и какъ развилось самодержавіе въ Россіи. Ц. 6 к.

А. Дамашке. Аграрная реформа. Ц. 50 к.

Вильгельмъ Блосъ. Исторія германской революціи 1848 г. Полн. пер. съ нѣм. Г. Радомысльскаго подъ ред. А. Луначарскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Библіотека „Общественной Пользы".

Л. Василевскій (Плохоцкій). Современная Польша и ея политическія стремленія. Ц. 50 к.

Н. А. Бородинъ. Государственная Дума въ цифрахъ. Ц. 25 к.

Этьенъ Бюиссонъ. Всеобщая стачка. Пер. В. С. съ приложен. статьи Н. Кудрина „Всеобщая забастовка". Ц. 15 к.

Карлъ Марксъ. Революція и контръ-революція въ Германіи. Съ предисл. К. Каутскаго. Пер. Н. Б—ка. Ц. 25 к.

Жоржъ Вейль. Исторія соціальнаго

Digitized by Google

движенія во Франціи (1852—1902 г.). Пер. М. Брагинскаго. Ц. 1 р. 80 к.

В. К. Агафоновъ. Наука и жизнь. Ц. 1 р.

Изданіе книгоиздат. „Польза".

Проф. Т. В. Локоть. Первая Дума. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. книгоизд. „Библіотечное Дѣло".

С. П. Швецовъ. Крестьянская Община. Ц. 5 к.

Изданія „Новаго Товарищества".

В. В. Соціальное преобразованіе Россіи. Ц. 18 к.

А. Оларъ. Отъ монархіи къ республикѣ. Ц. 10 к.

По Г. Ленотру. Путешествіе на эшафотъ. Пер. съ франц. А. Гр—нъ. Ц. 25 к.

Смолова. Король и народъ. Ц. 2 к.

Жоржъ Ренаръ. Во французской деревнѣ. Пер. съ франц. Швецовой. Ц. 3 к.

Н. Огановскій. Крестьянская община и соціализмъ. Ц. 8 к.

Его же. Освобожденіе земли. Ц. 6 к.

Изд. книгоизд. „Новый Голосъ".

Марксъ и Энгельсъ наканунѣ ихъ историческаго выступленія. Вып. I. Ц. 7 к.

Изд. книгоизд. „Рабочій Народъ".

Какъ добыть землю трудовому народу? Ц. 3 к.

Изданія книгоизд. „Вѣрный Путь".

Александръ Златкинъ. Земля. Разсказъ. Ц. 2 к.

Его же. Въ патрулѣ. Разсказъ. Ц. 1 к.

Ольговичъ. Что сказала деревня первой Государственной Думѣ. Ц. 4 к.

Ольга Волькенштейнъ. Кому и зачѣмъ нужно всеобщее избирательное право. Ц. 4 к.

Изд. „Библіотека для всѣхъ" О. Н. Рутенбергъ.

Георгъ Герронъ. Отъ революціи къ революціи. Пер. съ англ. М. Брагина. Ц. 6 к.

Рихардъ Кальверъ. Христіанство и соціалъ-демократія. Пер. съ нѣм. Н. Гордонъ. Ц. 5 к.

Г. Плехановъ. Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Сила и насиліе. Пер. съ итальянск. Г. Зильбера. Ц. 6 к.

Изданія книгоиздат. „Сѣятель".

В. Зариинъ. Аграрный вопросъ и аграрныя программы соціалистическихъ партій. Ц. 15 к.

Обозрѣніе новыхъ книгъ и книжнаго дѣла. За книжкой № 5. 1906 г.

„Популярная Библіотека" подъ ред. А. Рудина и С. Нечетнаго.

Абрамова. Крестьянинъ и рабочій. Ц. 2 к.

Г. Новоторжскій. Значеніе права на землю для рабочаго народа. Ц. 4 к.

Краткій списокъ лучшихъ и наиболѣе доступныхъ книгъ для сельскихъ и фабрично-заводскихъ читателей. Августъ. № 4. Ц. 2 к.

Г. Н. Что нужно рабочему народу. Ц. 8 к.

Черезъ сто лѣтъ (по Беллами). Сокр. А. А. Николаевымъ. Ц. 25 к.

А. Новоторжскій. Что такое правовое государство. Ц 10 к.

Изданія книгоизд. „Земля и Воля".

Войниичъ. „Оводъ". Романъ изъ итальянской жизни. Сокращено Орѣховой. Ц. 20 к.

Статистическій справочникъ. Вып. I. Ц. 25 к.

Ужасные дни въ Москвѣ. Записки дружинника. Ц. 8 к.

На Байкалѣ. Ц. 1 к.

П. Я. Р. Слѣдуетъ ли переселяться? Ц. 1 к.

Изданіе Е. Д. Мягкова „Колоколъ".

Д. И. Курскій. Англійскій рабочій. Ц. 5 к.

Изданіе Е. Д. Мягкова „Народная Мысль".

А. Веберъ. Налоги. Пер. съ франц. Ачадова. Ц. 30 к.

Изданія книгоиздательства „Слово и Жизнь".

Н. Лернеръ и Н. Ставрогинъ. Гражданскіе мотивы въ русской поэзіи отъ Пушкина до нашихъ дней. Ц. 60 к.

Краткія біографіи членовъ Государственной Думы. Ц. 30 к.

Ник. Жервэ. Неосуществившійся проектъ народнаго представительства 1881 года, представленный графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Ц. 10 к.

Digitized by Google

Журнальныя замѣтки.

(„Вѣстникъ Европы“, VII. „Міръ Божій“, V, VI. „Русское Богатство“, V, VI).

Филиппъ II, „слѣпой палачъ слѣпого фанатизма“, прозванный современниками „Кровавымъ“, былъ глубоко убѣжденъ, что „одинъ лишь ужасъ усмиряетъ бунтъ“. Это убѣжденіе кроваваго короля разбила дѣйствительность, какъ разбивала не разъ и прежде, и потомъ, и все-таки политика ужаса, политика крови возрождалась, какъ фениксъ, изъ пепла снова и снова, возрождалась всякій разъ, когда самими правительствами овладѣвалъ ужасъ; кто-то не даромъ сказалъ: „Когда правительство начинаетъ бояться, оно становится страшнымъ“.

Исторія государства россійскаго—это исторія ужаса.

„Сначала удѣльный періодъ—князья жгутъ“—повѣствуетъ Салтыковъ-Щедринъ въ „Современной Идилліи“; „потомъ татарскій періодъ—татары жгутъ; потомъ московскій періодъ—жгутъ, въ рѣкѣ топятъ и въ синодики записываютъ; потомъ самозванцы — жгутъ, кресты цѣлуютъ, бороды другъ у дружки по волоску выщипываютъ; потомъ лейбъ-компанскій періодъ—жгутъ, бьютъ кнутомъ, отрѣзываютъ языки, раздаютъ мужиковъ и пьютъ венгерское“ и т. д.

Великій сатирикъ не дожилъ до переживаемаго нами періода, а если бы и дожилъ, едва ли бы нашелъ достаточно сильное слово для того, чтобы заклеймить позоръ и ужасъ нашего „волчьяго времени“.

Передъ нечеловѣческой злобой и безсмысленной травлей человѣка блѣднѣетъ человѣческое слово и опускаетъ крылья человѣческая мысль.

Герцогъ Альба и Малюта Скуратовъ—мальчишки и щенки по сравненію съ нынѣшними творцами „политики ужаса“.

Малюта или герцогъ Альба были *единственными* въ своемъ ролѣ, нынѣшнимъ имя—„легіонъ“, ибо ихъ много, начиная отъ „капитана Копейкина“ или „мичмана Дырки“, облеченныхъ правами верховныхъ судей, и кончая вороватымъ солдатомъ „Маловымъ“ („Солдаты“, М. Горькій), этимъ уничтожителемъ, этимъ человѣческимъ убійцей, который, стрѣляя въ бунтующихъ, „все въ брюхо наровилъ“, и, оправдываясь, говорилъ: „Я вѣдь въ студентовъ все катаю“.

Digitized by Google

„Наша газетная хроника,—пишетъ А. Амфитеатровъ,—болѣе кровава, чѣмъ страницы Тацитовой лѣтописи! Въ тридцать лѣтъ Неронова вѣка, оставшагося ужасомъ для всѣхъ временъ христіанской эры, было въ государствѣ римскомъ предано смертной казни и ссылкѣ по политическимъ причинамъ 127 свободныхъ гражданъ! Да! да! не удивляйтесь: вѣрно! 127, только 127. А у насъ спустя почти 2000 лѣтъ цивилизаціи именемъ Христа одинъ генералъ Орловъ разстрѣлялъ въ нѣсколько недѣль 620 человѣкъ! А Дубасовъ? А Карангозовъ? А приказы кутаисскихъ и прочихъ кавказскихъ усмирителей? Сибирь съ Ренненкампфомъ и Меллеромъ-Закомельскимъ?“

Передъ нами лежатъ двѣ книги, писанныя слезами и кровью.

Тамъ нѣтъ причитаній и воплей,—тамъ сообщаются голые факты, но отъ этихъ фактовъ вѣетъ политикой ужаса, вѣетъ политикой крови.

Объ этихъ книгахъ—„Карательная экспедиція“ В. Владимірова, „Расправы и разстрѣлы“ Василія Климкова—говорилось уже не разъ въ печати; мы, однако, позаимствуемъ изъ нихъ нѣсколько фактовъ, необходимыхъ для нашей статьи.

Не забывайте, что книга В. Владимірова уже побывала подъ арестомъ, но по опредѣленію московской суд. палаты арестъ, наложенный на нее, былъ отмѣненъ, а обвиненіе противъ автора (по ст. 281 и по 5 ст 129 уг. ул.) было прекращено моск. суд. палатой. Это значитъ, что даже правительственный судъ принужденъ былъ подтвердить собранные факты и вопреки желанію правительства начертать свое: „съ подлиннымъ вѣрно“.

„Арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно“... „По возможности щадить и охранять всякія желѣзнодорожныя сооруженія“—таковъ былъ приказъ-напутствіе покойнаго Мина „карательной экспедиціи“ и этотъ приказъ былъ исполненъ въ точности. Охранялись желѣзнодорожныя сооруженія и безпощадно истреблялись живые люди!

Въ московскій періодъ жгли, въ рѣкахъ топили, но въ то же время и въ синодики записывали,—герои карательныхъ экспедицій жгли, „пороли штыками“, засѣкали и разстрѣливали, и даже въ синодики записывали потомъ.

Зато въ распоряженіи Римановъ и Сиверсовъ были „мертвые списки“, составленные охраннымъ отдѣленіемъ по показаніямъ агентовъ, и эти „мертвые списки“ съ успѣхомъ замѣняли синодики.

Впрочемъ, „мертвые списки“ нисколько не ограничивали произволъ уничтожителей и человѣческихъ убійцъ, они совершенно спокойно расширяли эту писаную конституцію. Для того, чтобы получить право быть разстрѣляннымъ, достаточно было имѣть „подозрительно длинные волосы“, или „идти къ мѣсту назначенія не по самой короткой дорогѣ“, или просто

Digitized by Google

показаться на глаза подъ веселую руку и стать предметомъ веселой шутки.

— А вотъ ежели накалить штыкъ, да въ брюхо кому-нибудь,—мечтательно говорилъ одинъ изъ „солдатъ“ М. Горькаго, и эти слова вовсе не выдумка.

Обратитесь къ указаннымъ книгамъ, такихъ фактовъ даже искать тамъ не нужно—они сразу бросаются въ глаза.

Одинъ солдатъ со смѣхомъ разсказывалъ другому, какъ шли двѣ бабы по полю, влѣво отъ запасныхъ путей; онъ имъ крикнулъ:

— Стрѣлять буду!

Бабы, сломя голову, бросились бѣжать, спотыкались, скользили по неровной дорогѣ, смѣшно взмахивали руками. Солдатъ взялъ на прицѣлъ одну, выстрѣлилъ—она такъ и „сковырнулась“, а другая убѣжала [1]).

Въ чемъ провинилась эта несчастная баба?

Сознавалъ ли добродушный солдатъ-палачъ весь ужасъ и всю мерзость своего преступленья?

На эти вопросы нѣтъ отвѣта въ книгѣ...

Бабы „смѣшно размахивали руками“, а солдатъ былъ юмористомъ—вотъ и все.

„Много разъ приходилось убѣждаться перовцамъ,- -пишетъ въ другомъ мѣстѣ В. Владиміровъ [2]),—что приказаніе „бѣги домой“ есть не что иное, какъ привычка хорошаго охотника—никогда не стрѣлять по птицѣ, спокойно сидящей на суку. Онъ предварительно спугнетъ ее, а потомъ уже стрѣляетъ въ летъ. Такъ и тутъ: поймавъ свою жертву (какого-нибудь прохожаго), руководитель усмиренія выпускаетъ его на свободу, приказавъ ему: „бѣги домой, да поживѣй“, слѣдитъ за нимъ, какъ тотъ на крыльяхъ счастья несется прочь отъ этого рокового мѣста, а затѣмъ... раздается залпъ безъ команды, безъ словъ, и несчастный падаетъ въ снѣгъ“...

Жена помощника станціи Орловскаго съ ужасомъ разсказывала о трупѣ своего мужа. „Все лицо было истыкано штыками“... Только губы остались цѣлы.

Несчастная женщина спрашивала: „Зачѣмъ это?“

„Карательная экспедиція Семеновскаго полка задалась цѣлью отомстить народу за всѣ его стремленія къ свободѣ, къ свѣту, къ улучшенію своего экономическаго быта; отомстить за нераспорядительность, безсиліе и преступность правительства и достойно наказать народъ за всѣ его попытки... для устрашенія населенія въ настоящемъ и для примѣра въ будущемъ. Она рѣшила оставить въ памяти мѣстнаго населенія неизгладимый слѣдъ кровавой вакханаліи, съ безумными жестокостями, упиваясь ими въ своей дикой злобѣ.

---

[1]) В. Владиміровъ, стр. 28.

[2]) В. Владиміровъ, стр. 37.

Digitized by Google

И эта роль блестяще выполнена составомъ экспедиціи изъ 18 офицеровъ подъ командой полковника Римана и отряда солдатъ. Было убито ими болѣе 150 человѣкъ безъ суда и слѣдствія, безъ права сказать свое послѣднее слово, безъ возможности знать за минуту смерти, что будутъ убиты, безъ молитвъ, безъ покаянія, безъ послѣдняго „прости" своимъ дѣтямъ, женамъ, роднымъ... Все это было исполнено!.. И все это вселило ужасъ, который кровавымъ призракомъ гнался вслѣдъ за уходящимъ поѣздомъ, гдѣ жестокіе мстители праздновали свою кровавую побѣду подъ стоны умирающихъ, избитыхъ, израненныхъ людей, заглушаемые грохотомъ и лязганіемъ несущагося поѣзда и звономъ бакаловъ „веселаго пира" [1]).

На Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ другихъ мѣстахъ производились тѣ же „расправы и разстрѣлы", чувствовалась та же атрофія сердца, то же сладострастіе жестокости.

Женщинъ, юношей и стариковъ засѣкали на смерть, но этого мало: при экзекуціи уже высѣченныхъ заставляли держать ноги другимъ, подвергаемымъ тѣмъ же истязаніямъ.

Это происходило въ отрядѣ фонъ-Сиверса, одного изъ вѣрныхъ сподвижниковъ Орлова.

Этотъ фонъ-Сиверсъ запретилъ крестьянамъ читать газеты, заявляя, что „изъ газетъ" они вычитываютъ себѣ только розги,—только въ этомъ запрещеньи и проявлялась „гуманность" рыцаря безъ страха и упрека.

Порка была не просто карой, а *пыткой* или одной изъ пытокъ.

Въ книгѣ В. Климкова вы найдете разсказъ лейтенанта, начальника карательной экспедиціи въ гор. Фридрихсштадтѣ въ дни усмиренья.

Этотъ разсказъ характеренъ и простъ.

Въ этомъ разсказѣ—и „sancta simplicitas" палача-экзекутора, и непреложное свидѣтельство кровавой дѣйствительности о томъ, какъ выколачивались улики противъ мнимыхъ агитаторовъ.

„Трудная наша задача,—разсказывалъ лейтенантъ,—заберемъ латышей и начнемъ допрашивать. Ни звука не отвѣчаютъ, будто бы и не понимаютъ по-русски. Ну что жъ, начнемъ пороть. Приходится всыпать отъ 25 до 150 и болѣе нагаекъ. И *когда тѣло превращается въ битую говядину*, латышъ начинаетъ говорить по-русски. Продолжаемъ допросъ. И *если этотъ допрашиваемый назоветъ чью-нибудь фамилію, какъ агитатора, троекратно, то и... довольно,—агитаторъ захватывается и разстрѣливается*".

Какъ же производились эти экзекуціи?

Вылощенные, паркетные, блестящіе господа офицеры намѣчали жертву, распоряжались пыткой и слѣдили, чтобы все происходило, какъ слѣдуетъ, безъ обмана и безъ послабленья. Вѣдь они же исполняли свой

---

[1]) Стр. 11 и 12, тамъ же. „Расправы и разстрѣлы". В. Климковъ 145.

Digitized by Google

долгъ и старались оказаться на высотѣ принятой на себя великой миссіи!

Не думайте, что исполненіе задачи было трудно для господъ фонъ-Сиверсовъ,—они брались за свое дѣло съ любовью, входили въ азартъ, упивались зрѣлищемъ человѣческихъ мукъ, упивались музыкой человѣческихъ стоновъ.

Разверните въ книгѣ Климкова 152-ую страницу и читайте:

„Подъ личнымъ наблюденіемъ шт.-ротмистра фонъ-Сиверса солдаты пороли арестованныхъ ивовыми скрученными толстыми прутьями. Били жестоко, безпощадно. Число ударовъ, назначенныхъ фонъ-Сиверсомъ, отъ 25 до 100, а иногда шт.-ротмистръ просто поглядывалъ на свои браслетные кавалерійскіе часы и опредѣлялъ экзекуціи по времени.

Нѣкоторые изъ истязуемыхъ, даже женщины, проявляли иногда удивительную героическую стойкость: стиснувъ зубы, не издавали ни одного стона. Тѣло несчастныхъ, по выраженію одного изъ экзекуторовъ, превращалось въ *сплошную кровяную говядину, отдѣлялись полоски кожи и клочья мяса, а страдальцевъ продолжали бить, въ надеждѣ вызвать измученный стонъ.*

Были случаи, когда фонъ-Сиверсъ, заговорившись съ кѣмъ-нибудь изъ бароновъ или полицейскихъ, забывалъ про экзекуцію и свои часы... Затѣмъ онъ оборачивался къ солдатамъ, только что закончившимъ огромное количество ударовъ, и хладнокровно говорилъ: „А ну, валяйте его еще, ребята“. И несчастную жертву подвергали вторично пыткѣ.

Разумѣется, порка-пытка, превращавшая человѣческое тѣло въ „сплошную кровавую говядину“, была только одною изъ мѣръ „предупрежденія и пресѣченія“.

Сжиганіе селеній, разграбленіе имущества, арестъ и разстрѣливаніе тяжело больныхъ, подобранныхъ Краснымъ Крестомъ, насилованіе женщинъ дополняли картину.

Въ книгѣ Климкова приводятся факты, добытые изъ оффиціальнаго слѣдственнаго матеріала.

Это было на Кавказѣ.

Селеніе Сосъ. 5-го апрѣля.

Нубара Крикорянцъ, 70—75 лѣтъ, мать умершаго Ованеса Крикорянца. Она подтвердила все, показанное священникомъ Теръ-Акаповымъ, добавивъ слѣдующее:—Меня изнасиловали пять казаковъ. Въ комнатѣ было темно. Казаки, входя въ комнату, зажгли спичку, которая скоро потухла. Увидѣвъ меня, какъ женщину, казаки поймали, одни за однимъ изнасиловали. Дѣло происходило въ полночь. Сынъ мой Ованесъ былъ совершенно здоровый человѣкъ. Ему былъ нанесенъ сильный ударъ въ лѣвый

Digitized by Google

високъ и его душили. По уходѣ казаковъ, Ованесъ былъ найденъ на дворѣ на навозной кучѣ.

Муса Топлицъ, 68 лѣтъ. Разстрѣлянная казаками Нубита—сирота, моя *внучка, 12 лѣтъ, параличка.* Ночью три казака ворвались ко мнѣ. Я взяла внучку въ объятія, но казаки вырвали ее изъ рукъ. Началась между нами борьба, меня повалили и страшно избили, топтали сапогами, отъ побоевъ у меня въ животѣ образовалась опухоль, изъ задняго прохода выдѣляется кровь, а правая рука отъ побоевъ вовсе не дѣйствуетъ. Я лежу въ постели. Сегодня встала въ первый разъ, чтобы явиться къ вамъ. Доктора говорятъ, что у меня произошло кровоизліяніе въ брюшину. Положеніе мое отчаянное. Внучка моя Нубита изнасилована казаками на моихъ глазахъ, и она заболѣла.

Селеніе Гиней-Чартазъ. 4-го апрѣля.

Теводоросъ Магдетянцъ заявилъ, что казаки расходились по домамъ и ночью насиловали женщинъ.

Сара Арутюнова опрошена на дому, и она подтвердила, что казаки ее изнасиловали. (Сара лежала больная, а *около нея лежалъ новорожденный ребенокъ* [1]).

Дряхлая старуха, дѣвочка, разбитая параличомъ, роженица-мать—вотъ жертвы, однѣ изъ многихъ жертвъ безчисленныхъ карательныхъ экспедицій.

Тутъ не просто звѣрство, тутъ вырожденіе, тутъ извращеніе полового инстинкта,—и этимъ людямъ-звѣрямъ, людямъ, болѣе страшнымъ, чѣмъ самые страшные звѣри, отдавались на „потокъ и разграбленіе“ цѣлыя области.

Это объ этихъ людяхъ-звѣряхъ съ волчьими душами поэтъ Бальмонтъ говоритъ въ своемъ сильномъ стихотвореніи „Волчье время“:

Что ни встрѣтится живого—пища имъ.
Ихъ дорога—трупы, трупы, дымъ и дымъ.
Что ни встрѣтится живого—загрызутъ...

Мы уже говорили, что политика ужаса зарождалась тогда, когда самимъ правительствомъ овладѣвалъ ужасъ...

Представители этой политики великолѣпно и на каждомъ шагу иллюстрируютъ эту мысль...

У М. Горькаго въ его небольшомъ разсказѣ „Солдаты“ въ высшей степени ярко рисуется трепетъ стражи передъ жертвой. Они готовы убить кого угодно, только чтобы не быть убитыми. Вспомните фигуру солдата Малова, котораго послали для щепокъ ящикъ взять, а онъ началъ въ лавкѣ ларь ломать.

---

[1]) В. Владиміровъ, стр. 231—234.

Digitized by Google

„Изъ мрака выбѣжалъ, согнувшись и держа ружье на перевѣсъ, Маловъ и, задыхаясь, быстро заговорилъ:

— Я тамъ... это... дѣлаю... а они... открываютъ окно, слышу:— Видишь его? Валяй... Это—чтобы стрѣлять меня...

— Имѣютъ право!—глухо сказалъ Яковлевъ (другой солдатъ).

— Ахъ, вы, мать...

Маловъ быстро вскинулъ ружье къ плечу, раздался сухой трескъ, разъ, два...

Лицо солдата было блѣдно, и ружье въ его рукахъ дрожало, и штыкъ рылъ воздухъ.

Рыжій солдатъ тоже приложился и, прислушиваясь, замеръ.

— Э, сволочь!—тихо сказалъ Яковлевъ, подбивая стволъ ударомъ руки кверху. Раздался еще выстрѣлъ. Рыжій быстро опустилъ ружье и тряхнулъ Малова, схвативъ его за плечо:

— Перестань ты!

Маловъ закачался на ногахъ и, видя, что всѣ товарищи спокойны смущенно заговорилъ:

— Ну, и народъ! Православнаго человѣка, солдата престолу отечеству... изъ окошка стрѣлять... а?

— *Трусъ! Почудилось тебѣ*,—раздраженно сказалъ рыжій.

Маловъ завертѣлся, махая рукой.

— Ничего не почудилось!.. И не трусъ!.. *Кому же охота помирать*?—забормоталъ онъ, ковыряя пальцемъ замокъ ружья.

— *Сами себя боитесь*...—усмѣхаясь, молвилъ Яковлевъ.

Сами себя боитесь—вотъ фраза, прекрасно объясняющая душевное состояніе человѣка-звѣря, творящаго политику ужаса.

Интересно отмѣтить, что сами проповѣдники устрашенія и вдохновители маленькихъ палачей и насильниковъ исполнены трусливаго трепета передъ собственной тѣнью.

Орловъ, разстрѣлявшій 620 человѣкъ и уничтожившій послѣднее достояніе цѣлыхъ селеній, теперь запирается у себя въ комнатѣ и страдаетъ маніей преслѣдованія. Риманъ, еще годъ тому назадъ спокойно стрѣлявшій въ упоръ прямо въ лицо, разбивавшій безтрепетной рукой человѣческій черепъ, точно орѣховую скорлупу, при малѣйшей опасности покидаетъ все свое имущество и среди ночи бѣжитъ изъ своей квартиры, куда глаза глядятъ.

Остается надежда на военно-полевые суды, и трепещущіе Маловы и Орловы, эти жалкіе плѣнники въ собственныхъ квартирахъ, хватаются дрожащими руками за ружье и стрѣляютъ въ перваго попавшагося...

Кому же охота помирать! Страшно!..

Какъ горьковскихъ солдатъ, всѣхъ этихъ охранителей стараго порядка давитъ „зловѣще ожидающая чего-то страшнаго тишина“.

Что она, эта тишина, затаила—пусть отвѣтятъ на это спириты.

Digitized by Google

Кто же они, проводящіе въ жизнь политику ужаса? Какая почва ихъ породила? Чего достигаетъ эта политика и какъ отражается и на палачахъ, и на жертвахъ,—вотъ вопросы, на которые даютъ посильный отвѣтъ наши журналы за послѣдніе мѣсяцы.

Въ „Мірѣ Божьемъ“ напечатана обстоятельная статья г. Пильскаго: „Армія и общество“ (5 и 6 кн.) и разсказъ „Денщикъ“; въ „Русскомъ Богатствѣ“—„Духовная пища русскаго солдата“ Обручева, Рейснера-Реуса „Война“; въ „Вѣстникѣ Европы“ (августъ)—„По Манчжуріи домой“ В. Ск-л-а, путевыя замѣтки какого-то офицера, въ „Литературныхъ вечерахъ“—разсказъ Туркина „Солдатка“ (кн. 3 и 4).

Первыя двѣ статьи—„Армія и общество“ и „Духовная пища русскаго солдата“—наиболѣе интересны и даютъ обстоятельный отвѣтъ на вопросы: кто они, гдѣ и какъ искусственно воспитываютъ и развиваютъ въ человѣкѣ звѣря, прививаютъ у офицера кастовый духъ, вдалбиваютъ въ голову солдату убѣжденіе, что хорошій солдатъ долженъ безпрекословно повиноваться тѣмъ, которые „посылаютъ народъ другъ на дружку; повиноваться всегда, даже въ томъ случаѣ, если прикажетъ ему ротный „живого младенца сожрать“.

Казалось бы, послѣ повѣсти г. Куприна „Поединокъ“ трудно давать болѣе выразительныя черты въ физіономіи офицера. Но жизнь далеко оставляетъ за собой творчество художника, и авторъ статьи „Армія и общество“ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, взятыхъ прямо изъ жизни.

Указывая на то, что въ военной кастѣ внѣшность важнѣе сущности, а *казаться* дороже, чѣмъ *быть*, г. Пильскій пишетъ: „Подъ внѣшнимъ благонравіемъ и внѣшнимъ благополучіемъ здѣсь процвѣтаетъ махровымъ цвѣтомъ и воровство, и лихоимство, и даже ростовщичество, и шулерство. Принципъ—„жуликъ да не воръ, укралъ, да не попался“; принципъ, воспитанный съ кадетскихъ партъ,—здѣсь вырастаетъ въ систему, и всѣ убѣждены здѣсь въ томъ, что лучше „покрыть“ мерзавца, чѣмъ „опозорить“ полкъ...

А воровство и шулерство здѣсь цвѣтетъ; фигура Арчаковскаго въ „Поединкѣ“—не выдуманная, но объ этомъ мало кто знаетъ, и только потому, что все въ полкахъ—секретъ, и даже изгнаніе офицера по суду общества, по суду товарищей, даже и такой громкій фактъ прячутъ, занавѣшиваютъ, замалчиваютъ...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ ярославскаго полка изгнали подпоручика Ф-на за то, что обнаружились зажатые между пальцами рубли, причемъ Ф-нъ выкидывалъ десятирублевки, когда выигрывалъ, и рублевку, когда его карта была бита. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ попался и долженъ былъ подать въ отставку генералъ К... Въ Ура-Тюбе мировой судья Каргопольцевъ поймалъ въ неправильности игры младшаго брата нынѣшней усмирительной знаменитости, Меллеръ-Закомельскаго, и

Digitized by Google

хотя тутъ было все, что полагается, т. е. и пощечина Закомельскому, и смерть Каргопольцева отъ пули, пущенной ему въ глазъ братомъ шулера, нынѣшнимъ Меллеромъ,—несмотря на все это, убійцу вызвали въ Петербургъ, приговоръ суда отшвырнули, а самого Меллера назначили флигель-адъютантомъ!

„Шито-крыто"—вотъ девизъ этой замкнувшейся, этой слѣпой жизни. Дѣлай, что хочешь, лишь бы не выходило наружу.

Въ полкахъ, и особенно „шикарныхъ", существуетъ институтъ альфонизма; всѣ—отъ командира до послѣдняго нижняго чина—знаютъ объ этомъ, шопоткомъ объ этомъ разсказываютъ другъ другу, но это не вышло наружу, не вызвало скандала—и съ этимъ легко и даже радостно мирится и офицеры, и пресловутая честь полка, и мундиры, и общество офицеровъ, и молчитъ, и не видитъ этого судъ...

Но, кромѣ воровства и шулерства, и альфонизма, развѣ чиста полковая среда отъ такихъ господъ, которые состоятъ на службѣ—страшно, стыдно и ужасно сказать!—у „охранныхъ отдѣленій!" А между тѣмъ я утверждаю, что это такъ. А между тѣмъ я утверждаю, что если бъ достать списки охранной агентуры, въ нихъ мы встрѣтимъ не одного и не двухъ и не трехъ „господъ офицеровъ"...

Въ этомъ страшномъ обвинительномъ актѣ, подрывающемъ „честь мундира", недостаетъ только одного послѣдняго и самаго яркаго штриха,—этотъ штрихъ сдѣланъ въ жизни мастерской рукою Римановъ и Меллеровъ-Закомельскихъ.

Мы говоримъ о позорной работѣ палача, которой стыдятся и отъ которой отказываются даже каторжники, профессіональные убійцы, и которую съ такой любовью выполняютъ нарицательные Меллера-Закомельскіе, еще вчера избавленные отъ каторги... за „хорошее поведеніе".

Да не подумаетъ читатель, что эти Аники-воины дѣйствуютъ по убѣжденію, вѣрятъ въ правильность своихъ послушниковъ. „Какъ прикажете, ваше превосходительство"—вотъ ихъ основной принципъ.

Въ „Мірѣ Божьемъ" помѣщена статья врача *Хейсина* о военныхъ врачахъ и о постановкѣ врачебнаго дѣла во время войны. Оказывается, что даже военная медицина признаетъ полную зависимость отъ армейщины, и военный врачъ твердитъ: „какъ прикажите" тамъ, гдѣ приказывать можетъ только наука; чего же ждать отъ какого-нибудь поручика Пѣтушкова или мичмана Дырки?

Въ воспоминаніяхъ П. Шаброва, бывшаго прапорщика московскаго ростовскаго полка, приводится въ высшей степени интересное признаніе одного изъ идейныхъ офицеровъ, сдѣланное автору въ одну изъ откровенныхъ минутъ:

„Эхъ,—съ горечью сказалъ собесѣдникъ П. Шаброва,—вы не можете себѣ представить, что за гнилое болото наше офицерство. Вѣдь это бук-

Digitized by Google

вально какая-то клоака, которая засасываетъ попадающія въ нее лучшія силы... Тьфу! — отплюнулся офицеръ. — Я разскажу вамъ хоть слѣдующій случай. Вы, навѣрное, помните, что на гробъ Трубецкого былъ возложенъ вѣнокъ и отъ группъ офицеровъ, сочувствовавшихъ освободительному движенію... Такъ вотъ иниціаторомъ этого былъ я. И вотъ многіе изъ нашихъ офицеровъ тоже подписали. Потомъ, представьте себѣ, какая *низкая трусливость*: когда министръ циркулярно предписалъ разслѣдовать этотъ случай, грозя участникамъ увольненіемъ, они перетрусили и набросились на меня. Это вы, говорятъ, всему виной, изъ-за вашего глупаго сочувствія насъ со службы прогонятъ... Вотъ судите сами, чего можно ожидать отъ нашихъ офицеровъ...

Они страшно боятся потерять мѣсто, — вѣдь что, никуда не способны, кромѣ какъ бить солдатъ и сквернословить. (Офицеръ и самъ часто приправлялъ свою рѣчь крѣпкими словами. Привычка ужъ).

А тутъ еще грозятъ совсѣмъ армію распустить и замѣнить милиціей, ну, они держатся за старый строй, какъ слѣпой за стѣну... Да,—продолжалъ онъ, нѣсколько помолчавъ, — вотъ и попробуйте служить и что-нибудь сдѣлать съ такими людьми, поневолѣ будешь нить...

Отъ офицера страшно пахло водкой, и онъ слегка покачивался".

Эти „болотные люди", эти трупы въ черныхъ гробахъ воспитывались и выращивались въ нарочито приспособленныхъ „питомникахъ", изъ которыхъ съ восьмидесятыхъ годовъ была изгнана наука и въ которыхъ водворились „дисциплина и порядокъ", карьеризмъ и малограмотность, подхалимство и самодовольное любованье блескомъ собственно армейскаго величія.

Факты, сообщаемые г. Пильскимъ объ этихъ питомникахъ, говорятъ сами за себя.

Въ кадетскихъ корпусахъ и юнкерскихъ училищахъ забивалась живая мысль и развращалось молодое неиспорченное сердце; пріемы при этомъ употреблялись самые упрощенные.

Мы съ ужасомъ читаемъ „Очерки бурсы" Помяловскаго и радуемся, что нѣтъ болѣе этого ада, что „погибшіе и погибающіе" отошли въ область исторіи; а заглянете теперь въ питомники офицерства,—тамъ хуже бурсы!

Вотъ что разсказываетъ г. Пильскій объ одномъ изъ такихъ „питомниковъ":

„Книги читать было можно, но только по воскресеньямъ, и то исключительно изъ ротной библіотеки, составленной скучно и убого. Постороннія книги преслѣдовались, какъ зараза; производились въ отсутствіе кадетъ обыски, обшаривались не только парты, но и кровати, и мат-

Digitized by Google

рацы; за образомъ мысли слѣдили до чрезвычайности строго, но образа мыслей ни у кого не оказывалось и карали за книжку, хотя бы самую невинную, если она не была снабжена подписью воспитателя.

Разсказывали курьезъ: построена рота, передъ ней мечущій громы гнѣвный ротный командиръ, гроза и страхъ всего корпуса.

— А!—кричитъ онъ зычнымъ командным голосомъ. — Вотъ что-съ. Подпрапорщина Гаршина читаете? Оберъ-офицера Лермонтова читаете? А книжку генералъ-лейтенанта Черткова не читаете?

А книжка Черткова была учебная книжка, и въ ней давались краткія свѣдѣнія о знамени, присягѣ, ружьѣ, службѣ и часовомъ!.. Книжку эту, однако,—увы!—знали лучше, чѣмъ писанія подпрапорщика Гаршина и оберъ-офицера Лермонтова.

Юнкеровъ оберегали отъ всего, — отъ знаній, отъ книги, „отъ дурного общества", и оберегали ревниво и грозно; за знакомство съ студентами подвергали надзору и преслѣдовали, а въ Москвѣ, въ Александровскомъ училищѣ, напримѣръ, было строго запрещено даже проходить мимо университета, ну, а это, само собой разумѣется, было уже отнюдь не хорошее поведеніе"...

Питомниками, гдѣ воспитываются солдаты Маловы, являются казармы, заботливо оберегаемыя отъ тлетворнаго вліяніи „вольныхъ".

Тамъ, въ этихъ питомникахъ, мичманъ Дырка или поручикъ Пѣтушковъ просвѣщаютъ вчерашняго крестьянина изъ деревни Неѣловой или рабочаго, только что оторваннаго отъ станка.

Газета честная, прогрессивная не имѣетъ доступа въ казарму, хорошая книга также, полковникъ Скалозубъ слѣдитъ въ этимъ строго, онъ въ угоду Фамусовымъ готовъ бы такъ же, какъ и они, „взять книги всѣ, да сжечь".

Однако, съ духомъ времени приходится считаться. Преступной агитаціи, которая проникаетъ въ казарму, необходимо противопоставить здоровую умственную пищу, и вотъ Скалозубъ прибѣгаетъ къ изданіямъ Крушевановъ, Богдановичей, къ „Свѣту", „Московскимъ Вѣдомостямъ", и всѣми способами прививаетъ солдатамъ ненависть къ „внутреннему врагу", что въ переводѣ на скалозубовскій языкъ значитъ „къ жиду, армянину, поляку, студенту"...

Въ статьѣ Обручева „Духовная пища русскаго солдата" собранъ матеріалъ о небезвыгодномъ изданіи „Солдатская библіотека".

Эта „Солдатская библіотека" имѣетъ свободный доступъ въ казарму—и по заслугамъ.

Выпускается она комплектами по 20 книгъ, и въ настоящее время выпущено уже 16 комплектовъ, т. е. 320 книжекъ, изъ [illegible] занимаетъ 6 книжекъ, Лермонтовъ—1, Л. Толстой—[illegible]

Остальныя книги преслѣдуютъ „воспи[illegible]

Digitized by Google

„Больше всего достается отъ нашихъ авторовъ евреямъ, которыхъ постоянно честятъ наименованіемъ „жидъ“, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ употребляя слово „еврей“. Въ этомъ отношеніи авторы „Солдатской библіотеки“ наперерывъ изощряются другъ передъ другомъ“, пишетъ Обручевъ.

Далѣе слѣдуетъ рядъ весьма характерныхъ цитатъ. Плохой стрѣлокъ— „вродѣ иного жида бердичевскаго“... „Грицки и Ицки—кулаки, кровопійцы крестьянскаго люда“... Для неблагопріятнаго сравненія, за послѣдняго человѣка сходитъ постоянно все тотъ же „жидъ“.

„И если такой духовной пищей,—продолжаетъ упомянутый авторъ,—питался русскій солдатъ долгое время,—а это была его почти единственная пища, — то, очевидно, еврейскій вопросъ усвоенъ имъ въ совершенно опредѣленномъ освѣщеніи, и не мудрено, что во время послѣднихъ еврейскихъ погромовъ мы видѣли русскихъ солдатъ не только равнодушными свидѣтелями происходящихъ грабежей и насилій, но даже участниками таковыхъ“.

Остановившись на содержаніи наиболѣе типичныхъ произведеній нетенденціозной печати, допущенныхъ въ казарму въ цѣляхъ поученія и вразумленія, авторъ приходитъ къ слѣдующему печальному заключенію:

„Проповѣдь человѣкоубійства, вражды военныхъ и „вольныхъ“, человѣконенавистничества на началахъ національной розни,—вотъ основные мотивы большинства разсказовъ, и, конечно, воспитательное значеніе этой „Солдатской библіотеки“, за которую казна и частныя лица платятъ издателю огромныя суммы, глубоко отрицательное. Если прибавить, что эти разсказы рекомендуются и усиленно распространяются въ войскахъ, то стыдно становится за армію, которую начиняютъ такимъ вздоромъ“ [1]).

Достигаютъ ли цѣли правительственные питомники? Погромы въ Бѣлостокѣ, Сѣдлецѣ, карательныя экспедиціи доказываютъ, что достигаютъ; однако, достигаютъ не надолго.

Всячески стремясь глухою стѣной отгородить военную жизнь отъ жизни народа, Скалозубы ведутъ тѣхъ же солдатъ и тѣхъ же поручиковъ Пѣтушковыхъ въ самую гущу жизни.

Казарма и юнкерское училище рисуютъ революціонеровъ злодѣями, забрасываютъ ихъ грязью, и вотъ эти самые солдаты и поручики становятся лицомъ къ лицу съ Ухтомскимъ, съ Коноплянниковой или евреемъ, о трусости котораго они наслушались отъ своихъ храбрыхъ учителей.

Что они должны переживать, зная, что убитъ безвинно начальникъ станціи Надеждинъ, у котораго осталась жена съ шестью ребятами? Убитъ прекрасный, добрый человѣкъ, котораго всѣ любили и глубоко уважали!

Что они должны переживать, разстрѣливая машиниста Ухтомскаго,

---

[1]) „ сск. Бог.“ Іюнь. 1906.

Digitized by Google

который гордо встрѣчаетъ смерть лицомъ къ лицу, смотритъ прямо въ глаза солдатамъ и обращается къ нимъ съ послѣднимъ словомъ?

Развѣ не остался Ухтомскій на мѣстѣ, нетронутый ни одной пулей послѣ перваго залпа?

Правда, семеновцы, убивъ его, продолжали свое дѣло и, быть можетъ, съ противоестественной жестокостью вспоминали о Надеждинѣ и десяткахъ другихъ, но развѣ не помнитъ читатель, какъ къ несчастной женѣ Надеждина, вскорѣ послѣ разстрѣлянія мужа, робко постучался солдатикъ, передалъ ей 6 рублей отъ своихъ товарищей и письмо о прекрасномъ, добромъ человѣкѣ Надеждинѣ, „который пострадалъ невинно“.

Это письмо написали и деньги собрали солдаты войсковыхъ частей, расположенныхъ въ г. Коломнѣ, въ 4 верстахъ отъ мѣстожительства Надеждина.

Правда, мы знаемъ, что на послѣднемъ свиданіи приговоренной къ смерти Коноплянниковой офицеръ отказался ей передать розу отъ сестры, но мы же знаемъ и другое: мы знаемъ, что военный защитникъ З. В. Коноплянниковой, капитанъ О. В. Сыртлановъ, назначенный на постъ военнаго прокурора при кіевскомъ военно-окружномъ судѣ, не желая принять это назначеніе, уходитъ въ запасъ и вступаетъ въ ряды петербургской присяжной адвокатуры; правда, мы знаемъ, что фонъ-Сиверсы изъ отряда Орлова съ любовью присутствуютъ при экзекуціяхъ, пожарахъ и разстрѣлахъ и сами стрѣляютъ, но мы знаемъ и другое: мы знаемъ о самоубійствѣ ротмистра кирасирскаго полка барона Корфа изъ отряда того же Орлова; правда, горьковскіе „солдаты“ по приказанію ротнаго „и младенца сожрутъ“, но они же переживаютъ тамъ, на своемъ посту, совершенно новыя преступныя мысли безъ всякаго вмѣшательства „вольныхъ“ и „агитаторовъ“.

Прислушайтесь къ тому, о чемъ бесѣдуетъ патруль, только что усмирявшій бунтовщиковъ.

Одинъ изъ нихъ никакъ не можетъ забыть усмиренія и „язву ковыряетъ“ помимо воли.

— Жалко, братцы... Лежитъ она, какъ спитъ... ни крови, ничего... Можетъ, она просто шла...

— А не ходи!—крикнулъ рыжій и злобно, матерно выругался.

— Можетъ, ее господа послали... — какъ бы упрашивая его, сказалъ Семенъ.

— Насъ тоже господа посылаютъ. Развѣ мы виноваты? — раздраженно захрипѣлъ рыжій. — Иди, говорятъ, стрѣляй... какъ ты принялъ присягу... Они всѣ одинаковы, — онъ снова скверно выругался. — Всѣ посылаютъ народъ другъ на дружку...

Эти люди-машины чувствуютъ, что *жизнь ломается.*

Мы видимъ на каждомъ шагу, какъ въ человѣкѣ рождается звѣрь,

Digitized by Google

мы скоро увидимъ воочію, какъ въ звѣрѣ родится человѣкъ вновь, и этотъ человѣкъ порветъ и сброситъ проклятую сѣть отвратительной лжи.

Въ душѣ солдата-машины уже встаетъ страшный вопросъ, гдѣ же правда?

„Михаилъ Евсеичъ! Видитъ все это Богъ? Иль отвратился онъ? — спрашиваетъ одинъ изъ солдатъ.

А другой неожиданно замѣчаетъ:

— А можетъ, и нѣтъ Бога!

Дальше этого отрицанія идти не приходится.

Что „жизнь ломается", это чувствуетъ и питомецъ юнкерскаго училища, привыкшій презирать и „солдатишекъ", и „шпаковъ".

Въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщены въ высшей степени интересныя „Путевыя замѣтки" одного изъ офицеровъ, незараженнаго злонамѣренной агитаціей.

Пишетъ обыкновенный офицеръ обыкновеннымъ армейскимъ языкомъ и пишетъ въ либеральномъ журналѣ вовсе нелиберальныя вещи, но вы присмотритесь, какая растерянность, какой страхъ передъ надвигающимся новымъ, какая безпомощность, доходящая до отчаянія!

Офицеръ ѣдетъ изъ Манчжуріи. Онъ привыкъ повиноваться начальству и ничего не знаетъ авторитетнѣе и выше начальства, ничего не знаетъ, кромѣ словъ „присяга", „внутренній врагъ", „бунтовщики" и т. д. И вдругъ попадаетъ въ совершенно необычную обстановку.

Дорога въ рукахъ какихъ-то стачечныхъ комитетовъ; въ вагонахъ, отведенныхъ для господъ офицеровъ, появляются какіе-то „граждане" и „гражданки"; говорятъ, что „господъ къ чорту пора", не боятся приглашеннаго офицерами жандарма и грозятъ, если „кто тронетъ", „позвать *товарищей-солдатъ* или товарищей-рабочихъ".

Прислушайтесь только къ жалобамъ господина офицера, автора статьи:

„При видѣ такихъ сценъ, бѣгущихъ жандармовъ, спасающихся кондукторовъ, слушая разсказы о томъ, какъ пьяные матросы на одной изъ крупнѣйшихъ станцій потащили агента подъ паровозъ и еще что-то хотѣли съ нимъ сдѣлать, — казалось, *что что-то порвалось, что-то такъ страшно измѣнилось, что жить становится невозможнымъ и слѣдуетъ куда бы то ни было бѣжать.* Но *бѣжать было некуда*".

Пока у офицера имѣется въ запасѣ только одно „свое средствіе" — это *бѣжать*, но оказывается, что бѣжать можно не всегда и не вездѣ, приходится присутствовать при явно неблагонамѣренныхъ разговорахъ и поступкахъ, выслушивать молча, а, быть можетъ, съ либерально сочувствующей улыбкой похвалы не начальству, а какому-то „стачечному ко-

Digitized by Google

митету", состоящему—изъ кого?—изъ революціонеровъ! И отъ кого приходится выслушивать?—отъ какого-то почтеннаго подрядчика.

. Да что же это такое?

— „Страсть, какъ здорово до всего добираются! — восхищался подрядчикъ.—Далеко ли отъ Иркутска до Слюдянки, а гляди—ужъ 197 теплушекъ отыскали. Стояли себѣ безъ дѣла, про нихъ и забыли, а эти, гляди, и высмотрѣли. Анъ, пять поѣздовъ-то и выйдетъ. Цѣлый полкъ уѣдетъ. А какъ подумать, сколько они ихъ, до Харбина-то ѣхамши, наберутъ — страшное дѣло!—Онъ былъ доволенъ комитетами.

— Дѣловой народъ, просто сказать—башковатый!—отзывался онъ о членахъ комиссій и комитетовъ.

Все это было такъ странно и непривычно, казалось, что ѣдешь не по Россіи, хотя и азіатской, а Богъ вѣсть по какому незнакомому государству. Вѣдь только три съ половиною мѣсяца былъ я здѣсь, только такъ недавно было все мирно, тихо, сладко — и вдругъ такая метаморфоза! Съ непривычки вѣрилось съ трудомъ. А мѣстные люди, вродѣ этого подрядчика, смотрѣли на все иными глазами. Они уже наглядѣлись и наслушались. Имъ все это казалось въ порядкѣ вещей."

Новый порядокъ вещей встрѣчаетъ совершенно растерявшійся офицеръ на каждомъ шагу; онъ привыкъ считать офицерство солью земли и вдругъ даже въ солдатской средѣ—„никакого почтенья къ святынѣ".

Офицеръ, какъ и гоголевскій почтмейстеръ, не разбирается, онъ забылъ о позорной войнѣ, о прошломъ и настоящемъ; для объясненія настоящаго онъ знаетъ одно: „все французъ гадитъ", все „агитаторы".

„Солдаты точно съ цѣпи сорвались. Иркутскъ въ этомъ отношеніи сыгралъ видную роль. Тамъ происходили многолюдные солдатскіе митинги, вырабатывались программы, чуть ли не цѣлый обновленный и усовершенствованный „уставъ военной службы". Солдаты, *поджигаемые* и *поддерживаемые какими-то „вольными"*, совершенно позабыли всякую дисциплину. Не имѣя первоначальнаго военнаго воспитанія, они, сбросивъ съ себя дисциплину, обратились въ какихъ-то хулигановъ въ военной формѣ.

Надо было только слышать тѣ оскорбленія, которыя сыпались на офицеровъ, всѣ эти разсказы о томъ, какъ въ бояхъ офицеры прятались и бѣжали, и всевозможныя выдумки въ этомъ же родѣ. Все это тутъ же подтверждалось толпой „товарищей", совершенно упускавшихъ изъ виду тотъ огромный процентъ потери въ офицерахъ, который былъ бы немыслимъ, если бы даже часть всего разсказываемаго была истиной".

Къ сожалѣнію, господинъ офицеръ не даетъ матеріала для того, чтобы судить о храбрости офицеровъ ни тогда, когда въ вагонѣ условливается съ товарищами сдать оружіе революціонерамъ, если таковые потребуютъ, ни тогда, когда идетъ справляться объ отправкѣ поѣзда не къ полковнику Скалозубу, а къ „стачечному комитету".

Digitized by Google

Самъ авторъ неоднократно собственноручно расписывается въ къ тому, растерянности.

„На одной изъ станцій,—разсказываетъ онъ,—мы узнали, что разомъ, „свѣжая“ телеграмма. Бросились въ помѣщеніе телеграфа. Тамъ какой-то телеграфистъ читалъ что-то стоящимъ около него офицерамъ. Всѣ лица были встревожены, онъ же, напротивъ, былъ строго сосредоточенъ и почти мраченъ. Видно было, что онъ понимаетъ всю серьезность положенія.

„Императорскія войска разбиты,—читалъ онъ,—нами отбито: четыре орудія и три пулемета“... Затѣмъ еще и еще какія-то слова.

Я протискался впередъ.

— Скажите, пожалуйста, какія это императорскія войска и кто у нихъ отнялъ орудія и пулеметы? И вообще, какія же есть еще войска въ Россіи, кромѣ императорскихъ?

Я спросилъ это безъ всякаго желанія посмѣяться. Я просто ничего не зналъ и не слыхалъ по этому поводу. Но молодой телеграфистъ оскорбился. Онъ скосилъ въ мою сторону глаза и съ презрительной усмѣшкой, вѣроятно, въ высшей степени иронической, процѣдилъ: „Есть войска народныя.“

Это было произнесено такимъ голосомъ, въ глазахъ говорившаго было столько презрѣнія, что мнѣ, какъ представителю императорскихъ войскъ, *оставалось только поспѣшно ретироваться, что я не замедлилъ сдѣлать.*

Куда же мы ѣдемъ? Что ожидаетъ насъ впереди? Наконецъ, кто мы, къ какой партіи мы принадлежимъ? Мы ничего этого не знали и ломали себѣ головы надъ этими вопросами.

Даже *солдатишки* наши попритихли. Были-ли и они смущены слухами, или все уже было прожито, но они стали какъ-то сдержаннѣе и спокойнѣе.“

Итакъ, господа офицеры, кто же вы дѣйствительно?

Къ какой партіи принадлежите? Что ожидаетъ васъ впереди?

Авторъ-офицеръ обращается къ вамъ съ проклятыми вопросами.

Отвѣчайте же! Теперь „бѣжать“ некуда, и трудно „ретироваться“!

Бѣжать некуда и ретироваться трудно, потому что всюду новая жизнь, новые люди, новыя слова, и отъ нихъ никуда не уйти.

Мало того: сами офицеры и сами солдаты являются агитаторами и подстрекателями: проводниками новой жизни, начиная съ Ляояна и Мукдена. Они успѣваютъ тамъ, гдѣ безсильны прокламаціи и самыя пламенныя рѣчи.

Тамъ, гдѣ прошли семеновцы и усѣяли землю трупами, поливъ ее кровью, тамъ вырасло великое негодованіе, отвращеніе къ палачеству и презрѣніе къ участникамъ звѣрской экспедиціи.

Digitized by Google

митету", с[illegible] руха-мать, священникъ, духовный отецъ—заговоходится [illegible] годаря тѣмъ, которые хотѣли вселить ужасъ и

[illegible]въ, когда пишетъ въ своей книгѣ: „Никакая [illegible]тація среди голодныхъ и обездоленныхъ людей [illegible]вительныхъ успѣховъ, которые приходилось наблю- [illegible] дѣйствій отряда семеновскаго полка. Я поражался, [illegible], напримѣръ, старуху 50 лѣтъ, всю свою жизнь глубоко вѣровавшую въ Бога и царя, готовую отдать свою жизнь за горячо любимаго монарха-миропомазанника, сразу переродившуюся послѣ кроваваго дѣйствія въ ея квартирѣ полковника Римана. Она съ такимъ ѣдкимъ анализомъ разбирала все, что произошло вокругъ и что творится еще теперь.

Не отвлеченнымъ путемъ дошла она до этого, не изученіемъ книгъ и исторіи пришла она къ тѣмъ выводамъ, а просто послѣ жестокаго потрясенія всего внутренняго ея существа, съ болью и ужасомъ въ душѣ глаза ея увидѣли и поняли, что называютъ дѣятели бюрократизма подавленіемъ „крамолы" [1]).

Да позволитъ читатель эту выписку дополнить еще нѣсколькими фактами изъ той же книги.

Авторъ разсказываетъ о старомъ солдатѣ-отцѣ, помнившемъ всю жизнь: „*Что* есть присяга и *что* есть солдатъ."

— „Я самъ солдатъ,—началъ старикъ,—служилъ царю вѣрой и правдой и готовилъ для его царской службы четырехъ сыновей. Но вотъ наши же солдаты убили у меня двоихъ... И какъ убили: терзали, мучили, пронзали штыками, все тѣло изуродовали до неузнаваемости. Затѣмъ убили? За что? За что издѣвались надъ ними?"

— „Я самъ солдатъ!—старикъ выпрямился и суровымъ взглядомъ обвелъ кругомъ,—но на это у меня нѣтъ пониманія; нѣтъ указанія въ воинскомъ уставѣ. Я пойду къ самому царю, я пойду и спрошу его, за что убили моихъ сыновей? И если отъ него узнаю, что это убили ихъ по его распоряженію, его солдаты, я не дамъ ему двухъ другихъ сыновей, которыхъ я рощу. Лучше я ихъ убью своими руками, но не дамъ царю на службу, чтобъ не сдѣлать ихъ палачами" [2]).

Остается къ этому добавить нѣсколько словъ священника, у котораго разстрѣляли сына, но котораго болѣе поразила смерть другихъ, совершенно непричастныхъ къ революціи, людей.

Отъ его словъ вѣетъ отходною отвратительному палачеству и политикѣ ужаса.

Онъ говорилъ В. Владимірову:

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

Digitized by Google

— „Убили безъ суда, безъ слѣдствія, убили невинныхъ [illegible] не къ тому, разбойниковъ въ 2—3 часа, такихъ людей, за которыхъ я готов[illegible] образомъ, отвѣтъ передъ Богомъ, такъ какъ въ невиновности ихъ я увѣренъ [illegible]которыя какъ и въ самомъ себѣ!“ [1]). [illegible]емые

Этихъ словъ не заглушитъ никакая цензура и не упрячетъ никако-застѣнокъ.

Пусть торжествуютъ сторонники „военнаго обновленія“, что перебили тысячи и будутъ перебиты десятки тысячъ; пусть закрываютъ газеты и журналы...!

Убитыя жертвы молчатъ, но вопіетъ жизнь.

Надъ трупами разстрѣлянныхъ дѣтей встаетъ родина-мать и спрашиваетъ: „Гдѣ они, дѣти мои?“

Попробуйте разстрѣлять эту великую женщину-мать.

Господинъ офицеръ, командуйте!

В. Львовъ.

[1]) Стр. 149.

Digitized by Google

Хроника русской жизни.

I. Кучка заговорщиковъ или Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ? II. За мѣсяцъ.

Процессъ по дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, длившійся съ такимъ напряженіемъ уже три недѣли и обѣщавшій еще изрядно затянуться, оборвался: изъ залы суда ушли всѣ защитники, всѣ подсудимые...

Пустые стулья, адвокатскіе столы, плотно придвинутые къ барьерамъ... Полицейскія пуговицы и жандармскіе мундиры — вотъ все, передъ чѣмъ осталось судьямъ, вершавшимъ свой судъ „скоро и милостиво", торжественно откидываться, произносить свои фразы...

Процессъ тогда уже былъ конченъ въ той части, которой собственно намъ хотѣлось бы съ читателемъ подвести нѣкоторый итогъ. „Мы заявляемъ,—сказалъ Петръ Злыдневъ еще въ засѣданіи 20-го іюня, когда петербургская судебная палата еще въ первый разъ приступила къ дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ,—мы заявляемъ, что рѣшили принять участіе въ настоящемъ исключительномъ судѣ только потому, что находимъ это необходимымъ въ цѣляхъ политическихъ для широкаго публичнаго выясненія истины о дѣятельности и значеніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ". То же самое заявляетъ онъ отъ лица подсудимыхъ 19-го сентября: если соглашаемся, молъ, принять участіе въ процессѣ, то только для того, чтобы дать отчетъ въ своей дѣятельности своимъ избирателямъ... Очевидно, лишь постольку имѣетъ интересъ дѣло и для насъ. Картина дѣятельности Совѣта развертывалась передъ тѣмъ, кто съ напряженнымъ интересомъ слѣдилъ за ней, лишь до тѣхъ поръ, пока изъ нея не была вынута душа...

Вынута душа... Но развѣ съ самаго начала не тянули душу, еще до того, пока Троцкій не вынужденъ былъ бросить въ лицо суду: „Г. предсѣдатель! Вы можете примѣнить къ намъ силу для привода насъ въ судъ, но мы просимъ васъ не примѣнять къ намъ насилія"; пока адвокатскіе столы не были придвинуты къ барьерамъ? О, да, не даромъ эти люди, чьи имена у всѣхъ на языкѣ, содержатся уже въ тюрьмѣ десять мѣсяцевъ. Нужно было затянуть дѣло до тѣхъ поръ, когда, по возможности, основательнѣе похоронятъ и манифестъ 17-го октября, и думскіе конфликты; дождаться того времени, какое мы сейчасъ переживаемъ... Теперь расправиться можно... И судъ расправился. Согласно основной цѣли, которую

Google

ставили себѣ подсудимые, все ихъ поведеніе было направлено не къ тому, чтобы скрыть, а къ тому, чтобы разъяснить истину. Такимъ образомъ, съ самаго начала представители обвиненія получили данныя, которыя имъ самимъ установить было бы совершенно невозможно. Обвиняемые сказали „всю правду", какъ бы эта правда ни была рискованна съ полицейской точки зрѣнія, и каждый вопль души, по выраженію одного изъ защитниковъ, попалъ въ судебный протоколъ. Чѣмъ же отвѣчаетъ судъ? Судъ каждый день и каждый часъ убивалъ все значеніе процесса, сводилъ его просто къ ряду мелочей...

Можно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на всестороннія данныя? Но въ томъ-то и горе полицейской мудрости, что все, что она выгоняетъ въ дверь, такъ или иначе возвращается въ окно. Такъ и въ дѣлѣ Совѣта. Въ сущности, своими запретами, своими придирками судъ наносилъ удары прежде всего себѣ, лишь подчеркивалъ значеніе остальныхъ показаній, которыя защитѣ удалось отстоять, должнымъ образомъ освѣтить. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что эти удары, въ общемъ, чувствительны...

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся къ „дѣлу". Что представляло собой, согласно обвиненію, „сообщество, присвоившее себѣ наименованіе С.-Петербургскій Общегородской Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ", какія цѣли себѣ ставило, въ какихъ дѣйствіяхъ проявлялось?

Когда Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ былъ арестованъ, печать была увѣрена, что это будетъ судъ надъ россійскимъ пролетаріатомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Для кого могло быть сомнѣніе, что это былъ органъ, избранный рабочей массой, который жилъ ея мыслями, ея чувствами, ея велѣніями; что депутаты, засѣдавшіе въ Соляномъ Городкѣ, въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, были простыми исполнителями ея воли; что если тутъ можно судить кого-либо, то такимъ подсудимымъ можетъ быть масса—и только масса? Дѣло росло на глазахъ явной и тайной полиціи, — дѣло организаціи народныхъ массъ до самыхъ ихъ низовъ, — и объ этой дѣятельности давались отчеты во всѣхъ газетахъ. Не было отчета, который подъ тѣмъ или другимъ соусомъ, но все же не признавалъ именно массовый характеръ этой организаціи. Такимъ образомъ первое время сама прокуратура затруднялась подвести Совѣтъ подъ „сообщество, именующее себя", представить его дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, найти въ его дѣятельности осязательный „преступный" фактъ: вѣдь исторія Совѣта была въ извѣстномъ смыслѣ исторіей всѣхъ октябрьско-ноябрьскихъ дней; судить россійскій пролетаріатъ значило судить весь народъ русскій. Но не гг. Камышанскимъ задумываться надъ затруднительными положеніями. „Обвинительный актъ" былъ-таки состряпанъ и весьма привычной рукой.

Дѣло 200.000 рабочихъ, дѣло Совѣта Рабочихъ Депутатовъ однимъ

Digitized by Google

взмахомъ пера было сведено къ „дѣлу Носаря, Вайнштейна, Фейта, Кнуніанца и комп.“, той злополучной группы агитаторовъ, которая является причиной всѣхъ бѣдъ русскаго самодержавія. Правительство не только не рѣшилось бросить обвиненіе массамъ, которыя посылали своихъ депутатовъ, но даже не всѣ депутаты были привлечены. Какъ извѣстно, всего Совѣтъ насчитывалъ до 550 депутатовъ. Между тѣмъ, на скамьѣ подсудимыхъ мы видимъ 52 (точнѣе 28) человѣка, т. е. подстрекала, агитировала къ „насильственному посягательству на измѣненіе установленнаго въ Россіи основными законами образа правленія“, пріобрѣтая денежныя средства для надобностей Совѣта, распространяя листки подъ названіемъ „Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ“, наконецъ, въ тѣхъ же цѣляхъ произнося въ публичныхъ своихъ засѣданіяхъ рѣчи, какая-нибудь десятая часть всего состава Совѣта. Цѣль ясна: необходимо стереть ту цѣльность, которую успѣлъ пріобрѣсть въ глазахъ массъ „рабочій парламентъ“, тотъ основной принципъ, который лежалъ въ основѣ всѣхъ проявленій организаціи, — принципъ полнаго демократизма; представить дѣло такъ, точно вся „отвѣтственность“ за дѣйствія Совѣта лежитъ на кучкѣ заговорщиковъ, этихъ „героевъ горьковскаго „Дна“, вынесенныхъ на поверхность политической жизни со всей остальной политической мутью“, — какъ писало „Новое Время“, быть можетъ, рукою г. Рачковскаго,—тѣхъ „троглодитахъ революціи“, которые „ѣдятъ въ залѣ суда“, „стараются быть погрубѣе“ и „вотъ-вотъ еще чѣмъ-нибудь выкажутъ свое презрѣніе самодержавному правительству“... Нужны ли здѣсь люди болѣе подходящіе, чѣмъ инородцы? И вотъ изъ трехъ десятковъ томовъ, обнимающихъ все дѣло, цѣлый отдѣлъ отводится происхожденію обвиняемыхъ, и, прежде всего, происхожденію Носаря, фамилія котораго, по мнѣнію „Новаго Времени“, высказанному въ свое время, звучитъ какъ будто по-еврейски: „Носсель“. И вотъ изъ 500 именъ,—не говоря уже о рабочей массѣ,—подбираются всѣ штейны, берги, анцы, янцы, и „исполнительный комитетъ, присвоившій себѣ наименованіе и пр.“, готовъ въ лучшемъ видѣ.

Правда, подобный исполнительный комитетъ не есть еще заговорщическая организація. Совѣтъ образовался, дѣйствовалъ въ тѣ дни, когда такъ называемыя свободы были объявлены высочайшимъ манифестомъ. Слѣдовательно, ни въ „Извѣстіяхъ“, ни въ рѣчахъ, ни въ сборѣ денегъ еще ничего „преступнаго“ найти какъ будто нельзя. Но тутъ-то и зарыта самая собака.

Просматривая обвинительный актъ, вы поражаетесь, какое ничтожное мѣсто удѣлено всему, рѣшительно всему, что было сдѣлано Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ въ области политическаго и экономическаго самовоспитанія рабочаго класса,—все равно, подъ какимъ угломъ зрѣнія все это ни квалифицируется, и наоборотъ, вы поражаетесь, какое

Digitized by Google

огромное мѣсто занимаетъ въ немъ вопросъ или, точнѣе сказать, фразы о вооруженномъ возстаніи. „Требованіе вооруженія“, „выдача оружія пролетаріату“, „разгромъ оружейныхъ магазиновъ“, „отобраніе оружія у полиціи и войскъ“, „побѣдоносное вооруженное возстаніе“—всѣ эти выраженія, выхваченныя безъ всякой связи съ содержаніемъ, къ которому они относятся, такъ и пестрятъ текстъ обвинительнаго акта. Казалось бы на стр. 11-ой говорится [1]): „Нельзя протестовать словесными резолюціями, какъ либеральные союзы, съ другой стороны, за отсутствіемъ оружія нельзя выступить въ открытый бой и поэтому остается только одно могучее средство: грозно скрестить на груди руки и сказать правительству: руки прочь“. Это—заявленіе предсѣдателя, встрѣченное взрывомъ сочувствія. И вотъ на той же страницѣ уже оказывается, что, по мнѣнію депутатовъ, „*теперь* [2]) время не резолюціи писать, а бомбы начинять“. На стр. 9-ой Совѣтъ говоритъ: „Пролетаріатъ дастъ царскому правительству сраженіе тогда, когда это будетъ выгодно вооруженному и организованному пролетаріату“, а на стр. 7-ой выходитъ, что онъ уже призываетъ „не жалѣть патроновъ для уничтоженія народныхъ угнетателей“. Перечисляя всѣ извѣстные изъ дѣла случаи вооруженій, призывовъ къ вооруженію, подписокъ на вооруженіе и невольно констатируя всю незначительность результатовъ („Хрусталевъ обѣщалъ дать нѣсколько револьверовъ“, „ради Бога, какъ только придетъ транспортъ съ оружіемъ, то доставьте мнѣ 25 шт.“ и пр.,—кажется, такъ можно вооружаться для какой угодно цѣли, кромѣ цѣли возстанія), тѣмъ не менѣе мы тутъ же читаемъ: „Вооруженіе это, какъ удостовѣрилъ депутатъ Алексѣй Шишкинъ, имѣло своимъ предлогомъ возможность погромовъ, но, по его словамъ, погромы эти были только предлогами, а въ дѣйствительности же къ 9-му января подготовлялось будто бы вооруженное возстаніе“. „Эта оборонительная цѣль вооруженія опровергается, помимо всѣхъ изложенныхъ выше постановленій Совѣта, также и содержаніемъ нѣкоторыхъ документовъ, найденныхъ въ бумагахъ Георгія Носаря“. Такъ, между прочимъ, тамъ оказался подлинникъ резолюціи Совѣта, заключающій въ себѣ призывъ къ вооруженію, составленію дружинъ и арміи „готовой на отпоръ терзающему Россію черносотенному правительству“ и пр. Словомъ, цѣль ясна: не только затемнить самый составъ Совѣта, оторвать выбравшіе его милліоны отъ нѣсколькихъ выдающихся его единицъ, преимущественно инородцевъ, но и всю дѣятельность Совѣта свести преимущественно къ одному пункту: пункту „вооруженное возстаніе“...

Итакъ, заговорщическая организація, захватившая въ октябрьскіе дни власть въ свои руки, желавшая вызвать вооруженное возстаніе въ Россіи. Такова „форма“. Конечно, форма сама по себѣ была бы голословна,

---

[1]) Цитируемъ по экстренному выпуску газеты „Народная Дума“.

[2]) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

если бы она не была подкрѣплена „дѣйствіями“. И вотъ передъ нами рядъ тѣхъ шаговъ, которые должны обезпечить „неприкосновенность“ всей махинаціи, предоставить „дѣло“ полному усмотрѣнію тѣхъ, въ чьихъ интересахъ самое его существованіе.

Защита требуетъ такихъ свидѣтелей, какъ Дейчъ, Френкель, Ермолаевъ, Макѣевъ и пр. Судебная палата высказывается противъ [1]). Наоборотъ, свидѣтель, который пожелалъ бы подтвердить данныя обвинительнаго акта, могъ быть увѣренъ, что будетъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Защита требуетъ вызова жандармскаго подполковника Горленко, руководившаго дознаніемъ, вызова бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ Витте, дѣятельность котораго привела рабочихъ депутатовъ на скамью подсудимыхъ, вызова военнаго, морского министра, с.-петербургскаго градоначальника г. Дедюлина, всѣхъ тѣхъ, при которыхъ зародилась и развивалась дѣятельность Совѣта,—отказъ. Наоборотъ, рабочіе, избиравшіе своихъ депутатовъ, выражаютъ въ разныхъ резолюціяхъ свое отношеніе къ дѣлу, какъ люди, не менѣе отвѣтственные за все то, что совершалось въ Совѣтѣ, чѣмъ всѣ эти 52 (точнѣе 28, остальные „уклонились отъ суда“),—палата то и дѣло находитъ ихъ неприличными, возмутительными и пр. Даже такое авторитетное показаніе въ дѣлахъ „охраненія общественной безопасности“, какъ показаніе бывшаго директора департамента полиціи г. Лопухина, изслѣдовавшаго по порученію правительства погромную дѣятельность органовъ власти, признается излишнимъ особымъ присутствіемъ для выясненія тѣхъ цѣлей и мотивовъ, ради которыхъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ находилъ необходимымъ призывать къ вооруженію, по мѣрѣ силъ вооружаться на самомъ дѣлѣ...

Что же? Достигло все это цѣли? Доказало все это, что Совѣтъ былъ организаціей кучки заговорщиковъ, главной цѣлью которой было произвести вооруженное возстаніе?

Картина, данная судомъ, даже въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ защита въ концѣ концовъ была признана немыслимой, все же рѣзко опрокинула всѣ хитроумныя комбинаціи, изъ которыхъ сплетенъ обвинительный актъ...

Прежде всего о самой достовѣрности того матеріала, на которомъ онъ построенъ. Въ обвинительномъ актѣ то и дѣло фигурируютъ имена рабочаго Вернстрема, рабочаго Шишкина, сотрудника „С.-Петербургскаго Листка“ Исаака Гуревича. Какіе же отвѣты мы слышали на судѣ? Рабочій Вернстремъ даетъ ихъ въ крайне рѣзкой формѣ.

„Мои показанія,—слышимъ мы,—неправильно занесены въ обвинительный актъ. Жандармскій подполковникъ Горленко силою заставилъ меня

---

[1]) Отчеты о засѣданіяхъ. См. „Товарищъ“ сент. — окт.

Digitized by Google

подписать протоколъ. Я не могу признать этихъ показаній моими. Мои показанія были написаны на бумажкѣ карандашомъ, которую Горленко взялъ при обыскѣ, и у него она и осталась. Спросите у него эту бумажку!"

То же пишетъ Исаакъ Гуревичъ. Прис. пов. В. Бернштамъ заявляетъ палатѣ, что имъ получено письмо отъ этого свидѣтеля, въ которомъ онъ отказывается отъ всѣхъ своихъ показаній. Правда, что касается свидѣтеля Шишкина, то „какъ лицо, находящееся въ другомъ судебномъ вѣдомствѣ", онъ „получилъ" право не явиться, при всемъ желаніи защиты допросить его, но аналогичные отвѣты даютъ другіе свидѣтели. Вотъ входитъ свидѣтель Мухинъ, депутатъ отъ фабрики жестяныхъ и мѣдныхъ издѣлій Хаймовича. Прежде чѣмъ дать какія бы то ни было показанія, онъ рѣшительно заявляетъ, что все, записанное съ его словъ, искажено, и если есть что-либо, имъ указанное, то исключительно подъ давленіемъ жандармовъ и тюремныхъ строгостей. Отказывается отъ показаній, данныхъ на жандармскомъ дознаніи, свидѣтель Головинъ, рабочій шоколадной фабрики Жоржа Бормана. Вотъ вводятъ новаго свидѣтеля, солдата Шматова, бывшаго депутата отъ фабрики Ратькова-Рожнова. По бокамъ—двое рослыхъ преображенцевъ съ ружьями въ рукахъ.

— Никакихъ показаній на дознаніи я не давалъ. Мнѣ читали что-то по бумажкамъ, что потомъ попало въ обвинительный актъ. О республикѣ рѣчей въ Совѣтѣ не слышалъ, о вооруженномъ возстаніи тоже.

Отказывается отъ своихъ показаній свидѣтель Павловскій. Онъ ихъ не подписывалъ, хотя жандармскій подполковникъ Горленко и обѣщалъ ему, что, чѣмъ больше онъ будетъ оговаривать товарищей, тѣмъ скорѣе его выпустятъ на волю. Отказываются Хохловъ, Шанявскій и пр. Оказывается, опознаваніе свидѣтелями членовъ „исполнительнаго комитета" производилось въ высшей степени „просто". Въ помѣщеніе, гдѣ находились свидѣтели, вызывались арестованные, при появленіи которыхъ жандармскій офицеръ каждый разъ какъ бы невзначай произносилъ:

— А! Это вы, г. Хрусталевъ! Это вы, г. Бронштейнъ! Нѣтъ, нѣтъ, ничего, вы ненужны.

И тутъ же свидѣтелю давался листъ бумаги, на которомъ онъ долженъ былъ расписаться въ „опознаніи".

Такова моральная цѣнность „состава преступленія". Такова отрицательная часть показаній. Они, конечно, даютъ возможность по достоинству оцѣнить тѣ пріемы, при помощи которыхъ процессъ россійскаго пролетаріата превращенъ въ судъ надъ кучкой агитаторовъ; но они еще не показываютъ, что же на самомъ дѣлѣ представляло собой „сообщество, именующее себя с.-петербургскимъ общегородскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ", изъ кого оно состояло, какъ слѣдуетъ понимать, въ частности, тѣ призывы о вооруженномъ возстаніи, къ которымъ сведена въ обвинительномъ актѣ почти вся дѣятельность организаціи. А отдать во

Digitized by Google

всемъ этомъ отчетъ было цѣлью, которой задавались подсудимые, принимая участіе въ судѣ.

Подойдемъ же къ положительной части показаній.

Здѣсь мы съ первыхъ же шаговъ становимся втупикъ. Оказывается, не только свидѣтели защиты, — свидѣтели обвиненія показываютъ въ пользу подсудимыхъ. Свидѣтели совершенно оффиціально подтверждаютъ вполнѣ легальное существованіе Совѣта. Вотъ, напр., рядъ фактовъ. Казакъ Суденко изъ Харьковской губерніи принесъ формальную жалобу Совѣту на князя Репнина, у котораго онъ работалъ, за то, что тотъ его несправедливо разсчиталъ. Адресъ былъ изображенъ такъ: С.-Петербургъ, въ „рабочее правленіе", и, тѣмъ не менѣе, оно дошло: почтово-телеграфное вѣдомство доставило его по назначенію. Санитары, возвратившіеся съ Дальняго Востока, послали въ Совѣтъ жалобу на Красный Крестъ. Ходоки изъ Минской губерніи отъ артели землекоповъ, послѣ приглашенія Совѣта не брать денегъ иначе, какъ золотомъ, явились въ Совѣтъ съ жалобой на подрядившаго ихъ помѣщика, который пожелалъ съ ними разсчитаться какими-то облигаціями... Это ли не легальная организація? Фабриканты отводили помѣщенія подъ выборы, фабриканты давали депутатамъ пароходы для поѣздокъ, городская дума непосредственно сносилась съ депутатами, причемъ одинъ изъ гласныхъ открыто выступилъ въ засѣданіи Совѣта,—все это подтверждаютъ сами фабриканты, сами гласные, не говоря о рабочихъ депутатахъ.

Дальше—еще хуже: документы подтверждаютъ положеніе оффиціально. Оказывается, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ непосредственно сносился съ правительствомъ: депутаціи Совѣта выслушивались какъ градоначальникомъ, такъ и премьеръ-министромъ весьма благосклонно, и не только выслушивались. „Высшимъ начальствомъ" засѣданія Совѣта разъ навсегда признаны были закрытыми. Полиція не провѣряла, соблюдаются ли ими правила для закрытыхъ собраній, установленныя закономъ 12-го октября, такъ какъ высшимъ начальствомъ были даны указанія считать собранія Совѣта таковыми и никакихъ препятствій не чинить.

— А не читали ли въ газетахъ политическихъ резолюцій засѣданій Совѣта? — спрашиваетъ Грузенбергъ пристава перваго участка нарвской части Значковскаго.

— Вспоминаю, что читалъ и даже докладывалъ объ этомъ градоначальнику.

Отношеніе къ Совѣту со стороны властей и послѣ этого доклада осталось прежнее. Препятствій не чинилось, тогда какъ засѣданія другихъ союзовъ и организацій въ это время разгонялись. О причинахъ такого отношенія къ Совѣту свидѣтель не знаетъ...

Что это—провокація? Правительство сознательно давало Совѣту открыто дѣйствовать для того, чтобы вызвать наиболѣе сознательные слои

Digitized by Google

на улицу? Таково довольно распространенное мнѣніе. Безъ сомнѣнія, какъ ни схоластично искать во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ правящихъ сферъ признаки какого-то одного мефистофельскаго плана, извѣстная даля истины въ этомъ мнѣніи есть. Попытки провоцировать движеніе, въ томъ предположеніи, что послѣ періода октябрьскихъ поблажекъ новыя крутыя мѣры вызовутъ выступленія рабочихъ, слѣдовали одна за другой. Такъ, были расчитаны тысячи рабочихъ. Правда, послѣдовала неудача, но въ отвѣтъ уже слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ актовъ, вплоть до ареста Хрусталева, имѣющихъ цѣлью именно не уничтожить рабочее дѣло, а раздражить его носителей. Слѣдуютъ новые законы о свободѣ, драконовскія кары за стачки, закрытіе сразу восьми газетъ, циркуляръ Дурново отъ 30-го ноября,— согласитесь, при такихъ обстоятельствахъ допущеніе, по обыкновенію безъ полиціи, собраній Совѣта Рабочихъ Депутатовъ безъ какихъ-либо „высшихъ" соображеній объяснено быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, едва ли въ этомъ вся истина. Ни для кого не тайна, что именно россійскій пролетаріатъ отвоевалъ 17-ое октября, и правительство не могло не считаться съ этимъ актомъ. Оно не могло не отступить передъ пролетаріатомъ, и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ былъ фактически настолько легализированъ, что полиція не смѣла долгое время подойти къ нему. Высшіе чины принуждены были писать объ этомъ низшимъ спеціальныя инструкціи...

Характеръ подполья, тайнаго сообщества, заговорщической организаціи который такъ стремится навязать Совѣту обвинительный актъ, категорически опровергается не только свидѣтельскими показаніями защиты, но даже столь компетентными показаніями, какъ показанія полиціи. На скамьѣ подсудимыхъ оказываются настолько легальные люди, что на ихъ собраніяхъ полиція не считала нужнымъ присутствовать... За что же судъ?

Но... допустимъ... Не даромъ г. градоначальникъ, чуть не на другой день по объявленіи манифеста 17-го октября, говорилъ одному свидѣтелю, что манифестъ его не касается... Если онъ тогда его не касался, то что сказать теперь? Правительство поняло, что красный призракъ еще не такъ красенъ, что еще немало народныхъ головъ погружено въ ту тьму, которую оно съ такимъ страшнымъ упорствомъ поддерживало въ городахъ и весяхъ, поддерживало вѣка за вѣками... Допустимъ... Но если тутъ былъ заговоръ, были преступленія, то почему говорится о преступленіяхъ отдѣльной группы лицъ; почему изъ всего потока, хлынувшаго въ двери перваго рабочаго парламента, выдѣлены какіе-то 52 агитатора—вотъ что кажется обиднѣе всего рабочему, всего еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ выносившему вмѣстѣ съ этими агитаторами одни и тѣ же рѣшенія. Эти рабочіе, одинъ за другимъ, съ самыхъ разнообразныхъ концовъ столицы, проходятъ передъ вами съ однимъ и тѣмъ же протестомъ на устахъ, рабочіе, которые собственно и подняли на своихъ плечахъ это историческое уже въ своемъ родѣ зданіе, и любопытны тѣ общія черточки,

Digitized by Google

которыя вамъ бросаются въ глаза. Это уже не мѣщанинъ, которому ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ своей улицы; это уже даже не „кружковикъ“, только-только начинающій раскрывать глаза на свѣтъ Божій, на борьбу за рабочій день, на заработную плату и пр. Это уже въ полномъ смыслѣ этого слова „сознательный“ человѣкъ, понимающій, на что онъ шелъ и зачѣмъ шелъ, когда выбиралъ свой Совѣтъ, нисколько не опасающійся за свою безопасность въ виду откровеннаго отвѣта. Можно безошибочно сказать, что этого склада рабочаго человѣка еще весьма недавно въ Россіи не существовало. Онъ является прямымъ продуктомъ тѣхъ октябрьско-ноябрьскихъ дней, продуктомъ которыхъ является и весь Совѣтъ въ его цѣломъ.

Изъ отвѣтовъ выясняется прямая „преступность“ всѣхъ свидѣтелей-рабочихъ. Вотъ что представителямъ обвиненія пришлось пріобщать къ дѣлу съ самаго начала. Свидѣтель Ольшевскій, рабочій вагоностроительнаго завода сообщилъ суду, что онъ является отъ лица 1040 рабочихъ его завода, подписавшихъ слѣдующую резолюцію: „Мы, рабочіе петербургскаго вагоностроительнаго завода, узнавъ, что депутаты Буровъ и Стоговъ привлечены по дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и горячо протестуя противъ стремленія правительства свести дѣло Совѣта Рабочихъ Депутатовъ на дѣло кучки агитаторовъ, поэтому заявляемъ: 1) что организація Совѣта Рабочихъ Депутатовъ была дѣломъ всего петербургскаго пролетаріата; 2) что избранные члены въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ дѣйствовали въ предѣлахъ строго указанной нами программы; 3) что отступленіе отъ данныхъ указаній неминуемо повлекло за собой удаленіе депутата, не оправдавшаго довѣрія рабочихъ; 4) что, творя исключительно волю пославшихъ ихъ, члены Совѣта Рабочихъ Депутатовъ виновны передъ царскимъ правительствомъ не болѣе каждаго изъ насъ; 5) что *выхватываніе отдѣльныхъ лицъ изъ среды рабочихъ и стремленіе сдѣлать ихъ однихъ отвѣтственными за общее рабочее дѣло есть умышленное и несправедливое извращеніе обстоятельствъ дѣла.* Протестуя противъ привлеченія къ отвѣту однихъ только членовъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, *мы заявляемъ, что, будучи съ точки зрѣнія правительства не менѣе виновными, чѣмъ привлеченные, требуемъ предать всѣхъ насъ суду вмѣстѣ съ членами Совѣта Рабочихъ Депутатовъ*“. То же заявляетъ рабочій Волконевскій, бывшій депутатъ отъ Обуховскаго завода. Его резолюція, подписанная 3000 рабочими, гласитъ: „Мы, нижеподписавшіеся рабочіе Обуховскаго завода, убѣдившись въ томъ, что правительство хочетъ произвести судъ, полный произвола, надъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ, *глубоко Двозмущенные стремленіемъ правительства изобразить Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ въ видѣ кучки заговорщиковъ, преслѣдовавшихъ цѣли, чуждыя рабочему классу*, мы, рабочіе Обуховскаго завода, заявляемъ, что

Совѣтъ состоитъ не изъ кучки заговорщиковъ, а изъ истинныхъ представителей всего петербургскаго пролетаріата, а потому и протестуемъ противъ произвола правительства надъ Совѣтомъ, выразившагося въ обвиненіи выбранныхъ нами уважаемыхъ товарищей, исполнявшихъ всѣ наши требованія въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ съ согласія нашего, и *заявляемъ правительству, что, насколько виновенъ нашъ уважаемый товарищъ П. А. Злыдневъ, настолько же виновны и мы*, въ чемъ удостовѣряемъ своими подписями" [1]).

Аналогичную резолюцію за 410 подписями съ протестомъ противъ суда представляетъ депутатъ отъ казеннаго водочнаго завода, депутатъ отъ Александровскаго завода Вахтіаровъ (на ней 2,500 подписей), Глуховъ, депутатъ металлическаго завода и т. д. Указывая, что Совѣтъ творилъ волю пославшихъ его, обсуждалъ всѣ выносившіяся резолюціи предварительно на заводахъ и фабрикахъ, что власть его не только не была, но не могла быть узурпирована благодаря тѣмъ основаніямъ, на которыхъ онъ держался, свидѣтели-рабочіе категорически требовали, чтобы „дѣло" изъ процесса 52-хъ было перекроено судомъ милостивымъ и скорымъ въ то, что оно есть на самомъ дѣлѣ,—въ процессъ всего петербургскаго пролетаріата.

— Почему я не на скамьѣ подсудимыхъ?—восклицалъ Царевъ, депутатъ отъ мастерскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ.—Я принималъ такое же участіе въ Совѣтѣ, какъ и они.

О томъ же спрашиваетъ солдатъ Шматовъ, бывшій депутатъ. Соколовъ, депутатъ кожевенаго завода Осипова, начинаетъ съ требованія посадить его на скамью подсудимыхъ, такъ какъ онъ рѣшительно не понимаетъ, въ чемъ разница между нимъ и подсудимыми, такими же депутатами, какъ и онъ. Рабочій Богдановъ, одинъ изъ депутатовъ Путиловскаго завода, говоритъ о томъ, какъ дико изображать дѣло въ видѣ „кучки заговорщиковъ"...

Количество обвиняемыхъ съ каждымъ днемъ росло съ такой быстротой, что если бы судъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ то, что пролетаріатъ отъ него требовалъ, то никакія рамки не были бы въ состояніи вмѣстить въ себѣ такое „дѣло". Тутъ-то, можно сказать, дѣйствительно воочію рабочіе развернули передъ судомъ все то, что для нихъ представлялъ Совѣтъ, органъ, подобнаго которому никакая прошлая жизнь создать не могла, который, вопреки всѣмъ преградамъ, воздвигнутымъ полицейскимъ порядкомъ, сумѣлъ не только сплотить 200.000 рабочихъ, не только руководить ихъ общей борьбой за ихъ права, но и сообщить этой борьбѣ небывалую силу, небывалый авторитетъ, создать очагъ, гдѣ рабочій могъ подышать настоящимъ свѣжимъ воздухомъ, протянуть руку угнетенному пролетаріату Польши, кронштадтскимъ матросамъ, приговореннымъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Digitized by Google

къ смертной казни. Университетскіе митинги, партійныя газеты, забастовочный энтузіазмъ, амнистія... Чувствовалось, что вся эта новая жизнь, хлынувшая вмѣстѣ съ свѣжимъ воздухомъ, ярко, детально воскресшая въ памяти, такъ дорога, такъ страшно дорога этимъ людямъ, какъ можетъ быть дорого только собственное дѣло, дѣло собственныхъ рукъ своихъ...

Можетъ быть, такова только часть свидѣтелей? Можетъ быть, есть и такіе свидѣтели-рабочіе, которые высказываютъ взгляды иного рода? Увы, ни одного, если не считать Андрея Шишкина, но... послѣдній вѣдь имѣлъ „полное право" не явиться. Наоборотъ, самый сѣрый рабочій— мы говоримъ о свидѣтеляхъ-рабочихъ, такъ какъ почти всѣ они принимали то или иное участіе въ Совѣтѣ, слѣдовательно, для выясненія состава Совѣта имѣютъ исключительное значеніе,—самый сѣрый рабочій давалъ свои отвѣты рѣзко, какъ-то не такъ, какъ это бывало до сихъ поръ. Такъ, до сихъ поръ въ такихъ случаяхъ даже вопроса о присягѣ не поднималось. Свидѣтели, почти безъ исключенія, принимали ее, какъ, безъ исключенія, обѣщали говорить правду. Совершенно иное мы видимъ сейчасъ. Изъ двухъ-трехсотъ свидѣтелей присягу приняло всего нѣсколько человѣкъ, именно не-рабочихъ. Не говоримъ, впрочемъ, о рабочихъ „Новаго Времени". Остальные рабочіе отъ присяги всѣ отказывались... Но такъ обстоитъ дѣло не только съ присягой. Въ эту демонстрацію вносится еще новый элементъ.

— Обѣщаетесь ли вы,—спрашиваетъ предсѣдатель группу свидѣтелей послѣ отказа ихъ отъ присяги,—обѣщаетесь ли говорить всю правду суду?

— Нѣтъ,—твердо отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ, рабочій.

Предсѣдателю новая забота:

— Почему же нѣтъ?

— Да потому, что я не знаю, что вы будете у меня спрашивать. Можетъ быть, вы спросите у меня такія вещи, на которыя я не могу отвѣчать правду [1]).

Но это еще, сравнительно, объясненіе мягкое. Многіе же отвѣчали словами рабочаго Егорова:

— Не признаю въ данномъ дѣлѣ правоспособности суда.

Такимъ образомъ, рабочіе не только формально требовали, чтобы „дѣло" было распространено на нихъ точно такъ же, какъ и на подсудимыхъ, но и самыми своими взглядами и поведеніемъ на судѣ подчеркивали, что они до сихъ поръ являются убѣжденными сторонниками „преступныхъ" принциповъ, лежавшихъ въ основѣ „сообщества, именовавшаго себя С.-Петербургскимъ Общегородскимъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ"... Недаромъ предсѣдатель ловитъ ихъ на словахъ: изъ свидѣтельскихъ показаній образуется новый обвинительный актъ, совсѣмъ новый...

Такъ, самому г. прокурору пришлось въ концѣ концовъ убѣждать

[1]) „Око", № 27.

Digitized by Google

почти пустую залу суда, будто, въ сущности, и между строкъ обвинительнаго акта не выходитъ, что подсудимые составляли заговорщическую организацію,—„утверждать въ томъ же документѣ, что сообщество Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ было тайное, было бы прямымъ абсурдомъ“,—будто и представители обвиненія не думали, что все „дѣло“ въ кучкѣ агитаторовъ. Только... поучаетъ прокуроръ, роль простого бухгалтера, регистрирующаго рабочее движеніе, все же не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. „Мы одинаково наблюдаемъ и движеніе рабочихъ къ Совѣту и Совѣта къ рабочимъ или, какъ выразился одинъ изъ свидѣтелей, снизу кверху и сверху внизъ“. „Большинство резолюцій на заводахъ, какъ это прямо сказано, выпесены были послѣ рѣчи оратора или соціалъ-демократа, или соціалиста-революціонера, создался тѣсный кругъ, въ которомъ всѣ другъ другу сочувствовали и помогали“... Такъ, такъ...и изъ этого въ глазахъ прокуратуры слѣдуетъ, что Совѣтъ все же не былъ „парламентомъ“! что... „массы не судятъ“, ибо „рабочій классъ вообще склоненъ къ воспріятію соціалистическихъ ученій!..

Но... пусть... Пусть массы не судятъ, пусть никто совѣтъ„ тайнымъ сообществомъ“ совсѣмъ не считалъ. Вѣдь „преступность сообщества зависитъ отъ характера и цѣли его дѣятельности“, а вовсе не отъ того, разрѣшено оно или не разрѣшено, стоитъ въ тѣсной связи съ массами или не стоитъ. Все дѣло въ этихъ цѣляхъ, и къ нимъ мы должны обратиться. Выше мы уже указывали: если вѣрить обвинительному акту, то о чемъ бы ни заходила рѣчь въ Совѣтѣ, какое бы онъ постановленіе ни дѣлалъ,—выходило такъ, что Кареагенъ все-таки сейчасъ долженъ быть разрушенъ: вооружайтесь, товарищи! теперь время не резолюціи писать, а бомбы начинять!.. По мнѣнію творцовъ „дѣла“, очевидно, это и былъ самый „характеръ“ сообщества. Посмотримъ же, какъ обстояло дѣло на судѣ съ этимъ „номеромъ“, на которомъ построено почти все обвиненіе.

Напомнимъ читателю, что процессъ этотъ характеренъ именно тѣмъ, что подсудимые не только не считали нужнымъ ничего утаивать, но, наоборотъ, представили возможно болѣе выпуклую и серьезную картину дѣятельности. Они смотрѣли на свои показанія не какъ на показанія суду, а какъ на отчетъ передъ своими избирателями, который, конечно, долженъ быть чуждъ всякихъ постороннихъ соображеній. Дѣйствительно, ихъ показанія были настолько откровенны, что даже прокуроръ, какъ видно изъ обвинительной рѣчи, не заподозрилъ здѣсь никакой фальши. Очевидно, если такъ, пріобрѣтаютъ особый интересъ не только показанія свидѣтелей, но и указанія самихъ подсудимыхъ на то, какъ они смотрѣли на вооруженное возстаніе. Какъ извѣстно, о немъ говорили Сверчковъ, Хрусталевъ, Бронштейнъ. Послѣдній посвятилъ этому вопросу цѣлую рѣчь. Вотъ что онъ приблизительно сказалъ. Его рѣчь столь характерна для выясненія вопроса, что мы приводимъ ее почти цѣликомъ.

Digitized by Google

„Что касается вооруженнаго возстанія, то понятія о немъ Совѣта слишкомъ отличаются отъ полицейско-прокурорской конструкціи этого понятія. Мы полагаемъ, что и всеобщая политическая стачка въ существѣ своемъ является возстаніемъ. Стачка экономическая имѣетъ цѣлью оказывать давленіе на волю отдѣльныхъ предпринимателей на почвѣ приватныхъ къ нимъ требованій. Стачка политическая, черезъ голову предпринимателей и даже потребителей, стремится вліять на государственную власть. Политическая стачка парализуетъ всю дѣятельность государства, опирающуюся на централизованный хозяйственный механизмъ. Но это только съ одной стороны; съ другой же—политическая стачка объединяетъ рабочій классъ въ одномъ коллективномъ протестѣ, противоставляетъ его государственной власти, какъ врага врагу. Въ этомъ и заключается сущность возстанія."

„Идея вооруженнаго возстанія проникла всѣхъ, и вотъ почему намъ ни разу не приходилось ее обсуждать. Мысль о вооруженномъ возстаніи была далеко не въ одной только резолюціи 28-го ноября,—красной нитью проходила она по всѣмъ резолюціямъ Совѣта. Но думалъ ли Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, что вооруженное возстаніе можетъ быть подготовлено въ подпольѣ и затѣмъ уже въ готовомъ видѣ вынесено на улицу? Нѣтъ! Я думаю, что наши юридическія понятія о возстаніи отстали отъ жизни, по крайней мѣрѣ, на 75 лѣтъ. Они остались у насъ еще со временъ Сперанскаго, со временъ карбонаріевъ, между тѣмъ какъ въ нашемъ представленіи вооруженное возстаніе ничего общаго съ заговоромъ не имѣетъ. Считалъ ли Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, надѣялся ли внести въ это возстаніе maximum дисциплины и свести къ minimum'у его жертвы, думалъ ли, говорю я, этотъ самый Совѣтъ, что готовиться къ вооруженному возстанію это значитъ—заготовить запасы оружія, разбить городъ на кварталы, сдѣлать все то, что дѣлаютъ военныя власти, когда онѣ ожидаютъ какихъ-либо безпорядковъ? Нѣтъ! Готовиться къ вооруженному возстанію, по нашему мнѣнію,—значитъ пропитывать сознаніе народныхъ массъ убѣжденіемъ, что конфликтъ неизбѣженъ, что только сплоченной силой возможно достигнуть побѣды, что наступитъ рѣшительный моментъ, когда необходимо будетъ дать отпоръ старому правительству. Вотъ сущность подготовки вооруженнаго возстанія. Когда солдаты увидятъ эту готовность умирать за будущее благо народа, готовность устилать за него трупами мостовыя, тогда сердце арміи перейдетъ на сторону народа. Представленіе о революціи неразрывно связано съ баррикадами. Но даже баррикады имѣютъ чисто моральное значеніе. Онѣ служатъ для того, чтобы сплотить революціонную массу, вселить въ нее готовность къ смерти и тѣмъ обезпечить побѣду. Возстаніе подготовлено, когда народъ готовъ умирать за будущее благо. Правительственная власть не могла оставаться спокойной къ этому, ей оставалось одно—дезорганизировать сплоченныя массы, и она стала вносить дезорганизацію всѣми способами—репрессіями,

Digitized by Google

атаками черной сотни, провоцированіемъ". „Обвинитель и судъ заинтересованы въ томъ, чтобы доказать, что мы вооружались для борьбы съ образомъ правленія. Я согласенъ принять это обвиненіе, но при одномъ только условіи. Мы, соціалъ-демократы, давно и много разъ доказывали, что содержаніе всякой правительственной власти при нынѣшнемъ строѣ должно свестись къ осуществленію одного права репрессій. И если мнѣ скажутъ, что погромы, убійства и насилія, Томскъ, Бѣлостокъ и Сѣдлецъ есть „образъ правленія Россійской имперіи", то я скажу: да, въ ноябрѣ мы вооружались противъ образа правленія въ Россійской имперіи".

Ни запасовъ бомбъ, ни военныхъ плановъ—ни одного изъ тѣхъ ужасовъ, которыми полонъ обвинительный актъ. „Вооруженное возстаніе", какъ готовность къ смерти въ борьбѣ за права народа, сознаніе неизбѣжности конфликта—такова формула. Какъ извѣстно, правительству удалось въ отдѣльныхъ случаяхъ провоцировать „изолированныя" выступленія, возстанія въ томъ духѣ, какъ они изображены прокурорской рукой. Таково было такъ называемое московское возстаніе, возстанія отдѣльныхъ провинціальныхъ городовъ. Извѣстно, чѣмъ эти вспышки кончились. Но неужели найдется серьезный человѣкъ, который назоветъ эти вспышки наступленіями? Нѣтъ, эта изоляція была вынужденной, эти выступленія были лишь актомъ самообороны. Какъ уже отмѣчено въ печати, ни въ одномъ городѣ не было сдѣлано попытки къ захвату политической власти, даже матеріальныхъ орудій власти; ни въ одномъ городѣ не было прямого призыва къ возстанію по той простой причинѣ, что нигдѣ не было налицо соотвѣтственной политической конъюнктуры—ничего, кромѣ голыхъ рукъ и общаго сочувствія, отъ котораго еще далеко до планомѣрныхъ дѣйствій... Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ не могъ не понимать значенія такихъ выступленій, и свидѣтельскія показанія подтверждаютъ это пониманіе не менѣе наглядно, чѣмъ рѣчь самого Троцкаго.

Оказывается, Совѣтъ не только по достоинству оцѣнивалъ предложенія разныхъ темныхъ личностей немедленно организовать возстаніе, хотя онѣ сулили цѣлые транспорты оружія, но неоднократно даже умѣряющимъ образомъ дѣйствовалъ на массы. Такъ, напримѣръ, было по вопросу о немедленномъ введеніи революціоннымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Такова была рѣчь Троцкаго послѣ ареста Хрусталева, который подѣйствовалъ на рабочихъ съ такой силой, что они готовы были сейчасъ выйти на улицу. На вопросъ о томъ, была ли какая-либо техническая подготовка къ возстанію, всѣ рабочіе отвѣчаютъ отрицательно.

— Какъ дико и глупо предполагать,—восклицаетъ рабочій Богдановъ,—что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ призывалъ къ вооруженному возстанію (въ томъ смыслѣ, конечно, какъ его понимаетъ прокуратура).

— О вооруженномъ возстаніи рѣчи не было (рабочій Новиковъ).

Digitized by Google

— Въ Совѣтѣ заходила рѣчь о вооруженіи, но исключительно для самообороны; о боевой организаціи заходила рѣчь, но для защиты отъ черной сотни—вотъ отвѣтъ, который все время переходитъ изъ устъ въ уста.

И дѣйствительно вотъ секретъ „записокъ“ и „цифръ“ обвинительной власти. „Что касается обвиненія въ подготовкѣ вооруженнаго возстанія,—сказалъ Хрусталевъ,—то оно всецѣло основано „на покупкѣ нѣсколькихъ сотъ револьверовъ и раздачѣ холоднаго оружія для борьбы съ арміей доктора Дубровина; Совѣтъ отлично понималъ, что могли значить эти револьверы противъ пулеметовъ. Конечно, еслы бы ходъ вещей вызвалъ общее всенародное возстаніе, то и эти револьверы исполнили бы свое назначеніе. Вотъ та скромная роль, которую сыгралъ Совѣтъ въ дѣлѣ вооруженія пролетаріата“.

Разумѣется, надо взглянуть широко. Эта роль была не такъ ужъ скромна. Было и кое-что такое, о чемъ говорится въ обвинительномъ актѣ. Въ то время, какъ устраиваются собранія въ Михайловскомъ манежѣ, на которыхъ гг. Никольскіе и Булацели вербуютъ погромную армію, въ то время, какъ цѣлыя группы членовъ активной борьбы съ революціей снимаются со значками, съ револьверами въ рукахъ, съ клятвой „потреота“ отмстить всему сознательному населенію, — такая карточка, по настоянію защиты, пріобщена къ дѣлу,—въ самомъ департаментѣ полиціи, можно сказать въ самомъ очагѣ всѣхъ правительственныхъ предначертаній,—на особомъ станкѣ, подъ руководствомъ бывшаго директора департамента полиціи, нынѣ сенатора Вуича, печатаются прокламаціи объ избіеніи евреевъ, армянъ, интеллигенціи, печатаются воззванія отъ имени „группы русскихъ рабочихъ въ С.-Петербургѣ“, обвиняющія представителей Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ завѣдомо ложной растратѣ рабочихъ денегъ. Правительственная власть лжетъ, и д. с. с. Рачковскій, несмотря на устраненіе высочайшей властью отъ должности, все же вновь назначенный „другимъ начальствомъ“ начальникомъ всѣхъ охранныхъ отдѣленій Россіи, развозитъ эту ложь по всей Россіи, въ Петербургѣ распространеніе поручаетъ доктору Дубровину, въ Москвѣ—Грингмуту, въ Курскѣ—Михайлову, въ Вильнѣ—Шкотту... Повсюду организовываются, такимъ образомъ, погромы... Судъ не допустилъ, какъ мы знаемъ, ни самого г. Лопухина, ни оглашенія его письма, въ которомъ содержатся всѣ эти свѣдѣнія... Но не въ Лопухинѣ, конечно, дѣло. Его письмо уже сдѣлалось достояніемъ общественной гласности... Дѣло въ томъ, что съ извѣстной точки зрѣнія дѣйствительно иногда трудно провести границу между гг. Дубровиными и Вуичами, указать, гдѣ кончались револьверы, предназначенные для обороны отъ Дубровиныхъ, и гдѣ начинались револьверы, защищавшіе отъ... властей, подобныхъ бывшему директору департамента. Объ этомъ и

Digitized by Google

говорилъ въ своей рѣчи Троцкій. Объ этомъ говоритъ и записка Хрусталева о „черносотенномъ правительствѣ“, взятая при его арестѣ.

Таково главное, на чемъ зиждилось обвиненіе. Такова картина, кототорая получилась на судѣ. Мудрено ли, что прокурору пришлось „по совѣсти“ призывать судъ, разбиравшій дѣло въ эпоху полной реакціи, перенестись въ ту эпоху, которая отдѣляла 17-ое октября отъ того дня, когда былъ арестованъ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ; что, вопреки всѣмъ даннымъ, добытымъ на жандармскомъ дознаніи путемъ знаменитыхъ „бумажекъ“, онъ долженъ былъ придти къ прямому выводу: *технически* Совѣтъ никакого вооруженнаго возстанія не готовилъ и потому отъ обвиненія всѣхъ подсудимыхъ по 101 ст. уг. ул. отказаться? И судъ отказался.

Но какова бы ни была совѣсть г. прокурора, каковъ бы ни былъ отказъ особаго присутствія, они доказываютъ одно, какъ трудно даже въ такой моментъ, какой мы сейчасъ переживаемъ, когда, кажется, нѣтъ границъ насилію надъ личностью, втиснуть новыя „дѣла“ въ прежнее прокрустово ложе. Чего достигла реакція въ результатѣ? Въ результатѣ каждое мало-мальски серьезное обвиненіе было лишь ударомъ самой реакціи. Между тѣмъ тѣ, кого она судила и осудила, выйдутъ изъ залы суда только болѣе увѣренными въ своей близости къ народнымъ массамъ, еще болѣе окруженными здѣсь ореоломъ. Они сдѣлали свое дѣло. Такъ и хочется воскликнуть: надъ кѣмъ же здѣсь судъ? Кто эту близость уничтожитъ какими-то статьями уголовнаго уложенія! Кто въ состояніи осудить сильное жизненное явленіе за то, что оно сильно, что оно жизненно! Нѣтъ, не надъ пролетаріатомъ это судъ...

Четвертый съѣздъ к.-д. партіи, происходившій въ послѣднихъ числахъ сентября въ Гельсингфорсѣ, чуть-чуть не привелъ къ серьезному расколу въ партіи. Во всякомъ случаѣ, отъ прежней увѣренности, съ которой они шли, если не на бой, то въ залы своихъ „совѣщаній“, осталось очень немного. Объектомъ раскола, конечно, явилось знаменитое выборгское воззваніе. Какъ извѣстно, на съѣздѣ образовалось три теченія: правое крыло,—какъ, напр., г. Струве, считавшій воззваніе просто ошибкой, которая была допущена подъ вліяніемъ „лѣвыхъ“,—настаивало на томъ, чтобы совершенно отказаться отъ него; центръ, представленный комитетомъ, полагавшій „идею пассивнаго сопротивленія“ согласной съ общими тактическими принципами партіи, даже выражавшій одобреніе парламентской фракціи, взявшей на себя инициативу выборгскаго воззванія, но въ то же время признававшій, что „въ настоящій моментъ не имѣется налицо данныхъ для достаточно широкаго и организованнаго осуществленія пассивнаго сопротивленія, какъ вообще, такъ въ частности и въ формѣ отказа отъ отбыванія воинской повинности въ призывъ 1906 г.“ Наконецъ, „лѣвое крыло“, находя, что мнѣніе

Digitized by Google

центральнаго комитета практически сводится къ тому же, о чемъ говорятъ гг. Струве, Кизеветтеръ и пр., убѣждало съѣздъ, что такой отказъ долженъ произвести самое неблагопріятное впечатлѣніе на общество... Нѣкоторая часть „крайней“ печати поддерживала именно послѣднее мнѣніе. Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о самой идеѣ воззванія, частью осужденной и въ соціалъ-демократическихъ кругахъ, какое значеніе имѣло оно въ устахъ кадетовъ? Не значеніе ли картонныхъ мечей? Кадеты въ роли „революціонеровъ“—согласитесь, это должно было кончиться одной фразеологіей. Самымъ важнымъ результатомъ съѣзда приходится признать, что кадеты въ настоящій сложный моментъ, когда старый режимъ напрягаетъ послѣднія отчаянныя усилія, чтобы нагрянуть на „октябристскую“ Россію, все же не раскололись. Слабая сторона съѣзда вовсе не въ отказѣ отъ выборгскаго воззванія, который потому уже неблагопріятнаго впечатлѣнія произвести не можетъ, что никто на него надеждъ возлагать не могъ. Кадеты все равно только и дѣлали, что отказывались отъ него. Слабая сторона съѣзда состоитъ въ томъ, что онъ не далъ опредѣленныхъ практическихъ указаній вмѣсто пассивнаго сопротивленія. Общая политическая резолюція съѣзда гласитъ: „1) Роспускъ Государственной Думы былъ совершенъ безъ соблюденія условій, установленныхъ закономъ, вернулъ Россію на продолжительное время къ условіямъ самодержавнаго режима и представляетъ и по формѣ, и по существу посягательство на народныя права; 2) это посягательство необходимо повлекло за собой другія нарушенія основного закона, какъ-то: заключеніе внутренняго займа безъ согласія Государственной Думы и изданіе ряда законовъ, имѣющихъ характеръ не временныхъ мѣръ, а окончательныхъ актовъ; 3) дѣйствующая система управленія представляетъ подъ предлогомъ борьбы съ анархіей борьбу съ освободительнымъ движеніемъ, терроризированіе населенія и искорененіе зарождающихся началъ права и свободы, причемъ бѣлый терроръ дошелъ до чудовищнаго учрежденія военно-полевыхъ судовъ; 4) правительство не скрываетъ своего покровительства организаціямъ, стремящимся возстановить неограниченное самодержавіе путемъ государственнаго переворота и сѣющимъ съ этой цѣлью вражду и ненависть въ разноплеменномъ населеніи, и, такимъ образомъ, является отвѣтственнымъ за сѣдлецкія событія; 5) вся внутренняя политика запечатлѣна характеромъ мстительности и безпощадной жестокости, проявляющихся, между прочимъ, въ преслѣдованіи бывшихъ членовъ Государственной Думы и въ массовомъ примѣненіи административной ссылки въ мѣстности, гдѣ высланные обречены на медленную голодную смерть; 6) вмѣсто обѣщанныхъ реформъ и осуществленія свободъ, Россія переживаетъ такой произволъ и такія насилія, какихъ она не испытывала въ самыя мрачныя эпохи неограниченнаго самодержавія; 7) отсутствіе всякой возможности прекращенія анархіи и возстановленія мира и порядка

Digitized by Google

при существованіи нынѣшней внѣшней правительственной системы.“ Все это выражено достаточно рѣзко, картинно. Но избиратель, который пожелалъ бы подать голосъ за кадета, напрасно сталъ бы искать здѣсь отвѣта на вопросъ, что же ему сейчасъ дѣлать противъ всего этого?

17-го октября закончился съѣздъ партіи центра государственнаго совѣта. Повидимому, она задавалась цѣлью собрать около себя тѣ элементы, которые не пристали ни къ умѣреннымъ обновленцамъ, ни къ „крайнимъ правымъ“. „Опираясь“ на основные законы, съѣздъ будто бы имѣлъ цѣлью содѣйствовать упроченію въ Россіи „конституціонной монархіи“. Развитіе мѣстнаго самоуправленія, уравненіе въ правахъ крестьянъ, инородцевъ—все это, казалось бы, должно было создать атмосферу „вольномыслія“ на съѣздѣ. Не то оказалось на самомъ дѣлѣ. Съѣздъ съ каждымъ днемъ двигался все болѣе и болѣе въ сторону гг. Стишинскихъ и Гурко. Рѣзко осудивъ послѣднія аграрныя мѣропріятія правительства, они обрушились на Думу, на кадетовъ, выразили сочувствіе военно-полевымъ судамъ и пр. Въ добрый часъ!..

Исторія „адреса русской Государственной Думѣ“ кончилась такъ, какъ ей и слѣдовало кончиться въ военно-полевой Россіи. Въ дѣла Россіи, оказывается, вмѣшиваться безнаказанно можно только съ разрѣшенія г. Грингмута. Вотъ что принужденъ былъ заявить распорядительный комитетъ по пріему англійской депутаціи:

„23-го и 25-го сентября с.-петербургскій комитетъ по устройству пріема англійской депутаціи получилъ отъ лондонскаго комитета телеграммы съ просьбой пересмотрѣть вопросъ о торжественномъ пріемѣ депутаціи, „въ виду ложныхъ толкованій и нападокъ“ такъ же, какъ, „въ виду слуховъ о контръ-демонстраціяхъ и безпорядкахъ, могущихъ возникнуть въ Петербургѣ“. Не будучи въ состояніи, съ своей стороны, гарантировать пріѣзжихъ гостей отъ послѣдствій искусственной агитаціи, с.-петербургскій комитетъ отвѣтилъ въ соотвѣтственномъ смыслѣ. На свой отвѣтъ 26-го сентября комитетъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ секретаря лондонскаго комитета: „Съ глубочайшимъ сожалѣніемъ и разочарованіемъ комитетъ рѣшилъ просить васъ отмѣнить всѣ распоряженія, сдѣланныя для публичнаго пріема депутаціи. Мы глубоко признательны за благородную рѣшимость, съ которой вы дѣлали эти обширныя приготовленія къ пріему, не останавливаясь передъ встрѣченными затрудненіями. Адресъ самъ по себѣ уже встрѣтилъ фактически всеобщее одобреніе и мы надѣялись на возможность принять участіе въ торжественномъ пріемѣ, какъ на способъ публично показать британскія симпатіи русскому народу въ его борьбѣ за конституціонную свободу. Но комитетъ полагалъ, что англичане не должны брать на себя отвѣтственность за вовлеченіе своихъ русскихъ

Digitized by Google

друзей въ возможныя осложненія, такъ какъ полуоффиціальный союзъ русскихъ людей, характеръ котораго хорошо извѣстенъ, грозилъ насильственнымъ протестомъ. Дружба двухъ великихъ націй, имѣющихъ въ прошломъ горькія воспоминанія о напрасно и безсмысленно пролитой крови, была бы много лѣтъ подвергнута опасности, въ случаѣ подобнаго событія. Наши международныя отношенія налагали на насъ обязанность принять эту предосторожность. Память объ адресѣ сохранится надолго послѣ того, какъ инцидентъ этотъ будетъ забытъ, какъ доказательство нашего уваженія и симпатіи, какъ залогъ демократической дружбы, которая приметъ опредѣленную форму, когда Россія выйдетъ свободной изъ страданій настоящаго кризиса. Vive la douma!"

С.-Петербургскій комитетъ отвѣтилъ на эту телеграмму слѣдующимъ образомъ: „Глубоко сожалѣя объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ отсрочку пріѣзда англійской депутаціи, с.-петербургскій комитетъ считаетъ ихъ случайными и выражаетъ твердую увѣренность, что отсрочка будетъ только временной. Многочисленныя привѣтствія, присылаемыя со всѣхъ сторонъ, несмотря на отсрочку, показываютъ, что англійскій адресъ вызвалъ повсюду самое горячее сочувствіе и оказалъ значительную услугу укрѣпленію дружбы между обѣими націями. Истинный смыслъ благородной британской иниціативы вполнѣ понятъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и комитетъ надѣется, что въ самомъ скоромъ времени русскій народъ черезъ своихъ представителей получитъ возможность торжественно заявить о своихъ дѣйствительныхъ чувствахъ къ британскому народу".

Къ 18-му октября „Товарищъ" опубликовалъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія за годъ: 1) о лицахъ, физически пострадавшихъ отъ погромовъ, усмиреній, столкновеній съ войсками, полиціей и пр.; 2) о лицахъ, казненныхъ по приговорамъ суда, карательными экспедиціями и т. д. Приводимъ ихъ.

Мѣсяцы.	Число пострад. отъ погромовъ, столкновеній и т. под.	Казнено по суду и безъ суда.
Октябрь	11,004	—
Ноябрь	506	—
Декабрь	6,909	378
Январь	505	386
Февраль	136	295
Мартъ	64	160
Апрѣль	368	9
Май	212	10
Іюнь	805	7
Іюль	901	9
Августъ	589	64
Сентябрь	722	195

Всего за годъ (съ октября 1905 года по сентябрь 1906 года) пострадало физически отъ погромовъ, возстаній, столкновеній—22,721 человѣкъ; казнено — 1,513 человѣкъ.

Digitized by Google

Въ слѣдующей таблицѣ сгруппированы газетныя извѣстія о числѣ лицъ, приговоренныхъ судомъ къ каторгѣ за разнаго рода политическія преступленія (не считая аграрныхъ).

Мѣсяцы.	Число приговоренныхъ къ каторгѣ.	Въ общей сложности на... лѣтъ каторги.
Октябрь	—	—
Ноябрь	—	—
Декабрь	—	—
Январь	85	927
Февраль	89	1,173
Мартъ	132	1,454
Апрѣль	87	1,003
Май	34	322
Іюнь	70	396
Іюль	115	380
Августъ	194	1,300
Сентябрь	45	183
Всего	851	7,138

Положеніе прессы въ текущемъ году характеризуется слѣдующими данными, въ свое время зарегистрированными въ печати:

Мѣсяцы.	Пріостановлено газетъ и журналовъ.	Предано суду редакт. період. изданій.
Октябрь	3	3
Ноябрь	22	18
Декабрь	42	36
Январь	58	128
Февраль	34	50
Мартъ	97	82
Апрѣль	31	42
Май	49	72
Іюнь	64	90
Іюль	56	49
Августъ	39	32
Сентябрь	28	45
Всего	523	647

На исключительномъ положеніи въ истекшемъ году было объявлено:

	Губ. и обл. цѣликомъ.	Губ. и област. частью.
На осадномъ положеніи	—	1
„ военномъ „	14	18
„ полож. о чрезвыч. охр.	3	8
„ полож. объ усил. охр.	14	19
Всего на искл. пол.	31	46

Л. Клейнбортъ.

Редакторъ **В. Молчановъ**. Издатель **А. Острогорскій**.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются

СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

„Библіотеки Юнаго Читателя“:

На крестахъ. Повѣсть изъ временъ введенія христіанства въ Литвѣ *С. Минцлова.* Ц. 30 к.

Вольные дни Великаго Новгорода. Повѣсть *В. Окса.* Ц. 25 к.

Подъ знаменемъ башмака. (Крестьянская война въ Германіи). Повѣсть А. Алтаева. Съ рис. Ц. 50 к.

Во славу Божію! Историч. повѣсть Іензена. Ц. 15 к.

Пѣвецъ и мученикъ свободы (Рылѣевъ). С. Русовой. Ц. 5 к.

Поборница справедливости (Э. Оржешко). Е. Колтоновской. Ц. 5 к.

Небесная имперія и ея обитатели. 2-ое изд. *Э. Пименовой.* Съ рис. Ц. 25 к.

Эринэ — Изумрудный островъ (Ирландія). *Э. Пименовой* Съ рисунк. Ц. 20 к.

Въ рѣкахъ и прудахъ. *М. Сабининой.* Съ рис. Ц. 15 к.

Джекъ, король Таллакскій. Разсказъ Э. Семонъ-Томисона. Съ рис. Ц. 15 к.

Долой оружіе! Романъ Б. Зуттнеръ. 4-ое изд. Ц. 15 к.

Изъ жизни уличнаго мальчика. П. Теллье. Ц. 5 к.

Среди дикарей. Біограф. разсказъ В. Окса. Ц. 15 к.

Исторія молодой жизни. Романъ Отто Эрнста. Съ нѣмецк. Ц. 20 к.

Джонъ Хамираксъ. Повѣсть Крэкъ Съ англ. Ц. 20 к.

Францискъ Пизарро и завоеваніе Перу. Съ рис. Ц. 20 к.

Главный складъ изданій при редакціи „Юнаго Читателя“—**СПБ., Б. Пушкарская, 61.**

Выписывающіе изъ склада на сумму не менѣе 2 руб. за пересылку не платятъ.

Подробный иллюстриров. катал. высылается по требованію безплатно.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Digitized by Google

Digitized by Google